

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 29

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«НАУКА»

2004

УДК 82/821.0

ББК 83

В 81

Редколлегия:

**чл.-кор. РАН Н. Н. СКАТОВ,
Ю. М. ПРОЗОРОВ, В. П. СТАРК**

Ответственный редактор В. П. Старк

Рецензенты:

Н. Н. Акимова, Р. В. Иезуитова

ISBN 5-02-026982-4

© Российская Академия наук и издательство «Наука»,
серия «Временник Пушкинской комиссии»
(разработка, оформление), 1962 (год основания),
2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий выпуск «Временника Пушкинской комиссии» (двадцать девятый) сохраняет традиционную структуру данного издания и продолжает разработку отдельных тем и проблем пушкиноведения, ставя своей главной задачей подготовку материалов для нового Полного собрания сочинений А. С. Пушкина.

Первый раздел «Материалы и сообщения» открывается статьей Е. А. Вилька «„Медный Всадник“ и поэма Пушкина „Вадим“: Взаимосвязь замыслов». Свои наблюдения и интерпретации произведений Пушкина дают В. Е. Ветловская по поводу маленькой трагедии «Скупой рыцарь» и Н. Д. Кочеткова в связи со «Сказкой о золотом петушке». Неожиданный слой ассоциаций в нескольких произведениях Пушкина, связанный с Мартином Лютером и его портретный рисунок, выполненный поэтом, представляет статья В. П. Старка.

Раздел «Обзоры» содержит традиционную публикацию аннотированного указателя пушкиноведческой литературы за 1996 г. В тот период, когда «Временник» не выходил, эти указатели за 1990—1994 гг. печатались в издании «Пушкин и его современники» (вып. 1—3), за что редколлегия «Временника» приносит свою благодарность его редакции. С. В. Денисенко в том же разделе дает обзор театральных постановок по сюжетам Пушкина с 1850-х по 1870-е гг., чем продолжает подобный обзор прижизненных постановок (см.: «Пушкин и его современники». Вып. 3). Впервые в данном разделе под одной рубрикой «По метрическим книгам Санкт-Петербургской епархии» помещаются новые материалы С. И. Афанасьева «Окружение Пушкина», содержащие уточняющие данные относительно дат жизни знаковых поэта и его родных, а также документы о венчании Ж. Дантеса и Е. Н. Гончаровой, публикуемые И. В. Васильевой. В дальнейшем намечается продолжение издания подобных материалов.

Раздел «Заметки» включает в себя разнообразный материал, прежде всего посвященный комментированию текстов Пушкина. Об источниках и смысле стихотворения «Земля и море» пишет С. А. Кибальник, о стихотворении «Сводня грустно за столом...» Н. И. Михайлова. К комментарию романа «Евгений

Онегин» добавляет свои новые наблюдения В. М. Есипов. Вячеслав Карцовник прослеживает в романе отзвук литургики, конечно же питавшей творчество поэта.

Н. Л. Вершинина обращает внимание на поэтику прозы Пушкина 1830-х гг. О запрещении журнала «Европеец», реакции на него в литературных кругах пишет С. В. Березкина. К давнему спору о принадлежности поэту заметок о трудах К. И. Арсеньева возвращает нас Н. Е. Мясоедова, давая подробный портрет известного ученого и знакомого Пушкина. В разных аспектах о лицах пушкинского окружения говорится в заметках М. Альтшуллера о А. С. Шишкове, П. В. Ильина о Матюшкине, Н. С. Новикова о двоюродных дедах поэта Ганнибалах. Н. С. Новикову удалось отыскать материал о последних годах жизни Исаака А. Ганнибала, установить до того спорную дату его кончины и место погребения. Новый документальный материал о предках поэта представляют Н. К. Телетова и И. В. Васильева. М. М. Сафонов по-своему ставит точку в споре о подстроенном И. Г. Полетикой свидании Н. Н. Пушкиной с Ж. Дантесом. Установлению облика и местонахождения домов, с которыми был связан Пушкин в Пскове (дом губернатора Б. А. Адеркаса) и неожиданному уточнению расположения дома Жадимировского в Петербурге, где жил поэт, посвящены заметки Н. Ф. Левина и А. Ю. Малахеевой. А. В. Дубровский продолжает серию заметок «Мнимый Пушкин», на этот раз о политических эпиграммах, ему приписывавшихся. Замыкает раздел публикация А. Д. Гдалиным и М. Р. Ивановой документов по поводу установки памятника на могиле Пушкина.

Отдел «Хроника» ограничен сообщением об установлении мемориальной доски на доме, где жил Пушкин по окончании Лицея, — новоустановленный адрес в 2003 г. Сообщения о жизни пушкинских музеев после празднования 200-летия со дня рождения поэта решено опубликовать в следующем выпуске.

Все цитаты из Пушкина, если цитируемое издание не оговаривается особо, даются по Полному собранию сочинений (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1949. Т. I—XVI). При ссылках на это издание римская цифра означает номер тома, арабская — номер страницы (дополнительный «справочный» том, вышедший в 1959 г., обозначается как том XVII). Ссылки на автографы Пушкина, хранящиеся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, даются сокращенно: ПД (т. е. Рукописный отдел Пушкинского Дома), далее указываются фонд и номер описи (ф. 244, оп. 1), затем номер единицы хранения и в случае необходимости — соответствующий лист рукописи.

І. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Е. А. ВИЛЬК

«МЕДНЫЙ ВСАДНИК» И ПОЭМА ПУШКИНА «ВАДИМ»: ВЗАИМОСВЯЗЬ ЗАМЫСЛОВ

Генеалогия «Медного Всадника» не раз служила предметом специальных исследований. И каждая новая находка в области источников и поэтических принципов, унаследованных им от предшествующих жанров и типов литературы, безусловно расширяет горизонты понимания «петербургской повести», одного из самых «таинственных» и многозначных произведений поэта. Среди конкретных источников и литературных традиций, привлекавших в этой связи пристальное внимание, — эпическая поэма и романтическая новелла, торжественная ода и устный городской анекдот, документальная журнальная статья и литературное эссе, такое как «Прогулка в Академию художеств» К. Н. Батюшкова. Этот список хотелось бы расширить еще одним произведением — ранней пушкинской поэмой «Вадим» (1822), и вместе с этим поднять проблему байронической поэмы и ее специфической эволюции как жанрового истока «Медного Всадника». Вместе с введением нового источника неизбежно смещается и угол зрения на пушкинскую поэму и на соотношение преломившихся в ней литературных традиций. Ввиду этого предлагаемая статья включает два раздела, посвященных соответственно поэме «Вадим» и связанной с ней историко-литературной проблематике и особенностям поэтики «Медного Всадника», более отчетливо выступающим в этой связи.

І

Полный текст первой песни поэмы «Вадим» был найден и опубликован, как известно, только в 1941 г.¹ Над замыслом поэмы Пушкин работал в 1822 г. От того же времени сохранился

¹ Пушкин — родоначальник новой русской литературы. ¹Литературный современник. 1937. № 3. С. 210.

драматизированный диалог Вадима и его соратника Рогдая, относящийся, вероятно, к трагедии на тот же сюжет. Некоторые контуры сюжета поэмы (или трагедии) «Вадим» могут быть восстановлены по наброскам плана, сохранившимся в черновике.²

Согласно плану, Вадим прибывает из дальних краев в Новгород, власть в котором перешла к тому времени от «свободных граждан» к призванному ими варяжскому князю Рюрику. Вадим, верный республиканским заветам, замышляет восстание. Ему противостоит не только Рюрик, но и новгородец Громвал, «друг детства» Вадима, перешедший на сторону варягов. Политическая коллизия переплетается с любовной: Рогнеда, возлюбленная Вадима и дочь (по другому варианту плана, по-видимому, невеста) Рюрика, отдала свое сердце Громвалу. Так или иначе, все эти наброски обширного сюжета остались нереализованными. Творческий импульс оказался исчерпанным первым эпизодом плана, практически посторонним по отношению к центральному сюжету — восстанию верного республиканца. Этот эпизод — прибытие Вадима из дальних краев на «русский берег» Финского залива. Фигура Вадима предстает здесь предельно статично, окруженная таинственным ореолом снов и грез, открывающих его прошлое и трагически-мрачные картины будущего. Герой, собственно, даже не назван по имени. Рядом с ним помещен еще один персонаж — старик рыбак, судя по контексту, финн (поскольку его молодой спутник настойчиво именуется славянином). Самый загадочный мотив поэмы — конфликт между юношей-славянином и рыбаком. В черновом плане поэмы рыбаку были приписаны откровенно агрессивные намерения по отношению к Вадиму: «рыбак хочет его убить» (IV, 370). В тексте первой песни столь откровенного выражения этот конфликт не приобретает — он не приводит к каким-либо враждебным действиям, неясны и его мотивы. Только во сне рыбак переживает страшную грозу, несущую ему гибель, и каким-то таинственным образом с этой грозой связан, очевидно, его спутник, «юный лик» которого во сне «пылает гневом».

² Об источниках и истории замысла пушкинского «Вадима» см.: *Luebke Chr. Novgorod in der russischen Literatur (bis zu den Dekabristen)* // *Giessener Abhandlungen zur Agrar. und Wirtschaftsforschung des europaischen Ostens*. Bd 130. Berlin, 1984; *Кошелев В. А.* Пушкин и легенда о Вадиме Новгородском // *Литература и история*. СПб., 1997. Вып. 2. С. 93—109; *Вильк Е. А.* Замыслы трагедий Пушкина и Грибоедова 1820-х гг.: Проблема общего литературного контекста // *Грибоедов и Пушкин: Хмелитский сборник*. Смоленск, 2000. Вып. 2. С. 48—64.

Несмотря на завершенность по крайней мере первой песни поэмы, Пушкин не дал ей ходу, ознакомив с нею лишь очень ограниченный круг друзей. Из всех «южных поэм» «Вадим», видимо, менее всего удовлетворял автора, оставившего замысел и не пожелавшего опубликовать хотя бы фрагмент его, подобно тому как был опубликован в 1825 г. фрагмент «Братьев разбойников». Впрочем, отказ если не от самого замысла, то от публикации диктовался, вероятно, и ожидаемыми цензурными препятствиями. Сюжет в закрепившейся за ним благодаря опальной пьесе Я. Б. Княжнина трактовке неизбежно выводил на «опасные» революционно-республиканские темы, и если в первой песни они звучат еще весьма глухо, то в дальнейшем несомненно должны были попасть в центр внимания — ср. фрагменты планов: «Рюрик и Громвал — презрение к народу самовластья. Громвал его защищает», «Заговорщики собираются — клянутся умереть за свободу Новгорода», «Пьют здоровье Рюрика (...) Вадим не пьет — почему. Пьет здоровье верных граждан и новгородцев» (IV, 371).³

Публикация фрагмента поэмы по одному из списков явилась, следует полагать, полной неожиданностью для поэта. В 1827 г. в альманахе «Памятник отечественных муз» издатель Б. Федоров без ведома Пушкина поместил отрывок из первой песни под характерным названием «Сон (Отрывок из Новгородской Повести «Вадим»)». Отрывок включал только сон славянина. Обнародование давнего произведения задевало не только авторское право поэта, но и явно было для Пушкина, в это время энергично демонстрировавшего лояльность к новому царствованию, крайне неуместным с точки зрения политической репутации. Поэт не мог не откликнуться на эту «пиратскую публикацию» и поместил в «Московском вестнике» более обширный фрагмент первой песни под заглавием «Отрывок из неоконченной поэмы (писано в 1822 году)». При этом он исключил из поэмы не только «опасное» заглавие, но и вообще все, что указывало на сюжет восстания Вадима: упоминания Новгорода, новгородской мертвой девы и даже такие риторические пассажи, как «предмет великий, роковой // Немые чувства в нем объемлет», читавшиеся как политиче-

³ О революционно-декабристском контексте пушкинского «Вадима» см. Томашевский Б. В. Пушкин. М., 1990. Т. 2. С. 62—69. В статье Р. Ф. Редина политическая трактовка «Вадима» дополняется замечанием (на основе диалога Вадима и Рогдая) о выработке поэтом художественной концепции «мнения народного», превосходящей отчасти «Бориса Годунова» (Редина Р. Ф. «Отказавшись от ранней своей манеры...»: От «Вадима» к «Борису Годунову») // Московский пушкинист. М., 1995. Вып. 1. С. 8—13.

ское иносказание. В этом виде «Отрывок» был включен и в «Стихотворения Александра Пушкина» (СПб., 1829, Ч. 1. С. 158), получив теперь все «гражданские права» в литературном мире.

Среди пушкинских «южных поэм» «Вадим» менее всех привлек внимание читателей, критиков и исследователей. Виною этому явно краткость и невнятность его сюжета в опубликованном Пушкиным варианте; с другой стороны, уже после публикации в XX в. планов поэмы и полного варианта первой песни, после подробных исследований жанровой специфики «южных поэм» в целом, невольно возникает впечатление «байроновской типологичности» «Вадима», недостаточной развитости в нем новаторского элемента. К художественным и жанровым особенностям «Вадима» имеет смысл в связи с этим присмотреться более внимательно.

О том, как шла работа над «Вадимом», мы можем судить по весьма неожиданному свидетельству самого Пушкина, не привлекавшему ранее внимания с этой точки зрения. Речь идет о признании вымышленного автора «Истории села Горюхина» (1830), двойника Ивана Петровича Белкина: «Все роды поэзии ⟨...⟩ были мною разобраны, оценены, и я непременно решился на эпическую поэму, почерпнутую из отечественной истории. Недолго искал я себе героя. Я выбрал Рюрика — и принялся за работу. ⟨...⟩ Несмотря на то поэма моя подвигалась медленно, и я бросил ее на третьем стихе. Я думал, что эпический род не мой род, и начал трагедию Рюрик. Трагедия не пошла. Я попробовал обратить ее в балладу — но и баллада как-то мне не давалась. Наконец вдохновение озарило меня, я начал и благополучно окончил надпись к портрету Рюрика» (VIII, 131). Сюжет о Рюрике, упоминаемый здесь, — наверняка, конфликт Рюрика и Вадима, расхожий сюжет, воспринятый комичным литератором-дилетантом. Поэма, остановившаяся на трех первых строчках, и порыв вдохновения, которого хватило только на «надпись к портрету», — это, конечно, прием иронической характеристики героя. Но сквозь иронию проглядывает легкая самоирония, ибо, если убрать нарочитые преуменьшения сделанного, перед нами — достаточно точный отчет об аналогичном пушкинском замысле. Автобиографические черты не должны удивлять в этом прозаическом отрывке. В том же тексте можно указать и на другой явно автобиографический фрагмент — описание возвращения в деревню и обмена с дворовыми бабами наивно-бесцеремонными репликами о возрасте (ср. письмо с описанием приезда в Михайловское). Да и сам образ Белкина, задуманный как литературная мистификация, неволь-

но провоцировал к смешению черт реального автора с приметами воображаемого персонажа.

В этом контексте к «творческому отчету» о работе над поэмой «Рюрик» следует отнестись внимательно: за ироническим и тоном, и нарочитыми преуменьшениями мы можем видеть этапы работы над реальным замыслом, смысл одних из них при этом очевиден и хорошо согласуется с черновиками — поэма и трагедия,⁴ других — баллада и надпись к портрету — требует специального комментария.

Баллада в то время означала лирическую новеллу с таинственными мистическими персонажами, с вторжением в реальность роковых потусторонних сил. Действительно, первая песнь, и особенно в последней пушкинской редакции, насыщена балладными мотивами: простого рыбака сопровождает таинственный спутник-воин, путники останавливаются на ночлег в зловещем месте, во сне рыбаку открывается роковое предназначение. И сама эволюция текста от белого автографа к варианту «Московского вестника» выглядит как отсечение собственно поэзных элементов и усиление балладных. Вместе с тем и слова о «надписи к портрету» имеют свое основание, хотя, конечно, и не буквальное соответствие. Таинственными балладными чертами написан статичный портрет персонажа, не Рюрика, но Вадима. Поэма остановлена на статике показа героя. Именно этим был исчерпан потенциал первоначального замысла.

Важнейшие источники и жанровые ориентиры поэм Пушкина времен его южной ссылки, в том числе и «Вадима», хорошо известны — это «восточные поэмы» Байрона. В фундаментальном труде В. М. Жирмунского «Байрон и Пушкин» скрупулезно перечислены и исследованы мотивы байронических поэм и их общие композиционные приемы, положенные в основу «Вадима».⁵ И все же упоминание Пушкина о балладе не противоречит байроновским жанровым истокам «Вадима», но, скорее, может углубить и уточнить наше понимание пушкинского байронизма.

«Лирическая поэма Байрона, — отмечал В. М. Жирмунский, — имеет свою историю (...). Через поэму-балладу Валь-

⁴ В. А. Кошелев считает, что драматический фрагмент относится все к той же поэме «Вадим» и говорить о трагедии нет оснований (*Кошелев В. А.* Пушкин и легенда о Вадиме Новгородском. С. 93—109), что, на наш взгляд, не вполне убедительно ввиду специфической поэтики пушкинского отрывка, обнаруживающей тесную связь с трагедией «Вадим» Я. Б. Княжнина и русской трагедией XVIII в. в целом (см.: *Вильк Е. А.* Замыслы трагедий Пушкина и Грибоедова... С. 48—64).

⁵ *Жирмунский В. М.* Байрон и Пушкин. Л., 1978. С. 179.

тера Скотта («Песнь последнего менестреля», 1805; «Мармион», 1808; «Госпожа озера», 1810) и лирическую поэму Кольриджа («Кристалль», 1798—1800) она восходит к народной английской балладе исторического или романического содержания, рецепция которой составляет важнейшее событие в истории английской (как и немецкой) поэзии во второй половине XVIII и в начале XIX в.»⁶ Именно из баллады пришли композиционные, тематические и фабульные особенности байронической поэмы, выделенные и проанализированные Жирмунским: «Внезапный зачин, отрывочность и недосказанность повествования — его „вершинность“, чередование эпического рассказа с драматическим диалогом, традиционные лирические повторения, особенности ритма, с другой стороны — новеллистический сюжет и романическая, „средневековая“ фабула. Таким образом остатки древнего хорового синкретизма народной поэзии в формальном строении баллады (соединение повествовательного сюжета с лирической и драматической обработкой) становятся источниками нового синкретизма, вырастающего на почве романтической поэтики...».⁷ Но если таковы были истоки новой лирической поэмы, то специфическим новаторством Байрона стал шаг в сторону от балладной специфики: «...он (Байрон) освободил лирическую поэму (...) от связи с балладным средневековьем Кольриджа и Вальтера Скотта, из которого она возникла исторически; но вместо этого создал свою особую обстановку действия — экзотические картины Востока, его природы и обитателей и соответствующую этой обстановке романтическую фабулу — битвы, похищения, переодевания, нападения разбойников и т. п.».⁸

«Южные поэмы» Пушкина — «Кавказский пленник», «Братья разбойники», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы» — впитали в себя именно эту байроновскую специфику, определившуюся в «восточных поэмах». То же можно сказать, разумеется, и о «Вадиме». И вместе с тем в поэмах Пушкина сразу же проявились особенности его дарования и его творческих исканий, приведших в конце концов к выходу из системы жанровых доминант Байрона. Имеется в виду нарушение, по определению Жирмунского, «художественного единодержавия байронического героя». Художественно полноправными становятся и другие персонажи, отвергается демонический пафос исключительной индивидуальности. Вместе с тем в балладную по

⁶ Там же. С. 30.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 31.

происхождению композицию поэмы с разорванной сюжетной линией, состоящей из «вершинных» эпизодов сюжета, вторгаются эпические принципы плавного течения действия, и вместе с эпическими принципами привносится эпическая точка зрения, подключающая события поэмы ко времени «большой истории». Все это дает перспективу развития жанра поэмы от «южных» — к «Полтаве», «Тазиту»; в этой же перспективе, по мнению Жирмунского, могут быть рассмотрены и фрагментарно исполненные замыслы Пушкина 1825—1835 гг. «Клеопатра», «Альфонс садится на коня...», «Родриг», «Когда владыка ассирийский». От романтической новеллы, положенной в основу «южных поэм» по образцу «восточных поэм» Байрона, путь вел, таким образом, к историческому преданию в основе поэмы с соответствующим изменением композиционного и фабульного строения и сменой авторской точки зрения.

Таково общепризнанное представление об эволюции поэмой поэтики Пушкина. От скрыто присутствовавшей в самом строе байроновской поэмы баллады он в соответствии с этим отделился еще более, встав на путь исторического эпоса. Однако кроме этого «магистрального» пути развития и преодоления байроновской поэтики можно, как представляется, выделить еще один, намеченный в «Вадиме» и в полной мере реализовавшийся в «Медном Всаднике». Связан он как раз с противоположно направленным творческим поиском: от байроновской поэмы вглубь, к народной балладе и ее архаическим истокам. В этом отношении не случайно «Вадим» — наиболее обойденная исследовательским вниманием (в том числе и вниманием Жирмунского, который уделяет ей несравненно меньше места, нежели другим произведениям) поэма Пушкина. Ее «типовая» в ряду «южных поэм» байроничность скрывает во многом иные тенденции.

«Вадим» — единственный из замыслов Пушкина этого периода, действие которого развивается не в окружении пространственно удаленной от «своего» мира этнографической экзотики (как в «восточных поэмах» Байрона), но в обстановке национального средневековья или, точнее, национальной языческой древности, на пороге средневековья. Архаическая обстановка действия вольно или невольно повлияла и на поэтику, в которой можно обнаружить тенденции, едва ли не противоположные иным байроническим поэмам Пушкина.

Пушкинские пути выхода из «байронического солипсизма», отмеченные Жирмунским в «южных поэмах», сводятся в целом к следующим. 1) «Пушкин уничтожает художественное единодержавие байронического героя в развитии основной сюжетной схемы. В связи с этим ослабевает внимание к внешности героя,

его эффектным жестам и позам, и уменьшается значение прямой характеристики героя...». 2) «Героиня становится активным фактором в развитии действия; поэт заинтересован ее самостоятельным душевным миром». 3) «Особое значение приобретает внешняя обстановка; описание природы и этнографические картины из несамостоятельной композиционной роли вступления превращаются в самодовлеющие элементы поэтического целого». 4) «Развивается повествовательный элемент, рассказ, объединяющий композиционные вершины и несколько ослабляющий обособленность их». 5) «Лирические отступления, сентенциозные обобщения и прямые рассуждения автора из самой поэмы переносятся в особый эпилог».⁹ Знаменательно, что практически ни одно из этих положений не оправдывается по отношению к «Вадиму», если судить о нем, конечно, по написанной полностью и исчерпавшей творческий импульс первой песне, а не по не осуществленному черновому плану. Действительно, внешность героя (Вадима) подчеркнута, его утрированно романтические позы и жесты в данном случае выпячены; героиня как определенная личность отсутствует; внешняя обстановка действия не приобретает самодовлеющий характер, но связана исключительно с чувствами героев (Вадима и рыбака) и тайными, невидимыми пружинами сюжета; загадочность, обособленность события явно превалирует над логической связью — цель и смысл прибытия юного героя так и остаются непроясненными; отсутствие эпилога в данном случае, вероятно, подчеркивать излишне. Особенно важна для нас плотная атмосфера тайны с мистическими оттенками (сон рыбака), нехарактерная для остальных «южных поэм» и снова возвращающая нас к Байрону.

«Вадим» оказывается ближе к поэмам Байрона, чем иные «южные поэмы» Пушкина. Герой снова приобретает загадочную и мрачную уединенность. Пушкин, по меткому определению Жирмунского, перевел героев иных своих поэм из «демонического» плана, свойственного Байрону, «обратно в человеческий мир».¹⁰ Байроновскому герою присуща таинственность, подсвеченная inferнальным светом, он непосредственно «в родстве» с отрекшимся от Бога и восставшим Духом. В таких образах, как Каин, Лара и Манфред, это приобретает буквальную очевидность. Пушкинский же герой большинства «южных поэм» — человек, «зараженный» байронической болезнью гордыни, своеволия, презрения к жизни, скепсиса, но не демон,

⁹ Там же. С. 181.

¹⁰ Там же. С. 160.

противопоставленный всему человеческому роду. В «Вадиме» ситуация меняется. Конечно, и здесь юный славянин и его неожиданно возникший противник, старик рыбак, суть персонажи земного, человеческого мира, которым приданы пусть условные, но вполне различимые особенности этнографического, социального и психологического плана. Но все же человеческий облик героев здесь «прозрачен», за ним открываются мифологические стихии миропорядка.¹¹

Вторжение их специально мотивировано «сном». «Сны» героев составляют центральную часть фрагмента поэмы.¹² Юноше грезятся прошлые битвы и пиры, затем перед ним проходят темные видения будущего, Новгород и мертвая возлюбленная. Старику же в это время снятся привычные картины рыбной ловли в заливе, внезапно сменяющиеся катастрофой: «Но туча виснет; дальний гром // Над звучной бездною грохочет, // И вот пучина под челном кипит, подьмется, клочечет; <...> // Челнок трещит и — пополам! // Рыбак идет на дно морское...» (IV, 142). Очевидно, сон старого рыбака, как и сон юного славянина, пророческий, и «гром» и буря на море — метафора бури в мире человеческом, связанной с его загадочным спутником. Пробудясь от страшного сна, рыбак будит юного славянина, в то время как видения последнего исполнены гнева и тяжелой страсти: «...славянин еще на мшистом камне дремлет, // Пылает гневом гордый лик, // И сонный движется язык. // Со стоном камень он объекает...» (XVII, 38). Таинственный гнев юного воина словно продолжает ту грозу, которую только что пережил в своем сне старик. Благодаря мотиву «бури» вводится тема запредельных, божественных сил, с которыми связаны герои.

¹¹ Отличия поэтики «Вадима» от остальных «южных поэм» замечены исследователями только в последнее время. См.: *Проскурин О. А. Поэзия Пушкина, или подвижный палимпсест*. М., 1999. С. 122—125. Особенности «Вадима» были поняты при этом как отказ поэта от байронической поэтики: «Сохранившаяся часть поэмы говорит о том, что Пушкин намеревался решить свой замысел вне всякого „байронизма“, в духе „оссианической“ поэмы с северным колоритом. Стилистическим ориентиром для него при этом оказывались „оссианические“ переводы и вариации Батюшкова» (С. 122). О принципиальной ориентации на поэтику Байрона достаточно свидетельствуют байроновские мотивы «Вадима», суммированные Жирмунским, на которого О. А. Проскурин не ссылается. Между тем оссианические элементы восходят все к тем же элементам английской (шотландской) народной баллады, что и поэмы Байрона. Батюшковский «оссианизм», интегрированный Пушкиным, позволяет, таким образом, еще отчетливее понять смысл и путь балладной «архаизации» поэмы.

¹² Сон рыбака, как замечено О. А. Проскуриным, восходит к оссианической поэме Парни в переводе Батюшкова «Иснель и Аслега» (*Проскурин О. А. Поэзия Пушкина... С. 124—125*).

Действительно, родство героя с бурей — один из устойчивых мотивов байронической поэмы, открывающий не только страстную, могучую и непокорную природу центрального героя, но и его превосходство над слабым человеческим родом, мотив, скрыто и явно подчеркивающий сверхчеловечность, демоничность персонажа. О байроновском Ларе сказано: «...буря в сердце его была сильнее, чем буря в природе; он мог взирать на нее с презрением»; Конрад «...прислушивался к шумящей глубине морской... И в диком сердце его рождались желания еще более дикие, пробужденные голосом родной стихии»; сам поэт в «Чайльд Гарольде» обращался к бурной природе: «О, дивная ночь!.. дай мне быть соучастником твоего грозного вдохновения, сделаться частью бури и тебя».¹³

Пушкинский Вадим подобен байроновским героям, сроднившимся с бурей. Однако демоническое начало, отсылающее к абсолюту и монотеистическому космосу, здесь выступает в сильно измененном виде, сквозь него проступают контуры политеистической языческой системы миропорядка. Не случайно вслед за эпизодом страшного сна в речи рыбака поминается весь пантеон славянской мифологии: «Да сохранит тебя Перун, // Родитель бури, царь полнощный, // И Световид, и Ладо мощный» (XVII, 38). Ближе всего Вадиму акцентированный в этом перечне Перун — бог-громовник. Следует обратить в этой связи особое внимание и на место действия первой песни поэмы. Речь идет о «русском берегу» «Варяжского моря», где-то недалеко от дельты Невы («светлая река», увлекающая рыбака к заливу в его сне, — это, конечно, Нева); подтверждением этому служит и пункт черного плана, следующий после расставания Вадима с рыбаком — «Нева» (IV, 370). Иначе говоря, имеется в виду прапетербургское пространство. Описания «сурового края» с «громадой скал», где скалы «езде хранят клеймо громов», — дань, с одной стороны, общеромантической традиции бурного пейзажа и вместе с тем специфической финской романтической архаике, культ которой начал развиваться в русской литературе. Природа Финляндии рисовалась романтиками как мрачная и пустынная и приводила на память образы скандинавской мифологии. «Сии страшные явления, — писал Батюшков в «Отрывке из писем русского офицера о Финляндии», где рисовал образ бури в финляндской «пустыне», — напоминают мне мрачную мифологию скандина-

¹³ Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. С. 153. Ср. тот же мотив родства с бурной стихией, перенесенный Пушкиным на самого Байрона в стихотворении «К морю».

вов, которым божество являлось почти всегда в гневе, карающим слабое человечество».¹⁴ Эти мифологические ассоциации явно определяют и поэтику пушкинской поэмы о Вадиме с «грозовым сном» рыбака. Думается, здесь можно пойти и дальше. Прапетербургское пространство действия наводит на мысль о самой знаменитой петербургской реликвии языческой финской старины — Гром-камне, привезенном из Лахты для памятника Петру. Славянин с «пылающим гневом ликом», объемлющий «мшистый камень», вокруг которого скалы «хранят клеймо громов», герой, которого его спутник благословляет именем Перуна-громовержца, — не на Гром-камне ли заснул он? В этом случае гром и буря, наступающие рыбака в его сонном видении, получают еще более определенную связь с юным героем, а этот последний еще более явно вводится в мифологический контекст, и литературный, и топографический.

Поэт делает шаг навстречу Байрону, но... возвращается при этом назад, вглубь традиции, к прототипу байроновской поэмы: из демонического плана полярностей добра и зла, абсолютной бесчинной свободы и подчинения божественному миропорядку он уходит к иному таинству, к первичному «языческому» могуществу божественного героя.

Этот мифологический аспект персонажей не следует, конечно, преувеличивать. «Таинственное» служит прежде всего скрытой метафорой будущей социальной коллизии. Перед нами конфликт «естественного человека» и героя могучей воли и могучих страстей, вторгающегося в бытие «естественного человека» и разрушающего его гармонический мир: коллизия, в которой получили отражение не только специфически байроновский образ демонического героя, но и философская концепция «естественного человека», взлелеянная веком Просвещения. Эти персонажи и конфликт между ними хорошо узнаваемы в ряду соседних с «Вадимом» поэзных замыслов — «Братья разбойники» (1821—1822) и «Цыганы» (1824), в которых могучий герой противопоставлен старику. Особенно отчетливо это просматривается в «Цыганах», где в уста старика-цыгана вложена философия «естественного человека». В соответствии с приводившимся выше замечанием Жирмунского байронический демонизм приобретает здесь определенную философско-психологическую проекцию. Особый тип, модус этой коллизии намечен и в поэме «Вадим». Буря, пугающая во сне рыбака и соотносимая с внутренней бурей Вадима, — это, безусловно, метафора бури в мире людей, которая должна разразиться вскоре,

¹⁴ Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1977. С. 96.

когда Вадим достигнет своей цели, и раскаты которой, по-видимому, грозят уничтожить и мирного рыбака. Речь может идти здесь о мифе только как о метафоре, но не о непосредственной мифологической поэтике: юный славянин Вадим — никак не бог-громовник и не «гений места», но герой-человек, идеализированный человек с «человеческим» комплексом мыслей, поступков и бытовых, или, точнее, условно-литературных жестов.¹⁵ Как представитель городской цивилизации и возросшей в ней мятежной гордыни он противопоставлен «естественному человеку», живущему ритмами природы, и в конце концов становится для него смертельной угрозой.

Однако метафоризация сгущена, реалистическая составляющая коллизии, обосновывающая метафору, до конца не выявлена. Контекст же коллизии — место действия — Финляндия — и его специфический локус — прапетербургское пространство, время действия — языческая древность — уводит к иному образному ряду, в котором метафора оживает в своей непосредственной мифологической данности. Этому способствует и подразумеваемая этническая принадлежность старого рыбака к финнам. Магико-языческая трактовка Финляндии была подхвачена Пушкиным еще в «Руслане и Людмиле». Старый рыбак-финн, вещей душе которого открывается будущее, и юноша — герой-славянин оказываются неожиданной проекцией образов Руслана и старого колдуна-финна. В признании последнего — «Но слушай: в родине моей // Между пустынных рыбаей // Наука дивная таится. // Под кровом вечной тишины, // Среди лесов, в глуши далекой // Живут седые колдуны...» (IV, 17) — непременно пустынный и мрачный пейзаж Финляндии и населяющие его рыбаки непосредственно соприкасаются с магической мудростью. За коллизией романтической психологии начинают вырисовываться некие мифологические персонажи. Статика персонажей, их активность, реализующаяся только во сне, поддерживают этот таинственный мифологический аккомпанемент действия.

¹⁵ Среди намечающихся, по-видимому, новых подходов к пушкинскому «Вадиму», появилась и радикально мифологическая трактовка образа рыбака (см.: Рукавичникова В. В. Об одном сюжетном мотиве неоконченной поэмы А. С. Пушкина «Вадим» // *Res philologica*: Учен. зап. филологического ф-та Северодвинского поморского гос. ун-та им. М. В. Ломоносова. Архангельск, 1999. Вып. 1. С. 29—33). Автор связывает этого героя с перевозчиком Хароном в «Энеиде» Вергилия и соответственно сон Вадима — с пребыванием в стране мертвых. Наблюдение, как кажется, не лишено некоторых оснований, но не должно абсолютизироваться: в отличие от не ведающего опасностей и представляющего собой угрозу для смертных Харона пушкинский рыбак как раз сам уязвим и беззащитен перед его спутником и таинственной стихией.

В авторской редакции 1827 г., в которой все приметы специфического сюжета восстания Вадима старательно удалены, уходящая корнями в мифологию таинственность выступила еще более рельефно. Все остановлено, правда, на уровне статической картины, объединяющей балладные элементы без балладного действия и «портреты» героев поэмы без сюжета. Образы фрагмента поэмы восходят к герою-гордецу и «естественному человеку», но символическая насыщенность их уже неадекватна социально-психологической проблематике «южных поэм», хотя и не формирует еще новое устойчивое смысловое единство.

«Вадим» не являет собой новый в пушкинском творчестве тип поэмы. Сильно отличаясь от иных «южных поэм», он представляет собой, скорее, возможность, изначально до конца не реализованную, но лишь отчасти улавливаемую. Возможность эта связана, как мы пытались показать, с модификацией байроновской поэмы, открывающей ее архаические истоки. Выявлению этой тенденции в значительной степени способствует то продолжение, которое она получила в пушкинском творчестве.

II

При жизни Пушкина отрывок из «Вадима» не нашел внимательных читателей, во многом, вероятно, ввиду смутности и неопределенности сюжета «неоконченной поэмы». Точно таким же образом не вызвала читательского интереса и первая публикация фрагмента «Медного Всадника» в 1834 г. — «Вступление», напечатанное под заглавием «Петербург. Отрывок из поэмы». Именно начало «Медного Всадника» обнаруживает при этом мотивы, внутренне близкие к фрагменту поэмы «Вадим», образовавшему самостоятельный усложненно-метафорический комплекс «Отрывка из незаконченной поэмы». Прапетербургское пространство, недвижно стоящий «великий человек», занятый грандиозным замыслом, и рядом с ним «печальный пасынок природы» финский рыбак, между которыми зреет явный и скрытый конфликт, — все это объединяет тексты. Приведем параллели с черновым текстом «Медного Всадника», где они еще более бросаются в глаза: «На берегу *Варяжских* волн // Стоял глубокой думы полн // Великий Петр. Пред ним катилась уединенная река (...) // *Смиранный челн* // На ней качался одиноко»; «Вадим»: «Свод неба мраком обложился; // В волнах *варяжских* лунный луч (...) // Столпом неверным отразился (...) // Один, *смиранный* житель волн, // Гребет и к югу правит челн; // Другой, как волхвом пораженный, *стоит недвижим*

(курсив мой. — Е. В.); на берега // Глаза вперив, не молвит слова» (V, 436).

Можно отметить сразу, что в «Медном Всаднике» мотивы эти не периферийные, не аккомпанемент к основной коллизии, но ее первые аккорды: неявный, но потенциально заложенный конфликт Петра и финского рыбака, смиренного жителя сих мест, служит прологом к основной коллизии поэмы, конфликту Петра и Евгения, еще одного воплощения «естественного человека» уже в недрах петровской цивилизации. «Медный Всадник», конечно, не прямое продолжение, но своего рода инобытие образов «Вадима», или, точнее, поэтического субстрата поэмы, перевод намечавшейся коллизии в иную более высокую тональность, в иной поэтический и онтологический ряд. К этому новому воплощению героев следует внимательно присмотреться.

Генеалогию «Медного Всадника» обычно ведут по двум линиям: высокая ода и эпическая поэма, с одной стороны, бытовая новелла, повесть, с другой. Предполагается, что эпический стиль, сформированный Пушкиным в «Полтаве» «на обломках байронической поэмы», послужил фундаментом для «Медного Всадника». ¹⁶ Наличие и здесь, и там «петровской темы» еще более укрепляет мысль о преемственности. Элементы одического стиля XVIII в., которыми насыщено «Вступление» к поэме, служат как будто бы еще одним подтверждением этой идеи. ¹⁷ Возникает, таким образом, представление, что Пушкин в «Медном Всаднике» создает историческое полотно, контуры «большой истории», в которую вброшен его скромный обыкновенный герой. Такой взгляд на поэму поддерживается и внетекстуальными соображениями: прежде всего настойчивой работой Пушкина над «Историей Петра Великого», различными цитатами из его исторических конспектов о противоречивом образе Петра, применяемыми к Петру на поле поэмы. Столкновение «маленького героя» повести с силами, действующими в «большой истории», определяет соответственно, по традиционному мнению, основной конфликт поэмы и само поле его интерпретаций, акцентирующих авторское сочувствие либо герою, либо государственной идее, или сложное равновесие между двумя центрами драматического конфликта.

Между тем, если вторая жанровая составляющая, новелла, не вызывает сомнений, то первая, вместе со всеми связанными

¹⁶ Москвичева Г. В. Поэма А. С. Пушкина «Медный Всадник»: (К вопросу о жанровой типологии) // Болдинские чтения. Горький, 1984. С. 64—78.

¹⁷ Пумпянский Л. В. «Медный Всадник» и поэтическая традиция XVIII в. // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1939. Вып. 4—5. С. 91—124.

с ней интерпретационными идеями, может быть по крайней мере существенно скорректирована. Строго говоря, эпический рассказ о деяниях Петра в поэме отсутствует. И одическое прославление героя, намеченное во «Вступлении», имеет характерные черты, удаляющие от торжественной оды к байронической поэме, вернее, к ее особой «балладной» модификации, намеченной Пушкиным в «Вадиме».

С одой и эпической традицией несовместим прежде всего образ Петра во «Вступлении».

В многочисленных литературных текстах XVIII—начала XIX в., восхвалявших Петра и теми или иными сторонами отразившихся в пушкинской поэме, Петр сохранял черты *великого человека*. При всех возвышенных эпитетах и сравнениях, которыми сопровождалось имя Петра, он продолжал быть *по-человечески* деятелен: он — на вершине пирамиды власти, задает импульс приводному механизму, по его распоряжениям, повелениям, предначертаниям строят город. Наиболее характерна в этом отношении «Прогулка в Академию художеств» К. Н. Батюшкова, послужившая ближайшим источником начальной картины поэмы: «И воображение представило мне Петра, который в первый раз обозревал берега дикой Невы, ныне столь прекрасные! (...) Здесь будет город, сказал он, чудо света. Сюда призову все художества, все искусства. Здесь художества, искусства, гражданские установления и законы победят самую природу. Сказал — и Петербург возник из дикого болота. (...) С каким удовольствием я воображал себе монарха, обозревающего начальные работы (...). Здесь толпились вокруг монарха иностранные корабельщики, матрозы, художники, ученые, полководцы, воины...».¹⁸ При всей узнаваемости образного ряда, заимствованного Пушкиным, статус батюшковского Петра иной: он инициатор и глава грандиозного дела, рядом с ним предстают орудия, механизмы действия (в том числе абстрактные орудия, как «художества» и «гражданские установления») и субъекты, участники общего дела; батюшковский Петр именно монарх, единоличный и ответственный распорядитель огромного механизма власти.

В отличие от этого (и от пушкинской же «Полтавы») Петр в «петербургской повести» — недейтелен и неподвижен. Во «Вступлении» он неподвижен так же, как неподвижен и Медный Всадник в первой части поэмы. Он безмолвен, он одинок, рядом с ним нет ни приводных механизмов «государственной машины», ни исполнителей его воли. Он решительно лишен человеческих атрибутов — жеста, слова, каких-либо намеков на

¹⁸ Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. С. 74.

коммуникацию с другими. Статика героя, превратившая некогда замысел поэмы о Вадиме в своеобразный «портрет» таинственного героя, получила дальнейшее развитие в этом персонаже, вся полнота воли которого реализована в его «стоянии», словно перешедшем впоследствии в неподвижность бронзового монумента. «Стояние» — единственный данный герою жест, который мог бы относиться в принципе к бытовому ряду, если бы тут же не приобретал символическую форму: «стояние» как «утверждение», которое должно превратиться в «ногою твердой стать при море». Веселая суэта иноземных «флагов» и «пир на просторе» — величественный аккомпанемент к этому великому стоянию, празднование его упрочения.

«Он» обращен ликом к пустынным волнам, к разверзшейся у ног стихии. Стихия — настоящий и единственный его pendant, его тайный собеседник. «Тайный» — потому что никакой рациональной коммуникации между «Ним» и стихией не существует. Образ бесконечно таинственнее, чем «Петр-плотник», «Петр-ковач», «вечный работник на троне» (Ломоносов), предполагающий некое рационально понимаемое воздействие на стихию, примером и импульсом к которому оказывался сам император. Стояние «Его» и мысль, рождающаяся в «Его» уме, сами суть властный призыв к природе и в то же время отклик на ее предначертания («природой здесь нам суждено...»). И в ответ на это «стояние» начинается «становление» города, рисуемое поэтом как самостоятельный природный процесс, как активность воспринявшей творческий импульс стихии. «Град вознесся», «дворцы и башни теснятся», «корабли стремятся», «мосты повисли», «острова покрылись садами» — все эти активные глагольные конструкции формируют единый ряд спонтанной активности различных элементов миропорядка, словно самостоятельно стремящихся к конечной цели, отвечающей в действительности внутреннему импульсу недвижимого Петра. В свою очередь «становящаяся» стихия достигает некоторой точки совершенства и становится «ставшим». И теперь «стояние» города — «красуйся, град Петров, и стой неколебимо» — это резонанс и торжественное завершение «Его» стояния, спящего ныне вечным сном в недрах своего града.

«Поза окаменения», неподвижность героя — характерный прием байроновской поэтики, не раз использовавшийся Пушкиным.¹⁹ Означал он обычно отнюдь не вялое замирание души, но предельный по эмоциональности жест, отчаяние, напор разрушительной страсти, превышающий уже возможность всякого дей-

¹⁹ Жирмунский В. М. Пушкин и Байрон. С. 134—135.

ственного выражения. Так окаменевают пушкинский Алеко над труппами Земфиры и ее возлюбленного, замирает посреди сечи с поднятым мечом Гирей. Другое семантическое наполнение этого же приема: глубокая задумчивость, самопогружение героя, в душе которого медленно зреют «роковые думы». В «Вадиме» последний мотив, быть может, наиболее отчетлив и картинен: «Другой, как волхвом пораженный, // Стоит недвижим; на брега // Глаза вперив, не молвит слова, // И через челн его нога // Переступить уже готова...», «Но юноша, на перси руки // Задумчиво сложив крестом, // Сидит с нахмуренным челом» (XVII, 35, 36). Мотив «окаменения» подчеркивает неприступность героя, погруженного в себя, внешним воздействиям, несокрушимую прочность могучей личности, противостоящей природной стихии и человеческой агрессии. В метафизическом плане мотив развивается как противостояние демонической личности миру природному и человеческому, противостояние, в котором личность по своей внутренней мощи становится сопоставимой мощи объемлющего ее мира и правящего миром Бога. Демонический герой не сдается миру и не признает власти Бога, хотя и изменить в Божием мире ничего не может.

Генеалогия «замершего» Петра из «петербургской повести» байроническая. Но семантика образа смещается к прообразу, к мифологическому прототипу. И здесь герой уже не противопоставлен миру, но парадоксальным образом открыт ему. Парадоксальным, потому что «бездеятельность» в применении к сакральному персонажу означает предельную насыщенность внутренней энергией, готовой перелиться через край и воплотиться в нечто становящееся.²⁰

Если Петр недеятелен и неподвижен, то стихия пребывает в движении и становлении. И этот процесс представлен характерными для мифологической картины чертами. Две оси движения заданы здесь: от пустоты и хаоса к гармоничной архитектонике ставшего мира; и от тьмы к свету. Знаменательны при этом и разделенные границами строфических фрагментов три этапа движения по каждой из осей.

Первый строфический фрагмент передает образ первичной пустоты («пустынных волн») и хаотической зыбкости и неразличности материальной массы в пространстве — широкая река, «мшистые, топкие берега», лес, заполняющий пространство «кругом». «Человеческое» в этом пространстве присутствует

²⁰ В данном случае можно, вероятно, сослаться не столько на известную Пушкину традицию, сколько на интуитивное воспроизведение мифологемы творческой мощи, вырастающей из предельного покоя. См. объяснение этого мотива в аналитической психологии: Юнг К. Г. Психологические типы. СПб., 2001. С. 272—306.

под знаком дисперсной рассеянности («чернели избы здесь и там»), одиночества и глухой заброшенности (одинокий «бедный челн» на широкой реке). В то же время пустота и хаос погружены во тьму — «лес, неведомый лучам // В тумане спрятанно солнца, // Кругом шумел».

В строфическом фрагменте, начинающемся словами «Прошло сто лет...», передана сама динамика формирования гармонического целого. При этом активизируются все элементы прежнего пространственного описания, но «с иным знаком»: пустота сменяется целостным заполнением пространства («град» и сады вместо пустыни), в аморфную природную среду («мшистые, топкие берега») привносится отчетливое разграничение и связь пространственных локусов (гранитные берега и мосты), на смену прежней дисперсной рассеянности человеческих жилищ приходит плотная и гармонически упорядоченная застройка («громады стройные теснятся // Дворцов и башен»), вместо одинокой заброшенности человека в челне — «толпа кораблей». Перед нами не просто статика двух полюсов, но само движение, не успокоенное еще в конечной точке пути. О последнем свидетельствуют не только активные глагольные конструкции, описывающие «саморазвитие» града, как это отмечалось выше, но и характерные оттенки динамического описания: «громады... дворцов и башен» «теснятся», как будто бы продолжая вести спор за места, корабли «стремятся к пристаням», т. е. вот-вот должны достигнуть пристаней, но еще не достигли... При этом становление города из хаоса аморфного бытия рисуется одновременно как рассвет, появление света из тьмы — «из тьмы лесов, из топи блат». Этот же мотив — «усиление света», в результате которого меркнет прежний образец града («старая Москва»), и завершает фрагмент.

Последний фрагмент пути становления «Люблю тебя, Петра творенье» — статика завершенного состояния. Элементы гармоничного и стройного порядка теперь даны в статической перечислительной форме, даже течение Невы — «державное теченье» — теперь подчинено, введено в «чин» державы, могучей цельности бытия. Город, словно прижатый прежде к реке («по оживленным берегам»), ибо динамика становления была сродни динамике речного потока, — теперь раскинулся вширь, обнажив ограды, просторные улицы. И это новое состояние града соответствует точке световой полноты — «золотых небес», заливающих город ровным светом.

Белая ночь как точка конечного пути «мистерии света» делает явной и одну из черт этой «мистерии». *Отсутствие солнца*, внешнего источника света, ровный рассеянный свет есть глубоко содержательный элемент: свет — это то, что рож-

дается вместе с городом, что присуще самому городу, и по завершению становления пространство города словно расступается, наполняясь светом. Мифологема становления стройного мира из хаоса и мифологема рождения из тьмы света проникают одна в другую и поддерживают друг друга.

Мифологическую поэтику *действия* в полной мере поддерживает и поэтика *именования*. Петр — действительное имя героя, вписывающее его в исторический контекст и активизирующее «дневное», рациональное сознание, — старательно избегается поэтом. «Он» в начале поэмы, указывающее на сакральность имени, а в дальнейшем «кумир» и целая череда эвфемизмов — «тот, кто неподвижно возвышался во мраке медной главой», тот, «чьей волей роковой под морем город основался», «мощный властелин судьбы», «державец полумира», «горделивый истукан», «грозный царь», и наконец, «Медный Всадник» — определено знаменуют мифологический, сакрально-языческий статус главного героя. Можно ли вообще говорить о Петре как о герое поэмы? Имя Петра встречается только в притяжательных конструкциях «Петра творенье», «град Петров», «площадь Петрова», в неологизме «Петроград». Именно они не дают забыть, «подогревают» реально-исторический контекст «петровской темы». Вместе с этим, однако, присутствие Петра сводится во многом к проявлению, к ипостаси творческой воли основателя града. Лишь единственный раз в поэме Петр назван по имени — «тревожить вечный сон Петра». Упоминание имени относится при этом не к человеку в его земном, историческом контексте, но к пребывающему в мире ином, исполненном тайны и власти. Обращение к финским волнам с мольбой не тревожить «вечный сон Петра» завершает «одическую» часть «Вступления» и предваряет центральную коллизию поэмы, где Петр — Медный Всадник будет потревожен и явится из своего посмертия. Единственный раз упомянутое имя, таким образом, отменяет имя в его земном горизонте и закрепляет связь персонажа с пространством тайны и мифа.

Итак, во «Вступлении» к поэме Петр и его дело, созидание Петербурга, представлены чертами мифологической поэтики. Здесь уже нет и следа поэтики романтической метафоры: энергичные деяния героя не уподобляются бурным природным процессам, но герой непосредственно подан как таинственное существо, глубинно связанное со стихией, сопродное ей и имеющее над нею власть, иными словами, как владыка стихии, а сама стихия выступает как мир, выходящий из небытия навстречу творческому волею. Поэтику метафоры сменяет поэтика параллелизма. Миф выступает в своей подлинной форме.

При этом естественно возникает вопрос: в чем смысл сгущенной мифологизации в контексте всей поэмы? Какая художественная идея активизировала древние начала, «разбудила миф»?

В 1823 г. Пушкин записал в своей тетради: «Только революционная голова, подобная Мирабо и Петру, может любить Россию, так, как писатель только может любить ее язык. Все должно творить в этой России и в этом русском языке» (XII, 178). В столь броско и дерзко сформулированном парадоксе можно, думается, уловить вектор направления творческой мысли, вызревавшей в душе поэта и нашедшей в конце концов глубочайшее воплощение в «Медном Всаднике». Речь идет прежде всего о творческом аспекте личности Петра, о самой субстанции творчества, в которой государь-преобразователь сближается с поэтом; и при этом о творчестве в его максимальном проявлении, обеспеченном идеальным «формовочным материалом». Мифологическая фигура Петра у неведомых вод стала для Пушкина высшим выражением творчества как такового, абсолютного, не знающего пределов и ограничений — «все должно творить...». В этом творчестве стихия языка соответствует материальной стихии, а поэт становится вровень с гением-строителем и преобразователем. Поэтому поэтические «признания в любви» городу Петра так органично вплавлены в изложение мифологического деяния основателя города.

«Медный Всадник» в этой перспективе можно было бы отнести к ряду произведений Пушкина, в центре которых стоит творец, художник, таких как «Моцарт и Сальери», «Египетские ночи», «Каменный гость» (в той мере, в какой Гуан — поэт и «импровизатор любовной песни»), как лирические тексты, посвященные теме художника-творца. Во всех этих произведениях «мифологическое» и «сакральное» присутствовало почти всегда в качестве метафоры, сравнения («как некий херувим, // Он несколько занес нам песен райских», «пока не требует поэта к священной жертве Аполлон», «на алтарь, где твой огонь горит»), задававших высокий тон теме творчества. В «Каменном госте», впрочем, гость из иного мира буквальным образом присутствует в художественном пространстве. Знамательна зеркальная по отношению к «Медному Всаднику» ситуация, в которой ожившая статуя является антагонистом «поэта». Если отвлечься от конкретной проблематики «Каменного гостя», то этот фантастический образ поэта перед его каменным недругом во многом мог бы послужить символом коллизии, поразному претворявшейся во всех произведениях этого ряда. Принципиально значима в них именно «человечность» поэта,

его земная беззащитность, ранимость, как и, с другой стороны, подверженность слабостям и порокам, тогда как противостоит ему тяжелая косная «каменная» сила сплоченного социума («толпа», «мы все») и закона как такового, за которым просвещивает высшая сила (как и в «Пире во время чумы», где еще одному беззаконному поэту Вальсингаму является священник). Творческое начало везде здесь — это искра небесного (или «божественного» в антично-языческом смысле) огня в душе человека, на которую враждебно ополчается тяжелая косность мира, или даже сам божественный миропорядок.

В «Медном Всаднике» две конфликтные силы во многом поменялись местами. Творческое начало — теперь не огонек, пробивающийся в душе гения, но мощь, преобразующая стихию, и собственно поэтическое творчество находит в ней свое подобие. И наоборот, противник ее — одинокий человек, «бедняк» с нешироким диапазоном мыслей и чувств, беззащитный перед напором стихии. Можно сказать, что столь важная для поэта тема гения и мотивы мифологической поэтики встретились друг с другом в момент рождения «петербургской повести», и в их синтезе оба начала почти до неузнаваемости преобразились: миф вошел в реальный исторический и современный автору контекст, потеряв приметы языческой древности, так что требуется специальное усилие для его распознавания на этом фоне; а тема творца и творчества, наоборот, ушла к своим архаическим первоисточкам и стала менее узнаваема, отдалившись от круга привычных литературных мотивов.

Тема творца и творчества при этом является не только лейтмотивом «Вступления», но и определяет, как представляется, саму проблематику конфликта, разворачивающегося в основной части поэмы.

Со времен Белинского установилось представление о конфликте Евгения и «петровской цивилизации» как главном содержании поэмы — конфликте социальных сил и позиций. Последующие интерпретаторы, как правило, принимали саму идею конфликта именно этих начал, пытаясь по-своему уточнить их содержание и ответить на вопрос, как распределяются между ними симпатии и предпочтения поэта.²¹ В пределах настоящей работы нет возможности детально рассмотреть основные интер-

²¹ См. обзоры интерпретаций: Сандомирская В. Б. Поэмы // Пушкин. Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 398—406; Измайлов Н. В. «Медный Всадник» Пушкина: История замысла и создания, публикации и изучения // Пушкин А. С. Медный Всадник. Л., 1978. С. 249—258; Осват А. Л., Тищенко Р. Д. «Печальную повесть сохранить...». М., 1985.

претации поэмы, их сильные стороны и уязвимые места. Отметим только то, что может быть названо основным препятствием социально-политического толкования конфликта поэмы в целом.

Нигде в тексте поэмы Петр не представлен в своей роли государя, монарха, политического деятеля, как, скажем, на страницах «Полтавы». Когда интерпретаторы прибегают к словам Пушкина из его «Истории Петра» о двойственности Петра, о Петре «самодержавном помещике», мы, безусловно, находимся в пределах пушкинской мысли, но вряд ли в пределах собственно художественного пространства «Медного Всадника», акцентированных в нем смыслов.

Темы монархической государственности при этом присутствуют в «петербургской повести», но отнюдь не сливаются с «петровской» темой. Так, часто пишут о скрытом сопоставлении Петра с «покойным царем» Александром, делая вывод о том, что бессилие Александра — это еще один упрек Пушкина «властителю слабому и лукавому» в сравнении с его могучим предком. Однако, если сама идея противопоставления Петра и Александра в их отношении к «Божией стихии» правомерна, то для оценки ее необходимо учесть и гораздо более отчетливо выступающее сопоставление Александра и «бедного Евгения». Целый ряд мотивов здесь явно перекликаются: так же как Евгений, Александр сидит окруженный водой и предается созерцанию страшного зрелища; так же как герой повести, царь охвачен душевной смутой и возвышенно-скорбными мыслями (ср.: «С божией стихией // Царям не совладать» (V, 141) и слова автора, сочувственно подхватывающие мысли Евгения: «иль вся наша // И жизнь ничто, как сон пустой, // Насмешка неба над землей?» (V, 142)); и усилия монарха также направлены на спасение пострадавших, хотя, конечно, степень его внутренней взволнованности судьбой «ближних» иная, чем у героя, теряющего возлюбленную. Очевидно, бедный чиновник Евгений «на звере мраморном верхом» и государь на балконе дворца, будучи почти точным выражением абсолютного верха и низа государственной пирамиды, уравниваются в своей бессилии перед стихией. Петр противопоставлен, таким образом, не столько Александру, как великий государственный деятель посредственному, сколько всей пирамиде социального бытия, связанной с рутинным продолжением жизни, но не с творческим порывом.

Евгений раздавлен, по-видимому, отнюдь не державной имперской мощью или ее косвенными последствиями, но вторгшимся хаосом. Речь идет при этом не просто о вторжении необузданной стихии, но о провале во времени — провале в нача-

ло времен, в ту точку временной оси, когда герой-демиург стоял посреди хаоса стихий и в его уме рождалась творческая мысль. В эпицентре основной коллизии вновь возникает исходная картина: обычная каждодневная реальность вдруг расступилась и из недр ее вышел первичный хаос, посреди которого возвышается медный образ устрояющего его демиурга. Дважды возвращается к «бедному Евгению» эта картина — один раз в виде реальности, которую он переживает, но смотрит на нее невидящими глазами, устремленными в далекую точку иного берега; другой раз, по прошествии годового круга, — в виде духовного образа этой реальности, когда «прояснились в нем страшно мысли». Поэт оставляет для нас загадкой, что явилось герою в этой страшной ясности мысли, что же, собственно, он понял. Все интерпретаторы пытаются заполнить этот пробел, без которого остается неясен конфликт. Виноват ли Петр в роковой ошибке основания города? В равнодушии к судьбе «маленького человека»? Или разделяет вину всей бездушной петербургской цивилизации? Ответы никак не вычитываются из текста поэмы и из природы ее образов, синкретичность и мифологическая глубина которых не позволяют ограничиться рациональной и политизированной трактовкой конфликта. Простой смысл слов Евгения указывает именно на «строителя чудотворного», т. е. речь идет о «чудесном творце» во всей сокровенной глубине этого понятия. «Бедный» чиновник заглянул в самое средоточие творческой мощи, единой с изначальным хаосом, мощи самозаконной и внеэтической, и из глубины своего простого человеческого бытия ужаснулся, возненавидел ее, сказал ей «нет». Все возможные историко-политические проекции их конфликта — только бледная тень конфликта онтологического, реализованного по типу конфликта творца и толпы, точнее, творца и не-творца, человека толпы.

Речь не идет ни в коей мере об уничтожении и осмеянии бедного Евгения, неспособного подняться на высоту поэта. Его безусловно сопровождает и теплота авторского участия и иная, нежели Петра, метафизическая проблематика — Бога, призрающего нищих и убогих. Не случайно Евгения хоронят «ради Бога», и словом «Бог» многозначительно завершается поэма, в начале которой выступал мифологически-загадочный «Он».

В. Брюсов в 1909 г. разделил интерпретации «Медного Всадника» на три группы, которые Н. В. Измайлов вполне аргументированно свел, собственно, к двум: к конфликту «коллективной, государственной воли» и частного человека, и, с другой стороны, к концепции, ярким выразителем которой Брюсов видел Мережковского, — согласно последней, в героях поэмы

можно видеть «представителей двух изначальных сил, борющихся в европейской цивилизации: язычества и христианства, отречения от своего я в Боге и обожествления своего я в героизме».²² Первая из этих концепций, самая распространенная до сих пор, кажется все же сомнительной, отвечающей не столько пушкинскому тексту и замыслу, сколько потребностям политизированного эстетического сознания русской интеллигенции, с пушкинских времен донныне продолжающего неизменно возвращаться к болезненной теме личности и власти. Вторая концепция очень уязвима в том виде как ее сформулировал Мережковский, но, кажется, открывает все же большие перспективы. Ни языческого героизма, ни христианского смирения в качестве художественных идей и принципов в поэме, несомненно, нет, как нет и сознательно выстраиваемой антитезы язычества и христианства. Конфликт поэмы, скорее, мог бы быть описан как конфликт творческого начала и этически-человеческого, но и личность творца, и личность «маленького человека» представлены в свете языческого мифа и, хоть и в меньшей степени, религиозного откровения. И в этом смысле в «Медном Всаднике» и в «петербургском тексте», контуры которого были определены пушкинской поэмой, выстраиваются духовные координаты мифологической эпохи и христианства. Укорененность пушкинского образа Петра в мифе становится еще более явной, как мы старались показать, при введении в историю замысла «петербургской повести» «прапетербургского» эпизода из поэмы «Вадим», с ее образами могучего героя древности, воля которого сливается со стихией, и бедного невского рыбака — жертвы этой воли.

²² Брюсов В. Мой Пушкин : Статьи, исследования, наблюдения. М.; Л., 1929. С. 64—67; Измайлов Н. В. «Медный Всадник» А. С. Пушкина. С. 254.

В. Е. ВЕТЛОВСКАЯ

ТРАГИКОМИЧЕСКОЕ НАЧАЛО В ДРАМЕ ПУШКИНА «СКУПОЙ РЫЦАРЬ»

Первой из маленьких драм, написанных или завершенных Пушкиным в Болдинскую осень 1830 г., поэт предположил подзаголовок: «Сцены из Ченстоновой трагикомедии: The covetous Knight». Если отсылка к английскому источнику долгое время озадачивала знатоков и специалистов (пока ее мистифицирующий характер не выяснился наконец вполне), то указание автора на жанр произведения («трагикомедия») особого и серьезного внимания не привлекло. За исключением Н. М. Минского, толкующего скупость как страсть трагикомическую по самой своей природе,¹ другие ученые, как правило, вообще не видят в драме Пушкина какого бы то ни было комизма.

В новейшем исследовании Н. Н. Скатова обозначенный Пушкиным жанр поясняется безусловно справедливой мыслью: «...парадоксальным образом страсть к предельному самообогащению здесь оборачивается предельным самоограничением — внешним и внутренним. Поэтому „Скупой рыцарь“ — единственная из „Маленьких трагедий“ — названа трагикомедией».² К сожалению, исследователь не вдается в детализацию. Да это и невозможно в книге, решающей общие задачи биографии и творчества поэта во всем их объеме.

¹ По мнению Н. М. Минского, скупость «своими корнями уходит в последний трагизм жизни, которым обусловлена несбыточность всех надежд, неустойчивость всякого счастья, неисполнимость всех желаний» и т. д. «...Скупой меняет действительность на ее отражение, от реальных вещей обращается к возможным, от счастья к символам счастья. Но отношение к символам у него (...) не бескорыстно-созерцательное, а прежнее, вожделеющее, воинственное. Он продолжает бороться за добывание благ, которыми не пользуется, — и, таким образом, впадает в противоречие с самим собой» (Минский Н. М. «Скупой рыцарь» // Пушкин (Библиотека великих писателей) / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1909. Т. 3. С. 104).

² Скатов Н. Пушкин. Русский гений. М., 1999. С. 472.

В обширном и подробном комментарии Д. П. Якубовича к «Скупому рыцарю», где прослеживается комическая (как основная) и трагическая (весьма редкая) трактовка скупости в произведениях европейской литературы, на которые русский поэт мог опереться, сказано: «В этот термин Пушкин вряд ли вкладывал содержание, придаваемое ему классиками, так как у них трагикомедия обычно не кончалась смертью героя, а разрешалась счастливо. Употребляя термин ранней английской драмы (трагикомедии Грина, Пиля, Флетчера, Гейвуда и др.), Пушкин скорее имел в виду смешанность жанра, характерную для Шекспира и романтической драмы».³ В чем выразилась эта «смешанность жанра» в «Скупом рыцаре» исследователь не поясняет, но вслед за этим рассуждением (как, впрочем, и до него) он именует драму просто трагедией. Именно в трагическом (и только трагическом) плане воспринимает драму Г. А. Гуковский: «Победа принципа капитала — это в сюжете „Скупого рыцаря“ трагедия не только барона, но и всей Европы, гибнущей в скверне денежного безумия. Тема комедий (Гуковский имеет в виду господствующую трактовку низменного порока. — В. В.) стала темой трагедии. В самом деле, если толковать тему скупости (...) как морально-психологическую аномалию, то она прежде всего смехотворна и глупа. Человек имеет кучу денег и не тратит их, не пользуется ими, а живет как бедняк и умирает с голоду на сундуках с золотом! Ну не глуп ли он? Заслуживает ли его нелепая страстишка (...) чего-либо, кроме смеха? Иное дело у Пушкина. Поняв скупость как искажение человеческих стремлений, являющееся необходимым следствием наступления черной власти золота, он не мог смеяться над нею, он увидел в ней психологическое проявление принципа, несущего миру зло, страдание, разврат, моральную и социальную гибель, в теме скупости он увидел психологический фокус исторической драмы человечества. И драма эта тем страшнее, что она неотвратима, что она закон истории».⁴ Тут, разумеется, не до смеха. А между тем (заметим в скобках), одно не исключает другого: смешная, нелепая страсть, с одной стороны, а с другой — серьезная ее подоплека или ее результаты.

Однако исследователь прав, говоря о том, что традиционно комедийную тему Пушкин использует для самых широких

³ Якубович Д. П. Скупой рыцарь // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 7: Драматические произведения. М.; Л., 1935. С. 521.

⁴ Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957. С. 320.

обобщений и что эти обобщения (добавлю от себя: не только, но главным образом) сообщают трагический смысл изображенному в драме конфликту.

Идя другим путем, к такому же выводу приходит В. Я. Пропп. В книге о поэтике комического он противопоставляет (вслед за Белинским⁵) характеры скупцов Гоголя и Пушкина (глава «Комические характеры») и пишет: «Одно и то же свойство, если оно преувеличено умеренно, может оказаться комическим, если же оно доведено до степени порока — трагическим. Это хорошо видно на сравнении, например, двух скупцов — Плюшкина в „Мертвых душах“ Гоголя и барона в „Скупом рыцаре“ Пушкина».⁶ Далее ученый перечисляет черты, отличающие пушкинского скупца и возводящие его (в противоположность ничтожному Плюшкину, сосредоточенному на жалком и мелочном скряжничестве) в ранг трагических героев. В этом плане, по мнению исследователя, важно то, что «скупость барона достигает грандиозных размеров»; что она оправдана «мрачной философией власти золота» и потенциально безграничной властью скупца, его владельца; что у барона эта страсть соединяется с честолюбием и злодейством; «его скупость — порок, связанный с ужаснейшими преступлениями».⁷ Но преступления и тяжелый порок (как и

⁵ Белинский писал: «Страсть скупости — идея не новая, но гений умеет и старое сделать новым. Идеал скупца один, но типы его бесконечно различны. Плюшкин Гоголя гадок, отвратителен — это лицо комическое; барон Пушкина ужасен — это лицо трагическое. Оба они страшно истинны. Это не то, что скупой Мольера — риторическое олицетворение скупости, карикатура, памфлет. Нет, это лица страшно истинные, заставляющие содрогаться за человеческую природу. Оба они пожираемы одною гнусною страстью, и все-таки несколько один на другого не похожи, потому что и тот и другой — не аллегорическое олицетворение выражаемой ими идеи, но живые лица, в которых общий порок выразился индивидуально, лично». У Плюшкина — смешно, у барона — трагично» (Белинский В. Г. Собр. соч. : В 9 т. М., 1981. Т. 6. С. 476).

⁶ Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. М., 1976. С. 109. Книга В. Я. Проппа, изданная посмертно, автором не была завершена. Безусловно, работая над ней, ученый внес бы в дальнейшем какие-то коррективы. Но в основных своих линиях теория комического, предложенная здесь, едва ли подверглась бы правке. На мой взгляд, она заслуживает серьезного внимания, не исключающего полемики по частным вопросам. В своей работе я опираюсь на эту теорию.

⁷ Там же. В. Я. Пропп говорит еще и о ростовщичестве барона. Думаю, что это мнение — дань ходячему заблуждению. Опровержение его см.: *Ветловская В. Е. Проблемы Нового времени в понимании Пушкина: Тема денег в трагедии «Скупой рыцарь» // Литература и история: (Исторический процесс в творческом сознании русских писателей и мыслителей XVIII—XX вв.). СПб., 1997. Вып. 2. С. 61—62.*

вся область страданий), согласно теории В. Я. Проппа, разделяющего в данном случае убеждение Аристотеля,⁸ — вне комического.⁹

Не только характер главного героя, возносящего на неслышанную высоту и тем самым наделяющего размерами трагического величия низменную страсть (сцена II, патетический монолог скупца в подвале), но и коллизия, положенная в основу драмы (смертельная вражда отца и сына, ведущая к несчастному исходу), соответствуют духу трагедии. Хотя любая трагедия изображает страдание, но, как объясняет Аристотель, страх и жалость в особенности пробуждаются там, где «страдание возникает среди близких — например, если брат брата, или сын отца, или мать сына, или сын свою мать убивает, намеревается убить или делает что-то подобное...».¹⁰ В последней сцене пушкинской драмы отец готов убить и лишь случайно не убивает сына, а сын — отца. Такого финала уже достаточно. Трагедия здесь очевидна, ее никто не отрицает, да и сам Пушкин, как известно, именуя свои драматические сочинения 1830 г. «маленькими трагедиями» (письмо П. А. Плетневу от 9 декабря 1830 г.), начинал их перечень с нашей драмы.

С трагедией все ясно. Иначе обстоит дело с комизмом. Нет сомнения, вообще говоря, что трагическое и комическое в принципе совместимы. «...Возможны (<...>) случаи, — пишет В. Я. Пропп, — когда произведения, комические по своей трактовке и своему стилю, трагичны по содержанию. Таковы „Записки сумасшедшего“ или „Шинель“ Гоголя.»¹¹ Бывает и наоборот. Ведь смех сквозь слезы¹² возникает и тогда, когда в смешном усматривается нечто серьезное, и тогда, когда в серьезном скрывается нечто смешное. На эту последнюю возмож-

⁸ Ср.: «...Смешное есть [лишь] часть безобразного. В самом деле, смешное есть некоторая ошибка и уродство, но безболезненное и безвредное» (Аристотель. Поэтика // Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 650).

⁹ Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. С. 16—17 и др. Ср.: «Смеяться можно над человеком почти во всех его проявлениях. Исключение составляет область страданий, что замечено было еще Аристотелем».

¹⁰ Аристотель. Поэтика. С. 660.

¹¹ Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. С. 8. И «фигура Плюшкина», как замечает ученый, в конце концов «не полностью комична»: «Из всех гоголевских персонажей» она, «может быть, наименее комическая и наиболее жалкая» (Там же. С. 110).

¹² Ср. сказанное Гоголем в «Мертвых душах»: «И долго еще определено мне чудной властью идти об руку с моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы!» (Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. [М.; Л.], 1951. Т. 6. С. 134).

ность и указывал читателю подзаголовок пушкинской драмы, уточняющий ее жанр — трагикомедия.¹³

Отметим еще несколько положений из общей теории комического. По наблюдениям В. Я. Проппа, комизм стабильно связан с насмешкой.¹⁴ Он пишет: «Насмешливый смех (а следовательно, и комизм. — В. В.) всегда вызван изобличением недостатков внутренней, духовной жизни человека. Эти недостатки касаются области моральных основ, волевых побуждений и умственных операций».¹⁵ Нередко (и так это происходит и в нашей драме) все это совмещается.

Из недостатков морального порядка наряду с трусостью, тщеславием, хвастовством, лживостью и т. д. часто осмеивается скупость. Ср. слова Альбера об отце и его отношении к деньгам:

О! мой отец не слуг и не друзей
В них (деньгах. — В. В.) видит, а господ, и сам им служит.
И как же служит? как алжирский раб,
Как пес цепной. В нетопленной конуре
Живет, пьет воду, ест сухие корки,
Всю ночь не спит, все бегаёт да лает —
А золото спокойно в сундуках
Лежит себе. Молчи! когда-нибудь
Оно послужит мне, лежать забудет.

В словах сына о скупом отце помимо насмешки над порочным чувством легко заметить и осмеяние воли, которая направлена на предпочтение самого жалкого, презренного образа жизни (уподобление скупца рабу, цепному псу) всем остальным, гораздо более достойным и приятным способам провести время.

Иногда (как в приведенном примере) недостатки очевидны,¹⁶ но часто они скрыты и требуют разоблачения.¹⁷ Недо-

¹³ Этот подзаголовок, как и отсылка к «Ченстону» появились не сразу. См. об этом: Якубович Д. П. Скупой рыцарь. С. 506—507.

¹⁴ Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. С. 16.

¹⁵ Там же. С. 145. Ср. также: «Смех есть данное нам природой наказание за какую-то присущую человеку скрытую, но вдруг обнаруживающуюся неполноценность» (Там же. С. 29). И еще: «Ничто прекрасное никогда не может быть смешным, смешно отступление от него. У человека есть некоторый инстинкт должного, того, что он считает нормой. Эти нормы касаются как внешнего облика человека, так и норм моральной и интеллектуальной жизни» (Там же. С. 43).

¹⁶ Ср.: «Чтобы засмеяться, смешное нужно суметь увидеть; в других случаях нужно дать поступкам некоторую моральную оценку (комизм скупости, трусости и т. д.). Наконец, чтобы оценить каламбур или анекдот, нужно совершить некоторую умственную операцию» (Там же. С. 26).

¹⁷ По поводу смешной лжи Пропп пишет: «Смех наступает в момент разоблачения, когда скрытое вдруг становится явным, как это имеет место и в других случаях комизма» (Там же. С. 91).

статок, не выведенный наружу, смеха, естественно, не вызывает.¹⁸

Разоблачение может быть неожиданным, внезапным, а может наступить лишь в результате размышления и предварительных усилий. Отсюда та или иная реакция: от взрыва смеха до сдержанной улыбки. По мнению Ницше (весьма показательному для философа, по роду своих занятий расположенного к интеллектуальной деятельности и лучше многих способного ее оценить), «наиболее остроумные авторы вызывают наименее заметную улыбку».¹⁹ Именно с таким комизмом по преимуществу мы и имеем дело в пушкинской драме. Он пронизывает ее всю, органично соединяясь с трагедией. Поэтому его анализ в полном объеме начал бы анализ произведения в целом. Ограничимся немногим.

Источник и трагического, и комического начала в драме один. Он заключен в выборе, который делает скупой рыцарь, выдвигающий золото, деньги на первое место среди всех и всяких ценностей жизни.

Выбор всегда свободен и предоставлен собственному разумению, которое склоняет человека к тому, что кажется благом.²⁰ Поэтому к каким бы следствиям он ни вел (счастливым или несчастным, хорошим или дурным), их можно ставить в заслугу или вину тем, кто выбирает, и отнести на счет их правильного или неправильного суждения.

Достоинства золота для скупца неоспоримы. Неоспоримы настолько, что оно становится в его глазах и объектом рыцарского служения (вместо Прекрасной Дамы и в противоположность любой земной — по мнению героя, безусловно неизменной страсти), и объектом религиозного поклонения (в виде идола и кумира, воздвигнутого вместо Господа Бога); ср. поведение рыцаря в подвале, его признания, жертвы и молитвы, его патетические восклицания:

Вот мое блаженство!

(*Всыпает деньги.*)

Ступайте, полно вам по свету рыскать,

Служа страстям и нуждам человека.

Усните здесь сном силы и покоя,

Как боги спят в глубоких небесах...

¹⁸ Ср.: «Смех вызывается внезапным открытием какого-либо скрытого недостатка. Когда недостатка нет или когда мы его не усматриваем, мы смеяться не будем» (Там же. С. 39).

¹⁹ Ницше Ф. Злая мудрость: Афоризмы и изречения. М., 1993. С. 109.

²⁰ Ср.: «Выбирают то, что кажется лучшим и ради лучшего» (*Аристотель*. Большая этика // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 4. С. 315). И еще: «Всякое познание и всякий сознательный выбор направлен к тому или иному благу» (*Аристотель*. Никомахова этика // Там же. С. 56—57).

Кульτ денег, заменяющий служение Даме и почитание высшего божества,²¹ на взгляд рыцаря, хорошо обоснован: ведь золото дает ему власть над миром и возможность осуществить любые желания. Сребролюбие, скупость (порок буржуазного времени) здесь мирно уживается с феодальной гордыней. Барон говорит:

Что не подвластно мне? как некий демон
Отселе править миром я могу;
Лишь захочу — воздвигнутся чертоги;
В великолепные мои сады
Сбегутся нимфы резвою толпою;
И музы дань свою мне принесут,
И вольный гений мне поработится,
И добродетель, и бессонный труд
Смиренно будут ждать моей награды.
Я свистну, и ко мне послушно, робко
Вползет окровавленное злодейство,
И руку будет мне лизать, и в очи
Смотреть, в них знак моей читая воли.
Мне все послушно, я же — ничему;
Я выше всех желаний; я спокоен;
Я знаю мощь мою: с меня довольно
Сего сознания...

Рассуждение скупого рыцаря кажется безупречным,²² а его выбор высшей ценности жизни (деньги, золото) — правильным.

Но там, где есть выбор (и обосновывающее его рассуждение), там есть возможность ошибки²³ — трагической (если ге-

²¹ Отношение барона к золоту как к возлюбленной и как к обожествленному кумиру (надо сказать, обычные комедийные уподобления) заметил еще Белинский: «Золото — кумир этого человека, он исполнен к нему пиетического чувства, говорит о нем языком благоговения, служит ему, как преданный, усердный жрец! (...) Он смотрит еще на золото, как молодой, пылкий человек на женщину, которую он страстно любит, обладание которою он купил ценою страшного преступления и которая тем дороже ему. Он хотел бы спрятать ее от недостойных взоров; его ужасает мысль, чтобы она не принадлежала кому-нибудь после его смерти» (Белинский В. Г. Собр. соч.: Т. 6. С. 478).

²² Так казалось Белинскому, и, сколько мне известно, ему никто не возражал. Критик писал: «...сойдем в подвал, где этот скряга любит своим золотом (...) мы содрогнемся от трагического величия гнусной страсти скупости; мы увидим, что она естественна, что у ней есть своя логика...». Далее Белинский цитирует приведенные нами слова барона и заключает: «Ужасно, потому что истинно! Да, в словах этого отверженца человечества, к несчастию, все истинно, кроме того, что не в его воле пожелать многое из того, что он мог бы выполнить. В этом и заключается наказание за порок скупости» (Там же. С. 477). Последние слова загадочны. Ведь скупой барон волен пожелать все, что угодно.

²³ Аристотель. Большая этика. С. 315.

рой ее не сознает и если она ведет к глубокому, непоправимому несчастью) или комической (если она выявлена, разоблачена и дает повод посмеяться).²⁴ В данном случае мы имеем сразу и то, и другое. В соответствии с двойным характером ошибки (трагической и комической одновременно) в произведении действуют две логики.

Одна логика скупца, уверенного в своей правоте и поступающего сообразно с нею. Другая — автора, видящего его просчеты. Ибо комизм ситуации, заметим тут же, заключается, в частности, в том, что скупой рыцарь, дрожащий над каждым червонцем, очень плохо умеет считать.

Между одной и другой логикой создается определенная дистанция. Она дает место как серьезному опровержению, так и иронии, парадоксам,²⁵ служащим насмешливому, комическому освещению главного и даже главных героев и всей их драмы.

Серьезное опровержение очевидно в тех роковых следствиях, которые влечет за собой выбор скупца, пагубность и размеры которых он сам не разумеет. Между тем в конечном итоге они-то и означают трагедию впечатляюще широкого масштаба. Это трагедия семьи (поскольку деньги разрывают любые, самые тесные, родственные узы, враждебно противопоставляя отца сыну и сына отцу); это трагедия государства (поскольку власть денег не терпит никакой иной и прежде всего — законной власти и тайно или явно ее отменяет. Так, барон не нуждается в герцоге, которому он подчинен в качестве вассала; не

²⁴ По мнению Аристотеля, в основе комедии и трагедии лежит ошибка. Он говорит: «Смешное есть некоторая ошибка и уродство, но безболезненное и безвредное». Далее, рассуждая о герое трагедии, он утверждает, что им должен быть «такой человек, который не отличается ни добродетелью, ни праведностью, и в несчастье попадает не из-за порочности и подлости, а в силу какой-то ошибки (...) быв до этого в великой славе и счастии, как Эдип, Фиест и другие видные мужи из подобных родов» (*Аристотель. Поэтика*. С. 650, 658—659). М. Л. Гаспаров комментирует: «„Ошибка“, по Аристотелю, — оплошный поступок, совершенный не с дурным намерением, а по неведению («Никомахова этика», V, 10, 1135 В 12 и III, 2, 1110 В 31: так, Эдип убил отца, а Фиест ел мясо своих детей)» (Там же. С. 782). Однако «ошибку» Аристотель определяет и иначе: «Ошибка заключается всегда в [неправильном] сочетании» (имеется в виду — мысль. — В. В.). См.: *Аристотель*. О душе // Там же. Т. 1. С. 436.

²⁵ В. Я. Пропп пишет: «К парадоксу очень близка ирония (...) Если при парадоксе исключают друг друга понятия объединяются вопреки их несовместимости («Все умники дураки, и только дураки умны», — пример Проппа. — В. В.), то при иронии словами высказывается одно понятие, подразумевается же (но не высказывается на словах) другое, противоположное ему. На словах высказывается положительное, а понимается противоположное ему, отрицательное. Этим ирония иносказательно раскрывает недостаток того, о ком (или о чем) говорят. Она представляет собой один из видов насмешки, и этим же определяется ее комизм» (*Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха*. С. 99—100).

повинуется его приказам; удерживая сына при себе, он лишает государя храброго воина, возможного советника и друга, т. е. надежной опоры правящего дома); наконец, трагедия мироздания (поскольку, воздвигнув золото и выше, и вместо Бога, барон упраздняет официально признанную религию — стало быть, все освященные традицией писанные и неписанные нормы, регулирующие отношения людей друг с другом, окружающим их миром, природой в целом, уничтожая веками складывавшийся порядок и ничего, кроме бунта и хаоса, подавляемых силой, не предлагая взамен). Дурные следствия указывают источник зла, его причину, развенчивая скупца и всю его философию.

Ирония и парадоксы продолжают развенчание в комическом плане. Они вскрывают недостаток ума (глупость) на месте видимого его избытка; ложь на месте правды; родство на месте видимой вражды и несходства; вражду и несходство на месте видимого родства; неоправданную претензию и пустоту на месте видимого величия; нищету на месте богатства; слабость на месте силы, — одним словом, всевозможные *qui pro quo*, идущие от обычных и наиболее эффектных приемов комизма. Без насмешки и опровержения не остается ни один из пунктов патетической речи скупца, возвеличивающей золото и его владельца и являющейся композиционным и идейным центром драмы. Поскольку мне уже приходилось писать об этом довольно подробно в иной связи (безотносительно к поэтике и проблемам комического),²⁶ позволю себе вернуться лишь к некоторым моментам.

Так, говоря о безграничной власти золота, его способности удовлетворить любую нужду и страсть, барон заключает с великой гордыней:

Мне все послушно, я же — ничему;
Я выше всех желаний; я спокоен;
Я знаю мощь мою: с меня довольно
Сего сознания...

Но это смешно: в воздержании барона нет решительно никакой заслуги. Поскольку золото способно властвовать и удовлетворять любые желания лишь убывая, скупой (вопреки его словам) в действительности не может удовлетворить ни одного. За исключением, правда, того желания, которого он во всяком случае не «выше», — желания спуститься в подвал и в сундуки «горсть золота накопленного всыпать». Ведь барон только собирает золото, повинуясь мысли, что любой приросток

²⁶ *Ветловская В. Е.* Проблемы Нового времени в понимании Пушкина. С. 83—89.

увеличивает власть и возможности и любая убыль их сокращает. Отсюда личная аскеза и убеждение, что всякий, кто не собирает золото, как он (начиная с сына), его расточает. Волей-неволей барон владеет и правит миром именно в «сознание», дальше границ собственного воображения он не может пойти.

Лишь захочу — воздвигнутся чертоги;
В великолепные мои сады
Сбегутся нимфы резвою толпою и т. д.

И в самом деле, барон может «лишь захотеть», но ничего не может исполнить. Заявляя о своей абсолютной, самодержавной воле, он всеу тешит пустую гордыню. Несмотря на богатство, скупой рыцарь безусловно волен в одном — в своих желаниях. И ни в чем больше. А если так, то он не слишком высоко поднялся над последним нищим, который, питаясь той же водой и коркой, тоже волен что угодно желать (чертоги... нимфы... музы... гений и пр.), но не в состоянии ничего исполнить.

Однако и в своих желаниях скупой рыцарь волен с существенной оговоркой. За известным исключением (стремлением копить и беречь) он управляет своими желаниями в определенном направлении — именно: не позволяя им осуществиться. И так же он «правит» другими людьми и миром. Заживо похоронив свои желания, он заживо хоронит чужие.

Как это ни смешно, барон, сам того не сознавая, хоронит и обожаемое им золото. Ведь всякая «бедная» горсть, опускаясь в подвал, в сундуки, застывает там в вечном покое. И весь его «холм», заключенный под «мирные, немые своды» и состоящий из золотых монет, — их общая усыпальница, их могила. «Сторожевою тенью», ср.:

О, если б мог от взоров недостойных
Я скрыть подвал! о, если б из могилы
Прийти я мог, сторожевою тенью
Сидеть на сундуке и от живых
Сокровища мои хранить, как ныне!.. —

скупой рыцарь сидит на сундуках уже сейчас. Если он и сходит время от времени в свой подвал, то выходит из него никогда не выходит: его душа, его тень бережет сокровище от живых всегда и всюду. Обманутый собственной страстью барон не замечает, что в заботе о чести и славе своего кумира, которые, по его мнению, не уступают чести и славе небесных сил, он на самом деле с маниакальным упорством уравнивает цену золота с ценою праха. Каждая горсть, снесенная рыцарем

в подвал, и все его «блещущие груды» оборачиваются в конце концов лишь более или менее внушительной кучей собранной понемногу земли.

Сооружая здание могущественной державы исключительно в своем «сознание», барон с самого начала занят только погребальной постройкой. Какой бы величественной ни казалась ему высота насыпанного им холма, в действительности она не выше подвальных сводов. В любом случае это всего лишь высота могилы, которую рыцарь не может заметно увеличить и надгробием в виде собственной тени.

Отвлечемся от монолога барона и беглым образом коснемся комизма, лежащего в основе конфликта.

Расхожее представление, будто конфликт героев пушкинской драмы вызван противоположностью их характеров (скупца и расточителя), ничем не обосновано. На мой взгляд, оно является данью литературной традиции, в русле которой возникает трагикомедия Пушкина, но которую она решительно преобразует. «Противуположности характеров, — заметил однажды Пушкин, — вовсе не искусство, но пошлая пружина французских трагедий».²⁷ Добавим: и комедий. В. Я. Пропп пишет: «У Мольера обычно есть персонажи двух поколений: старшего и младшего. Старшее поколение представлено отрицательными типами (Скупой, Тартюф, Мизантроп), младшее — положительными. Младшие хотят любить и жениться, а старшие им этого не позволяют. Веселые и плутоватые слуги молодых приводят их к торжеству и к посрамлению старших со всеми их пороками».²⁸

На всем протяжении пушкинской драмы нельзя увидеть никаких следов расточительности Альбера. Напротив. Герой расчетлив. Относительно своего «геройства» в поединке с графом Делоржем он говорит:

Геройству что виною было? — скупость —
Да! Заразиться здесь не трудно ею
Под кровлею одной с моим отцом.

Боевой конь, атласное и бархатное платье, в которых Альбер испытывает нехватку, для него предметы не роскоши, но необходимости. Они требуются его «званьем». Ср.:

...В последний раз
Все рыцари сидели тут в атласе
Да бархате, я в латах был один

²⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. [М.; Л.], 1949. Т. 12. С. 232.

²⁸ Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. С. 117.

За герцогским столом. Отговорился
Я тем, что на турнир попал случайно.
А нынче что скажу?

Правда, в разговоре с ростовщиком он говорит:

...Молчи! когда-нибудь
Оно (золото. — В. В.) послужит мне, лежать забудет.

А тот:

Да, на бароновых похоронах
Прольется больше денег, нежели слез.

Но, скорее всего, только на похоронах эти деньги без всякой меры и «прольются». Ведь у Альбера столько же основной ненависть золото, сколько и беречь его. Цену деньгам молодой рыцарь успел узнать за годы вынужденного воздержания, навязанного ему поста. Цена деньгам заметно увеличилась из-за смерти отца, в которой Альбер, едва лишь поостынет, разглядит собственную вину и преступление. Ср. слова барона перед сундуками с золотом:

Мне разве даром это все досталось? (...)
Кто знает, сколько горьких воздержаний,
Обузданных страстей, тяжелых дум,
Дневных забот, ночей бессонных мне
Все это стоило? Иль скажет сын
Что сердце у меня обросло мохом,
Что я не знал желаний, что меня
И совесть никогда не грызла, совесть,
Когтистый зверь, скребуший сердце, совесть
Незванный гость, докучный собеседник,
Займодавец грубый, эта ведьма,
От коей меркнет месяц и могилы
Смущаются и мертвых высылают?..
Нет, выстрадай сперва себе богатство,
А там посмотрим, станет ли несчастный
То расточать, что кровью приобрел.

Далее. Альбер собирается пустить золото в ход, еще не сойдя в подвал как законный хозяин сокровищ. Не исключено, что когда он их увидит, их блеск ослепит и его. Тем более что после запрета герцога являться при дворе, не говоря уже о ближайшем турнире, ср.:

Подите: на глаза мои не смейте
Являться до тех пор, пока я сам
Не призову вас, —

у Альбера достаточно времени для лицемерия своих богатств и соображений об их разнообразных достоинствах. Тогда, идя

по стопам старого барона, он может сделать следующий шаг по той же дороге и, отбросив мысль о преходящих вещах, возлюбить именно золото, которое отдает ему во власть (будь на то его воля) не только необходимые, но и любые вещи. В конце концов Альбер — сын своего отца. Ведь даже и теперь если кто и расточает золото (т. е. тратит сверх должного, с избытком), то никак не он, а старый скряга, его отец. Ср. слова Альбера ростовщику:

Разбойник!
Да если б у меня водились деньги,
С тобою стал ли б я возиться?

Разница между бароном и Альбером главным образом (а пожалуй, и только) в возрасте. Один уже пережил и забыл свою юность, которую провел при герцогском дворе, среди пиров и рыцарских турниров и которой наслаждался вполне — до скуки и пресыщения, ср. слова барона герцогу:

Стар, государь, я нынче: при дворе
Что делать мне? Вы молоды; вам любы
Турниры, праздники. А я на них
Уж не гожусь, —

и слова герцога барону:

Вам двор наскучил, —

а другой (Альбер) еще не дожид до старческих лет. Вот почему барон, бросая вызов сыну, не замечает, что приговаривает к смерти собственную молодость; а тот, принимая вызов, не замечает, что приговаривает к смерти собственную старость. Между тем молодость — тот недостаток (в глазах отца) или то достоинство (в глазах сына), которые, как известно, довольно быстро проходят. Смертный приговор отца сыну и сына отцу здесь обращен не столько против другого (никакого другого тут, собственно, нет) сколько против себя, не узанного в ином, уже утраченном или еще не приобретенном обличье. Вот мрачный комизм этой картины. Мрачный потому, что ни отец, ни сын его не сознают.

Отвечая на обвинение сына во лжи, барон взывает к высшей справедливости, он требует наказания:

И гром еще не грянул, Боже правый!
Так подыми ж, и меч нас рассуди!
(Бросает перчатку, сын поспешно ее подымает.)

До этой последней минуты барон и не думал о Боге правды, который является также Богом милосердия и любви. Скупец служил и служит иным богам. Но, как выясняется, при всем могуществе они далеко не всегда способны кому бы то ни было помочь. Зато не прочь над тем, кто слишком серьезно ими озабочен, посмеяться. Так и здесь. Наказанным и осмеянным оказывается прежде всего отец и именно тогда, когда ему совсем не до смеха.

В этой связи не лишним будет напомнить об истоке европейской жанровой традиции — «Амфитрионе» Плавта, переделывавшего на римский лад греческие сюжеты. Обращаясь к зрителям в Прологе пьесы, Меркурий называет ее сначала комедией, затем трагедией, затем продолжает:

Что морщитесь, услышав про трагедию?
Я бог: не затруднюсь и превращением.
Хотите, перестрою всю трагедию
В комедию, стихи ж оставлю прежние?
Хотите так? А впрочем, глупо спрашивать! (...)
Вам смешанную дам трагикомедию.
Сплошную дать комедию никак нельзя:
Цари и боги в действии участвуют.
Так как же быть? А роль раба имеется —
Вот и возможно дать трагикомедию.²⁹

Дело, однако, не только в составе занятых в зрелище лиц, но и в сюжете. Он был очень популярен уже в искусстве Древней Греции³⁰ и позднее, много веков спустя, привлекал к себе внимание новых и новейших драматургов (Мольер, Клейст и др.). Сюжет трагикомедии обыгрывает любовь Юпитера (так у Плавта) к Алкмене, жене фиванского царя Амфитриона. Пока Амфитрион, предводительствуя фиванцами, участвует в военном походе, Юпитер, приняв его облик, развлекается с его женой, которая и не подозревает об обмане. Меркурий помогает Юпитеру, своему отцу, в любовных плутнях, приняв облик слуги Амфитриона, Сосии. У Плавта содержание пьесы изложено так:

Алкмену полюбил Юпитер. Муж ее
Меж тем с врагом сражался. Царь богов ему
Фигурой и обличем уподобился
И взял с собой Меркурия в виде Сосии.
Тут Сосия пришел, Амфитрион за ним.

²⁹ Плавт. Комедии. М., 1987. Т. 1. С. 9.

³⁰ См.: Винкельман И.-И. История искусства древности // Винкельман И.-И. История искусства древности: Малые сочинения. СПб., 2000. С. 96, 538 (коммент.).

Раба и господина заморочил бог.
Измену заподозрив, муж корил жену,
Однако сам как блудодей был схвачен он.
Но все раскрылось. Двойню родила она.³¹

Комический эффект зрелища — в этих подменах и путанице, которую они вызывают. Но серьезное и даже трагическое его звучание возникает благодаря стоящей за действием мысли: там, где боги смеются, люди плачут (жестоким обманутый Амфитрион, обманутая Алкмена).

У Пушкина ситуация выглядит иначе: там, где люди слишком серьезны (их отношение к деньгам как к идолу и кумиру), если не боги, то дьявол непременно смеется. Но Бог справедливости («Боже правый») никогда не смеется, он всегда наказывает скорбью.

³¹ Плавт. Комедии. Т. 1. С. 6.

Н. Д. КОЧЕТКОВА

«СКАЗКА О ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ» ПУШКИНА И «ЦАРЬ-ДЕВИЦА» ДЕРЖАВИНА

Вполне понятно, что исследователей сказок Пушкина в первую очередь занимал вопрос об источниках их сюжетов. М. К. Азадовский, обращая внимание на отдельные сюжетные детали, подчеркивал близость пушкинских сказок западноевропейской традиции и указывал на их конкретные книжные источники.¹ Это наблюдение, помимо прочего, основывалось и на появившемся в 1933 г. блестящем исследовании А. А. Ахматовой, которая убедительно показала, что сюжет «Сказки о золотом петушке» восходит к «Легенде об арабском звездочете» из книги В. Ирвинга «Альгамбра» («The Alhambra»), известной Пушкину по бывшему в его библиотеке французскому изданию «Les contes de l'Alhambra» (1832).² Сделав это ценное открытие, А. А. Ахматова тщательно сопоставила тексты обоих произведений и — что особенно важно — обратила внимание не только на их сходство, но и на существенные различия и в развитии сюжета, и в обрисовке основных персонажей. Так, исследовательница отметила, что «у Ирвинга король и звездочет пародийны. Пушкин же иронизирует только над царем, образ которого совершенно гротескный».³ Так возникла и была впоследствии развита трактовка пушкинской сказки как политической сатиры.

Эта традиция, достаточно долго сохранявшаяся как в российском, так и зарубежном литературоведении, была поколеблена характеристикой, которую дал «Сказке о золотом петушке» один из крупнейших пушкинистов — С. М. Бонди, а затем

¹ См.: Азадовский М. К. Источники сказок Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. С. 134—163.

² См.: Ахматова А. Последняя сказка Пушкина // Звезда. 1933. № 1. С. 161—176. Перепеч. в кн.: Ахматова А. О Пушкине: Статьи и заметки. 3-е изд., испр. и доп. М., 1989. С. 10—40.

³ Звезда. 1933. № 1. С. 169.

В. Э. Вацуро. В комментарии к произведению С. М. Бонди писал: «Шутливая форма рассказа, иронический тон в описании царя Дадона и его действий, крайняя лаконичность повествования, отсутствие авторских разъяснений — все это часто приводило критиков к неправильному пониманию простого смысла сказки о золотом петушке: в ней искали политической темы, намеков на личные отношения Пушкина к Николаю и т. д. На самом деле Пушкин написал шутливую сказку на тему об опасности, гибельности женских чар».⁴ Обращаясь к этой характеристике и отчасти корректируя ее, В. Э. Вацуро предложил новый опыт интерпретации этого пушкинского произведения, фиксируя внимание, с одной стороны, именно на его «сказочной природе» и на «русификации и фольклоризации сюжета», с другой.⁵ В этой связи особенно плодотворно продолжение наблюдений, начатых А. А. Ахматовой над тем, что видоизменено Пушкиным по сравнению с его непосредственным источником — сказкой Ирвинга. Одновременно важно и обнаружение новых аналогий сюжета и особенно отдельных мотивов и образов.

Немало аналогий к теме петушка было обнаружено и в европейской, и в восточной литературе, в мировом фольклоре, включая русский.⁶ В. Э. Вацуро проследил, как сказочные мотивы (обманный договор, путешествие за невестой и т. п.) пародируются в сказке Пушкина. Рассматривая образ царя Дадона, исследователь совершенно точно указал на самую близкую ему параллель — царь Вакула из шутотрагедии И. А. Крылова «Трумф»: «Их сближают и своеобразный физиологизм характеристик (подчеркнутый у Крылова, ослабленный у Пушкина), и сфера грубоватого просторечия, прикрепленная к образу (...) и, наконец, сходство самих ситуаций: (...) как и Дадон, Вакула обращается к стороннему лицу в поисках спасения от завое-

⁴ Бонди С. М. Комментарии // Пушкин А. С. Собр. соч. : В 10 т. М., 1960. Т. 3. С. 529—530.

⁵ См.: Вацуро В. Э. «Сказка о золотом петушке» : (Опыт анализа сюжетной семантики) // Пушкин. Исследования и материалы. СПб., 1995. Т. 15. С. 122—133.

⁶ См.: Волков Р. М. Народные истоки творчества А. С. Пушкина: (Баллады и сказки). Черновцы, 1960; Бойко К. А. 1) Об арабском источнике мотива о золотом петушке в сказке Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1976. Л., 1979. С. 113—119; 2) Древнеегипетские истоки одного из мотивов «Сказки о золотом петушке» // Там же. 1979. Л., 1982. С. 131—136; 3) Источник сказки А. С. Пушкина о золотом петушке // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М., 1981. Ч. 2. С. 58—61; Алексеев М. П. Пушкин и повесть Ф. М. Клингера «История о золотом петухе» // Пушкин и мировая литература. Л., 1987. С. 502—541.

вателя».⁷ Это совершенно правомерное сопоставление еще раз свидетельствует, насколько живы и существенны для Пушкина и в 1830-е гг. были традиции русской литературы XVIII в. Интересно в этом отношении и предположение В. П. Степанова о том, что строки «Царствуй, лежа на боку» восходят к конкретному источнику — эпизоду из «Записок» С. А. Порошина, воспитателя цесаревича Павла Петровича.⁸ Речь идет о записи Порошина от 29 сентября 1764 г.: «Часу в осьмом (цесаревич) изволил лечь в учительной комнате на канаве и начал несколько подремывать. И как я, севши подле него и пощекотав, сказал: дремлешь, батюшка, дремлешь! то на сие развеселившись, изволил сказать мне нарочно сонным голосом: je regne (я царствую), вспомня сие слово из комедии „Arlequin, empereur de la lune”».⁹ Пример интересен, хотя едва ли может быть сочтен реминисценцией в точном значении этого слова. Указывая на неоднократно встречающийся в русской литературе XVIII в. образ бездеятельного дремлющего монарха, исследователь упоминает и строки первой редакции знаменитого стихотворения Г. Р. Державина — переложения 81-го псалма (ода «Властителем и судиям»):

Но есть безумцы и средь трона:
Сидят и царствуют дремля...¹⁰

Трудно, однако, предположить, что Пушкину была известна первая редакция этого стихотворения, оставшаяся в рукописях Державина. Но к творчеству именно этого поэта ведут дальнейшие поиски аналогий и реминисценций.

Тема «Пушкин и Державин» давно и плодотворно разрабатывается в литературоведении как пушкинистами, так и специалистами в области изучения XVIII в. В конце 1960-х гг. Г. П. Макогоненко, подводя итоги сделанного в разработке этой темы, выделил два основных направления: во-первых, изучение личных контактов двух писателей; во-вторых, «почти фронтальное сопоставление поэтических произведений Пушкина 10—20-х годов с державинскими и установлены, как выражаются пушкинисты, многочисленные „соответствия”, сознательные или бессознательные включения Пушкиным в свои произведения отдельных стихов, слов или образов Державина».

⁷ Вацуро В. Э. «Сказка о золотом петушке». С. 128.

⁸ Степанов В. П. Литературные реминисценции у Пушкина: 1. «Записки» С. А. Порошина и «Сказка о золотом петушке» // Временник Пушкинской комиссии. 1972. Л., 1974. С. 109—112.

⁹ Порошин С. Записки. 2-е изд. СПб., 1881. Стб. 16.

¹⁰ Степанов В. П. Литературные реминисценции у Пушкина. С. 109.

вина».¹¹ Означенные хронологические рамки были раздвинуты и охватили 1830-е гг. благодаря работам и Г. П. Макогоненко, и других позднейших исследователей, обнаруживших, как глубоко проявилось воздействие Державина на Пушкина в его самый зрелый период творчества. В своей обстоятельной монографии Ю. В. Стенник обратил внимание на разные стороны этого воздействия.¹² Вполне закономерно, что в первую очередь подчеркивался авторитет Державина как автора од, интерес Пушкина к героическим и гражданственным темам в его поэзии. Отмечалось также, что обоих поэтов сближало представление о высоком предназначении творца. Достаточно детально рассмотрено влияние Державина на пушкинское живописание быта и природы, особенно в «Евгении Онегине».

Есть, однако, еще одна грань державинского творчества, на которую почти не обращали внимания. Это лукавая ирония, умение облечь некоторые достаточно серьезные истины в шуточную, порой простонародную форму и, наконец, та самая фольклорная стилизация, которая обращает на себя внимание и в сказках Пушкина. Уместно также вспомнить, что даже имя царя Дадона взято поэтом из лубочной литературы — из повести (или сказки) о Бове Королевиче, имеющей в свою очередь многочисленные параллели в европейской литературе и фольклоре. Интерес к сказке Пушкин обнаруживал неоднократно: лицевой «отрывок из поэмы» «Бова» (1814); планы и наброски поэмы «Бова» (1822) и пересказ по «Истории итальянской литературы» Женгены итальянской поэмы XV в., к которой восходит русская сказка. Вполне закономерно, что знакомство Пушкина с русской версией этого европейского сюжета связывают и с устной традицией, и с весьма популярными лубочными изданиями и, наконец, с незавершенной поэмой А. Н. Радищева «Бова», на которую ссылался и сам поэт.¹³ Повесть о Бове, из-

¹¹ Макогоненко Г. П. Пушкин и Державин // Державин и Карамзин в литературном движении XVIII—начала XIX века. Л., 1969. С. 114. (XVIII век. Сб. 8).

¹² См.: Стенник Ю. В. Пушкин и русская литература XVIII века. СПб., 1995. По указателю.

¹³ Исследователи очень по-разному интерпретировали содержание поэмы Радищева, ее связь с предшествовавшей традицией и поэмой Пушкина. См.: Павлова Н. Г. Сказка «Бова» у Радищева и Пушкина как вид политической сатиры // Звенья. 1932. Т. 1. С. 513—539; Лотман Л. М. «Бова» Радищева и традиция жанра поэмы-сказки // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. 1939. № 33. Серия филол. наук. Вып. 2. С. 134—147; Кузьмина В. Д. Сказка о Бове в обработке А. Н. Радищева // Проблемы реализма в русской литературе XVIII века. М.; Л., 1940. С. 257—291; Алексеев М. П. К истолкованию поэмы А. Н. Радищева «Бова» // Радищев: Статьи и материалы. Л., 1950. С. 158—213; Сен-

вестная на Руси еще с XVI в., в XVIII столетии приобрела чрезвычайно широкую популярность и вместе с тем в глазах многих крупнейших литераторов стала примером произведения, рассчитанного на малообразованного, достаточно примитивного читателя.¹⁴

Отражение именно такого взгляда обнаруживается и в знаменитой оде Державина «Фелица» (1782). «Развратный» мурза, рассказывая о своем времяпрепровождении, признается:

Полкана и Бову читаю;
За Библией, зевая, сплю.¹⁵

Между тем сам Державин не только читал повесть о Бове, но и использовал имена ее героев в своем более позднем стихотворении — «Царь-девица» (1812), на которое обратила внимание Е. Погосян в связи с установлением аналогий для «Сказки о золотом петушке». Справедливо отмечая, что «в период работы Пушкина над сказкой державинское стихотворение было в поле зрения поэта»,¹⁶ исследовательница проводит параллель между пушкинским петушком, имеющим «функцию райской птицы» и «эдемским индейцем» из стихотворения Державина. Есть, однако, основания несколько расширить сопоставление этих произведений.

«Царь-девица» была включена Державиным в не опубликованную при жизни 3-ю часть его «Рассуждения о лирической поэзии» как пример жанра «романса», истоки которого он находил в поэзии трубадуров. К этому же жанру он относил и русские былины (сборник Кирши Данилова). Державин писал: «...романс любит волшебное, чудесное, удивительное, ужасное, мечтательное, любовное, нежное, страстное и всякие издевич-

ников Г. И. «Бова» А. Н. Радищева и его место в истории русской поэмы // Филологический сборник: (Статьи аспирантов и соискателей). Алма-Ата, 1963. С. 258—269.

¹⁴ См.: Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси («Бова», «Петр златых ключей»). М., 1964; Салмина М. А. Повесть о Бове // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2: (Вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 2. Л—Я. С. 220—222.

¹⁵ Державин Г. Р. Сочинения с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1864. Т. 1. С. 139.

¹⁶ Погосян Е. К проблеме значения символа «Золотой петушок» в сказке Пушкина // В честь 70-летия профессора Ю. М. Лотмана : Сб. статей. Тарту, 1992. С. 99. См. также: Герлован О. К. Сказка-романс Г. Р. Державина «Царь-девица» // Г. Р. Державин : Личность и творчество, современное восприятие : Тез. Междунар. науч. конф., посвященной 250-летию со дня рождения поэта. Казань, 1993. С. 12—14.

ные повести обоих полов, а особенно о каком-либо древнем богатыре, странном рыцаре, царе-девице, волшебнике, волшебнице, отшельнике, старинном служивом и проч.»¹⁷ Таким образом, представление о «романсе» оказывается достаточно далеким от позднейшего: «романс» для Державина — это нечто похожее на поэму-сказку в народном духе.

Ссылаясь на «русску старину», Державин описывает сказочную Царь-девицу, прославившуюся и красотой, и «добрым правленьем». Среди многочисленных женихов, стремящихся завоевать ее благосклонность, самым дерзким является «царь-царевич, или круль» Маркобрун, осмелившийся проникнуть к девице в спальню и поцеловать ее. «Мстить за честь» Царь-девицы собирает грозное войско, одерживающее сокрушительную победу над оскорбителем:

Кровь народа Маркобруна
Уподобилась реке;
Он дрожал ее перуна
И в своем уж чердаке.¹⁸

«Разбитый в пух» Маркобрун, изображенный явно пародийно, напоминает царя Вакулу из «Трумфа» Крылова — ближайшая аналогия пушкинскому царю Дадону. Однако концовка стихотворения Державина несколько неожиданна: из незадачливого полководца Маркобрун превращается в играющего на цевнице пастуха и своими песнями покоряет нежное сердце Царь-девицы.

Имя Маркобрун взято Державиным из повести о Бове королевиче; отсюда же возникло и упоминание о Полканах, стерегущих дом и трон Царь-девицы. Источником же самого сюжета Я. К. Грот назвал «Повесть об Алеше Поповиче» из «Русских сказок», ошибочно приписанных им М. Д. Чулкову, но в действительности принадлежащих В. А. Левшину.¹⁹ Здесь также одним из главных действующих лиц является прекрасная, но воинственная Царь-девица, живущая в шатре и побеждающая богатырей. Застигнув ее во сне, Алеша Попович «играет ее престельми». Разгневанная Царь-девица отправляется на по-

¹⁷ Державин Г. Р. Продолжение о лирической поэзии: Часть 3 / Публ. В. А. Западова // Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л., 1986. С. 259. (XVIII век. Сб. 15).

¹⁸ Державин Г. Р. Соч. СПб., 1866. Т. 3. С. 130.

¹⁹ [Левшин В. А.]. Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие оставшиеся чрез пересказывание в памяти приключения. М., 1780. Ч. 1. С. 187—248. По сообщению Н. П. Морозовой, эта книга была в библиотеке Державина.

иски оскорбителя и «перед стенами Киева» вызывает на бой «виноватого». Алеша вновь проникает в ее шатер и своими ласками заслуживает ее благосклонность. Все завершается торжественной свадьбой Алеши и Царь-девицы, которая отныне перестает сражаться с богатырями.

Обратившись к этому сюжету, Державин создал не столько «народно-эпическое стихотворение», как определяет Я. К. Грот, сколько шутивную сказочную поэму, не лишенную некоторой гривуазности. Весьма интересны наблюдения Я. К. Грота, отметившего, что «почти все подробности» этого стихотворения «подходят к Елисавете Петровне, так что ее образ, очевидно, имел большое участие в создании типа Царь-девицы. Тут очерчены и красота этой государыни и ее роскошное бездействие. 10-й куплет напоминает царскосельский дворец; 17-й негу императрицы (...); 21-й ее наряды, 22-й и 31-й богомолье, 25-й оды Ломоносова; 26-й множество женихов Елисаветы Петровны; 28-й посольство Надир-шаха; 34-й и след. отношение к Фридриху II и семилетнюю войну. Поэт как будто вспоминает свою молодость и слышанные им в то время рассказы».²⁰

Однако, при всей конкретности указанных эпизодов, нельзя слишком буквально трактовать содержание этого стихотворения. Самый образ Царь-девицы является, несомненно, неким художественным обобщением. Описание ее красоты, многие похвалы в ее адрес могут быть соотнесены и со стихами Державина, посвященными Екатерине II.²¹ Вместе с тем этот образ связан и с фольклорной традицией.

Какие-то черты державинской Царь-девицы можно узнать сразу в двух персонажах «Сказки о золотом петушке»: и в Шамаханской царице, и в царе Дадоне.

В поисках аналогий образу Шамаханской царицы исследователи привлекали самые разные источники. Так, Д. И. Белкин обратил внимание на опубликованную в начале 1834 г. поэму-сказку П. А. Катенина «Княжна Милуша», где одним из действующих лиц является «царица Шамахи» Зюльфира, воинственная восточная красавица.²² Р. Шульц нашел параллель пушкинскому образу в «демонах любви» Книдского мифа.²³ Наиболее точно, как нам кажется, определил характер этого образа В. Э. Вацуро, который писал: «...у Пушкина этот образ

²⁰ Грот Я. К. Примечания // Державин Г. Р. Сочинения. Т. 3. С. 475.

²¹ См.: Левцкий А. А. Две Екатерины в поэзии Г. Р. Державина // Державинские чтения : Сб. научных докладов. СПб., 1997. Вып. 1. С. 62—75.

²² См.: Белкин Д. И. К истолкованию образа Шамаханской царицы // Временник Пушкинской комиссии. 1976. Л., 1979. С. 120—124.

²³ Шульц Р. Пушкин и Книдский миф. München, 1985. С. 123.

развит и фольклоризирован; он стилизован под сказочную царь-девицу, сияющую „как заря”, с чертами традиционного вежества в поведении...».²⁴

Между тем наиболее близким посредником между сказкой Пушкина и фольклором в данном случае как раз и оказалось стихотворение Державина. Его Царь-девица, «Будто солнце светлолица / Будто тихая весна»; от оскорбителя она «хоронится платочком» и т. п. Говоря о жестокости Шамаханской царицы, о ее «кровавом следе», В. Э. Вацуро указывал на отход Пушкина от фольклорной традиции. Можно применить это наблюдение и к державинскому стихотворению, которое вполне остается в рамках этой традиции. Более того, при всем внешнем сходстве обе героини оказываются решительными антиподами: Царь-девица покоряет всех своим «нежным нравом», ее любят за ее бесхитрость; Шамаханская царица безжалостна и коварна. Антитеза не отрицает, но подтверждает законность параллели. В каждом произведении присутствует тема женских чар, играющая важную роль в развитии сюжета.

О Шамаханской царице как правительнице фактически ничего неизвестно. В стихотворении Державина подробно описывается времяпрепровождение Царь-девицы:

В рощах злчных, в лукоморье
Въявь гуляла и в саду,
Летом в лодочке на взморье.
На санках зимой по льду.

Рассказывается об ее охотничьих забавах, о том, как она «Шила ризы золотые, / Сплошь низала жемчугом», «Ездила на богомолье» и т. д. Говоря о всеобщем восхищении Царь-девицей как правительницей, Державин не без лукавства продолжает:

Стиходеи ту ж бряцали
И на гусях милу ложь;
В царствах инших повторяли
О Царе-девице то ж.

Оказывается, что, несмотря на кажущееся всеобщее благодеяние («Плавали как в масле сыр»), похвалы правительнице, проводящей время в «роскошном бездействии», по выражению Я. К. Грота, — не что иное, как «мила ложь». Так образ державинской Царь-девицы может быть сближен не только с Шамаханской царицей, но и с царем Дадоном, которого называют «славным» и «отцом народа» явно не по его истинным за-

²⁴ Вацуро В. Э. «Сказка о золотом петушке». С. 131.

слугам. Он так же бездеятелен и готов забыть все государственные дела за любовными утехами. И в том и в другом случае правители изображены пародийно. Дадон мечтает «покой себе устроить»; Царь-девица судьбы страны решает в спальне, окруженная няньками и мамками:

Статно стоя, няньки, мамки
Одаль смели чуть дышать
И бояр к ней спозоранки
В спальню с делом допускать.

С ними так она вещала,
Как из облак божество;
Лежа царством управляла,
Их журия за шаловство.

Именно здесь в стихотворении Державина находим слова, непосредственно предварившие знаменитую пушкинскую строку, вызвавшую неудовольствие цензуры: «Царствуй, лежа на боку» — «Лежа царством управляла (...)».²⁵ Эта явная реминисценция, отмеченная и Е.Погосян, подтверждает намеченную нами параллель.

Не следует, разумеется, искать обличительный пафос в «Царь-девице» Державина, который пишет о ней с явной симпатией как о «красотке славной» и увлеченно описывает ее женские прелести, хотя не без легкой иронии характеризует ее как правительницу. Уместно вспомнить, что, по справедливому наблюдению В. Э. Вацуро, и Дадон «не лишен полностью авторского сочувствия».²⁶

Конечно, Пушкин, несмотря на заимствованный из Ирвинга сюжет, создает оригинальные образы персонажей, но избранный им путь, помимо прочего, несомненно, был подсказан и стихотворением Державина «Царь-девица», о чем свидетельствуют отмеченные параллели и реминисценции. Главное же, сделанные наблюдения позволяют несколько расширить наши представления о той преемственности, которая связывает творчество Державина и Пушкина.

²⁵ Интересно отметить, что Державин, правивший в рукописи текст стихотворения, не изменял эту строку. См.: РО ИРЛИ РАН, ф. 96 (Г. Р. Державин), оп. 1, № 10, л. 76 об.—80.

²⁶ Вацуро В. Э. «Сказка о золотом петушке». С. 128.

В. П. СТАРК

МАРТИН ЛЮТЕР В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ ПУШКИНА

Постановка обозначенной темы может показаться неожиданной, и для того есть, как кажется на первый взгляд, все основания. Самое имя великого реформатора христианской церкви Пушкин упоминает лишь однажды в «Истории Петра», да и то цитируя рассказ И. И. Голикова о посещении царем в 1712 г. мест, связанных с Лютером: «3 окт.(ября) прибыл в Виртемберг саксонский, здесь посетил он гроб Лютера, его библиотеку и горницу, где он жил, etc.» (X, 187). На самом деле Лютер был похоронен вовсе не в Виртемберге и не Вюртемберге, как уточнено в именном указателе к «Истории Петра» (X, 515, 517), а в Виттенберге. Данная ошибка не восходит к «Деяниям Петра Великого», где называется именно Виттенберг. Прослеженная в целом В. С. Листовым лексика Пушкина в сопоставлении с голиковским текстом позволяет и в данном случае уточнить пушкинскую редакцию этого сообщения.¹ Назвав Виртемберг вместо Виттенберга, Пушкин ошибся, а кроме того, несколько отредактировал сообщение Голикова и вовсе опустил следующий анекдот: «Потом Государь осматривал библиотеку и ту палату, в коей он жил. Пасторы показывали Его Величеству на стене чернильное пятно, о коем сказывали, что, когда он писал, предстал пред него дьявол, и он в сего искусителя бросил чернильницу, и что видимое на стене пятно есть то самое чернило. Монарх смеялся сим рассказом и сказал: „Не уж ли сей разумный муж верил, что дьявола видеть можно?“ И когда просили Его Величество Духовные сия Церкви, чтоб он благоволил в память бытия своего здесь что-нибудь на той стене подписать: то Государь, рассматривая все достопримечательности оком, и найдя, что оные чернильные брызги новы и сыро-

¹ Пушкин А. С. История Петра / Сост., подгот. текста, предисл., коммент. В. С. Листова. М., 2000. С. 222.

ваты, подписал тако: „Чернилы новые, и совершенно сие не-справда”».²

То, что Пушкин опустил приведенный анекдот, является проявлением последовательного отношения к подобного рода текстам, выпадающим из строго исторического, объективного представления фактов биографии Петра I. В хронике того же октября 1712 г. Пушкин опустил подобный рассказ, обозначив его «Анекдот о кухне», связанный с посещением в Теплицах замка графа Валдекского, усердно кормившего царя. Что же касается названия «Виттенберг», то оно явно ничего Пушкину не говорило в отличие от Теплиц, написанных Голиковым трижды со строчной буквы, а Пушкиным трижды с прописной.

Импульс для настоящего обращения к фигуре Лютера в связи с Пушкиным был дан консультацией Отделу полиграфии РНБ по поводу книги, хранящейся в его собрании с автографом на титульном листе «A. Pouschkin. 1814». Это французская книга Шарля Вийе, опубликованная третьим изданием в 1808 г. в Париже под заглавием: «Essai sur l'esprit et l'influence de la reformation de Luther...» («Опыт о духе и влиянии реформации Лютера...») с пространным пояснением на титуле в отношении автора и обстоятельств ее появления. Сочинение было удостоено премии на диспуте, состоявшемся 5 апреля 1802 г. по вопросу: «Какое значение имела реформация для политической дифференциации Европы и для Просвещения?».

На титульном листе, помимо указанного автографа, имеется еще один, также французский: «A. Chvostoff. 1843». Несомненно, что оба автографа принадлежат владельцам книги. Наличие инициалов и годов, когда были сделаны эти автографы, и сочетание фамилий Пушкиных и Хвостовых позволило, обратившись к их генеалогиям, установить личности владельцев книги. Предположение, что первый автограф принадлежит поэту, отпало сразу не только потому, что А. С. Пушкин тогда еще учился в Лицее и не приобретал книг для себя, но и потому, что он не имеет ничего общего с известными его автографами, в том числе французскими. Можно сделать вывод, что первым владельцем был Андрей Никифорович Пушкин (1792—1831), полковник артиллерии, литератор, сотрудник Вольного общества любителей российской словесности, погибший в 1831 г. при штурме Варшавы. Потомства он не оставил, так что его имущество разошлось по близким людям. Самым близким ему человеком была его сестра Екатерина Никифоровна (1796—1864), с 1822 г. жена Николая Васильевича Хвостова

² Там же. С. 346—347.

(1793—1837). Она хорошо рисовала, и в собрании Всероссийского музея Пушкина хранятся выполненные ею миниатюрные портреты, в том числе два автопортрета и портрет ее брата А. Н. Пушкина. Ее сын Андрей Николаевич Хвостов (1824—1888) и был, судя по всему, вторым владельцем книги.³ Отец Андрея и Екатерины — Никифор Изотович Пушкин принадлежал к тому же колену рода, что и поэт, но их общим предком был только Григорий Александрович Пушка, родоначальник Пушкиных в XIV в., так что они состояли в 13-й степени родства.

Таким образом, мы не можем говорить о знакомстве Пушкина с указанным сочинением. Однако в библиотеке самого поэта сохранился другой труд, посвященный Лютеру и Реформации. Это второй и третий тома записок Лютера в переводе на французский язык, доставленные ему из Парижа через посредство Белизара, французского книгопродавца в Петербурге.⁴ Сохранившееся письмо Белизара к Пушкину от 24 марта 1836 г. с приложением счета за предоставленные поэту книги дает не только указание на цену двух томов (24 р.), но и дату получения их Пушкиным — 10 января 1836 г. (XVI, 95—97). Первый том, судя по тому что Пушкин его не заказал, уже был у него. Во втором томе разрезаны с. 1—274, в третьем — с. 1—225. Во втором томе, кроме того, проложены закладки между с. 198—199 и 208—209. Чтобы не сомневаться, что закладки сделаны именно Пушкиным, следует вникнуть в содержание заложенных мест и установить, могли ли они заинтересовать его и не нашли ли отражения в его произведениях.

В первом из отмеченных мест на с. 198—199 идет речь о Томасе Мюнцере, возглавившем крестьянский бунт, продолжавшийся восемь месяцев от осени 1524 г. до весны 1525-го. Первая победа над восставшими была одержана графом Альбертом Мансфельдским 5 мая 1525 г. под Остергаузеном. 12 мая силы Филиппа Гессенского, гр. Альберта и герцога Георга Саксонского соединились под Бёблигеном и 15 мая разбили

³ Модзалевский Б. Л., Муравьев М. В. Пушкины: Родословная роспись. Л., 1932. С. 58; Миниатюра конца XVIII—первой половины XIX века из собрания Всероссийского музея А. С. Пушкина. СПб., 1996. № 123—127; Румель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886—1887. Т. 2. С. 588.

⁴ Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: (Библиографическое описание). СПб., 1910. С. 277. № 1115: Mémoires de Luther écrits par lui-même, traduits et mis en ordre par M. Michelet professeur à l'École Normale, Chef de la Section historique aux Archives du Royaume. Précédés d'un essai sur l'histoire de la religion et suivis des biographies de Wicleff, Jean Huss, Erasme, Mélancton, Hutten, et autres prédécesseurs et contemporains de Luther. Paris, 1835.

так называемые красные шайки Мюнцера под Франкенгаузеном. «Сразу после поражения крестьян Меланхтон опубликовал краткую историю Мюнцера. Стоит ли говорить, что рассказ этот изображает побежденных в крайне неблагоприятном свете. Автор уверяет, что Мюнцер, скрывшись в Франкенхаузене, спрятался в постель и притворился больным, но был найден одним из всадников и опознан по сумке.

Когда на нем сжали наручники, он стал кричать; тогда герцог Георг сказал ему: „Ты страдаешь, Томас, но они сегодня пострадали еще больше, те несчастные, кого убили, и именно ты толкнул их на это“. „Они и не хотели другого“, — ответил Томас, рассмеявшись так, словно был одержим дьяволом.

На допросе Мюнцер признался, что давно уже замыслил реформировать христианство и восстание крестьян Суаба показалось ему удобным часом.

В последний момент он показал себя большим трусом. Он был так растерян, что не смог сам прочесть „Верую“. Герцог Генрих Брунсвикский прочел ему молитву, а он повторил. — Также он принародно признал, что заблуждался: принцев же он заклинал быть не столь жестокими к бедному люду и читать книги Королей, говоря, что, если они последуют его советам, им не придется больше бояться подобных опасностей. После этой речи он был обезглавлен. Голова его была надета на пику и выставлена на обозрение для примера».

Второе заложенное место (между с. 208—209) касается разногласий Лютера с Эразмом Роттердамским, некогда поддерживавшим его реформу, а затем отделившимся от него. Закладка отмечает выписки из писем Лютера к Эразму, в которых Лютер, в частности, пишет:

«Да хранит тебя Господь, живущего среди этих диких зверей, этих змей, этих львов, этих пантер и подвергающегося еще большей опасности, чем Даниил во рву со львами.

Я не упрекаю тебя в том, что ты отделился от нас из боязни помешать борьбе с нашими врагами папистами, которую ты поддерживал. Я не сержусь и на то, что в книгах, которые ты опубликовал, в нескольких местах, чтобы добиться их милости или смягчить их ярость, ты нанес нам несколько укулов, довольно сильных. Мы видим, что Господь еще не дал тебе необходимых сил или разума, чтобы свободно и отважно броситься на этих чудовищ, и мы не таковы, чтобы требовать от тебя того, что выше твоих сил».⁵

⁵ Перевод с французского М. И. Писаревой.

Прочитированные места явно должны были заинтересовать Пушкина. Тема крестьянских волнений, участия в них дворян с конца 1820-х гг. занимала Пушкина, что нашло выражение в повести «Дубровский». В ту же пору, когда Пушкин работает над «Историей Петра», этот интерес обострился по ходу параллельной работы над «Историей Пугачева» и «Капитанской дочкой». К теме Лютера и инспирированного им крестьянского выступления, подавленного феодальными рыцарями, ближе всего примыкают «Сцены из рыцарских времен». Они относятся к самому позднему периоду обращения Пушкина к драматургическому творчеству. набросок начала пьесы, написанной четырехстопным ямбом, относится к июню 1835 г. и предшествует прозаическому тексту, датируемому июнем—августом того же года. В стихотворном наброске главный герой еще именуется Мартыном: «Ох, горе мне, Мартын, Мартын».

В свое время С. М. Бонди, комментируя «Сцены» и называя возможные источники легенды о Фаусте как изобретателе книгопечатания (такие как роман Клингера «Жизнь, деяния и низвержение в ад Фауста» и книга «О Германии» Ж. де Сталь), замечал: «Еще более близким источником этих сведений мог быть Карамзин, его „Письма русского путешественника“:⁶ „Доктор Фауст, по суеверному народному преданию, есть великий колдун, и по сие время бывает обыкновенно героем глупых пьес, играемых в деревнях или в городах на площадных Театрах странствующими Актерами. В самом же деле, Иоанн Фауст жил как честный гражданин во Франкфурте на Майне, около середины пятого-надесять века; и когда Гуттенберг, Майнцкой уроженец, изобрел печатание книг, Фауст вместе с ним пользовался выгодами сего изобретения... и как простолюдины того века приписывали действию сверхъестественных сил всё то, что они изъяснить не умели, то Фауст провозглашен был сообщником дьявольским, которым он слывет и поныне между чернию и в сказках...”».⁷

Действие «Сцен» соотносится с эпохой Крестьянской войны в Германии, во многом вдохновленной Мартином Лютером и движением Реформации. Рыцари вспоминают своих далеких предков, участников походов на Палестину, и сражаются против восставших крестьян. Эта тема занимала Пушкина в аспекте крестьянских движений в России. Именно в «Письмах» Карамзина фигуре Лютера уделено особенное внимание. Путе-

⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 7: Драматические произведения. [М.]: Изд-во АН СССР, 1935. С. 651.

⁷ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 17.

шественник Карамзина по пути в Женеvu совершает особое путешествие из Веймара в Эрфурт, с тем чтобы посетить там Бенедиктинский монастырь с могилой легендарного участника первого крестового похода имперского графа Глейхена на Петровой горе и келью Лютера: «Взглянув с *Петровой горы* на город и окрестности, пошел я в сиротский дом и видел там келью, в которой Мартин Лютер жил с 1505 до 1512 года. На стенах сей маленькой, темной горницы написана его история. На столике лежит Немецкая Библия первого издания, которую употреблял сам Лютер и в которой все белые страницы исписаны его рукою. Можно ли, думал я, чтобы простой монах, живший во мраке этой кельи, сделал не только великую реформу в Римской церкви, вопреки Императору и Папе, но и великую нравственную революцию в свете!».⁸

Этим свершениям предшествовало в биографии Лютера событие, определившее всю его дальнейшую жизнь. 2 июля 1505 г., возвращаясь из родительского дома в Мансфельде пешком в Эрфурт, под селением Соттергейм он был застигнут в пути молнией, которой был повержен на землю, подобно апостолу Павлу на пути в Дамаск. И воззвал он к Св. Анне, заступнице рудокопов, его предков, и наступило озарение — тогда он произнес обет: «Я постригусь». И утихли гром и молния. В тот же год Лютер с именем Августин принимает постриг, строго блюдя себя, как он писал позднее: «Вся моя жизнь была бдением, постом и молитвой». За два года до того, на том же пути, когда он случайно ранил себя своей же шпагой в бедро, теряя сознание, успел Лютер лишь прошептать имя Девы Марии. Долгие дни выздоровления он посвятил пению псалмов и гимнов, аккомпанируя себе на лютне. Это были знаки свыше.

Не следует забывать, что Лютер был тогда католиком. Еще в Эйзенахе, где Лютер учился в школе Св. Георга, более всего любил он в свободное время ходить в церковь Св. Марии. Посещал он и францисканский монастырь, основанный в 1225 г. первым провинциалом немецких францисканцев Иорданом де Гиано под покровительством принцессы Елизаветы Венгерской, супруги маркграфа Людвига Тюрингского. Монастырь был расположен у подножия возвышавшейся над городом крепости Вартбург — резиденции маркграфа. Свою жизнь Елизавета посвятила молитве и заботам о бедных, а когда после гибели маркграфа в одном из крестовых походов его родня выставила ее из замка, она сама приняла постриг в Марбурге, куда была

⁸ Карамзин Н. М. Письма... С. 81.

вынуждена перебраться, остаток дней и средств также посвятив милосердию. Скончалась она в возрасте 24 лет. Эта поучительная история не могла не тронуть сердца чувствительного юного Лютера. Через двадцать лет Лютеру суждено было вернуться в стены этой обители.

Уже гонимый папой, отлученный им от церкви, Лютер с 3 мая 1521 по 1 марта 1522 г. укрывается в Вартбурге под именем бедного рыцаря юнкера Георга, становится он и майстерзингером, слагая песни в стихах и перелагая псалмы. Лютеру принадлежит и молитва «Пресвятой Деве». По сути оказавшийся вдохновителем войны крестьян против феодалов, Лютер, явно устранившись ее последствий, отстраняется от них.

Пушкинский Франц в «Сценах из рыцарских времен» представляется предводителем крестьян, восставших против рыцарей. Вместе с тем он выступает в роли поэта, исполняющего собственные песни. Одна из них — о бедном рыцаре, поклоняющемся Пресвятой Деве, — «Жил на свете рыцарь бедный» — является переделкой написанного Пушкиным еще в 1829 г. стихотворения «Легенда». Очевидно, что факты биографии Лютера, наложенные на известные Пушкину средневековые предания о рыцаре и Деве Марии, во многом определили собою создание «Сцен из рыцарских времен». Однако самое обращение к Лютеру и его биографии было инспирировано соответствующими местами «Писем» Карамзина.

В письме из Франкфурта-на-Майне от 28 июля Карамзин отмечает, что по дороге обратил внимание на замок, прославленный именем Лютера: «Еще заметил я замок Вартбург, который лежит на горе не далеко от Эйзенаха, и в котором после Вормского Сейма содержан был Мартин Лютер». А уже после Франкфурта путешественник заехал в Вормс: «В Вормсе достойна примечания старинная ратуша, в которой император Карл V со своими имперскими князьями судил Лютера в 1521 году. И ныне еще показывают там лавку, на которой лопнул стакан с ядом, для него приготовленным. Путешественники отрезают по кусочку от того места, где будто бы стояла сия трава, и почти насквозь продолбили доску».⁹

Эти эпизоды в «Письмах» накладываются на общий фон повествования, в котором тема любви, в том числе запретной с канонической церковной позиции, и рыцарских подвигов в честь возлюбленных, занимает едва ли не ведущее место, а обозрению памятников, напоминающих о рыцарях времен крестовых походов, их обетах, влюбленных монахах и наказаниях, их

⁹ Карамзин Н. М. Письма... С. 82, 92.

постигающих, отведены едва ли не самые яркие страницы. Пушкину, для того чтобы погрузиться в атмосферу рыцарского средневековья, не надо было обращаться к специальным трактатам, «Письма русского путешественника» уже давали богатую пищу для воображения. Отмечалось их влияние и на «Сцены из рыцарских времен», куда Пушкин помещает в особой редакции и стихотворение «Легенда».

Мимо внимания Пушкина явно не прошли места «Писем», посвященные Лютеру, и даже подвинули его к тому, чтобы более основательно обратиться к фигуре Лютера и к его запискам о своей жизни. Есть в этих записках место, которое, вне всякого сомнения, не только было использовано в «Сценах», но служит своеобразным знаком их общности с биографией Лютера. Это рассказ старого Мартына о том, что когда ему было четырнадцать лет, то отец выгнал его из дома, дав два крейцера и «пинок в гузно». Буквально в тех же выражениях и с теми же подробностями этот эпизод прощания с родным домом дан Лютером. Прослеживаются и другие детали, позволяющие продолжить установленное сближение. Прежде всего оно выявляется на уровне имен действующих лиц. Так, имя рыцаря Альберта в «Сценах из рыцарских времен» восходит к имени Альберта, герцога Майнцского, защитника и одновременно противника Лютера, стоявшего в его борьбе меж двух огней. Следует отметить и то, что первоначально главный герой должен был носить у Пушкина имя Лютера — Мартын или Мартин, затем оно дано было его отцу, а он назван Францем — именем ученика Лютера Франца Гюнтера. Франц у Пушкина — потомок бочара, как и ученик Лютера Кальвин. Для публичного диспута Франца Гюнтера в 1516 г. Лютер создает свои знаменитые 95 тезисов, или парадоксов. Греческое слово *paradoxon* означает «странное, удивительное учение».

В сцене сражения рыцарей с вассалами раненного Франца, призывающего крестьян не оставлять поля боя, один из рыцарей хватает за воротник со словами: «Постой! брат... успеешь им проповедать».

Имя Франц носил и Франц фон Зикинген — гроза Германии эпохи Крестьянской войны, возглавивший борьбу крестьян против рыцарей-папистов. Один из его сподвижников Гетц фон Берлихинген стал героем одноименной драмы Гете. На имени Франц остановился в конце концов Пушкин при выборе имени своему герою. Пушкинский Франц не рыцарь, он только жаждет им стать, но он и не проповедник. Эта роль отдана соседу, отцу Бертольду, которому дано имя изобретателя пороха Бертольда Шварца. Притом что действие «Сцен» происходит в

Германии, очевидно, что Пушкин колебался в выборе места действия, следом чего осталось французское имя Альбер и упоминание им другого рыцаря Ремона. Однако имя Альбер имеет у Пушкина и другое написание — Альберт. Не случайно отмечалось, что эпизод крестьянского восстания несет на себе черты французского крестьянского восстания 1358 г., так называемой Жакерии, давшей название посвященной ей пьесе П. Мериме, которая в какой-то мере оказала влияние на «Сцены». Однако с таким же успехом и даже с большим основанием можно говорить о Крестьянской войне в Германии XVI в.

Другой, автобиографический план ассоциаций «Сцен» выявляется при обращении к «Путешествию в Арзрум». В свое время Р. В. Иезуитова первой, давая обоснование датировке стихотворения «Легенда», сопоставила ее текст с «Путешествием в Арзрум», проследив их тематические переключки и даже текстуальные совпадения. Так, рассуждая о выражении «азиатская роскошь», Пушкин замечает: «Эта поговорка, вероятно, родилась во время крестовых походов, когда бедные рыцари, оставя голые стены и дубовые стулья своих замков, увидели в первый раз красные диваны, пестрые ковры и кинжалы с цветными камушками на рукояти». По этому поводу исследователь пишет: «Контраст Востока и Запада, столь характерный для арзрумских впечатлений Пушкина, не случайно приводит на память ассоциации из эпохи крестовых походов, впервые этот контраст обнаружившей, а „бедные рыцари“, может быть, в какой-то степени проливают свет на героя будущей баллады». Р. В. Иезуитова, заключая свои наблюдения, пишет: «Можно думать, что участие Пушкина в арзрумском походе, впечатления от сражений с турками, от пустынных равнин Армении и Турции послужили источником местного колорита „Легенды“ в не меньшей степени, чем палестинские пейзажи, описанные в романах о крестоносцах Вальтера Скотта».¹⁰

К этому текстуальному совпадению можно, как кажется, добавить еще одно, восходящее к черновому варианту «Сцен из рыцарских времен», где в словах Мартына этот контраст переносится в другую плоскость: «...старый Мартын не променяет своей лавки, убранной сверху до низу испанскими сукнами, на их голые каменные замки, где они с голоду свищут да побрякивают шпорами». В «Путешествии в Арзрум», которое соотносится, таким образом, с путешествием «бедного рыцаря», Пушкин, подметив упадок «духа дикого рыцарства» в черкесах, еще

¹⁰ Иезуитова Р. В. «Легенда» // Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов. Л., 1974. С. 159—160.

один способ исправления их нравов видит в проповеди Евангелия: «Есть средство более сильное, более нравственное, более сообразное с просвещением нашего века: проповедание Евангелия». «Кавказ ожидает христианских миссионеров», — пишет Пушкин, заметив при этом: «Но легче для нашей лености в замену слова живого выливать мертвые буквы и посылать немые книги людям, незнающим грамоте» (VIII, 449). Пример Лютера, проповедовавшего живое слово Христа, свершившего, по словам Карамзина, «великую нравственную революцию», как бы предстает перед Пушкиным.

Когда Пушкин пишет прозаический текст «Сцен», он оставляет в своей рабочей тетради свободные места в виде чистых страниц, которые частично окажутся заполненными черновым текстом созданного в Михайловском стихотворения «Вновь я посетил». Данное обстоятельство позволило обратить внимание на связь и этого столь знаменательного для Пушкина стихотворения с личностью Лютера. На этот раз толчок дал портретный рисунок на полях одной из страниц черновика этого элегического произведения (ПД 846, л. 39 об.). Слева от текста четко прорисована с поворотом в три четверти влево голова мужчины с бородой и усами. Среди огромного множества портретных рисунков Пушкина — этот один из немногих, представляющих бородатых мужчин. Петровский указ о бородах привел к тому, что все современники поэта в том кругу, к которому он принадлежал по праву рождения, бород не отпускали. Даже усы оказывались в силу действовавших в ту пору указов привилегией военных. Купечество, да и то далеко не все, крестьянство в силу исконной традиции и, конечно, духовенство по регламенту носили бороды. Но ни одного крестьянина или купца с бородой Пушкин не рисовал. Рисунки, зафиксировавшие духовных лиц, таких как игумен Иона, нам известны, но их ни с кем не спутаешь — помимо бороды их отличает клобук, камилавка или скуфья. Особую статью составляют зарисовки знакомых Пушкину молдаван, на которых не распространялись петровские нормы. Из иностранных, нероссийских подданных — это представители магометанской веры, но таких в рисунках Пушкина можно перечестать по пальцам, среди них наиболее известен портрет безымянного «камергера двора Фатали шаха», как Пушкин подписал свой рисунок в альбоме Ел. Н. Ушаковой, также рисунок бородатого пожилого мужчины на титульном листе «Драматических сцен» (1830), определенного Т. Г. Цявловской как изображение В. Шекспира.¹¹

¹¹ Жуйкова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. СПб., 1996. № 376 (Иона), № 390 (Камергер двора Фатали шаха), № 846 (Шекспир); Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. М., 1980. С. 116.

В данном случае перед нами явно не портрет крестьянина или купца, это и не мусульманин. По типу лица это явный европеец, притом, несомненно, незаурядная личность. Высокий лоб мыслителя, изборожденный морщинами, страдальческое, даже трагическое лицо с напряженным выражением глаз отличают пушкинский рисунок. Подобное впечатление достигнуто в целом несколькими распространенными приемами: помимо наморщенного лба, это и складки, идущие от уголков глаз, опущенные веки и обращенные вниз кончики усов. До настоящего времени не высказано никаких предположений относительно данного рисунка, что само по себе странно. Есть рисунки, в отношении которых существует несколько атрибуций, этот же обозначается просто как «мужская голова».¹²

Рисунок выполнен против следующих строф стихотворения:

..... — годы
Промчались — и вы во мне прияли
Усталого пришельца — я еще
Был молод — но уже судьба и страсти
Меня борьбой неравной истомили.
[Я зрел врага в бесстрастном (?) судии,
Изменника, в товарище пожавшем
Мне руку на пиру, — всяк предо мной
Казался мне изменник или враг. —]
Утрачена в бесплодных испытаньях
Была моя неопытная (?) младость —
И бурные кипели в сердце чувства
И ненависть и грезы мести бледной.

(III, 996)

Эти строки, самые выразительные по напряжению заключенных в них чувств и трагических переживаний, в полной мере отвечают тому, что вложено в рисунок мужчины, соответствует выражению его лица. Рисунок можно было бы назвать изображением лирического героя стихотворения, столь значащего, если бы не знать принципов пушкинской графики, перекликающейся со стихотворным текстом. В данном случае вполне был бы ожидаем автопортретный рисунок со схожим выражением лица, чему достаточно примеров в подобных ситуациях. Пушкин мог, как это бывало не однажды, нарисовать по памяти профиль кого-то из своих знакомых, современников, чья судьба или какой-то эпизод жизни мог вызвать по ассоциации рисунок. Но он не пошел ни по тому, ни по другому пути. Есть еще один, третий путь, по которому также не однажды рука Пушкина-графика следовала за ходом его размышлений, когда в силу

¹² Пушкин А. С. Рабочие тетради. СПб.; Лондон, 1995. Т. 1. С. 245.

той или иной ассоциативной связи на бумаге рядом с литературным текстом рисовался портрет какого-то исторического лица — писателя, философа, государственного деятеля той или иной эпохи, порою столетиями или даже тысячелетиями отделенного от времени, в котором суждено было жить Пушкину. Так пером поэта были запечатлены Вольтер и Бомарше, Робеспьер и Марат, Петр Первый и Екатерина II, Гете и Байрон. Идентификация «неизвестного мужчины» именно на этом пути казалась наиболее вероятной. Очевидным вместе с тем представлялось и то, что по нему прошли все известные исследователи рисунков Пушкина, так и не дав какого-либо ответа, не высказав никакой гипотезы. Ничего не давало и визуальное сопоставление с портретным рядом исторических лиц, чья судьба могла вызвать к жизни этот рисунок. В принципе любой из них, вне зависимости от рода занятий, его прославившего, испытал в жизни те чувства, которые пережил Пушкин в Михайловском в 1835 г., вырвавшийся осенью из Петербурга в надежде на творческий подъем, но создавший лишь одну прощальную элегию.

Строки, рядом с которыми появился интересующий нас рисунок, как и многие другие из черновой редакции стихотворения, не вошли в окончательную его редакцию. Исключенными оказались именно те строфы, в которых, с одной стороны, выразилось трагическое состояние лирического героя, связанное с воспоминаниями прошлого, с другой — наиболее далекие от автобиографических реалий. В итоге возобладали именно автобиографические реалии, легко узнаваемые всеми, кто сколько-то знает Михайловское, с пейзажем, запечатленным в ряде стихотворений и в «Евгении Онегине». Отсутствие трагического ракурса в восприятии прошлого принципиальным образом отличает беловой вариант элегии от чернового. При чтении черновика рождается ощущение, что у него при всей обобщенности выраженных переживаний существовал некий источник, однако он не находился. Представляется, что на этот источник, адекватными которому могли бы быть исключенные целые строфы, указывают стихи о замке, венчанном башнями.

В какой-то мере эти строки, относящие читателя к средневековым временам, находят объяснение в том, что параллельно с «Элегией» Пушкин работал над «Сценами из рыцарских времен» и, как мы помним, само стихотворение писалось на свободных листах «Сцен» в тетради, которую Пушкин взял с собою в Михайловское в 1835 г.

В автографе стихотворения «Вновь я посетил...» проставлена дата: «26 сентября». Заметим, что в 1830-е гг. даты под стихотворениями все чаще играли у Пушкина смысловую роль,

становясь тем самым частью текста. К примеру, написанное в том же 1835 г. стихотворение «Полководец» подписано 7 апреля, днем Пасхи, что непосредственно соотносится и с содержанием, и со смыслом, в него вложенным. Стихотворения, составляющие так называемый каменноостровский цикл, созданные летом следующего года, также своими датировками отражают не только время их написания.

26 сентября отмечается преставление апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Рыбарь из Вифсаиды, возлюбленный ученик Иисуса Христа, Иоанн находился при нем неотлучно со времени явления его миру, присутствовал в саду Гефсиманском и на горе Фавор во время Преображения Господня. Попечению Иоанна Христос со креста поручил Богородицу, Пречистую Деву Марию. Иоанн проповедовал учение Христа в Иерусалиме и Самарии, а после Успения Богоматери поселился в Ефесе. Во времена гонения при императоре Домициане был взят под стражу и в оковах привезен в Рим, откуда после долгих мучений сослан в заточение на о-в Патмос. При императоре Нерве (96—98), получив свободу, Иоанн возвратился в Ефес и там скончался в возрасте более ста лет при императоре Траяне (98—117). Апостол Иоанн Богослов написал на о-ве Патмосе Евангелие, три послания и книгу Апокалипсис, или Откровение. Переводивший Иоанна Богослова Мартин Лютер обозначил окончание своего перевода, 26 сентября, днем памяти апостола-евангелиста.

В силу всего вышесказанного изображение Мартина Лютера вполне могло бы появиться на листе со стихотворением «Вновь я посетил...», тем более что оно писано на свободных страницах черновиков «Сцен». Но все публичные изображения как живописные, так и скульптурные рисуют нам привычный облик Лютера в пасторском одеянии, при котором борода просто неуместна. При этом отходят на задний план, если не совсем ускользают из виду и не учитываются два портрета Лютера с бородой, запечатлевшие его в облике рыцаря, в котором он пребывал около года в 1521—1522 гг. Имя этому рыцарю «юнкер Йорг», или Георг, бедный рыцарь, заключенный в крепости Вартбург.

Пушкинский рисунок выполнен с принадлежащего Лукасу Кранаху Старшему известного изображения Мартина Лютера 1522 г., называемого обыкновенно «Юнкер Георг». Годом ранее в сотрудничестве с Лукасом Кранахом Лютер в марте 1521 г. издал «Сборник чтений о страстях Христовых и антихристовых». Другой рисунок, который также мог оказаться в поле зрения Пушкина, изображает Лютера в полный рост, он в

светском наряде дворянина и опирается на меч. Лютер представлен стоящим на некотором каменистом возвышении, а фоном служит изображение города Вормса. Вдоль верхнего края рисунка помещена надпись: «Dr. Mart. Luth. In Patmo. 1527». У ног Лютера лежит раскрытое Евангелие от Иоанна в его переводе на немецкий язык.

Все остальные известные портреты Лютера, в том числе того же Лукаса Кранаха Старшего 1520, 1521, 1526 гг. и написанный уже после 1528 г., представляют его без бороды, в монашеском одеянии или в мантии и шапочке доктора. Пушкин, хотя ему, конечно, были известны канонические изображения Лютера-реформатора, основателя протестантской церкви, ориентируется на портреты Лютера именно в образе рыцаря Георга. Образ гонимого проповедника наиболее близок Пушкину, михайловское изгнание невольно ассоциируется с вартбургским.

В черновом варианте стихотворения явно рисуется пейзаж, никакого отношения не имеющий к Михайловскому:

У берегов его не видит путник
Ни гавани кипящей, ни скалы
Венчанной башнями...

(III, 1000)

В первоначальном варианте приведенное начало последнего стиха читается «Венчанной замком», переделанное на «Венчанной башней».

Так, чувства, которые испытывал Пушкин, вновь оказавшийся в Михайловском, охваченный переживаниями всех неприятностей петербургской жизни и предающийся воспоминаниям былой ссылки, как представляется, вызвали сложный ряд ассоциаций. Они связались и с Иоанном Богословом, и с Лютером, его переводившим в изгнании. Не однажды в своей жизни, находясь в сходных ситуациях, Пушкин представлял себя «патмосским отшельником». Так, в Кишиневе 7 мая 1821 г. Пушкин взывает к А. И. Тургеневу: «Вы, который сближены с жителями Каменного острова, не можете ли вы меня вытребовать на несколько дней (однако не более) с моего острова Пафмоса?» (XII, 29). И в болдинскую осень 1830 г. он пишет А. А. Дельвигу: «Я живу в деревне как в острове, окруженный карантинами». То, что речь идет именно о Патмосе, подтверждается словами тогда же написанного письма М. П. Погодину: «Посылаю Вам из моего Пафмоса Апоклипсическую песнь» (XIV, 121). Подписи «Каменный остров» под стихотворениями каменноостровского цикла и «Памятника» также вызывают ассоциацию с Патмосом.

Отражением этих ассоциаций становятся строки в прощальной с Михайловским элегии «Вновь я посетил...», соотнесенные поэтом, как было прослежено, с судьбою и деяниями Мартина Лютера, затем исключенные при окончательной отделке стихотворения. Графическим сопровождением этого текста на его полях и явился рисунок мужской головы, восходящий к портретному изображению Лютера времени его ссылки, выполненному Лукасом Кранахом, и сближенный с образом Иоанна Богослова. Это сближение оказывается, таким образом, последним, заключительным аккордом в обращении Пушкина к личности Мартина Лютера, чья судьба, в том числе по ассоциации с моментами биографии самого поэта, но прежде всего в разрешении волновавших его тем, нашла отражение в сложном образном ряду таких произведений, как «Сцены из рыцарских времен», «Легенда» и «Вновь я посетил...».

II. ОБЗОРЫ

Л. А. ТИМОФЕЕВА

ПУШКИНИАНА-1996

Абрамов М. А., Волошинов А. В. О золотом сечении в творчестве А. С. Пушкина // *Электроника, музыка, свет* : (К 100-летию со дня рождения Л. С. Термена) : Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Казань: ФЭН, 1996. С. 130—133.

Авенариус В. П. Пушкин: Биогр. диалогия // *Авенариус В. П. Собр. соч.*: В 5 т. / Сост. Т. Ф. Прокопов. М.: ТЕРРА, 1996. Т. 4. С. 5—454. (Б-ка ист. прозы).

Содерж.: С. 7—158: Отроческие годы Пушкина; С. 159—454: Юношеские годы Пушкина.

Авенариус В. П. Чем был для Гоголя Пушкин // *Авенариус В. П. Собр. соч.*: В 5 т. / Сост. Т. Ф. Прокопов. М.: ТЕРРА, 1996. Т. 5. С. 555—582. (Б-ка ист. прозы).

Аверкиев Д. В. Три письма о Пушкине // *Аверкиев Д. В. Избранное* / Сост. и авт. вступ. очерка В. П. Бардадым. Краснодар: Сов. Кубань, 1996. С. 239—271.

Автор и текст : Сб. ст. / Под ред. В. М. Марковича и В. Шмида. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1996. 470 с. (Петербургский сб.: Совм. серийное изд. науч. тр. Вып. 2 / СПб. ун-т; Univ. Hamburg).

Из содерж.: С. 53—83: *Фигур Р.* Автор и драматический текст: [Пьесы А. П. Сумарокова, А. С. Пушкина, И. С. Тургенева]; С. 105—113: *Майкльсон Д.* Пушкин и Чаадаев : Воображаемая встреча в Крыму: Автобиографическое и символическое в третьем послании «Чаадаеву»; С. 114—131: *Шоу Д. Т.* Проблема единства позиции автора-повествователя в «Евгении Онегине» / Пер. с англ. Д. Унгурияну; С. 132—149: *Бетеа Д. М.* Славянское дарение, поэт в истории и «Капитанская дочка» Пушкина / При участии С. Давыдова; Пер. с англ. Д. Унгурияну.

Адамович Г. В. Одиночество и свобода / Сост., авт. предисл. (с. 5—13) и примеч. В. Крейд. М.: Республика, 1996. 447 с. (Прошлое и настоящее).

Из содерж.: С. 320—323: Пушкин : Речь на собрании Объединения писателей в Париже; С. 355—360: Пушкин: Речь; произнесенная на собрании в Париже 6 мая 1962 г.

- Акимова Н. Н.** Булгарин и Гоголь : (Литературная биография и литературная репутация) // Рус. лит. 1996. № 3 С. 3—18.
- Акимова Н. Н.** Булгарин и Гоголь : (Массовое и элитарное в русской литературе: проблема автора и читателя) // Рус. лит. 1996. № 2. С. 3—22.
- Алексеев М.** Восстань, пророк! // Рос. провинция. Набережные Челны, 1996. № 2 (15). С. 76—78.
- Аллен Л.** О пушкинских корнях романов Достоевского // Достоевский : Материалы и исследования / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Гл. ред. Г. М. Фридлиндер. СПб.: Наука, 1996. Т. 12. С. 43—48. С. 43—46: «Евгений Онегин».
- Алпатова Т. А.** А. С. Пушкин. «В начале жизни школу помню я...» : (Опыт прочтения) // Классическая филология на современном этапе: Сб. науч. ст. / РАН. Ин-т мир. лит. им. А. М. Горького. М.: Наследие, 1996. С. 198—212.
- Альтшуллер М. Г.** Эпоха Вальтера Скотта в России : Исторический роман 1830-х годов / Ред. С. А. Батюто. СПб.: Академ. проект, 1996. 341 с. (Соврем. зап. русистика).
Из содерж.: С. 206—257: Гл. 8. Пушкин и Вальтер Скотт. [С. 207—221: «Арап Петра Великого» и проблемы поэтики Вальтера Скотта; С. 221—225: «...а дед мой — в крепость, в карантин»: (Гипотетический роман Пушкина); С. 225—240: Планы повести о стрельцах; С. 240—245: «Капитанская дочка» и романы Скотта; С. 245—257: «Роб Рой» и «Капитанская дочка»].
Рец.: Краснощекова Е. А. Вальтер Скотт и русский исторический роман // Рус. лит. 1998. № 2. С. 206—208; Рейтблат А. // Новое лит. обозрение. 1997. № 28. С. 413—415; Сидяков Л. С. Становление исторического романа в русской литературе / Russian Studies. 2000. Т. 3. № 3. С. 403—410.
- Аминов Р., Аминова Р.** Пушкинская литературно-краеведческая викторина в национальной школе // Учитель Башкортостана. 1996. № 2. С. 48—49.
- Анисов Л.** «Твоя Катечка, а кое для кого ангел...» : [Ек. Н. Ушакова] // Работница. 1996. № 1. С. 34—37: ил.
- Аннинский Л.** На путях русского самосознания : По следам Вадима Кожинова. Маршруты 1—3 // Дружба народов. 1996. № 11. С. 220—223.
Критический отклик на статьи В. В. Кожинова, в частности «Пушкин и Чаадаев» (Рос. провинция. Набережные Челны, 1994. № 4).
- Аношкина В. М.** Новое исследование лирики А. С. Пушкина : [Рец. на кн.: Смирнов А. А. Романтическая лирика А. С. Пушкина. М., 1994] // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. 1996. № 2. С. 136—140.
- Анпалова Д. В.** Суждения В. С. Соловьева о Пушкине в контексте философской критики 90-х гг. XIX в. // Писатель, творчество: Современное восприятие: Сб. науч. ст. / Курск. гос. пед. ун-т. Курск, 1996. С. 3—20.

Арендт А. А. «Спаси было невозможно» / Предисл. от ред. [с изложением рассказа С. С. Гейченко о А. А. Арендте] // Рос. провинция. Набережные Челны, 1996. № 1 (14). С. 110—112.

Аришштейн Л. М. Кто автор пасквиля? // Наука и жизнь. 1996. № 5. С. 87—91.

Предположительно А. Н. Раевский.

Аркин И. И. Возвращение к литературе : Уроки в V—XI классах: Планирование-конспект // Лит. в школе. 1996. № 2. С. 78—82; № 5. С. 100—111.

№ 2. С. 78—80: тема «Мой Пушкин» в 7 и 8 классах. № 5. Темы: Родословная поэта; После Лицея; Вызов самовластью и «барству дикому» [«Деревня», «Анчар»]; Пушкинский идеал Свободы [«Вольность», «К Чаадаеву»].

Архангельский А. Странные сближения: [Рец. на кн.: Новикова М. А. Пушкинский космос : Языческая и христианская традиции в творчестве Пушкина. М.: Наследие, 1995] // Новый мир. 1996. № 6. С. 215—217.

Арцыбашев М. П. Железное кольцо Пушкина // Арцыбашев М. П. Наш третий клад: Повести и рассказы. Роман. Записки писателя / Сост., авт. предисл. (с. 5—24) Т. Ф. Прокопов. М.: Школа-пресс, 1996. С. 679—684. (Круг чтения: Школ. программа).

Астафьев В. П. Пушкин не даст нам сбиться с пути // Рос. провинция. Набережные Челны, 1996. № 4 (17). С. 95.

Ахматова А. А. Слово о Пушкине // Ахматова А. А. Путем вся земли / Сост., подгот. текста, примеч., вступ. ст. Н. В. Королевой и Н. Г. Гончаровой. М.: Панорама, 1996. С. 402—403. (Рус. лит. XX век).

Ахматова А. А. Соч.: В 2 т. / Сост., подгот. текста М. М. Кралина. М.: Цитадель, 1996. Т. 2. 432 с.

Из содерж.: С. 109—110: Слово о Пушкине; С. 110—111: Пушкин и дети; С. 111—126: «Каменный гость» Пушкина; С. 126—133: (Дополнения к статье «„Каменный гость” Пушкина» (1958—1959)).

Баева А. А. Русская лирико-психологическая опера: 60—80 годы XX века / Гос. ин-т искусствознания. М., 1996. 188 с.: ноты. (Сер. «Музыка»).

С. 37—44: «Пир во время чумы»: оперы А. Николаева, В. Кобекина (2 часть триптиха «Пророк») и В. Боярского. [Фрагмент гл. 2: «Страсти по человеку»].

Баевский В. С. Библиейские темы, мотивы и образы в «Цыганах» Пушкина // Русская филология: Учен. зап. [Сб. 2]: 1996 / Смоленск. гос. пед. ин-т. Смоленск, 1996. С. 6—14.

Баевский В. С. История русской поэзии 1730—1980: Компендиум: Учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. М.: Новая шк., 1996. 319 с. Вспом. указ. с. 287—318.

Из содерж.: С. 88—118: Пушкин. [Лирика, «Евгений Онегин»].

Базанова А. Е., Рыжова Н. В. Русская литература XIX и XX веков: Учеб. пособие для старшеклассников и абитуриентов. М.: Юристъ, 1996. 359 с.

Из содерж.: С. 35—54: А. С. Пушкин (1799—1837).

Балашова И. А. Источники пленительных образов : Традиции в русской романтической литературе: [Сб. ст.]. Ростов н/Д., 1996. 176 с.

Из содерж.: С. 3—8: Предисловие; С. 10—27: О стихотворении А. С. Пушкина «Усердно помолившись богу...»; С. 28—43: О роли литературных традиций в повести А. С. Пушкина «Гробовщик»; С. 44—72: Традиции Дж. Ф. Купера в творчестве А. С. Пушкина; С. 73—87: К вопросу о литературных источниках «Стихов, сочиненных во время путешествия (1829)» А. С. Пушкина; С. 88—105: Опера К. М. Вебера «Freischütz» в творческом восприятии А. С. Пушкина; С. 106—116: Традиции славянской культуры в поэтическом творчестве А. С. Пушкина; С. 131—139: Вл. Ходасевич, соавтор А. С. Пушкина: (Стихотворение «Романс»); С. 140—150: Пушкинские образы в стихотворном цикле А. Ахматовой «Requiem»; С. 151—160: А. С. Пушкин в эстетическом сознании С. П. Дягилева; С. 161—175: Творчество А. С. Пушкина в восприятии О. Э. Мандельштама.

Балашова И. А. Касыда А. Мицкевича «Фарис» в «Восточных впечатлениях» А. С. Пушкина // Науч. мысль Кавказа. 1996. № 2. С. 68—72. «Калмычке», «Кавказ».

Барков А. Н. Романы «Евгений Онегин» и «Мастер и Маргарита»: традиция литературной мистификации. Киев: Станица, 1996. 32 с.

Содерж.: 1. Булгаковедение и наука; 2. Наука и публицистика; 3. О структуре романа «Мастер и Маргарита»; 4. Метасюжет «Мастера и Маргариты»; 5. О некоторых контекстах романа; 6. Роман в стихах, или Роман-мистификация.

Басина М. Я. Жизнь Пушкина: Докум.-худож. повести. Кн. 1: В садах Лицея. Переизд. СПб.: Пушкинский фонд, 1996. 175 с.: ил.

Беглов В. А. [Рец. на кн.:] Смирнов А. А. Романтическая лирика А. С. Пушкина. М., 1994 // Филол. науки. 1996. № 6. С. 101—105.

Беленький Г. И. Четыре монолога: К изучению поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник» в IX классе // Рус. словесность. 1996. № 4. С. 69—71.

Белова Л. А. Золотая нить русской литературы: Пушкин—Лермонтов—Чехов // Лит. в школе. 1996. № 1. С. 12—16.

Белова Н. А. Анекдот в системе литературных жанров начала XIX в.: (Эволюция повествовательной формы прозы А. С. Пушкина и анекдот) // Литературно-философские проблемы в контексте современных духовных исканий: Сб. науч. тр. Нижневартовск, 1996. С. 29—35.

Белый А. Мастерство Гоголя: Исследование / Вступ. ст. (с. 3—10) Н. Жуковой. М.: МАЛП, 1996. 351 с.: ил.

Из содерж.: С. 15—19: Пушкин и Гоголь. [Раздел гл. 1: Творческий процесс Гоголя]. Впервые: М.; Л., 1934.

- Бенкендорф А. Х.** Письмо к П. А. Вожежневу от 12.06.1837 [о подписке на посмертное собр. соч. Пушкина] / Публ. В. Казарина, Е. Андрейко // Литература и религия: Материалы [чтений 15—21 сент. 1996 г., Крым] / Крым. Центр гуманитар. исслед.; Крым. Об-во рус. культуры. [Симферополь], 1996. С. 5. (Крымские Междунар. Пушкинские чтения, 6-е).
- Березкина С. В.** «...И сторожит Индеек и Гусей» : (Об адресате эпиграммы Пушкина «Пряателям») // Рус. лит. 1996. № 3. С. 236—253.
М. Ф. Орлов. Репутация Пушкина. Декабристы.
- Бетеа Д. М.** Юрий Лотман в 1980-е годы: код и его отношение к литературной биографии / Пер. с англ. Д. Унгурияну // Новое лит. обозрение. 1996. № 19. С. 14—29.
- Билинкис М. Я.** Спор о первенстве, или Основания мифа // Имя—сюжет—миф / СПб. гос. ун-т. СПб., 1996. С. 35—45.
Миф о М. В. Ломоносове — предшественнике А. С. Пушкина в словесности и литературно-критической мысли России XIX в.
- Битов А. Г.** Из цикла «Погребение заживо»: (Воспоминания о великих современниках) // Петрополь: Альм. / Сост. Н. Якимчук. СПб., 1996. № 6: Лит. панорама: 1993—1996. С. 36—55.
С. 37—45: Что надо знать о зайце? (Пояснительная записка к проекту придорожного памятника [Пушкину]): [Стихи с авторским комментарием].
- Бицилли П. М.** Избранные труды по филологии / РАН. Отд-ние лит. и яз. Комиссия по истории филол. наук; Отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Наследие, 1996. 709 с.
Из содерж.: С. 383—455: Поэзия Пушкина. [Впервые в кн.: *Бицилли П. М.* Этюды о русской поэзии. Прага, 1926]; С. 643—644: [Рец. на кн.:] Виноградов В. В. Язык Пушкина: (Пушкин и история русского литературного языка). М.; Л.: Academia, 1935. [Впервые // Соврем. записки. Париж, 1935. № 59. С. 478—479].
- Благой Д. Д.** Стихотворения Пушкина // Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. / Примеч. Д. Д. Благого. М.: ТЕРРА, 1996. Т. 1 / Примеч. Т. Г. Цявловской. С. 615—640.
- Блеклов В. В.** Самодержец и поэты: [Николай I — убийца Пушкина и Лермонтова]: Сенсационное исследование; Немецко-русский Бонапарт : Повесть-аналогия: [Составлена на основании исследования повести А. С. Пушкина «Пиковая дама»] / Ил. А. Куценко. М.: ТЕРРА, 1996. 335 с.
Содерж.: С. 9—230: Самодержец и поэты. С. 231—333: Немецко-русский Бонапарт.
Рец.: *Телегин В.* // Новое лит. обозрение. 1996. № 21. С. 405.
- Болгова М. В.** «Отрывки из путешествия Онегина» в полном издании романа // Молодая филология: Сб. науч. тр. / Под ред. В. И. Тюпы; Новосибир. гос. пед. ун-т. Новосибирск, 1996. С. 71—75.
- Болгова М. В.** Две редакции «Евгения Онегина»: Вопросы текстологии, творческой истории, поэтики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: (10.01.01) / Томск. гос. ун-т. Томск, 1996. 22 с. Библиогр.: с. 22 (4 назв.).

- Болдырев Н.** Пушкин и джаз // Болдырев Н. Ностальгия по пейзажу: Кн. эссе. Челябинск: Изд. фонд «Галерея»; Автограф, 1996. С. 183—204. (Уральский Логос. Вып. 1).
- Бонди С. М.** Драматический стих Пушкина: [Гл. из неизд. кн.] / Публ. Н. В. Валмосовой-Бонди и С. С. Сазоновой // Контекст: Лит.-теорет. исследования: 1993 / РАН. Ин-т мир. лит. им. А. М. Горького; Отв. ред. А. В. Михайлов. М.: Наследие, 1996. С. 352—394.
«Борис Годунов», «Маленькие трагедии».
- Брагина А. А.** Литература на устном экзамене: Пособие для абитуриентов и старшеклассников. М.: Моск. Лицей, 1996. 208 с.
С. 172—175: Пушкин и его словарь.
- Бржозовская Н.** Пушкин на родине Гете: [Пушкинский фестиваль во Франкфурте] // Театр. жизнь. 1996. № 10. С. 42.
- Иосиф Бродский: Труды и дни.** О Пушкине и его эпохе / Подгот. Л. Лосев и П. Вайль; Предисл. Л. Лосева («От переводчика», с. 144—146) // Знамя. 1996. № 6. С. 144—155.
Содерж.: С. 147: *Бродский И. А.* Письмо к Д. Райсу от 3 янв. 1996 г. (С. 147: Предисл. Д. Райса); С. 149—150: *Вайль П.* Вслед за Пушкиным; С. 151—154: *Бродский И. А.* Предисловие к антологии русской поэзии девятнадцатого века. (Пер. Л. Лосев); С. 154—155: *Бродский И. А.* Из заметок о поэтах XIX века: [Вяземский, Пушкин, Баратынский, Лермонтов].
- Будылин И. Т.** Золотая точка России: Пушкинский край. Основные события и даты / Предисл. В. С. Непомнящего. 2-е изд., доп. М.: МЦНТИ, 1996. 112 с., 4 л. ил. Библиогр.: с. 109—110.
Рец.: *Бавин С. П.* О Пушкине, профессионалах и любителях // Слово. 1997. № 5—6. С. 66—67.
- Булгаков М. А.** Александр Пушкин // Булгаков М. А. Избр. соч.: В 3 т. / Сост. Б. С. Акимов, А. Храмов. М.: Фирма «Наташа»; Литература; ТОО «Алгоритм», 1996. Т. 3: Пьесы. С. 613—666.
- Булгаков С. Н.** Тихие думы / Сост., подгот., коммент. В. В. Сапова. М., 1996. 509 с.
Из содерж.: С. 46—51: Моцарт и Сальери; С. 251—268: Жребий Пушкина.
- Бурлаков А. В.** Пушкинские места окрестностей Гатчины // Аврора. 1996. № 8. С. 73—75: ил.
- Бутрина В. Ф.** Быт или бытие? : Концепция литературно-мемориального музея и ее воплощение: [Пушкинский заповедник] / Послесл. от ред. (с. 3) Ю. Пищулина // Мир музея. 1996. № 5. С. 2—8, 12—13: фото.
- Быченкова Л.** Чудные мгновенья А. П. Керн // Крестьянка. 1996. № 3. С. 54—58: ил.
- В мире миниатюрной книги** : Прилож. к газ. для коллекционеров «Миниатюра». [М.], 1996. 8 с.
Содерж.: С. 1: *Фомичев С. А.* Об Энгеле Насибулине; С. 2—3: *Бялый В. Н.* Энгель рисует Пушкина; С. 6: Перечень малотиражных

миниатюрных книг художника Энгеля Насибулина; С. 7: Миниатюрные книги, иллюстрированные Э. Насибулиным и отпечатанные в типографиях; Библиография статей о творчестве Э. Насибулина; Перечень стихотворений А. С. Пушкина, иллюстрированных Э. Насибулиным в миниатюрных книгах; С. 1, 4, 5, 8: иллюстрации Э. Насибулина.

Великий патриот: Воронежская осень Пушкина : К 200-летию со дня рождения поэта. Воронеж, 1996. 25 с. (Земля Воронежская. Энциклопедия городов и сел).

Из содерж.: С. 4—6: *Аббасов А. М.* Слово о краеведе В. В. Чирикове, его патриотической пушкиниане; С. 6—10: *Лесников М. Р.* Пушкин в нашей жизни; С. 10—12: *Прокопьев В. П.* Бывал ли Пушкин в Воронеже?; С. 12—14: *Романенко А. Г.* День Лицея; С. 14—16: *Кузьмич Д. В.* К 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина; С. 16—18: *Кононов В. И.* Моя пушкинская коллекция; С. 18—21: *Чириков В. В.* Воронежская осень Пушкина; С. 21—23: *Чириков В. В.* «Женщина необыкновенная»: [С. А. Раевская].

Вересаев В. В. Загадочный Пушкин / Сост., коммент. Ю. У. Фохт-Бабушкина. М.: Республика, 1996. 399 с., 8 л. ил.

Содерж.: С. 3—20: *Фохт-Бабушкин Ю. У.* «Пушкиниана» Вересаева. — I. Очерк жизни и творчества; С. 22—148: Александр Сергеевич Пушкин: (Жизнь Пушкина). — II. Статьи, заметки, рассказы; С. 151—180: Поэт; С. 181—316: В двух планах: Статьи о Пушкине: [К психологии пушкинского творчества; Об автобиографичности Пушкина; Пушкин и Евпраксия Вульф; Княгиня Нина; Пушкин и польза искусства; «Стихи неясные мои»]; В двух планах; Таврическая звезда; Крепостной роман Пушкина]; С. 317—324: В защиту Пушкина; С. 325—330: «За то, что живой»; С. 331—334: Две дуэли; С. 335—344: Около Пушкина; С. 345—354: «Второклассный Дон-Жуан»; С. 355—362: Литературные записи: «Моцарт и Сальери»; С. 363—365: «Великим хочешь быть, — умей сжиматься...»; С. 366—372: Александр Сергеевич Пушкин; С. 373—398: Комментарии / Ю. У. Фохт-Бабушкин. [С. 381: глава «Любови Пушкина» из неопубликованных заметок В. В. Вересаева «Над Пушкиным»; С. 390—396: письма читателей о Пушкине из обзора В. В. Вересаева (Известия. 1937. 5 янв.), посвященного откликам на его статью «За то, что живой» (Известия. 1936. 6 июня); С. 396: фрагмент из «Записей для себя» о стихотворении «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением...»; С. 397—398: фрагмент из «Записей для себя» и «Над Пушкиным» о краткости языка Пушкина].

Вересаев В. В. Спутницы Пушкина: По кн. В. В. Вересаева «Спутники Пушкина» / Вступ. ст. В. И. Коровина. М.: Профиздат, 1996. 236 с., 8 л. ил. Указ. имен: с. 232—233.

Викторова К. П. «Иродиада», или Еще одна потаенная страница «Истории моего времени» Пушкина // Меценат и мир. Рязань, 1996. № 1. С. 89—102.

«Гавриилдада» и семейные истории императорского двора.

- Викторова К. П.** Дело о «Гавриилиаде», или Еще одна потаенная страница «Истории моего времени» Пушкина // Наука и религия. 1996. № 2. С. 36—39.
- Викторова К. П.** Прощание с легендой // Наука и религия. 1996. № 4. С. 40—41.
- Адресат стихотворения «К***» («Я помню чудное мгновенье...») : А. П. Керн или императрица Елизавета Алексеевна.
- Виноградов И.** Пушкин и Аникушин // Аврора. 1996. № 11—12. С. 15—17: фото.
- Вишневская И. А.** Аплодисменты в прошлое: А. П. Сумароков и его трагедии. М.: Изд-во Лит. ин-та им. А. М. Горького, 1996. 263 с.
- Из содерж.: С. 155—206: Встреча с Шекспиром. Навстречу Пушкину. [С. 173—206: «Димитрий Самозванец» и «Борис Годунов»].
- «Внимая звуку струн твоих...»:** Сб. ст. Вып. 3 / Калининград. отд-ние Рос. фонда культуры; Калининград. об-во почитателей Пушкина. Калининград, 1996. 48 с.
- Из содерж.: С. 5—8: *Дмитровский А. Э.* Сказка—игра—антиутопия: [«Сказка о попе и о работнике его Балде»]; С. 9—13: *Храмцов С.* Пушкинская парадигма в стихотворении В. Маяковского «Юбилейное»: Жанр мениппеи; С. 14—19: *Свиридов С.* Высоцкий и Пушкин: По пути трагедии; С. 20—25: *Черняков А.* Принципы анализа и оценки в статьях А. Платонова о Пушкине; С. 26—35: *Кичатов Ф. Э.* «Философ резвый и прит...»: (К вопросу о влиянии кантианства на формирование философских взглядов А. С. Пушкина); С. 36—42: *Буруковская Т. Г.* «Постылой жизни мишура...»: [Камни и минералы в произведениях Пушкина. «Евгений Онегин»]; С. 43—47: *Титкова М. А.* Об одном замечательном приобретении: [Бюст Пушкина работы П. П. Трубецкого (1899) в коллекции Калининградского об-ва почитателей Пушкина].
- Война и мир, или Отцы и дети:** (Духовные искания героя русской литературы XIX века): Библиогр. эссе. Вып. 1 / Рос. гос. юнош. б-ка; Сост. В. В. Бондаренко. М., 1996. 57 с. (Сер. «Старые ответы на новые вопросы»).
- Из содерж.: С. 9—21: Идеал простой, но трудный: (Герои прозаических произведений А. С. Пушкина).
- Волович Н. М.** Пушкинская Москва / Гос. музей А. С. Пушкина; Подгот. текста Н. И. Михайловой и др. М.: Linca-press, 1996. 302 с.: ил.
- Волохонская Т. П.** Карты в жизни и творчестве Пушкина // Наука и религия. 1996. № 7. С. 48—51.
- Вольперт Л. И.** Похвальное слово анекдоту: [Рец на кн.: Курганов Е. Я. Литературный анекдот пушкинской эпохи. Helsinki, 1995] // Рус. лит. 1996. № 4. С. 202—203.
- Вопросительные знаки над могилами** / Сост. Г. В. Смирнов. М.: Современник, 1996. 301 с.: ил., 12 л. ил. (Антология тайн, чудес и загадок).
- Из содерж.: С. 213—218: Пушкин был введен в заблуждение: Моцарта отравили, но Сальери здесь ни при чем.

- Временник Пушкинской комиссии:** Сб. науч. тр. Вып. 27 / РАН. Отд-ние лит. и яз. Пушкинская комиссия; Редкол.: Д. С. Лихачев, В. Э. Вацууро, С. А. Фомичев. СПб.: Наука, 1996. 254 с. Вспом. указ.: с. 231—252.
- Содерж.: С. 3—4: Предисловие. — I. Материалы и сообщения; С. 5—17: *Строганов М. В.* Стихотворение Пушкина «Пророк»; С. 18—33: *Немировский И. В.* Пушкин и П. Д. Киселев. — II. Обзоры; С. 34—72: *Зайцева В. В.* Пушкиниана 1989 года; С. 73—85: *Дубровский А. В.* Прижизненная псевдопушкиниана; С. 86—99: *Кишкин Л. С.* О восприятии пушкинского наследия в Чехии. — III. Заметки; С. 100—102: *Немировский И. В., Рогова А. И.* Послание В. Ф. Раевскому «Ты прав, мой друг, напрасно я презрел...» (1822); С. 102—107: *Кулагин А. В.* «Шумит кустарник...»; С. 107—115: *Кулагин А. В.* «Надпись к воротам Екатерингофа»: [«Хвостовым некогда воспетая дыра!»]; С. 115—119: *Довгий О. Л.* «Ответ Катенину»; С. 120—122: *Кузнецов И. С.* «Из А. Шенье»; С. 122—132: *Михайлова Н. И.* Из комментария к «Евгению Онегину»: 1. «И Вертер, мученик мятежный...»; 2. Мотыльки; С. 132—145: *Грабовская В. Н.* Знакомые Пушкина кишиневского периода; С. 145—152, факс.: *Рак В. Д.* Запись «14 julliet 1826 Zo...(?)»; С. 153—154: *Рак В. Д.* Нерасшифрованное заглавие в описи библиотеки Пушкина: [Комментарий к записи № 803: «Wahlens moderne british authors.—1»]; С. 155—163: *Ковалева Т. В.* Пушкин и П. Х. Грабе: (К истории взаимоотношений); С. 163—172: *Прохогин Н. П.* Каролина Собаньская в письмах маршала Мармона и Бальзака: [По публ.: *Alexinsky G.* Un destin hors série. *Carolin Sobanska belle-soeur de Balzac // Les etudes balzaciennes.* 1960. № 10. P. 405—416]; С. 172—187: *Мясоедова Н. Е.* Друг Пушкина — В. Дм. Вольховский; С. 187—197: *Леман Е. П.* Декабрист Павел Михайлович Леман; С. 197—206: *Потапова Г. Е.* М. П. Погодин — критик Пушкина: К вопросу об атрибуции нескольких статей в журнале «Московский вестник»; С. 206—208: *Ромм М. Д.* О портретах декабристов Н. М. Муравьева и С. П. Трубецкого: [Отзыв на публ.: *Горшман А. М., Рыбин В. А.* В чужом мундире? // Военно-ист. журн. 1990. № 5. С. 72—78]; С. 208—210: *Левкович Я. Л.* Реплика на статью Т. И. Левичевой «К заметкам Пушкина о Греческой революции»: [Временник Пушкинской комиссии. Л., 1989. Вып. 23]; С. 210—222: *Наварова Л. Н.* Из воспоминаний о Пушкинском обществе в Ленинграде 1930-х гг.: Памяти В. А. Мануйлова. — IV. Хроника; С. 223—230: По страницам газет 1989 г.
- Вулях Н. В.** Овидий. М.: Мол. гвардия-ЖЗЛ; Соратник, 1996. 281 с., 7 л. ил. (Жизнь замеч. людей. Сер. биогр. Вып. 732).
- Из содерж.: С. 225—239: Гл. 6. Овидий и Пушкин.
- Гаврилов И.** Рузская находка: Публикация [X главы «Евгения Онегина», с. 244—250] // Руза: Лит.-краевед. альм. М.: Мир книги, 1996. Вып. 2. С. 237—250.
- Текст впервые // Красн. знамя. Руза, 1969. 5 июня (публ. по списку из архива К. А. Моченова).

- Гаджиев А. Д.** 1829 год в жизни А. С. Пушкина: (Летопись событий и творчества) // Науч. мысль Кавказа. 1996. № 2. С. 72—77.
- Галич Ю.** Юнкер Пушкин: Рассказ [о А. С. Пушкине] // Новая Россия. 1996. № 3. С. 66—67.
- Гамзатов Г. Г.** А. С. Пушкин и Кавказ: Некоторые наблюдения и суждения // Науч. мысль Кавказа. 1996. № 4. С. 73—77.
- Гаррард Д.** Сравнительный анализ героинь «Дон Жуана» Байрона и «Евгения Онегина» Пушкина // Вопр. лит. 1996. № 6. С. 153—177.
- Гейзер М. М.** Библия в творчестве русских поэтов XIX—начала XX в.: (А. С. Пушкин, С. Я. Маршак): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: (10.01.01) / Моск. гос. откр. пед. ун-т. М., 1996. 19 с. Библиогр.: с. 19 (3 назв.).
О лирике Пушкина: С. 5—12.
- Геронимус В. А.** Поэтика жанров лирики Пушкина 10-х начала 20-х гг.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: (10.01.01) / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1996. 26 с. Библиогр.: с. 25—26 (5 назв.).
- Гершензон М. О.** Гольфстрем. М.: Нар. образование, 1996. 128 с. (Б-чка журн. «Нар. образование», 1996, № 1).
Из содерж.: С. 15—28: Пушкин.
- Гин Я. И.** Из комментариев к «Евгению Онегину»: Агафон // Гин Я. И. Проблемы поэтики грамматических категорий: Избр. работы / Сост., подгот. текстов С. М. Лойтер. СПб.: Академ. проект, 1996. С. 173—185.
- Глазунов И. С.** Россия распятая. Кн. 1. М., 1996. 256 с. (Роман-газета. № 22—24 (1292—1294)).
Из содерж.: С. 86—116: Пушкин: [Масонство и православие].
- Глухов В. И.** «Евгений Онегин» Пушкина и повести Карамзина // Карамзинский сборник: Творчество Н. М. Карамзина и историко-литературный процесс: Сб. ст. / Ульянов. гос. ун-т. Ульяновск, 1996. С. 24—35.
- Гоголь в «зачатке»:** [Российские денежные знаки с портретами писателей] // Лица. 1996. № 5. С. 60: фото.
Проект Л. Парфенова, И. Карагановой, М. Гельмана. Купюра достоинством 100 р. с портретным изображением Пушкина.
- Гоголь Н. В.** Несколько слов о Пушкине // Пушкин А. С. Поэмы. Драматические произведения / Изд. К. В. Кренов. М.: Новатор, 1996. С. 5—10. (Классики мир. лит.).
- Голубева Е. К., Епихина Ю. Б.** Сборник сочинений по русской литературе XIX века. М.: Моск. Лицей, 1996. 52 с.
Из содерж.: С. 8—11: Жанры лирики Пушкина; С. 11—14: Образная структура поэмы «Медный всадник»; С. 14—18: Проблематика и своеобразие конфликтов южных поэм Пушкина; С. 18—20: Роман «Евгений Онегин» как энциклопедия русской жизни.
- Гордин А. М.** Как его восстанавливали: [Рец. на кн.: Рожнов Л. И. Восстановление Государственного Пушкинского заповедника Академией наук СССР: 1946—1949. СПб.: Наука, 1995] // Нева. 1996. № 6. С. 195—198.

Горелик Л. Л. «Короб лучевой» и «магический кристалл»: Пушкинская канва в романе в стихах Б. Пастернака «Спекторский» // *Russian Studies: Ежеквартальник рус. филол. и культуры.* 1996. Т. 2. № 4. С. 84—102.

«Евгений Онегин», «Русалка», «Борис Годунов», «Медный всадник».

Горшков А. И. Русская словесность: Метод. рекомендации к учеб. пособию для 10—11 классов «Русская словесность. От слова к словесности»: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1996. 111 с.

Из содерж.: С. 108—110: Стихотворение А. С. Пушкина «Пора, мой друг, пора...».

Горький М. Письмо к Н. О. Лернеру от 18 августа 1921 г. / Публ. и примеч. С. А. Иезуитова // *Петербургский текст: Из истории рус. лит. 20—30-х годов XX века: Межвуз. сб. / Под ред. А. В. Лаврова.* СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1996. С. 73—74.

Издание и комментирование произведений Пушкина.

Гофман М. Л. Проблема сумасшествия в творчестве Пушкина // *Лики культуры: Альманах: Звучащие смыслы / Сост., отв. ред. С. Я. Левитт.* М., 1996. С. 22—46. (Лики культуры / РАН ИНИОН).

Впервые: *Новый журнал.* Нью-Йорк, 1973. № 111.

Графиня и поэт: Е. К. Воронцова и А. С. Пушкин / Авт.-сост. А. И. Шойхет. Одесса, 1996. 32 с.

Грачева И. Почти как в «Метели» Пушкина // *Очаг.* 1996. № 11. С. 42—43: ил.

Женитьба Н. А. Львова.

Григорьев А. Честь очень дорого стоит // *Будь здоров.* 1996. № 11. С. 87—90.

Последняя дуэль Пушкина. Начало публ. об истории дуэли в Европе и России // *Там же.* № 9. С. 83—86, 90; № 10. С. 84—89.

Григорьева А. Д. Опыт анализа поэтического текста: (Отрывок из поэмы А. С. Пушкина «Юдифь»: «Когда владыка ассирийский...») // *Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Памяти Т. Г. Винокур / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова.* М.: Наука, 1996. С. 22—33.

Гришунин А. Л. [Рец. на кн.]: Мурьянов М. Ф. Пушкинские эпитафии. М., 1995 // *Вестн. РАН.* 1996. Т. 66. № 6. С. 558—561.

Грошева Е. Последние из могикан: Певец России: [М. Рейзен] // *Муз. академия.* 1996. № 1. С. 155—161: фото.

«Евгений Онегин» с участием М. Рейзена.

Гуль Р. Прогулки хама с Пушкиным // *Новый журнал.* 1996. № 124. С. 117—129.

О кн. А. Синявского (А. Терца) «Прогулки с Пушкиным».

Гумилевские чтения: Материалы Междунар. конф. филологов-славистов, [СПб.] 15—17 апр. 1996 г. / СПб. гуманит. ун-т профсоюзов. СПб.: Изд-во СПб. ГУП, 1996. 285 с.: ил.

Из содерж.: С. 11—24: *Иезуитова Л. А.* Что называли «золотым» и «серебряным веком» в культурной России XIX—начала

XX века; С. 51—58: *Тропкина Н. Е.* «Чужое слово» в стихотворении А. Ахматовой «Мне голос был. Он звал утешно...»: [Строка из III гл. «Евгения Онегина» «Оставь надежду навсегда...» — пер. из «Божественной комедии» Данте. Мотив из стихотворения Пушкина «Пророк»]; С. 59—72: *Рубинчик О. Е.* «Медный всадник» в творчестве Анны Ахматовой; С. 108—111: *Аллен Л. Н. С.* Гумилев и русская литература: [В частности, традиции Пушкина].

Гусев В. И. Речь Достоевского о Пушкине и современность // *Лепта*. 1996. № 33. С. 194—198.

Дарвин М. Н. Циклизация в лирике: Исторические пути и художественная форма: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: (10.01.01) / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 1996. 43 с. Библиогр.: с. 42—43 (16 назв.).

С. 24—33: изложение гл. 4: «Художественные циклы в лирике Пушкина». [«Подражания Корану», «Подражания древним», «Стихи, сочиненные во время путешествия» («Кавказский» цикл)].

Деменкова И. А. В гостях у В. А. Тропинина и московских художников пушкинской поры: Урок развития речи в VII классе // *Лит. в школе*. 1996. № 5. С. 85—93: ил.

Демян А. О. Об одном из возможных источников письма Татьяны к Онегину: (Г. Р. Державин. «Ирод и Мариамна») // *От сюжета к мотиву*: Сб. науч. тр. / СО РАН. Ин-т филол.; Отв. ред. В. И. Тюпа. Новосибирск, 1996. С. 137—140. (Материалы к «Словарю сюжетов и мотивов рус. лит.». [Вып. 1]).

Денисенко С. В. Проблема соотнесения графического и вербального: (На материале изображения природы в творчестве А. С. Пушкина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук (10.01.01) / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб., 1996. 25 с., ил. Библиогр.: с. 23—24 (8 назв.).

Джанджакова Е. В. Литературные цитаты в рассказе А. П. Чехова «Ведьма» // *Язык как творчество: К 70-летию В. П. Григорьева / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова*. М., 1996. С. 256—261.
«Бесы» А. С. Пушкина, «Вий» Н. В. Гоголя.

Дмитревский А. З. А. С. Пушкин. «Сказка о попе и о работнике его Балде»: Мотивы игры и искушения // *Художественное мышление в литературе XVIII—XX вв.*: Сб. науч. тр. / Калинингр. гос. ун-т. Калининград, 1996. С. 3—7.

Дмитриева Н. Л. Стихотворение Пушкина «Легенда» («Жил на свете рыцарь бедный»): Источниковедческие разыскания // *Вече: Альм. рус. философии и культуры / СПбГУ*. СПб., 1996. Вып. 5. С. 91—101.

Традиции французской литературы.

Долгишев В. О памяти и памятниках: Пушкин и граф Воронцов // *Московский журнал*. 1996. № 6. С. 27—32: ил.

Долгополова С., Лаевская Э. Религиозно ли творчество Пушкина? // *Страницы=Pages*. 1996. № 1. С. 94—100.

Достоевский Ф. М. Пушкин: Очерк // *Пушкин А. С. Избранное*: [В 2 т.] / Отв. ред. М. Т. Латышев. М.: ТЕРРА, 1996. Т. 1: Поэмы.

Евгений Онегин: Роман в стихах. Стихотворения. С. 5—16. (Сокровища мир. лит.).

Дунаев М. М. Православие и русская литература: Учеб. пособие для студ. духовн. акад. и семинарий. Ч. 1 / Моск. Духовная академия. М.: Христианская лит., 1996. 318 с.

Из содерж.: С. 171—313: Гл. 4. А. С. Пушкин. [С. 171—238: лирика; С. 238—275: «Маленькие трагедии»; С. 275—287: «Евгений Онегин»; С. 287—297: «Повести Белкина»; С. 297—302: «Медный всадник»; С. 303—306: «Капитанская дочка»].

Елистратов В. С. Яхонтов читает Пушкина, или О риторике эпического времени // Риторика. 1996. № 1. С. 125—137.

Еремеев А. Э. И. В. Киреевский: Литературные и философско-эстетические искания (1820—1830): Монография / Омск. гос. пед. ин-т. Омск, 1996. 170 с.

Из содерж.: С. 114—123: Становление философской эстетики в статье «Нечто о поэзии Пушкина».

Ермакова Н. А. «Пиковая дама»—«Герой нашего времени»: (Романно-новеллистическая поэтика прозы Пушкина и Лермонтова): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: (10.01.01) / Томск. гос. ун-т. Томск, 1996. 21 с. Библиогр.: с. 21 (6 назв.).

Ермоленко Г. Н. Традиции «сказок» Лафонтена в литературе XVIII—начала XIX века: (От Вольтера до Пушкина) // Творчество Жана де Лафонтена и мировой литературный процесс: Материалы Междунар. науч. конф. «Первые Лафонтеновские чтения» (15 апр. 1995 г.) / Рос. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. СПб.: Образование, 1996. С. 42—46.

С. 46: «Граф Нулин».

Ермоленко Г. Н., Левченко О. А. Эпоха Пушкина в литературных фондах Государственного архива Смоленской области: По материалам фондов князей Урусовых и Радзивиллов: [Обзор переписки С. А. Радзивилл 1820-х гг., публ. фрагментов семейной переписки 1834—1837 гг.] // Russian Studies: Ежеквартальник рус. филол. и культуры. 1996. Т. 2. № 1. С. 142—154.

Ерохин Н. В. «Без грамматической ошибки я русской речи не люблю...»: Эстетические функции «грамматических ошибок» в произведениях А. С. Пушкина // Художественный текст и языковая система: Сб. науч. тр. / Твер. гос. ун-т. Тверь, 1996. С. 20—25.

Жаглова Т. М. Пародийно-иронический комплекс романа «Евгений Онегин» // Вестн. Оренбург. гос. пед. ун-та. 1996. № 4. С. 106—117.

Жаглова Т. М. Пародийно-иронический контекст романа «Евгений Онегин»: («Уж не пародия ли он?») // Литература: Ежегод. 1996. № 35. С. 2—3.

Жаравина Л. В. А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь: Философско-религиозные аспекты литературного развития 1830—1840-х годов / Волгоград. гос. пед. ун-т. Волгоград: Перемена, 1996. 214 с.

Из содерж.: С. 10—75: Гл. 1. А. С. Пушкин. «Маленькие трагедии» в евангельском контексте: («Моцарт и Сальери»: Логика «лука-

вого раба». — «Пир во время чумы»: Слабость или сила духа, гибель или смерть, «сын погибели» или «возлюбленный»? — Уровни трагического: «Иов-ситуация». — «Что есть Истина?»: Философско-религиозные основы пушкинского реализма).

Рец.: *Ильин Ф.* // Новое лит. обозрение. 1997. № 24. С. 411—412.

Жаравина Л. В. Свет «вечных истин»: Образы Ветхого и Нового Заветов в творчестве А. С. Пушкина // Отчий край. Волгоград, 1996. № 2 (10). С. 73—78.

Жаравина Л. В. Философско-религиозная проблематика в русской литературе 1830—40-х годов: А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь: Автореф. дис... д-ра филол. наук: (10.01.01) / Волгоград. пед. ун-т. Волгоград, 1996. 37 с. Библиогр.: с. 36—37 (20 назв.).

Железнякова Т. Ю. «Скупой рыцарь» А. С. Пушкина и «Скупой» Ж.-Б. Мольера в VII классе // Лит. в школе. 1996. № 5. С. 135—142.

Жирмунский В. М. Введение в литературоведение: Курс лекций / Под ред. З. И. Плавскиной, В. В. Жирмунской. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1996. 440 с.

Многочисленные примеры из Пушкина. С. 36—46: Пушкинская текстология; С. 159—165: Критики о «Бахчисарайском фонтане» и «Руслане и Людмиле»; С. 369—375: «Евгений Онегин»: Проблема жанра; С. 425—432: Влияние Д. Байрона на творчество А. С. Пушкина.

Жуйкова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций / РАН. Пушкинская комиссия; Отв. ред. С. А. Фомичев. СПб.: Изд-во «Д. Буланин», 1996. 428 с.: ил. (Studiorum Slavicorum Monumenta. Т. 7).

Содерж.: Предисловие. Как пользоваться каталогом. Список сокращений. Каталог: Автопортреты; Портреты (А—Я). Дополнения. Указатели.

Рец.: *Петров А. Е.* «...Думы тайной письмена» // Вестн. РГНФ. 1999. № 1. С. 351—356; *Плаксин С.* // Новое лит. обозрение. 1996. № 21. С. 406—407; *Сахаров А.* О чем рассказывают рисунки Пушкина // Москва. 1998. № 10. С. 188—190.

Жуковский В. А. Последние минуты Пушкина: Письмо В. А. Жуковского к отцу поэта — Сергею Львовичу Пушкину. Переизд. СПб.: Неографика, 1996. 18 с.

Забровский А. П. Освоение пушкинского наследия русской литературой XIX—XX вв. // Теория и практика преподавания русской словесности: Сб. науч.-метод. ст. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 1996. Вып. 2. С. 127—130.

Замостьянов А. Мифология: Два взгляда со стороны: [Рец. на кн.: Легенды и мифы о Пушкине. СПб., 1995] // Знамя. 1996. № 5. С. 234—235.

Замятин Е. Пушкин / Публ. В. А. Туниманова; Текст подгот. А. Тюрин // Петербургский текст: Из истории рус. лит. 20—30-х годов XX

века: Межвуз. сб. / Под ред. А. В. Лаврова. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1996. С. 66—69.

Написано в 1930-е гг. Публ. по рукописи из Бахметьевского фонда отдела рукописей Б-ки Колумбийского ун-та.

Зарубина Л. И. Целостный анализ стихотворения А. С. Пушкина «Бесы» в классах гуманитарного профиля // Творческая индивидуальность поэта и литературный процесс: В помощь учителю / Белгород. пед. ун-т. Белгород, 1996. С. 118—133.

Захаров В. Д. Архетипы русской литературы // Рос. литературовед. журн. 1996. № 7. С. 97—118.

Читательское восприятие. «Евгений Онегин».

Заславский О. Б. Проблема милости в «Капитанской дочке» // Рус. лит. 1996. № 4. С. 41—52.

Зимичев А. М. Быть ли русской элите? : (Из лекций) // Славянин. 1996. № 1. С. 33—43.

С. 33—35: Императорский Царскосельский лицей.

Зуев Н. Н. Всегда с Пушкиным: Разговор редактора с читателем: [Преподавание рус. лит.] // Лит. в школе. 1996. № 2. С. 67—70.

Зыкова Г. В. Историко-литературный сборник к 60-летию Леонида Генриховича Фризмана: [Рец. на одноимен. кн.: Харьков, 1995] // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. 1996. № 5. С. 179—183.

Зыкова Г. В. Шевырев и Пушкин // Рус. речь. 1996. № 4. С. 3—5.

Зырянов О. В. Феноменология лирического жанра: «Для берегов отчизны дальней...» А. С. Пушкина // Филология на рубеже XX—XXI веков: Тез. Междунар. науч. конф., посв. 80-летию Пермского ун-та (19—22 ноября 1996 г.). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1996. С. 47—48.

И. Р. [Рец. на кн.: Shaw J. T. Pushkin: Poet and man of letters and his prose. Los Angeles, 1995] // Новый мир. 1996. № 12. С. 241—243.

Иванов М. В. Судьба русского сентиментализма. СПб.: ФКИЦ «ЭЙ-ДОС», 1996. 336 с.

Из содерж.: С. 174—204: Художественная валентность сентиментализма [в творчестве Пушкина].

Иванова В. Ф., Рюмшина Н. М. Академик Михаил Павлович Алексеев: (К столетию со дня рождения) // Рус. яз. в шк. 1996. № 3. С. 97—103, фото на 1-й с. обложки.

Ивинский Д. П. Польская антология материалов о взаимоотношениях Пушкина и Мицкевича: [Рец. на кн.: Mickiewicz—Puszkcin: Materiały źródłowe i bibliograficzne. Antologia. T. 1: Mickiewicz o Puszkcinie. Poznań, 1991] // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. 1996. № 1. С. 171—175.

Иезуитова Р. В. «Певец финляндки молодой»: (Баратынский и Пушкин: Диалог поэтов) // Россия и Финляндия в XIX—XX вв.: Историко-культурный контекст и личность / СПб. науч. центр. СПб.: Европейский Дом, 1996. С. 87—94.

Известия АН России. Сер. лит. и яз. 1996. Т. 55. № 6. 96 с.

Из содерж.: С. 4—14: *Баевский В. С.* Присутствие Байрона в «Евгении Онегине»; С. 15—22: *Михайлова Н. И.* «Евгений Онегин» и альбомная культура первой трети XIX века; С. 23—30: *Орлицкий Ю. Б.* Силлабо-тонический метр в эпистолярной Пушкина: (К постановке проблемы); С. 31—35: *Кошелев В. А.* «Признайтесь, вы всегда надеялись на мое великодушие»: (К проблеме: Пушкин и Александр I); С. 36—40: *Потапова Г. Е.* Об одной модификации «фаустовского» сюжета у Пушкина; С. 41—46: *Листов В. С.* К истолкованию стихотворения Пушкина «Стамбул гяуры нынче славят...».

Ильин И. А. Пушкин в жизни. 1799—1837 // Алтай. 1996. № 3—4. С. 37—46.

Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6; Кн. 2 / Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М.: Рус. кн., 1996. 669 с.: портр.

Из содерж.: С. 37—69: Пророческое призвание Пушкина; С. 70—72: Национальная миссия Пушкина; С. 73—88: Пушкин в жизни. 1799—1837; С. 89—109: «Моцарт и Сальери» Пушкина : (Гений и злодейство).

Ильин Ф. [Рец. на кн.]: Могиланский А. П. Личность Пушкина. СПб., 1995; Фомичев С. А. Праздник жизни. СПб., 1995 // Новое лит. обозрение. 1996. № 19. С. 359.

Искрин М. Г. «Ползком за Пушкиным?» // Клуб. 1996. № 2. С. 24—25.

Рец. на ст.: Непомнящий В. С. «Гляжу вперед я...» // Рос. вести. 1994. № 102, 111, 121.

Кавадеев В. Воздвижение книги : [«Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»] // Наука и религия. 1996. № 6. С. 22—23.

Казанцев В. И. От Александра Сергеевича до Сергея Александровича: [Анекдоты] // Москва. 1996. № 8. С. 10—126.

С. 110—114: о Пушкине.

Канторович И. В. «Самый нежный звук Москвы...»: Салон Зинаиды Волконской // Новое лит. обозрение. 1996. № 20. С. 178—219.

О Пушкине: С. 191, 194, 197—200.

Карамзин А. А. Поколение седьмое. Николай Михайлович [Карамзин] / Публ. Т. Жилиной; Примеч. В. Муравьева // Московский журнал. 1996. № 8. С. 8—14: ил., фото.

С. 8—12: Карамзин и Пушкин. Начало // Там же. № 6. С. 7—11; № 7. С. 21—26.

Карачайлы И. Горцы и их борьба за свою свободу в творчестве А. С. Пушкина // Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX—начала XX в.: Избр.: В 2 т. Нальчик, 1996. Т. 2. С. 174—190.

Карпов К. Неразгаданный Пушкин: [М. Шимановская: биография, гастроли в России, знакомство с Пушкиным] // Профсоюзы. 1996. № 10. С. 42—47: ил.; № 11. С. 36—42.

Карпунин О. И. Пушкин на берегу Персиковой реки: [Памятник в Шанхае. Скульптор П. Горский, архитектор Гэлан] // Рос. провинция. Набережные Челны, 1996. № 1(14). С. 114—115: фото.

- Касина Т. И.** По поводу одного перевода из Пушкина: [«Барышня-крестьянка» в переводе на польский. К. А. Wydawnicz] // Функциональные исследования: Сб. ст. по лингвистике. М.: Моск. Лицей, 1996. Вып. 1. С. 112—117.
- Кац Б. А.** «Уж если настраивать лиру на пушкинский лад...»: О возможном источнике «Университетской поэмы» Владимира Сирина-Набокова: [«Рояль Леандра» И. Северянина и «Евгений Онегин»] // Новое лит. обозрение. 1996. № 17. С. 279—295.
- Кашкова В. Ф.** «У Пожарского в Торжке»: Ист. очерк. Б. м. [Тверь]: Лилия ЛТД, 1996. [32 с.]: ил.
С. 12: Генеалогия Пожарских / Сост. Л. А. Быкова.
- Киреев Р. Т.** Говорите мне о любви...: Женщины в книгах и в жизни [русских писателей]. М., 1996. 96 с.
Из содерж.: С. 9—13: Пушкин: Говорите мне о любви: [А. П. Керн].
- Киселева Л. Н.** Над этой тайной: [Слово, произнесенное 6 июня 1996 г. в Нац. б-ке г. Таллина на открытии Пушкинского комитета в Эстонии] // Вышгород. 1996. № 4. С. 124—127.
- Киселева Н. Ф.** Культурно-исторический контекст вокруг «Песен западных славян» А. С. Пушкина // Культура. Искусство. Образование: Актуальные проблемы: (Материалы науч.-практ. конф.) / Моск. гос. открытый пед. ун-т. М., 1996. С. 46—49.
- Клех И.** Письма Пушкина как источник [изучения мировоззрения и биографии] // Знамя. 1996. № 6. С. 216—222.
- Ковалев Г.** «Нет, весь я не умру...» // Отчий дом. 1996. № 3. С. 12—14.
- Коваленко А. Г.** Художественный конфликт в русской литературе. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1996. 130 с.
Из содерж.: С. 18—32: От романтического двоемирия к «лишнему человеку»: [«Цыганы», «Кавказский пленник», «Евгений Онегин» и герои Лермонтова]; С. 33—43: «Не приведи Бог увидеть русский бунт...»: Классовый и общечеловеческий конфликт у Пушкина: [«Капитанская дочка»].
- Козев В. А.** Двойственность и нерешительность гения. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 120 с.
Отрывок из кн.: «Предать забвению».
Содерж.: Смятение души и неоправданные противоречия. Гений в оценке пигмея: (Пушкин и В. Г. Белинский). Последние страницы: [Написано совм. с Е. В. Бибиковой].
- Козев В. А.** Мятежное наслаждение: [Очерки о Н. Н. Пушкиной]. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 137 с.
Отрывок из кн.: «Предать забвению».
Содерж.: Пламень и цена мятежного наслаждения. «Что в имени тебе моем?»: [Написано совм. с Е. В. Бибиковой]. Скудельный сосуд благодати Божьей.
- Козлова С. М.** Миф о похищении Персефоны в сюжетных схемах русской литературы: (К проблеме развития наррации) // «Вечные» сюжеты рус-

ской литературы. «Блудный сын» и другие: Сб. науч. тр. / СО РАН. Ин-т филол.; Отв. ред. Е. К. Ромодановская, В. И. Тюпа. Новосибирск, 1996. С. 41—59.

С. 44—48: «Руслан и Людмила»; С. 52—55: «Евгений Онегин».

Козлова С. М. Эрос у Пушкина и Ариосто: («Руслан и Людмила» и «Неистовый Роланд») // Пуришевские чтения, 8-е: Всемирная литература в контексте культуры / Моск. гос. пед. ун-т; Отв. ред. В. А. Луков. М., 1996. С. 144.

Колдобская М. Деньги с человеческим лицом: Чемпион русской культуры в рублевом выражении — Пушкин // Новое время. 1996. № 52. С. 41.

Проект Л. Парфенова «Новые русские деньги».

Кононова М. А. «Звездный час» по теме «Жизнь и творчество А. С. Пушкина» (IX класс) // Внеклассная работа по русскому языку и литературе: (Из опыта работы учителей русского языка и литературы) / Сост. Д. А. Еналеева; Мордов. респ. ин-т повышения квалиф. работников образования. Саранск, 1996. С. 47—52.

Концепция и смысл: Сб. ст. в честь 60-летия профессора В. М. Марковича / СПб. гос. ун-т; Под ред. А. Б. Муратова и П. Е. Бухаркина. СПб., 1996. 380 с. Библиогр.: с. 374—378: Список трудов В. М. Марковича.

Из содерж.: С. 28—47: Буле О. Заметки о споре между *la brune et la blonde* в эпоху романтизма: [Гл. из дис. «Типы женской красоты и литературные образы»]; С. 48—64: Потапова Г. Е. Литературный образец и «литературный быт» в «Разговоре книгопродавца с поэтом» А. С. Пушкина; С. 65—81: Бароти Т. «Сцена из Фауста» Пушкина и ее гетевский подтекст; С. 82—100: Клейтон Д. Д. «Борис Годунов» А. С. Пушкина: Семантика говорения и молчания; С. 101—114: Чумаков Ю. Н. Татьяна, княгиня N, Муза: (из прочтений VIII главы «Евгения Онегина»); С. 115—124: Григорьева Е. Н. Стихотворение А. С. Пушкина «Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит»: (К проблеме завершенности текста); С. 125—139: Майкльсон Д. «Памятник» Пушкина в свете его медитативной лирики 1836 года; С. 140—153: Хализев В. Е. О типологии персонажей в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина; С. 154—170: Сасаки Т. Между «пустотой» и «простотой»: О смысле «vanite» в произведении А. С. Пушкина; С. 171—185: Карпов А. А. «Перстень» Баратынского и «Повести Белкина»; С. 303—313: Лауэр Р. «Евгений Онегин» в манере Игоря Северянина; С. 346—353: Васильев С. Ф. В поисках инобытия: А. С. Пушкин и Ю. Мамлеев.

Кончин Е. В. «Себя как в зеркале я вижу...»: [Прижизненные портреты Пушкина] // Юный художник. 1996. № 2. С. 6—9: ил.

Корнеев А. В. «Какая-то таинственность окружала его судьбу...»: [И. П. Липранди] // Рус. словесность. 1996. № 2. С. 93—96.

Королев С. А. «Стыдливость формы» как черта православной культуры: Докл. на конф. «Православие и русская культура» (ИРЛИ РАН, 26 апр. 1995 г.) // Христианство и русская литература / РАН. Ин-т

рус. лит. (Пушкинский Дом); Отв. ред. В. А. Котельников. СПб.: Наука, 1996. Сб. 2. С. 351—357.

«Моцарт и Сальери».

Королева Е. А. Е. Р. Дашкова, А. С. Пушкин и Российская Академия // Екатерина Романовна Дашкова: Исследования и материалы / РАН. СПб. науч. центр. СПб.: Изд-во «Д. Буланин», 1996. С. 128—133. (Studiorum Slavicorum Monumenta. Т. 8).

Кошелев В. А. Афанасий Фет и «Пушкинский праздник» 1880 года // Рус. лит. 1996. № 3. С. 161—167.

Кошелев В. А. Четыре портрета из пушкинской плеяды. Псков: Изд-во Псков. обл. ин-та усовершенств. учителей, 1996. 117 с. (Пушкинский урок).

Содерж.: От автора. «Анакреон под доломаном»: (Денис Давыдов). «Дни минувшие и речи»: (Петр Вяземский). «Поэт и друг»: (Дмитрий Веневитинов). «Блаженная старина»: (Николай Языков).

Красухин Г. Г. Четыре пушкинских шедевра: («Моцарт и Сальери», «Пиковая дама», «Осень», «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»): В помощь преподавателям и абитуриентам. М.: Изд-во МГУ, 1996. 127 с. (Перечитываемая классика).

Крейцер А. О «Духе местности» Царского Села: Пушкин и Гоголь летом 1831 года // Нева. 1996. № 11. С. 232—239.

Икона Знамения Пресвятой Богородицы из Знаменского храма, стихотворение Пушкина «В начале жизни школу помню я...».

Крупин В. Н. К поэту в Михайловское // Юный художник. 1996. № 5. С. 1.

Кузмин М. А. Чехов и Чайковский // Кузмин М. А. Условности: Ст. об искусстве. [Переизд.]. Томск: Водолей, 1996. С. 123—126.

В частности, интерес Чайковского к пушкинскому творчеству. Впервые: Пг., 1923.

Кузнециков В. Т. Загадки Пушкина : Записки любопытного изыскателя. Киев: [Фирма «ВИПОЛ»], 1996. 169 с.

Содерж.: Предисловие. — Ч. I. Зимний гром: (Декабристы на Украине. Путевые заметки и примечания): 1. Трилесский эпилוג; 2. Встреча в «Зеленом трактире»; 3. Интрига князя [С. П.] Трубецкого; 4. Куда ведет строка Апостола: [Комментарий к X гл. «Евгения Онегина»: «холоднокровный генерал» — предположительно А. П. Ермолов]. — Ч. II. Шутка Пушкина, или Над чем хохотал Баратынский, читая «Краткие повести покойного И. П. Белкина»: Подполковник И. Л. П.: [Липранди, повесть «Выстрел»]; Только революционная голова: [Комментарий к записи из «Заметок и афоризмов» Пушкина, С. Пеллико — предположительно личность, скрытая под сокращением «Пе(...)»]; Титулярный советник А. Г. Н.: [Рассказчик в «Станционном смотрителе» — А. Н. Гончаров]; Нашла тучка...: [Письмо Пушкина к А. Х. Бенкендорфу от 16 апр. 1830 г.]; Девушка К. И. Т.: [Рассказчица «Барышни-крестьянки» — Е. И. Загряжская. Письмо Берестова к А. П. Курочкиной]; Чем ответил Гоголь [на «Повести

Белкина»]. — Приложения: 1. «Что в имени?..»: [«Цыганы»: Алеко, Земфира]; 2. «Вниманье дружбы возлюбя» : (Семейство Раевских в судьбе и творчестве А. С. Пушкина); 3. «У них свои бывали сходки» : (Десятая глава «Онегина» — от шифра к разгадке); 4. «Бывают странные сближения»: Заметка о «Графе Нулине».

Кулагин А. В. Карамзин как герой документально-критической прозы Пушкина: (К проблеме ее автобиографизма) // Карамзинский сборник: Творчество Н. М. Карамзина и историко-литературный процесс: Сб. ст. / Ульянов. гос. ун-т. Ульяновск, 1996. С. 74—83.

Кулакова Н. В. Лексические заимствования в контексте романа «Евгений Онегин» А. С. Пушкина // Актуальные вопросы риторики и коммуникативной лингвистики: Сб. науч. тр. / Моск. пед. ун-т. М., 1996. С. 43—56.

Кумпан К. А. Блок — участник венгерского издания Пушкина: Ст. 2 // Блоковский сб. / Каф. рус. лит. Тарт. ун-та. Тарту, 1996. [Т.] 12: Русская культура XX века: Метрополия и диаспора. С. 15—38.

Статья первая // А. Блок и основные тенденции развития литературы начала XX века. Тарту, 1986. С. 62—75. (Учен. зап. Тарт. ун-та. Вып. 735. Блоковский сб. 7).

Курбатов В. Я. Домовой: Семен Степанович Гейченко: Письма и разговоры / Под ред. В. А. Сапогова. Псков: Изд-во Псков. обл. ин-та усоверш. учителей, 1996. 54 с., фото, факс. (Пушкинский урок).

Из содерж.: С. 13—25: Гейченко С. С. Письма к В. Я. Курбатову 1968—1990 гг.

Курбатов В. Я. Живая вода: [Михайловское] // Рос. провинция. Набережные Челны, 1996. № 1(14). С. 108—109.

Курбатов В. Я. И, кажется, вечер еще... // Скобари: Сб. произв. псковских писателей. Псков: Отчина, 1995. С. 321—340.

Михайловское, С. С. Гейченко.

Курбатов В. Я. Тесные врата: [Рец. на кн.: Васильев Б. А. Духовный мир Пушкина. М., 1995] // Москва. 1996. № 6. С. 136—138.

Кусков В. В. Связь времен: О связях древнерусской литературы с литературой Нового времени: (XVIII—первая половина XIX в.): К 90-летию со дня рождения академика Д. С. Лихачева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. 1996. № 4. С. 22—33.

С. 26—31: «Руслан и Людмила», «Борис Годунов».

Кусов Г. И. Кавказские путешествия А. С. Пушкина в трудах отечественных ученых: [Обзор] // Науч. мысль Кавказа. 1996. № 1. С. 82—88.

Кушнарера Н. Ю. Христианское отношение к жизни и смерти в лирике А. С. Пушкина: Философская лирика: К урокам в IX классе // Рус. словесность. 1996. № 6. С. 66—67.

Лазареску О. Г. Драма и новелла: Система взаимоотношений в жанровой структуре «Каменного гостя» А. С. Пушкина // Проблемы литературных жанров: Материалы VIII науч. межвуз. конф. Томск, 1996. Ч. 1. С. 49—51.

- Лазарчук Р. М.** «Маленький человек» с большой душой: (Изучение повести А. С. Пушкина «Станционный смотритель») // По новым программам: 6 класс: Сб. ст. в помощь учителю лит. / Череповец. гос. пед. ин-т им. А. В. Луначарского. Череповец: Изд-во ЧГПИ им. А. В. Луначарского, 1996. С. 4—18.
- Ларина С.** Осененный именем великого поэта: Нижегородский театр оперы и балета имени А. С. Пушкина // Балет. 1996. № 5. С. 25—27: фото.
- Фестивали оперного и балетного искусства «Болдинская осень»: обзор спектаклей.
- Лауэдж Х.** Поэтический текст и перевод в обучении русскому языку как иностранному: (На материале поэмы А. С. Пушкина «Цыганы» и перевода П. Мериме) // Теория и практика преподавания русской словесности: Сб. науч.-метод. ст. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 1996. Вып. 3. С. 242—250.
- Лебедева Е. К.** Жанровое своеобразие трагедий «Димитрий Самозванец» А. П. Сумарокова и «Борис Годунов» А. С. Пушкина в аспекте проблемы самозванства // Сб. студенч. и аспирант. работ / Томск. гос. ун-т. Томск, 1996. Вып. 1. С. 10—13.
- Лебедева М. В.** Мотив «сна» в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» // Вестн. Новгород. гос. ун-та. Сер. «Гуманитар. науки». 1996. № 4. С. 83—85.
- Лебедева М. И.** Рисунок Пушкина, анекдоты и легенды. М.: Артос, 1996. 12 с.
- Лейтон Л. Д.** Эзотерическая традиция в русской романтической литературе: Декабризм и масонство / Пер. с англ. Э. Ф. Осиповой. СПб.: Академ. проект, 1996. 253 с. (Соврем. зап. русистика). На тит. л.: 1995. Указ. имен: с. 241—252.
- Из содерж.: С. 118—204: Гл. 5. Судьба декабриста. Пушкин и Бестужев [Марлинский]; Гл. 6. Нумерология в «Пиковой даме» Пушкина; Гл. 7. Тавматургия в «Пиковой даме»; Гл. 8. Масонство в «Пиковой даме». См. также указ. имен.
- Рец. см.: Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2002. Вып. 28. С. 64.
- Леман Е. П.** О необходимости учета родственных связей при изучении истории декабристов: [Опровержение версии о родстве К. Ф. Рылеева и К. П. Чернова в связи с обстоятельствами написания Рылеевым стихотворения «На смерть Чернова»] // Изв. рус. генеалог. об-ва. СПб., 1996. Вып. 5. С. 79—80.
- Лившиц В.** «Сокрытая прелесть Альбана»: (За пушкинской строкой) // Новая Россия. 1996. № 1. С. 102—103: ил.
- Комментарий к стихотворению «К живописцу».
- Лившиц В.** Тайна пушкинской эпиграммы: [«Лищинский окошел — отечеству беда...»] // Шпион. 1996. № 8. С. 86—92.
- Лисунов А.** Сокровенный труд о «странном монархе»: Пушкин — историк Петра // Встреча: (Культ.-просвет. работа). 1996. № 6. С. 33—37.

Литература и религия: Материалы [чтений, 15—21 сент. 1996 г., Крым] / Крым. Центр гуманитар. исслед.; Крым. Об-во рус. культуры. [Симферополь], 1996. 167 с. (Крымские Междунар. Пушкинские чтения, 6-е).

Из содерж.: С. 4—6: *Казарин В. П., Андрейко Е. В.* «Служу обо мне пройдет по всей Руси великой...»: (Подписка на посмертное издание Пушкина в Крыму); [С. 5: *Бенкендорф А. Х.* Письмо к П. А. Вожежневу от 12.06.1837 о подписке]; С. 6—8: *Андрейко Е. В.* Кто лечил Пушкина в Крыму? : (Из новых разысканий): [Предположительно *Ф. К. Мильгаузен*]; С. 8—10: *Алексеев П. П.* Ресурсы продуктивности пушкинского романа [«Евгений Онегин»]; С. 11—12: *Балашова И. А.* Литература в ее отношении к религии : Путь Пушкина; С. 12—13: *Богданович Г. Ю.* Деривационный потенциал сложных слов в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка»; С. 13—15: *Бронштейн А. И.* «Иных уж нет...»: (Пушкин и Грибоедов); С. 15—17: *Головин А. Г.* «Анчар» А. С. Пушкина: (Попытка прочтения анаagogического уровня подтекста стихотворения); С. 17—19: *Голосова С. А.* Гурзуфская церковно-приходская школа (1890—1916 гг.); С. 19: *Грива А. О.* А. С. Пушкин: образование и личность; С. 20—22: *Ефимов Е. С.* Эсхатологические предчувствия в русской литературе: («Медный всадник» А. С. Пушкина и «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова); С. 22—24: *Желтухина О. А.* «Бывало, в светлый Банран...»: (Какой же праздник описал А. С. Пушкин?); С. 24—26: *Лантух Н. А.* Этнокультурная доминанта «священная граница» в сказочном пространстве-времени Пушкина; С. 26—28: *Лукьянов С. А.* «Одной картины я желал быть вечно зритель...»; С. 28—29: *Мальчукова Т. Г.* «На жизненных браздах»: (К интерпретации: «Евгений Онегин», II, 38); С. 29—30: *Монина Т. С.* Религиозно-магический статус слова в лирике А. С. Пушкина; С. 31—33: *Науменко А. М.* Пушкин и религия; С. 33—35: *Ничик Н. Н.* Семантическая многоплановость слова «тайна» в повести А. С. Пушкина «Метель»; С. 35—37: *Семиколонова Е. И.* Грамматические формы в поэтическом тексте А. С. Пушкина; С. 37—39: *Сусол М. Г.* О некоторых особенностях функционирования временной лексики в поэме Пушкина «Медный всадник»; С. 39—40: *Токарь С.* «Видел я берега Кубани...»; С. 40—42: *Трубинов Ю. В.* Пушкин и Строгановы: (К истории родственных отношений); С. 42—44 [то же: С. 105—107]: *Федотов О. И.* Мицкевич и русский сонет (20—30 гг. XIX в.); С. 44—46: *Филимонов С. Б.* Пушкиноведение в деятельности ТУАК и ТОИАЭ: [Крымские краеведческие организации]; С. 58—59: *Вязьмина А. В.* Море в поэзии А. С. Пушкина и Ф. И. Тютчева; С. 127—128: *Головачева А. Г.* Сюжет притчи о блудном сыне у Пушкина и Чехова: («Станционный смотритель»—«Невеста»); С. 128—130: *Гончарова-Грабовская С.* «Сокровенный» А. С. Пушкин в художественном мире А. Платонова : («Ученик Лицея»); С. 131—132: *Ибдалаев П. Р.* Вересаев о Пушкине; С. 147—148: *Поляков А. Г.* Пушкин : «холодный

ум» или «гуляка праздный»: (Об одном споре В. С. Соловьева и В. В. Розанова); С. 149—150: *Симачева И. Ю.* А. С. Пушкин на страницах газеты «Возрождение»: (П. Б. Струве о Пушкине); С. 150—152: *Спиридонова Л. А.* «Богостроительство» М. Горького в свете пушкинских традиций; С. 153—154: *Танасиенко Т. П.* В. Ф. Ходасевич о взаимосвязи цикла петербургских повестей А. С. Пушкина; С. 156—157: *Юдов В. С.* Мифологическое в творчестве А. С. Пушкина и А. П. Платонова; С. 159—160: *Яковлев М. В.* Пушкин в сознании русских символистов.

Литературоведение XXI века: Анализ текста : Метод и результат: Материалы Междунар. конф. студентов-филологов. СПб., 19—21 апр. 1996 г. / Рос. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. СПб.: Изд-во Рус. Христианского гуманитар. ин-та, 1996. 221 с.

Из содерж.: С. 25—39: *Майер Х.* Разница между деструкцией и дискурсивным анализом: «К моей чернильнице» А. С. Пушкина; С. 40—55: *Велль А.* Призраки Бориса Годунова: Деконструкция дуальных систем; С. 80—86: *Юргенс Т.* Несколько заметок об интермедальности музыки и литературы: «Метаморфозы Пушкина»; С. 115—121: *Херман Э.* Линейная и иерархическая модель идентификации смыслов в литературном тексте: [Сравнительный анализ «Каменного гостя» и былины о смерти Василия Буслаевича]; С. 160—163: *Балашова Ю.* Текст-«продолжение» как ключ к творчеству: («Шестая повесть Белкина» М. М. Зощенко: Тема судьбы и случая); С. 188—193: *Хорват Г.* Межтекстовые парадигмы как текстопорождающие парадигмы: («Скупой рыцарь» А. С. Пушкина и «Подросток» Ф. М. Достоевского); С. 194—209: *Рапопорт А.* Три бессонницы в русской поэзии: (Пушкин, Тютчев, Анненский): Аспект «границы»; С. 215—221: *Буточкин Д. М.* Эссе У. Хэзлитта «О страхе смерти» и его место в творческой истории «Египетских ночей» А. С. Пушкина.

Литературоведение и литературоведы: Сб. науч. тр. к 75-летию Г. В. Краснова / Коломен. пед. ин-т. Коломна, 1996. 192 с., фото. Библиогр.: с. 183—185.

Из содерж.: С. 7—10: *Фомичев С. А.* К творческой истории пушкинской поэмы о разбойниках; С. 11—20: *Строганов М. В.* Стих и проза в творческом процессе Пушкина; С. 21—30: *Листов В. С.* К истолкованию онегинской строки «Одну Россию в мире видя»; С. 93—103: *Альми И. Л.* Из истории пушкиноведения : Мотив «женских ножек» в поэзии Пушкина; С. 143—146: *Егоров Б. Ф.* К портрету Ю. М. Лотмана; С. 161—163: *Михайлова Н. И.* Беседа с Сергеем Михайловичем Бонди: (Из дневника 1971 года).

Лицей на Пушкинской: Научно-метод. и культ.-просвет. журн. Тула, 1995—1997.

1995—1996. № 4—5. 64 с.: ил.

Из содерж.: С. 50—52: *Голубева Т. А., Федотова М. В.* Пушкинские лицейские вечера: Фрагмент; С. 52: фото: *Кузнецова Л. И., Лебедева А. А.* Музей и лицей: [Дом-музей В. В. Вересаева в Туле].

1996—1997. № 6—7. 104 с.: ил.

Из содерж.: С. 82—83: фото: Лицей: [Царскосельский]; С. 84—86: фото: Федотова М. В. Пушкинские лицейские [вечера]: (Продолжение).

Лобикова Н. М. «Мои стихи... текут...»: [Анализ стихотворения «Ночь»] // Лит. в школе. 1996. № 2. С. 72—74.

Лобов В. М. Дон-Жуанский список 1829 г. / Ростов н/Д. обществ. организация «Пушкинская наука». Ростов н/Д., 1996. 46 с.

«Путешествие в Арзрум».

Лобов В. М., Качура Г. Тайна «Пиковой дамы» / Ростов н/Д. обществ. организация «Пушкинская наука». Ростов н/Д., 1996. 23 с.: схемы.

Символика, математическая цикличность.

Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста; Статьи и исследования; Заметки. Рецензии. Выступления / Вступ. ст. М. Л. Гаспарова. СПб.: Искусство-СПб., 1996. 846 с. Указ. имен: с. 829—842.

Из содерж.: С. 17—252: Анализ поэтического текста: Структура стиха: [С. 142—155: А. С. Пушкин. «Ф. Н. Глинке»; С. 155—163: А. С. Пушкин. «Зорю бьют... из рук моих...»]; С. 487—493: Пушкин и М. А. Дмитриев-Мамонов: [«Не дай мне Бог сойти с ума...»]; С. 505—510: Аутсайдер пушкинской эпохи [П. А. Вяземский]; С. 511—520: Две «Осени»: [Стихотворения Пушкина и Баратынского]; С. 784—809: А. С. Пушкин : [Анализ стихотворений «К Чаадаеву» («Любви, надежды, тихой славы...»), «Ваххическая песня», «Анчар», «На холмах Грузии...», «Зимний вечер»]. См. также указ. имен.

Лоцилов И. В. «Телесная топография» «Повестей Белкина» // Циклизация литературных произведений: Системность и целостность: [Сб. ст.]. Кемерово, 1996. С. 31—44.

Лужановский А. В. Рассказ в русской литературе 1820—1850-х годов: Становление жанра / Иванов. гос. ун-т. Иваново, 1996. 222 с.

С. 68—77, 90—92, 95—104: «Повести Белкина».

Лузянина Л. Н. Религиозный текст в поэтическом сознании Пушкина 1830-х годов: (Стихотворение «Отцы пустынноики и жены непорочны...») // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера: (К 450-летию преподобного Трифона, Вятского чудотворца): Материалы Междунар. науч. конф. / Вятский гос. ун-т. Киров, 1996. Т. 2. С. 67—69.

Лукина Е. Ю. [Реф. по кн.]: Смирнов А. А. Романтическая лирика А. С. Пушкина. М., 1994 // РЖ. Социал. и гуманитар. науки: Отеч. лит. Сер. «Литературоведение». 1996. № 2. С. 82—87.

Лукьянов Б. Этика смердяковщины: [Отзыв на ст.: Ардов М. Поэт и христианство // Независимая газ. 1996. 9 февр.] // Художник. 1996. № 2. С. 5—6.

Лысый Ю. И. Лирика А. С. Пушкина. «Отцы и дети» И. С. Тургенева. «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского // Лит. в школе. 1996. № 5. С. 142—149.

Из содерж.: С. 143—144: «Брожу ли я вдоль улиц шумных...»; С. 144—146: «Отды пустынноики и жены непорочны...».

Люсий А. П. Пушкин из-за Перекопа: [5-е Крымские Пушкинские чтения в Алушке, 11—16 сент. 1995 г.] // Новое лит. обозрение. 1996. № 17. С. 432—433.

Магазаник Л. «Пиковая дама»: Морфология и метафизика больших тропов // Академические тетради. 1996. № 2. С. 53—62.

Магазаник Л. От «Пиковой дамы» к «Шинели»: Поэтика в морфологическом освещении: [Реф. из разд. «Интеллектуальная собственность»] // Академические тетради. 1996. № 2. С. 118—120.

«Маленькие трагедии», «Капитанская дочка»: Гоголь, Лермонтов.

Мадонна Наталья: Поэзия и проза: Сб. публ., подгот. редакцией газеты «Дар». Ростов н/Д.: Гэфест, 1996. 108 с., ил. (Б-чка «Дара»: К 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Вып. 1).

Содерж.: С. 3—67: *Забабурова Н. В.* Мадонна Наталья: Поэзия и проза: Лит. эссе; С. 69—78: *Холодный Э. Ф.* Из пушкинского цикла: Стихи; С. 80—107: *Хавчин А. В.* Сочинитель и чиновник: Повесть.

Мавья М. Г. Два поэтических отклика на греческое восстание: [«Греция» Пушкина и стихотворения Кюхельбекера «К Туманскому», «Песнь греческого воина»] // Рус. лит. 1996. № 2. С. 107—116.

Мальцева Т. Ю. Ганнибалы и Пушкин / Предисл. Г. Н. Дубинина // Московский журнал. 1996. № 6. С. 35—44: ил.; № 7. С. 34—42: ил.

Фрагмент из кн.: «Ганнибалы на Псковщине в пушкинское время». № 6: В. П. Ганнибал, Петровское, Воскресенское. № 7: Дети и внуки И. А. Ганнибала: Павел Исаакович, Петр Исаакович, Семен Исаакович, Александр Яковлевич, Евгения Петровна.

Мальчукова Т. Г. О традиции Лукреция в поэзии Пушкина // От сюжета к мотиву: Сб. науч. тр. / СО РАН. Ин-т филол.; Отв. ред. В. И. Тюпа. Новосибирск, 1996. С. 116—136. (Материалы к «Словарию сюжетов и мотивов рус. лит.»: [Вып. 1]).

Манаенкова Е. Библейские мотивы в «Медном всаднике» // Филол. поиск. Волгоград. 1996. Вып. 2. С. 3—12.

Манько А. В. Кавалер Золотого оружия: [Биография А. А. Пушкина] // Россия молодая. 1996. № 6. С. 9—15; № 7. С. 21—26.

Марков А. Рядом с Пушкиным // Диалог. 1996. № 2. С. 82—90: ил.

Друзья и знакомые Пушкина. Дневник А. А. Олениной, книги В. П. Горчакова, В. Ф. Одоевского; Александр Карамзин.

Марсакова М. С. Морфологические варианты типа «домы-дома», «друзи-друзья» в поэтических произведениях А. С. Пушкина // Семантическая системность языковых единиц / Самар. гос. ун-т. Самара, 1996. С. 63—71.

Мартиновская А. И. и др. Литературная жизнь // Самарская область: (География и история, экономика и культура): Учеб. пособие [для школьников] / Сост. Э. Я. Дмитриева, П. С. Кабытов. Самара, 1996. С. 459—546.

С. 467—471: А. С. Пушкин.

Материалы Международной Пушкинской конференции, 1—4 окт. 1996 г. / Псков. гос. пед. ин-т им. С. М. Кирова; Отв. ред. Н. Л. Вершинина, Л. А. Капитанова. Псков, 1996. 262 с.

Содерж.: Вокруг Пушкина. С. 5—10: *Тихомиров В. В.* Своеобразие биографического метода П. В. Анненкова — исследователя жизни и творчества А. С. Пушкина; С. 11—15: *Чумаков Ю. Н.* «Евгений Онегин» в современном прочтении: (По поводу статьи Caryl Emerson «Татьяна»); С. 15—20: *Сапченко Л. А.* К упоминанию о Б. Ф. Мертваго в пушкинской «Истории Пугачева»; С. 20—27: *Гольшьева А. И.* Еще о Пушкине в Америке: [Пушкиноведческие работы Т. Шоу]; С. 27—32: *Чернова И. И.* Образ, слово и мысль Пушкина в иллюстрациях Н. В. Кузьмина. — Пушкин и мировая литература. С. 33—38: *Густова Л. И.* «Язык Италии золотой»: Итальянские мотивы в творчестве Пушкина; С. 41—45: *Сашина Е. В.* К проблеме «чистой» поэзии: (Пушкин и французские романтики); С. 45—49: *Краснов Г. В.* Пушкин и Ф. Гизо; С. 49—53: *Буточкин Д. М.* Эссе У. Хэзлитта «О страхе смерти» и его место в творческой истории «Египетских ночей» А. С. Пушкина: (К вопросу о взаимовлиянии русского и английского романтизма); С. 54—57: *Болгова М. В.* «Дон-Жуан» и «Беппо» в эволюции «онегинского» замысла; С. 58—61: *Степина Н. А.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» и роман воспитания; С. 62—67: *Площук А. Н.* О «Лизгоре» в «Похоронной песне» А. С. Пушкина; С. 67—72: *Степанов В. Г.* Об одном эпитафическом стихотворении [«Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»]. — Пушкин и русская литература. С. 75—79: *Орловская А.* «Гавриилиада» А. С. Пушкина и традиции русской комической поэмы; С. 79—84: *Глухов В. И.* Пушкин и роман Загоскина «Рославлев»; С. 84—89: *Альми И. Л.* Три воплощения темы хаоса в русской лирике 30-х гг. XIX века: (Пушкин, Баратынский, Тютчев); С. 89—94: *Константинова С. Л.* Эстетическая историография: (А. С. Пушкин и А. С. Хомяков); С. 94—99: *Цветкова Н. В.* К истолкованию XXXII строфы IV главы «Евгения Онегина»; С. 100—105: *Потемина Е. И.* «Байронизм» в «Евгении Онегине» в откликах критиков первой трети XIX века; С. 105—109: *Смирнов А. С.* Пушкинские корни гоголевской иронии; С. 110—114: *Соловьева Т. В.* И. С. Тургенев и А. С. Пушкин: Подражание и преемственность; С. 115—117: *Мостовская Н. Н.* Феномен Пушкина в творческом сознании Тургенева и Некрасова; С. 117—122: *Федянова Г. В., Баталова Т. П.* Пушкинские мотивы в сборнике Н. А. Некрасова «Мечты и звуки» (1840); С. 122—127: *Володина Н. В.* Пушкинская тема в стихотворении Н. А. Некрасова «Поэт и гражданин»; С. 128—132: *Розанова Л. А.* А. С. Пушкин и русский поэт Д. Н. Семеновский; С. 133—136: *Разумовская А. Г.* Пушкин—Ахматова—Бродский: Взгляд на поэзию; С. 137—141: *Рожнятовская Н. В.* Трагическое в лирических системах А. С. Пушкина и Ин. Ф. Анненского: (К вопросу о пушкинской традиции); С. 141—147: *Шадурский В. В.* Пушкинский подтекст в про-

изведениях набоковских писателей; С. 147—150: *Голицына В. Н.* Взаимодействие пушкинских рецензий с другими литературными источниками в романе М. Бугакова «Белая гвардия». — Поэтика Пушкина; С. 153: *Трубецкой В. П.* Пушкин и его двойники; С. 153—158: *Ковальчик В.* Ангел и дьявол в поэзии А. С. Пушкина: (Из опыта исследований сакральных мотивов в русской литературе); С. 158—163: *Козмин В. Ю.* Эволюция образа «деревня-рай» в творчестве и судьбе А. С. Пушкина; С. 164—168: *Савинков С. В., Фаустов А. А.* История и судьба в пушкинском «Борисе Годунове»; С. 169—173: *Смирнов А. А.* Содержание романтического идеала в любовной лирике А. С. Пушкина; С. 174—177: *Егоров И. В.* О «последнем целом» в романе Пушкина «Евгений Онегин»; С. 177—182: *Вершинина Н. Л.* Онегинские мотивы и поэтика «общего места» в повествовательных диалогических структурах 1830—1850-х годов; С. 182—185: *Капитанова Л. А.* Романтический нарратив и «Повести Белкина»; С. 185—189: *Орлицкий Ю. Б.* Прозиметрия в стихах и прозе А. С. Пушкина: (К постановке проблемы); С. 189—194: *Лазарчук Р. М.* Письма А. С. Пушкина: (К проблеме генезиса прозаического стиля); С. 194—199: *Глушко О.* Слово Александра Пушкина и Владимира Одоевского в диалоге о сущности добра и зла: («Мой Демон» и «Новый Демон»); С. 200—205: *Доманский Ю. В.* Архетипический мотив зимней вьюги в прозе А. С. Пушкина и рассказе А. П. Чехова «Ведьма»; С. 206—208: *Ивлева Т. Г.* Романтическая ирония в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин». — Пушкин в школе. С. 211—216: *Финаева В. Н.* Сравнение как способ выявления индивидуальности художника на уроках литературы: (Опыт беседы при сравнительном анализе лирики Пушкина и Лермонтова в 9-м классе); С. 216—222: *Жукова Т. Б.* К изучению жизни и творчества А. С. Пушкина в школе: (Тема маленького человека). — Пушкин и язык. С. 225—230: *Костючук Л. Я.* Пушкин и народная речь; С. 230—234: *Попкова Л. М.* Глаголы восприятия под пером А. С. Пушкина; С. 235—239: *Никитина Т. Г.* «Непереводимое в переводах» А. С. Пушкина: [Лексика и грамматические формы «Сказок» в немецких переводах]; С. 240—244: *Пецкая Т. А.* Конструкции и сложные слова с пол-/полу- в произведениях А. С. Пушкина. — Пушкинское музееведение: С. 247—250: *Лагунин И. И.* Пушкинские места на Псковщине: К 200-летию со дня рождения поэта; С. 250—256: *Агальцова В. А., Смирнова Т. П.* Парк в усадьбе Тригорское: Вчера, сегодня, завтра; С. 257—258: *Будылин И. Т.* Философия Пушкинского музея.

Медриш Д. Н. Из жизни традиционных формул // Рус. речь. 1996. № 6. С. 89—94.

Изображение военных сражений, традиции древнерусской литературы, «Полтава».

Мейор А. Г. Пространство и время: Державин и Пушкин: (Стихотворение Державина «Евгению. Жизнь Званская») [и «Осень» Пушкина] //

XVIII век / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Отв. ред. Н. Д. Кочеткова. СПб.: Наука, 1996. Сб. 20. С. 79—86.

Мережковский Д. С. Пушкин // Мережковский Д. С. Вечные спутники: Роман. Стихи. Лит. портреты. Дневник / Сост., примеч. Т. Прокопова; Вступ. ст. (с. 5—40) Н. Солнцева. М.: Шк.-пресс, 1996. (Круг чтения. Школ. программа). С. 371—446.

Мерзляков М. Д. От благодарных читателей: [Рец. на кн.: Историко-литературный сб. к 60-летию Л. Г. Фризмана. Харьков, 1995] // *Russian Studies*: Ежекварт. рус. филол. и культуры. 1996. Т. 2. № 1. С. 437—438.

Меркин Б. Г. Пушкин и Раич: [Критические статьи о Пушкине, 1839—1840 гг.] // *Русская филология: Учен. зап. [Сб. 2]: 1996 / Смоленск. гос. пед. ин-т. Смоленск, 1996. С. 127—141.*

Миниатюра конца XVIII—первой половины XIX века из собрания Всероссийского музея А. С. Пушкина / Сост., авт. вступ. ст. и аннотаций Е. Н. Иванова. СПб.: ЭГО, 1996. 191 с.: ил. Указ. имен и портр.: с. 188—191. (Сокровища мир. культуры. Вып. 1).

Миночкина Л. И. История русской критики XIX века: Метод. материалы для студентов 4-го курса филол. фак. / Челябинск. гос. ун-т. Челябинск, 1996. 35 с.

Из содерж.: С. 16—18: Пушкин-критик в литературной борьбе 1820—1830 годов с критиками-политиками течения гражданского романтизма; С. 18—20: «Борис Годунов» А. С. Пушкина в оценке философской критики: (Д. Веневитинова, Н. Надеждина, И. Киреевского и Н. Полевого).

Миркина Р. М. Образ героя-индивидуалиста в романе «Евгений Онегин» / Предисл. (с. 19) и публ. Л. С. Мелиховой // *Рус. словесность*. 1996. № 6. С. 20—25.

Митник М. Покорение «Карса»; Я к вам пишу... / Худ. Э. Насибулин. СПб.; Нью-Йорк, 1996. [76 с.], ил. Примеч.: Тираж 50 экз., раскр. вручную.

Рец.: Бялый В. Пушкин объединяет континенты // *Кн. обозрение*. 1997. 1—7 янв. С. 30, ил.

Михайловская пушкинiana: Сб. ст. науч. сотрудников Музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское». Вып. 1 / Науч. ред. В. С. Бозырев; Гос. музей-заповедник А. С. Пушкина. М.: МЦНТИ, 1996. 71 с.

Содерж.: С. 4: Указ Президента Российской Федерации о включении отдельных объектов в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации от 6 дек. 1995 г., № 1219; С. 5: *Давыдов А. И.* Воспоминания В. В. Тимофеевой (Починковской) «Шесть лет в Михайловском»: [Предисл. к публ.]; С. 6—28: *Тимофеева В. В.* Шесть лет в Михайловском: Лит. мемуары; С. 29—34: *Козмина Л. В.* Художественно-экспозиционное решение выставки «Пушкин в Псковском крае»; С. 35—38: *Васильев М. Е., Васильева Л. А.* «Специальный геометрический план земель Святогорского монастыря 1786 года»: (Комментарии); С. 39—42: *Козмин Б. М.* К вопросу об иконографии Арапа Петра Великого;

С. 43—48: *Симакина Г. Ф.* П. А. Ганнибал — двоюродный дед А. С. Пушкина : (Неизвестные моменты биографии); С. 49—51: *Козмина Л. В.* Несколько штрихов к портрету А. С. Пушкина в дом-музее Ганнибалов; С. 52—58: *Шпинева Е. В.* Судьба музейных ценностей; С. 59—69: *Василевич Г. Н.* Предпосылки развития Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское»: (К вопросу о сохранении уникальной территории).

Рец.: *Бавин С. П.* О Пушкине, профессионалах и любителях // Слово. 1997. № 5—6. С. 66—67.

Михед П. В. Сильвио Пеллико и русская литература : (Опыт интерпретации) // *Вопр. рус. лит.: Межвуз. сб. науч. тр. / Крым. центр гуманитар. исслед. Симферополь: Крым. Архив, 1996. Вып. 2(59). С. 3—18.*

С. 4—10: Статья Пушкина «Об обязанностях человека (...)».

Молок Ю. А. О художнике этой книги // *Пушкин А. С. Сказки / Рис. В. М. Конашевича. М.: РОСМЭН, 1996. С. 133—134.*

Моров В. Г. Скрижаль свободы: (Святитель Московский Филарет и наполеоновская легенда Пушкина) // *Regnum Aeternum=Царство вечное. 1996. № 1. С. 121—142.*

Московский наблюдатель. 1996. № 5—6. 96 с.: ил.

Из содерж.: С. 7—19: Пушкин. «Пиковая дама». Версия Петра Фоменко. С. 7—10: *Семеновский В.* Графиня и плебей; С. 11—12, фото: *Глушенко И.* Подвижная идея; С. 13—16, фото: *Сальникова Е.* Людмила Максакова: [Графиня в «Пиковой даме»]; С. 17—19, фото: *Грибкова Н.* Евгений Князев [в роли Германа]. — С. 34—38: Чайковский. «Пиковая дама» : Версия Анатолия Васильева. С. 34: *Васильев А.* К макету «Пиковой дамы»: [Опера П. И. Чайковского в постановке А. Васильева, худ. И. Попов]; С. 35—36, фото: *Гаевский В. М.* Музыка для глаз: [Опера П. И. Чайковского в Веймарском театре]. — С. 39—41: Чайковский. «Пиковая дама» : Версия Юрия Любимова. С. 39—40: *Боровский Д.* Зеленый квадрат игры: Чайковский. «Пиковая дама» : Версия Юрия Любимова. [Отклики на спектакль; С. 40—41: Из немецкой прессы]. — С. 89: *Арро С.* Пушкинская неделя во Франкфурте: [Театр. фестиваль и науч. чтения под эгидой СПб. Пушкинского театрального центра].

Московский пушкинист: Ежегод. сб. [Вып.] II / РАН. Ин-т мир. лит. им. А. М. Горького. Пушкинская комиссия; Сост., науч. ред. В. С. Непомнящий. М.: Наследие, 1996. 343 с.

Содерж.: С. 5—6: *Непомнящий В. С.* От редакции; С. 7—29: *Есипов В. М.* О замысле «Графа Нулина»; С. 30—39: *Поволоцкая О. Я.* Самосознание формы: («Домик в Коломне» и «Повести Белкина»); С. 40—56: *Косталевская М.* Дуэт, Диада, Дуэль: («Модарт и Сальери»); С. 57—82: *Белый А. А.* Отшельники хвалы ему поют: («Каменный гость»); С. 83—93: *Кожевников В. А.* Предположение об «Истории села Горюхина»; С. 94—127: *Сурат И. Э.* «Кто из богов мне возвратил...» : (Пушкин, Пущин и Горащий); С. 128—134:

Мурьянов М. Ф. Шахматный этюд; С. 135—165: Непомнящий В. С. Из наблюдений над текстом «Евгения Онегина»; С. 166—201: Перцов Н. В. О языковом иконизме Пушкина: (Из комментариев к поэме «Домик в Коломне»); С. 202—214: Орлов В. Е. К проблеме перевода французских текстов Пушкина; С. 215—233: Краваль Л. А. Пушкин и Евпраксия Вульф; С. 234—238: Сидоров И. С. «Современник» и его читатели: Из переписки Бакуниных 1836 года; С. 239—264: Филлин М. Д. Две перчатки в гробу: «Масонский след» в судьбе Пушкина; С. 265—291: Наумов А. В. Военно-судное дело о последней дуэли Пушкина: Уточнение оценок; С. 292—304: Артамонов М. Д. Еще раз о «X главе» «Евгения Онегина»: Опыт математического анализа; С. 305—327: Филлин М. Д. Пушкиниана русского зарубежья: (1918—1940): Материалы для библиографии: Продолжение; С. 328—339: Непомнящий В. С. Слово о благих намерениях: Письмо в редакцию сборника «Пушкинская эпоха и христианская культура»; С. 340—341: Хроника заседаний Пушкинской комиссии (1994).

Московский пушкинист: Ежегод. сб. [Вып.] III / РАН. Ин-т мир. лит. им. А. М. Горького. Пушкинская комиссия; Сост., науч. ред. В. С. Непомнящий; Ред. В. А. Кожевников; Предисл. (с. 2) Ю. М. Лужкова. М.: Наследие, 1996. 360 с.

Содерж.: С. 5: Предисловие; С. 6—61: Непомнящий В. С. Феномен Пушкина и исторический жребий России: К проблеме целостной концепции русской культуры; С. 62—74: Роднянская И. Б. Поэтическая афористика Пушкина и идеологические понятия наших дней; С. 75—109: Анненкова А. А. Пушкин в «простонародном» сознании; С. 110—124: Медриш Д. Н. Народные приметы и поверья в поэтическом мире Пушкина; С. 125—134: Ронкин В. Е. «Сказка о царе Салтане»: Архетипическое и актуальное; С. 135—151: Сурат И. Э. «Стоит, белеясь, Ветилуя...»; С. 152—168: Поволоцкая О. Я. «Метель»: Коллизия и смысл; С. 169—192: Есипов В. М. Два этюда о пушкинской прозе; С. 193—201: Кожевников В. А. Когда окривела тетушка Настасья Герасимовна: (К внутренней хронологии повести «Капитанская дочка»); С. 202—268: Квашина Л. П. Мир и слово «Капитанской дочки»; С. 269—290: Гришунин А. Л. Проблемы датировки произведений Пушкина; С. 291—298, факс.: «Из двух разговоров» политика с поэтом: Неизвестное донесение К.-Л. Фикельмона князю Меттерниху / Публ. (с. 294—295), пер., коммент. И. В. Канторович; С. 299—313: Овчинников Р. В. «На чужой, холодной стороне»: (Комментарий к дневниковой записи Пушкина от 17 января 1834 года); С. 314—322: Бицилли П. М. Пушкин и Николай I / Публ., коммент. М. Д. Филина; С. 323—357: Филлин М. Д. Пушкиниана Русского Зарубежья (1918—1944): Материалы для библиографии; С. 358: Хроника заседаний Пушкинской комиссии (1995).

Муравьев В. Б. Тверской бульвар. М.: Классика плюс, 1996. 192 с.: ил. (Памятники Отечества: Альм.: Малая серия. Вып. 1).

С. 86—94, фото: памятник Пушкину работы А. М. Опекушина.

Мурьянов М. Ф. Из символов и аллегорий Пушкина / РАН. Ин-т мир. лит. им. А. М. Горького. Пушкинская комиссия. М.: Наследие, 1996. 279 с. (Пушкин в XX веке. Вып. 2. Руководитель изд. В. С. Непомнящий). Вспом. указ.: с. 267—278.

Содерж.: Предисловие. Гл. 1. Что Пушкин называл символами и аллегориями; Гл. 2. Из истории южной ссылки; Гл. 3. Крымский ноктюрн в «Евгении Онегине»; Гл. 4. У истоков пушкинской философии времени; Гл. 5. Об отрывке «Когда владыка Ассирийский»; Гл. 6. О стихотворении «Мирская власть»; Гл. 7. Алмазы Пушкина; Гл. 8. «Русский Бог».

Рец.: Кормилов С. От Пушкина вглубь веков // Вопр. лит. 1998. № 3. С. 335—347; Малкина В. Я. // Новое лит. обозрение. 1998. № 33. С. 407—408.

Мурьянов М. Ф. Рождение трагедии «Моцарт и Сальери» / Публ. И. В. Мурьяновой; Послесл. О. Н. Трубачева (с. 68—69) // Вестн. РАН. 1996. Т. 66. № 1. С. 63—68, фото.

Мясоедова Н. Е. Подходы к изучению «Путешествия в Арзрум» А. С. Пушкина // Рус. лит. 1996. № 4. С. 21—40.

Н. О. [Рец. на кн.]: Московский пушкинист. [Вып.] I. М.: Наследие, 1995 // Новое лит. обозрение. 1996. № 20. С. 406—408.

Набоков В. В. Комментарий к XXXIII строфе первой главы [«Евгения Онегина»] / Публ., вступ. заметка (с. 74—76), примеч. В. П. Старка; Пер. с англ. Н. Муриной // Звезда. 1996. № 11. С. 76—89.

Набоков В. В. Пушкин, или Правда и правдоподобие / Пер. с франц. Т. Земцовой // Набоков В. В. Лекции по русской литературе: Чехов, Достоевский, Гоголь, Горький, Толстой, Тургенев / Предисл. (с. 7—12) И. Толстого. М.: Независимая газ., 1996. С. 411—423.

Нагибин Ю. М. Дневник / Общ. ред., сост., послесл., указ. имен: Ю. Кувалдин. М.: Кн. сад, 1996. 699 с., 17 л.: ил. Указ. имен: с. 676—698. Михайловское. О С. С. Гейченко см. по указ. имен.

То же: М.: ПИК, 1996. 620 с. О Гейченко и Михайловском: с. 179, 272, 391—397.

Найман А. Русская поэма: Четыре опыта: [«Медный всадник», «Мороз, красный нос», «Двенадцать», «Поэма без героя»] // Октябрь. 1996. № 8. С. 128—152.

С. 128—135: «Медный всадник».

Невский библиофил: Альм. Вып. 1 / СПб. добровол. об-во любителей кн. СПб.: Сударыня, 1996. 134 с.: ил.

Из содерж.: С. 44—49: *Петрицкий В. А.* Мой герой — Пушкин; С. 57—62, ил.: *Бялый В. Я.* Миниатюрная пушкиниана художника [Э. Насибулина]; С. 75—80: *Любавин М. А.* «...сочинения Ивана Кайданова»: [Учеб. пособия]; С. 88—95, ил.: *Замятин О. А.* Впервые изданная полностью [«Тень Баркова». СПб., 1991. Худ. Э. Насибулин].

Недзвецкий В. А. «Евгений Онегин» как стихотворный роман // Изв. АН России. Сер. лит. и яз. Т. 55. № 4. С. 3—17.

- Недзвецкий В. А.** Прозаназия поэмы как путь к «эпосу нового мира»: («Евгений Онегин» А. С. Пушкина) // Науч. докл. филол. фак. МГУ / Под ред. Е. Э. Цыбенко, Н. Г. Комлева. М., 1996. Вып. 1. С. 116—126.
- Непомнящий В. С.** О Пушкине и его художественном мире // Лит. в школе. 1996. № 1. С. 3—11; № 2. С. 3—12; № 3. С. 3—12.
- Непомнящий В. С.** Удерживающий теперь: Феномен Пушкина и исторический жребий России // Новый мир. 1996. № 5. С. 162—190.
- Никифоров-Волгин В. А.** Пушкин и Митрополит Филарет / Послел. М. Д. Филина // Москва. 1996. № 2. С. 130—135.
Впервые // Сегодня. Рига, 1938. № 251.
- Никишов Ю. М.** Пушкин и революция: (1817—1822) // Филология=Philologica. Краснодар, 1996. № 9. С. 18—22.
Мировоззрение, лирика. «К. Н. Я. Плюсковой», «Вольность».
- Николаев Е.** Четырнадцать дуэлей Пушкина / Ил. Д. Терехова // Рос. провинция. Набережные Челны, 1996. № 4 (17). С. 96—103.
- Николаева Т. М.** «Бусый волк» Игорьь и «оборотничество» пушкинских героев: [«Руслан и Людмила», «Полтава», «Евгений Онегин»] // Русистика. Славистика. Индоевропеистика: Сб. к 60-летию А. А. Зализняка / РАН. Ин-т славяновед. и балканистики. М.: Индрик, 1996. С. 660—668.
- Николаева Т. М.** Пушкин и Боян: [«Слово о полку Игореве», эволюция взглядов Пушкина на место поэта в обществе] // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Памяти Т. Г. Винокур / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М.: Наука, 1996. С. 5—22.
- Николаева Т. М.** Текст. Как путь и как многомерное пространство // Концепт движения в языке и культуре / РАН. Ин-т славяновед. и балканистики. М.: Индрик, 1996. С. 336—352. (Б-ка ин-та славяновед. и балканистики. [Вып. 5]).
«Евгений Онегин» как пространство движущихся линий. Чувства и литературные трафареты речи Татьяны и Онегина (Б. Констан. «Адольф»): комментарий к VIII гл.
- Николаева Т. М.** Ярославна — три Марии — Татьяна // Московский лингвист. журн. 1996. Т. 2. С. 291—298.
«Слово о полку Игореве» в творчестве Пушкина: «Всеволожскому», «Кавказский пленник», «Выстрел», «Метель», «Капитанская дочка».
- Овчинников Р. В.** «Он в старом мундире времен Петра I-го...»: (Комментарий к мемуарному свидетельству, записанному А. С. Пушкиным со слов И. И. Дмитриева): [Атрибуция персонажей из «Истории Пугачева»: А. Н. Квашнин-Самарин и М. Я. Квашнина-Самарина] // Исслед. по источниковедению истории России (до 1917 г.): Сб. ст. / РАН. Ин-т рос. истории. М.: Наука, 1996. С. 116—130.
- Одесская М. М.** Нескромные догадки о «Нескромных догадках» И. Л. Леонтьева-Щеглова: [Отношения с А. П. Чеховым как ситуация «Моцарта и Сальери»] // Чеховиана: Чехов и его окружение / РАН. Отв. ред. А. М. Турков. М.: Наука, 1996. С. 169—177.

Комментарий к эссе из кн. И. Л. Леонтьева-Щеглова «Новое о Пушкине» (СПб., 1902).

Озеров Л. Перечитывая Пушкина // Пушкин А. С. Избр. соч. В 2 т. / Примеч. Д. Д. Благого. Самара: Самар. Дом печати, 1996. Т. 1. С. 5—34. (К: Классика).

Орлов В. Е. О необходимости нового перевода на русский язык «французской» пушкинианы: (К постановке проблемы) // Филол. науки. 1996. № 1. С. 3—11.

Письма А. С. Пушкина: уточнение переводов.

Осипова Н. О. «Золотой» век русской культуры в зеркале «серебряного»: (Модели и архетипы) // Культура. Искусство. Образование: Актуальные проблемы: (Материалы науч.-практ. конф.) / Моск. гос. открытый пед. ун-т. М., 1996. С. 10—14.

П. С. [Рец. на кн.:] Глассе А. Пушкинская Одесса в письмах графини Гурьевой: 1822—1824. СПб.; Нью-Йорк, 1995; Иду вдоль книжных полок... СПб., 1995 // Новое лит. обозрение. 1996. № 19. С. 359—360.

Павсов Ю. И. А. С. Пушкин в современной отечественной музыке: [1987] // Контекст: Лит.-теорет. исследования: 1994, 1995 / РАН. Ин-т мир. лит. им. А. М. Горького; Отв. ред. А. В. Михайлов. М.: Наследие, 1996. С. 284—322.

Палей В. П. Смерть Пушкина: Драматический этюд // Палей В. П. Поэзия. Проза. Дневники / Сост. Т. А. Александрова, Л. И. Тютюник. М.: Альма Матер, 1996. С. 211—226.

Палий Е. Н. Литературно-музыкальные салоны и их роль в культурной жизни России первой трети XIX века // Культура и творчество: Материалы конф. каф. теории и истории культуры МГОПУ / Моск. гос. откр. пед. ун-т. М., 1996. С. 64—78.

Палий Е. Н. Литературно-музыкальные салоны Москвы первой трети XIX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: (10.01.01; 17.00.01) / Моск. гос. откр. пед. ун-т. М., 1996. 21 с. Библиогр. с. 21 (5 назв.).

Палий Е. Н. Салон княгини Э. Волконской // Клуб. 1996. № 2. С. 26—27.

Панов С. И. [Рец. на кн.]: Ивинский Д. П. Князь П. А. Вяземский и А. С. Пушкин. М., 1994 // Новое лит. обозрение. 1996. № 20. С. 404—406.

Сравнение с неопубликованной работой М. А. Цявловского «Кн. П. А. Вяземский и его отношения к Пушкину» (1910, РГАЛИ).

Панченко А. М. Ошибки Пушкина / Ил. В. Горяева // Рос. провинция. Набережные Челны, 1996. № 2 (15). С. 79—83.

Предки Пушкина: реалии немецкого происхождения. «Борис Годунов», польский вопрос.

Парчевский Г. Ф. Пушкин и карты: «Налево ляжет ли валет?» / Пре-дисл. А. М. Гордина. [2-е изд.]. СПб.: Рус. виза, 1996. 159 с., ил.

Содерж.: От автора; Гл. 1. «Игра несчастливая родит задор»; Гл. 2. «Играешь ты довольно плохо в штос»; Гл. 3. «Как в ненастные дни собирались они часто»; Гл. 4. «Выручишь ли ты меня из сетей До-

гановского?». Приложения: 1. Заметки к биографии В. С. Огонь-Догановского; 2. Перечень карточных игр с участием А. С. Пушкина; 3. Словарь некоторых карточных терминов. Библиография.

Первое изд.: СПб., 1994.

Рец.: П. С. // Новое лит. обозрение. 1997. № 23. С. 392.

Пастухова Е. Л., Пастухова Л. Н. «Из рук моих нерукотворный дар прими...»: [Памятник А. С. Пушкину работы А. М. Опекушина в Москве] // Лит. в школе. 1996. № 5. С. 94—99: фото. С. 98—99: школьное сочинение.

Паустовский К. Г. Сказки Пушкина // Пушкин А. С. Сказки / Рис. В. М. Конашевича. М.: РОСМЭН, 1996. С. 131—132.

Перельмутер В. Г. Потаенная полемика: [«Ночь светла, в небесном поле...»: продолжения В. Ф. Ходасевича и Г. А. Шенгели] // Октябрь. 1996. № 6. С. 165—171.

Перцов Н. В. Об одном пушкинском афоризме // Московский лингвист. журн. 1996. Т. 2. С. 319—325.

«Мы ленивы и нелюбопытны». («Путешествие в Арзрум»).

Перцова Е. М., Перцов В. В. Перцовы // Московский журнал. 1996. № 4. С. 12—19: ил.

С. 13—14: Эраст Петрович Перцов; Перо Пушкина с печаткой Э. П. Перцова из коллекции ГМП.

Петербургские чтения-96: Материалы Энциклопед. 6-ки «Санкт-Петербург—2003» / Ассоциация исследователей СПб. СПб.: Блиц, 1996. 477 с.: ил.

Из содерж.: С. 321—324: *Лебедева Э. С.* Образы Древней Руси в императорской столице: (Прощание Петербурга с Пушкиным): [Отпевание Пушкина в церкви Спаса на Конюшенной площади]; С. 353—357, адресный указ. (с. 357): *Старк В. П.* Петербургские адреса родителей Пушкина; С. 414—417: *Высочков Л. С.* Император Николай I за обеденным столом; С. 426—427: *Коршев А. Р.* Офицеры на улицах Санкт-Петербурга пушкинской эпохи: [Форма, внешность].

Пишем сочинение вместе: Учеб. пособие для выпускников школ и абитуриентов. СПб.: Фарматекс, 1996. 382 с. (В помощь школьникам и абитуриентам).

С. 45—50: Тема дружбы и любви в лирике А. С. Пушкина; С. 51—55: «В мой жестокий век восславил я свободу...»: Вольнолюбивая лирика А. С. Пушкина; С. 56—61: Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» как «энциклопедия русской жизни»; С. 62—67: «Счастье было так возможно, так близко...»: (Онегин и Татьяна Ларина).

Плаксин С. [Рец. на кн.:] Мурьянов М. Ф. Пушкинские эпитафии. М., 1995 // Новое лит. обозрение. 1996. № 21. С. 404—405.

Плотникова В. А. Два стихотворения А. С. Пушкина на смерть Амалии Ризнич // Словарь. Грамматика. Текст: [Сб. ст.] / РАН. Отд-ние лит. и яз. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М., 1996. С. 416—431.

С. 416—421: «Под небом голубым...»; С. 421—429: «Для берегов отчизны дальней...».

По Крыму — Пушкину вослед / Сост., примеч. И. Н. Петровой; Худ. Э. Х. Насибулин. СПб.: Миниатюра, 1996. 130 с.: ил. (Б-чка газ. «Миниатюра»).

Подарки Пушкину: [Дары частных лиц ГМП] / Предисл. (с. 174—175) Н. И. Михайловой; Авт. ст.: Г. Г. Светлова («Дар И. А. и А. А. Полонских», с. 175—180), А. Я. Невский («Дар Н. В. Вырубова», с. 180—182) // Октябрь. 1996. № 6. С. 174—182.

Подгорная А. Вы еще мальчишка, Пушкин // Искусство в школе. 1996. № 3. С. 47—48.

Школьные инсценировки пушкинских произведений.

Полухина В. П. Читаем, думаем, спорим...: Вопросы и задания по литературе: 6 класс. М.: Просвещение; АО «Учеб. лит.», 1996. 223 с.

Из содерж.: С. 34—52: Александр Сергеевич Пушкин. [Биография, лирика, «Повести Белкина». Часть тем написана Р. И. Альбетковой].

Полякова Л. В. Великое поприще: [Предисл. к одноимен. рубрике, посв. А. С. Пушкину] // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. «Гуманит. науки». Тамбов, 1996. Вып. 3/4. С. 35—36.

Пономарева Е. А. Детские альманахи пушкинского времени. Проблематика и поэтика: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: (10.01.01) / Моск. пед. гос. ун-т им. В. И. Ленина. М., 1996. 16 с. Библиогр.: с. 16 (7 назв.).

Пономарева Л. Г. Пушкин и Наполеон: (Опыт метафорического стиля в лицейской лирике) // Статьи о фольклоре и литературе. Омск, 1996. С. 61—69.

Поплавская И. А. Лицейсты пушкинского выпуска в Томске: [А. Д. Иллчевский, Ф. Ф. Матюшкин] // Русские писатели в Томске. Томск: Водолей, 1996. С. 30—38.

Постнов О. Г. Тема смерти в ранней лирике А. С. Пушкина // «Вечные» сюжеты русской литературы: «Блудный сын» и другие: Сб. науч. тр. / СО РАН. Ин-т филол.; Отв. ред. Е. К. Ромодановская, В. И. Тюпа. Новосибирск, 1996. С. 59—68.

Постнов О. Г. Трансформация мотива смерти в лирике А. С. Пушкина петербургского периода 1817—1820 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. филол. 1996. № 4. С. 26—31.

Потаенные романы Пушкина: 1823—1824: [Пушкин в Одессе. Воспоминания, ист.-лит. исслед., ил. материалы] / Сост., авт. ст. и коммент. В. А. Димов. М.: «Димовф и К°», 1996. 591 с., ил. Библиогр.: с. 584.

Содерж.: С. 13—18: Димов В. А. От издателя; С. 20—90: Бессарабия глазами романтиков; С. 91—240: Роман 1. Итак, я жил тогда в Одессе...: [С. 109—144: Вигель Ф. Ф. Воронцовская Одесса глазами очевидца...; С. 155—174: Вересаев В. В. Пушкин в жизни; С. 185—228: Цявловская Т. Г. Храни меня, мой талисман...]; С. 241—448: Роман 2: Властители дум: (А. Шенье; Русский Калигу-

ла [Павел I]; Наполеон; Байрон; Русский Бонапарт [П. И. Пестель]; Доктор Хатчинсон); С. 449—530: Роман 3: А. С. Пушкин. «Евгений Онегин» / Ил. М. В. Добужинского; С. 533—577: *Алексеев М. П.* Материалы для биографического словаря одесских знакомых Пушкина; *Черейский Л. А.* Словарные дополнения [к «Материалам» М. П. Алексеева].

Рец.: *Н. К.* // Новое лит. обозрение. 1997. № 25. С. 410—411.

Проблемы поэтики языка и литературы: Памяти Я. И. Гина: Материалы межвуз. науч. конф. 22—24 мая 1996 г. / Карел. гос. пед. ун-т. Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 1996. 159 с.

Из содерж.: С. 32—35: *Чуглов В. И.* «Я только в скобках замечаю...»: Вставные конструкции в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»; С. 51—54: *Донская Т. К.* Динамические художественные тексты: («Мой Пушкин» М. Цветаевой); С. 108—111: *Тарланов Е. Э.* К поэтике стихотворного переложения молитвы «Отче наш», приписываемого Пушкину: [«Я слышал в келии простой...»].

Проблемы романтизма в русской и зарубежной литературе: Материалы Междунар. науч. конф.: (6-е Гуляевские чтения). 15—18 мая 1996 г. / Твер. гос. ун-т. Тверь, 1996. 138 с.

Из содерж.: С. 32—38: *Дементьева Н. Г.* Вольтер, Байрон и Пушкин: Трансформация образа Мазепы от «Карла XII» Вольтера до «Мазепы» Байрона и «Полтавы» Пушкина; С. 38—42: *Пономарева Л. Г.* Художественный мир Оссиана в лицейской лирике Пушкина; С. 67—71: *Никишов Ю. М.* Романтический императив пушкинской «Сцены из Фауста»: [Статья Пушкина «О стихотворении „Демон”»]; С. 71—74: *Смирнов А. А.* Жанр романтического фрагмента в лирике А. С. Пушкина; С. 74—77: *Драгомирецкая Н. В.* Диалог: «Евгений Онегин»—«Горе от ума»: Против односторонности романтической позиции героя; С. 103—107: *Киселева Л. Ф.* О формах метаморфоз романтизма в русской прозе XX века: [Пушкинская концепция «истинного романтизма»].

Проблемы современного пушкиноведения: Сб. ст. / Псков. гос. пед. ин-т им. С. М. Кирова; Отв. ред. Н. В. Цветкова. Псков, 1996. 211 с.

Из содерж.: С. 5—15: *Кошелев В. А.* Пушкин и Хомяков: (К типологии смеховой культуры); С. 24—28: *Михайлова Н. И.* «Слово» архимандрита Филарета при гробе графа П. А. Строганова: [VI глава «Евгения Онегина»]; С. 28—36: *Глухов В. И.* Идея «вечного закона» в оде «Вольность»; С. 37—51: *Шаврыгин С. М.* «Путешествие в Арзум»: (Пушкин—Грибоедов—Шаховской); С. 52—57: *Смирнов А. А.* Об особенностях содержания романтического идеала в любовной лирике Пушкина; С. 57—70: *Таборисская Е. М.* Сюжет и жанр стихотворения Пушкина «Череп»; С. 71—79: *Сапченко Л. А.* Переосмысление традиционного образа в стихотворении Пушкина «Цветок»; С. 80—88: *Константинова С. Л.* К проблеме: Италия и эстетический идеал в поэзии Пушкина; С. 89—94: *Степанов В. Г.* Пушкин как интерпретатор Катулла : (Несколько замечаний по поводу

альбомной лирики); С. 95—107: *Хавв Е. С.* О стиле поэмы «Домик в Коломне» / Публ. Г. Л. Гуменной, В. С. Листова; С. 108—121: *Вершинина Н. Л.* О функции идиллической образности в романе «Евгений Онегин»; С. 122—125: *Юсупова Л. А.* К вопросу о командоре: [Коммент. к «Каменному гостю», анализ образа командора в комедиях Тирсо де Молина]; С. 126—130: *Краснов Г. В.* Друзья-враги в поэтическом мире Пушкина; С. 131—143: *Касакова Л. А.* О композиции «Скупого рыцаря» А. С. Пушкина; С. 144—150: *Соловьёва Т. В.* «Онегинская» традиция в произведениях И. С. Тургенева; С. 150—158: *Разумовская А. Г.* «Пушкинское» начало в поэзии Т. Глушковой; С. 159—168: *Штейнгольд А. М.* Литературно-критический дебют В. Г. Белинского — рецензия 1831 года «О Борисе Годунове, сочинения Александра Пушкина. Разговор...»; С. 169—178: *Цветкова Н. В.* Пушкин и «органическая критика» Ап. Григорьева; С. 179—184: *Оляшек Б.* Почему Дмитрий Писарев критиковал Пушкина?; С. 185—192: *Гольшева А. И.* Американский ученый о Пушкине: [Рец. на кн.: Shaw J.T. Pushkin's poetics of the unexpected. Columbus, 1994].

Прокудин С. Б. «Евгений Онегин» неисчерпаем... : (Ответ американскому профессору Кэрл Эмерсон) // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. «Гуманитар. науки». 1996. Вып. 3/4. С. 47—52.

К ст.: *Эмерсон К.* Татьяна // Там же. С. 36—46.

Прокудин С. Б. «Повести Белкина» А. Пушкина: (Опыт прочтения): Учеб.-метод. пособие для студентов филол. фак. / Тамбов. ун-т им. Г. Р. Державина. Тамбов, 1996. 21 с.

Проскурина В. Ю. Пушкинский миф М. О. Гершензона // Новое лит. обозрение. 1996. № 20. С. 120—144.

Пугачев В. В. Пушкинский замысел цареубийства весной 1820 г. и декабристы // Индивидуальный политический террор в России: XIX—начало XX в.: Материалы конф. М.: Мемориал, 1996. С. 5—16.

Пушкин А. С. Борис Годунов: Трагедия / Предисл., подгот. текста, ст. С. А. Фомичева; Коммент. Л. М. Лотман; РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб.: Академ. проект, 1996. 542 с. (Рус. классика с комментариями).

Содерж.: С. 5—22: *Фомичев С. А.* Предисловие; С. 23—114: *Пушкин А. С.* Борис Годунов; С. 117—128: *Фомичев С. А.* Творческая история пьесы; С. 129—359: *Лотман Л. М.* Историко-литературный комментарий; С. 361—366: Словарь [устаревших и малоупотребительных слов]; С. 369—455: *Карамзин Н. М.* История государства Российского; С. 455—485: *Пушкин А. С.* [Высказывания о драме «Борис Годунов»]; С. 485—489: *Булгарин Ф. В.* (?) Замечания на Комедию о царе Борисе и Гришке Отрепьеве; С. 490—499: О Борисе Годунове, сочинении Александра Пушкина: Разговор; С. 500—521: *Надеждин Н. И.* «Борис Годунов». Сочинение А. Пушкина. Беседа старых знакомцев; С. 522—525: *Веневитинов Д. В.* Разбор отрывка из трагедии г. Пушкина, напечатанного в «Московском вестнике»; С. 526—530: *Гоголь Н. В.* «Борис Годунов». Поэма Пушкина;

С. 531—536: *Киреевский И. В.* Обзорение русской литературы за 1831 год. «Борис Годунов».

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. Т. 18 (дополнительный): Рисунки / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН; Под ред., с предисл. С. А. Фомичева; Коммент., послесл. С. В. Денисенко; Сост. С. В. Денисенко, А. В. Дубровский, Т. И. Краснобородько; Предисл. (с. 9) Б. Н. Ельцина. М.: Воскресенье, 1996. 639 с., ил.

Рец.: *Плаксин С.* // Новое лит. обозрение. 1997. № 27. С. 377—379; *Сахаров А.* О чем рассказывают рисунки Пушкина // Москва. 1998. № 10. С. 188—190; *Сурат И.* О старом академизме и новой русской пушкинистике // Новый мир. 1997. № 7. С. 225—229.

Пушкин А. С. Рабочие тетради: [В 8 т.] / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Консорциум сотрудничества с СПб.; Описания выполнены М. Н. Виротайнен, А. В. Дубровским, Р. В. Иезуитовой, С. А. Кибальником, Т. И. Краснобородько, Я. Л. Левкович, Н. Н. Петруниной, В. Д. Раком, В. Б. Сандомирской, С. Б. Федотовой, Ю. П. Фесенко, С. А. Фомичевым. СПб., Лондон, 1996.

Т. 4: ПД 834 (Первая масонская), 835 (Вторая масонская), 836 (Третья масонская).

Т. 5: ПД 837 (Первый альбом), 838 (Второй альбом), 845 (Третий альбом).

Пушкин А. С. Тень Баркова : (Контаминированная редакция М. А. Цявловского в сопоставлении с вновь найденным списком 1821 г.) / Публ., подгот. текста И. А. Пильщикова; Вступ. заметка Е. С. Шальмана; Коммент. М. А. Цявловского // Филология=Philologica. М.; Лондон, 1996. Т. 3. № 5/7. С. 133—286.

Александр Пушкин / Сост. Т. А. Соколова. М.: Новатор, 1996. 477 с., 16 л. ил. (Рос. судьбы / Изд. К. В. Кренов; Ред. Т. А. Соколова).

Из содерж.: С. 14—354: *Иванов В. Н.* Александр Пушкин и его время; С. 355—391: *Пушин И. И.* Записки о Пушкине; С. 392—403: *Жуковский В. А.* Письмо к С. Л. Пушкину от 15 февр. 1837 г.; С. 403—414: *Жуковский В. А.* Письмо к А. Х. Бенкендорфу от 25 февр./8 марта 1837 г.; С. 415—427: *Ильин И. А.* Пушкин в жизни. 1799—1837; С. 428—448: *Булгаков С. Н.* Жребий Пушкина; С. 475—476: Об авторах книги.

Александр Сергеевич Пушкин: К 200-летию со дня рождения: Каталог звукозаписей / Гос. фонд теле- и радиoproграмм; Сост. Г. Г. Корнева, Е. И. Петрова. М., 1996. (Из собр. Гостелерадиофонда).

Т. 1: Сочинения А. С. Пушкина. Литературные произведения, посвященные А. С. Пушкину. А. С. Пушкин и его творчество. А. С. Пушкин и музыка. 180 с.

Т. 2: Сценическая музыка. (Оперы. Балеты). Музыка к драматическим спектаклям. Музыка на сюжеты А. С. Пушкина. 326 с.

Т. 3: Камерно-вокальная музыка. Хоровые произведения на стихи А. С. Пушкина. 524 с.

А. С. Пушкин: Путь к православию / Сост., подгот. текста, авт. примеч. А. Н. Стрижев. М.: Отчий дом, 1996. 335 с. (Православная церковь и рус. лит.). Библиогр.: с. 332—334.

Из содерж.: С. 5—6: *Стрижев А. Н.* От составителя; С. 7—65: *Андреев И. М.* А. С. Пушкин: (Основные особенности личности и творчества гениального поэта); С. 66—129: *Анастасий, митр.* Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви; С. 130—144: *Антоний, еп.* Слово перед панихидой о Пушкине, сказанное в Казанском университете 26 мая 1899 г.; С. 145—163: *Антоний, митр.* Пушкин как нравственная личность и православный христианин; С. 164—182: *Восторгов И. И.* Вечное в творчестве поэта; С. 183—212: *Никанор, архиеп.* Беседа в Неделю блудного сына, при поминовении раба Божия Александра (поэта Пушкина), по истечении пятидесятилетия со дня смерти его; С. 213—214: *Ильин И. А.* Пророческое призвание Пушкина; С. 243—259: *Лехахин В.* «Отцы пустынноики и жены непорочны...»: (Опыт подстрочного комментария); С. 260—269: *Пигалев В. А.* Пушкин и масонство; С. 270—299: *Башилов Б.* Пушкин и масонство: (Главы из кн.).

Рец.: *Сахаров А.* Духовный мир Пушкина // Москва. 1998. № 2. С. 175—176.

Пушкин в прижизненной критике: 1820—1827 / Пушкинская комиссия РАН; Гос. Пушкинский театр. центр в СПб.; Под общ. ред. В. Э. Вацуро, С. А. Фомичева; Вступ. ст. (с. 5—22: «В буре споров, в вихре критик...») Г. Е. Потаповой. СПб.: Гос. Пушкинский театр. центр, 1996. 527 с. (Пушкинская премьера / Ред. серии. В. Э. Рецеттер; Редакол.: Д. С. Лихачев, С. А. Фомичев и др.). Вспом. указ.: с. 501—522.

Полный свод критических отзывов с комментариями В. Э. Вацуро, Е. А. Вилька, Е. А. Губко, С. В. Денисенко, О. Н. Золотовой, Г. М. Ивановой, Т. Е. Киселевой, Е. О. Ларионовой, Е. В. Лудиловой, Т. М. Михайловой, Г. Е. Потаповой, А. И. Роговой, С. Б. Федотовой, А. В. Шароновой.

Рец.: *Лапкина Г. А.* Не «мысль головная», но «мысль сердечная»...: (По следам одной презентации) // Играем Пушкина. СПб., 2001. С. 499—503. (То же // Театр. жизнь. 2001. № 8); *Сурат И. Э.* // Новый мир. 1998. № 4. С. 223—224; *Фоняков И. О.* «С искренним смирением принимая похвалы...» // Нева. 1998. № 2. С. 184—186.

Пушкин и русская культура: Докл. на Междунар. конф. в Новгороде (26—29 мая 1996 г.) / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН; Новгород. гос. ун-т. СПб.; Новгород, 1996. 139 с.

Содерж.: С. 3—5: *Строганов М. В.* «...Но это зеркало мне льстит»; С. 6—9: *Кошелев В. А.* «Признайтесь, вы всегда надеялись на мое великодушие»: (К проблеме: Пушкин и Александр I); С. 9—12: *Фомичев С. А.* Творчество Пушкина и «русская идея»; С. 12—15: *Кушниренко В. Ф.* Дневники Ф. Н. Лугинина как памятники русской культуры пушкинской поры; С. 15—16: *Строганова Е. Н.* Из родо-

словной Вульф: (Потомство Ивана Петровича Вульфа); С. 17—19: Левченко О. А. К дуэльной истории Пушкина и В. Соломирского; С. 20: Мустафина Е. А. «АТ НОМЕ» у Пушкина; С. 21—23: Тюрин В. В. «Новгородская» глава в жизни и творчестве Пушкина; С. 23—26: Фесенко Ю. П. Статьи Даля о Пушкине; С. 27—30: Белкин Д. И. Путешественники и исследователи Востока — «знакомцы давние» поэта; С. 30—34: Донин А. Н. О некоторых пейзажных рисунках Пушкина; С. 34—38: Орлицкий Ю. Б. Силлаботонический метр в эпистолярной Пушкина: (К постановке проблемы); С. 38—40: Кулагин А. В. Пушкин и Высоцкий: К типологии творческой биографии; С. 41—43: Омелько Л. В. Историческое время в поэме «Руслан и Людмила»; С. 44—47: Савченко Т. Т. Между эпосом и лирикой: (Субъект речи в «Подражаниях Корану» А. С. Пушкина); С. 47—50: Потапова Г. Е. Об одной модификации «фаустовского» сюжета у Пушкина: [«Разговор книгопродавца с поэтом»]; С. 50—52: Старк В. П. «Оленинский» цикл Пушкина в набоковских отражениях; С. 52—56: Березкина С. В. Буриме в жанре эпиграммы или «Вчера мне Маша приказала...»: [«Будь подобен полной чаше...»]; С. 56—59: Листов В. С. К истолкованию стихотворения Пушкина «Стамбул гяуры нынче славят...»; С. 59—61: Сигаева Т. Ф. Логика парадокса в «Сказке о мертвой царевне и семи богатырях»; С. 61—64: Баевский В. С. Пушкин, русская литература его времени и байронизм: Из творческой истории романа в стихах; С. 65—66: Краснов Г. В. Москва в «Евгении Онегине» как образ-символ; С. 66—68: Степина Н. А. Воспитание молодого дворянина в начале XIX века: (Из комментария к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин»); С. 68—72: Черемисинов Г. А. Экономические комментарии к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин»; С. 73—77: Лебедева О. Б. Поэтика театральности в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»; С. 77—79: Дементьев Э. Г. О некоторых функциях вертикального контекста «Евгения Онегина»: (На примере западноевропейской литературы); С. 80—82: Федотов О. И. Стихи о стихах: Пушкин. Вступление к поэме «Домик в Коломне»: (Опыт стиховедческого комментария); С. 83—85: Кондратьев Б. С., Пяткин С. Н. Притча о блудном сыне и ее мифологическая эмблема в контексте повести А. С. Пушкина «Станционный смотритель»; С. 85—88: Хализев В. Е. Персонажи «Капитанской дочки» А. С. Пушкина в историко-литературном контексте; С. 88—91: Хоанг Ван Кан. «Капитанская дочка» Пушкина в переводе на вьетнамский язык: (К проблеме всемирной отзывчивости Пушкина); С. 91—94: Терентьева А. А. Повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка» в школьном изучении; С. 94—98: Грехнева Г. М., Корепова К. Е. Пушкин и фольклор: Аспекты изучения в школе; С. 98—101: Шелемова А. О. «И грянул бой...»: (Поэтика батальных эпизодов в «Слове о полку Игореве» и «Полтаве» А. С. Пушкина); С. 101—104: Борисов Ю. Н. Пушкинский замысел комедии об игроке [«Скажи, какой судьбой...»] и пьеса Д. Ефимьева «Преступник от игры, или братом

проданная сестра»; С. 104—108: *Новиков А. Е.* Сенковский и Пушкин: (К постановке проблемы); С. 108—111: *Анненкова Е. И.* Стихотворение А. С. Пушкина «Мадона» в историко-культурном контексте: [«Записная книжка» М. С. Лунина, вторые редакции «Портрета» и «Тараса Бульбы» Н. В. Гоголя: Традиции западного восприятия женской красоты]; С. 112—117: *Журавлева А. И., Зыкова Г. В., Некрасов В. Н.* Пушкин—Шевырев—Лермонтов; С. 117—121: *Янушкевич А. С.* Отзвуки сна Татьяны в творчестве Н. В. Гоголя; С. 121—123: *Фризман Л. Г.* Пушкин в «Выбранных местах из переписки с друзьями» [Н. В. Гоголя]; С. 123—126: *Володина Н. В.* Стихотворение А. С. Пушкина «Поэт и толпа» в критике 1860-х годов; С. 126—130: *Смирнов С. В.* «Повыше Пушкина поэт?»: (Литературно-общественный эквивалент первого поэта в творчестве Некрасова); С. 130—132: *Иванова Н. Ф.* Пушкинский романс [«Ночь» А. Г. Рубинштейна] в поэтике чеховского рассказа «Ионыч»; С. 132—134: *Викторович В. А.* Пушкин и Достоевский : Некоторые итоги изучения проблемы; С. 135—137: *Евдокимова С. Б.* Факт и вымысел: Отношение Пушкина и Толстого к истории; С. 137—139: *Ерохин В. Н.* От «Богоматери» к «Прекрасной Даме»: (Эволюция и трансформация образов).

Пушкин и современная культура / РАН. Науч. совет по истории мировой культуры; Отв. ред. Е. П. Чельшев. М.: Наука, 1996. 325 с.

Содерж.: С. 3—30: *Чельшев Е. П.* Пушкиноведение : Итоги и перспективы: К 200-летию со дня рождения поэта; С. 31—70: *Непомнящий В. С.* Феномен Пушкина и исторический жребий России : К проблеме целостной концепции русской культуры; С. 71—77: *Гальцева Р. А.* Пушкин и свобода человека; С. 78—91: *Кулешов В. И.* Значение понятия «знак» в художественном мире А. С. Пушкина: (Западноевропейский и русский аспекты); С. 92—106: *Иезуитов А. Н.* Пушкин и «философия взаимодействия»; С. 107—116: *Роднянская И. Б.* Поэтическая афористика Пушкина и идеологические понятия наших дней; С. 117—122: *Михайлова Н. И.* Роман «Евгений Онегин» в движении времени : Проблемы комментария; С. 123—137: *Архангельский А. Н.* Поэт—история—власть: («Борис Годунов» А. С. Пушкина); С. 138—161: *Кожин В. В.* Пушкин и Чаадаев: (К истории русского самосознания); С. 162—168: *Майклсон Д.* Пушкин и Чаадаев: Встреча в Крыму; С. 169—172: *Касама К.* Пушкин и русские масоны; С. 173—184: *Краснов Г. В.* Пушкинский герой и наше время; С. 185—198: *Анненкова А. А.* Отражение личности А. С. Пушкина в народном сознании; С. 199—206: *Лазарев В. Я., Туганова О. Э.* Трансформация образа Пушкина в тайниках современного массового сознания; С. 207—213: *Кулагин А. В.* «Пушкинское» стихотворение Высоцкого: («Люблю тебя сейчас...»); С. 214—219: *Геронимус В. А.* Поэтика примитива в контексте лирики Пушкина; С. 220—225: *Фомичев С. А.* Низвержение кумиров: («Дар» В. Сириня и «Прогулки с Пушкиным» А. Терца); С. 226—232: *Шах-Азизова Т. К.* Пушкин как театральная проблема; С. 233—243: *Чернова Н. Ю.* Балетная пушкиниана; С. 244—249:

Павлова Е. В. Пушкин глазами художников 1970—1990-х годов; С. 250—254: Листов В. С. Пушкинская аура отечественного кино; С. 255—260: Крейн А. Э. Музей — дом Пушкина: [ГМП]; С. 261—267: Новикова М. А. Нужен ли Пушкин западноевропейской культуре?; С. 268—277: Наваль Ф. Пушкин во Франции; С. 278—284: Лейтон Л. Г. Заметки о Пушкине в исследованиях и переводах в США; С. 285—295: Кишкин Л. С. Пушкин и развитие чешской культуры; С. 296—310: Зоркая Н. М. «Мой Пушкин»: Пушкин каждого из нас; С. 311—319: Козлов С. Н., Узст Л. Почему поэзию А. С. Пушкина недооценивают на Западе: [Английский перевод «Евгения Онегина» Б. Дойч]; С. 320—323: Новые переводы стихотворных произведений Пушкина на французский: [Тексты: «Бахчисарайский фонтан» (фрагмент), «Признание», «Дар напрасный, дар случайный...», «Евгений Онегин» (фрагмент)] / Пер. Л. Эпштейн-Дики.

Пушкинская эпоха и Христианская культура: По материалам традиц. Христианских Пушкинских чтений. [Вып.] 11 / Ред.-сост. Э. С. Лебедева. СПб.: СПб. Центр Православной Культуры, 1996. 120 с.: ил.

Из содерж.: С. 3—20: *Константин, архим.* Религиозная проблема Пушкина / Публ., коммент. М. Д. Филина; С. 21—29: *Варсонофий, архим.* О русских писателях: Из бесед старца Варсонофия с духовными детьми; С. 30—36: *Краваль Л. А.* Портрет Анны Керн; С. 41—52: *Иоанн (Малинин).* Православный человек о личности А. С. Пушкина; С. 53—82: *Казин А. Л.* Пушкин: Дар любви; С. 83—91: *Филин М. Д.* Отклик вологодского священника на кончину Пушкина: (Письмо о Григория Осокина к сыновьям): [Текст письма впервые // Река времен. М., 1995. Кн. 2. С. 9]; С. 92—102: *Лебедева Э. С.* Смерть поэта как сюжет русской лирики и народной легенды; С. 103—107: *Фрейдель Е. В.* Рисунок С. М. Воробьева «Придворная Конюшенная Церковь»: [Впервые // Пушкин и его время: Исслед. и материалы. Л., 1962. Вып. 1. С. 534—540]; С. 108—110: *Смирнова И.* Спас на Конюшенной.

Пушкинская эпоха и Христианская культура. [Вып.] 10, 12; см. под загл.: Христианская культура: Пушкинская эпоха. СПб., 1996.

Пьянов А. С. В трех зеркалах: [Очерки о рисунках Пушкина и изображенных им лицах] // Пушкин А. С. Свобода, слава и любовь: Лирика. Письма. Рисунки / Сост., предисл., очерки А. С. Пьянова. М.: Пресса, 1996. С. 5—31; 334—486.

Пьянов А. С. Рукою Пушкина: «Она звалась Татьяной»; «Храни меня, мой талисман» // Пионер. 1996. № 9. С. 4—9: ил.

С. 4—6: «Евгений Онегин», С. 7—9: Е. К. Воронцова.

Пяткин С. Н. Пушкин и Горький: Об истоках нравственно-философского конфликта в пьесе «На дне» // Горьковские чтения 1995 г.: Материалы Междунар. конф. «М. Горький — сегодня: Проблемы эстетики, философии и культуры» / РАН. Ин-т мир. лит. им. А. М. Горького. Н. Новгород, 1996. С. 177—180.

«Пир во время чумы».

Рак В. Д. Издание, которого еще не было: [Полн. собр. соч. А. С. Пушкина в 20 т., подгот. ИРЛИ РАН] // Наука в России. 1996. № 6. С. 77—79: ил.

Розанов В. В. Возврат к Пушкину: (К 75-летию со дня его кончины): 27 января 1837—27 января 1912 года / Ил. Ю. Иванова // Рос. провинция. Набережные Челны, 1996. № 4 (17). С. 92—94.

Розанов В. В. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Лит. очерки. О писательстве и писателях. М.: Республика, 1996. 701 с. (Собр. соч. / Под общ. ред. А. Н. Николюкина). Указ. имен: с. 696—699.

Из содерж.: С. 136—142: Пушкин и Гоголь: [По поводу статьи Ю. Н. Говорухи-Отрока (под псевдонимом Ю. Николаев): «Нечто о Гоголе и Достоевском»]; С. 420—425: Заметка о Пушкине: [1899]; С. 426—435: Еще о смерти Пушкина: [1900].

Ройтман Ю. «Не внемля критике суровой...» // Театр. жизнь. 1996. № 11—12. С. 36—39.

Опера «Евгений Онегин» в постановке Моск. муниципального театра «Новая опера», художественный руководитель и дирижер Е. Колобов.

Российская провинция. Набережные Челны, 1996. № 3 (16). 176 с.: ил.

Из содерж.: С. 128—139: Раздел «Пушкин — наше все». С. 128—130: Лихачев Д. С. Одной души с народом; С. 131—135: Баранов Е. Э. Брюс, Сухарев и Пушкин: [Рассказы о Пушкине московских старожил Ф. Я. Болякина и А. Е. Колтыхина]; С. 136: Мирошкин А. Домашняя пушкиниана: [Рец. на кн.: Лотман Ю. М. Пушкин. СПб., 1995; Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М., 1995; Московский пушкинист. М., 1995. Вып. I]; С. 137—139: Иван Евстратьевич Свешников, русский крестьянин: Пушкин и Глинка о талантливом самоучке: [Table talk].

Российский литературоведческий журнал. 1996. № 8. 344 с.

К 200-летию рождения А. С. Пушкина.

Из содерж.: Из пушкиноведческих разысканий. С. 3—12: Кулешов В. И. Духовный путь Пушкина: (К пересмотру концепций); С. 13—22: Смирнов А. А. Романтика дружбы в лирике Пушкина; С. 23—31: Строганов М. В. О роли предания в исторических сочинениях А. С. Пушкина; С. 32—36: Ивинский Д. П. «Медный всадник» Пушкина и «Отрывок» III части «Дядюв» Мицкевича; С. 37—48: Криницын А. Б. Пушкин и Жюль Жанен; С. 49—55: Кузнецов И. С. Элегия Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...»; С. 56—64: Батурова Т. К. Пушкин и альманах «Уrania»; С. 65—67: Зыкова Г. В. «Цыганы» и опера Вебера «Прециоза». — К «Евгению Онегину». С. 68—76: Стенник Ю. В. Традиции Державина в «Евгении Онегине»; С. 77—84: Дмитриева Н. Л. Татьяна и Полина: (Пушкин и Загоскин); С. 85—90: Краснов Г. В. Соседи в поэтическом мире «Евгения Онегина»; С. 91—100: Кошелев В. А. Именник «Евгения Онегина» в функциональном аспекте; С. 101—105: Вольская Е. Я. «Куплет

Татьяне»: [Куплеты Трике на мотив Ш. Р. Дюфрени]; С. 106—110: Пономарева Е. А. О какой «Грамматике» речь?: [Комментарий к V главе]; С. 111—113: Михайлова Н. И. «И учит азбуке детей»: [Комментарий к VI главе]; С. 114—121: Наумов А. В. «Евгений Онегин» глазами криминалиста. — Пушкинисты Московского университета (1930—1990-е годы). С. 122—132: Кулешов В. И. Дмитрий Дмитриевич Благой; С. 133—143: Кулешов В. И. Сергей Михайлович Бонди; С. 144—149: Пустовойт П. Г. Николай Леонтьевич Бродский; С. 150—157: Кулешов В. И. Виктор Владимирович Виноградов; С. 158—160: Кириллук Э. В. Александр Иванович Белецкий; С. 161—164: Смирнов А. А. Александр Николаевич Соколов; С. 165—168: Коровин В. И. Василий Иванович Кулешов.

Россия. Запад. Восток: Встречные течения: К 100-летию со дня рожд. акад. М. П. Алексеева / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб.: Наука, 1996. 445 с.: портр.

Из содерж.: С. 59—61: Шур Л. А. Письма М. П. Алексеева в архиве Андре Менье: (Из истории пушкинистики во Франции); С. 61—67: Алексеев М. П. Письма к А. Менье 1956—1961 гг. / Публ., коммент. Л. А. Шура; С. 68—79: Чельшев Е. П. М. П. Алексеев и ориентальное пушкиноведение; С. 153—175: Станишич Й. П. П. Негош и А. С. Пушкин; С. 218—224: Аринштейн Л. М. Непрочитанное послание Пушкина к Кюхельбекеру: [«Кто из богов мне возвратил...», уточнение датировки «Повести из римской жизни»]; С. 224—230: Багно В. Е. Оппозиция «гуляка праздный» (Авель) и «угрюмец» (Каин) как сквозная тема творчества Пушкина; С. 306—312: Краснов Г. В. Постигание пушкинского «Бориса Годунова»: [Ст. М. П. Алексеева «Ремарка Пушкина „Народ безмолствует“»]; С. 326—331: Левин Ю. Д. Неизвестная параллель к «Капитанской дочке» Пушкина: [Повесть Л. Делава «Дмитрий и Надежда»]; С. 402—409: Фомичев С. А. Пушкин и Абай; С. 409—417: Шмидт С. О. К истории слова «интеллигенция».

Россош Г. Г. Пушкин и свобода: Превратности и откровения // Октябрь. 1996. № 2. С. 168—176.

Руднев А. Пушкин без Пушкина: В. В. Вересаев и М. А. Булгаков [в работе над пьесой «Александр Пушкин»] // Вышгород. 1996. № 1. С. 106—110.

Русская литература XIX века в зеркале критики: Хрестоматия лит.-крит. материалов: Пособие для учащихся / Подгот. текста и примеч. О. О. Миловановой, И. А. Книгина; Науч. ред. В. В. Прозоров. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1996. 317 с.

Из содерж.: С. 24—33: Киреевский И. В. Нечто о характере поэзии Пушкина; С. 68—88: Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина: (Ст. восьмая, девятая); С. 130—142: Григорьев А. А. Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина. Ст. первая: Пушкин.—Грибоедов.—Гоголь.—Лермонтов; С. 295—298: Розанов В. В. Возврат к Пушкину.

Русская словесность. 1996. № 3. 96 с.

Из содерж.: С. 13—16: *Полевой Н. А.* Александр Сергеевич Пушкин: [Впервые // Живописное обозрение. 1837. Ч. 3] / Подгот. текста, примеч., вступ. ст. («Первая биография А. С. Пушкина», с. 8—12) *А. С. Курилова*; С. 16—24: *Ходанен Л. А.* «Свободы тайный страж...»: Романтический миф о кинжале в поэзии Пушкина и Лермонтова; С. 25—27: *Михайлова Н. И.* «Там пел Мицкевич вдохновенный...»; С. 27—30: *Кулешов В. И.* «Евгений Онегин» Пушкина и «Дон-Жуан» Байрона; С. 31—36: *Степина Н. А.* Воспитание молодой дворянки в начале XIX века: (Из наблюдений над текстом романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»); С. 95—96: *Краснобородько Т. И.* «Тень Пушкина меня усыновила»: [А. Ф. Онегин].

Русская стихотворная драма XVIII—XX веков: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Н. А. Буранок. Самара: Изд-во СамГПУ, 1996. 168 с.

Из содерж.: С. 42—49: *Москвичева Г. В.* О трагическом в «Моцарте и Сальери» А. С. Пушкина; С. 50—66: *Бочкарев В. А.* Трагедия А. С. Хомякова «Дмитрий Самозванец» и ее место в развитии русской исторической драматургии: [«Борис Годунов» А. С. Пушкина, «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» А. Н. Островского]; С. 152—161: *Бабичева Ю. В.* Вариации на темы Пушкина: (Из истории поэтического театра Серебряного века): [Традиции «Каменно-го гостя»: Н. Гумилев, С. Гедройц, В. Корвин-Пиотровский].

Русский стих: Метрика. Ритмика. Рифма. Строрифика: В честь 60-летия М. Л. Гаспарова / Рос. гос. гуманитар. ун-т. М., 1996. 336 с.

Из содерж.: С. 61—80: *Вахтель М.* «Черная шаль» и ее метрический ореол; С. 163—181: *Красноперова М. А.* К вопросу о распределении ритмических слов и случайных ямбов в художественной прозе: [Бессознательное использование элементов стихотворной речи, в частности на примере текстов А. С. Пушкина]; С. 221—228: *Пауэл-сток Д.* Бахтин о поэзии: Заметки: [Фрагменты работ «К философии поступка» и «Автор и герой в эстетической деятельности», посв. стихотворению Пушкина «Для берегов отчизны дальней...»]; С. 229—233: *Постолтенко К. Ю.* Онегинская строфа — рифма и композиция; С. 234—244: *Скулачева Т. В.* Ритм и морфология: Ритмика глаголов: [На примере 5055 строк из «Евгения Онегина» и 1—3 глав «Капитанской дочки»]; С. 327—336: *Шоу Д. Т.* Части речи в рифмах основных стихотворных жанров и в концах прозаических синтагм у Пушкина.

Русский язык за рубежом. 1996. № 1—2—3. 120 с.: множ.чл. ил.

Пушкинский номер.

Из содерж.: С. 4—8: *Некрасов С. М.* Музей поэта: [ВМП]; С. 8—13: *Галкина Т. И.* Музей-дача А. С. Пушкина: [Дом А. Китаевой]; С. 13—18: *Седова Г. М.* «...Мои занятия вынуждают меня жить в Петербурге, расходы идут своим чередом»; С. 19—24: *Жуйкова Р. Г.* Портреты Александра I в рисунках Пушкина; С. 24—32: *Руссаков В. М.* Потомки А. С. Пушкина; С. 32—35: *Авенариус В. П.* Отроческие годы Пушкина: [Гл. из одноимен. кн.]. — С. 61—81:

[Материалы из газет]: С. 61—62: *Клименко Е.* 6 июня — день рождения А. С. Пушкина и день рождения музея поэта [в Москве]; С. 62—63: *Меликянц Г.* До 200-летнего юбилея Пушкина дел невпроворот: [О работе Пушкинской юбилейной комиссии]; С. 63—66: *Пушкин Г. Г.* Александр Сергеевич запретил нам сочинять стихи / Интервью И. Мاستыкиной; С. 66—68: *Пьянов А. С.* «Ваш дед Семен Гейченко»; С. 68—70: Где эта улица? Где этот дом?: [Беседа Е. Егоровой с С. К. Романюком о месте рождения Пушкина]; С. 71—73: *Егорова Е.* Поместье Пиковой дамы; С. 73—76: Леди Батлер — родня царю, родня поэту: [Беседа Н. Долгополова с М. Э. Батлер о прямых потомках Пушкина по линии дочери Натальи Александровны]; С. 76—80: *Лесной Д.* Игроцкая жизнь Пушкина в документах: [По материалам В. В. Вересаева]; С. 80—81: *Трунов О. В.* Пушкиниана 1994 года. — С. 82—87: *Епатко Ю. Г.* Пушкин, Онегин и Меркуров; С. 88—93: *Краснобородько Т. И.* «Мы с любопытством рассматриваем автографы...»; С. 93—99: *Мухина А. М.* В. П. Лангер и его альбом «Двенадцать видов Царского Села»; С. 100—103: *Кублицкая М. А.* «Безделки» из коллекции А. Ф. Онегина; С. 104—108: *Павлова С. В.* Из истории лицейского здания; С. 108—113: *Цоффка В. В.* Из поэтики цветов как знаков и символов христианства в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»; С. 114—119: *Моисеев А. И.* А. С. Пушкин. «Медный всадник»: Наименования и повторная номинация героев.

Русское подвижничество: [К 90-летию Д. С. Лихачева] / РАН. Науч. совет по ист. мир. культуры; Сост. Т. Б. Князевская. М.: Наука, 1996. 572 с.: портр.

Из содерж.: С. 222—227: *Михайлова Н. И.* Пушкин и митрополит Филарет; С. 227—233: *Фомичев С. А.* Автограф из Пушкинского музея А. Ф. Онегина: [ПД 73: «Борис Годунов»]; С. 233—244: *Краснобородько Т. И.* Князь Олег Константинович — издатель рукописей Пушкина; С. 244—257: *Чистова И. С.* Труды и дни Николая Зарецкого.

Русское художественное слово: Многообразие литературовед. и лингвометод. методов: Тез. докл. Междунар. конф. СПб., 3—7 июня 1996 г. / СПб. ун-т; Междунар. ассоциация преподавателей рус. яз. и лит.; Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН. СПб., 1996. 204 с.

Из содерж.: С. 11—12: *Белянин В. П.* Психолингвистический взгляд на русскую классику XIX в.: [«Евгений Онегин»: Отношения героев]; С. 21—22: *Задорина А. И.* Мотив ожидающей статуи Петра в культурологическом аспекте: (Поэма А. С. Пушкина «Медный всадник»); С. 31—34: *Козлова С. М.* Экзегеза слова в «Маленьких трагедиях» А. С. Пушкина: (открыть—остановить); С. 44—46: *Образцова В. В.* Альбомная поэзия пушкинского Петербурга; С. 53—54: *Рааб С.* Фольклорные и литературные приемы в «Сказке о золотом петушке» А. С. Пушкина; С. 160—162: *Буре Н. А.* Работа над художественным текстом в процессе изучения русского языка в иностран-

- ной аудитории : (А. С. Пушкин. «Выстрел»); С. 170—173: *Красичкова Н. С.* «Повести Белкина» А. С. Пушкина в корейской аудитории.
- Рязанова С. Л.** Тема любви и дружбы в лирике А. С. Пушкина // Открытый урок по литературе: (Материалы, конспекты, планы): Пособие для учителя / Моск. пед. ун-т. М.; Йошкар-Ола, 1996. С. 3—14.
- Савинков С. В., Фаустов А. А.** Элегия и вопрос об авторском «бытии» в «околопушкинской» культуре: [Батюшков, Баратынский, Вяземский] // Жизнь и судьба малых литературных жанров: Материалы межвуз. науч. конф. Иваново, 7—10 февр. 1995 г. / Ин-т рус. лит. РАН; Иванов. гос. ун-т. Иваново, 1996. С. 52—62.
- Саладин А. Т.** Очерки истории московских кладбищ. М.: Кн. сад, 1996. 352 с.: ил.
С. 177—179: Могила В. Л. Пушкина на кладбище Донского монастыря.
- Саськова Т. В.** Диалог культур в повести А. С. Пушкина «Барышня-крестьянка» // Россия и Запад: Диалог культур: Материалы 2-й Междунар. конф. 28—30 ноября 1995 г. / Моск. гос. ун-т. М., 1996. С. 178—186.
- Свирида И. И.** «Польский день» в жизни Пушкина // Славяноведение. 1996. № 5. С. 42—53.
А. Орловский, В. Ванькович.
- Семибратова И. В.** Князь Владимир Федорович Одоевский: Новые штрихи к портрету писателя и человека пушкинской эпохи // Рус. словесность. 1996. № 1. С. 32—34.
- Сергеев М. Д.** Жизнь и злоключения Абрама Петрова — арапа Петра Великого. Три века. Монологи / Ред., авт. предисл. Г. Пикулева. М.: Изограф, 1996. 144 с.: ил.
Содерж.: С. 3—8: *Пикулева Г.* Пространство души; С. 11—54: Ч. 1. Сибирские злоключения арапа Петра Великого: Историческое повествование в размышлениях, подлинных письмах, доношениях, указах и приговорах XVIII века; С. 55—73: Ч. 2. Петербургское перепутье: Венчание на непокой; С. 74—116: Ч. 3. Эстляндские злоключения арапа Петра Великого; С. 117—143: Три века. Монологи: [Стихотворения].
- Сизенко Е.** Графиня и другие // Театр. жизнь. 1996. № 7. С. 35—38.
«Пиковая дама» в постановке П. Фоменко в театре им. Е. Вахтангова.
- Скатов Н. Н.** Так кто же это — «гений чистой красоты»? // Вестн. РАН. 1996. Т. 66. № 6. С. 512—517.
К*** («Я помню чудное мгновенье...»)
- Скокова Л. И.** «В надежде славы и добра» // Вопр. лит. 1996. № 3. С. 376—379.
Статья И. С. Тургенева «Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине» с цитатой из «Стансов» Пушкина.
- Скрынников Р. Г.** Дуэль Пушкина. Гл. из кн. // Санкт-Петербургский университет. 1996. № 14. С. 31—36; № 15. С. 26—32; № 22. С. 23—28; № 24. С. 31—36; № 25. С. 28—32.

Славянский стих: Стихovedение, лингвистика и поэтика: Материалы Междунар. конф. 19—23 июня 1995 г. / Под ред. М. Л. Гаспарова, Т. В. Скулачевой; РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М.: Наука, 1996. 254 с.

Из содерж.: С. 5—17: *Гаспаров М. Л.* Лингвистика стиха: [Структурообразующие механизмы поэтического произведения на примере русской лирики, в том числе пушкинской]; С. 18—23: *Скулачева Т. В.* Лингвистика стиха: Структура стихотворной строки: [«Евгений Онегин»]; С. 24—33: *Ляпин С. Е.* О распределении слов в стихотворной строке: [Лирика, проза, «Евгений Онегин»]; С. 33—40: *Дозорец Ж. А.* Образ «тень деревьев» в русской лирике XIX в.; С. 109—115: *Постоутенко К. Ю.* 15 000 звуков : (Заметки о вокализме «Евгения Онегина»); С. 156—163: *Гардзонио С.* Семантика стиха и проблема поэтического перевода: (На материале итальянской пушкинианы); С. 239—246: *Баевский В. С., Кристалинский Р. Е., Новосельцева И. В., Семенова Н. А.* Применение кластерного анализа для исследования стихотворной речи [А. С. Пушкина и русских поэтов XX в.].

Слинько М. А. Пушкинская традиция в античных романах В. Брюсова // Филол. записки: Вестн. литературовед. и языкозн. Воронеж, 1996. Вып. 6. С. 76—82.

Слово. 1996. № 5—6. 96 с.: ил.

Из содерж.: С. 53—65, ил.: раздел «Вечные спутники. А. С. Пушкин». С. 53—55, фото: *Ларионов А. В.* Наследие Гейченко; С. 56: *Бутрина В. Ф.* Держатель и держитель: Письмо к А. В. Ларионову о Михайловском и С. С. Гейченко от 16 февр. 1996 г.; С. 57—60: *Бутрина В. Ф.* Михайловская подлинность / Ил. Ф. Константинова; С. 56—65: *Казьмина Е.* Мастер: [Художник Ф. Д. Константинов]; С. 61—62: *Лобов В. М.* Смотрите ж: все стоит она! [«Донской архив» Пушкина] / Предисл. А. В. Ларионова; С. 63—65: *Трофимов А.* И нежность девственных мечтаний: [Значимость поэзии Пушкина] / Ил. Ф. Д. Константинова; С. 66—73: *Козмин Б. М.* Гангутская переволка: [Гл. из повести об А. П. Ганнибале «Родом я, нижайший, из Африки»].

Случевский К. К. Письмо к Г. А. Пушкину от 3 июня 1899 г.: [Благодарность за фрагмент последней пушкинской сосны из Михайловского с памятной визитной карточкой] / Публ. Е. А. Тахо-Годи // Контекст: Лит.-теорет. исследования: 1994, 1995 / РАН. Ин-т мир. лит. им. А. М. Горького; Отв. ред. А. В. Михайлов. М.: Наследие, 1996. С. 156.

Смусина М. Л. Пушкинское стихотворение Марины Цветаевой [«Психея»] // Новый журнал. 1996. № 3. С. 88—93.

Соболевская Е. Н. Трансформация мотива «молчания» как единство поэтического контекста: (Пушкин—Вяч. Иванов—Цветаева): [«Поэт и толпа»] // Рус. лит. 1996. № 1. С. 203—209.

Соколов А. В. Прогулки с пушкинским посохом по коршуновским местам: К 70-летию О. П. Коршунова // Библиография. 1996. № 1. С. 63—70. Библиогр.: с. 70—72.

«Пушкинский» подход к оценке явлений в области библиографии.
Соловей Н. Я. [Рец. на кн.]: Виноградов А. И. Детство А. С. Пушкина. М., 1995 // Рус. речь. 1996. № 3. С. 117—118.

Соловей Н. Я. Захарово—Большие Вяземы : Единый культурно-исторический ландшафтно-парковый комплекс : (К проблеме национального пушкинского заповедника в Подмоскowie) // Культура. Искусство. Образование: Актуальные проблемы: (Материалы науч.-практ. конф.) / Моск. гос. открытый пед. ун-т. М., 1996. С. 52—55.

Соловьева В. С. Перспективные межтекстовые референциальные связи романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» // Актуальные проблемы филологии и ее преподавания: Материалы межвуз. конф. Саратов: Изд-во Саратов. пед. ин-та, 1996. Ч. 1: Литературоведение. С. 5—6.

Спектор Т. Роль слухового образа «тяжело-звонкое скаканье» в поэме А. С. Пушкина «Медный всадник» // Рус. текст: Рос.-амер. журн. по рус. филологии. 1996. № 4. С. 107—119.

Сперантов В. В. Miscellanea poetologica: 1. Был ли кн. Шаликов изобретателем «онегинской строфы»? // Филология=Philologica. М.; Лондон, 1996. Т. 3. № 5/7. С. 125—132.

Строфа в оде П. И. Шаликова «Стихи его Величеству Государю Императору Александру I на бессмертную победу пред стенами Лейпцига в октябре 1813 года».

Степановская В. Д. «Борису Годунову» — 170 лет: (О встрече в библиотеке им. А. С. Пушкина) // Классика: Инф. бюллетень. 1996. Вып. 1. С. 25—26: фото.

Пушкинский вечер в библиотеке Петроградского р-на СПб. с участием С. А. Фомичева.

Степина Н. А. Воспитание как явление культуры в художественной системе романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: (10.01.01). М., 1996. 16 с. Библиогр.: с. 16 (3 назв.).

100 сочинений для школьников и абитуриентов. М.: БУКМЭН, 1996. 190 с.

Сочинения о Пушкине: С. 24—26, 33—34, 51—53, 131—133, 135—141, 166—167.

135 сочинений для школьников и абитуриентов (на 1996—1997 гг.). М.: ТОО «Транспорт», 1996. 237 с.

Из содерж.: С. 3—14, 17—20, 31—35, 46—48, 60—67: сочинения по творчеству Пушкина.

Строганов М. В. Национальные характеры народов Европы и Азии в творческом сознании Пушкина // Филология=Philologica. Краснодар, 1996. № 9. С. 14—18.

Строганов М. В. Человек в русской литературе первой половины XIX века: Учеб. пособие. Тверь, 1996. 171 с.

Из содерж.: С. 50—64: Политическая лирика Пушкина. «Судьба человеческая, судьба народная» в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов»; Человек в художественном мире лирики А. С. Пуш-

кина; «Евгений Онегин» как роман Жизни; «Русский бунт» в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка».

Сульженко Г. «Мадонна» по имени Смерть: [Н. Н. Пушкина] // Калейдоскоп. 1996. № 5. С. 24—25; № 7. С. 24; № 8. С. 24—25.

Табориская Е. М. К проблеме диалога в лирике А. С. Пушкина // Наследие М. М. Бахтина и проблемы развития диалогического мышления в современной культуре: Тез. Междунар. науч. конф. 28—30 ноября 1996 г. Донецк, 1996. С. 78—79.

Табориская Е. М. История и личность: (К проблеме «самостоянья человека» в лирике Пушкина) // Филол. записки : Вестн. литературовед. и языкозн. Воронеж, 1996. Вып. 7. С. 26—35.

Табориская Е. М. Тематическая структура лирики Пушкина // Тез. докл. XXV межвуз. зональной конф. литературоведов Поволжья. Самара, 1996. С. 109—111.

«Так вот кого любил я...»: Женщины в жизни великих людей. М.: Эллис Лак, 1996. 511 с.: ил.

Перевод с доп. кн.: *Дубинский М.* Женщина в жизни великих и замечательных людей. СПб., 1900.

Из содерж.: С. 7—25: *Шадрина И.* Пушкин.

Тарантул Ю. «Гамбургский счет» по-московски // Новое время. 1996. № 52. С. 40.

«Пиковая дама» в постановке П. Фоменко, театр. им. Е. Вахтангова, в роли Германа — Е. Князев.

Тартаковский А. Г. Неразгаданный Барклай: Легенды и быль 1812 года. М.: Археогр. центр, 1996. 367 с.: ил. Указ. имен: с. 360—366.

Из содерж.: С. 19—41: Гл. I. «Стоическое лицо Барклая...»: («Полководец». Отклик Греча. Возражения старого адмирала [Л. И. Голенищева-Кутузова]. «Объяснение». Загадочная фраза [...не успев оправдать себя перед глазами России]); С. 308—332: Возвращаясь в 30-е. Вместо эпилога. [Исторический комментарий к стихотворению «Полководец» и «Объяснению» («Одно стихотворение, напечатанное в моем журнале...»)].

Телетова Н. К. А. П. Ганнибал: (К трехсотлетию прадеда А. Пушкина) // Russian Studies: Ежеквартальник рус. филол. и культуры. 1996. Т. 2. № 3. С. 58—93.

Телетова Н. К. Андре Шенье и Александр Пушкин: [«Андрей Шенье»] // Рус. лит. 1996. № 1. С. 6—18.

Тимофеева В. В. Шесть лет в Михайловском: Лит. мемуары: [Фрагменты, 1911—1918] / Публ. А. И. Давыдова // Михайловская пушкиниана: Сб. ст. науч. сотрудников Музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское». М., 1996. Вып. 1. С. 6—28.

Тихомирова С. Н. Автограф В. А. Жуковского на его книге «Баллады и повести». СПб., 1831 г. // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: 1995 / РАН. Науч. совет по ист. культуры. М.: Наука, 1996. С. 86—89.

Дарительная запись А. С. Пушкину, автограф в ГМП.

Тодд III У. М. Литература и общество в эпоху Пушкина / Пер. с англ. А. Ю. Миролюбовой. СПб.: Академ. проект, 1996. 293 с. (Соврем. зап. русистика).

Из содерж.: С. 127—162: Гл. 3. «Евгений Онегин»: Роман жизни.

Толмачева Н. В. «Я Вас любил»: (Пушкин и женщины): Очерки. Омск, 1996. 478 с.

Торкунова Т. В. Как писать сочинение: (Школа и вуз): Рекомендации и образцы. 2-е изд., испр. М.: Айрис, Рольф, 1996. 222 с. (Домашний репетитор).

Из содерж.: С. 29—50: А. С. Пушкин.

Третьякова Л. Роковая Аврора: [Женщины пушкинского времени] // Крестьянка. 1996. № 6. С. 59—62: ил.

Третьякова Л. Российские богини: Новеллы о женских судьбах. М.: Изограф, 1996. 430 с.: ил.

Из содерж.: С. 215—244: Суть женственности вечно золотая: [А. П. Керн].

Трофимов Е. А. Пушкин и Достоевский о судьбах русской культуры // Достоевский и современность: Материалы X Междунар. старорусских чтений 1995 г. / Дом-музей Ф. М. Достоевского. Старая Русса, 1996. С. 130—135.

Трунов О. В. «Существо выдающееся и злотворное...»: [К. А. Собаньская в жизни и творчестве Пушкина] // Наука и религия. 1996. № 5. С. 42—44: ил.

Тудоровская Е. А. Поэтика лирических стихотворений А. С. Пушкина / Под ред. Н. Н. Аловерт / СПб. гуманитар. ун-т профсоюзов. СПб., 1996. 210 с.

Содерж.: Биография; Предисловие; Введение. I. Тема и ее развитие : (Основы тематического анализа); II. Интонирование; III. Композиция : (Основы интонационного анализа); IV. Различные способы композиции: 1. «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» (1829); 2. «Вакхическая песня» (1825); 3. «Во глубине сибирских руд...» (1827); 4. «Не пой, красавица, при мне...» (1828); 5. «Узник» (1822); 6. «Роза» (1815); 7. «Виноград» (1824); 8. «Талисман» (1827); 9. «Нереида» (1820); 10. «Когда твои младые лета...» (1829); 11. «Наперсник» (1828); 12. «Город пышный, город бедный...» (1828); 13. «Мне вас не жаль, года весны моей...» (1820); 14. «Стансы» («Брожу ли я вдоль улиц шумных...») (1829); 15. «К***» («Я помню чудное мгновенье...») (1825); 16. «К Чаадаеву» (1818); 17. «Коварность» (1824); 18. «Прозерпина» (1824); 19. «Погасло дневное светило...» (1820); Заключение.

Туниманов В. А. Путь к поэту : Пушкин в художественных произведениях Евгения Замятина. (По архивным материалам) // Петербургский текст: Из истории рус. лит. 20—30-х годов XX века: Межвуз. сб. / Под ред. А. В. Лаврова. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1996. С. 49—66. На с. 66—69: *Замятин Е. Пушкин.*

- Турбин В. Н.** Поэтика романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. 232 с.
Содерж.: С. 3—5: Песков А. М. Проблемы поэтики Турбина; Гл. 1. Жанровое своеобразие романа; Гл. 2. Сюжет и фабула; Гл. 3. Композиция, язык и стиль, стих.
Рец.: Тарантул Ю. Фантазмагорическое турбиноведение // Знамя. 1996. № 7. С. 223—224.
- Турьянская Б. И.** Материалы к урокам литературы в 5, 6 и 7 классах: Б-ка учителя-словесника. М.: Рус. слово, 1996. 252 с.
Из содерж.: С. 33—40: «Руслан и Людмила»: [5 кл.]; С. 103—112: «Бесы», «Метель», «Станционный смотритель»: [6 кл.]; С. 203—215: «Полтава», «Медный всадник», «Песнь о вещем Олеге», «Борис Годунов», «Скупой рыцарь».
- Удодов Б. Т.** Пушкин: Художественная антропология // Вече: Альм. рус. философии и культуры / СПб. гос. ун-т. СПб., 1996. Вып. 5. С. 102—244.
- Удольф Л.** «Странник» Пушкина как религиозная проблема / Пер. с нем. С. А. Небольсина // Контекст: Лит.-теорет. исслед.: 1993 / РАН. Ин-т мир. лит. им. А. М. Горького; Отв. ред. А. В. Михайлов. М.: Наследие, 1996. С. 341—351.
Впервые // Zeitschrift für Kulturaustausch. 1987. № 1. S. 151—157.
- Усадьба в русской культуре XIX—начала XX века:** (Материалы науч. конф. 22—24 ноября 1994 г., Пушкинские Горы) / Гос. музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское». М.: МЦНТИ, 1996. 74 с.
Из содерж.: С. 11—17: Лукина Н. В. Новый документ об имении Вревских Голубово; С. 18—24: Васильев М. Е. Из опыта сохранения и благоустройства усадеб псковских знакомых А. С. Пушкина; С. 25—26: Симакина Г. Ф. Усадьбы Псковской губернии пушкинского времени: (Из опыта коллективного изучения); С. 27—30: Семочкин А. А. Усадьба в русской культуре XIX—начала XX века; С. 31—35: Рязанов А. М. Усадьба Большие Вяземы в пушкинское время: Хозяева и гости; С. 36—41: Доминяк Э. И. Архитектурно-ландшафтные ансамбли музея-заповедника А. С. Пушкина в Захарове и Больших Вяземах; С. 42—56: Лобанова Э. Ф. Культурные связи и семейные традиции баронов Вревских; С. 69—73: Козмин В. Ю. Усадьбы Крутцы и Михеево Новоржевского района в контексте «Пушкинского кольца» Псковской области.
Рец.: Бавин С. П. О Пушкине, профессионалах и любителях // Слово. 1997. № 5—6. С. 66—67.
- Фаттахова К.** Народ безмолвствует: [«Борис Годунов» М. П. Мусоргского в Камерном муз. театре «Санкт-Петербургская опера»] // Петербургский театр. журн. 1996. № 10. С. 30—32: ил.
- Фаустов А. А.** Переживание времени и кризис языка в литературе пушкинской поры // Филол. записки. Воронеж, 1996. Вып. 6. С. 6—37.
С. 29—33: «Евгений Онегин».
- Федоров Н. Ф.** К пушкинскому юбилею (1899 г.) / Публ. Е. М. Титаренко; Подгот. С. Г. Семеновой, А. Г. Гачевой; Предисл. к публ.

(с. 181—182) А. Г. Гачевой // *Философия бессмертия и воскрешения: По материалам VII Федоровских чтений*, 8—10 дек. 1995 г., М. / РАН. Ин-т мир. лит. им. А. М. Горького. М.: Наследие, 1996. Вып. 2. С. 182—190.

Публ. по автографу РГБ.

Фикельмон К. Л. Донесение кн. Меттерниху. [7 (19) янв. 1830 г., СПб.]: Фрагмент / Публ., пер. и коммент. И. В. Канторович // *Московский пушкинист: [Вып.] III*. М.: Наследие, 1996. С. 294—295, факс. с.: 292—293.

Венский гос. архив.

Филин М. Д. О десятой главе «Евгения Онегина»: Заметки дилетанта: [Коммент. к письму А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу от 30 июля / 11 авг. 1832] // *Рус. речь*. 1996. № 5. С. 11—17.

Филин М. Д. Побег: [Последние дни Пушкина] // *Образ*. 1996. № 1. С. 89—93.

Филин М. Д. Кто есть кто в науке о Пушкине // *Рус. речь*. 1996. № 3. С. 5—15.

Фойницкий В. Н. Автор установлен: О некоторых изданиях на русском языке из личной библиотеки А. С. Пушкина // *Библиография*. 1996. № 3. С. 96—101.

Уточнения к описанию Б. Л. Модзалевского (№ 362, 300, 351, 179, 154, 73, 368, 307, 463, 465—470, 513—517, 219, 223, 163, 77, 407, 105, 232, 187).

Фоменко П. Н. «Необходимо легкое дыхание» / Беседу вел А. Свободин // *Театр. жизнь*. 1996. № 7. С. 39—42.

«Пиковая дама» в театре им. Е. Вахтангова.

Фомичев С. А. Новые тексты стихотворений А. С. Пушкина. СПб.: «Нотабене», 1996. 46 с. (Неизданный Пушкин: Из подгот. материалов к новому акад. Полн. собр. соч. А. С. Пушкина / Пушкинская комиссия РАН; Народный Пушкинский фонд; Сост. сер. С. А. Фомичев. Вып. 1).

Содерж.: Предисловие. «Кто видел край, где роскошью природы...»; «Эллеферия...»; «Вяземскому» («Язвительный поэт, остряк замысловатый...»); «Денису Давыдову» («Я слушаю тебя и сердцем молодею...»); «Царское Село»; «В. Ф. Раевскому» («Ты прав, мой друг, — напрасно я презрел...»); «На графа Федора Толстого» («Певец Давид был ростом мал...»); «На тихих берегах Москвы...».

Фомичев С. А. Уточненные пушкинские тексты: (Из материалов нового акад. Полн. собр. соч. А. С. Пушкина) // *Рус. лит.* 1996. № 4. С. 122—132.

«Примите новую тетрадь...»; «Кто видел край, где роскошью природы...»; «Эллеферия, пред тобой...»; «Вяземскому» («Язвительный поэт, остряк замысловатый...»); «Царское Село».

Фридкин В. М. Чемодан Клода Дантеса, или Пять вопросов к Серене Витале // *Наука и жизнь*. 1996. № 10. С. 140—145.

Публ. С. Витале (в кн.: *Vitale S. Il bottone di Puškin*. Milano, 1995) писем Ж. Ш. Дантеса к Л. Геккерну из семейного архива.

Фризман Л. Г. «Это был не я»: О стихотворении Д. Самойлова «Поэт и старожил» // Рус. речь. 1996. № 4. С. 18—23.

Традиции классической литературы, в частности «Разговор книгопродавца с поэтом».

Фролова О. Е. Ментальное пространство персонажей повествовательных художественных текстов первой половины XIX века // Теория и практика преподавания русской словесности: Сб. науч.-метод. ст. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 1996. Вып. 3. С. 40—48.

С. 41—44: «Повести Белкина».

Фролова С. Лицейский друг Пушкина [П. Х. Молоствов] // Татарстан. 1996. № 2. С. 73—76.

Хайченко Е. Вальс-фантазия на темы Пушкина, исполненный в манере Брехта: Инсценировка повести А. С. Пушкина «Пиковая дама» в театре им. Е. Вахтангова, Москва // Театр. жизнь. 1996. № 8. С. 31—32.

Халызев В. Е. О типологии персонажей и «Капитанской дочке» А. С. Пушкина // Рус. словесность. 1996. № 2. С. 23—28.

Хентова С. М. Пушкин в музыке Шостаковича. [Павловск, 1996]. 87 с. С о д е р ж.: Предшественники. Первые встречи. Мюзикл по Пушкину. Преодоление. Трагедии. Монологи. «Весна, весна...».

Хоанг Ван Кан. Произведения А. С. Пушкина во вьетнамских переводах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: (10.01.01) / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб., 1996. 26 с. Библиогр.: с. 26 (4 назв.).

Ходасевич В. Ф. Колеблемый треножник // Ходасевич В. Ф. По бульварам: Стихотворения 1904—1937 гг.; Лит.-ист. ст. / Ред.-сост. И. А. Курамжина. М.: Центр-100, 1996. С. 207—218. (Из поэт. наследия).

Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 4 т. / Сост., подгот. текста И. П. Андреевой и др.; Вступ. ст. (Т. 1, с. 5—56) С. Г. Бочарова. М.: Согласие, 1996.

Т. 1: Стихотворения. Лит. критика: (1906—1922). 591 с.

Из со д е р ж.: С. 477—480: Безглавый Пушкин: Диалог [о революции и культуре. Впервые // Народопр авство. 1917. № 2. С. 10—11].

Т. 2: Записная книжка. Ст. о рус. поэзии. Лит. критика: (1922—1939). 573 с.

Из со д е р ж.: С. 48—70: Петербургские повести Пушкина; С. 71—76: О «Гаврииаде»: [Рец. на кн.: Пушкин А. С. Гаврииада: Полный текст / Вступ. ст. и примеч. В. Я. Брюсова. М., 1918. Впервые // Понедельник «Власти и народа». М., 1918. 16/29 апр.]; С. 77—85: Колеблемый треножник: Речь на Пушкинском вечере 14 февр. 1921 г.; С. 114—120: О чтении Пушкина: (К 125-летию со дня рождения); С. 140—146: «Пушкин в жизни»: (По поводу книги В. В. Вересаева): [Впервые // Последние новости. Париж, 1927. 13 янв.]; С. 402—408: «Жребий Пушкина», статья о С. Н. Булгакова.

Т. 3: Проза. Державин. О Пушкине. 589 с. Тексты о Пушкине подгот. и коммент. И. Э. Сурат.

Из содерж.: С. 54—94: Из книги «Пушкин»: Начало жизни; Дядюшка-литератор; Молодость: [Впервые // Возрождение. Париж, 1932. 30 апр., 9 июня; 1933. 9, 12, 16, 19 марта]; С. 395—511: О Пушкине: [Впервые, отд. изд.: Берлин, 1937].

Т. 4: Некрополь. Воспоминания. Письма. 741 с. Упомян. о Пушкине см. Указ. имен: с. 730.

Ходоров А. Е. [Рец. на кн.]: Голубева О. Д. М. А. Корф. СПб., 1995 // Нева. 1996. № 1. С. 202—203.

Хозяева и гости усадьбы Вяземы: Материалы III Голицынских чтений 20—21 янв. 1996 г.: Ч. 2 / Гос. ист.-лит. музей-заповедник А. С. Пушкина. Большие Вяземы, 1996. С. 165—310 (продолж. пагинация).

Из содерж.: С. 174—178: *Пчелов Е. В.* Выезд Ратшичей на московскую службу; С. 179—184: *Доминак Э. И.* Звонница в селе Большие Вяземы; С. 197—202: *Виноградов А. И.* Мои знакомства с Голицыными; С. 203—209: *Ождихина О. Н.* Был ли «Фирс» внуком «Пиковой дамы»? : (Князь Сергей Григорьевич Голицын (1803—1868)); С. 212—219: *Краваль Л. А.* Пушкинские автоиллюстрации; С. 220—228: *Кастальева Т. Б.* К вопросу о комментировании некоторых лицейских стихотворений А. С. Пушкина; С. 229—241: *Панфилов Д. Г.* История болезни камер-юнкера, титулярного советника Пушкина Александра Сергеевича; С. 242—249: *Гладилин М. С.* Господство и отцовство — два принципа жизнеустройства в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка»; С. 250—253: *Ганулич А. К.* Об одной ошибке Пушкина: [Описка «гужи» — «вожжи» в «Истории села Горюхина»]; С. 254—265: *Панфилов Д. Г.* Голицынская Иппокрена А. С. Пушкина; С. 266—274: *Соловей Н. Я.* Татьяна — «мой верный идеал».

Холшевников В. Е. Еще раз о принципах орфографии в академическом издании Пушкина // Рус. лит. 1996. № 4. С. 196—197.

Холшевников В. Е. Основы стиховедения: Русское стихосложение: Учеб. пособие для студентов филол. фак. 3-е изд., перераб. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 182 с.

Многочисленные примеры из Пушкина. Впервые: Л.: Изд-во ЛГУ, 1962.

Хохленко Ю. И., Трухин А. Б. Неиконописный Пушкин: [Биографические заметки, фрагменты воспоминаний о Пушкине]. Одесса: ТПКП «Юг», 1996. 207 с. На тит. л.: 1997.

Христианская культура: Пушкинская эпоха: По материалам традиционных Христианских пушкинских чтений: [Вып.] 10 / Ред.-сост. Э. С. Лебедева; СПб. Центр православной культуры. СПб., 1996. 128 с.: ил.

Из содерж.: С. 3—9: *Монахова Е. Н.* Христианская святыня дома Пушкиных: [Металлическая ладанка с частицей Ризы Господней]; С. 26—30: *Краваль Л. А.* Пушкин и Святой Серафим: [Впервые // Моск. журнал. 1995. № 7. С. 11—13]; С. 31—49: *Фи-*

лин М. Д. Пушкиниана Русского Зарубежья: [Публ. в сокр. Впервые // Москва. 1995. № 2. С. 178—190]; С. 50—55: *Лебедева Э. С.* Миф о Пушкине в музейном воплощении; С. 56—63: *Лебедева Э. С.* «Дай мне зреть мои, о Боже, пригрешенья...»: [Христианская кончина Пушкина]; С. 85—92: *Мурьянов М. Ф.* Эпитет «нерукотворный»: Этнод о словоупотреблении Пушкина: [Впервые // Вопр. лит. 1989. № 4. С. 206—211]; С. 93: Послужной список настоятеля Конюшенной церкви протоиерея Петра Песоцкого, написанный им самим; С. 94—109: «Таков был конец нашего Пушкина...»: (Свидетельства современников); С. 110—112: *Воронцов-Вельяминов Г. М.* Пушкин в воспоминаниях дочери императора Николая I [Ольги Николаевны, королевы Вюртембергской. Печатается в сокр. Впервые // Временник Пушкинской комиссии. 1970. Л., 1972. С. 24—29]; С. 113—116: *Грановская Н. И.* Герой Российского флота — «Наваринский Ганнибал»: [И. А. Ганнибал].

Христианская культура: Пушкинская эпоха: [Вып.] 11; см. под загл.: Пушкинская эпоха и Христианская культура. СПб., 1996.

Христианская культура: Пушкинская эпоха: По материалам традиционных Христианских пушкинских чтений: [Вып.] 12 / Ред.-сост. Э. С. Лебедева; СПб. Центр православной культуры. СПб., 1996. 128 с.: ил.

Из содерж.: С. 3—10: *Архим. Константин (Зайцев).* Жив ли Пушкин? [Публ. М. Д. Филина. Впервые // Православная жизнь. Джорданвилль, 1962. № 3]; С. 11—13: *Исакова Е. В.* Игуменя Евгения (Озерова): К публ. фрагмента дневника; С. 14—17: Открытие памятника Пушкину в Москве: Из дневника игуменьи Страстного монастыря Евгении (Озеровой); С. 33—36: *Грановская Н. И.* «Недаром темною стезей я проходил пустыню мира...»: [«Козлову по получении от него „Чернеца”»]; С. 37—43: *Новиков Н. С.* Летопись сельца Михайловского и окрестностей, которую вели местные священнослужители; С. 44—48: *Новиков Н. С.* Драма в Святогорской обители в период ссылки А. С. Пушкина: По документам Великолукского филиала Гос. архива Псковской обл.; С. 49—52: *Будьлин И. Т.* Пимен и Варлаам: Из наблюдений над текстом трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов»; С. 53—64: *Калачева Э. С.* «Тяжела ты, шапка Мономаха»: [Исторические лица в трагедии «Борис Годунов»]; С. 59—64: *Карушева М. Ю.* «Милый авантюрист» и телеология русской истории: Образ Дмитрия Самозванца в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов»; С. 65—68: *Филин М. Д.* Сын Пушкина и иезуит: Из путевых заметок князя В. Ф. Одоевского: [Публ. дневниковой записи от 16(28) июля 1858 г. (Гос. музей муз. культуры им. М. И. Глинки)]; С. 83—85: *Иванов С.* «Тоскующая тень»: [Явление духа умершего Пушкина. Впервые // Пушкинский край. 1995. 22 авг.]; С. 86—96: *Монахова Е. Н.* А. С. Пушкин—А. В. Чаянов—М. А. Булгаков: К вопросу о преемственности русской романтической прозы: [«Уединенный домик на Васильевском», «Необычайные, но истинные приключения графа Федора Михайловича Бутурлина» Чаянова и «Мастер и Маргарита» Булгакова].

«Царскосельский Лицей: Наставники и питомцы»: Тез. докл. науч. конф. 15—16 окт. 1996 г. / Всерос. музей А. С. Пушкина; Отв. ред. С. М. Некрасов. СПб., 1996. 57 с.

Из содерж.: С. 7—9: *Айзенштадт М. Я., Айзенштадт В. Б.* Александр Иванович Тургенев; С. 11—12: *Галкина Т. И.* Лицейский Пушкин и императрица Елизавета Алексеевна; С. 13—15: *Гусарова Е. В.* А. С. Пушкин и Кочубей : Взгляд из дворца Кочубеев в Царском Селе; С. 15—16: *Добровольская Е. Б.* «Все тот же ты для чести, для друзей...»: А. М. Горчаков; С. 23—24: *Любавин М. А.* Профессор Я. И. Карцов и естественно-математические науки в Лицее; С. 29—31: *Монахова Е. Н.* «Темницы рухнут...»: Взятие Бастилии как предмет исторических интересов А. С. Пушкина и его лицейских друзей; С. 31—33: *Огарково Н. А.* Романс М. И. Глинки «Где наша роза»: Альбомные записи и их прочтение; С. 33—35: *Павлова С. В.* Участие Александровского Лицея в пушкинском юбилее 1899 года; С. 38—39: *Сафонов М. М.* К. К. Данзас и легенда об анонимных письмах А. С. Пушкину; С. 41—43: *Старк В. П.* Лицей в комментариях В. В. Набокова к «Евгению Онегину»; С. 45—47: *Татаринов А. В.* «Отечество нам Царское Село»: Образ Царского Села в лирике Г. Р. Державина и А. С. Пушкина.

Цветаева М. И. Проза. М.: Поколение, 1996. 762 с. (Б-ка рос. классики / Ассоциация «Книга. Просвещение. Милосердие»).

Из содерж.: С. 6—47: Мой Пушкин; С. 539—568: Пушкин и Пугачев; С. 576—650: Наталья Гончарова: (Жизнь и творчество).

Цоффка В. В. Онегинский букет // Цветоводство. 1996. № 2. С. 37—38.

Цветы в романе «Евгений Онегин».

Чебанова А. «Пир во время чумы» А. С. Пушкина: Музыкальный элемент и его роль в архитектонике произведения // Сахаровские чтения, 6-е: Науч. конф. школьников: [Май 1996 г.]: Тез. докл. / Физ.-техн. ин-т им. А. Ф. Иоффе. СПб., 1996. С. 237—238.

Челышев Е. П. Небом избранный поэт: [Юбилей 1999. Современное пушкиноведение] // Наука в России. 1996. № 3. С. 28—34; № 4. С. 33—39; № 5. С. 29—32.

Черемисина Н. А. В. В. Набоков как комментатор «Евгения Онегина» // Проблемы литературных жанров: Материалы VIII науч. междуз. конф. / Томск. гос. ун-т. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1996. С. 51—53.

Черкашина Л. А. «Под миртами Италии прекрасной...»: [Потомки Пушкина. А. Г. Тури] // Очаг. 1996. № 5. С. 46—49: ил.

Черкашина Л. А. За неделю до Натальина дня // Вокруг света. 1996. № 7. С. 46—50: фото.

Бродзяны. Потомки А. Н. Фризенгоф.

Черная Т. К. «Мысль семейная» в романе «Евгений Онегин» // Вестн. Ставропол. гос. ун-та. Социально-гуманитар. науки. 1996. Вып. 5. С. 32—38.

Черная Т. К. Малые поэтические жанры в романе «Евгений Онегин»: (Законы трансформации) // Жизнь и судьба малых литературных жан-

ров: Материалы межвуз. науч. конф. Иваново, 7—10 февр. 1995 г. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Иванов. гос. ун-т. Иваново, 1996. С. 26—39.

Черниговский Д. Н. «Но я другому отдана, я буду век ему верна»: К проблеме интерпретации образа Татьяны в романе «Евгений Онегин» А. С. Пушкина // *Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера: (К 450-летию преподобного Трифона, Вятского чудотворца): Материалы Междунар. науч. конф. / Вятский гос. ун-т. Киров, 1996. Т. 2. С. 70—72.*

Ситуация отречения от любви и объяснения в романе Ж.-Ж. Руссо «Новая Элоиза».

Чернинский А. М. Мотив «осла» в рукописной периодике царскосельских лицейцев // *Молодая филология: Сб. науч. тр. / Под ред. В. И. Тюпы; Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск, 1996. С. 67—71.*

Чириков В. В. Любовь Екатерины / Предисл. (с. 3—5) В. И. Васильева и В. П. Прокопьева. Воронеж, 1996. 27 с.

«История Петра».

Чириков В. В. Странный монарх / Предисл. В. П. Прокопьева. Воронеж: Центр.-чернозем. кн. изд-во, 1996. 11 с. (Земля Воронежская. Энциклопедия городов и сел).

«История Петра».

Чириков В. В. Царь и царевич...: [Тема Петра I в творчестве Пушкина]. Воронеж: ТОО «Полиграфист», 1996. 18 с.

Содерж.: С. 3: *Будаков В.* Царь и царевич («Вот „Предестинация” — на спуске...»); С. 4—14: *Чириков В.* Казнь царевича: Лит. этюд; С. 15—17: *Чириков В.* Отцовское начало.

Чистова И. С. К кому обращено стихотворение А. С. Пушкина «К ней»? [«В печальной праздности я лиру забывал...»] // *Рус. речь.* 1996. № 5. С. 3—10.

Предположительно Авдотье Голицыной.

Чиханова М. А. Поэтическая фразеология албанского перевода «Евгения Онегина» А. С. Пушкина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: (10.02.20) / СПб. гос. ун-т. СПб., 1996. 16 с. Библиогр.: с. 16 (3 назв.).

Перевод Л. Порадеци.

Чудов В. Тайный агент — мечта поэтов: [К. А. Собаньская в жизни и творчестве Пушкина] // *Эхо планеты.* 1996. № 10. С. 12—15.

Чучаев А. И. Право в художественной литературе: (Материалы в помощь учителю). Ульяновск: Дом печати, 1996. 63 с.

Из содерж.: С. 13—22: А. С. Пушкин.

Шаврыгин С. М. Творчество А. А. Шаховского в историко-литературном процессе 1800—1840-х годов / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб.: Изд-во «Д. Буланин», 1996. 179 с. (Studiorum Slavicorum Monumenta. Т. 14).

Из содерж.: С. 36—57: Шаховской, Пушкин и Грибоедов [часть гл. 1: Шаховской и его современники. С. 51—57: «Путешествие в Арзрум»].

Шайтанов И. О. Чаадаев и Пушкин в споре о всемирности // Вестн. Рос. гос. гуманитар. ун-та. 1996. Вып. 1: Кентавростика: Опыт сочетания несочетаемого. С. 254—268.

Впервые под загл.: Географические трудности русской истории: (Чаадаев и Пушкин в споре о всемирности) // Вопр. лит. 1995. Вып. 6. С. 160—202.

Шамаева С. Е. Апология сказки: А. С. Пушкин и русская народная сказка сквозь призму православия. Воронеж: Левый берег, 1996. 268 с.: ил.

Шамаева С. Е. Библия и преподавание литературы: Анализ произведений А. С. Пушкина в средней школе. Воронеж: Транспорт, 1996. 296 с.: ил.

Шапир М. И. Из истории «пародического балладного стиха»: 1. «Пером владеет как едой»: [«Тень Баркова»: литературные источники]; 2. «Вставало солнце ало» [«Тень Баркова» и «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским...»] // Анти-мир русской культуры: Язык. Фольклор. Литература / Сост. Н. А. Богомолов. М.: Ладомир, 1996. С. 232—266; 355—404.

Часть 1 впервые // Russian Linguistics. 1993. Vol. 17.

Шаповалова Ю. М. Урок-композиция «Переключка веков»: («Мой Пушкин») // Серебряный век русской поэзии: Пособие для учителей / Е. В. Карсамова, А. В. Леднева, Ю. М. Шаповалова. М.: Новая школа, 1996. С. 160—173.

Шатин Ю. В. Архетипические мотивы и их трансформация в новой русской литературе // «Вечные» сюжеты русской литературы. «Блудный сын» и другие: Сб. науч. тр. / СО РАН. Ин-т филол.; Отв. ред. Е. К. Ромодановская, В. И. Тюпа. Новосибирск, 1996. С. 29—41.

С. 34—36: Мотив ожившего кумира (статуи) в поэтике А. С. Пушкина («Медный всадник»).

Шахнович М. И. Петербургские мистики. СПб.: Невский глашатай, 1996. 254 с.

Из содерж.: С. 47—49: Талисманы Пушкина; С. 204: Кто такой Мартын Задека? [Комментарий к «Евгению Онегину»].

Швырев Ю. «При свете утренней Киприды», или Зодиак Александра Пушкина // Урания. 1996. № 5. С. 48—50.

С. 49: книга из библиотеки Пушкина (описание Б. Л. Модзалевского, № 440) «Явление на Солнце, наблюдаемое в Санктпетербургской Императорской Академии Наук. Майя 26 дня 1761 года», предположительно написанная М. В. Ломоносовым.

Шейман Л. А., Соронкулов Г. У. Кыргызы, казахи и другие народы Востока в мире Пушкина. Бишкек: «Айбек», 1996. 111 с.: ил., 4 л. ил.

Содерж.: Пушкин о кыргызах: продолжение поиска. (Вместо предисловия). 1. За чтением литературы о кыргызах, казахах и других народах Востока. 2. Пушкин и «Геродот нашего народа» [А. И. Левшин]. 3. «Скрытые» ориентализмы в поэме «Руслан и Людмила». 4. «Любезный хан» — «товарищ милый». (Хазарский мотив и пушкинская этнотолерантность). 5. «Центральноазиатские» мотивы в поэзии Пушкина. Новые грани пушкинского мира. (К заключению).

- Шердакова Л. Н.** Нетранслитерированные заимствования в поэзии А. С. Пушкина // Русский язык: Вопр. функционирования и методики обучения: Сб. ст. / Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. М., 1996. С. 51—59.
- Шмид В.** Проза Пушкина в поэтическом прочтении. «Повести Белкина» / СПб. гос. ун-т; Пер. с нем. Е. П. Жеребина. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1996. 371 с. Библиогр.: с. 343—360.
Содерж.: Ч. 1. Поэзия и проза. Ч. 2. Анализ повестей.
Впервые, на нем. яз.: Мюнхен, 1991.
- Шубин Б. М.** Если бы Пушкин стрелялся сегодня... // Рос. провинция. Набережные Челны, 1996. № 1(14). С. 112—114.
- Шустов А. Н.** «Душа в заветной лире»: О стихотворении А. С. Пушкина «Памятник» // Рус. яз. в школе. 1996. № 5. С. 77—79.
- Эльзон М. Д.** [Рец. на кн.]: Иду вдоль книжных полок: Из собрания книжных фондов Всерос. музея А. С. Пушкина. СПб., 1994 // Нева. 1996. № 7. С. 210.
- Эмерсон К. Татьяна** // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. «Гуманитар. науки». 1996. Вып. 3/4. С. 36—46.
- Эпштейн М. Н.** Медный всадник и золотая рыбка : Поэма-сказка Пушкина: [Сравнительный анализ] // Знамя. 1996. № 6. С. 204—215.
- Эфрос А. В.** Устно и письменно : [Публ. магнитофонной записи выступления в Музее им. А. С. Пушкина после просмотра телефильма «Борис Годунов»] / Предисл. В. С. [Семеновского]; Публ. Н. Крымовой // Московский наблюдатель. 1996. № 3—4. С. 49—53; фото.
Содерж.: С. 49—51: О «Борисе Годунове» С. 51—52: О «Дон Жуане» [Мольера] и «Каменном госте».
- Язовская Л.** У Арины Родионовны: Новелла // Аврора. 1996. № 8. С. 76—78: фото.
- Язык и культура:** Четвертая междунар. конф.: Материалы / Ин-т международных отношений Киев. ун-та им. Т. Г. Шевченко. Киев, 1996.
Из содерж.: С. 3—11: *Алексеев П. П.* «Евгений Онегин» А. С. Пушкина и «Преподобного Иоанна Лествица» : Схождения в методологии духовного и возвышенного читателя; С. 190—192: *Ильин С. А.* А. С. Пушкин и проблема национального мировоззрения в эстетике С. Л. Франка; С. 205—206: *Кузьманенко А. В.* Роман в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» в контексте мировой культуры.

Die Offenbarung

Лукас Кранех Старший. «Четыре всадника. Сцена из Апокалипсиса». Мартин Лютер в образе рыцаря Георга в центре композиции. Гравюра на дереве. Городская кирха Виттенберга (Германия). ГИА СПб.

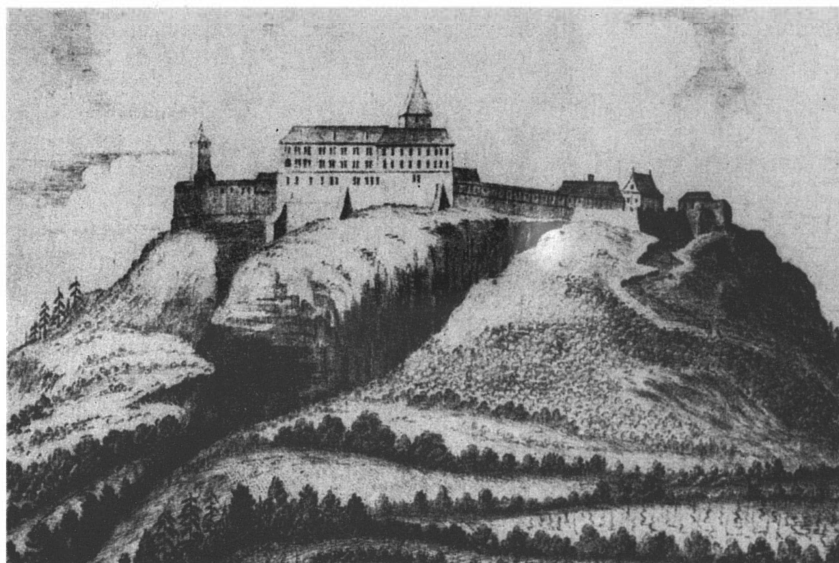
М. Лютер в образе рыцаря Георга. Лукас Кранх Старший.
«Сентябрьская Библия». 1527 г.

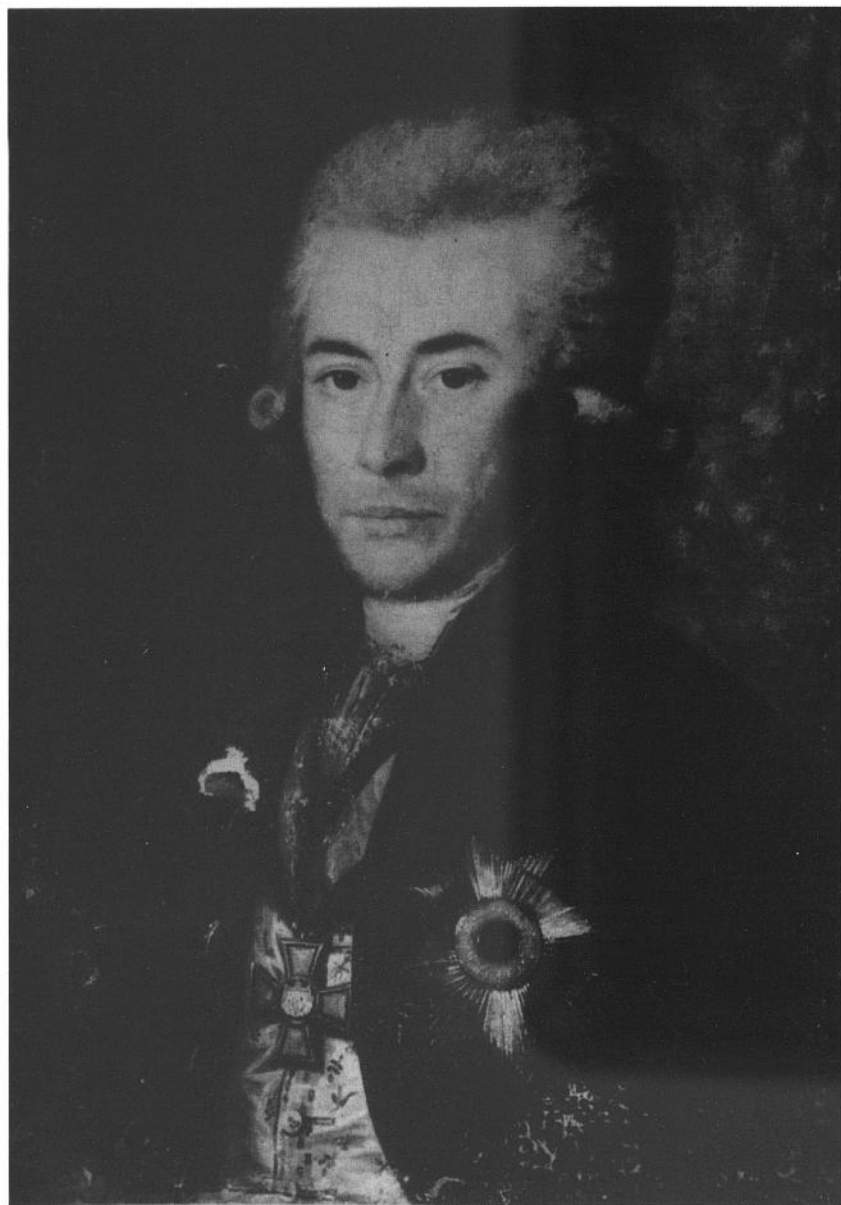
Портрет М. Лютера. Рисунок
А. С. Пушкина. Фрагмент листа
рукописи стихотворения «Вновь я
посетил...», 1835.
ПД 846, л. 39 об.

Портрет М. Лютера.
Лукас Кранах Старший.
Гравюра. 1522 г.

Замок Вартбург. Гравюра на дереве Вильгельма Рихтера. 1690 г.

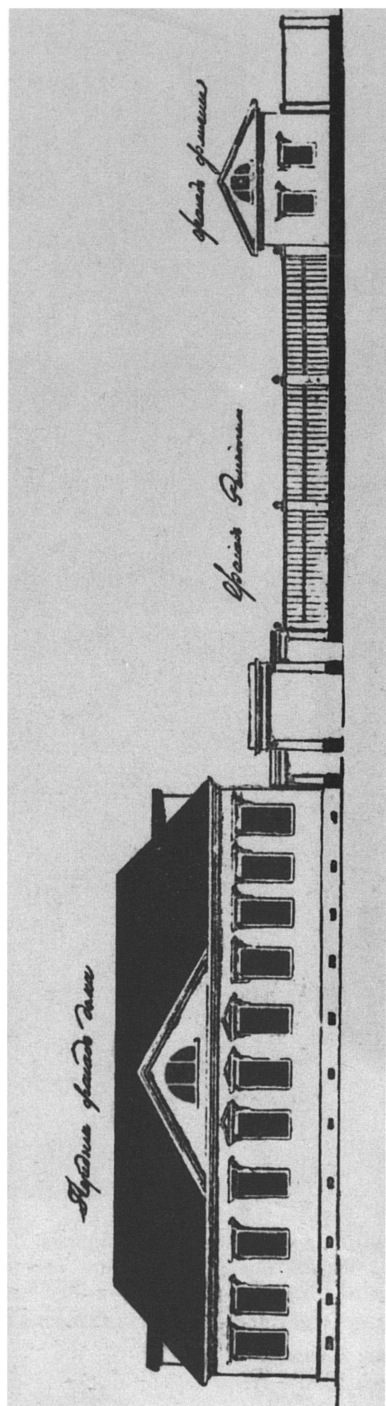

Петр Федорович Квашнин-Самарин. Двоюродный брат бабушки Пушкина
М. А. Ганнибал, урожд. Пушкиной. Неизвестный художник.
Конец 1780-х—начало 1790-х гг. Холст, масло.
Тамбовская областная картинная галерея.

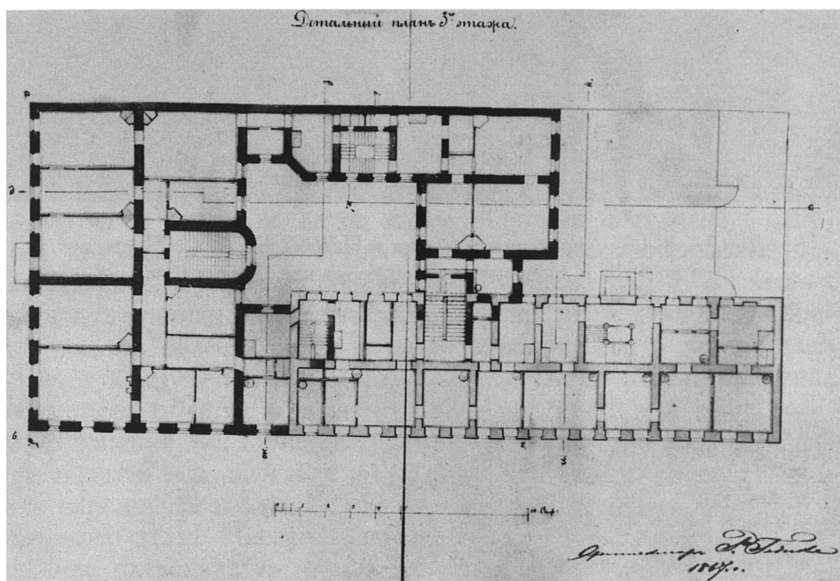
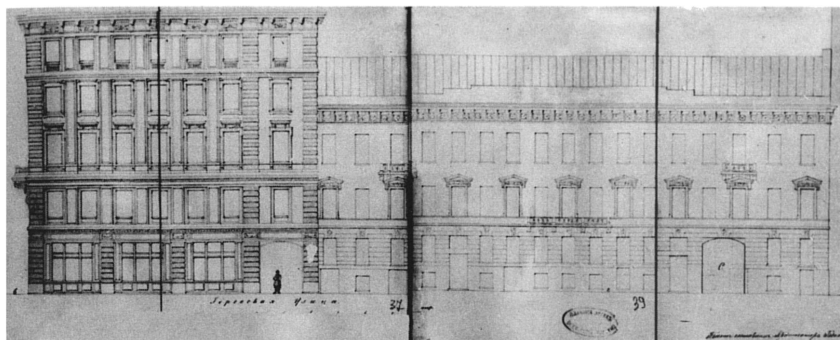
Степан Алексеевич Колычев.
Троюродный брат матери Пушкина
Н. О. Пушкиной, урожд. Ганни-
бал. Неизвестный художник.
Холст, масло.
Местонахождение неизвестно.
Конец 1790-х гг.

Константин Яковлевич Арсеньев.
Литография Н. Брезе. 1830-е гг.

Парадный фасад дома псковского губернатора бар. Бориса Антоновича фон Адеркаса. Чертеж.

Фасад и план 3-го этажа дома П. А. Жадимеровского в Петербурге, где жил Пушкин. Чертеж. Современный адрес — Гороховая ул., 14. Справа квартира Пушкина.

Дом гр. И. А. Апраксина, где жил в Петербурге А. С. Пушкин с 1816 по 1818 г. Современный адрес — кан. Грибоедова, 174.

Открытие мемориальной
доски на доме
гр. И. А. Апраксина
3 июля 2003 г.

С. В. ДЕНИСЕНКО

ПУШКИНСКИЕ СЮЖЕТЫ И ТЕКСТЫ НА СЦЕНЕ в 1850—1870-х гг.

Настоящая статья продолжает хронологические обзоры интерпретаций пушкинских произведений.¹ Предметом рассмотрения будут инсценировки недраматических произведений Пушкина на музыкальной и драматической сцене.

Характеризуя период 1850—1870-х гг., музыковед и композитор М. М. Иванов, автор книги «Пушкин в музыке», отмечал, что композиторы, «второстепенные и первостепенные, более обильно черпали из сокровищниц пушкинской музыки, чем их предшественники. Заметить надо, однако, что к Пушкину обращались все более и более по мере приближения к нашим дням (т. е. к концу XIX в. — С. Д.). (...) Затем вторая половина 50-х и все 60-е гг. вообще были неблагоприятны в общественном сознании для Пушкина, начиналось возрождение нашей общественной мысли, и поэт не только утратил было свое обаяние для народившегося поколения, но реалисты 60-х гг. — в лице, например Д. И. Писарева, — как известно, принялись торжественно развенчивать всякое его значение для нашего самосознания и прогресса».²

Из музыкальных спектаклей предшествующего периода русского театра практически ничего не возобновлялось, исключая оперу Глинки «Руслан и Людмила», возрожденную в Петербурге в 1857 г. и уже не сходившую со сцены. Балет претерпевал кризис и не был столь популярным, как раньше, в пушкинские времена. «Русский балетный романтизм, — отме-

¹ См.: Денисенко С. В. 1) Переработки пушкинских сюжетов и текстов для музыкальной и драматической сцены при жизни поэта // Пушкин и его современники. СПб., 2002. Вып. 3. С. 217—243; 2) Пушкинские сюжеты и тексты на сцене в 1837—1850-х гг. // Пушкин. Исследования и материалы. СПб., 2003. Т. 17—18. С. 332—342.

² Иванов М. М. Пушкин в музыке. Б. м., 1898. С. 41—42.

чала В. М. Красовская, — в зрелый период своего развития Пушкина по существу не знал».³ Известно только, что 4 ноября 1854 г. в Воронеже исполнялся двухактный балет «Бахчисарайский фонтан» на сборную музыку силами петербургской гастролирующей труппы Е. И. Андреяновой (поставил балет Г. Васильев).⁴ Возможно, этот спектакль — отголосок «праздника гарема» в третьей части «Керим-Гирея» А. А. Шаховского, дивертисмента, поставленного Ш. Дидло.

Пушкинская драматургия редко видела сцену. В «Истории русского драматического театра» это объясняется так: «Пушкин, как видим, не занял достойного места в репертуаре театров того времени — отчасти по цензурным, а отчасти по сугубо творческим причинам: ни артисты, ни зрители не были подготовлены к тому, чтобы по достоинству оценить пушкинские шедевры».⁵ О сценичности драматургии Пушкина написано в газетной статье Д. Лобанова, одного из «передельвателей» поэта: «Легко заметить, что Пушкин был драматургом, хотя драмы его не вполне сценичны и их трудно поставить на сцену без некоторых изменений. В этом случае обязанность режиссера, если бы он вздумал поставить Пушкина на сцену, была бы исполнена больших трудностей, он должен был бы распланировать пиесу по действиям, должен был бы выпустить некоторые сцены, неудобные для театра, и делать это с величайшей осторожностью, чтобы не исказить произведения гениального писателя своей обработкою».⁶

В это время появляется несколько опер на драматические произведения Пушкина: «народная музыкальная драма» в 4 действиях «Борис Годунов» М. П. Мусоргского (премьера 27 января 1874 г.), опера в 3 действиях «Каменный гость» А. С. Даргомыжского (премьера 16 февраля 1872 г.), опера в 4 действиях «Русалка» А. С. Даргомыжского (премьера 4 мая 1856 г.).

Из старых инсценировок продолжали идти только «Евгений Онегин» Г. В. Кугушева, «Барышня-крестьянка» Н. А. Коровкина, «Пятнадцать лет разлуки» К. А. Бахтурина и «Хризомания» А. А. Шаховского. Кроме них ставились всевозможные «пушкинские» «сцены» или «картины» в одном-двух актах. Так, известно, что в 1853 г. в Александринском театре в бене-

³ Красовская В. М. Сюжеты Пушкина в русской хореографии // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1967. Т. 5. С. 261.

⁴ Отзыв о спектакле см.: Кузин В. Местная хроника // Воронежские губернские ведомости. 1854. № 46 (13 ноября).

⁵ История русского драматического театра: В 7 т. М., 1979. Т. 4. С. 60.

⁶ Лобанов Дм. Можно ли ставить на сцену произведения Пушкина?: Письмо к редактору // Русская сцена. 1865. № 9. 4 ноября.

фис П. И. Орловой исполнялись отрывки из поэмы «Руслан и Людмила»⁷ с закулисной музыкой В. М. Кажинского. Читались также сцены из «Кавказского пленника»⁸ в 1852 г. в Александринском театре.

Игрались инсценировки произведений Пушкина и в провинциальных театрах. Известно, что «ярославские актеры ставили инсценировки некоторых его произведений — „Цыганы“, „Братья разбойники“, „Станционный смотритель“».⁹

В настоящем обзоре постановки на музыкальной и на драматической сцене мы рассматриваем отдельно.

«ПУШКИНСКИЕ» СПЕКТАКЛИ НА МУЗЫКАЛЬНОЙ СЦЕНЕ

Имеется глухое свидетельство, будто бы «на литературном вечере у поэта И. И. Козлова в присутствии В. А. Жуковского, Н. В. Гоголя, П. А. Плетнева и других (...) Пушкин сказал тогда, что „он желал бы видеть оперу лирическую, в которой соединялись бы все чудеса хореографического, балетного и декоративного искусства“, и, якобы, предложил для оперы текст своего стихотворения „Торжество Вакха“».¹⁰

Опера-балет А. С. Даргомыжского «Торжество Вакха» была написана в 1848 г. на основе кантаты, исполнявшейся 22 марта 1846 г. в Большом театре в Петербурге. Судьба произведения складывалась не совсем удачно. В цензурный комитет либретто было представлено только в 1852 г. и сначала подверглось запрещению за «сюжет, извинительный в поэме как игра воображения, но соблазнительный и близкий к безнравственности при представлении на сцене».¹¹ Впоследствии цензура все-таки разрешила постановку.

Спектакль ставил балетмейстер С. П. Соколов при помощи режиссера И. П. Савицкого. Во время работы возникли разно-

⁷ Шифр хранения в Отделе рукописей и редкой книги Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки (далее: ОРиРК СПбГТБ): 1. 7. 2. 26 и 1. 7. 2. 42. Цензурное разрешение от 20 октября 1853 г. (здесь и далее даты цензурных разрешений приведены по: А. С. Пушкин в печатных и рукописных фондах Ленинградской театральной библиотеки им. А. В. Луначарского / Публ. Л. Жевержеева // Пушкин и искусство. Л.; М., 1937. С. 172—209).

⁸ Цензурное разрешение от 24 марта 1852 г.

⁹ Любомудров М. Старейший в России: Творческий путь Ярославского драматического театра. М., 1964. С. 41.

¹⁰ Розанов А. С. [Комментарии] // Глинка М. И. Записки. 1988. С. 171. Источник данного свидетельства в комментарии А. С. Розанова не указан.

¹¹ Цит. по: Инсценировки произведений Пушкина в драматической цензуре / Публ. В. М. Абрамкина // Литературный архив. Т. 1. М.; Л., 1938. С. 240.

гласия из-за требований постановщика к певцам-солистам и хору выполнять общие с балетом мизансцены для создания «единого художественного впечатления». В результате этих разногласий спектакль, по свидетельству современников, превратился в костюмированный концерт с танцевальными номерами между выступлениями певцов и хора. Премьера состоялась 11 января 1867 г. в Москве в Большом театре в бенефис И. П. Савицкого (дирижер И. О. Шрамак)¹² и успеха не имела. Обозреватель газеты «Голос» под псевдонимом «С. П.» в статье «Московская жизнь» иронизировал: «Произведение это не вышло ни балетом, ни оперою, и с первого представления кануло в Лету. Ни один мотив не удерживается в памяти из этой легкой музыки, а из самого представления очень забавна сцена, когда восемь муз играют на кларнетах и девятая муза ими дирижирует».¹³ В другой рецензии мы читаем: «Явились 9 девушек в фантастических костюмах; они стали в полукруг и восемь из них начали играть на кларнетах, а девятая, стоявшая в середине, изображала капельмейстера: палочкой в правой руке и движениями левой руки она била такт в 4/4. Трудно представить себе что-нибудь комичнее этого».¹⁴

За границей одним из первых сценических воплощений пушкинских сюжетов стала комическая опера в 3 актах по либретто Эжена Скриба «*La Dame de Pique*»¹⁵ композитора Франсуа Галеви, премьера которой состоялась в Париже 28 декабря 1850 г. в театре «Комическая опера».¹⁶ «Галеви написал новую оперу; либретто написано Скрибом. Опера называется „Пиковая дама“. Сюжет заимствован из прекрасной повести Пушкина; жаль только, что г. Скриб позволил себе некоторые изменения и французские фиоритуры. Опера имела большой успех»,¹⁷ — осторожно отмечал обозреватель «Сына Отечества». Сразу после премьеры на спектакль появилась рецензия Г. Берлиоза. По поводу либретто он писал: «*Cette pièce, dont l'idée a été suggérée par la ravissante nouvelle de Pouchkine, si élégamment traduite de russe par M. Mérimée, offre beaucoup d'intérêt. Mais il ne faut pas croire que ce soit l'oeuvre du poète russe mise en scène; elle ne présente, au contraire, que fort peu de ressemblance avec ce conte charmant ou le surnaturel est franche-*

¹² ОРиРК СПбГТБ, 1. 4. 8. 190. Клавир издан: СПб.: Бернард, 1867.

¹³ Голос. 1867. № 24. 24 янв.

¹⁴ Антракт. 1867. № 3. 18 янв.

¹⁵ Партитура издана: Paris: Brandus, 1854.

¹⁶ Объявление о премьере в русской прессе см.: Санкт-Петербургские ведомости. 1850. № 293. 30 дек.

¹⁷ Сын Отечества. 1851. Ч. 1 (Янв.). Отд. «Смесь». С. 130.

ment admis. Les inventions de M. Scribe sont favorables à la musique, dont les développemens eussent apparemment été moins aisés avec la donnée originale».¹⁸

Надо сказать, что русские критики, не слышав самой оперы, сразу же обрушились на французского драматурга за пере­­ройку пушкинского сюжета. Ф. В. Булгарин писал в «Северной пчеле»: «Обращаясь к Парижу, скажем, что еще одно русское имя прогремело в нем в конце прошлого года: имя Пушкина. Неутомимый Скриб, как мы уже извещали наших читателей, написал для музыки знаменитого Галеви либретто „Пиковая дама“. (...) Известный французский литератор Мериме перевел (при помощи своего родственника, бывшего в Петербурге и изучившего русский язык) „Пиковую даму“ хорошим языком и слогом, но во многих местах искажил подлинник,¹⁹ а Скриб из занимательного рассказа Пушкина составил такую ахиною, что едва верится, чтобы опытный литератор и академик мог до такой степени сбиться с толку! Заметьте, что Скриб хотел представить завязку в *русских нравах* — а в этой завязке, как будто нарочно, все совершенно противно нашим нравам, обычаям и условиям нашей гражданской жизни. Умный и даровитый Берлиоз, рассказывая содержание либретто (в *Journal des Débats* 1 Janvier), сам сознается, что тут нет ничего похожего на повесть. (...) „Voilà la Russia“ (Вот Россия!), кричали парижане, смотря на картину нравов в „Пиковой даме“, какие могут быть только на луне или в устарелой голове Скри-

¹⁸ «Эта пьеса, идея которой была подсказана очаровательной повестью Пушкина, столь изящно переведенной с русского г. Мериме, весьма занимательна. Но не следует думать, что это — инсценировка произведения русского поэта; напротив, она очень далека от прелестного рассказа, в котором сверхъестественные явления присутствуют свободно. Вымысел г. Скриба хорошо сочетается с музыкой, но развертывание сюжета явно оказывается менее удачным в отношении оригинала» (пер. с фр. Н. Л. Дмитриевой) (*Berlioz H. Théâtre de l'opéra-comique: Première de «La Dame de Pique», opéra comique en trois actes, de mm. Scribe et Halévy // Journ. des débats. 1851. 1 jan.*).

¹⁹ За границей первый перевод повести на французский язык был сделан Полем Жюльвенкуром в 1843 г. Перевод, выполненный Мериме, был опубликован в «*Revue des deux Mondes*» от 15 июля 1849 г. Скорее всего, Скриб воспользовался устным рассказом Мериме. См. об этом: *Боброва Е. И.* Перевод П. Мериме «Пиковой дамы» // Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 354–361. Автограф перевода Мериме хранится в Пушкинском Доме (ф. 244, оп. 14, № 17); см. публ. в сб.: Мериме—Пушкин. М., 1987. С. 195—206. О французской «Пиковой даме» см.: *Алексеев М. П.* Пушкин на Западе // *Временник Пушкинской комиссии.* М.; Л., 1937. Вып. 3. С. 139—141; *Перегринус Тисс.* «Пиковая дама» до Чайковского // *Музыкальный современник.* 1915. № 2; *Фридкин В.* Вояж «Пиковой дамы» // *Наука и жизнь.* 1984. № 7. С. 70—74.

ба. Однако же пьеса имела успех, благодаря музыке Галеви, которая, однако же, по свидетельству Берлиоза, ниже прежних его произведений. (...) Еще одно замечание. Если где-либо можно допустить чудесное в современной литературе, то это именно в опере и в балете, а Скриб лишил „Пиковую даму” даже этой занимательности, поставив обман на место *волшебства!* Этой ошибки опытного писателя мы даже не постигаем».²⁰ «Библиотека для чтения» вторила «Северной пчеле»: «О „Пиковой даме” положительно известно только то, что мосье Галеви, который понятия о мелодии не имеет, старался изо всех сил „подражать русской музыке”, то есть пародировать наши национальные напевы, для вящей верности местного колорита».²¹

В справочной литературе отмечалось, что на сюжет «Пиковой дамы» по либретто Скриба была написана в 1862 г. оперетта Франца фон Зуппе «Die Kartenaufschlägerin» («Pique Dame» — во второй редакции).²² Однако Э. Штёкль в своем исследовании «Пушкин и музыка» опровергает эти сведения: оперетту «следует вычеркнуть из списка опер на пушкинские сюжеты. Соответствующие данные в специальной литературе ошибочны. Доказано, что опера „Пиковая дама” Ф. фон Зуппе не имеет ни прямой связи с одноименной повестью Пушкина, ни даже косвенного отношения с ней через „Пиковую даму” Ж. Ф. Галеви».²³

Второй по времени, после «Руслана и Людмилы» Глинки, русской оперой на пушкинский сюжет оказалась опера в 4 действиях, 5 картинах «Мазепа» известного композитора-дилетанта барона Б. А. Фитингофа-Шелля. Либретто Г. В. Кугушева (автора переделки «Евгения Онегина» в драму) благополучно прошло цензуру. В цензорском рапорте (цензурное разрешение от 22 января 1859 г.) отмечалось: «Хотя представление на сцене Мазепы, как изменника России было бы щекотливо, но в настоящей пьесе измена Мазепы осталась совершенно в стороне: об ней говорится весьма глухо, а о намерении Мазепы сделать из Малороссии независимое государство вовсе не упоминается. Вообще либретто этой оперы не имеет политического направления и завязка действия представлена в виде семейной ссоры».²⁴

²⁰ Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1851. № 4. 5 янв.

²¹ Библиотека для чтения. 1851. Т. 105. Отд. VII: Смесь. С. 203.

²² Пушкин в музыке: Справочник / Сост. Н. Г. Винокур, Р. А. Каган. М., 1974. С. 108.

²³ Stöckl E. Puškin und die musik. Leipzig, 1974. P. 477.

²⁴ Цит. по: Инсценировки произведений Пушкина в драматической цензуре. С. 246.

Премьера оперы состоялась 5 мая 1859 г. в Петербурге в Мариинском театре (дирижер К. Н. Лядов), в Москве — 24 января 1866 г. в Большом театре (дирижер И. О. Шрамек).²⁵ С 1855 по 1881 г. в Петербурге было дано семь спектаклей. Рецензент «Антракта» дал опере уничижительную характеристику: «К числу других русских опер почему-то причисляют и оперу г. Фитингофа, но она столько же русская, сколько и японская, и испанская. (...) Казалось бы, Малороссия, где происходит действие, так богатая свежими прекрасными мелодиями, должна была сказаться в этой опере, но ничего подобного в произведении г. Фитингофа не имеется. Начинается опера довольно длинной увертюрой, бедно и не особенно умно инструментованной. (...) Громы Полтавской битвы забыл композитор, а тема-то богатая». Только несколько номеров оперы были удостоены положительной оценки рецензента: «Мы укажем на дуэт между Марией и Мазепой. Дуэт обработан довольно удачно, хотя и не особенно сильно; на большую арию Орлика, и, наконец, на предсмертную песню козака, отвозившего донос Кочубея к Петру». Критик резюмировал: «Таким сюжетом, как Мазепа, более г. Фитингофа даровитый композитор мог бы воспользоваться как следует. Чего тут нет? И заговор, и любовь, и казни, и битва, и свиданья — все это пропадает. Полтавская битва в разгаре, сумасшедшая Мария, раненый козак, беглый Мазепа — да ведь все это чрезвычайно эффектные моменты для композитора. Что же сделал г. Фитингоф из этого? Ничего. Полтавская битва означает только пушечными выстрелами за сценою, в оркестре в это время происходит бог знает что, слышится какой-то сброд звуков. (...) Вообще нужно сказать, что эта опера не далеко стоит от „Запорожца за Дунаем“. Нельзя не пожалеть, что у нас ставятся такие ничтожные музыкальные творения и оставляются без внимания оперы Монюшко и „Руслан и Людмила“ Глинки».²⁶ А. Н. Серов в своем разборе в «Театральном и музыкальном вестнике», отметив, что «трудно представить себе канву музыкальной драмы из области исторической и из эпохи не отдаленной, более счастливую обилием и разнообразием задач для даровитого художника», подверг либретто оперы резкой критике. «Либреттист наложил свою руку на бессмертную поэму Пушкина, чтобы превратить это богатейшее создание в мелодраматическую канву, от которой отказался бы самый неприхотливый из итальян-

²⁵ Либретто издано: СПб., 1859; клави́р издан: СПб.: Дюфур, б. г. [1859].

²⁶ Дмитриев А. «Мазепа», опера барона Фитингофа // Антракт. 1866. № 3. 18 февр.

янских оперных мастеров». Рецензент, однако, отметил успех у зрителей: «Опера привлекла многочисленную публику. Театр был полон. Автора по окончании спектакля вызывали, кажется, четыре раза. Следовательно, успех блистательный».²⁷

Ц. А. Кюи в одном из музыкальных обозрений вскользь заметил, что опера Фитингофа — «безобразная смесь Верди с Даргомыжским, инструментованная по балетному, вроде г. Пуни».²⁸ А В. Ф. Одоевский в своем дневнике записал: «Отзывы публики вообще к опере были неблагоприятны, и я удивил, сказавши, qu'elle etait a la hauteur du „Faust“ de Gounod (что она на высоте «Фауста» Гуно. — фр. — С. Д.)».²⁹

Еще одна «пушкинская» постановка на музыкальной сцене этого времени — балет в 3 актах, 7 картинах А. Сен-Леона на музыку Л. Ф. Минкуса «Золотая рыбка». Премьера (только первый акт) состоялась в Петербурге в Большом театре 8 ноября 1866 г., полностью (в сценографии А. А. Горского) — в Москве в Большом театре 26 сентября 1867 г. (дирижер А. Арденс).³⁰ Постановка «Золотой рыбки» не принесла успеха балетмейстеру Сен-Леону.³¹ Балет вызвал крайне язвительный отзыв-пародию М. Е. Салтыкова-Щедрина, опубликованный в «Отечественных записках». Общие замечания о консерватизме современного балета вообще писатель подвел к тому, что «никогда еще единомыслие балета и консервативных начал не выражалось с такой яркостью, как в балете „Золотая рыбка“».³² Салтыков-Щедрин, язвительно пересказывая содержание балета, характеризовал стиль балетмейстера, для которого был важен виртуозный танец сам по себе, а не драматургия спектакля: «Почему они пляшут? Они пляшут потому, что налаживают се-

²⁷ Серов А. Мазепа, опера барона Б. А. Фитингофа // Театральный и музыкальный вестник. 1859. № 18.

²⁸ Музыкальная летопись // Санкт-Петербургские ведомости. 1865. № 22. 26 янв.

²⁹ Текущая хроника и особые происшествия : Дневник В. Ф. Одоевского 1859—1869 гг. // Лит. наследство. М., 1935. Т. 22—24. С. 205.

³⁰ Либретто издано: СПб.: Стелловский, 1867.

³¹ Творческая манера Сен-Леона охарактеризована в «Истории русской музыки» так: «Стремление к непрерывной развлекательности спектакля, доведенное до крайнего выражения; перенесение в балет драматургических и даже чисто танцевальных приемов из входившей тогда в моду оперетты, с особенно частым использованием элементов канкана; механическое усложнение традиционных балетных движений; многочисленные и порой эффектные, хотя эстетически поверхностные опыты хореографической театрализации танцевального фольклора самых различных народов» (История русской музыки: В 10 т. М., 1989. Т. 6. С. 286).

³² Впервые опубликовано: Отечественные записки. 1868. № 3. Отд. 2. С. 91—106. Затем переработано в статью «Проект современного балета» (Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1969. Т. 7. С. 115—131).

ти, они пляшут потому, что готовят лодку, они пляшут потому, что они поселяне, и в этом качестве *должны плясать*».³³ В конце статьи автор предлагает свою «программу» балета «Мнимые враги, или Ври и не опасайся».

По сведениям А. И. Вольфа, балет, однако, вошел в постоянный репертуар и выдержал 55 представлений с 1855-го по 1881 г.³⁴

Либретто балета лишь отдаленно напоминало пушкинский сюжет. Действие происходило на Украине, на берегу Днепра; старуха была превращена в своенравную казачку Галю, жену ленивого рыбака пьяницы Тараса. «Заемствованные у Пушкина сюжетные мотивировки еще не делают балет пушкинским. Хореографический образ вырастает из литературы не прямо, а только как осуществление образа музыкальной драматургии»,³⁵ — отмечала В. М. Красовская, — а «виртуозный танец и сценические эффекты являлись здесь не средством, а целью».³⁶ Много позднее балетмейстер А. А. Горский поставил «Золотую рыбку» уже на музыку Минского в Большом театре (16 ноября 1903 г.) в декорациях и костюмах К. А. Коровина.

Комическая опера в 2 действиях «Барышня-крестьянка» И. П. Ларионова (на слова композитора) была написана в 1870 г.³⁷ Премьера оперы состоялась в Собрании Санкт-Петербургских художников 14 марта 1875 г. В статье, посвященной Собранию Санкт-Петербургских художников, театральный обозреватель газеты «Петербургский листок» А. А. Соколов («Театральный нигилист») доброжелательно отозвался об этом произведении: «Опера эта вряд ли бы попала на сцену императорской русской оперы, как вещь очень маленькая, не могущая составить собой полного спектакля. (...) Она прошла не без успеха; некоторые нумера были повторены, композитор и исполнители удостоены овации».³⁸ А в театральной хронике газеты «Голос», напротив, писали: «Публики собралось много, вследствие весьма понятного любопытства услышать новое русское музыкальное произведение с столь заманчивым названием одного из грациознейших и симпатичных произведений русского поэта, представляющих богатый материал для комической

³³ Там же. С. 117.

³⁴ Вольф А. И. Хроника петербургских театров с конца 1855 до начала 1881 года. СПб., 1884. Ч. 3. С. 150.

³⁵ Красовская В. М. Сюжеты Пушкина в русской хореографии. С. 265.

³⁶ Там же. С. 262.

³⁷ ОРиРК СПбГТБ, 15. 5. 99. См. также цензорские экземпляры 1872 г. (№ 77168, в одном действии) и 1875 г. (№ 77167).

³⁸ Петербургский листок. 1875. № 52. 16 марта.

оперы. Но г. Ларионов оставил весь этот материал во всей его неприкосновенности и создал нечто, быть может, очень своеобразное, но, во всяком случае, плохое и, кроме названия, не имеющее ничего общего с повестью Пушкина. Из действующих лиц повести г. Ларионов сохранил в своем либретто четырех, (...) но в таком искаженном виде, что лучше бы переменить и имена их; по крайней мере они не вызывали бы в публике невольного сравнения с прелестными типами Пушкина. (...) В музыкальном отношении произведение г. Ларионова настолько плохо, что к нему нельзя относиться серьезно, а исполнение во всем гармонировало с либретто и музыкой». ³⁹

29 мая 1899 г. опера исполнялась в театре Таврического сада в Петербурге. Рецензент газеты «Россия» под псевдонимом «Р.» в обзоре «Театр и музыка» давал характеристику этому произведению: «Музыка написана по образцу итальянской оперы с округленными номерами, с главным расчетом на мелодику. Иногда она до наивности проста, но не бездарна, напротив, в ней есть симпатичные черты. В хорах замечается национальный пошиб, видно, что автор был знаком с народными песнями. Вообще, музыка отличается доступностью для массы среднего музыкального уровня и слушается легко. Исполнители-солисты не блещут голосами и опытностью, но старательны и дела не портят». ⁴⁰ Коротко отметим, что действие оперы было перенесено в XVIII в. и в целом она вообще стилизована под комическую оперу XVIII в. с «деревенским» сюжетом; пушкинское содержание было упрощено до предела.

Видимо, опера Ларионова давалась в конце века и на сцене народных театров. ⁴¹

Нам известны только два обращения театра к «несценичному» «Евгению Онегину» в XIX в.: это драма Г. В. Кугушева и опера П. И. Чайковского, и они связаны между собой посредством либретто. А. Н. Глумов отмечал: «При сравнении плана „инсценировки“ Кугушева с драматической схемой оперы Чайковского „Евгений Онегин“ возникает предположение, что автор либретто К. С. Шиловский и, вероятно, сам композитор знали распределение картин первой постановки романа в стихах Пушкина, тем более что „обработка“ Кугушева исполнялась на провинциальной сцене до девяностых годов. Чайковский, как известно, в процессе работы над либретто будущей

³⁹ Голос. 1875. № 76. 17 марта.

⁴⁰ Россия. 1899. № 34. 31 мая.

⁴¹ Цензурное разрешение к представлению на народных театрах от 15 мая 1899 г.

оперы ознакомился со многими инсценировками „Евгения Онегина”». ⁴²

О замысле оперы ⁴³ мы читаем в письме композитора к М. И. Чайковскому от 18 мая 1877 г.: «Обедая в трактире один, я вспомнил об „Онегине”, задумался, потом начал находить мысль Лавровской (предложившей композитору сюжет «Онегина» для оперы. — С. Д.) возможной, потом увлекся и к концу обеда решился. Тотчас побежал отыскивать Пушкина. С трудом нашел, отправился домой, перечел с восторгом и провел совершенно бессонную ночь, результатом которой был сценариум оперы с текстом Пушкина. На другой день съездил к Шилловскому, и теперь он на всех парах обделывает мой сценариум. Ты не поверишь, до чего я ярюсь на этот сюжет. Как я рад избавиться от эфиопских принцесс, фараонов, отравлений, всякого рода ходульности. Какая бездна поэзии в „Онегине”. Я не заблуждаюсь, я знаю, что сценических эффектов и движения будет мало в этой опере. Но общая поэтичность, человечность, простота сюжета в соединении с гениальным текстом заменяет с лихвой эти недостатки». ⁴⁴ Хорошо известно, что композитор не хотел постановки на большой сцене. ⁴⁵ Он писал Н. Ф. Фон-Мекк 16 декабря 1877 г.: «Где я найду Татьяну, которую вообразил Пушкин и которую я пытался иллюстрировать музыкально? Где будет тот артист, который хоть несколько подойдет к идеалу Онегина, этого холодного денди, до мозга костей проникнутого светской бонтонностью? Откуда возьмется Ленский, восемнадцатилетний юноша с густыми кудрями, с порывистыми и оригинальными приемами молодого поэта, á la Шиллер? Как опошлится прелестная картинка Пушкина, когда она перенесется на сцену с ее рутинной, с ее беспомощными традициями, с ее ветеранами и ветераншами...». Однако в письме от 27 ноября 1880 г. к тому же адресату композитор замечал: «Для меня очень важно разрешение вопроса: может или не может эта опера сделаться репертуарной, т. е. удержаться на сцене? Так как я писал ее не для сцены, то никогда не предпри-

⁴² Глумов А. Музыка в русском драматическом театре. М., 1955. С. 88.

⁴³ О замысле оперы см., например: *Рукавишников Н.* Пушкин в библиотеке П. Чайковского // Советская музыка. 1937. № 1. С. 60.

⁴⁴ Здесь и далее письма П. И. Чайковского цит. по: *Домбаев Г.* Творчество Петра Ильича Чайковского в материалах и документах. М., 1958 (гл. «Евгений Онегин». С. 63—94).

⁴⁵ См. об этом: *Старк Э. А.* Сценическая история опер П. И. Чайковского в бывшем Маринском театре // П. И. Чайковский на сцене Театра оперы и балета имени С. М. Кирова (б. Маринский). Л., 1941. С. 17—155; *Гозенпуд А. А.* Русский оперный театр XIX века (1873—1889). Л., 1973. С. 152—168.

нимал ничего для ее постановки на казенном театре, решив, однако ж, не препятствовать ее исполнению, если инициативу возьмут на себя лица из театрального мира».⁴⁶

Любопытно, что в первом варианте композитор изменил пушкинский финал: Татьяна, заявив знаменитое «буду век ему верна», все же «изнемогает в борьбе»... Реакция критики и зрителей на подобный финал была единодушно отрицательной, и композитору впоследствии пришлось изменить его для постановки на сцене императорских театров.⁴⁷

Премьера «лирических сцен» в 3 действиях по либретто композитора и К. С. Шиловского состоялась 17 марта 1879 г. в Москве в Малом театре (дирижер Н. Рубинштейн), в Петербурге в Мариинском театре 19 октября 1884 г. (дирижер Э. Направник).⁴⁸ Опасения композитора оправдались: как всегда, публика и критики в первую очередь были недовольны либретто. «Чайковскому предстояло преодолеть не только сопротивление пушкинского романа, но и инерцию слушателей, каждый из которых был или называл себя почитателем поэта».⁴⁹ С. Васильев (Флеров), музыкальный обозреватель «Московских ведомостей», так оценивал реакцию слушателей оперы: «Одни восхищались этой оперой от начала и до конца и ожидали чудес от исполнения ее в большой оперной постановке. Другие запомнили по преимуществу куплеты французского учителя Трике и относились равнодушно к остальному. Третьи мало говорили про музыку, но главным образом останавливались на либретто: их возмущали перемены, введенные сравнительно с романом Пушкина, который они находили недоступным музыкальной иллюстрации. Таким образом, были намечены три главные течения во впечатлениях зрителей: безусловное восхищение музыкой, безусловное порицание либретто и так называемое *susses d'estime*».⁵⁰

Комическая опера в 3 действиях, 5 картинах Г. А. Лишина «Граф Нулин»⁵¹ (по либретто композитора) была написана в 1876 г.⁵² Премьера была назначена на 31 января 1882 г. в мос-

⁴⁶ Чайковский П. И. Полн. собр. соч.: Литературные произведения и переписка. М., 1965. Т. 9. С. 320.

⁴⁷ Первоначальный вариант финала см., например: Судьба Онегина. М., 2001. С. 38—39.

⁴⁸ Либретто издано: М.: Юргенсон, 1880; клави́р издан: М.: Юргенсон, 1878; партитура издана: М.: Юргенсон, 1880.

⁴⁹ Гозенпуд А. А. Русский оперный театр... С. 166.

⁵⁰ Московские ведомости. 1881. № 15.

⁵¹ Либретто издано: СПб.: Изд-во Э. Гоппе, 1876; клави́р издан: СПб.: Яздовский, 1882.

⁵² Цензурное разрешение от 20 мая 1877 г.

ковском Большом театре,⁵³ но опера по неизвестным для нас причинам была снята перед премьерой. В справочной литературе имеется сведение без указания источника, что опера исполнялась в Киеве в марте 1888 г.⁵⁴

П. И. Чайковский в письме к М. И. Чайковскому от 29 апреля 1876 г. со свойственной ему экспрессией замечал: «Здесь в Москве проживает Лишин. Недавно он мне играл свою оперу „Граф Нулин”. Боже! Какая это мерзость». Об этой опере и об ее авторе положительно отозвался разве что М. М. Иванов: «Так, в конце 70-х гг., в Москве, кажется, собирались поставить его (Лишина. — С. Д.) „Графа Нулина”, музыка которого в клавире всем нравилась; ее находили игривою, вполне отвечающей сюжету, который она иллюстрировала. В жанре комической оперы он в самом деле обнаружил несомненный талант». По сведениям исследователя, не была готова оркестровка: «Впоследствии в 1886 г. композитор за два года до смерти исполнил в Павловске под своим управлением сюиту из этой оперы, вызвавшую положительный успех. (...) Музыкально-драматический кружок в Петербурге хотел было тогда поставить „Нулина”, но это желание осталось неисполненным. В печати остался только клавир оперы. Из нее назову несколько номеров, имевших всегда особенный успех, — песню Параши, каватину графа „Есть чудный край”, каватину Лидина „Везде и всегда за тобою”, баркаролу „Над сонной рекою”, арию графа „Я к вам пришел”, очень часто являвшиеся в концертах того времени».⁵⁵

В этот период появились или задумывались музыкальные произведения, которые либо так и не были завершены, либо не были поставлены.

В 1859 г. издан клавир «Кавказского пленника», оперы в одном действии А. А. Алябьева, созданной, возможно, в конце 1820-х гг.⁵⁶ Скорее всего, это произведение не исполнялось со сцены; никаких сведений нам обнаружить не удалось. «Это проба пера перед большим замыслом, эскиз, набросок к картине, беглое и неглубокое воспоминание о кавказской жизни, заметка о прошлом. (...) Лучшие места оперы — интродукция и „Черкесская песня”. (...) В целом музыкальные сцены Алябье-

⁵³ Stöckl E. Puškin und die musik. P. 206.

⁵⁴ Вишнеvский В. Пушкин в опере // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1940. Т. 29. С. 62; Пушкин в музыке: Справочник. С. 42.

⁵⁵ Иванов М. М. Пушкин в музыке. С. 93—94.

⁵⁶ «Черкесская песня» из нее была издана ранее: СПб.: Дальмас, 1829. Издано 23 номера для симфонического оркестра, голоса и чтеца: Аранжировка для голоса и ф-но А. Дюбюка. М.: Грессер, 1859.

ва представляют хороший музыкальный материал, к сожалению, не заслуживающий по своим размерам названия оперы»,⁵⁷ — отмечал В. Е. Вишнеvский. А М. М. Иванов так отзывался об опере Алябьева, написавшего, по его словам, «полу-оперу, полудраматическое произведение в одном действии — „Кавказский пленник“»: «Самое время появления этого „Пленника“ мне неизвестно в точности; издание его сделано Грессером в 1859 году, но год издания ничего не указывает, особенно для прежнего времени. (...) Музыка „Пленника“ совершенно ничтожна, даже и на мерку того времени, в которое она написана. Это — общие места и притом с ярким итальянским характером; композитор безусловно подражает Беллини и Доницетти. В общем музыка „Пленника“ разделена на двадцать три номера, но деление это совершенно призрачное. Немало номеров состоят буквально из одной строчки; в промежутки между этими „номерами“ идет декламация пушкинских стихов, взятых из бесед пленника с черкешенкой, т. е. из второй части поэмы. Есть несколько номеров для пения, но тоже очень невысокого достоинства; нет ни одного дуэта. Пушкин сам впоследствии смеялся над своей поэмою; с гораздо большим правом также могли бы и мы посмеяться над музыкальными „сценами“ Алябьева».⁵⁸ В «Истории русской музыки» произведение Алябьева охарактеризовано как романтическая мелодрама: «Она состоит из 23 номеров, самые мелкие из них содержат несколько тактов, но самые большие достигают размеров достаточно развернутой музыкально-драматургической сцены. Весьма показательно, что мы встретим здесь в рамках камерной пьесы для двух героев почти все компоненты, используемые в данном жанре: пантомиму на фоне инструментального сопровождения, чередование поэтической декламации с оркестровыми отрывками, речитатив, арию, хоровую песню, звучащую за кулисами, ариозо и собственно мелодекламацию, когда чтение поэтического текста и оркестровое звучание разворачиваются двумя непрерывными и взаимосвязанными пластами».⁵⁹ А. Н. Глумов считал, что «Кавказский пленник» «представляет собой вполне завершенную композицию, очень цельную и стройную по своему плану одноактную музыкально-драматическую пьесу, скомпонованную по поэме Пушкина. Композитор взял за основу только вторую ее часть, объединив в одну сцену две встречи черкешенки и пленника. Алябьев подошел к тексту Пушкина с величайшим пиете-

⁵⁷ Вишнеvский В. Пушкин в опере. С. 68.

⁵⁸ Иванов М. М. Пушкин в музыке. С. 28.

⁵⁹ История русской музыки. М., 1988. Т. 5. С. 77.

том, не добавив от себя ни единого слова; ради усиления внутреннего напряжения и большей действенности он позволил себе сделать лишь одну купюру четырнадцати стихов в повествовательном монологе пленника».⁶⁰

В 1850-е гг. в Петербурге исполнялась в отрывках неоконченная опера молодого композитора В. Н. Кашперова «Цыгане» на либретто Н. П. Огарева. В специальной литературе имеется только упоминание В. Е. Вишневого: «Самая первая опера Кашперова ничего интересного и ценного дать не могла. Сумма общих мест — вот ее содержание».⁶¹

Опера в 4 действиях «Мария» украинского композитора П. П. Сокальского (либретто композитора) была окончена в 1859 г.; в опере широко использовались украинские, русские и польские народные напевы. «В сюжете Сокальский, как это нередко бывает с русскими композиторами, столкнулся с бароном Б. А. Фитингофом-Шелем, „Мазепа” которого как раз в 1859 году ставился на Мариинской сцене. Сокальскому пришлось переменить заглавие и изменить некоторые подробности своей оперы. В новом виде она явилась (в 1860 году) под именем „Марии”, но света рампы, — если я не ошибаюсь, — все-таки не увидела. (...) Существует ли еще партитура этой оперы, или она исчезла с лица земли — мне не известно».⁶² В. Е. Вишневицкий вообще не считал ее достойной внимания.⁶³ «Все внимание (в опере. — С. Д.) заострено не на любовно-лирических коллизиях, а на конфликтах гражданского, общественного порядка».⁶⁴ Мария выступает как персонаж, который противопоставляет свои личные интересы интересам своего народа, родины, семьи, за что и несет наказание.

Упомянем об опере в 3 действиях «Мария Потоцкая» (1869) чешского композитора Л. Э. Мехура по либретто И.-Ю. Колара на сюжет «Бахчисарайского фонтана»; премьера состоялась 13 января 1871 г. в Национальном театре в Праге.⁶⁵ Премьера оперы «Лизинька»⁶⁶ хорватского композитора Джованни фон Зайца по либретто И.-Е. Томича состоялась в Пра-

⁶⁰ Глумов А. Музыка в русском драматическом театре. С. 100.

⁶¹ Вишневицкий В. Пушкин в опере. С. 69.

⁶² Иванов М. М. Пушкин в музыке. С. 122—123.

⁶³ Вишневицкий В. Пушкин в опере. С. 70.

⁶⁴ См.: Карышева Т. Из истории украинской музыкальной культуры: П. П. Сокальский // Сов. музыка. 1950. № 4. С. 86.

⁶⁵ Пушкин в музыке: Справочник. С. 21. Об опере см.: Očadlik M. Opery L. E. Měchury // Sb. praci k padesatym narozeniam pr. Z. Neyedleho. Prag, 1928. С. 129—160.

⁶⁶ Издано: Прага, 1878.

ге в 1871 г.⁶⁷ (по другим сведениям — 12 ноября 1878 г. в Аг-
раме⁶⁸).

По либретто В. П. Буренина в 1876 г. намеревался писать оперу «Мазепа» К. Ю. Давыдов;⁶⁹ впоследствии композитор отдал либретто П. И. Чайковскому. Известно также, что на сюжет «Полтавы» предполагали писать оперу А. С. Даргомыжский («Мазепа»⁷⁰) и А. Н. Серов («Полтава», известен только набросок финала).⁷¹ Оперу «Капитанская дочка» задумывал М. П. Мусоргский в 1876 г. (остались только отрывки и наброски).⁷²

На сюжет «Цыган» писал, но не закончил оперу Г. А. Лишин⁷³ (1876); она исполнялась в отрывках. «Композитор взялся приводить ее в порядок, но смерть уже настигла его, и летом того же года он скончался. К „Цыганам“ относится популярнейшая баллада „Она хохотала“, впервые исполнявшаяся Б. Б. Корсовым, давшим ей общерусскую известность. Не было такого концерта в течение десяти, по крайней мере, лет, от второй половины семидесятых годов, где бы баритоны не распевали этого излюбленного для них номера, популярность которого я, говоря искренне, никогда не мог понять, но видел сам лично во всей России. Существует также в печати еще монолог Алеко „Я к вам пришел искать успокоенья“, дуэт Земфиры с Арпадом и известный романс „У ног твоих не забывал“».⁷⁴

«ПУШКИНСКИЕ» СПЕКТАКЛИ НА ДРАМАТИЧЕСКОЙ СЦЕНЕ

Премьера водевиля в 1 действии Н. Я. Яковлевского и А. (Попова) Трепова «Два с полтиной и больше ничего!»⁷⁵ по «Домику в Коломне» состоялась в бенефис (А. А.?) Алексеева 23 и затем 26 сентября 1855 г. в Александринском театре. Эта пьеса — типичный водевиль в прозе со стихотворными куплетами и свадебным концом, сюжет которого построен на обмане с переодеванием и наказании жадной старухи.

⁶⁷ Пушкин в музыке: Справочник. С. 19.

⁶⁸ Вишнеvский В. Пушкин в опере. С. 62.

⁶⁹ См.: Гинзбург Л. К. Ю. Давыдов. М.; Л., 1950. С. 31—35.

⁷⁰ Издан дуэт Кочубея и Орлика «Опять ты здесь»: СПб.: Бессель, 1872. См.: История русской музыки. Т. 6. С. 122; Кюи Ц. Избр. статьи. Л., 1952. С. 241.

⁷¹ Вишнеvский В. Пушкин в опере. С. 65.

⁷² Там же. С. 52, 65.

⁷³ Изданы отрывки: М.: Юргенсон, 6. г.

⁷⁴ Иванов М. М. Пушкин в музыке. С. 94—95.

⁷⁵ ОРиРК СПбГТБ, 1 11 3 95 Цензурное разрешение от 2 сентября 1855 г.

Видимо, особого успеха у публики не было: водевиль ставился всего несколько раз в бенефисы и в дальнейшем не возобновлялся.⁷⁶ «Водевиль под незамысловатым названием „Два с полтиной и больше ничего“ доказывает, что даже из хорошенькой пьесы А. С. Пушкина («Домик в Коломне») можно сделать чрезвычайно плохую шутку и что такая шутка, как бы хорошо ее ни разыграли, останется все-таки плохой. Чтоб доказать такую истину, стоило ли писать пьесу и ставить ее на сцене? Но автор, конечно, глядит на вещи иначе и убежден, что мой отзыв о его произведении — чистейший вздор...» — писал театральным обозревателем «Библиотеки для чтения».⁷⁷

Премьера комедии в 1 действии, 2 картинах в стихах «Граф Нулин»⁷⁸ А. Реймерса состоялась в бенефис актера Л. Л. Леонидова 11 декабря 1857 г. в Александринском театре⁷⁹ и в бенефис режиссера А. И. Пономарева 25 апреля 1858 г. в Малом театре. «Пьеса эта (...) не заключает в себе ничего предосудительного, кроме довольно щекотливого обстоятельства — путешествия Нулина через темную сцену в спальню Натальи Павловны, без которого однако ж обойтись нельзя»,⁸⁰ — отмечалось в цензорском рапорте от 1 ноября 1857 г. Рецензент «Северной пчелы» под псевдонимом «К. П.» писал об этом спектакле: «Давно не случалось нам видеть чего-нибудь более нескладного. Гораздо лучше поступил бы автор, если бы просто переложил в разговоры милую шутку Пушкина, представил даже, как граф Нулин получает пощечину от Натальи Павловны. Напротив, только в первой половине своей комедии следовал он Пушкину, прибавив и тут ненужную роль глупого слуги, но когда начинается ночная сцена, он придумал почти все от себя. Граф Нулин впотьмах уходит на половину Натальи Павловны; камердинер его Пикар входит в гостиную на поиск Параши; тут же является слуга, подозревающий Пикара, между тем ночью, впотьмах возвратился муж Натальи Павловны, и когда граф Нулин, вышедший от нее с зажатою щекою, блуждает по гостиной, ища выхода, он попадает в руки мужу. Пикар попадает в объятия слуги; крик, шум, бегут с разных сторон со

⁷⁶ Спектакль давался в Москве 7 и 21 октября 1855 г. и позднее в Санкт-Петербурге 2 и 16 ноября 1867 г. (запись в суфлерском экземпляре).

⁷⁷ Библиотека для чтения. 1855. Т. 133. Отд. VII: Смесь. С. 149—150.

⁷⁸ ОРиРК СПбГТБ, 1.2.2.80. Изд.: Драматический сборник. СПб., 1858. Т. 2.

⁷⁹ Цензурное разрешение от 1 ноября 1857 г. Спектакли в Петербурге: 20 и 30 декабря 1857 г.

⁸⁰ Цит. по: Инсценировки произведений Пушкина в драматической цензуре. С. 243.

свечами — как будто прежде некому было и осветить барину, возвратившемуся с охоты! Вся эта неестественная, нелепая суматоха оканчивается появлением Наташи Павловны, которая объявляет мужу, что перед ним граф Нулин. Начинаются взаимные извинения. Граф Нулин спешит удалиться вместе с Пикаром, а Наталья Павловна делает замечание мужу, что не должно оставлять жен одних. Таким образом, из веселой остроумной шутки вышла нескладница, имеющая характер пошлого фарса. У Пушкина все остается в наружных формах приличия; в комедии все выходит грубо, нелепо. Не меньше повредил автор своему произведению и тем, что наряду со своими стихами вставил целые тирады стихов Пушкина, которые так же убивают стихи автора комедии, как светлое золото чистую медь. Рак хохотал, видя, что слуга Иван собирается бить Пикара, и этот радостный смех был окончательным приговором пьесы. Несмотря на все искусство таких актеров, как г. Мартынов (слуга), г. Максимов (граф Нулин) *из пьесы вышел нуль!* Плохая пьеса только затрудняет хороших актеров, как, напротив, хорошая, умная, оживляет и увлекает их самих». ⁸¹

Еще по выходе «Повестей Белкина» критик «Северной пчелы» отмечал: «Повесть „Станционный смотритель” удачно изобретена и живо рассказана. Она не растянута, как другие „Повести Белкина”, хотя описание станции и смотрителей тоже очень незанимательно. Оно, может быть, понравилось бы в стихах, если б было оперено летучей рифмою, но в прозе оно вяло, не выразительно, и, — если говорить правду, — скучно». ⁸² Однако инсценировка повести стала одной из самых репертуарных инсценировок Пушкина в театре XIX в. Премьера «Станционного смотрителя», драмы в 3 действиях Н. И. Куликова, состоялась в бенефис В. В. Самойловой 11 февраля 1854 г. в Александринском театре в Петербурге. ⁸³ Сам драматург вспоминал позднее: «Н. А. Коровкин удачно переделал „Барышню-крестьянку”, (...) мой „Станционный смотритель” до сих пор почти 30 лет не сходит с репертуара и казенных, и

⁸¹ Северная пчела. 1857. № 280. 20 дек.

⁸² Р. М. Новые книги // Северная пчела. 1834. № 192.

⁸³ Изд.: Собрание театральных пьес, или Репертуар русской сцены. 1858, кн. 11: Прилож. к журн. «Театральный и музыкальный вестник» (№ 47). Спектакли в Петербурге: 11, 15, 17 февраля, 19 августа, 22 октября 1854 г., 13 января и 24 февраля 1856 г., 10 января 1857 г., 23 мая, 8 сентября, 6 ноября 1858 г., 27 мая, 18 августа, 6 декабря 1859 г., 4 октября, 6 декабря 1860 г., 24 сентября 1861 г., 9 января, 25 февраля 1862 г., 7 декабря 1865 г., 26 и 28 февраля, 10 сентября 1869 г., 26 октября, 2, 9, 26 ноября, 7 декабря 1878 г., 16 ноября 1881 г.; в Москве: 30 апреля, 5 мая и 7 октября 1854 г., 7 мая 1862 г., 29 апреля 1863 г.

частных сцен».⁸⁴ Впрочем, критика и в этот раз обрушилась на очередную пушкинскую инсценировку: «О, переделыватели, переделыватели! Каждый, конечно, очень хорошо помнит прекрасный рассказ Пушкина о том, как молодой человек увез дочь станционного зрителя; как несчастный отец приходил потом в Петербург повидаться со своей дочерью; как возвратился оттуда, глубоко опечаленный и убежденный, что он навсегда потерял свою любимую и единственную дочь; как слабый старик не выносит жестокого удара, — пьет, пьет и умирает, а дочь приезжает поплакать на его могилке. До тех пор пока неизвестный переделыватель строго придерживался повести Пушкина — драма шла порядочно, но человек слаб! Автор новой драмы сочинил развязку — и дело вышло нехорошо. Он заставил станционного зрителя умирать в бреду и мучениях перед зрителями и дочерью, заставил дочь рыдать и метаться и проч., и проч., — все, что творится обыкновенно в дюжинных мелодрамах. Г. Самойлов в роли Самсона Вырина был безукоризненно хорош, и, по справедливости, его талантливому исполнению обязана пьеса некоторым интересом. (...) Личность Дуни (ее исполняла Самойлова. — С. Д.) вышла неинтересной; слезы, раскаяние и другие движения души представлялись какими-то мелодраматическими беспокойствами».⁸⁵

Переделка «Капитанской дочки»⁸⁶ в «семейную хронику» в 9 картинах Д. И. Лобанова вызвала крайне неодобрительную оценку театрального обозревателя «Санкт-Петербургского листка» А. А. Соколова (премьера пьесы состоялась 29 сентября 1875 г. в бенефис (П. И.?) Малышева в Александринском театре): «Вообразите, почтенные читатели, что некий г. Дмитрий Лобанов нашел возможным переделать повесть А. С. Пушкина „Капитанская дочка“, „отжив от нея“ императрицу Екатерину II и Емельку Пугачева. Можете вы себе теперь вообразить, что за драма вышла из всего остального материала? Действующие лица рассказывают содержание повести А. С. Пушкина и иногда действуют. (...) Все остальное состоит из скучнейших разговоров. Словом, „автор“ старался *десятью* картинами доказать, что бездарный человек может исказить даже такую вещь, как „Капитанская дочка“ великого поэта. Если он, собственно, имел это в виду, то он достиг своей цели вполне. (...) Нам могут возразить, что такие лица, как императрица Екатерина II, с од-

⁸⁴ Русская старина. 1881. Т. 31. С. 602.

⁸⁵ Библиотека для чтения. 1854. Т. 124. Отд. VII: Смесь. С. 204—205.

⁸⁶ Сборник театральных пьес Д. И. Лобанова. СПб., 1879. Вып. 2. Спектакли в Петербурге: 29 сентября, 6, 10 и 23 октября, 7 декабря 1875 г.

ной стороны, и мрачный Емелька Пугачев, с другой, еще не могут являться на сцену по условиям цензуры, то у нас есть на это более веские возражения. Зачем же тогда тревожить повесть Пушкина, которая (...) в сценическом отношении только интересна по эпохе, к которой она принадлежит, и по тем *действующим лицам* этой эпохи, еще невозможными на сцене по условиям цензуры. (...) В самом деле, дикое явление! Г. Дмитрию Лобанову будут платить деньги за то, что он опошляет одно из лучших сокровищ русской литературы. (...) Остов „Капитанской дочки“, не имея в себе никаких задатков сценического представления, представит собою непроходимую скуку, лишенную движения, и (...) пьеса может быть забракована просто „по нерасположению сцен“. Я уже не говорю о „невыдержанности характеров“, которые в повести Пушкина очерчены ярко в их действиях и дополнены гениальными штрихами в „описаниях“ поэта». ⁸⁷ Один из современных исследователей придерживается той же точки зрения: «Убогая мелодрама на тему Гринев—Марья Ивановна. (...) Осталась история о сентиментальной любви, лишенная сочного социально-психологического рассмотрения в том реальном плане, как это было сделано в повести Пушкина». ⁸⁸

«Капитанская дочка» А. Б. Креницыной многократно запрещалась. В цензорском рапорте от 5 января 1859 г. указывалось: «Хотя автор, как видно из приданного им Пугачеву характера, не имел намерения представить его в выгодном свете и тем возбудить к нему сочувствие зрителей, но тем не менее не было примера, чтобы на русской сцене когда-нибудь являлся самозванец». ⁸⁹ Пьеса запрещалась и позднее: в 1865 г. и в 1883 г. ⁹⁰ Н. И. Куликов вспоминал: «Одна светская дама читала нам превосходно сочиненную ею драму из „Капитанской дочки“, но, как там выведен был Пугачев, то цензура не дозволила представления драмы». ⁹¹

Другая «переделка» Д. И. Лобанова — «Пиковая дама» ⁹² (1875, впоследствии, в 1879 г., пьеса игралась под названием

⁸⁷ *Театральный нигилист*. Незаконная дочь Дмитрия Лобанова // Санкт-Петербургский листок. 1875. № 172. 1 октября.

⁸⁸ Арденс Н. Н. Драматургия и театр А. С. Пушкина. М., 1939. С. 234.

⁸⁹ Цит. по: Инсценировки произведений Пушкина в драматической цензуре. С. 245.

⁹⁰ Цензурные запрещения от 23 ноября 1865 г. и от 13 мая 1883 г.

⁹¹ Куликов Н. И. Воспоминания о Пушкине и Нащокине // Русская старина. Т. 31. 1881. С. 602.

⁹² Пьеса ставилась на сцене Русского купеческого общества в Петербурге в 1879—1895 гг., а также на сценах провинциальных театров. Издана: Сборник театральных пьес Д. И. Лобанова. СПб., 1879. Вып. 2.

«Картежник»), мелодрама, в которой в пушкинский текст, оставшийся практически без изменений (но переделанный в диалоги), были вкраплены драматические «наслойки» по законам жанра того времени. Например, в действии пятом доктор-психиатр объявляет Лизе: «Могу вас уверить, сударыня, что для душевных потрясений нет лучше лечения, как те же душевные потрясения, например, любовь такой прекрасной особы, которую я имею честь здесь видеть». Разум возвращается к Герману, но ненадолго. При получении от Томского известия о том, что он — побочный сын графини и является причиной смерти матери, Герман снова теряет разум и закалывает себя.

В 1879—1890-х гг. пьеса с успехом шла на провинциальной сцене.

Еще одна переделка Д. И. Лобанова — пьеса в 5 действиях, 10 картинах «Смерть за смерть»⁹³ (в дальнейшем «Владимир Дубровский», «народное предание» из повести А. С. Пушкина в 5 действиях, 6 картинах; 1876 г.⁹⁴) — также мелодраматизирована, как и другие инсценировки этого автора. Например, в финале раненый Дубровский говорит, что должен отомстить Троекурову за своего отца: «Теперь я хочу мстить! Я хочу крови!.. Целое море крови! В нем утоплю свои жертвы и самого себя!». Маша выхватывает кинжал и закалывается: «Ты тоже ранен, Владимир! Ты тоже не переживешь меня!.. Здесь мы не могли быть счастливы, люди разлучали нас, но там... милый мой, там... мы будем вместе...». Троекуров бросается к ней со словами: «Маша! Милая Маша, прости меня, это я погубил тебя!.. Я!».

Драматическое представление в 2 действиях, 5 картинах «Наташа, купеческая дочь, или Жених-разбойник» поставил Е. И. Воронов⁹⁵ для бенефиса своей жены актрисы Вороновой в Александринском театре 4 сентября 1868 г. (в Москве пьеса впервые была играна 7 октября 1876 г. в бенефис М. В. Лендовского в Малом театре).⁹⁶ В цензурском рапорте по поводу

⁹³ Сборник театральных пьес Д. И. Лобанова.

⁹⁴ Цензурное разрешение от 5 марта 1876 г.

⁹⁵ О режиссере Е. И. Воронове, поставившем спектакль, мы читаем в воспоминаниях актера А. А. Нильского: «Воронов мастерски, эффектно и великолепно ставил народные сцены. Под его управлением толпа жила, это были живые лица, принимавшие близкое участие в ходе событий. Все эти картины обыкновенно вызывали общий восторг зрителей и имели огромный успех» (*Нильский А. А. Закулисная хроника*. СПб., 1897. С. 167).

⁹⁶ Пьеса была написана еще в 1853 г. (цензурное разрешение от 14 ноября 1853 г.). Спектакли в Петербурге: 4, 6, 10, 12, 19, 26 сентября, 10 октября, 8 декабря 1868 г., 16 ноября 1869 г.; в Москве: 7, 11, 13, 21, 24 октября 1876 г. В 1890 г. пьеса была подана в цензуру под названием «Наташа» (цензурное разрешение от 22 марта 1890 г.).

этой пьесы отмечалось: «Содержание этой весьма плохой пьесы не противно правилам цензуры, которая, однако ж, признала нужным исключить большую часть второй картины, изображающей разбойничий притон и наполненный отвратительными речами и буйством злодеев».⁹⁷ Рецензент «Театральной газеты» в 1876 г. писал (после бенефиса Лентовского) о том, что пьеса «не понравилась, да и не могла понравиться. Разработка в драматическую фабулу грациозной пушкинской фабулы сделана неряшливо, неумело, хотя работал над ней г. Воронов, бывший режиссер петербургской драматической труппы. Сделал он ее лет двенадцать назад, а шла она только после его смерти, в бенефис жены его, года через четыре или пять после написания. Шла она только два раза, а затем ее сняли с репертуара. Почему г. Лентовский счел нужным оторвать ее в театральных архивах — это Аллах один ведает. Вероятно, польстился заголовком действия? Прошла она так себе».⁹⁸

П. С. Соколов переделал «Арапа Петра Великого»⁹⁹ в драматическое представление в 3 действиях, 6 картинах (1871). Премьера состоялась 25 февраля 1872 г. в Петербурге. В основу пьесы драматург положил неразработанную у Пушкина сюжетную линию «Наташа—Валериан» (в оригинале нам известно только, что героиня в «беспамятстве бредила Валерианом», стрелецким сыном, который воспитывался в доме Гаврилы Афанасьевича). В пьесе Ибрагим из главного действующего лица становится второстепенным — невольной помехой любовному союзу. После необходимых в драме любовных коллизий, Ибрагим узнает о любви героев: «Если царь и желает этого брака, то я с своей стороны не иначе позволил бы себе вступить в него, как уверившись, что сердце будущей моей жены свободно, а так как она уже любит...». В финальной сцене появляются все действующие лица, подают вино и пьют здоровье императора. Валериан же прежде пьет «за здоровье виновника моего счастья, здоровье князя Ибрагима!».

Как видно из обзора, музыкальный театр в рассматриваемый период более активно обращается к Пушкину, нежели драматический. Но только одно произведение остается до настоя-

⁹⁷ Цит по: Инсценировки произведений Пушкина в драматической цензуре. С. 241.

⁹⁸ Театральная газета. 1876. № 89. 8 окт.

⁹⁹ Изд.: «Князь Ибрагим». СПб.: Репертуар, 1901 (литограф. изд.). Спектакли в Петербурге: 25 февраля, 24 и 26 апреля 1872 г. В дальнейшем, судя по цензурным разрешениям, пьеса ставилась в 1874 г. (ценз. разр. от 22 апр. 1874 г.) и в 1901 г. (ценз. разр. от 22 окт. 1901 г.).

шего времени в мировом оперном репертуаре — «Евгений Онегин» Чайковского. Оперы Фитингофа, Ларионова, Лишина и других композиторов «третьего круга» канули в Лету, но имели историко-культурное значение, подготовив почву для оперных шедевров конца XIX в. Знаменателен и тот факт, что зарубежный музыкальный театр в это время использовал, правда в весьма переработанном виде, пушкинские сюжеты. Материалы по сценической истории этих произведений требуют особого изучения.

На драматической сцене пушкинские произведения — преимущественно комедийного плана — привлекаются в основном для бенефисных спектаклей. Однако в 1850—1870-х гг. сочинения Пушкина не были столь ценимы, как при его жизни или в конце XIX в., в годы «пушкинских торжеств». Имя Пушкина на афише не обеспечивало непременно успеха, но, возможно, должно было подчеркнуть «значительность» постановки и привлечь большее число зрителей. Водевиль, комедии, мелодрамы — эти «пушкинские» спектакли — сразу забылись, как только такие жанры перестали быть популярны. И все же сценические интерпретации Пушкина 1850—1870-х гг. впоследствии заняли значимое место на сцене народных театров конца XIX—начала XX в. В данный обзор не включены инсценировки, исполнявшиеся на сцене народных театров.¹⁰⁰ Упомянем здесь только «комико-фантастические сцены» в 3 картинах «Золотая рыбка» (1873) В. Мещерякова, волшебную сказку в 4 действиях и 6 картинах «Руслан и Людмила» (1876), драматическое представление в 3 действиях «Кавказский пленник» (1876), драму в 5 действиях и 7 картинах «Руслан и Людмила» А. Черепанова.

¹⁰⁰ Этой теме в дальнейшем будет посвящена отдельная работа.

ПО МЕТРИЧЕСКИМ КНИГАМ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ

С. И. АФАНАСЬЕВ

«ДРУЗЬЯ МОИ...»

(Новые биографические сведения о лицах пушкинского окружения
из метрических книг петербургских православных храмов
конца XVIII—начала XIX в.)

Общеизвестно, что круг общения А. С. Пушкина был необычайно широк. В него входили родственники и близкие друзья поэта, знакомые, не претендующие на звание его друзей, лица, с которыми его сталкивала судьба в процессе литературной деятельности, на службе, в свете, во время путешествий и поездок по России, в быту и т. д. Многие из этих людей, среди которых встречаются представители всех сословий, от высочайших особ до крепостных крестьян, уже давно привлекают к себе пристальное внимание исследователей. Наиболее полным на сегодняшний день сводом сведений о тех, кому довелось длительное время тесно общаться или иметь лишь мимолетную встречу с великим русским поэтом, является биографический справочник Л. А. Черейского «Пушкин и его окружение», содержащий около 2700 имен.¹ Книга эта в настоящее время широко используется не только пушкинистами, но и широким кругом исследователей, занимающихся изучением истории и культуры России второй половины XVIII—середины XIX в. Но, как и в любой работе такого масштаба, в справочнике Черейского имеются неточности и пробелы. Они нередко встречаются, например, при указании дат рождения, а также и ряда других сведений из биографий лиц пушкинского окружения.

Это связано, в частности, с тем, что в XVIII—первой трети XIX в. в российском законодательстве отсутствовало положение, которое предписывало бы лицам, поступающим на военную или гражданскую службу или в учебные заведения, в обязательном порядке представлять в числе прочих документов (прошения, свидетельства о происхождении) также и метрическое свидетельство с указанием точной даты и места рождения.

¹Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1988. С. 8. Первое издание (2500 имен) вышло в 1975 г.

Соответствующий закон «О требовании от поступающих на службу людей свидетельств из метрических книг о времени рождения» был принят только 31 января 1831 г. и то лишь после последовавшего 22 января 1831 г. высочайшего указа императора Николая I. В нем предписывалось «...постановить правилом, чтобы при определении на службу вновь поступающих в оную людей, требуемо было от каждого свидетельство из метрических книг о времени его рождения, и на основании такового... показываемы были в самом формуляре число, месяц и год рождения».²

До появления этого закона предоставление метрического свидетельства не было обязательным. Вполне достаточно было при подаче прошения о зачислении на службу или в учебное заведение указать в нем лишь полное число лет просителя на момент его подачи. Это позволяло родителям или опекунам ребенка при необходимости (в зависимости от его физического и интеллектуального развития, уровня полученного им дома образования и т. п.) без труда прибавить или убавить ему год-два, а то и больше. Подобные манипуляции с изменением возраста детей были широко распространены в дворянской среде и, судя по всему, не считались чем-то недозволенным и предосудительным, тем более что в указанный период главным личным праздником, гораздо более значимым для православного россиянина, чем день рождения, считался день его ангела — именины.

Так, например, родители будущего выдающегося исследователя Дальнего Востока адмирала Г. И. Невельского, родившегося в 1813 г., при подаче в 1829 г. прошения об определении сына кадетом в Морской корпус убавили ему один год. Впоследствии, уже в зрелом возрасте, Невельский стал указывать в документах подлинную дату своего рождения, но тем не менее в некоторых справочных изданиях, а также и на памятнике-надгробии флотоводца-исследователя указан неверный год его рождения — 1814-й.³

В результате пренебрежительного отношения к дате своего рождения некоторые современники Пушкина вообще очень плохо представляли, когда появились на свет Божий. Пример тому — декабрист, мичман Гвардейского экипажа Александр Петрович Беляев. Он уверенно знал то, что родился в Петер-

² Полн. свод законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 6. 1831. Отд. I. СПб., 1832. С. 116. № 4513.

³ См.: Алексеев А. И. Геннадий Иванович Невельский (1813—1876). М., 1984. С. 25—26.

бурге, но практически всю свою долгую жизнь считал, судя по прошению о приеме его в Морской корпус, что родился в 1803 г., о чем впоследствии и поведал в самом начале своих воспоминаний.⁴ Он так и не узнал, что на самом деле родился 22 июня 1802 г., о чем свидетельствует запись в метрической книге петербургской церкви Сергия Радонежского Чудотворца, что при Артиллерийских слободах.⁵

Но еще большее удивление может вызвать пример изменения даты своего рождения непосредственно перед выпуском из того же Морского корпуса еще одного декабриста, мичмана Гвардейского экипажа Василия Абрамовича Дивова. При поступлении в корпус в 1814 г. он в отличие от многих среди прочих документов представил и свидетельство о рождении, согласно которому он родился 25 июля 1805 г. Свидетельство было написано на гербовой бумаге, скреплено подписями двенадцати свидетелей — представителей казанского дворянства, подписью священника, лично крестившего Василия Дивова в Макарьевской церкви города Казани, пронумеровано и заверено подписью полицейского чиновника и печатью Казанской полиции.⁶ Успешно пройдя курс обучения в корпусе, он в начале 1821 г. был представлен к производству в офицеры. Однако при составлении в канцелярии «Списка приутоговляющихся ныне к выпуску во флот в мичмана» вдруг выяснилось, что гардемарину Василию Дивову только пятнадцать с половиной лет и до 17 лет — цензового возраста для производства в офицеры — не достаёт целых полутора лет.⁷ Казалось, положение безвыходное. Однако на помощь юноше пришел дядя, сенатор П. Г. Дивов. В деле о производстве гардемарин в офицеры в 1821 г. сохранился любопытный документ — его собственноручная записка на четвертушке гербовой бумаги следующего содержания:

«№ 95-й 25 Генваря 1821 г.

1821 года, генваря 25 дня Я нижеподписавшийся сим свидетельствую что родной мой племянник Морского Кадетского Корпуса Гардемарин Василий Дивов, действительно родился Тысяча восемь Сот Третьяго года в Декабре месяце.

Тайный советник Сенатор и Кавалер Павел Дивов».⁸

⁴ РГА ВМФ, ф. 432, оп. 5, д. 1892, л. 1—2; *Беляев А. П.* Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. 1805—1850. СПб., 1882. С. 5.

⁵ См.: *Афанасьев С. И.* Православные храмы Петербурга — памятные декабристские места // МЪРА. 1996. № 1. С. 276.

⁶ РГА ВМФ, ф. 432, оп. 5, д. 1906, л. 2—2 об.

⁷ Там же, оп. 1, д. 1653, л. 87 об.

⁸ Там же, д. 1675, л. 85.

Эта записка стала решающей в судьбе племянника почтенного государственного мужа: она была подшита к делу в качестве официального документа, дата рождения племянника в списке выпускников была исправлена, а в одночасье повзрослевший сразу на полтора года Василий Дивов благополучно сдал выпускные экзамены и высочайшим приказом от 2 марта 1821 г. произведен в мичманы флота.⁹

Приведенные выше примеры наглядно показывают, что при установлении истинных дат рождения людей, появившихся на свет в XVIII—первой четверти XIX в., полностью доверять можно только подлинным записям в церковных метрических книгах. Конечно, и в них время от времени встречаются досадные огрехи. Но, как правило, это пропущенные или до неузнаваемости искаженные фамилии или имена новорожденных, их отцов, восприемников. Случаи же пропуска в записях дат рождения и крещения новорожденных настолько редки, что вероятность их определения практически равна нулю. Но что самое важное — все встречающиеся в метрических книгах огрехи сделаны случайно, а не с намерением, как в приведенных выше примерах.

Кроме дат рождения из метрических книг можно почерпнуть и другую полезную информацию о новорожденном, его отце и восприемниках от купели. Прежде всего, установление места рождения; во-вторых, дату крещения новорожденного; в-третьих, название церкви и ее местоположение в городе или принадлежность к определенному учреждению или ведомству; в-четвертых, порядковый номер актовой записи; в-пятых, краткие сведения об отце на момент рождения ребенка: чин, место службы, титул (если имеется), имя и отчество (нередко только имя); такие же сведения о восприемниках и, кроме того, имена священников, крестивших новорожденного. Эти сведения, без сомнения, могут быть полезны исследователям, занимающимся генеалогией, а также краеведам.

Ниже в алфавитном порядке фамилий приведены 103 краткие справки с основными сведениями о рождении и крещении лиц из окружения А. С. Пушкина. Все они составлены по единой схеме, состоящей из следующих позиций.

1. Фамилия новорожденного (у вышедших впоследствии замуж новорожденных девочек приводится фамилия по мужу, а затем в круглых скобках — девичья фамилия), имя, отчество, титул (если имеется).

⁹ Там же, л. 127.

2. Даты рождения и крещения (числа, месяц (месяцы), год), полное название церкви, в которой состоялось крещение, а также в круглых скобках порядковый номер актовой записи в 1-й части «О родившихся» метрической книги. В том случае если в церкви регистрация новорожденных младенцев мужского и женского пола велась раздельно, то после номера проставлены соответственно строчные буквы «м» или «ж».

3. Краткие сведения об отце.

4. Краткие сведения о воспитанниках.

5. В квадратных скобках после буквы Ч указывается страница, на которой в справочнике Л. А. Черейского (2-е изд.) помещена биографическая справка или приведены сведения о данном лице, а затем после двоеточия дата его рождения, приведенная составителем.

Поскольку все представленные в публикации лица родились в Петербурге, за исключением единственного уроженца Москвы А. С. Мельгунова, то место их рождения в справках не приводится.

В примечаниях приводится информация о местонахождении метрических записей: названия архивов и номера фондов.

Андреевский Владимир Тимофеевич. Родился 5 и крещен 21 августа 1796 г. в церкви Святых и праведных Захария и Елисаветы, что в доме бывшей полиции (А. з. № 42). Отец: Иностранной коллегии надворный советник Тимофей Андреевский. Восприемники: Адмиралтейской коллегии секунд-майор и кавалер Степан Заварчевский; Санкт-Петербургской портовой таможи поручика Михаила Курочкина дочь, девица Евдокия. [Ч-15: 5.VIII.1792].¹

Андро (урожд. Оленина) Анна Алексеевна. Родилась 8 и крещена 28 августа 1807 г. в церкви Успения Пресвятой Богородицы, что на Сенной (А. з. № 273). Отец: действительный статский советник Алексей Николаевич Оленин. Восприемники: генерал-майор Александр Дмитриевич Сухарев; помянутого Оленина сестра родная Варвара Николаевна. [Ч-305: 11.VIII.1807].²

Апрелев Александр Федорович. Родился 8 и крещен 17 октября 1798 г. в церкви Преподобного Сергия Радонежского Чудотворца, что при Артиллерийских слободах (А. з. № 147). Отец: от артиллерии полковник и кавалер Федор Иванович Апрелев. Восприемники: от артиллерии поручик Алексей Львов; генерал-поручица Екатерина Петровна Шамшева. Коллежская ассессорша вдова Анна Ивановна Львова. [Ч-18: 1798].³

Бакунин Илья Модестович. Родился 6 и крещен 20 января 1801 г. в церкви Святого апостола Андрея Первозванного, что на Васильевском острове (А. з. № 8). Отец: камергер Модест Петрович Бакунин. Восприемники: Морского кадетского корпуса генерал-майор Логин Иванович [Голенищев-] Кутузов; умершего действительного тайного советника Петра Васильевича Бакунина дочь, девица Елена Петровна. [Ч-23: 1800].⁴

Бакунин Николай Модестович. Родился 15 и крещен 25 мая 1798 г. в церкви Святого апостола Андрея Первозванного, что на Васильевском острове (А. з. № 65 м). Отец: отставной камергер Модест Петрович Бакунин. Восприемники: Морского кадетского корпуса генерал-майор Логин Иванович [Голенищев-] Кутузов; умершего генерал-поручика Петра Васильевича Бакунина дочь, девица Елена Петровна. [Ч-23: 1801].⁵

Башмакова (урожд княжна **Суворова**) **Варвара Аркадьевна**. Родилась 16 и крещена 26 марта 1803 г в Исаакиевском соборе (А з № 31 ж) Отец князь Аркадий Александрович Суворов Восприемники обер-камергер Александр Львович Нарышкин, графа Ивана Антоновича Салугубова (sic!) жена Наталья Львовна [Ч-31 1785] ⁶

Бестужев (псевд Марлинский) **Александр Александрович**. Родился 1 и крещен 4 ноября 1797 г в церкви Рождества Христова, что на Песках (А з № 131) Отец артиллерии майор Александр [Федосеевич] Бестужев Восприемники артиллерии майор Вилим Берх, княгиня Авдотья Мышенская [Ч-37 23 X 1797] ⁷

Бестужев Павел Александрович. Родился 7 июля и крещен 4 августа 1806 г в Андреевском соборе, что на Васильевском острове (А з № 78 м) Отец статский советник Александр Федосеевич Бестужев Восприемники статский советник Андрей Александрович Игнатъев, господина Бестужева дочь, девица Елена Александровна [Ч-38 1808] ⁸

Бестужев Петр Александрович. Родился 8 и крещен 15 апреля 1803 г в Андреевском соборе, что на Васильевском острове (А з № 34 м) Отец Мраморной экспедиции графа Александра Сергеевича Строганова, его канцелярии бригадир Александр Федосеевич Бестужев Восприемники Правительствующего Сената обер-секретарь Сергей Александрович Игнатъев Бестужева дочь, девица Елена [Ч-38 1804] ⁹

Бобринская (урожд графиня **Самойлова**) **Софья Александровна**, графиня Родилась 8 ноября 1797 г и в тот же день крещена в Исаакиевском соборе (А з № 73 ж) Отец граф Александр Николаевич Самойлов Восприемница генерал-поручика Льва Денисьевича Давыдова супруга Екатерина Николаевна [Ч-42 4 X 1797] ¹⁰

Бобринский Василий Алексеевич, граф Родился 14 января и крещен 13 февраля 1803 г в Исаакиевском соборе (А з № 16 м) Отец граф Алексей Григорьевич Бобринский Восприемники генерал-майор Иван Иванович Михельсон, графа Владимира Григорьевича Орлова супруга Елизавета Ивановна [Ч-42 13 I 1804] ¹¹

Борх (урожд **Лаваль**) **Софья Ивановна**. Родилась 26 мая 1809 г и в тот же день крещена в Исаакиевском соборе (А з № 100) Отец действительный камергер Иван Степанович Лаваль Восприемница умершего действительного статского советника Григория Васильевича Козицкого жена, вдова Екатерина Ивановна [Ч-47 11 V 1809] ¹²

Бутурлин Петр Дмитриевич, граф Родился 8 и крещен 11 июня 1794 г в церкви Святых и праведных Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы, что в Моховой (А з № 80) Отец граф Дмитрий Петрович Бутурлин Восприемники граф Артемий Иванович Воронцов, князя Юрия Владимировича Долгорукова супруга Екатерина Александровна [Ч-55 1784] ¹³

Бутурлин Петр Дмитриевич. Родился 26 и крещен 29 апреля 1826 г в Казанском соборе (А з № 57) Отец генерал-майор и кавалер Дмитрий Петрович Бутурлин Восприемники генерал-лейтенант и кавалер Иларий Васильевич Васильчиков, [умершего] тайного советника Камбурлея супруга, вдова Анна Андреевна Камбурлей [Ч-55 1826] ¹⁴

Бухарина (урожд **Полторацкая**) **Елизавета Федоровна**. Родилась 22 октября 1789 г и крещена [?] в церкви Святых и праведных Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы, что в Моховой (А з № 110) Отец лейб-гвардии Преображенского полка капитан-поручик Федор Маркович Полторацкий Восприемники Иностранной коллегии подполковник Дмитрий Маркович Полторацкий, коллежского советника Александра Григорьевича Демидова жена Мария Матвеевна [Ч-56 1789] ¹⁵

Васильчикова (урожд **Пашкова**) **Татьяна Васильевна**. Родилась 8 и крещена 11 августа 1793 г в церкви Входа Господня во Иерусалим, что у Лигова канала (А з № 138) Отец подполковник Василий Александрович Пашков Восприемник Конной гвардии вице-ротмистр Алексей Пашков [Ч-61 1793] ¹⁶

Волков Александр Александрович. Родился 23 и крещен 27 апреля 1779 г. в церкви Вознесения Господня, что при Адмиралтейских слободах (А. з. № 99). Отец: статский советник Александр Андреевич Волков. Восприемник: генерал-майор Аполлон Андреевич Волков. [Ч-73: 17.IV.1779].¹⁷

Волконская Варвара Михайловна, княжна. Родилась 5 и крещена 9 августа 1780 г. в церкви Святого великомученика и целителя Пантелеймона, что при бывшей Партикулярной верфи (А. з. № 72). Отец: лейб-гвардии Конного полка ротмистр князь Михаил Петрович Волконский. Восприемники: лейб-гвардии Преображенского полка капитан-поручик князь Александр Волконский; умершего статского советника князя Василия Мануйлова дочь, девица княжна Мария Васильевна. [Ч-74: 1781].¹⁸

Волконская (урожд. княжна **Волконская**) **Софья Григорьевна,** светлейшая княгиня. Родилась 21 и крещена 26 августа 1785 г. в церкви Святой великомученицы Екатерины, что в Екатерингофе (А. з. № 131). Отец: князь Григорий Семенович Волконский. Восприемники: князь Александр Борисович Куракин; князя Николая Васильевича Репнина жена Наталья Алексеевна. [Ч-75—76: 19.VIII.1786].¹⁹

Всеволожский Никита Всеволодович. Родился 22 и крещен 24 февраля 1799 г. в церкви Рождества Пресвятой Богородицы, что при Невской перспективе (А. з. № 16). Отец: отставной Конной гвардии ротмистр Всеволод Андреевич Всеволожский. Восприемники: отставной полковник Борис Александров; штабмейстера Ардалиона Александровича Тарсукова жена Екатерина Васильевна. [Ч-82—83: 17.II.1799].²⁰

Гагарин Федор Федорович, князь. Родился 6 и крещен 12 ноября 1788 г. в церкви Владимирской Пресвятой Богородицы, что в Придворных слободах (А. з. № 267). Отец: лейб-гвардии Семеновского полка капитан Федор Сергеевич Гагарин. Восприемники: князь Григорий Александрович Вяземский; Анна Никитична Нарышкина. [Ч-91: 1.XI.1787].²¹

Ганнибал Александр Павлович. Родился 1 и крещен 9 октября 1799 г. в церкви Преподобного Сергия Радонежского Чудотворца, что при Артиллерийских слободах (А. з. № 185). Отец: морского флота капитан Павел Ганнибал. Восприемники: отставной капитан Исаак Ганнибал и коллежский ассессор Петр Данилов; вдовствующая княгиня Мария Матвеевна Кантакузина и полковница Анна Адамовна Шкурина.²²

Ганнибал Александр Петрович. Родился 18 и крещен 23 апреля 1781 г. в церкви Преподобного Сергия Радонежского Чудотворца, что при Артиллерийских слободах (А. з. № 50). Отец: артиллерии подполковник Петр Абрамович Ганнибал. Восприемники: генерал-поручик и кавалер Иван Абрамович Ганнибал; отставного подполковника Григория Данстера [Данненстерна] дочь, девица Александра Григорьевна.²³

Ганнибал Александр Яковлевич. Родился 27 сентября и крещен 1 октября 1797 г. в церкви Преподобного Сергия Радонежского Чудотворца, что при Артиллерийских слободах (А. з. № 141). Отец: флота мичман Яков Ганнибал. Восприемники: отставной полковник Александр Вындомский; надворного советника Михаила Офросимова жена Прасковья Андреевна.²⁴

Ганнибал Александра Исаковна. Родилась 17 и крещена 18 мая 1787 г. в церкви Благовещения Пресвятой Богородицы, что на Васильевском острове (А. з. № 73). Отец: флота артиллерии капитан Исаак Абрамович Ганнибал. Восприемники: инженер-прапорщик Павел Семенович Неелов; надворная советница Екатерина Исуповна Суботина.²⁵

Ганнибал Александра Петровна. Родилась 9 и крещена 22 января 1786 г. в церкви Преподобного Сергия Радонежского Чудотворца, что при Артиллерийских слободах (А. з. № 13). Отец: генерал-майор Петр Абрамович Ганнибал. Восприемники: генерал-поручик Иван Абрамович Ганнибал; вдовствующая госпожа майорша Мария Алексеевна Ганнибалова.²⁶

Ганнибал Анна Исаковна. Родилась 8 и крещена 13 марта 1793 г. в церкви Преподобного Сергия Радонежского Чудотворца, что при Главной артиллерии

(А з № 39) Отец генерал-майор Исаак Абрамович Ганнибал Восприемники генерал-поручик и кавалер Иван Абрамович Ганнибал, госпожа Федосья Ивановна Елагина ²⁷

Ганнибал Вениамин Петрович. Родился 1 и крещен 6 мая 1780 г в церкви Преподобного Сергия Радонежского Чудотворца, что при Артиллерийских слободах (А з № 43) Отец артиллерии подполковник Петр Абрамович Ганнибал Восприемники морского флота капитан Исаак Абрамович Ганнибал, от армии отставного подполковника Григория Григорьевича Данстера [Данненстерна] жена Анна Филипповна [Ч-94 1780] ²⁸

Голицын Сергей Сергеевич, князь Родился 21 и крещен 25 февраля 1783 г в Преображенском соборе (А з № 40) Отец лейб-гвардии Преображенского полка премьер-майор Сергей Федорович Голицын Восприемники того же полка подполковник Григорий Александрович Потемкин, Двора Ее Императорского Величества фрейлина, девица Татьяна Васильевна Потемкина [Ч-111 17 II 1783] ²⁹

Голицына (урожд графиня **Кутайсова**) **Александра Павловна,** княгиня Родилась 2 и крещена 3 мая 1802 г в церкви Спаса Нерукотворного Образа, что при Главном Императорском конюшенном дворе (А з № 43) Отец граф Павел Иванович Кутайсов Восприемники светлейший князь Петр Васильевич Лопухин, генерал-аншефа Ивана Павловича Кутайсова жена Анна Петровна [Ч-108 1804] ³⁰

Давыдов Василий Львович. Родился 7 и крещен [?] марта 1780 г в церкви Вознесения Господня, что при Адмиралтейских слободах (А з № 49) Отец придворный флигель-адъютант Лев Денисович Давыдов Восприемники кавалер и сенатор Николай Борисович Самуйлов, Двора Ее Величества фрейлина Александра Васильевна Кострова [Ч-125—126 1792] ³¹

Давыдов Петр Львович. Родился 22 и крещен 25 июня 1781 г в церкви Вознесения Господня, что при Адмиралтейских слободах (А з № 124) Отец Драгунского пикинерного полка полковник Лев [Денисович] Давыдов Восприемники его высокопревосходительство Николай Борисович Самуйлов, придворная фрейлина Александра Васильевна [Энгельгардт (?)] [Ч-128 1782] ³²

Дельви́г (урожд **Салтыкова**) **Софья Михайловна.** Родилась 9 и крещена 11 октября 1806 г в церкви Спаса Нерукотворного Образа, что при Главном конюшенном дворе (А з № 169) Отец действительный камергер и кавалер Михаил Александрович Салтыков Восприемники сын его Михаил Михайлович Салтыков, умершего майора Франца Ивановича М[нерзб] жена, вдова Мария Крестьяновна [Ч-135 20 I 1806] ³³

Дурново (урожд княжна **Волконская**) **Александра Петровна.** Родилась 1 и крещена 21 июня 1804 г в церкви Святого великомученика и целителя Пантелеймона, что при бывшей Партикулярной верфи (А з № 46) Отец генерал-адъютант князь Петр Михайлович Волконский Восприемники князь Александр Борисович Куракин, генерал-майора Дмитрия Петровича Волконского жена Екатерина Алексеевна [Ч-74 7 VII 1804] ³⁴

Есаков Семен Семенович. Родился 27 и крещен [?] декабря 1797 г в церкви Благовещения Пресвятой Богородицы, что при доме умершего Ивана Ивановича Бецкого (А з № 18) Отец отставной от армии капитан Семен Иванович Есаков Восприемник сын его Дмитрий [Ч-153 1798] ³⁵

Завадовский Александр Петрович, граф Родился 29 и крещен 30 октября 1794 г в Исаакиевском соборе (А з № 189) Отец граф Петр Васильевич Завадовский Восприемник граф Александр Андреевич Безбородко [Ч-159 1794] ³⁶

Завадовский Василий Петрович, граф Родился 21 и крещен 31 июля 1798 г в Исаакиевском соборе (А з № 50 м) Отец граф Петр Васильевич Завадовский Восприемник граф Александр Петрович Завадовский [Ч-159 15 VII 1799] ³⁷

Завалиевский Никита Степанович. Родился 9 и крещен 21 апреля 1799 г в Морском Богоявленском соборе (А з № 103) Отец [петербургский] вице-губернатор Степан Никитич Завалиевский Восприемники надворный советник Михалевич, полковника Гарновского жена Матрона Борисовна [Ч-160 ок 1797] ³⁸

Зубова (урожд. княжна **Щербатова**) **Наталья Павловна**. Родилась 1 и крещена 6 июля 1801 г. в Преображенском соборе (А. з. № 23). Отец: камергер князь Павел Щербатов. Восприемники: Ее Императорское Величество Мария Феодоровна. [Ч-167: 30.VII.1801].³⁹

Керн Ольга Ермолаевна. Родилась 7 и крещена 9 июля 1826 г. в церкви Вознесения Господня, что при Адмиралтейских слободах (А. з. № 265). Отец: генерал-майор Ермолай Федорович Керн. Восприемник: генерал-майор Федор Петрович Базин. [Ч-190: VII.1826].⁴⁰

Комовский Василий Дмитриевич. Родился 6 и крещен 8 ноября 1803 г. в церкви Святого великомученика Пантелеймона (А. з. № 94). Отец: надворный советник Дмитрий Григорьевич Комовский. Восприемники: Василий Назарович Каразин; придворного камер-фурьера Петра Антоновича Гвоздева жена Аниманида Ивановна. [Ч-202—203: 8.XI. 1803].⁴¹

Коновницын Петр Петрович. Родился 14 и крещен 18 октября 1803 г. в церкви Владимирской Пресвятой Богородицы, что в Придворных слободах (А. з. № 234). Отец: генерал-майор Петр [Петрович] Коновницын. Восприемники: князь Никита Иванович Дондуков-Корсаков; умершего генерал-поручика Петра Коновницына жена Анна Еремеевна. [Ч-203: 1802].⁴²

Корнилов Александр Алексеевич. Родился 13 и крещен 19 мая 1801 г. в церкви Святой Живоначальной Троицы, что в Галерной гавани (А. з. № 65). Отец: капитан 1-го ранга Алексей [Михайлович] Корнилов. Восприемник: капитан-лейтенант Тимофей [Ефремович] Фан-дер-Флит. [Ч-205: 28.IV.1801].⁴³

Корф Модест Андреевич, барон. Родился 7 и крещен 12 сентября 1800 г. в церкви Святого апостола Андрея Первозванного, что на Васильевском острове (А. з. № 126 м). Отец: Юстиц-коллегии вице-президент барон [Генрих (Андрей) Ульрих Казимир] Корф. Восприемники: Правительствующего Сената сенатор Александр Александрович Саблуков; Адмиралтейской коллегии президента Ивана Логиновича [Голенищева]-Кутузова жена Авдотья Ильинична. [Ч-207: 11.IX.1800].⁴⁴

Корф (урожд. **Корф**) **Елизавета Андреевна**, баронесса. Родилась 11 и крещена 26 февраля 1804 г. в Андреевском соборе, что на Васильевском острове (А. з. № 18 ж). Отец: действительный статский советник, Юстиц-коллегии вице-президент барон Андрей Корф. Восприемники: действительный тайный советник, сенатор и кавалер Александр Александрович Саблуков; умершего адмирала Ивана Логиновича [Голенищева]-Кутузова жена, вдова Евдокия Ильинична. [Ч-207: 8.II.1804].⁴⁵

Краевский Александр Петрович. Родился 16 февраля и крещен 6 марта 1803 г. в церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы, что в лейб-гвардии Семёновском полку (А. з. № 19 м). Отец: коллежский ассессор Петр Краевский. Восприемники: действительный тайный советник, сенатор и кавалер князь Иван Андреевич Шаховской; умершего голаштинского военного советника Кацарева супруга Дарья Павловна. [Ч-212: 1801].⁴⁶

Лаваль Владимир Иванович, граф. Родился 2 и крещен 14 февраля 1804 г. в Исаакиевском соборе (А. з. № 19 м). Отец: действительный камергер Иван Степанович Лаваль. Восприемники: князь Александр Михайлович Белосельский [-Белозерский]; вдовствующая статская советница Екатерина Ивановна Козицкая. [Ч-226: 1804].⁴⁷

Лихарева (урожд. **Бороздина**) **Екатерина Андреевна**. Родилась 20 и крещена 30 июня 1807 г. в церкви Владимирской Пресвятой Богородицы, что в Придворных слободах (А. з. № 170). Отец: генерал-лейтенант Андрей Михайлович Бороздин. Восприемники: камергер и кавалер Петр Давыдов; генерал-майорша Екатерина Николаевна Давыдова. [Ч-46: дата отсутствует].⁴⁸

Лобанов-[Ростовский] Иван Александрович, князь. Родился 2 сентября 1788 г. и в тот же день крещен в церкви Вознесения Господня, что при Адмиралтейских слободах (А. з. № 24). Отец: князь Александр Иванович Лобанов-[-Ростовский]. Восприемники: князь Александр Борисович Куракин; новорожденного младенца бабушка Настасья Александровна Маслова. [Ч-239: 1789].⁴⁹

Лодыгин Федор Михайлович. Родился 1 и крещен 5 сентября 1799 г. в церкви 1-го Кадетского корпуса [во имя Св. Иоанна Предтечи] (А. з. № 21 м). Отец: подполковник Михаил [Степанович] Лодыгин. Восприемники: Санкт-Петербургского почтамта статский советник и кавалер Николай Игнатьевич Калинин. [Ч-239—240: 15.VI. 1799].⁵⁰

Ломоносов Александр Григорьевич. Родился 25 декабря 1805 г. и крещен 13 марта 1806 г. в Исаакиевском соборе (А. з. № 24 м). Отец: генерал-майор Григорий Гаврилович Ломоносов. Восприемники: Военных сухопутных сил министр Сергей Кузьмич Вязмитинов; князя Дмитрия Петровича Волконского жена, княгиня Екатерина Алексеевна. [Ч-240: дата отсутствует].⁵¹

Малиновская (урожд. Пушина) Мария Ивановна. Родилась 3 и крещена 18 марта 1795 г. в церкви Святой Живоначальной Троицы, что в Галерной гавани (А. з. № 29). Отец: гребного флота капитан над портом и кавалер Иван [Петрович] Пущин. Восприемники: адмирал Петр Иванович Пущин; барона [вице-адмирала] Ивана Ивановича Черкасова жена Елизавета [Михайловна] Черкасова. [Ч-250, 355: дата отсутствует].⁵²

Малиновский Андрей Васильевич. Родился 17 и крещен 20 марта 1804 г. в церкви Владимирской Пресвятой Богородицы, что в Придворных слободах (А. з. № 12). Отец: коллежский советник Василий [Федорович] Малиновский. Восприемники: академик Дмитрий Левицкий; Малиновского [В. Ф.] дочь, девица Елисавета. [Ч-250: ок. 1805].⁵³

Малиновский Иосиф Васильевич. Родился 24 и крещен 26 марта 1807 г. в церкви Владимирской Пресвятой Богородицы, что в Придворных слободах (А. з. № 97). Отец: статский советник Василий [Федорович] Малиновский. Восприемники: генерал-инженер Иван Иванович Князев; означенного [В. Ф.] Малиновского дочь Елизавета. [Ч-250: 1806].⁵⁴

Мартос Петр Иванович. Родился 14 и крещен 16 февраля 1794 г. в церкви Сошествия Святого Духа при Академии художеств (А. з. № 1). Отец: Академии художеств профессор Иван Петрович Мартос. Восприемники: киевский дворянин Иван Романович Мартос; придворного камер-лакея Льва Щедрина дочь, девица Параскева Львовна. [Ч-254: 18.II.1794].⁵⁵

Мельгунов Алексей Степанович. Родился 10 сентября 1796 г. в Москве. Отец: бригадир Степан Григорьевич Мельгунов. [Ч-259: дата отсутствует].⁵⁶

Мещерский Александр Васильевич, князь. Родился 7 и крещен 12 апреля 1810 г. в Андреевском соборе (А. з. № 68). Отец: титулярный советник князь Василий Прокофьевич Мещерский. Восприемники: отставной майор князь Иван Сергеевич Мещерский; генеральша Елизавета Александровна Пальменбах. [Ч-262: 7.III.1810].⁵⁷

Михайловский-Данилевский Александр Иванович (урожд. Данилевский). Родился 11 и крещен 16 сентября 1790 г. в церкви Успения Пресвятой Богородицы, что на Сенной (А. з. № 207). Отец: надворный советник Иван Лукьянович Данилевский. Восприемники: надворный советник Яков Иванович Хорошкевич; коллежского советника и кавалера Михаила Васильевича Добровольского жена Анна Ивановна. [Ч-266: 26.VIII. 1790].⁵⁸

Муравьев Артамон («Артемий») Захарович. Родился 12 и крещен 15 октября 1793 г. в церкви Святых бессребреников и Чудотворцев Козьмы и Дамиана, что при артиллерийском лазарете (А. з. № 27). Отец: артиллерии 2-го бомбардирского батальона капитан Захар [Матвеевич] Муравьев. Восприемники: Правительствующего Сената сенатор и генерал-майор Никита [Артамонович] Муравьев; полковника пехотного гренадерского полка жена Анна Никитична NN. [Ч-272: 1794].⁵⁹

Муравьев (Карский) Николай Николаевич. Родился 2 и крещен 6 августа 1794 г. в церкви Благовещения Пресвятой Богородицы, что на Васильевском острове (А. з. № 77 м). Отец: Морского флота капитан-лейтенант Николай Николаевич Муравьев. Восприемники: генерал-майор Александр Александрович Саблуков; умершего генерал-майора Александра Андреевича Волкова жена Екатерина Даниловна. [Ч-272—273: 14.VII.1794].⁶⁰

Муравьева (урожд. графиня **Чернышева**) **Александра Григорьевна**. Родилась 2 и крещена 10 июня 1800 г. в церкви Успения Пресвятой Богородицы, что на Сенной (А. з. № 94). Отец: граф Григорий Иванович Чернышев. Восприемники: графа Ивана Петровича Салтыкова сын Петр; вдовствующая княгиня Варвара Александровна Шаховская. [Ч-273: 1804].⁶¹

Нарышкин Александр Иванович. Родился 10 и крещен 15 февраля 1788 г. в церкви Владимирской Пресвятой Богородицы, что в Придворных слободах (А. з. № 54). Отец: бригадир Иван Александрович Нарышкин. Восприемники: князь Александр Алексеевич Вяземский; барона Александра Строганова супруга Елена Николаевна. [Ч-283: дата отсутствует].⁶²

Нарышкин Алексей Иванович. Родился [?] июня и крещен 25 июня 1794 г. в церкви Владимирской Пресвятой Богородицы, что в Придворных слободах (А. з. № 108). Отец: действительный камергер Иван Александрович Нарышкин. Восприемники: действительный тайный советник и кавалер граф Александр Алексеевич Строганов; камер-юнкера Николая Никитича Демидова жена Елисавета Александровна. [Ч-283: 9.VI.1795].⁶³

Нарышкин Григорий Иванович. Родился 7 и крещен 10 марта 1790 г. в Преображенском соборе, что в лейб-гвардии Преображенском полку (А. з. № 63). Отец: Двора Ее Величества камер-юнкер Иван Александрович Нарышкин. Восприемник: сенатор и кавалер граф Александр Сергеевич Строганов. [Ч-283: 1790].⁶⁴

Обрескова (урожд. **Соллогуб**) **Наталья Львовна**. Родилась 8 и крещена 15 мая 1809 г. в Морском Боявленском соборе (А. з. № 110). Отец: Гусарского полка отставной штабс-ротмистр Лев Иванович Салагубов (так в подлиннике). Восприемники: конной артиллерии поручик Карл Иванович Сакин (Сакен?); княжна Елена Михайловна Горчакова. [Ч-300: дата отсутствует].⁶⁵

Опочинин Константин Федорович. Родился в С.-Петербурге 16 и крещен 25 ноября 1808 г. в Сергиевском всей Артиллерии соборе (А. з. № 263). Отец: полковник и кавалер Федор Петрович Опочинин («Апочининъ»). Восприемники: Его Высочество Государь Цесаревич Константин Павлович; генерала от инфантерии Михайлы Иларионовича Голенищева-Кутузова дочь, девица Екатерина. [Ч-309: 14.XI.1808].⁶⁶

Осипова (урожд. **Вындомская**, по первому мужу — **Вульф**) **Прасковья Александровна**. Родилась 1 и крещена 2 октября 1781 г. в Исаакиевском соборе (А. з. № 85). Отец: его высокородие господин полковник Александр Максимович Вындомский. Восприемница: ее высокородие камер-юнкера Екатерина Константиновна Скороходова. [Ч-313: 23.IX.1781].⁶⁷

Плещеев Алексей Александрович. Родился 1 ноября и крещен 17 декабря 1801 г. в церкви Успения Пресвятой Богородицы, что на Сенной (А. з. № 416). Отец: коллежский ассессор Александр Алексеевич Плещеев. Восприемники: князь Петр Борисович Козловский; княгиня Варвара Александровна Шаховская. [Ч-333: дата отсутствует].⁶⁸

Политковский Владимир Гаврилович. Родился 12 и крещен 20 апреля 1807 г. в церкви Владимирской Пресвятой Богородицы, что в Придворных слободах (А. з. № 106). Отец: статский советник Гавриил («Гаврила») Герасимович Политковский. Восприемники: коллежский ассессор Михаил Матвеевич Будаков; его дочь, девица Екатерина. [Ч-340: 14.IV.1807].⁶⁹

Полторацкий Александр Александрович. Родился 7 и крещен 9 мая 1792 г. в Морском Боявленском соборе (А. з. № 115). Отец: отставной майор Александр [Маркович] Полторацкий. Восприемники: Двора Ее Величества генерал-майор Марк Полторацкий; генерал-майора Аркадия Терского жена Екатерина Ивановна. [Ч-341: 7.VII. 1792].⁷⁰

Полторацкий Алексей Павлович. Родился 28 февраля и крещен 12 марта 1803 г. в церкви Святой равноапостольной мироносицы Марии Магдалины, что на Малой Охте (А. з. № 21). Отец: отставной коллежский ассессор Павел [Маркович] Полторацкий. Восприемники: отставной статский советник Дмитрий [Маркович]

Полторацкий; генерал-майора Алексея [Николаевича] Оленина жена Елизавета Марковна. [Ч-341: 1802].⁷¹

Пушкин Георгий (Егор) Иванович. Родился 6 и крещен 11 января 1802 г. в церкви Святых и праведных Захария и Елисаветы, что при Адмиралтействе (А. з. № 4). Отец: Адмиралтейской коллегии генерал-лейтенант и обер-интендант Иван Петрович Пушкин. Восприемники: Главномандующий грёбным флотом адмирал, сенатор и кавалер Петр Иванович Пушкин; умершего полковника Якова Бухарина дочь, девица Елена Яковлевна Бухарина. [Ч-355: 1801].⁷²

Пушкин Николай Иванович. Родился 7 и крещен 10 марта 1803 г. в церкви Святых и праведных Захария и Елисаветы, что при Адмиралтействе (А. з. № 3 м). Отец: Адмиралтейской коллегии генерал-лейтенант и обер-интендант Иван Петрович Пушкин. Восприемники: отставной адмирал и кавалер Петр Иванович Пушкин; девица Екатерина Ивановна [Пушкина]. [Ч-355: 1803].⁷³

Пушкина Анна Ивановна. Родилась 1 и крещена 3 февраля 1793 г. в церкви Святой Живоначальной Троицы, что в Галерной гавани (А. з. № 15). Отец: Контроры над портом капитан 1-го ранга Иван [Петрович] Пушкин. Восприемники: вице-адмирал и кавалер Петр [Иванович] Пушкин; вице-адмирала и кавалера барона Ивана [Ивановича] Черкасова жена, баронесса Елизавета Михайловна. [Ч-355: 24.I.1793].⁷⁴

Пушкина Варвара Ивановна. Родилась 11 и крещена 13 октября 1804 г. в церкви Святых и праведных Захария и Елисаветы, что при Адмиралтействе (А. з. № 14 ж). Отец: Адмиралтейской коллегии интендантской экспедиции генерал-майор, обер-интендант Иван Петрович Пушкин. Восприемники: отставной адмирал и сенатор Петр Иванович Пушкин; государственной Юстиц-коллегии генерал-аншефа Кушелева жена Екатерина Александровна. [Ч-355: 1.X.1804].⁷⁵

Пушкина Елизавета Ивановна. Родилась 21 и крещена 27 августа 1806 г. в церкви Спаса Нерукотворного Образа, что при Главном Императорском конюшенном дворе (А. з. № 121). Отец: генерал-адъютант Иван Петрович Пушкин. Восприемники: отставной адмирал Петр Иванович Пушкин; генерала Ивана Петровича Пушкина дочь, девица Екатерина. [Ч-355: 22.VIII.1806].⁷⁶

Раевская Софья Николаевна. Родилась 12 и крещена 21 июня 1805 г. в Исаакиевском соборе (А. з. № 56 ж). Отец: генерал-майор и кавалер Николай Николаевич Раевский. Восприемники: коллежский советник Алексей Алексеевич Константинов; его дочь, девица Екатерина. [Ч-359: 17.XI.1806].⁷⁷

Раевский Николай Николаевич. Родился 3 и крещен 8 августа 1799 г. в церкви Воскресения Христова, что за Литейным двором (А. з. № 8). Отец: драгунского полка отставной полковник Николай [Николаевич] Раевский. Восприемники: граф Александр Николаевич Самойлов; генерал-майора Льва [Денисовича] Давыдова жена Екатерина Николаевна. [Ч-362: 14.IX.1801].⁷⁸

Раевский Самсон Дмитриевич. Родился 26 и крещен 29 августа 1802 г. в Исаакиевском соборе (А. з. № 80 м). Отец: надворный советник Дмитрий [Федорович] Раевский. Восприемники: Святейшего Синода обер-прокурор Дмитрий Иванович Хвостов. [Ч-363: 1803].⁷⁹

Ралли (урожд. Полторацкая) Анна Павловна. Родилась 11 и крещена 15 февраля 1799 г. в церкви Святой Живоначальной Троицы, что на Большой Охте (А. з. № 20). Отец: от армии отставной майор Павел Маркович Полторацкий. Восприемники: генерал-майор Алексей Иванович Карсаков; госпожа Екатерина Сергеевна Мордвинова. [Ч-364: дата отсутствует].⁸⁰

Салтыков Михаил Михайлович. Родился 18 и крещен 22 января 1805 г. в церкви Спаса Нерукотворного Образа, что при Императорском конюшенном дворе (А. з. № 4). Отец: действительный камергер Михаил Александрович Салтыков. Восприемник: отставной подполковник Иван Алексеевич Цызерев. [Ч-386: 1804].⁸¹

Свербеева (урожд. княжна Щербатова) Екатерина Алексеевна. Родилась 1 и крещена 3 апреля 1808 г. в церкви Святого великомученика и целителя Пантелеймона (А. з. № 77). Отец: генерал-майор князь Александр Федорович Щербатова

тов. Восприемники означенного князя Щербатова дети Федор и Софья. [Ч-388: 25.III.1808].⁸²

Свиньина (урожд. **Майкова**) **Надежда Аполлоновна**. Родилась 4 и крещена 9 августа 1808 г. в церкви Святой Живоначальной Троицы, что при Театральном училище (А. з. № 14). Отец: генерал-майор Аполлон Александрович Майков. Восприемники: Российского Императорского Двора обер-камергер Александр Львович Нарышкин; княгиня Елена Александровна Суворова. [Ч-390: 1798].⁸³

Сипягина (урожд. **Кушникова**) **Елизавета Сергеевна**. Родилась 16 и крещена 19 июля 1803 г. в церкви Сампсона Странноприимца, что на Выборгской стороне (А. з. № 33). Отец: Санкт-Петербургский гражданский губернатор Сергей [Сергеевич] Кушников. Восприемники: князь Павел [Павлович ?] Гагарин; сестра С. С. Кушникова, девица Вера Сергеевна Кушникова. [Ч-223: 13.VII. 1800].⁸⁴

Сологуб (урожд. **Горчакова**) **Анна Михайловна**, сестра канцлера светлейшего князя А. М. Горчакова. Родилась 3 ноября 1793 г. и в тот же день крещена в церкви Благовещения Пресвятой Богородицы, что в лейб-гвардии Конном полку (А. з. № 62 ж). Отец: господин адъютант князь Михаил Алексеевич Горчаков. Восприемники: генерал-поручик Иван Астафьевич (Астафьич?) Дезин; подполковника Дмитрия Ивановича Хвостова жена Агриппина Ивановна. [Ч-411: дата отсутствует].⁸⁵

Соммарива (урожд. графиня **Бутурлина**) **Елизавета Дмитриевна**, маркиза. Родилась 24 июля и крещена 5 августа 1803 г. в Исаакиевском соборе (А. з. № 36 ж). Отец: граф Дмитрий Петрович Бутурлин. Восприемники: граф Михаил Алексеевич Воронцов; графиня девица Мария Артемьевна Воронцова. [Ч-55: 1804].⁸⁶

Строганов Алексей Григорьевич, барон. Родился 17 и крещен 28 марта 1797 г. в Исаакиевском соборе (А. з. № 21 м). Отец: барон Григорий Александрович Строганов. Восприемник: граф Александр Сергеевич Строганов. [Ч-420: 15.III.1797].⁸⁷

Строганов Валентин Григорьевич, барон. Родился 13 и крещен 18 ноября 1801 г. в церкви Вознесения Господня, что при Адмиралтейских слободах (А. з. № 339). Отец: его превосходительство барон Григорий [Александрович] Строганов. Восприемник: означенного барона Строганова сын Николай Григорьевич. [Ч-421: 4.XI.1801].⁸⁸

Строганова (урожд. графиня **Строганова**) **Наталья Павловна**, графиня. Родилась 7 и крещена 19 мая 1796 г. в церкви Захария и Елисаветы, что в доме бывшей Главной полиции (А. з. № 27). Отец: лейб-гвардии Преображенского полка капитан-поручик, бывший при дворе Ее Императорского Величества камер-юнкер граф Павел Александрович Строганов. Восприемники: граф Александр Сергеевич Строганов; княгиня Екатерина [?] Голицына. [Ч-421: 7.III.1796].⁸⁹

Суворов Александр Аркадьевич. Родился 5 и крещен 10 июля 1804 г. в Исаакиевском соборе (А. з. № 75 м). Отец: князь Итальянский Аркадий Александрович Суворов. Восприемник: обер-камергер Александр Львович Нарышкин. [Ч-424: 1.VII.1804].⁹⁰

Толстой Александр Николаевич, граф. Родился 21 и крещен 30 сентября 1795 г. в церкви Святых и праведных Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы, что в Моховой (А. з. № 126). Отец граф Николай Александрович Толстой. Восприемники: граф Николай Николаевич Головин; вдовствующая полковница Анна Осиповна Бобрищева-Пушкина. Молитвовал и крестил иерей Дмитрий Терентьев. [Ч-437: 21.IX.1793].⁹¹

Трубецкая (урожд. **Лаваль**) **Екатерина Ивановна**. Родилась 27 ноября и крещена 7 декабря 1800 г. в Исаакиевском соборе (А. з. № 67 ж). Отец: его превосходительство Иван Стефанович (sic!) Лаваль. Восприемница: вдовствующая бригадирша Екатерина Ивановна Козицкая. [Ч-446: 21.XI.1800].⁹²

Фролова-Багреева (урожд. **Сперанская**) **Елизавета Михайловна**. Родилась 21 октября и крещена 1 ноября 1799 г. в церкви Святых двенадцати Апосто-

лов, что при С.-Петербургском почтамте (А з № 39) Отец коллежский советник Михайла [Михайлович] Сперанский Восприемница графиня Екатерина Петровна Шувалова [Ч-416, 470 5 IX 1799]⁹³

Хрущев Дмитрий Михайлович. Родился 5 и крещен 14 декабря 1796 г в церкви Святых и праведных Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы, что в Моховой (А з № 142) Отец армии полковник Михаил Дмитриевич Хрущов (sic!) Восприемник Двора Его Императорского Величества камергер Сергей Сергеевич Ланской [Ч-480 1799]⁹⁴

Хрущев Сергей Михайлович. Родился 1 и крещен 7 февраля 1798 г в церкви Святых и праведных Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы, что в Моховой (А з № 25) Отец генерал-майор Михаил Дмитриевич Хрущев Восприемники камергер Алексей Петрович Адауров, графиня Вера Николаевна Минихова (sic!) [Ч-480 дата отсутствует]⁹⁵

Чернышева-Кругланкова (урожд графиня **Чернышева**) **Софья Григорьевна**, графиня Родилась 9 и крещена 14 мая 1799 г в церкви Успения Пресвятой Богородицы, что на Сенной (А з № 129) Отец граф Григорий Иванович Чернышев Восприемники действительный тайный советник и кавалер Гаврила Романович Державин, княгиня Варвара Александровна Шаховская [Ч-487 28 IV 1799]⁹⁶

Шевич [?] Александра Ивановна, «побочная дочь» Родилась в С.-Петербурге 10 и крещена 24 июля 1807 г в церкви Святых и праведных Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы, что в Моховой (А з № 122) Отец генерал-майор Иван Егорович Шевич Восприемники Их Императорских Высочеств Николая Павловича и Михаила Павловича кавалер, майор и кавалер Александр Павлович Альдинский, генерал-майора Шевича дочь Анна [Ч-493 9 VI 1807]⁹⁷

Шевич Егор Иванович. Родился 14 и крещен 28 сентября 1808 г в церкви Святых и праведных Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы, что в Моховой (А з № 156) Отец генерал-майор Иван Егорович Шевич Восприемники генерал-майор Николай Иванович Дегератович, вдовствующая генерал-майорша Софья Михайловна [?] [Ч-493 1808]⁹⁸

Шереметев Дмитрий Николаевич, граф Родился 3 и крещен 5 февраля 1803 г в церкви Святых и праведных Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы, что в Моховой (А з № 12 м) Отец обер-камергер и разных орденов кавалер граф Николай Петрович Шереметев Восприемники граф Григорий Григорьевич Кушелев, княгиня Антониды Воиновна Щербатова [Ч-496 3 I 1803]⁹⁹

Шипова (урожд графиня **Комаровская**) **Анна Евграфовна.** Родилась 29 марта и крещена 8 апреля 1806 г в церкви Святых и праведных Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы, что в Моховой (А з № 75) Отец граф Евграф Федотович Комаровский Восприемники статский советник Алексей Николаевич Остафьев, вдовствующая генерал-майорша Анна Ивановна Арсеньева [Ч-498 30 VIII 1806]¹⁰⁰

Шишков Александр Ардадьевич. Родился 14 и крещен 16 февраля 1799 г в церкви Владимирской Пресвятой Богородицы, что в Придворных слободах (А з № 5) Отец отставной премьер-майор Ардадьон Семенович Шишков Восприемники морского флота генерал-майор Александр [Семенович] Шишков, генерал-[ан]шефа и кавалера Михайлы Ларионова Кутузова жена Катерина Ильина (sic!) [Ч-500 1799]¹⁰¹

Щербинин Александр Андреевич. Родился 1 и крещен 2 июля 1791 г в церкви Святой Живоначальной Троицы, что лейб-гвардии в Измайловском полку (А з № 80) Отец от армии полковник Андрей Щербинин Восприемник от армии бригадир Александр Щербинин [Ч-508 28 VI 1790]¹⁰²

Энгельгард[т] Николай Васильевич. Родился 10 и крещен 17 января 1826 г в Исаакиевском соборе (А з № 10) Отец отставной капитан Василий Васильевич Энгельгард[т] Восприемники генерал Василий Васильевич Энгельгард[т] графиня Екатерина Васильевна Литта [Ч-512 1826]¹⁰³

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Андреевский В. Т. — Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга (далее ЦГИА СПб.), фонд Санкт-Петербургской духовной консистории (далее ф. 19), оп. 111, д. 120, 1796 г., л. 480.

² Андро-Оленина А. А. — Там же, д. 145, 1807 г., л. 504.

³ Апрелев А. Ф. — Там же, д. 124, 1798 г., л. 482.

⁴ Бакунин И. М. — Там же, д. 130, 1801 г., л. 92.

⁵ Бакунин Н. М. — Там же, д. 123, 1798 г., л. 108.

⁶ Башмакова — Суворова В. А. — Там же, д. 133, 1803 г., л. 26.

⁷ Бестужев А. А. — Там же, д. 122, 1797 г., л. 613; ф. 41 (церкви Рождества Христова, что на Песках), оп. 1, д. 107, л. 173 об. Опубл.: МБРА. 1996. № 1. С. 278.

⁸ Бестужев Павел А. — ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 111, д. 143, 1806 г., л. 150. Опубл.: МБРА. 1996. № 1. С. 269.

⁹ Бестужев Петр А. — Там же, д. 135, 1803 г., л. 174 об. Опубл.: МБРА. 1996. № 1. С. 269.

¹⁰ Бобринская — Самойлова С. А. — ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 111, д. 122, 1797 г., л. 7 об. В подлиннике имя мужа восприемницы указано неверно: вместо Льва — Петр.

¹¹ Бобринский В. А. — Там же, д. 133, 1803 г., л. 23.

¹² Борх — Лаваль С. И. — Там же, д. 151, 1809 г., л. 28 об.

¹³ Бутурлин П. Д., гр. — Там же, д. 116, 1794 г., л. 426. На полях имеется помета: «В 1826 году Августа 19 дня дело о сем».

¹⁴ Бутурлин П. Д. — Там же, д. 218, 1826 г., л. 10.

¹⁵ Бухарина — Полторацкая Е. Ф. — Там же, д. 106, 1789 г., л. 545.

Дата крещения в метрической книге не проставлена.

¹⁶ Васильчикова — Пашкова Т. В. — Там же, д. 114, 1793 г., л. 326 об.

¹⁷ Волков А. А. — Там же, д. 86, 1779 г., л. 114 об.

¹⁸ Волконская В. М. — Там же, д. 88, 1780 г., л. 511.

¹⁹ Волконская С. Г. — Там же, д. 98, 1785 г., л. 285.

²⁰ Всеволожский Н. В. — Там же, д. 125, 1799 г., л. 70 об.

²¹ Гагарин Ф. Ф. — Там же, д. 104, 1788 г., л. 205.

²² Ганнибал Ал-др Павлов. — Там же, д. 125, 1799 г., л. 216.

²³ Ганнибал Ал-др Петров. — Там же, д. 90, 1781 г., л. 382 об.

²⁴ Ганнибал Ал-др Яковлев. — Там же, д. 122, 1797 г., л. 510 об.

²⁵ Ганнибал Ал-дра Исаак. — Там же, д. 103, 1787 г., л. 167.

²⁶ Ганнибал Ал-дра Петров. — Там же, д. 100, 1786 г., л. 393 об.

²⁷ Ганнибал Анна Исаак. — Там же, д. 114, 1793 г., л. 388 об.

²⁸ Ганнибал В. П. — Там же, д. 88, 1780 г., л. 441 об. Фамилия восприемницы — тещи отца — в записи искажена. Правильное написание: фон Данненстерн.

²⁹ Голицын С. С. — Там же, д. 95., 1783 г., л. 46 об.

³⁰ Голицына — Кутайсова А. П. — Там же, д. 131, 1802 г., л. 415 об.

³¹ Давыдов В. Л. — Там же, д. 88, 1780 г., л. 128 об.

³² Давыдов П. Л. — Там же, д. 90, 1781 г., л. 169. В 1781 г., согласно спискам П. Ф. Карабанова, единственной камер-фрейлиной с такими именем и отчеством была девица Энгельгардт (см.: Сиятельные жены: Биографии и родословная статс-дам и фрейлин русского двора: По спискам П. Ф. Карабанова / Ред.-сост. В. П. Пархоменко. СПб., 1992. С. 8).

³³ Дельви́г-Салты́кова С. М. — ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 111, д. 142, 1806 г., л. 225.

³⁴ Дурново — Волконская А. П. — Там же, д. 137, 1804 г., л. 365 об.

³⁵ Есаков С. С. — Там же, д. 122, 1797 г., л. 663. Дата крещения в метрической книге отсутствует.

³⁶ Завадовский А. П. — Там же, д. 116, 1794 г., л. 10 об. Фамилия графа А. А. Безбородко написана с искажением: «Безбородкинъ».

³⁷ Завадовский В. П. — Там же, д. 124, 1798 г., л. 5.

³⁸ Завалиевский Н. С. — Там же, д. 125, 1799 г., л. 27 об.

³⁹ Зубова — Щербатова Н. П. — Там же, д. 129, 1801 г., л. 694 об.

⁴⁰ Керн О. Е. — Там же, д. 218, 1826 г., л. 318.

⁴¹ Комовский В. Д. — Там же, д. 134, 1803 г., л. 171.

⁴² Коновницын П. П. — Там же, д. 133, 1803 г., л. 295 об. Опубл.: МБРА. 1996. № 1. С. 274.

⁴³ Корнилов А. А. — Там же, д. 130, 1801 г., л. 187.

⁴⁴ Корф М. А. — Там же, д. 128, 1800 г., л. 21. На полях имеется помета: «4-го Мая 1836 года дело по сообщению».

⁴⁵ Корф — Корф Е. А. — Там же, д. 138, 1804 г., л. 6.

⁴⁶ Краевский А. П. — Там же, д. 133, 1803 г., л. 203 об. На полях имеется помета: «20 Июля 1871 по прош[ению] о зав[ерении] св[идатель]ства».

⁴⁷ Лаваль В. И. — Там же, д. 136, 1804 г., л. 56. Титулом графов Французского королевства И. С. Лаваль и его потомки были пожалованы указом короля Франции Людовика XVIII от 21 декабря 1814 г. (см.: Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1349 (Формулярные списки чинов гражданского ведомства) (коллекция), оп. 6, д. 739, л. 72 об.—73).

⁴⁸ Лихарева — Бороздина Е. А. — ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 111, д. 146, 1807 г., л. 122.

⁴⁹ Лобанов-Ростовский И. А. — Там же, д. 104, 1788 г., л. 134 об.

⁵⁰ Лодыгин Ф. М. — Там же, д. 126, 1799 г., л. 200 об. Мать новорожденного, Екатерина Яковлевна Лодыгина, скончалась на следующий день после родов (2 сентября 1799 г.) в возрасте 25 лет (там же, л. 204 об.).

⁵¹ Ломоносов А. Г. — Там же, д. 143, 1806 г., л. 5.

⁵² Малиновская — Пушина М. И. — Там же, д. 119, 1795 г., л. 144. На полях имеется помета: «По прошении от 18 февраля 1913 г. о выд[аче] свидетельства».

⁵³ Малиновский А. В. — Там же, ф. 42 (Метрические книги церкви Владимирской Пресвятой Богородицы, что в Придворных слободах), оп. 1, д. 10, л. 123 об.

⁵⁴ Малиновский И. В. — ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 111, д. 146, 1807 г., л. 115 об.

⁵⁵ Мартос П. И. — Там же, д. 117, 1794 г., л. 166.

⁵⁶ Мельгунов А. С. — РГИА, ф. 1343 (Департамент герольдии), оп. 25, д. 3161, л. 25 об.

⁵⁷ Мещерский А. В. — ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 111, д. 159, 1810 г., л. 258.

⁵⁸ Михайловский-Данилевский А. И. — Там же, д. 109, 1790 г., л. 301 об. Право прибавить к своей фамилии «название Михайловский и именоваться впредь Михайловский-Данилевский, распространяя право сие и

на потомков», отец Александра Ивановича получил по именному указу императора Павла I от 20 февраля 1801 г. (см.: Санкт-Петербургские ведомости. 1801. № 20. 1 марта. С. 713).

⁵⁹ Муравьев Арт. Э. — ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 111, д. 114, 1793 г., л. 432 об. В метрической книге новорожденный записан как «Артемий», однако в Исповедной росписи церкви С.-Петербургского Новодевичьего монастыря за 1797 г. он назван уже Автономом (там же, оп. 112, д. 440, 1797 г., л. 698 об.), а в следующем, 1798 г. — Артамоном (там же, оп. 112, д. 450, 1798 г., л. 137). Фамилия восприемницы в метрической записи не указана, но по выводу современного генеалога рода С. Н. Муравьева она — дочь восприемника Никиты Артамоновича Муравьева (см.: [Муравьев С. Н.]. МУРАВЬЕВЫ : 1488—1996 : Краткая роспись дворян Муравьевых, Муравьевых-Апостолов, Муравьевых-Апостолов-Коробьинных, графов Муравьевых-Амурских и графов Муравьевых-Виленских от его основания Иваном Муравьем Олуповским и до наших дней с приложением росписей и сведений о других родах дворян Муравьевых и полными указателями имен и фамилий. Париж; Москва, 1997. С. 15 (№ 131), 21 (№ 164А). Опул.: МБРА. 1996. № 1. С. 278.

⁶⁰ Муравьев-Карский Н. Н. — ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 111, д. 117, 1794 г., л. 114 об.

⁶¹ Муравьева — Чернышева А. Г. — Там же, д. 127, 1800 г., л. 314 об. Опул.: МБРА. 1996. № 1. С. 272.

⁶² Нарышкин Ал-др Ив. — ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 111, д. 104, 1788 г., л. 193 об.

⁶³ Нарышкин Ал-ей Ив. — Там же, д. 116, 1794 г., л. 188.

⁶⁴ Нарышкин Г. И. — Там же, д. 109, 1790 г., л. 96 об. На полях имеется помета: «19 октября 1837 года по сообщен[ию]».

⁶⁵ Обрескова — Соллогуб Н. Л. — Там же, д. 151, 1809 г., л. 151 об.

⁶⁶ Опочинин К. Ф. — Там же, д. 150, 1808 г., л. 28 об.

⁶⁷ Осипова — Вульф — Вындомская П. А. — Там же, д. 90, 1781 г., л. 7 об.

⁶⁸ Плещеев А. А. — Там же, д. 129, 1801 г., л. 238 об.

⁶⁹ Политковский В. Г. — Там же, д. 146, 1807 г., л. 116 об. На полях имеется помета: «16 февраля 1872 года по прошению о выд[аче] св[идетельства]».

⁷⁰ Полторацкий А. А. — Там же, д. 112, 1792 г., л. 30.

⁷¹ Полторацкий А. П. — Там же, д. 135, 1803 г., л. 447 об. Родился, скорее всего, в находившемся неподалеку от этой церкви имении своей бабушки Агафоклии Александровны Полторацкой Яблоновка.

⁷² Пушин Г. И. — Там же, д. 131, 1802 г., л. 494 об.

⁷³ Пушин Н. И. — Там же, д. 133, 1803 г., л. 454. На полях имеется помета: «15 июля 1877 г. по пр[ошению] о выд[аче] св[идетельства]».

⁷⁴ Пушина А. И. — Там же, д. 115, 1793 г., л. 131.

⁷⁵ Пушина В. И. — Там же, д. 136, 1804 г., л. 342 об.

⁷⁶ Пушина Е. И. — Там же, д. 142, 1806 г., л. 222.

⁷⁷ Раевская С. Н. — Там же, д. 139, 1805 г., л. 43.

⁷⁸ Раевский Н. Н. — Там же, д. 125, 1799 г., л. 283 об. Опул.: МБРА. 1996. № 1. С. 277.

⁷⁹ Раевский С. Д. — Там же, д. 131, 1802 г., л. 11.

⁸⁰ Ралии — Полторацкая А. П. — Там же, д. 138, 1804 г., л. 408 об.

⁸¹ Салтыков М. М. — Там же, д. 139, 1805 г., л. 412 об.

- 82 Свербеева — Щербатова Е. А. — Там же, д. 150, 1808 г., л. 268.
- 83 Свинина — Майкова Н. А. — Там же, д. 148, 1808 г., л. 640 об.
- 84 Сипягина — Кушникова Е. С. — Там же, д. 135, 1803 г., л. 345.
- 85 Соллогуб — Горчакова А. М. — Там же, д. 114, 1793 г., л. 312 об.
- 86 Соммарива — Бутурина Е. Д. — Там же, д. 133, 1803 г., л. 36.
- Фамилия отца в метрической книге записана с искажением: «Бутодринъ».
- 87 Строганов А. Г. — Там же, д. 122, 1797 г., л. 3. На полях имеется помета: «7 марта 1857, по прошению».
- 88 Строганов В. Г. — Там же, д. 129, 1801 г., л. 130 об.
- 89 Строганова — Строганова Н. П. — Там же, д. 120, 1796 г., л. 479. На полях имеется помета: «1845 г. июля 30 дня по прош[ению] д[ело] о сем, о выд[аче] свидет[ельства]».
- 90 Суворов А. А. — Там же, д. 136, 1804 г., л. 63. Опубл.: МБРА. 1996. № 1. С. 271.
- 91 Толстой А. Н. — ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 111, д. 118, 1795 г., л. 441. На полях имеется помета: «14 мая 1854, по прошению».
- 92 Трубецкая — Лаваль Е. И. — Там же, д. 127, 1800 г., л. 7. Опубл.: МБРА. 1996. № 1. С. 270.
- 93 Фролова-Багреева — Сперанская Е. М. — Там же, д. 125, 1799 г., л. 530 об.
- 94 Хрущев Д. М. — Там же, д. 120, 1796 г., л. 609 об.
- 95 Хрущев С. М. — Там же, д. 124, 1798 г., л. 508.
- 96 Чернышева-Кругликова — Чернышева С. Г. — Там же, д. 125, 1799 г., л. 118 об.
- 97 Шевич Ал-дра Ив. — Там же, д. 146, 1807 г., л. 412.
- 98 Шевич Е. И. — Там же, д. 150, 1808 г., л. 149 об.
- 99 Шереметев Д. Н. — Там же, д. 134, 1803 г., л. 122 об. На полях имеется помета: «По прош[ению] 24 генв[аря]. 1844».
- 100 Шипова — Комаровская А. Е. — Там же, д. 144, 1806 г., л. 332 об.
- 101 Шишков А. А. — Там же, д. 125, 1799 г., л. 489. Опубл.: МБРА. 1996. № 1. С. 275.
- 102 Щербинин А. А. — Там же, д. 110, 1791 г., л. 168.
- 103 Энгельгардт Н. В. — Там же, д. 29, 1826 г., л. 117 об.

И. В. ВАСИЛЬЕВА

«...НАША СВАДЬБА СОСТОЯЛАСЬ...»*

**(Свидетельства о венчании Е. Н. Гончаровой
и барона Ж. Дантеса)**

«У нас свадьба. Моя свояченица Екатерина выходит за барона Геккерна, племянника и приемного сына посланника короля Голландского. Это очень красивый и добрый малый, он в большой моде и 4 годами моложе своей нареченной. Шитье

* Работа осуществлена при финансовой поддержке РГНФ грант 01-04-00246а «Биография А. С. Пушкина в документах».

приданого сильно занимает и забавляет мою жену и ее сестер, но приводит меня в бешенство. Ибо мой дом имеет вид модной и бельевой лавки»,¹ — сообщал Пушкин отцу в письме, датированном концом декабря 1836 г. Состояние бешенства будет определяющим в последний месяц пушкинской жизни. То, что несколько месяцев занимало умы в Петербурге и в письмах сообщалось из столицы в провинцию, что держало в напряжении пушкинский круг, семейный и дружеский, приближалось. 10 января общее напряжение в доме достигло предельного уровня, сметая границы приличий. Софья Николаевна Карамзина в своих письмах к брату — незаменимый хроникер этих событий: «Итак, свадьба Дантеса состоялась в воскресенье: я присутствовала при одевании мадемуазель Гончаровой, но когда эти дамы сказали, что я еду вместе с ними в церковь, ее злая тетка Загряжская устроила мне сцену. Из самых лучших побуждений, как говорят, опасаясь излишнего любопытства, тетка излила на меня всю желчь, накопившуюся у нее за целую неделю от нескромных выражений участия: мне кажется, что в доме ее боятся, никто не поднял голоса в мою пользу, чтобы по крайней мере сказать, что они сами меня пригласили. (...) Ты согласишься, что, помимо доставленной мне неприятности, я должна была еще испытать большое разочарование: невозможно сделать наблюдения и рассказать тебе о том, как выглядели участники этой таинственной драмы в заключительной сцене эпилога. Александр говорит, что все прошло наилучшим образом, но ты ведь знаешь, он по природе своей не наблюдателен».² Братья Александр и Владимир Карамзины были шаферами Екатерины Николаевны. Приходится вместе с Софьей Николаевной сетовать на Е. И. Загряжскую, лишившую возможности наблюдать и рассказать о сцене венчания Екатерины Николаевны и Дантеса, к прискорбию, увы! не заключительной в этой драме.

10 января, отправляясь в церковь с приехавшими братьями Дмитрием и Иваном Николаевичами Гончаровыми, Екатерина Николаевна покидала дом Пушкина, в котором прожила более двух лет и о котором писала 8 декабря 1834 г.: «...я так счастлива, так спокойна, никогда я не мечтала о таком счастье, поэтому я право не знаю как я смогу когда-нибудь отблагодарить Ташу и ее мужа за все что они делают для нас, один бог может их вознаградить за хорошее отношение к нам».³ Она навестит этот дом только единожды, после кровавой развязки, чтобы проститься с сестрой, уезжавшей в Полотняный Завод, а вско-

¹ Пушкин А. С. Письма последних лет. Л., 1969. С. 175.

² Пушкин в письмах Карамзиных. М.; Л., 1960. С. 152—153.

³ Ободовская И., Дементьев М. Вокруг Пушкина. М., 1975. С. 235.

ре и сама навсегда покинет Петербург и Россию. «...Обе сестры увиделись, чтобы попрощаться, вероятно навсегда, и тут, наконец, Катрин хоть немного поняла несчастье, которое она должна была бы чувствовать и на своей совести: она поплакала...».⁴ Наталья Николаевна «присутствовала на обряде венчания, согласно воле своего мужа, но уехала сейчас же после службы, не оставшись на ужин».⁵ Приехавшие накануне, братья Гончаровы тем самым очень поддержали дам своего семейства, но пробыв 4 дня, уехали, не оставшись на свадебный ужин, который давал граф Строганов со стороны родных невесты; будучи кузенком Н. И. Гончаровой, он принимал участие в семейных делах, был посаженным отцом Екатерины Николаевны на свадьбе. Внезапный отъезд братьев вызвал обиду Екатерины Николаевны. Спустя неделю она писала в Завод: «Я начну свое письмо прежде всего с того, чтобы вас хорошенько побранить, еще раз повторить вам то, что вы и так уже хорошо знаете, а именно, что вы гадкие скверные мальчики. Честное слово, видно ли было когда-нибудь что-либо подобное, обмануть старшую сестру так бесцеремонно, уверять, что не уезжают, а несколько часов спустя — кучер погоняй! и господа мчатся во весь опор по большой дороге. Это бесчестно, и я не могу от вас скрыть, мои дорогие братья, что меня это страшно огорчило, вы могли бы все же проститься со мной. Но я должна разыграть роль великодушной женщины и простить вам вашу неучтивость (...) Вы приехали оба сюда на мою свадьбу, я еще раз искренне благодарю вас, и я в самом деле глубоко тронута и взволнована этим проявлением дружбы ко мне с вашей стороны».⁶

После венчания Екатерина Николаевна переезжает в дом Геккерена, который он снимает на Невском проспекте, входит в новую семью. С. Н. Карамзина в письме к брату с восхищением пишет: «...вчера (11 января. — И. В.) я была у них. Ничего не может быть красивее, удобнее и очаровательно изящнее их комнат, нельзя представить себе лиц безмятежнее и веселее, чем их лица у всех троих, потому что отец является совершенно неотъемлемой частью как драмы, так и семейного счастья. Не может быть, чтобы все это было притворством: для этого понадобилась бы нечеловеческая скрытность, и при том такую игру им пришлось бы вести всю жизнь! Непонятно...».⁷ Андрей Карамзин сообщает родным 16 января: «Тому 2 дня был у стари-

⁴ Пушкин в письмах Карамзиных С. 152—153.

⁵ Гроссман Л. П. Цех пера. М., 1930. С. 367.

⁶ Ободовская И., Дементьев М. Вокруг Пушкина. С. 326.

⁷ Пушкин в письмах Карамзиных. С. 153.

ка Строганова (le père assis (посаженого отца. — И. В.)) свадебный обед с отличными винами. Таким образом кончился сей роман à la Balzac, к большой досаде С.-Петербургских сплетников и сплетниц».⁸

Однако события продолжали развиваться, стремительно приближаясь к трагической развязке, не сразу и не всегда заметные чужому глазу. И идиллического семейного торжества не получалось. Из рассказа Данзаса: «На свадебном обеде, данном графом Строгановым в честь новобрачных, Пушкин присутствовал, не зная настоящей цели этого обеда, заключавшейся в условленном заранее некоторыми лицами примирении его с Дантесом. Примирение это, однако же, не состоялось, и, когда после обеда барон Геккерн, отец, подойдя к Пушкину, сказал ему, что теперь, когда поведение его сына совершенно объяснилось, он, вероятно, забудет все прошлое и изменит настоящие отношения свои к нему на более родственные, Пушкин отвечал сухо, что, невзирая на родство, он не желает иметь никаких отношений между его домом и г. Дантесом».⁹

Не все столь идиллично было и в доме Геккеренов, как казалось со стороны. А. Н. Гончарова сообщала брату о тех психологических сложностях и шероховатостях, которые тяготели над домами сестер. «Все кажется довольно спокойным. Жизнь молодоженов идет своим чередом, Катя у нас не бывает: она видится с Ташей у Тетушки и в свете. Что касается меня, то я иногда хожу к ней, я даже там один раз обедала, но признаюсь тебе откровенно, я бываю там не без довольно тягостного чувства. Прежде всего я знаю, что это неприятно тому дому, где я живу, а во-вторых, мои отношения с дядей и племянником не из близких; с обеих сторон смотрят друг на друга несколько косо, и это не очень-то побуждает меня часто ходить туда. Катя выиграла, я нахожу, в отношении приличия, она чувствует себя лучше в доме, чем в первые дни: более спокойна, но, мне кажется, скорее печальна иногда. Она слишком умна, чтобы это показывать и слишком самолюбива тоже; поэтому она старается ввести меня в заблуждение, но у меня, я считаю, взгляд слишком пронизательный, чтобы этого не заметить».¹⁰

Письма Карамзиных и сестер Гончаровых, многочисленные мемуарные и эпистолярные свидетельства современников дают возможность ощутить ту атмосферу, что царила вокруг замужества Екатерины Николаевны и до венчания, и после. Самый же

⁸ Там же. С. 154.

⁹ Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1998. Т. 2. С. 398.

¹⁰ Ободовская И., Дементьев М. Вокруг Пушкина. С. 328—329.

день 10 января, день венчания, сопряженные с ним суэта, волнения и всякого рода опасения, остался по преимуществу вне описаний и воспоминаний, исключая, однако, красноречивое свидетельство С. Н. Карамзиной.

Сама Екатерина Николаевна в первом письме в Сульц к свекру писала: «...Наша свадьба состоялась в последнее воскресенье, 22 текущего месяца, в 8 часов вечера, в двух церквах — католической и греческой».¹¹ Видимо, именно в такой последовательности.

Щеголев указывал, что «бракосочетание было совершено 10 января по католическому обряду — в римско-католической церкви Св. Екатерины и по православному — в Исаакиевском соборе. Свидетелями при бракосочетании расписались: барон Геккерн, граф Г. А. Строганов, ротмистр Кавалергардского полка Августин Бетанкур, виконт д'Аршиак, л.-гв. Гусарского полка поручик Иван Гончаров и полковник Кавалергардского полка Александр Полетика».¹² И он же публикует письмо Геккерена к Верстолю: «...10-го (22-го) января брак был совершен в обеих церквах в присутствии всей семьи. Граф Григорий Строганов с супругой, родные дядя и тетка молодой девушки, были ее посаженными отцом и матерью, а с моей стороны графиня Нессельроде была посаженной матерью, а князь и княгиня Бутера свидетелями».¹³ Свидетельство это никем не комментировалось и остается непонятным, но оно породило версию, какое-то время бытовавшую, что венчание по католическому обряду проходило в домово́й церкви княгини Бутера. И Черейский, ссылаясь на свидетельство Геккерена, называет чету Бутера как свидетелей.¹⁴

В конце XIX в. была опубликована брачная запись из книги Исаакиевского собора.¹⁵ В ЦГИА СПб. хранится брачная книга церкви Св. Екатерины с регистрацией брака Дантеса и Гончаровой с подписями свидетелей. Между прочим, обращает на себя внимание отсутствие подписи Ивана Гончарова. Кроме того, запись обнаруживает маленькую женскую слабость Екатерины Николаевны: она убавляет свой возраст.

В один и тот же день возраст невесты в этих двух свидетельствах указан разный: в православном варианте — 26 лет, а в католическом — 29. Нам известно, что Е. Н. Гончарова родилась 22 апреля 1809 г., так что на день венчания ей уже ис-

¹¹ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. М., 1928. С. 115.

¹² Там же. С. 115

¹³ Там же. С. 325.

¹⁴ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1975. С. 54.

¹⁵ Русская старина. 1880. Т. 9. С. 458.

полнилось 28 лет и оставалось три с половиной месяца до того возраста, который она указала при венчании в костеле Св. Екатерины. Пушкин правильно пишет отцу Сергею Львовичу, что Дантес «4 годами моложе своей нареченной». Дантес родился 2 февраля 1812 г.; до 25 лет, им указанных, ему оставалось меньше месяца.

Разницу в показаниях о своем возрасте, сделанных Е. Н. Гончаровой, можно объяснить различной степенью требовательности, предъявляемой при венчании в православном и католическом храмах. В первом случае запись делается дьячком и священником со слов невесты и не требует никаких клятв и свидетельских подписей, удостоверяющих это показание. Во втором случае невеста приносит клятвенное показание — сначала вслух перед алтарем, а затем зафиксированное письменно с подписями всех поручителей и венчавшего их приора Дамиана Иодзевича. Итак, в первом случае легкость обряда дала возможность невесте поддаться соблазну убавить свой возраст. А во втором случае сделать это не позволило ни нравственное чувство, ни присутствие свидетелей.

Публикуемые вместе записи из книг двух церквей — это единственные документальные данные о дне 10 января 1837 г., о событии, на которое в пушкинском кругу возлагались надежды благоприятного исхода сложившейся ситуации.

БРАЧНЫЕ ЗАПИСИ Е. Н. ГОНЧАРОВОЙ И бар. Ж. ГЕККЕРЕНА

1

Запись в метрической книге Исаакиевского собора¹

В метрической книге Исаакиевского собора за 1837 г., ч. II, в ст. 1 в графе «Когда и кто именно венчан» под 10 января 1837 г. записано: «Десятого числа, пребывающий здесь Нидерландского Посланника Барона Геккерена усыновленный им Барон Карл Георг Геккерен, служащий поручником в Кавалергардском Ея Императорского Величества полку и принадлежащий к римско-католическому исповеданию, 25 лет, Двора Его Императорского Величества фрейлина девица Екатерина Николаевна Гончарова, 26 лет, оба первым браком». В графе «Кто были поручителями» записано: «По женихе: Кавалергардского Ея Величества полка ротмистр Бетанкур и виконт д'Аршиак. По невесте: Обер-шенк Граф Григорий Александрович Строга-

¹ Первая публикация этой брачной записи (с сокращениями и неточностями) была сделана в 1899 г. В. В. Никольским, который получил ее текст от секретаря С.-Петербургской Консistorии Ивана Тимофеевича Камчаткина. См.: *Никольский В. В. Идеалы Пушкина*. 3-е изд. СПб., 1899. С. 126—127.

нов, лейб-гвардии Гусарского полка поручик Иван Гончаров, Кавалергардского Ея Величества полка полковник Александр Полетика и Нидерландский Посланник Барон Гекерен. Венчание совершил священник Андрей Райковский, дьячок Филипп Шишков».²

2

Запись в метрической книге С.-Петербургского костела
Св. Екатерины³

Acte de Mariage de M^{ur} Georges-Charles baron de Heeckeren fils adoptif de S(on) E(xcellence) M^r le baron Louis de Heeckeren fils de Joseph Conrad Baron d'Anth`es et de Anne Marie-Louise Comtesse Hatzfeld; et de Demoiselle d'honneur Catherine de Gontscharoff, fille de Nicolas de Gontscharoff et de Natalie Zagriatski, conclu en 1837, le 10 Janvier.

Promis

1. Je me pr`esente avec une pleine libert`e.
2. Je n'ai contract`e aucun Mariage.
3. Je ne suis ni parent ni alli`e de ma future.
4. Je suis `ag`e de 24 ans.
5. Je connais ma Religion et j'ai fait mes d`evotions.

[Подпись:] *Georges Baron de Heeckeren*

Promise

1. Je me pres`ente avec une pleine libert`e.
2. Je n'ai contract`e aucun Mariage.
3. Je ne suis ni parente ni alli`e de ma future.
4. Je suis `ag`ee de 29 ans.

[Подпись:] *Catherine Gontcharoff*

Nous comme t`emoins presents a cet Acte, le signons de nos mains

[Подписи:] *Baron de Heeckeren*
Alexandre de Poletika
A. de Betancourt
Vicomte d'Archiac
Le Comte G. de Stroganoff.

Cet examen a `et`e fait par moi sousign`e

Damian Iodziewiez
De l'ordre des Dominicains
Sup`erieur de l'Eglise de S-te Catherine.

² ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 111, № 282, л. 48 (Консistorский экземпляр). Райковский Андрей Иванович (1802—1860), протоиерей, настоятель Исаакиевского собора.

³ ЦГИА СПб., ф. 347, оп. 1, д. 61, л. 205 об.

Acte de Mariage de Mrs Georges Charles baron de
 Fleckerens fils adoptif de S. E. M^{le} baron Louis de Fleckerens
 fils de Joseph Conrad Baron d'Arithis, et de Anne Marie Lou-
 ise Comtesse de Hatzfeld; et de Demoiselle d'honneur Catharine
 de Gontscharoff, fille de Nicolas de Gontscharoff, et de Natalie
 Lagriatovski, conclu en 1837, le 10 Janvier.

Promis.

- 1e Je me présente avec une pleine liberté.
- 2e Je n'ai contracté aucun Mariage.
- 3e Je ne suis ni parent ni allié de ma future
- 4e Je suis âgé de 24 ans
- 5e Je connais ma Religion et j'ai fait mes dévotions
 par M^{re} le Abbé

Promises.

- 1e Je me présente avec une pleine liberté
 - 2e Je n'ai contracté aucun Mariage
 - 3e Je ne suis ni parente ni allié de mon futur.
 - 4e Je suis âgée de 25 ans.
- Catharine Gontscharoff

Nous comme témoins présents à cet Acte, le signons
 de nos mains

Baron de Fleckerens
 Alexandre de Soltesky
 Du Delencourt
 Vicomte d'Archie
 Le Comte G. de Gontscharoff

Cet examen a été fait par moi sous seing
 Damiens Justicier
 de l'Ordre des Dominicains
 Supérieur de l'Eglise de St. Catherine

Акт о венчании Е. Н. Гончаровой с бар. Жоржем Геккереном-Дантесом 10 ян-
 варя 1837 г. в костеле Св. Екатерины в Петербурге.

Перевод:

Брачное свидетельство г. Жоржа Шарля барона де Геккерена, приемного сына Е(го) П(ревосходительства) барона Луи де Геккерена, сына Жозефа Конрада барона д'Антеса, и Анны Марии-Луизы, графини де Хатцфельд, и фрейлены Екатерины Гончаровой, дочери Николая Гончарова и Натальи Загряжской, заключенное в 1837 10 января.

Жених

1. Я предстаю по доброй воле.
2. Я не состою ни в каком другом браке.
3. Я не являюсь ни родственником, ни свойственником моей будущей супруги.
4. Мне 24 года.
5. Я признаю мою веру и я говел.

[Подпись:] *Жорж барон де Геккерен*

Невеста

1. Я предстаю по доброй воле.
2. Я не состою ни в каком другом браке.
3. Я не являюсь ни родственницей, ни свойственницей моему будущему супругу.
4. Мне 29 лет.

[Подпись:] *Екатерина Гончарова*

Мы, как свидетели, присутствующие при составлении этого документа, подписываем его собственноручно

[Подписи:] *Барон де Геккерен
Александр Полетика
А. де Бетанкур
Виконт д'Аршиак
Граф Строганов*

Удостоверяю я, ниже подписавшийся

Дамиан Иодзевич

Доминиканского ордена

Настоятель церкви Св. Екатерины.⁴

⁴ Дамиан Иодзевич (1783—1846), венчавший Екатерину Николаевну с Дантесом по католическому обряду, приор доминиканского ордена в Петербурге, декан петербургский и настоятель костела Св. Екатерины, вступил на этот пост в 1825 г. и занимал его до своей смерти. См.: *Ханковска Р.* Храм Святой Екатерины в Санкт-Петербурге. СПб., 2001. С. 65.

III. ЗАМЕТКИ

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К ЛИРИКЕ ПУШКИНА

ИДИЛЛИЯ ПУШКИНА «ЗЕМЛЯ И МОРЕ»

(Источники, жанровая форма и поэтический смысл)

Стихотворение Пушкина «Земля и море (Идиллия Мосха)», согласно помете в беловом автографе (ПД 833, л. 2), было написано 8 февраля 1821 г. в Киеве:

*Когда по синеве морей
Зефир скользит и тихо веет.
В ветрила гордых кораблей
И челны на волнах лелеет,
5 Забот и дум слагая груз,
Тогда ленюсь я веселее
И забываю песни Муз:
Мне моря сладкий шум милее.
Когда же волны по брегам
10 Ревут, кипят и пеной плещут,
И гром гремит по небесам,
И молнии во мраке блещут,
Я удаляюсь от морей
В гостеприимные дубровы,
15 Земля мне кажется верней,
И жалок мне рыбак суровый:
Живет на утлом он челне,
Игралище слепой пучины,
А я в надежной тишине
20 Внимаю шум ручья долины.*

(II, 162)

Непосредственный источник его считается давно и прочно выясненным. Это стихотворное переложение Н. Ф. Кошанским идиллии древнегреческого поэта Мосха (II в. до н. э.), озаглавленное «К спокойствию»:

*Когда Зефир подует нежно,
По морю синему в приятной тишине,
Я, лени сладостной предавшись небрежно,
Пленяюсь морем безмятежно,*

И *Музы* милые не милы больше мне.
 Когда ж восстанут волны бурны,
 И с тяжким ревом грозный ветр
 Воздвигнет сонмы вод из недр,
 И, пеной осребрясь, шумят моря лазурны:
 Тогда, взглянув на кроткий луг,
 И вместе на моря превратны,
 Клянусь их — и кланет мой дух.
 Люблю надежный дол, убежища приятны.
 Лесочки мирные, долины ароматны,
 И шопот кротких ив, и говор сосн вокруг.
 О сколько бедствен тот, кто век живет средь моря,
 Кому ладья всегдашний кров,
 Кто часто с неудачей споря,
 Забавой ставит рыбный лов.
 А я возьягу здесь под явором шумящим,
 Склонюсь главой своей к потокам вод журчащим:
 Как нежен, сладостен для пастырей их шум,
 Влекущий в тихий сон, не возмущая ум!¹

То, что Пушкин следует за Кошанским, а не за каким-то иным переложением идилии Мосха,² помимо сходства некоторых образов, подтверждается еще и тем, что греческий ориги-

¹ Цветы греческой поэзии, изданные Н. Ф. Кошанским. М., 1811. С. 341—342. Далее ссылки на это издание даются в тексте с пометой «*Кошанский*» (курсивом) и с указанием страницы. В текстах Пушкина и Кошанского курсивом мною выделены слова, имеющие полное или частичное соответствие. Впервые источник указан Л. Н. Майковым (*Пушкин А. С. Сочинения / Под ред. Л. Н. Майкова. СПб., 1899. Т. 1. С. 186—187, примеч.*) и — в гипотетической форме — П. Черняевым (*Черняев П. А. С. Пушкин как любитель античного мира и переводчик древнеклассических поэтов. Казань, 1899. С. 50—51*).

² Как явствует из библиографического указателя Е. В. Свиясова «*Античная поэзия в русских переводах XVIII—XX вв.*» (СПб., 1998. С. 74), к 1821 г. был опубликован лишь один перевод этого стихотворения: *Кунцикий П.* Мосхова идилия («Когда средь тишины приятной, безмятежной...») // *Украинский вестник.* 1816. Ч. 1. № 3 (Март). С. 349—351. Однако, будучи опубликован в издании, знакомство с которым Пушкина мало вероятно, он также и не обнаруживает особого сходства с пушкинским переложением. Мог быть доступен Пушкину перевод К. П. Масальского, опубликованный только в 1825 г. (Северные цветы на 1825 год. СПб., 1825. С. 278—279), но датированный самим переводчиком при публикации 1820 г. Однако предположение об этом переводе как об основном источнике пушкинского стихотворения, однажды высказанное печатно (*Лернер Н.* Разъяснение о происхождении стихотворения А. С. Пушкина «Земля и море»: (Библиографическая попытка) // *Русский архив.* 1899. № 11. С. 451), было снято самим Н. О. Лернером, убежденным комментарием в издании под редакцией Л. Н. Майкова (*Пушкин А. С. Сочинения. С. 186—187*) во влиянии перевода Кошанского. См.: *Лернер Н.* Еще о стихах Пушкина «Земля и море» // *Русский архив.* 1899. № 12. С. 612.

нал написан от лица простого поселянина, а не поэта.³ Отмечалось также, что такое истолкование оригинала, а также некоторые другие его детали Пушкин мог воспринять из комментария Кошанского к идиллии Мосха: «Может быть, сие небольшое произведение родилось в счастливое время прогулки по берегу моря, или реки, когда волны после бури утихали; или в приятную минуту размышления об участи, когда поэт сравнивал всегдашнее плавание по водам с тихою и беспечною жизнью на твердой земле, когда почувствовал всю цену спокойствия и почел себя счастливым, видя, что судьба не определила его искать пропитания на бурной стихии (...) Мысль (в первых двух стихах Мосха. — С. К.) кажется следующая: когда зефир струит поверхность голубого моря, тогда дух мой, хотя робкий, стремится к плаванию, и Музы не пленяют меня столько, сколько тишина моря» (Кошанский. С. 241—242; курсив мой. — С. К.).⁴

Не так давно стихотворение было детально сопоставлено с переводом Кошанского, проанализированы как случаи следования переводу-посреднику, так и отступления от него Пушкина и, кроме того, выявлен ряд реминисценций из поэзии Батюшкова и Жуковского, а также случаи использования поэтического языка карамзинистов.⁵ Это делает возможным не только более детальный анализ соотношения «Земли и моря» и его источников, но и решение вопроса о жанровой форме и о спектре поэтических смыслов, которые намечает художественная топика стихотворения.

³ Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. Вып. 6. С. 133—134. Слово «Музы» во втором стихе Мосха появляется только у Кошанского, потому что почти во всех рукописях Мосха здесь стоит не имеющее смысла и требующее поэтому конъектуры *μουσα*; большинство филологов-классиков придерживаются чтения *μου γα* («мне земля (не мила)»), а Кошанский избрал вариант *μουσα* («муза»). Этой экзегезы нет ни у К. Масальского, ни в появившемся вскоре после пушкинского переводе М. Загорского, но она присутствует также (возможно, не без влияния Кошанского) в переводе П. Куницкого. См.: Приложение к настоящей статье.

⁴ Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина. С. 133—134. Зависимость пушкинского стихотворения от переложения Кошанского еще заметнее, если обратиться к его черновым вариантам. В процессе работы над стихотворением Пушкин убрал другие близкие к переводу Кошанского места, например: «Я внемлю шуму смирных вод / Под темным явором долины». Правда, сходный вариант находим и у П. Куницкого: «А я под явором возягу сенилистным, / Склоню спокойно слух к потокам тихим, чистым».

⁵ Зарецкий А. Р. Об идиллии Пушкина «Земля и море» // Университетский Пушкинский сборник. М., 1999. С. 340—346. Те слова в «Земле и море», которые имеют соответствия у Кошанского, выделены Зарецким в текстах стихотворений с некоторыми отличиями от того, как это сделано мною выше. Далее ссылки на это издание даются в тексте с пометой «Зарецкий» (курсивом) и с указанием страницы.

Безусловный характер носят некоторые уже отмеченные ранее реминисценции. В стихах 2—3 это реминисценция из элегии Батюшкова «На развалинах замка в Швеции»: «О, вей, попутный ветер, вей тихими устами / В ветрила кораблей!», в стихе 5-м — из «Беседки муз»: «Пускай забот свинцовый груз»,⁶ в стихе 10-м из «Певца в Беседе любителей русского слова»: «Как волны, пеной плещут» и в стихах 17—18 из элегии «Вечер»: «Игралище стихий среди пучины пенной, / И ты, рыбарь, спешишь на брег уединенной! / Там, сети приклонив ко утлой ладие...» (*Зарецкий*. С. 342).

Наибольшее сходство с Кошанским, следовательно, приходится на те места, в которых намечены сценарий стихотворения и общая лирическая ситуация (стихи 1—2, 6—8, 9—10, 13, 15, 19—20). При большей детализации ее Пушкин опирается уже на поэтический язык Батюшкова. Наконец, наиболее оригинален поэт в построении идеального плана стихотворения (хотя и здесь есть черты общего следования Мосху—Кошанскому). В целом, однако, по отношению к тексту Кошанского пушкинское стихотворение есть скорее подражание-реконструкция, чем свободный перевод. Учитывая большую пространственность текста Кошанского по сравнению с оригиналом и его очевидную стилистическую чуждость греческому первоисточнику, Пушкин при воссоздании «древней простой, широкой, свободной» буколической природы (XI, 221) не имел другого выхода, кроме как попытаться реконструировать первоисточник. При этом он мог опираться лишь на простоту и естественность собственных идеальных представлений и на открытые Батюшковым способы реконструкции духа античной лирики средствами русского языка.

Тем не менее первоочередное значение идиллии Мосха в переводе Кошанского как источника «Земли и моря» не вызывает сомнений. Напротив, утверждение А. Р. Зарецкого об одновременной существенной зависимости стихотворения от «Вечера» Батюшкова представляется преувеличением: «И общая канва пушкинского текста, и отдельные словесные формулы отсылают к стихотворению Батюшкова „Вечер“ (1810). В нем обнаруживается та же исходная картина — задумчивый поэт на берегу моря; затем, как и в „Земле и море“, противопоставляются поэт и рыбак» (*Зарецкий*. С. 342—343). Однако в действительности у Батюшкова поэт представлен вовсе не на берегу моря, и как исходная картина, так и развитие лирического

⁶ *Элиаш Н. К* вопросу о влиянии Батюшкова на Пушкина // Пушкин и его современники. Пг., 1914. Вып. 19—20. С. 32.

сюжета у него совсем иные. Во всех четырех строфах этого «подражания Петрарке» последовательно описывается возвращение домой «пастушки» (1-я), «оратая» (2-я), «пастуха», гонящего «стада (...) в дом» и «рыбаря», спешащего «на брег уединенный» (3-я строфа, отозвавшаяся в «Земле и море» справедливо отмеченной, но единственной реминисценцией). Каждая из первых двух строф заканчивается рефреном о поэте, который, в противоположность им всем, «один в изгнании» и «с безмолвною тоской» «беседует в ночи с задумчивой луной». В финальной строфе на фоне догорающего заката и идущих «в загон» волов лирический герой по-прежнему «среди глубокой ночи» за поэтическим трудом; он призывает вдохновение, которое позволило бы ему вызвать «тьнь Лауры».⁷

Представляется не совсем основательной и попытка усмотреть в пушкинском стихотворении «элегизацию идиллии». Она, по мнению А. Р. Зарецкого, «возникает в тексте преимущественно вследствие двух моментов. С одной стороны, Пушкин ввел слова „Забот и дум слагая груз“, и этого намек на „заботы и думы“ вполне достаточно, чтобы вызвать у читателя весь набор стандартных элегических ассоциаций. С другой стороны, у Пушкина оказался опущен заключительный пассаж о пастухах, который помешал бы восприятию текста идиллии в качестве автобиографического признания» (*Зарецкий. С. 343*).⁸

Однако, во-первых, упоминание «забот и дум» отнюдь не противопоказано классической, не говоря уже о новоевропейской идиллии (ср., например, хотя бы известную XXI идиллию Феокрита «Рыбаки»), а, во-вторых, «пассажа о пастухах» нет и у Кошанского. Единственное упоминание их в этом переводе: «Как нежен, сладостен для пастырей их шум» (а у Мосха нет даже и такого)⁹ — носит мимолетный характер и вовсе не препятствует восприятию его в качестве автобиографического признания.

В то же время «автобиографические признания» отнюдь не являются прерогативой только элегии, но вполне на месте и в

⁷ Батюшков К. Н. Полное собрание стихотворений. М.; Л., 1964. С. 114—115. (Б-ка поэта. Большая сер. 2-е изд.).

⁸ Показательно, что сам исследователь все же признает: «Тема „Земли и моря“ отнюдь не элегична: речь идет не о гнетущих переживаниях, а об избавлении от них» (С. 345).

⁹ Греческое τ'ον 'ἀγρίον означает «селянина», а не «пастуха». Именно так передано это слово как в современном переводе М. Е. Грабарь-Пассек, так и в предшествующем пушкинскому переводе К. П. Масальского (*Феокрит. Мосх. Бион. Идиллии и эпиграммы / Пер., коммент. М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1958. С. 167; Северные цветы на 1825 год. С. 278—279*).

идиллии, впрочем, не столько классической, сколько новоевропейской (не забудем, кстати, что именно «идиллией» настойчиво обозначал пьесу сам Пушкин). Впрочем, та новоевропейская традиция, которой следовал Пушкин, в свою очередь берет начало в таких нетрадиционных античных идиллиях, какой является данное стихотворение Мосха.¹⁰ Не случайно современный исследователь полагает круг тем этого стихотворения вполне характерным для буколической поэзии: «Это стихотворение стало как бы девизом буколики. Отныне круг ее тем — восхваление скромной и тихой жизни, сентиментальная любовь и бегство от бурь природы и жизни — твердо очерчен, и она никогда более из него не выйдет».¹¹ Пушкин в «Земле и море», разумеется, из него выходит, но общую идиллическую ситуацию спокойного отдохновения «в гостеприимных дубровах» он все же воспроизводит.

Если же идиллическая ситуация воспроизводится здесь с некоторым отличием, то это происходит не только у Пушкина, но и у самого Мосха. Классическая, феокритовская идиллия предполагала конструирование идиллического сельского идеала посредством сопоставления его с другими жизненными укладами и состояниями. У Пушкина «идиллический мотив „земли и моря“ органически связывает две субстанциональные сферы, не акцентируя ценность только одной из них — не возводя „надежную“ сушу в жизненный идеал, в идиллему в противовес „опасному“ морю, антиидиллеме».¹² Однако, во-первых, такое общее приятие обеих стихий присутствует у самого Мосха. Во-вторых, предпочтение одного другому все же происходит, но только это не предпочтение «земли» «морю», а предпочтение участи свободного человека рыбаку, прочно привязанному к одной из этих стихий нуждой. И в-третьих, если «море отвергается, но вовсе не выводится „за скобки“ идиллического круго-

¹⁰ Тем не менее стихотворение это обыкновенно печаталось в составе древнегреческих идиллий. Это же жанровое обозначение сохраняет и Кошанский, озаглавивший свой комментарий к нему как «Нечто о пятой идиллии» (С. 241—247). У него же отмечен и тот факт, что как «буколика» это стихотворение обозначено и в одной из рукописей Мосха. См.: Кошанский. С. 241.

¹¹ Феокрит. *Мосх. Бион. Идиллии и эпиграммы*. С. 220. В то же время идиллия эта рассматривается комментатором этого издания как своего рода прообраз новоевропейской идиллии: «Это — уже та искусственная, идиллическая в нашем смысле слова ситуация, которая в новой европейской литературе развилась в пастораль» (Там же. С. 314).

¹² Вершинина Н. А. Проблема вариативности идиллической жанровой традиции в стихотворении Пушкина «Земля и море» // Болдинские чтения. Н. Новгород, 1995. С. 84—85.

зора», то «земля» представляется в чем-то удобнее, спокойнее, щедрее, «приятнее».¹³

За счет чего же складывается такое впечатление? Не столько за счет того, что во второй части употреблено больше положительных оценочных эпитетов («гостеприимные», «верней», «надежной»), относящихся к суше, и отрицательных («жалок», «утлом», «слепой») — к морю по сравнению с первой («веселее», «сладкий», «милее») частью. Скорее, сама эта особенность стихотворения объясняется тем, что во второй его части описано нынешнее, данное в соположении с прошлым, местонахождение и состояние души поэта. «...Тематические перебивы, на которых построена вся идиллия Пушкина, — справедливо отмечает А. Р. Зарецкий, — оказываются вместе с тем и перебивами временных планов — настоящего, недалекого прошлого и прошлого более отдаленного» (Зарецкий. С. 345). Причем это нынешнее состояние души поэта заставляет его с сочувствием отнестись и к «суровому рыбаку», которого особенности его ремесла вынуждают часто становиться «игралищем слепой пучины», в мгновение ока могущей сменить свое состояние с описанного в первой части на изображенное в начале второй. Последнее сопоставление с рыбаком оттеняет имеющуюся у поэта свободу «удалиться от морей» при приближении бури, которая и позволяет ему в конечном счете наслаждаться «шумом ручья долины», в то время как рыбаком играет «слепая пучина».

По сравнению как с комментарием, так и с текстом Кошанского лирический герой Пушкина в спокойную погоду наслаждается не «тишиной» моря («в приятной тишине» сказано в переводе Кошанского), а его «сладким шумом». С этим образом, замыкающим первую часть стихотворения, отчетливо коррелирует образ «шума ручья долины», не случайно, конечно же, выдвинутый на самое финальное, ударное место в тексте.¹⁴ Таким образом, вместо противопоставления у Пушкина мы действительно находим одинаковое приятие обоих состояний природы, которые в равной мере дают возможность человеку, сменив свое местоположение, наслаждаться жизнью в ее разных проявлениях (и, между прочим, позволяют даже при обоих состояниях природы наслаждаться шумом водо-

¹³ Там же. С. 85.

¹⁴ Как точно заметил А. Р. Зарецкий, «в „Земле и море“ слово „шум“ наделено устойчивыми положительными коннотациями (ср. «Погасло дневное светило...»), тогда как у Кошанского противопоставляется приятный шум ручья и неприятный шум бури, а у Мосха слуховые образы вообще не повторяются» (Зарецкий. С. 346).

ема).¹⁵ И следовательно, настроение «Земли и моря» как раз самое что ни на есть идиллическое.¹⁶

Это настроение проявляется также и в том, что Пушкин вводит в стихотворение ряд моментов, которые станут в дальнейшем традиционными составляющими элементами его идеального плана. Легче всего он выявляется при детальном сопоставлении с текстом-посредником Кошанского, которое обнаруживает некоторые существенные отличия мотивов. Главная тема стихотворения «К спокойствию» верно отражена уже в самом заглавии этого перевода. Таковой в сущности являются именно «безмятежность», «спокойствие», которые дают автору как «синее море» (но лишь в минуты «приятной тишины» на нем), так и деревенская природа, приверженность к которой, сочетающаяся с любовью к жилищу, декларирована гораздо более открыто («Люблю надежный дол, убежища приятны...»). Характерно и то, что у Кошанского пастухи («пастыри») хотя и мимоходом, но упоминаются («Как нежен, сладостен для пастырей их шум...») и что лирический герой во второй части стихотворения «клянет» моря.

У Пушкина этих мотивов нет совсем. Зато если в стихотворении «К спокойствию» мотив «Муз» выражен довольно слабо: «И Музы милые не милы больше мне», — что можно понять не только как обращение к поэтическому творчеству, но и как наслаждение поэзией великих предшественников, то пушкинская формула: «И забываю песни Муз» — возможность подобного истолкования исключает. Во второй части пушкинского стихотворения ничего не сказано об обращении к творчеству, однако по четко обозначенному контрасту с первой частью, в которой был представлен переход от поэтического творчества к мгновениям гедонистического отдохновения от него, — в ней ясно обрисована обстановка, делающая возможным теперь, напротив, приход поэтического вдохновения. В этом отношении

¹⁵ Кстати сказать, в свете всего вышесказанного не совсем правомерно истолковывать заголовок стихотворения как «антитезу» (*Зарецкий*. С. 343). Характерен один из первоначальных вариантов заглавия в первой публикации стихотворения: «Море и земля» (см.: *Новости литературы*. 1825. Кн. 11. Янв. С. 27), в большей степени соответствующий его сценарию, но также скорее сопоставляющий, чем противопоставляющий. Окончательный вариант заголовка, очевидно, вызван его лучшим ритмико-фонетическим звучанием.

¹⁶ Ср. характеристику М. Е. Грабарь-Пассек «идиллического настроения» у Феокрита: «Это нигде открыто не сформулированное, но проникающее все произведения Феокрита любованье действительностью, изображенной на фоне прелестей природы, и создает то — уже в нашем смысле — *идиллическое* настроение, которое порождает все позднейшие бесчисленные идиллии, экоги и пасторали» (*Феокрит*. *Мосх. Бион*. Идиллии и эпиграммы. С. 223).

«Земля и море» как бы предвещает такие последующие поэтические размышления Пушкина на эту тему, как «Поэт» («Пока не требует поэта...») (1827), «Осень» (1833). Характерно, что стих 14-й в измененном виде был впоследствии использован в первом из них именно для обрисовки того «идеального ландшафта», в который поэт «бежит» (ср. «Я удаляюсь» «Земли и моря») в моменты поэтического вдохновения: «На берега пустынных волн, *В широкошумные дубровы* (курсив мой. — С. К.)».

Таким образом, центральной темой второй части пушкинского подражания греческой идиллии становится уже не просто спокойствие, а благотворность для поэта душевного сосредоточения в минуты «надежной тишины» — важнейшего условия в том числе и поэтического творчества. В целом стихотворение входит, следовательно, в ряд таких пьес, как «Из письма к Гнедичу» (1821), «Чедаеву» (1821), в которых также выражен этот рано осознанный идеал поэта. В лично-биографическом плане «Земля и море» соответствует переезду Пушкина из Крыма в Каменку и Киев, где он уже не был отвлечен красотами моря, а наслаждался, напротив, преимуществами мирной сущи (вспомним упоминание «Каменки тенистой» в десятой главе «Евгения Онегина») и где, по воспоминаниям семьи В. Л. Давыдова, гораздо более сосредоточенно работал.¹⁷

Другие аспекты идеального плана стихотворения вскрывают его «словесные переключки» с написанной немногим ранее пьесой «Редет облаков летучая гряда»: «Мне моря сладкий шум милее» — «сладостно шумят полуденные волны», «Забот и дум слагая груз... ленюсь я веселее» — «Над морем я влачил задумчивую лень» (*Зарецкий. С. 343*). Очевидно, что они объясняются наличием в обоих стихотворениях, условно говоря, «крымского» плана и мотива воспоминания о море, который и там, и тут соплагается с «киевско-каменским» планом настоящего. Стихотворение отражает настроение душевного мира и спокойствия, владевшее поэтом в Каменке и в Киеве в период тесного общения с семьей Раевских, и в то же время его восприятие моря, сложившееся во время пребывания в Крыму. Оно создано в момент одной из первых «разлук» Пушкина с морем и является, по всей видимости, первым в ряду стихотворений, в которых он пытался осмыслить свои взаимоотношения с ним (ср., например, «К морю» (1824)), и ни малейшим разрушением идиллической ситуации это здесь чревато не оказывается.

¹⁷ См.: Лобода А. М. Пушкин в Каменке // Киевские университетские известия. Май. Отд. 11. Киев, 1899. С. 90.

Вообще тема стихотворения достаточно часто встречается не только в идиллиях, но и, например, в поэзии Горация. Так, в сущности именно эта тема составляет главное содержание знаменитого второго эпода римского поэта, который неоднократно переводился в пушкинское время.¹⁸ Любопытно, что блаженный сельский удел у Горация неоднократно сопоставляется и с судьбой морехода: «Не опасаясь бурь морских» (стих 6), «Тогда не надо ни лукринских устриц мне, Ни губана, ни камбалы, Хотя б загнал их в воды моря нашего Восточный ветер с бурей» (стихи 49—52). В целом все это стихотворение имеет у древнеримского поэта-философа саркастический смысл, обнаруживаемый в заключительных стихах: оказывается, все эти восхваления сельского удела вложены в уста ростовщика Альфия, который таким образом уговаривает сам себя прекратить давать деньги в рост, а купить на них поместье, однако снова не выдерживает.¹⁹ Характерно, что русские поэты, например М. В. Милонов и некоторые его предшественники, в переводе этого эпода Горация опускали его концовку, превращая таким образом стихотворение в искреннее, а не расходящееся с подлинными намерениями восхваление сельской жизни.²⁰ Между прочим, сам Пушкин цитировал его знаменитую начальную строку: «*Beatus (ille) qui procul (est negotiis)...*» (XIII, 29) в своем письме к А. И. Тургеневу от 7 мая 1821 г., а Кошанский ссылался на повсюду рассыпанные «похвалы сельской жизни» и воспоминания «о тишине и беспечности деревенской» у Горация и Вергилия в примечаниях к своему переводу (*Кошанский*. С. 245).

Мотив восхвалений удела селянина, служащий лишь прикрытием для совсем иных намерений, вообще распространен у Горация. Так, в знаменитой посвятительной оде к Меценату, которую впоследствии Пушкин переводил («Царей потомок, Меценат», 1833), сказано: «А купца, если он, бури неистойвой / Устрашася, начнет пылко расхваливать / Мир родимых полей, — вновь за починкою / Видим мы корабля в страхе

¹⁸ См.: Античная поэзия в русских переводах XVIII—XX вв. : Библиографический указатель. С. 300. В частности, «Горация похвала сельской жизни, сообразная с российскими нравами», принадлежит перу Г. Р. Державина (*Державин Г. Р. Похвала сельской жизни («Блажен, кто удаляясь от дел...») / Соч. с объяснит. примеч. Я. Грота. СПб., 1865. Т. 2. С. 165—171).*

¹⁹ *Квинт Гораций Флакк. Полн. собр. соч. / Пер. под ред. и с примеч. Ф. А. Петровского. М.; Л., 1936. С. 181—182.*

²⁰ См.: Поэты 1790—1810-х годов. Л., 1971. С. 522, 852 (комментарий М. Г. Альтшуллера). (Б-ка поэта. Большая сер.). Впрочем, например в переложении Г. Р. Державина, эта концовка сохранена.

пред бедностью».²¹ На этом фоне особенную значимость приобретает пушкинский мотив свободного следования своим адекватно осознаваемым стремлениям. Вообще Пушкин посредством еле уловимых деталей вложил в стихотворение столько личного, что оно, безусловно, представляет собой идиллию не столько Москва, сколько самого Пушкина.

Помимо прямого, непосредственного смысла стихотворения и ряда дополнительных, лежащих в его подтексте оттенков, в нем также как бы проступает как потенциально возможный и совсем иной, аллегорический, смысл. Если «уже в античности тенденциозное „общее место“ идиллии стало осознаваться как „похвала сельской жизни“ и шире — жизни, довольствующейся „немногим“, оградившей себя от вторжения стихийных сил: воинственного пыла, „жажды наживы“, любви, ревности и иных „губительных“ страстей»,²² то и в «Земле и море» сопоставление, с одной стороны, спокойного, а с другой — бурного моря, а также надежной суши приобретает коннотации не только природных стихий. Этому в особенности способствует то обстоятельство, что в пушкинском описании бури на море только один образ: «...волны по брегам / Ревут, кипят и пеной плещут» — касается непосредственно моря. Причем и эта единственная деталь восходит к стихам 151—152 стихотворной сатиры Батюшкова «Певец в Беседе любителей русского слова» (1813): «В его устах стихи ревут, Как волны, пеной плещут...» (*Зарецкий*. С. 342),²³ — где сравнение относится не к описанию моря, а к характеристике манеры декламации чиновника Соколова.²⁴ Другие две детали: «И гром гремит по небесам, / И молнии во мраке блещут» — нередко используются в качестве сравнений для изображения житейских бурь, а со-

²¹ *Квинт Гораций Флакк*. Полн. собр. соч. С. 7—8.

²² *Вершинина Н. Л.* Проблема вариативности идиллической жанровой традиции в стихотворении Пушкина «Земля и море». С. 86.

²³ Точности ради, следует отметить, что в действительности основным текстом этих стихов в большинстве изданий Батюшкова (см., например: Собр. соч. М.; Л., 1934. С. 260; Полн. собр. стихотворений. С. 151; *Опыты в стихах и прозе*. М., 1977. С. 371) принят вариант: «В его устах стихи ревут, / Как волны, в уши плещут...» (курсив мой. — С. К.). Вариант «пеной плещут» находится лишь в некоторых рукописных копиях послания (см.: *Батюшков К. Н.* Собр. соч. С. 584). Более непосредственное отношение к пушкинскому тексту, возможно, имеет «Источник» Батюшкова, что отмечено В. Р. Зарецким: «Падая с камня, источник пустынный / С ревом и пеной сквозь дебри течет!»; «Тише, источник! Прерви волнованье, / С ревом и пеной стремясь по полям!» (*Зарецкий*. С. 346). Устойчивая формула «с ревом и пеной» могла дать под пером Пушкина ее вариант «Ревут (...) и пеной плещут».

²⁴ *Батюшков К. Н.* Полн. собр. стихотворений. С. 295.

поставление с рыбаком или мореплавателем, застигнутым бурей в море, вообще было в литературе того времени наиболее тривиальной метафорой их.²⁵ Все это делает допустимым воспринимать «Землю и море» и как своего рода притчу о красоте тихих, сдержанных чувств в противоположность бурным страстям. Однако эти притчевые черты относятся к числу, скорее, потенциальных смыслов стихотворения, которые лежат в его подтексте и актуализируются только при определенных условиях.

Психологически все это могло соответствовать, например, оставшемуся безответным любовному увлечению Пушкина Екатериной Раевской, которая была известна своей холодностью и надменностью. Красота безответного платонического чувства могла внутренне противопоставляться поэтом разрушительности бурных любовных связей. В этом случае, может быть, не так уж и важно, что приблизительно в период создания стихотворения поэт, возможно, узнал о помолвке Е. Н. Раевской с М. Ф. Орловым.²⁶ Могли, разумеется, быть и иные внутренние основания, нам неизвестные.²⁷

2

Не так давно вопрос об источнике «Земли и моря» неожиданно было предложено пересмотреть: «Как показал в свое время Б. В. Томашевский, стихотворение восходит не столько непосредственно к Мосху, сколько к навеянному Мосхом стихотворению Лиотара (так! т. е. Леонара. — С. К.) „Le plaisirs du rivage” (так! т. е. «Les plaisirs du rivage». — С. К.). Отсюда — и неожиданная форма четырехстопного ямба, выделяющая текст из группы антологических стихотворе-

²⁵ Метафора эта к концу романтической эпохи оказалась настолько затертой, что вариант ее использует даже Чичиков у Гоголя: «Да и действительно, чего не потерял я? Как барка какая-нибудь среди свирепых волн...» (*Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. М., 1951. Т. 6. С. 36—37*).

²⁶ Впрочем, возможно и то, что помолвка эта к 8 февраля 1821 г. еще не стала гласной. М. Ф. Орлов извещал о ней свою сестру в письме из Киева от 12 февраля 1821 г. См.: *Гершензон М. О. Грибоедовская Москва* : П. Я. Чаадаев. Очерки прошлого. М., 1989. С. 251. Об отражении увлечения Е. Н. Раевской в лирике Пушкина см.: *Кибальник С. А. Русская антологическая поэзия первой трети XIX века. Л., 1990. С. 185—193*.

²⁷ Высказывалось даже предположение о связи стихотворения с «вынужденной, но гордой отдаленностью» Пушкина от тайного общества (*Жизнь Пушкина, рассказанная им самим и его современниками / Сост., вступ. очерки, примеч. В. В. Кунина. М., 1988. Т. 1. С. 387*). Характерна, при всей неубедительности, попытка писателя объяснить биографически наличие верно ощущаемого им переносного смысла стихотворения.

ний...».²⁸ Однако, во-первых, Б. В. Томашевский ничего такого не только не показал, но и не утверждал, а во-вторых, отличия пушкинского стихотворения от элегии Леонара намного значительнее, чем от перевода Кошанского.

Отнюдь не настаивая на первоочередном значении Н.-Ж. Леонара по сравнению с Мосхом в переводе Кошанского, Томашевский писал следующее: «Стихи эти по выбору формы, необычной для передачи античного гекзаметра (четверостишия четырехстопного ямба), напоминают стихотворение Леонара „Les plaisirs du rivage”». И далее, приведя пятую строфу стихотворения и отметив, что «Пушкин, зная подлинник, (...) в некоторых местах следовал ему», Томашевский констатировал, что в целом он «далеко отступал от Леонаровского перевода».²⁹

Сопоставим же пушкинское стихотворение с текстом VI пьесы из четвертой книги «Идиллий» Леонара «Les plaisirs du rivage», в котором выделим курсивом строки, перекликающиеся с пушкинскими:

¹ Assis sur la rive des mers,
Quand je sens l'amoureux Zéphyre
Agiter doucement les airs
Et souffler sur l'humide empire,

⁵ Je suis des yeux les voyageurs,
A leur destin je porte envie:
Le souvenir de ma patrie
S'éveille et fait couler mes pleurs.

²⁸ Проскурина О. Поэзия Пушкина, или подвижный палимпсест. М., 1999. С. 96. Непонятно, почему исследователь воспроизводит подзаголовок «Земли и моря» как «идиллия Мосхова» и упорно называет стихотворение именно так, хотя такой подзаголовок не встречается нигде, даже в вариантах. Соображение о зависимости Пушкина от Леонара в выборе стихотворного размера, далеко не безусловное, как нетрудно заметить, принадлежит Б. В. Томашевскому (ср. цитату из Б. В. Томашевского, приведенную в тексте).

²⁹ Томашевский Б. Пушкин — читатель французских поэтов // Пушкинский сборник памяти проф. С. А. Венгерова. М.; Пг., 1922. С. 215—216. (Пушкинист. IV). Воспроизведено в изд.: Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 450. Задолго до О. Проскурина Г. Д. Владимирский, должно быть, со слов, но без ссылок на Томашевского, также пытался а priori решить вопрос о значении «Les plaisirs du rivage» Леонара и «К спокойствию» Кошанского как источников «Земли и моря» более правдоподобным, но также не совсем верным образом. Он утверждал, что Пушкин, «не удовлетворившись Кошанским, привлек» «французский перевод идиллии Мосха, сделанный Леонаром» (Владимирский Г. Д. Пушкин — переводчик // Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1939. Вып. 4—5. С. 314, 313).

- 9 Je tressaille au bruit de la rame
 Qui frappe l'écume des flots;
 J'entends retentir dans mon âme
 Le chant joyeux des matelots.
- 13 Un secret désir me tourmente
 De m'arracher à ces beaux lieux,
 Et d'aller, sous le nouveaux cieux,
 Porter ma fortune inconstante.
- 17 *Mais quand le terrible Aquilon
 Gronde sur l'onde bondissante,
 Que dans le liquide sillon
 Roule la foudre étincelante,*
- 21 Alors, je repose mes yeux
 Sur les forêts, sur le rivage,
 Sur les vallons silencieux
 Qui sont à l'abri de l'orage:
- 25 Et je m'écrie: heureux le sage
 Qui rêve au fond de ces berceaux,
 Et qui n'entend sous leur feuillage
 Que le murmure des ruisseaux!³⁰

Как нетрудно убедиться, Пушкин действительно «далеко отступал» от Леонара. Стихотворения эти различаются и тематически, ведь у Леонара вид спокойного моря рождает не настроение блаженной лени, а мысль о мореплавании, связанную с воспоминаниями о родине. Соответственно если у Пушкина объектом сопоставления оказывается рыбак, то у Леонара это «матросы», впрочем, лишь на мгновение всплывающие в сознании лирического героя: «J'entends retentir dans mon âme / Le

³⁰ Oeuvres de M. Léonard / Quatrième édition. T. 1—2. Paris, 1787. T. 1. P. 178—188. Далее привожу свой прозаический буквальный перевод этого стихотворения, в котором, так же как и во французском оригинале, курсивом мною выделены слова, полностью или частично эквивалентные пушкинским: «Сидя на морском берегу, / Когда я чувствую, как нежный Зефир / Слегка колеблет воздушное пространство / И летит над водным царством. // Я провожаю взглядом путешественников, / Я завидую их судьбе: / Воспоминание о моем отечестве / Пробуждается во мне и вызывает слезы. // Я трепещу при стуке весла, / Которое ударяет по пене волн; / Я слышу, как в моей душе отзывается / Веселая песня матросов. // Меня мучит тайное желание / Вырваться из этих прекрасных мест / И отправиться искать под иными небесами / Счастья, которое мне так часто изменяет. // Но когда ужасный Аквилон / Рокочет над вздымающей волной, / Которую по водной борозде / Катит сверкающая молния, / Я успокаиваю свой взор / Созерцанием лесов и берегов / И тихих долин, которым не угрожает буря; // И я восклицаю: счастлив мудрец, / Который мечтает в глубине этих зеленых беседок / И слышит под их листвой / Лишь журчание ручья».

chant joyeux des matelots». Это же касается и отдельных образов. На первый взгляд стихи 2—3, 17—20, 22—23, 27—28 могли послужить источником для Пушкина. Однако если сопоставить соответствующие пушкинские строки с вышеприведенными фрагментами из Кошанского и Батюшкова, то становится ясно, что они восходят именно к этим фрагментам, а сходство с Леонаром имеет самый общий характер. Это же касается и пятой строфы, процитированной Томашевским, она несколько не ближе к «Земле и морю», чем соответствующие строки из перевода Кошанского: «Когда ж восстанут волны бурны, / И с тяжким ревом грозный ветер / Воздвигнет сонмы вод из недр, / И, пеной осребрясь, шумят моря лазурны...».

Скорее всего, некоторое общее сходство текстов объясняется тем, что французский поэт сам подражал в своей идиллии классическому образцу этого жанра у Мосха,³¹ соединив мотивы греческого поэта с автобиографическими мотивами сентиментальных воспоминаний о далекой родине и стремления к возвращению туда (родившись и выросши в Гваделупе, бывшей в то время французской колонией, Леонар провел большую часть жизни во Франции и в Бельгии).³²

Тем не менее одна вероятная реминисценция из Леонара у Пушкина действительно есть. Стихотворением французского поэта, возможно, навеяны два заключительных стиха «Земли и моря». Строки «А я в надежной тишине / Внимаю шум ручья долины», по всей видимости, резюмируют стихи 23—28 французского поэта. С одной стороны, они соединяют в единый образ «ручья долины» два разрозненных образа Леонара: «Sur les vallons silencieux» и «Et qui n'entend sous leur feuillage / Que le murmure des ruisseaux!». С другой стороны, «в надежной тишине» как бы суммирует несколько аналогичных деталей Леонара: «à l'abri de l'orage», «au fond de ces berceaux», «sous

³¹ Г. Д. Владимирский полагал «Les plaisirs du rivage» Леонара «французским переводом идиллии Мосха, сделанным Леонаром» (Владимирский Г. Д. Пушкин — переводчик. С. 313). Однако, как мы видели выше, текст Леонара не может рассматриваться ни как даже вольный перевод из Мосха, ни как равноценный с переложением Кошанского источник «Земли и моря». Аналогичным образом Б. В. Томашевский отводит предположение Ю. Г. Оксмана о том, что пушкинский отрывок «Счастливы, кто в страсти сам себе...» восходит к стихам, приписываемым Леонару, поскольку сами эти стихи являются подражанием Буало, именно его переводу из Сафо. См.: Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. С. 85.

³² Notice sur la vie et les ouvrages de Léonard // Œuvres de Léonard recueillies et publiées par V. Campenon. Paris, 1798. Vol. 1. P. 5—11.

leur feuillage».³³ Частичным воздействием Леонара можно было бы объяснить и первоначальное заглавие пушкинской пьесы «Морской берег» в одном из автографов (ПД 833, л. 1 об.) (у Леонара в буквальном переводе — «Наслаждения морского берега»). Однако и в этом автографе имеется подзаголовок — «Идиллия Мосха», да и вообще первоначальное заглавие могло прийти на ум Пушкину просто как наиболее естественное обозначение темы.³⁴

Таким образом, в целом нет никаких оснований, чтобы считать «Les plaisirs du rívage» основным или равноценным «Цветам греческой поэзии» Кошанского источником «Земли и моря». Впрочем, и одним из дополнительных его источников он может считаться только гипотетически. Вообще идиллии Леонара воплощали в новоевропейской литературе тип восходящей к Геснеру пространной, ролевой или субъективной и нередко дидактической идиллии.³⁵ «Les plaisirs du rívage» входит в четвертую, последнюю книгу «Идиллий» Леонара и относится, следовательно, к числу его поздних «чувствительных» и «меланхолических» идиллий.³⁶ В русской поэзии эту жанровую форму развивал один из литературных противников пушкинского круга поэтов В. И. Панаев,³⁷ чьи идиллии вызывали у Пушкина насмешливую реакцию.

Пушкин противопоставлял «геснеровской, чопорной и марнерной» буколической природе «древнюю простую, широкую, свободную...» (XI, 221). Самому поэту были ближе идиллии и в особенности фрагменты идиллий А. Шенье «во вкусе древних», которые, кстати сказать, и восходили в классической поэзии не столько к Феокриту, сколько к произведениям, вроде

³³ Сходство может объясняться подражанием Мосху самого Леонара. Впрочем, Пушкин мог и, отнюдь не ориентируясь на эти строки Леонара, отгаликовать лишь от перевода Кошанского: «А я возлягу здесь под явором шумящим, / Склонюсь главой своей к потокам вод журчащим».

³⁴ Сходным образом определяет тему стихотворения Мосха и Кошанский: «Может быть, сие небольшое произведение родилось в счастливое время прогулки по берегу моря...» (Кошанский. С. 241—242).

³⁵ Notice sur la vie et les ouvrages de L'éonard. Vol. 1. P. 6. Характерно, что 13 гекзаметров Мосха (греческий оригинал был приведен Кошанским, и сам он подчеркивал это обстоятельство в своем комментарии: «Тринадцать стихов, означенных печатью гения...» (Кошанский. С. 241)), отлившиеся у Пушкина в 20 строк четырехстопного ямба, под пером Леонара превратились в 7 четверостиший того же размера.

³⁶ Oeuvres de L'éonard recueillies et publiées par V. Campenon. Vol. 1. P. 9—10; Vol. 2. P. 179. В издании «Poésies pastorales» (Paris, 1771) было лишь 2 книги по 10 идиллий, а в «Oeuvres diverses» (Liège, 1777) помещено 20 идиллий без разделения на книги, и «Les plaisirs du rívage» в них отсутствует.

³⁷ См. об этом: Вацуро В. Э. Пушкинская пора. Л., 2000. С. 119.

привлекшего внимание Пушкина стихотворения Мосха. Между прочим, в издании Шенье 1819 г. в разделе «Фрагменты идиллий» Пушкин мог прочитать его перевод эпиграммы Мосха на пашущего Эрота; еще два подражания идиллиям Биона и Мосха включены в раздел «Элегий».³⁸ У Шенье был замысел целого ряда идиллий на темы моря, который он осуществил лишь частично³⁹ (к нему, в частности, относится «La jeune Tarentine», которую в 1822 г. перевел Н. И. Гнедич,⁴⁰ а Пушкин по этому поводу сетовал на него: «Гнедич у меня перебивает лавочку» (XIII, 56)). Именно свою ориентацию на этот «лирический», субъективный тип идиллии, выдержанной в духе простоты и естественности древних, поэт недвусмысленно выразил, включив «Землю и море» в несобранный цикл «эпиграммы во вкусе древних», а впоследствии поместив ее в своих «Стихотворениях» (СПб., 1826) в разделе «Подражания древним».⁴¹

Зато знакомство со сборником, изданным лицейским учителем Пушкина, судя по всему, не только вдохновило поэта на «Землю и море» и, возможно, также на стихотворение «Редет облаков летучая гряда»,⁴² но сказалось и в следующей шутке из письма к Л. С. Пушкину от конца февраля—начала марта 1825 г.: «Кланяйся моему другу Воейкову. Над или под Морем и Землею должно было поставить Идиллия Мосха. — От этого я бы не удавился — а Бион старик при своем остался б» (XIII, 146). В ней оказались аккумулированы почти все сведения о Мосхе и Бионе, которые Пушкин мог почерпнуть у Кошанского: 1) что некоторые произведения Биона приписывались Мосху, и наоборот; 2) что Бион был старше Мосха; 3) что Бион покончил жизнь самоубийством (правда, Пушкин в этой фразе отождествляет себя с Мосхом и, следовательно, слова «я бы не удавился...» могут считаться отзвуком этого обстоятельства только при условии весьма свободного обращения Пушкина с фактами, которое, впрочем, вполне уместно в шутке).

Так, на страницах «Цветов греческой поэзии», соседствующих с переводом Кошанского из Мосха, упоминается о том, что

³⁸ Chénier A. Œuvres complètes. Paris, 1819. P. 74, 78—79, 105. См. комментарий к этим стихотворениям в изд.: Шенье А. Соч. 1819. М., 1995.

³⁹ См.: Chénier A. Idylles marines // Œuvres complètes publiées d'après les manuscrits par P. Dimoff. Vol. 1.: Bucoliques. Paris, 1937. P. 161—182.

⁴⁰ Гнедич Н. Тарентинская дева // Полярная звезда на 1823 год. СПб., 1823. С. 180.

⁴¹ См.: Сандомирская В. Б. Из истории пушкинского цикла «Подражания древним»: (Пушкин и Батюшков) // Временник Пушкинской комиссии. 1975. Л., 1979. С. 15—30; Кибальский С. А. Русская антологическая поэзия первой трети XIX века. С. 181—195.

⁴² Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина. С. 132.

некоторые произведения Биона, в частности идиллия, обращенная к Геснеру, которой Пушкин подражал в своей элегии «Редет облаков летучая гряда», приписывались Мосху (Кошанский. С. 97). Пушкин в пародийной форме обыгрывает этот факт, а также разницу в возрасте между собой и своим издателем А. Ф. Воейковым, примерно соответствовавшую разнице в возрасте между Бионом и Мосхом, как она была представлена в приписывавшемся Мосху известном «Плаче о Бионе», написанном на смерть греческого идиллика и также переведенном Кошанским. В «Цветах греческой поэзии», целиком посвященных жизни и творениям именно этих двух греческих стихотворцев, на это указывается неоднократно: Мосх «был современником и учеником Биона, которому в честь написал идиллию под именем „Надгробная песнь Биону“» (Кошанский. С. 323—326, 126).⁴³ Непосредственно пассаж насчет «старика Биона» мог быть отзвуком следующей фразы Кошанского: «Мосх в юности своей видел старика Феокрита». Пушкин легко мог в своем сознании сконтаминировать ее с утверждением, что Мосх «был современником и учеником Биона» (Кошанский. С. 127, 126). Так, скорее всего, и появился «старик БIon».

В контексте всего вышесказанного сожаление Пушкина о том, что при публикации «Земли и моря» не был указан ее греческий источник, могло объясняться не только его нежеланием, чтобы кто-то из читателей воспринял его как претендующее на полную оригинальность стихотворение, но и опасением, что его примут за подражание Леонару или какому-то другому европейскому поэту (названная тема была довольно распространенной).

Итак, «Земля и море» — это все же действительно подражание Мосху—Кошанскому (хотя и отчасти переведенное на поэтический язык Батюшкова и вообще карамзинистов) и вполне идиллия (хотя и, разумеется, не древнего, а новоевропейского типа, в духе «фрагментов идиллий» А. Шенье), причем идиллия не столько Мосха, сколько самого Пушкина. Т. е. это «чисто пушкинская»⁴⁴ пьеса, свободно и ясно формулирующая идеальный план бытия поэта, полная приятия мира в его самых разнообразных проявлениях и являющаяся квинтэссенцией многих других пушкинских мотивов, развитых впоследст-

⁴³ Разумеется, при том уровне развития классической филологии, который существовал в начале XIX в., трудно было бы ожидать от Пушкина знания того, что в действительности БIon был моложе (если вообще не жил позже) Мосха, а приписываемый последнему в некоторых списках «Плач о Бионе» в действительности создан одним из эпигонов буколической поэзии.

⁴⁴ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 7. С. 294.

вии. Более того, это, возможно, еще и выраженная в формах «предметного мышления» (С. Л. Франк), своеобразная притча о красоте тихих, сдержанных чувств в противоположность бурным страстям, о том, как, пользуясь своей свободой, сохранить гармонические отношения с природой в самых разных ее состояниях и как обрести внутреннюю гармонию, просто оставаясь самим собой.

П р и л о ж е н и е

МОСХОВА ИДИЛЛИЯ¹

Когда средь тишины приятной, безмятежной
Поверхность вод едва *зефиры* шевелят;
Любуюсь морем я, смотря с скалы прибрежной —
И *музы милые* тогда уж не манят;
И боязливый дух мой бодростью живится,
В необозримую морскую даль стремится.
Когда же с яростью дохнет свирепый ветер
И море *закипит*, подъяв седой хребет;
Объемлет страх меня, невольно содрогаюсь, —
С трепещущей душой от моря удаляюсь
К вам, рощи мирные, обитель тишины, —
Жилища радостны прекрасны весны!
Люблю беспечный *дол* и говор сосн зеленых! —
Несчастлив, что живет *морей* средь тревоженных, —
Кому ладья есть — дом, небесный свод — покров,
Всегдашние труды — *рыб* ненадежный лов!
А я под явором возлягу сеннолистным,
Склоню спокойно слух к потокам тихим, чистым,
Текущим близ него; их сладок *шум*, как он
Склоняет пастухов в невозмущенный сон!

С греческого П. Куницкий

(Украинский вестник на 1816 год. Ч. 1. Март. С. 349—351)

МОРЕ И ЗЕМЛЯ

К. Масальский

Море когда светло-синее легким колеблется ветром,
Слабой душой восхищаюсь! Земля немилы становится!
Боле пленяет меня спокойствием моря. *Когда же*
Вдруг глубина седая застонет и, сводами *пеняся*,
Море *вскипит*, и сердито покатаются длинные волны;

¹ Курсивом мною выделены слова, имеющие полное или частичное соответствие в приведенном выше тексте Пушкина.

Взоры к земле обращаю, к лесам и от моря бегу я;
Мне мила и земля, и отраднa тенистая роща!
Дышит ли ветер в ней яростный, сосна шумит лишь приятно.
Жизнь ты ведешь, *рыболов*, незавидную!

Лодочка — дом твой,

Море — работа, а рыба — добыча неверная. Мне же
Сладостный сон уделом под явором широколистным
Ропот источника близкого весело, мило мне слушать;
Журчаньем радует он селянина, не ужас наводит.

С греческого, 1820

(Северные цветы на 1825 год. С. 278—279)

МОРЕ И ЗЕМЛЯ

(Из Мосха)

Когда голубая пучина струится,
От тихого ветра сребрьсь чешуей:
Мне берег не мил, и мой дух веселится
Ее безмятежной, немой тишиной.

Когда ж она воет, исполнена гневом,
И пена седая клубами шумит,
И бурные волны сражаются с ревом:
Мне воды не милы и берег мне льстит.

Тогда мне приятна и роща густая,
Растущая дико на мрачных лугах,
Где ветер завывает, деревья качая,
И свищет уныло в иглистых соснах.

Сколь *рыбарей* бедных несчастна судьбина!
Их одр и жилище — колеблемый челн,
Их поприще — вод неизмерных пучина,
А рыба — добыча неверная с волн.

*

Блаженней стократно, кто взоров мрачных,
Под сенью густою в беспечности спит,
При сладостном ропоте струек прозрачных
Ручья, что зелены равнины кропит.

М. Загорский

(Благонамеренный. Журнал,
издаваемый А. Измайловым.
СПб., 1822. С. 304—305)

С. А. Кибальник

«СВОДНЯ ГРУСТНО ЗА СТОЛОМ...»

(К комментарию стихотворения А. С. Пушкина)

Стихотворение «Сводня» при жизни Пушкина не печаталось. Черновой автограф стихотворения на л. 26 рабочей тетради ПД 836 следует за черновым наброском 5—14-й строк XXXIII строфы седьмой главы «Евгения Онегина» («Возок несется чрез ухабы»), за строкой «Москва! Москва!» (вариант 12-й строки XXXVI строфы седьмой главы «Евгения Онегина»). Здесь начало стихотворения. На обороте л. 26 поверх пейзажного рисунка — продолжение стихотворения (от стиха «4 гостей гляжу» до его завершения).¹

Наша гипотеза о том, что не только текст «Евгения Онегина», но и помещенный на одном листе с ним текст «Сводни» связан с московскими впечатлениями Пушкина, вернувшегося 8 сентября 1826 г. из михайловской ссылки в родной город, нашла отражение в статье Р. В. Иезуитовой: после аудиенции у Николая I Пушкин приехал к дяде В. Л. Пушкину, автору «Опасного соседа», поэмы, тема которой подсказала тему «Сводни». ² Р. В. Иезуитова указывает на «местами почти дословную» ³ связь «Сводни» с «Опасным соседом». Однако, на наш взгляд, высказанные в статье соображения могут быть конкретизированы, уточнены и дополнены, что в свою очередь может быть небезынтересно для комментария «Сводни».

Единственный случай прямого цитирования «Опасного соседа» в «Сводне» — в вариантах именованного гостя, посетившего бордель: дважды он назван «добрым человеком» (III, 167). Ср. в «Опасном соседе»: «Ты добрый человек, мне твой приятен вид...».⁴

Сближение стихотворения Пушкина с поэмой В. Л. Пушкина — в теме посещения борделя, в своеобразном минус-сюжете. Ожидаемого и в поэме, и в стихотворении не произошло: рассказчику «Опасного соседа» помешала насладиться любовью драка; гость «Сводни» покинул дом свиданий по другой причине («Мне охоты что-то нет / Девушки не бойтесь» — III, 79).

¹ См.: *Иезуитова Р. В.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 836: История заполнения // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1991. Т. 14. С. 121—147.

² Там же. С. 145

³ Там же.

⁴ *Пушкин В. Л.* Стихи. Проза. Письма. М., 1989. С. 159. Далее текст «Опасного соседа» цитируется по этому изданию с указанием в скобках страницы.

Любопытна переключка еще одного мотива: сводня рассказывает о четырех гостях, которые, «не платя, пошли все прочь» (III, 78). И в «Опасном соседе» четыре гостя — рассказчик, Буянов, купец и дьячок. Расплатились ли они со сводней Панкратьевной, автор умалчивает, заметив лишь, что неудачливый герой сомнительного приключения покинул веселый дом, бросив там «часы и кошелек». И еще — намек на драку в борделе, виртуозно описанную в «Опасном соседе», драку, в которой пострадала и Панкратьевна («Панкратьевна в крови», с. 159), возможно, есть в «Сводне». Повествуя о нерасплатившихся за услуги борделя гостях, «Сводня за щеку (?) взялась / И вздохнула больно» (III, 78).

Известно, что Пушкин с детства знал «Опасного соседа» наизусть, высоко ценил творение дяди, первым печатно упомянув его в лицейском стихотворении «Городок»:

И ты, замысловатый
Буянова певец,
В картинах толь богатый
И вкуса образец...

(I, 100)

«Опасный сосед» неоднократно упоминался и цитировался Пушкиным в стихотворениях, поэме «Гавриилиада», письмах.

В пятой главе «Евгения Онегина» Пушкин увековечил героя «Опасного соседа» — своего «брата двоюродного» Буянова, комплиментарно поставив его в один ряд с героями комедии Фонвизина «Недоросль». Более того, по наблюдению Ю. Д. Левина,⁵ именно Буянов, затеявший драку в борделе, в романе Пушкина по воле автора послужил первопричиной трагедии: на балу у Лариных он подвел к Онегину Татьяну с Ольгой, Онегин выбрал для танца Ольгу, возбудив тем самым ревность Ленского. Ленский покинул бал с намерением вызвать друга на дуэль, далее в шестой главе романа поединок состоялся, Ленский погиб. Забавно, что в седьмой главе Буянов — своеобразный соперник Онегина. Он хочет жениться на Татьяне: «Буянов сватался: отказ» (VI, 150). Так что не только непосредственные впечатления от московской встречи с творцом «Опасного соседа», но и упомянутый и в пятой, и в седьмой главах стихотворного романа герой этой поэмы Буянов мог подсказать тему стихотворения «Сводня», текст которого, как мы

⁵ См.: Левин Ю. Д. Родословная Буянова // Тр. Отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы (Пушкинского Дома). СПб., 1993. Т. 48. С. 416—420.

помним, следует в рабочей тетради за черновыми строфами седьмой главы «Евгения Онегина».

Комментируя текст «Сводни», следует указать и на то, что пушкинское стихотворение пародирует балладу Жуковского «Светлана»: «Сводня» написана тем же стихотворным размером — разноstopным хореем, создаваемым чередованием четырехstopных строк с мужским окончанием и трехstopных строк с женским окончанием; «Сводня» по своему жанру также является балладой, в сюжете которой также представлены мотивы гадания, грусти, сна. Ср.:

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали.⁶

Смотрят барышни кругом
Сводня им гадает. (III, 77)

Молчалива и грустна
Милая Светлана. (2, 18)

Сводня грустно за столом
Карты разлагает. (III, 77)

Свечка трепетным огнем
Чуть лиет сиянье... (2, 19).

Свечка (III, 79)

Что же твой, Светлана, сон... (2, 24)

Сводня засыпает. (III, 79)

Эпиграфом к пятой главе «Евгения Онегина» Пушкин взял стихи из «Светланы»:

О, не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана!

Жуковский
(VI, 97)

Образ Татьяны соотносится с образом Светланы; с балладой Жуковского в романе Пушкина связаны сцена гадания и сон Татьяны. Но если пятая глава, во многом восходящая к Жуковскому, наделена признаками высокой лирической поэзии,

⁶ Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 18. Далее текст «Светланы» цитируется по этому изданию с указанием в скобках тома и страницы арабскими цифрами.

то в «Сводне» поэтический мир, созданный Жуковским в «Светлане», пародируется в жанровой картинке фривольного содержания.

Таким образом, можно говорить о том, что пушкинское стихотворение «Сводня» перекликается с поэмой В. Л. Пушкина «Опасный сосед» и пародирует балладу Жуковского «Светлана». Заметим, что «Светлана» и ранее пародировалась Пушкиным: по наблюдению И. А. Пильщикова и М. И. Шапира «в начальном стихе „Тени Баркова“ можно также увидеть пародию на первый стих баллады Жуковского „Светлана“».⁷

Небезынтересно указать на то, что в «Сводне» нашли отражение два произведения, некоторым образом связанные друг с другом. Созданные в одно время («Опасный сосед» — в 1811 г., «Светлана» — в 1808—1812 гг.), поэма В. Л. Пушкина и баллада Жуковского включают в себя сходное описание мчащихся коней:

Пустился дым густой из пламенных ноздрей
По улицам как вихрь несущихся коней. (С. 157)

Сели... кони с места враз;
Пышут дым ноздрями;
От копыт их поднялась
Вьюга над санями. (2, 20)

По позднейшему свидетельству Вяземского, стих из «Опасного соседа» «Херы с покоем сцеплялись по стенам» был сочинен Жуковским.⁸

И последнее. «Опасный сосед» В. Л. Пушкина, «Светлана» Жуковского — сочинения арзамасцев (написанные до возникновения «Арзамаса», они вошли в литературную практику этого общества; поэма В. Л. Пушкина арзамасцами всячески превозносилась, название баллады Жуковского стало арзамасским прозвищем ее автора, арзамасское прозвище Пушкина «Сверчок» — также из этой баллады). Не исключено, что пародирование лирической баллады Жуковского в пушкинском стихотворении «Сводня», восходящей к бытописательной пародийной поэме В. Л. Пушкина, может быть объяснено еще и арзамасской традицией.

Н. И. Михайлова

⁷ Пушкин А. С. Тень Баркова. Тексты. Комментарии. Экскурсы / Изд. подгот. И. А. Пильщиков, М. И. Шапир. М., 2003. С. 329.

⁸ Старина и новизна. М., 1904. Кн. 8. С. 45.

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К «ЕВГЕНИЮ ОНЕГИНУ»

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ШЕСТОЙ ГЛАВЫ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»

При всем многообразии исследований, посвященных пушкинскому роману в стихах, существует еще множество проблем, связанных с ним, пушкинистами не рассмотренных. Одной из них безусловно является творческая история создания шестой главы романа.

Хронология работы над ее текстом нам практически неизвестна. Принято считать, что глава писалась в 1826 г. в Михайловском параллельно с главой пятой, но дату начала работы, как и дату ее окончания, мы не знаем. Есть пушкинская помета под черновиком строфы XLV — 10 августа. Но и здесь обращает на себя внимание любопытный казус.

Так, в большом академическом издании сочинений поэта указанная дата отнесена к 1826 г.: «Шестая глава писана в Михайловском в 1826 году, по-видимому, до окончания главы пятой. Под строфой XLV помета — 10 августа».¹

Те же сведения привел Ю. М. Лотман в известном комментарии к роману.² Однако Б. В. Томашевский в малом академическом издании, вышедшем под его редакцией, отнес эту дату к 1827 г.:

«Глава написана в 1826 г., как и предыдущая; она была окончена уже к 1 декабря, и, следовательно, Пушкин начал ее писать еще до окончательной отделки пятой главы. Так как рукописи этой главы до нас не дошли, то мы не знаем точно время работы над этой главой. Пушкин продолжал отделывать и дополнять главу и в 1827 г. В этом году, 10 августа, были написаны строфы XLIII—XLV (курсив мой. — В. Е.)».³

В вышедших сравнительно недавно летописи и хронике жизни и творчества поэта дата «10 августа» отнесена к 1827 г. При этом в «Летописи...» эта дата почему-то отмечена также и в 1826 г., и мы, к немалому удивлению, обнаруживаем под нею следующую запись: «Помета „10 авг.“ под черновиком главы

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. М., 1995. Т. 6. С. 661. Там же указано, что глава пятая «окончена и переписана 22 ноября 1826 г.».

² Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1983. С. 17.

³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1978. Т. 5. С. 499.

пятой строфы XLV „Евгения Онегина”». ⁴ В «Хронике...» утверждается, что дата «10 авг.» якобы стоит под строфами XLIII—XLIV (шестой главы), ⁵ хотя на самом деле она стоит под строфой XLV, в чем легко убедиться, открыв т. 6 большого академического издания на с. 410 или описание рабочей тетради Пушкина ПД 836, выполненное Р. В. Иезуитовой. ⁶

Столь противоречивые указания специалистов наглядно иллюстрируют уровень нашей осведомленности об истории создания шестой главы.

Положение усугубляется отсутствием рукописей главы: до нас дошли лишь черновые автографы строф XLIII—XLV и наброски еще двух строф, не нашедших своего места в окончательной редакции главы, а также беловые автографы строф XV, XVI и XXXVIII, оказавшихся в окончательной редакции пропущенными.

Вот и все, что осталось от рукописей шестой главы. Такая ситуация с автографами ставит ее в совершенно особое положение по сравнению с другими главами романа, сохранившимися с достаточной полнотой. ⁷

Вряд ли можно говорить о случайном исчезновении столь объемного текста. Скорее всего, он был уничтожен самим автором. Но для этого должны были существовать какие-то веские причины.

В летописях и хронике жизни и творчества Пушкина, уже упомянутых выше, сообщается, что поэт жег свои бумаги в ночь с 3-го на 4 сентября 1826 г.: «Приезд в Михайловское из Пскова офицера с письмом Адеркаса. Арина Родионовна плачет. Пушкин успокаивает ее. Посылает за своими пистолетами садовника Архипа в Тригорское. Уничтожает черновую „Михайловскую” тетрадь, содержащую часть автобиографических записок, черновики „Бориса Годунова” и „некоторые стихотворные пьесы”... (курсив мой. — В. Е.)». ⁸

Вряд ли черновые рукописи шестой главы могли быть сожжены в то же время, до завершения работы над нею. Скорее,

⁴ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 2. С. 290.

⁵ Хроника жизни и творчества А. С. Пушкина: В 3 т. М., 2000. Т. 1, кн. 1. С. 204.

⁶ Иезуитова Р. В. Рабочая тетрадь Пушкина ПД 836: (История заполнения) // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1991. Т. 10. С. 127.

⁷ Глава десятая ввиду сложности вопроса, а также в связи с тем, что в окончательную редакцию романа она никогда не входила, в данном случае не рассматривается.

⁸ Летопись... Т. 2. С. 167.

они были уничтожены в другое время, отдельно от рукописей, упомянутых в «Летописи...» В таком случае необходимость их уничтожения диктовалась не внешними обстоятельствами, а внутренними побуждениями, что также предполагает существование особых причин для такого решения. Но никакой определенной информацией о времени и обстоятельствах уничтожения черновых рукописей шестой главы мы не располагаем.

Возможно, уничтоженные рукописи содержали слишком откровенные подробности личной жизни автора (его интимных переживаний) или какие-либо выпады политического характера, небезопасные для него в случае обнаружения.

Но и беловая рукопись до нас не дошла. Известно, правда, что она могла быть отправлена Пушкиным в Тригорское П. А. Осиповой, что явствует из его письма к ней, написанного не позднее 10 марта 1828 г.: «Беру на себя смелость послать вам три последние песни Онегина (гл. IV, V и VI; последняя, видимо, в рукописи, ибо выйдет из печати 23 марта); надеюсь, что они заслужат ваше одобрение».⁹

Какие же интимные подробности личной жизни или политические выпады в адрес власти могли таить в себе рукописи шестой главы?

Чтобы попытаться ответить на эти вопросы, следует внимательно рассмотреть печатную редакцию главы и те несколько автографов, что дошли до нас.

Интерес в этом смысле представляет строфа III печатной редакции, в которой находим известную нам по стихотворению «Простишь ли мне ревнивые мечты...» (1823) тему ревности:

Его неожиданным появленьем,
Мгновенной нежностью очей
И странным с Ольгой поведеньем
До глубины души своей
Она проникнута; не может
Никак понять его; тревожит
Ее ревнивая тоска,
Как будто холодная рука
Ей сердце жмет...

(Курсив мой. — В. Е.)

Последние три стиха Ю. М. Лотман сопоставил со следующими тремя стихами пушкинского перевода «Из Ариостова „Orlando furioso“», сделанного, как принято считать, в те же месяцы (январь—июль), когда писалась глава:

⁹ Хроника... Т. 1, кн. 1. С. 306.

И нестерпимая тоска,
Как бы холодная рука,
Сжимает сердце в нем ужасно...

«Возможно, что именно интерес к психологии ревности определил выбор этого текста для перевода», — предположил Ю. М. Лотман.¹⁰

Иное соображение относительно причин возникновения перевода предлагает В. С. Непомнящий, сопоставивший перевод с элегией «Под небом голубым страны своей родной...», написанной, как явствует из даты, начертанной на рукописи рукой Пушкина, 29 июля 1826 г.

В. С. Непомнящий делает весьма убедительное предположение, что перевод и элегия являются откликом на одно и то же событие — известие о смерти Амалии Ризнич, полученное Пушкиным 25 июля 1826 г.: «Сходство перевода — сделанного, в общем, с замечательной точностью — с элегией разительно, оно не могло не остаться незамеченным, но почти не осмыслено... В сущности, элегия и перевод образуют единый контекст. Необходимо подчеркнуть, что, собственно, разумеется само собой, но при разборе стихов Пушкина часто забывается. Элегия, конечно, не могла быть написана сразу в момент известия о смерти; она не есть первая непосредственная реакция, она — *рефлексия над реакцией*, отделенная каким-то временем: не „отражение“ испытанных чувств, а — постижение их. Вероятно, для этого и оказался нужен перевод, где описывается чужой — Орланда, — но сходный опыт...».¹¹

Касаюсь вопроса о датировке перевода, В. С. Непомнящий отмечает: «Академическое собр. соч. (Н. В. Измайлов) датирует перевод „январем — июлем (?) 1826 г.“ (см. III, 1126). Конечно, следует оставить только июль, даже конец июля, и избавиться от знака вопроса — то есть признать, что перевод мог быть сделан только после получения вести о смерти Амалии Ризнич».¹²

Признавая справедливость предложения автора датировать перевод концом июля, мы отдаем себе отчет в том, что такое признание влечет за собой далеко идущие последствия, ведь строфа III главы, как это отметил Ю. М. Лотман, также связана с переводом: она написана в одно время с ним или после него. Это должно означать, что работа над шестой главой романа

¹⁰ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина... С. 287.

¹¹ В. С. Непомнящий. Пушкин: Русская картина мира. М., 1999. С. 208—211.

¹² Там же. С. 210.

(во всяком случае, со строфы III) началась также в конце июля, после получения известия о смерти Ризнич.

И значит, испытываемые Татьяной муки ревности являются отражением чувств, обуревавших Пушкина в связи с получением известия о смерти бывшей возлюбленной, отражением нахлынувших на него с новой силой воспоминаний о ней, о приступах ревности, охватывавших его самого летом 1823 г. в Одессе.

Подтверждение нашим рассуждениям находим в пропущенных строфах XV и XVI, дошедших до нас по копии В. Ф. Одоевского и опубликованных в 1887 г. Я. К. Гротом. Строфы эти сопровождают описание мук ревности уже не Татьяны, а Ленского, но от того их биографический подтекст не становится менее явным:

XV

Да, да, ведь ревности припадки —
Болезнь, так точно как чума,
Как черный сплин, как лихорадка,
Как повреждение ума.
Она горячкой пламенеет,
Она свой жар, свой бред имеет,
Сны злые, призраки свои.
Помилуй Бог, друзья мои!
Мучительней нет в мире казни
Ее терзаний роковых.
Поверьте мне: кто вынес их,
Тот уж конечно без боязни
Взойдет на пламенный костер,
Иль шею склонит под топор.

XVI

Я не хочу пустой укорой
Могилы возмущать покой;
Тебя уж нет, о ты, которой
Я в бурях жизни молодой
Обязан опытом ужасным
И рая мигом сладострастным
Как учат слабое дитя,
Ты душу нежную, мутя,
Учила горести глубокой.
Ты негой волновала кровь,
Ты воспаляла в ней любовь
И пламя ревности жестокой;
Но он прошел, сей тяжкий день:
Почий, мучительная тень!

(Курсив мой. — В.Е.)

Выделенные нами стихи свидетельствуют о том, что эти строфы написаны после 25 июля 1826 г., после получения скорбной вести о смерти Ризнич. Если воспользоваться выражением В. С. Непомнящего, они вместе с переводом из Ариосто и элегией «Под небом голубым страны своей родной...» в сущности «образуют единый контекст».

Вполне вероятно, что именно первая половина главы (до строфы XXIV: «Но ошибался он: Евгений...»), связанная с темой ревности и написанная, как это теперь становится ясно, после 25 июля 1826 г., содержала, как и приведенные пропущенные строфы, немало личного. Возможно, кроме этих строф существовали и другие лирические отступления, обращенные к Амалии Ризнич, или это случайно ставшее известным нам лирическое отступление было более развернутым.

Такие лирические откровения, воспоминания о любви и ревности, пережитых в Одессе подле молодой итальянско-сербской красавицы, вполне могли послужить причиной уничтожения рукописей главы.

Другой темой, послужившей впоследствии причиной уничтожения черновых рукописей, могла быть тема казни декабристов. Так, в сохранившемся не полностью беловом автографе пропущенной в печатной редакции строфы XXXVIII (бегло рисуя возможные итоги жизненной судьбы Ленского, если бы он не погиб на дуэли) находим стих политического содержания, который по меньшей мере не прошел бы через цензуру:

Иль быть повешен, как Рылеев...¹³

Стих о Рылееве указывает, что строфа XXXVIII была написана после получения Пушкиным 24 июля 1826 г. известия о

¹³ Любопытный комментарий дал В. В. Набоков к следующим стихам той же строфы:

Исполня жизнь свою отравой,
Не сделав многого добра,
Увы, он мог бессмертной славой
Газет наполнить нумера.
Уча людей, мороча братьий
При громе плесков и проклятий...

Комментарий Набокова:

«Этот образ свидетельствует о пушкинском предвидении, ибо подобные качества были свойственны превозносимым или ненавидимым журналистам 1850—1870-х гг., таким как радикалы Чернышевский, Писарев и другие политико-литературные критики гражданской направленности — тип резкий и жесткий, еще не существовавший в 1826 г., когда писалась эта восхитительная строфа» (Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998. С 471).

казни декабристов. Это важнейшее в 1826 г. событие политической жизни России также могло найти развернутое отражение в черновиках шестой главы.

Определенный биографический подтекст угадывается и в строфах IV—VII печатной редакции, где в образе Зарецкого некоторые исследователи склонны были видеть отдельные черты Ф. И. Толстого-Американца, известного бретёра и картежника, к дуэли с которым Пушкин готовился все годы ссылки. В этом месте черновой рукописи могли содержаться более откровенные выпады в адрес Толстого-Американца.

В подтверждение актуальности для Пушкина этой темы приведем фрагмент из публикации М. Н. Логинова в «Русском архиве» в 1865 г., касающийся встречи Пушкина с С. А. Соболевским вечером 8 сентября 1826 г. по приезде Пушкина в Москву: «Тут же, еще в дорожном платье, Пушкин поручил ему (Соболевскому. — В. Е.) на завтрашнее утро съездить к известному „американцу“ графу Толстому с вызовом на поединок».¹⁴

Явный биографический подтекст улавливается и в одной из сохранившихся черновых строф, не вошедших в окончательную редакцию главы:

Но плакать и без раны можно
О друге, если был он мил
Нас не дразнил неосторожно
И нашим прихотям служил.
(Но если Жница роковая
Окровенная, слепая,
В огне, в дыму — в глазах отца
Сразит залетного птенца!)
О страх! о горькое мгновенье
О Ст(роганов) когда твой сын
Упал сражен, и ты один.
[Забыл ты] [Славу] <и> сраженье
И предал славе ты чужой
Успех ободренный тобой

(Курсив мой. — В. Е.)

В. В. Набоков со ссылкой на Ю. Н. Тынянова справедливо указал, что под носителем внезапно обрушившейся на него «чужой славы» подразумевался здесь одесский недруг Пушкина («пушкинский *bête noire*») граф М. С. Воронцов. Воронцов принял командование дивизией в сражении при Кране во Франции 7 марта 1814 г., когда граф Павел Строганов «поки-

¹⁴ Хроника... Т. 1, кн. 1. С. 20.

нул поле битвы, узнав, что его девятнадцатилетний сын Александр обезглавлен пушечным ядром».¹⁵

Возможно, в соседних строфах, не дошедших до нас (или на полях черновики), тема неприязни к Воронцову имела слишком откровенное продолжение. Отметим также, что тема, намеченная стихом «И предал славе ты чужой», в дальнейшем была развита и существенно укрупнена в стихотворении «Полководец».

Таким образом, черновики шестой главы могли содержать немало личных мотивов, но наиболее важной для нас является несомненная связь ее первой части с воспоминаниями об Амалии Ризнич.

Теперь постараемся уточнить сроки работы над шестой главой, создававшейся одновременно с пятой в 1826 г. К работе над пятой главой Пушкин приступил 4 января 1826 г., поставив эту дату над первой строфой чернового текста.

До 1 февраля были написаны первые 24 строфы.¹⁶ Правда, в «Хронике...» утверждается, что строфы XXI—XXIV написаны «9...15(?) ноября» 1826 г.¹⁷ Однако вряд ли перерыв в работе между строфами XX и XXI—XXIV, представляющими собой завершение единого эпизода («сна Татьяны»), мог составить 8 с лишним месяцев. Вероятнее, что «сон Татьяны» был дописан до конца (строфа XXIV), а затем наступил перерыв в работе.

Известно, что глава была завершена к 22 ноября 1826 г.¹⁸ после возвращения Пушкина из Москвы и перед новым отъездом в старую столицу.

Что же касается главы шестой, то, как мы уже отмечали, все исследователи сходятся в том, что она «писана в Михайловском в 1826 году». В «Летописи...» этот срок несколько сужен:

«Январь(?) ... Ноябрь, 25(?). Шестая глава (кроме строф XLIII—XLV) Евгения Онегина».¹⁹

Такое обозначение, конечно, слишком расплывчато во времени. Постараемся его по возможности конкретизировать.

При этом мы будем исходить из предположения, что сначала писалась вторая часть главы, собственно «поединок», начинающаяся со строфы XXIV («Но ошибался он: Евгений...»).

¹⁵ Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 470; *bête noire* — предмет ненависти.

¹⁶ Иезуитова Р. В. Рабочая тетрадь Пушкина... С. 138.

¹⁷ Хроника... Т. 1, кн. 1. С. 73.

¹⁸ Иезуитова Р. В. Рабочая тетрадь Пушкина... С. 142.

¹⁹ Летопись... Т. 2. С. 121.

Наше предположение основывается на том, что работа над пятой главой, как мы уже отметили, прервалась на строфах XXI—XXIV, где поединок Онегина с Ленским уже пререшен сновидением Татьяны:

XXI

Спор громче, громче; вдруг Евгений
Хватает длинный нож, и вмиг
Повержен Ленский; страшно тени
Стутились; нестерпимый крик
Раздался... Хижина шатнулась...
И Таня в ужасе проснулась...

Последующие три строфы посвящены раздумьям Татьяны над страшным сном и поисками его толкования с помощью гадательной книги Мартына Задеки.

Именно здесь, как мы знаем, была прервана работа над пятой главой. Далее в главе идет (строфы XXV—XLV) описание именин Татьяны, развитие сюжета существенно замедлено. Сюжет в этой части главы двигают вперед лишь несколько строф: конец XXIX, XXX, XXXI, XLI, XLIV, XLV.

По этой причине Пушкин, которому вторая часть главы, по-видимому, была уже мысленно ясна, мог сразу перейти к поединку Онегина с Ленским.

Собственно, так он поступал и ранее. Например, при работе над «сном Татьяны» строфы XV—XVII (описание шалаша-хижины, в которую приносит Татьяну медведь) были пропущены и написаны только после строф XVIII—XX. Причина та же: в пропущенных первоначально строфах развитие сюжета замедлено, и Пушкин, оставив их «на потом», перешел к окончанию эпизода, вплоть до фрагмента строфы XXI, который мы уже приводили («Спор громче, громче; вдруг Евгений...»)²⁰

Таким образом, вторая часть шестой главы была написана, по нашему предположению, раньше первой ее части и раньше, чем вторая часть главы пятой (описание именин Татьяны).

По-видимому, к концу июля 1826 г., когда до Михайловского дошла весть о смерти Амалии Ризнич, вторая часть главы шестой (поединок Онегина с Ленским) была вчерне завершена. Воспоминания о безвременно ушедшей возлюбленной, о муках ревности, пережитых когда-то, послужили творческим импульсом для работы над первой частью главы, ведущая тема которой оказалась созвучной охватившим его воспоминаниям.

²⁰ *Иезуитова Р. В.* Рабочая тетрадь Пушкина... С. 137—138.

«Интерес к психологии ревности», отмеченный Ю. М. Лотманом в связи с приведенными нами выше стихами строфы III главы шестой, сопряжен был с воспоминаниями о Ризнич.

Эта часть главы (до строфы XXIV) была написана до внезапного отъезда в Москву в ночь с 3-го на 4 сентября 1826 г.²¹ Затем в ноябре того же года (после возвращения из Москвы и перед новым отъездом туда) с 9 по 22-е была дописана глава пятая, ее вторая часть — описание именин Татьяны.

Вот почему уже 1 декабря, находясь в Пскове в связи с дорожной аварией и полученными в результате нее травмами, Пушкин пишет Вяземскому: «Во Пскове вместо того, чтобы писать 7-ю главу Онегина, проигрываю в штос четвертую...».

Это означает, что пятая и шестая главы романа уже написаны.

Более того, в период с 19 декабря 1826 г. (дата приезда Пушкина в Москву) по 5 января 1827 г. Пушкин читает шестую главу в кругу друзей, о чем сообщает Вяземский в письме к А. И. Тургеневу от 6 января 1827 г.: «Есть прелести образцовые. Уездный деревенский бал уморительно хорош. Поединок двух друзей, Онегина и Ленского описан превосходно...», — и особенно отмечает строфу XXXII, где Пушкин сравнивает смерть Ленского «с домом опустевшим: окна забелены, ставни закрыты — хозяйки нет, а где она, никто не знает. Как все это сказано, как просто и сильно, с каким чувством».²²

Такой представляется нам последовательность работы над пятой и шестой главами романа в 1826 г. в Михайловском.

Подводя итоги нашим размышлениям, остановимся на том убеждении, что в сравнительно размеренную жизнь Пушкина в конце июля 1826 г. вторглись два ошеломивших его известия:

24 июля — о казни декабристов,

25 июля — о смерти Амалии Ризнич.²³

Откликом на эти известия, вызвавшие мощный эмоциональный всплеск в сознании Пушкина, явилась работа над первой частью шестой главы «Евгения Онегина», ведущей темой

²¹ Тот же срок окончания главы назван И. М. Дьяконовым в статье «Об истории замысла „Евгения Онегина“» (Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1982. Т. 10. С. 90).

²² Летопись... Т. 2. С. 225.

²³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. Т. 17. С. 248.

которой была тема ревности. Рукописи главы впоследствии были уничтожены автором. Гипотетические причины такого поступка изложены нами выше. Отчетливый след не полностью дошедшего до нас творческого порыва представляют собой те несколько черновых и беловых автографов шестой главы, на которых мы здесь останавливались.

В описании рабочей тетради Пушкина, в которой создавалась глава шестая, сообщается, что из нее (до появления в ней жандармской нумерации в феврале 1837 г.) было вырвано 34 листа.²⁴ Скорее всего, именно на этих листах и были записаны строфы шестой главы.

В. М. Есипов

²⁴ *Иезуитова Р. В. Рабочая тетрадь Пушкина... С. 122.*

ЛЕГКОЕ БРЕМЯ (ОТЗВУК ЛИТУРГИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ В РОМАНЕ ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»)

Приведенные ниже строки из второй главы «Евгения Онегина» (строфа IV, 6—9) принадлежат к наиболее известным и легко всплывающим в памяти фрагментам романа:

В своей глуши мудрец пустынный,
Ярем он барщины старинной
Оброком легким заменил;
И раб судьбу благословил.

(VI, 32)

В литературе, посвященной «Онегину», обычно отмечается либеральный характер реформ, предпринятых героем в унаследованном имении, и комментируются хозяйственные стороны учрежденного им нового порядка.¹ Между тем особый интерес представляют здесь не только место оброка и барщины в жизни старой русской деревни, и не только связь онегинских преобра-

¹ «Онегин (...), переведя крестьян на оброк, (...) не только облегчил их труд, но и значительно уменьшил свои доходы» (*Лотман Ю. М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. 2-е изд. Л., 1983. С. 179; ср.: Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Пер. с англ. / Науч. ред. В. П. Старк. СПб., 1998. С. 221 (ориг. изд.: Eugene Onegin: A Novel in Verse by Aleksander Pushkin / Transl. from the Russian with a comment. by V. Nabokov. New York, 1964. Vol. 1—4).*

зований с идеями Союза благоденствия. Четвертая строфа второй главы «Онегина» примечательна своим словесным рядом, довольно неожиданным образом напоминающим о церковнославянской поэтической стихии. Так, в тексте молитвы над оглашенными на Божественной литургии Св. Василия Великого² читаем:

ГДН БЖЕ НАШ, НИЖЕ НА НЕБЕВЕРЪХЪ ЖИВЫЙ И ПРИЗРАИ НА
ВСА ДѢЛА ТВОА: ПРИЗРИ НА РАБЫ ТВОА ШГЛАШЕННЫА,
ПРИКЛОНЬШЫА СВОА ВЫА ПРѢДЪ ТВОЮ, И ДАЖДЪ ИМЪ
ЛЕГКІЙ ТАРЕМЪ, СОТВОРИ НХЪ ОУДЫ ЧЕСТНЫ СТЫА ТВОЕА
ЦРКВЕ, И СПОДОБИ НХЪ БАНИ ПАКНБЫТІА, ОСТАВЛЕНІА
ГРѢХОВЪ И ШДЕЖДЫ НЕГЛѢНІА, ВЪ ПОЗНАНІЕ ТБЕ
ИСТИННАГО БГА НАШЕГО.

Нетрудно заметить, что прошение *даждь имъ легкій таремъ* (δοος αυτοις τοσν ελαφρον ζυγοσ³) восходит к заключительным (29—30) стихам XI главы Евангелия от Матфея, часто звучащим во время богослужения:⁴

ВОЗМИТЕ ИГО (ζυγοσ) МОЕ НА СЕБЕ, И НАУЧИТЕСА Ѡ
МЕНЕ, ТАКО КРОТОКЪ БЕМЪ И СМЯРЕНЪ СЕРДЦЕМ; И
ШБРАЩАЕТЕ ПОКОЙ ДЪШАМЪ ВАШЫМЪ. ИГО (ζυγος) БО
МОЕ БЛАГО И БРЕМА (φορτίον) МОЕ ЛЕГКО БЕТЬ.

Несмотря на то что литургический текст исключительно точно передает смысл евангельской максимы о легком бремени христианства, между молитвой об оглашенных и новозаветным фрагментом нет прямой лексической связи.⁵ Но здесь нужно иметь в виду, что славянские *иго*, *таремъ* и *брема*⁶ синонимичны в той же степени, что и греческие ζυγος и φορτίον, смысл кото-

² Соответствующая молитва на литургии св. Иоанна Златоуста звучит несколько иначе.

³ Цит. по стандартному изданию греческого служебника: ΕΥΧΟΛΟΓΙΟΝ. Roma, 1873. С. 81.

⁴ Греческая лексика приводится по критич. изд. Нового Завета: The Greek New Testament. 4th rev. ed. / Eds. B. Aland, K. Aland et al. Stuttgart, 1994.

⁵ За рамками данной работы остается вопрос: считать ли тоσ ελαφρον ζυγοσ u литургии Василия Великого свободной парафразой евангельского тоσ φορτίον μου ελαφρον εσ στίυ или же предположить, что составитель молитвы ориентировался на какой-то нетрадиционный рукописный вариант новозаветного текста.

⁶ В древнейших рукописях писалось также *тарьма* и *брѣма*; см.: Срезневский И. И. Материалы по истории древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893—1903. Т. 1—3; см.: Т. 1. С. 186; Т. 3. С. 1664; Старославянский словарь (по рукописям X—XI вв.) / Ред. Р. М. Дейтлин, Р. Вечерка, Э. Благова. М., 1994. С. 102, 797.

рых они должны были передать. Так, в позднейших переводах Евангелия ζυγός — это иго, но в древности это слово могло передаваться и как *гарѣмъ*.⁷ В обыденном русском словоупотреблении церковнославянскому *гарѣмъ* («иго, деревянный хомут на рабочий скот; время, тягость, тяжкий труд, гнет, рабство, неволя»⁸) соответствует, как известно, слово «ярмо». Пушкин использовал обе эти формы, хотя в большинстве случаев предпочитал церковнославянский вариант.⁹

Само по себе появление слова «ярем» на страницах «Евгения Онегина», возможно, не заслуживало бы особого внимания,¹⁰ если бы в лексическом строе пушкинского отрывка не был бы столь отчетливо слышен отзвук библейско-литургического фразеологизма — хотя вряд ли стоит говорить здесь о прямом заимствовании или о скрытой цитате (исключать этой возможности тем не менее нельзя). В любом случае в контексте богослужебной лирики текст Пушкина обретает дополнительные (и вне этого контекста не сразу заметные) смысловые оттенки. Характерно то, каким образом славянский фразеологизм вторгается в этот эпизод романа: от слова «ярем» отделен его традиционный эпитет, и «легкий ярем» превращен в «оброк легкий». Слову «ярем» возвращена его изначальная образность; она усилена словесным рядом, в котором соседствуют «барщина» (в первом беловом автографе еще выразительнее — «боярщина» (VI, 557)) и «старина». К церковной лексике может быть отнесено и слово «раб»;¹¹ его нет в

⁷ *гарѣмъ бо мон ѿгъ*: (Срезневский И. И. Материалы по истории древнерусского языка. Т. 3. С. 1664, со ссылкой на Юрьевское Евангелие (ок. 1119 г.)).

⁸ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка [Репринт. изд. 1903—1909 гг. под ред. И. А. Бодуэна де Куртене]. М., 1994. Т. 1—4; см.: Т. 4. С. 1576—1577.

⁹ Словарь языка Пушкина / Ред. В. В. Виноградов и др. М., 1956—1961. Т. 1—4; см.: Т. 4. С. 1039, 1041; Новые материалы к Словарю языка Пушкина / Ред. В. В. Виноградов. М., 1982. С. 276.

¹⁰ Уже отмечалось, что использование Пушкиным так называемых символов зависимости (иго, ярмо, оковы, сети, цепи и т. д.) не выходит за пределы словоупотребления, сложившегося в XVIII в.: Григорьева А. Д. Поэтическая фразеология Пушкина // Поэтическая фразеология Пушкина: Сб. научн. тр. / Отв. ред. В. Д. Левин. М., 1969. С. 233.

¹¹ Упразднение при Екатерине II этого слова как официального обозначения определенной категории населения не привело к исчезновению его из литературного языка и из повседневной жизни; см.: Лотман Ю. М. Очерки по истории русской культуры XVIII—начала XIX в. // Из истории русской культуры. Т. 4: (XVIII—начало XIX в.) / Сост. А. Д. Кошелев. М., 1996. С. 271—272; Словарь языка Пушкина. Т. 3. С. 903—904. Никто не пытался, однако, изгнать слово «раб» из русского церковного обихода (стереотипное «раб Божий»; ср. «Господний раб» в эпитафии Дмитрию Ларину — гл. 2, XXXVI).

первых изданиях «Онегина», где (возможно, отдавая дань цензуре) судьбу благословляет просто «мужик», но оно появляется как в черновиках, так и в белой рукописи романа (VI, 264, 557, 645).

Появление славянизмов во второй главе «Онегина» вполне закономерно: именно здесь «обоженная rus¹² (...) незаметно приобретает (...) приметы стилизованной Руси».¹³ В оппозиции «городского» и «деревенского» (столь существенной для романа в целом) немногочисленные реалии русского церковного быта сосредоточены именно в сфере усадебной, подчеркнута патриархальной жизни (старшие Ларины, говеющие «два раза в год», на Троицу роняющие ритуальные слезы на связку «зари»,¹⁴ няня, кропящая Татьяну святой водой, etc.). Онегин в рамках этого жизненного уклада, разумеется, малопредставим. Само по себе введение славянской лексики в описание деревенской жизни героя косвенным образом подчеркивает его принадлежность к миру иных культурных ценностей.¹⁵ Галлизированный Онегин, «мод воспитанник примерной», облечен в мало подходящие ему ризы старосветского феодала и наделен харизмой превратить тяжкий «ярем боярщины» в «легкое бремя» оброка. Славянизмы придают поступку Онегина характер якобы сакрального акта и превращают его крестьян в некое подобие «оглашенных рабов» литургической молитвы, которым ничего не остается, как стилизованно благословлять «судьбу» или — по одному из черновых вариантов — «небо»:

Свободы [сеятель пустынный,]
Ярмо он барщины старинной
Оброком легким заменил,
И Небо раб благословил.

(VI, 264)

¹² Лат. «деревня»; см. эпитафии ко второй главе романа.

¹³ Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 49.

¹⁴ Гл. 2, XXXXV; см.: Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 204—205; Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 271—272.

¹⁵ «...любая культурная традиция, осознаваемая как не своя, т. е. выступающая как материал поэтического отчуждения, может обусловить у Пушкина появление славянизмов, если для этого находится хоть какая-то историко-культурная мотивировка» (Успенский Б. А. Язык Державина // Из истории русской культуры. Т. 4: (XVIII—начало XIX в.) / Сост. А. Д. Кошелев. С. 794 (ранее изд. в кн.: Лотмановский сборник / Сост. и ред. Е. В. Пермяков. М., 1995. Вып. 1. С. 334—352)).

Показательна связь этого варианта с написанным несколько позднее стихотворением, во второй строфе которого появляется уже не славянский «ярем», но стилистически низкое «ярмо»:

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В поработанные бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...
Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремящими да бич.

(II, 302)

Таким образом, пушкинское описание онегинских реформ примыкает к характерным для русской культуры нового времени примерам скептического отношения к самой возможности преобразований в косном и не желающем никаких перемен обществе. Деревенская идиллия оборачивается политической иронией, а «легкое бремя» (в переносном смысле) выпадает на долю самих пушкинских «библейств». ¹⁶ С полным основанием их можно ввести в круг легкомысленных реминисценций церковной фразеологии, распространенных в литературном обиходе XVIII—XIX вв. ¹⁷ и сохранившихся до сего дня в русском клерикальном быту.

Известно, что за многими из фразеологических оборотов Пушкина скрываются словесные стереотипы, характерные для иноязычных литературных традиций (преимущественно для французской поэзии XVII—XVIII вв., хотя и не только для нее). В некоторых случаях способ, которым Пушкин вводит эти — иногда вполне тривиальные ¹⁸ — словосочетания в язык русской поэзии, отмечен предельной виртуозностью. Так, по

¹⁶ Le mot самого Пушкина (II, 267; заметки на полях «Опытов в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова).

¹⁷ См.: Живов В. М. Кошунственная поэзия в системе русской культуры конца XVIII—начала XIX века // Из истории русской культуры. Т. 4: (XVIII—начало XIX в.). С. 701—754; ранее опубликовано в изд.: Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. 1981. Вып. 546. (Труды по знаковым системам. Т. 13: Семиотика культуры). С. 56—91.

¹⁸ «Вопиющее гальское клише», — восклицает В. В. Набоков, отмечая один из случаев такого рода: Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 211.

сообщению И. А. Бродского, А. А. Ахматова отмечала происхождение характерного для Пушкина словосочетания «дикий брег» от стандартной французской рифмы «rivage—sovage».¹⁹ В этом случае Пушкин соединяет русские аналоги двух слов, никогда не шедших друг за другом в современной ему французской лирике, и образует из них устойчивый фразеологизм. Однако во второй главе «Онегина» устойчивое словосочетание проделывает диаметрально противоположный путь: здесь расщеплен надвое — и тем самым замаскирован — фразеологизм, уже освященный традицией, на сей раз церковнославянской. Слова литургической молитвы входят в текст романа в пародийно сниженном виде. Они теряют свою высокую, восходящую к Новому Завету парадоксальность, но под пером Пушкина обретают качество иного рода — парадоксальность игры со смыслами и значениями архаических пластов русской культуры.

В. Карцовник

¹⁹ Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М., 1998. С. 228. Ранее на англ. яз.: Volkov S. Conversation with Joseph Brodsky: A Poet's Journey through the Twentieth Century. New York, s. a.

К ВОПРОСУ ОБ «ОБЩЕМ» И «ОБЫКНОВЕННОМ» В ПРОЗЕ ПУШКИНА 1830-х гг.

Основные тенденции в изучении природы семантико-стилевых соответствий в поэтике Пушкина 1830-х гг. современной наукой определены достаточно четко. Проблема соотношения («разыгрывания») «простого слова» и слова «условно-поэтического» применительно к эволюции пушкинского стиля освещалась с такой последовательностью и концептуальной многомерностью, что по сути очертила самостоятельную область пушкиноведения, сосредоточившуюся на данном аспекте поэтики.¹

¹ См., например: Бочаров С. Г. Поэтика Пушкина: Очерки. М., 1974; Бройтман С. Н. Русская лирика XIX—начала XX века в свете исторической поэтики: Субъектно-образная структура. М., 1997; Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941; Гинзбург Л. Я. О лирике. 2-е изд. Л., 1974; Грехнев В. Мир пушкинской лирики. Н. Новгород, 1994; Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М., 1995; Сквозников В. Д. Стиль Пушкина // Теория литературы: Основные проблемы в историческом освещении. М., 1965. Кн. 3. С. 60—97; Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля: Повествовательная проза и лирика. 2-е изд. М., 1985; Шмид В. Проза Пушкина в поэтическом прочтении: «Повести Белкина». СПб., 1996.

Вместе с тем выстраивание той или иной системы взаимодействий «бытового» и «литературного» пластов в произведениях Пушкина, как правило, не предусматривает еще одного, не поддающегося определению в рамках «причинно-следственной» и «провиденциально-вероятностной» логики (С. Н. Бройтман) поэтологического комплекса — с ним, по-видимому, связано нечто настолько само собой разумеющееся и привычно-обыкновенное, что его присутствие осознается как своего рода «минус-прием», замещение чего-то «проходного» и воспринимаемого «между строк» внутри основного текста. Это явление, предполагающее не эволюцию поэтологических средств² и не новую эстетическую реальность, рождаемую на стыке «поэтического» и «простого слова», «в зоне их контакта — взаимоосвещения и парадоксального совмещения»³ может быть классифицировано как нечто изначально нейтральное, выявляющее не прямое отношение к традиционным дефинициям поэтики, выраженным в формах сюжета, времени, авторского «я», категории читателя и т. д. Налицо некое «выпадение» из стиля, выраженное наиболее привычной, констатирующей, унифицирующей лексикой. В ней угадывается прослеженная С. Г. Бочаровым в романе «Евгений Онегин» способность к взаимозамещаемости и одновременно интегрированности семантико-стилевых рядов. «Предметы-„прототипы”»⁴ составляют некую неопределенную среду, поскольку находятся в подвижном равновесии между двумя сферами: «обыкновенного» как жизненно-правдоподобного, воспринимаемого в качестве насущной данности, позволяющего, по замечанию Пушкина, «забыться и полагать, что описываемое происшествие не есть вымысел, но истина» (XI, 177) — и «общего», лишенного иллюзии буквального правдоподобия и в

² Л. Я. Гинзбург так определяет закономерности в динамических взаимодействиях «литературного» и «бытового» слова в пушкинской поэтике: «От прозрачного элегического стиля начала века Пушкин шел не к повышенной образности, а, напротив того, к „нагой простоте”. Навыки гармонической точности, однако, не прошли бесследно. Поэтика раннего Пушкина — не поэтика украшения вещей, но поэтика ... отбора и тонкого сочетания прекрасных слов. Зрелый Пушкин свободно отбирает и называет непредрежденные явления мира — духовного и материального, впервые превращая их в акт эстетический. Лексическая точность сочетается теперь с предметной. Повторяемость словосочетаний сменилась их кратностью...» (Гинзбург Л. Я. О лирике. С. 222).

³ См. об этом: Бройтман С. Н. Русская лирика... С. 109—111.

⁴ «Общий предметный мир вокруг Онегина и в отступлениях «я» — это предметы-„прототипы” и их двойники в романе. Автор пересаживает предметы из своего житейского опыта в роман, помещает их в новую композицию, строит из этой предметности новый подобный мир» (Бочаров С. «Форма плана»: Некоторые вопросы поэтики Пушкина // Вопросы литературы. 1967. № 12. С. 125).

этом смысле родственного «трагическому», на что указал Пушкин в примечании к заметке «〈Об Альфреде Мюссе〉» (1830):

«В эпиграфе к Д. Жуану:

Difficile est proprie communia dicere

Communia значит не обыкновенные предметы, но *общие* всем (дело идет о предметах трагических, всем известных, общих, в противоположность предметам вымышленным. См. *ad Pis. (ones)*)...» (XI, 176).

Если сферой «обыкновенного» мотивируется «драматургия» событий, продуцирующая движение повествования через сюжет и кульминационные моменты в нем, то область «общего» должна как бы «задерживать» это движение включением безотносительных к нему и наделенных дополнительными эстетическими смыслами безличных мест. С одной стороны, эта условная (и столь же безусловная) топика вбирает в себя означенные первой областью сюжетно-конкретные реалии; с другой — выносит их за локализованные границы частного, в беспредельность, находящуюся словно бы уже «за текстом».

О соотношении такого свойства свидетельствует поэтика отдельных глав романа «Дубровский». Так, начало главы V подчеркнуто информативно и определено в передаче обстановки, где совершается «печальный обряд»:

«День был ясный и холодный. Осенние листья падали с деревьев.

При выходе из рощи, увидели кистеневскую деревянную церковь и кладбище, осененное старыми липами.

...Владимир поспешно удалился, всех опередил, и скрылся в Кистеневскую рошу» (VIII, 178).

Сугубо житейский пласт повествования: «...отец Антон (?), попадья Федотовна и дьячок пешком отправились на барский двор, рассуждая с Егоровной о добродетелях покойника и о том, что, по-видимому, ожидало его наследника» (VIII, 178) — представлен репликами, которые должны «проиллюстрировать» повествование⁵ и, таким образом, не «двигать повести, а сами уже двигаться повествованием»,⁶ ведя к финалу ту нарративную часть, которая выражена событийным рядом — похоронами барина и их обязательными следствиями: «Сие

⁵ Именно так, в форме «повествовательных заметок», но не «драматических диалогов» иногда выстраивается повествование в «Пиковой даме»: «Драматическое время разрушено тем, что из сценического воспроизведения выпадают целые эпизоды, только называемые повествователем, но не изображаемые им: „И графиня в со-тый раз рассказала внуку свой анекдот“...» (Виноградов В. В. Стиль «Пиковой дамы» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Вып. 2. С. 113).

⁶ Там же. С. 109.

ласковое обещание и надежда найти лакомый пир(ог) ускорили шаги собеседников, и они благополучно прибыли в барский дом, где стол был уже накрыт и водка подана» (VIII, 179).

Означенная посередине главы повествовательная «закругленность» этой части сюжета, однако, не является завершающей «точкой» в нем: именно в этой главе сюжетная динамика вскоре проявит себя в стремительном нарастании конфликта между готовой взбунтоваться «толпой» и представителями властей во главе с Шабашкиным. Известный в риторике прием — прием «обманутых ожиданий» — организует повествование таким образом, что между первым завершившимся актом (окончание обряда похорон) и новым нарративным отрезком образуется своего рода зазор, «перерыв», словно бы междудействие, нечто родственное пребыванию актера перед занавесом, «наедине с собой», пока позади него идут активные приготовления к новому драматическому действию.

Мысль Н. Н. Петруниной о том, что отрывок, начинающийся словами: «Между (тем) Владимир углублялся в чашу дерев...» (наряду с аналогичным по функции периодом в начале главы VI), — «дает для проникновения во внутренний мир героя больше, чем весь последующий текст»,⁷ кажется справедливой лишь отчасти. Действительно, этот (также законченный внутри себя) фрагмент создает представление о том, что происходит в душе несчастного Владимира, однако вряд ли можно без особого усилия истолковать это самодостаточное, обладающее узнаваемой «культурной» топикой изображение только как непосредственное приобщение к миру души героя, как психологическое узнавание ее самых глубоких, потаенных сторон. Перед нами не столько «сцена»,⁸ сколько «картина» элегического прощания героя с мечтой об идиллическом счастье, о котором Владимир думает в столь же общих категориях, как и о «мечте бедной молодости» (VIII, 172). Знакомая элегическая тема, лексика и интонация свидетельствуют о том, что личное возводится к общему — внесоциальному, вневременному. Элегическая окрашенность отрывка воспринимается двояко: в проекции на героя и характер его переживаний и в не меньшей степени как уже нейтрализация соотносимого с ними «привычного поэтического слова», выступающего в контексте 30-х гг. как архаическое и в этом качестве «семантически неощутимое»,⁹ со-

⁷ Петрунина Н. Н. Проза Пушкина: Пути эволюции. Л., 1987. С. 196.

⁸ Там же.

⁹ Гинзбург Л. Я. О старом и новом: Статьи и очерки. Л., 1982. С. 209.

ставляющее необходимый «общий план» («Будущее для него являлось покрытым грозными тучами» — VIII, 179 и т. п.). И совершенно права Н. Н. Петрунина, отмечая, что «его реакции на происходящее — душевная скорбь после погребения отца, чувство одиночества и безрадостный взгляд на будущее, боль при прощании с бедным родовым гнездом, освященным для него семейными воспоминаниями, — просты и человечны, так как его утраты затрагивают элементарные основы человеческого бытия».¹⁰

Владимир будто вырывается из данного момента времени и из границ житейской ситуации в новое для себя состояние безвременья, преобразуемое во внебытовой и отчасти уже внеэстетический ряд: динамика его передвижений, затрагивая окружающее, ведет героя в «никуда», к порогу вечности, который открывает перед ним безнадежность: «Он шел не разбирая дороги; сучья поминутно задевали и царапали его, нога его поминутно вязла в болоте, — он ничего не замечал» (VIII, 179). Отдельные детализованные «вещественные» признаки, храня в себе энергию материального мира, тем явственнее подчеркивают перенос семантики в область «топологической истории» (Э. Р. Курциус), где «общее» столь же способствует «проникновению» во внутренний мир героя, сколь и «скрывает» его от читателя надындивидуальными «культурными» обличьями.

Появление элегической топики: «Долго сидел он неподвижно на том же месте, взирая на тихое течение ручья, уносящего несколько поблеклых листьев — и живо представляющего ему верное подобие жизни — подобие столь обыкновенное» (VIII, 179) — символизирует включение частной судьбы героя в общий миропорядок, предустановленность которого не однажды представлялась Пушкину в образах, прошедших культурную «обработку» гомеровской традицией в ее истоках и европейской огласовке.¹¹ Не случайно по поводу соответствующего фрагмента седьмой главы «Евгения Онегина»:

Или, не радуясь возврату
Погибших осенью листов,
Мы помним горькую утрату,
Внимая новый шум лесов;
Или с природой оживленной

¹⁰ Петрунина Н. Н. Проза Пушкина. С. 198.

¹¹ См.: Глебов Г. Философия природы в теоретических высказываниях и творческой практике Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Вып. 2. С. 183—212; Мальчукова Т. Г. Об одном гомеровском образе в поэзии А. С. Пушкина // Время и текст: Историко-литературный сборник. СПб., 2002. С. 82—94.

Сближаем думою смущенной
Мы увяданье наших лет,
Которым возрожденья нет?..

(VI, 140)

в новейшей работе отмечено: «В его осмысление гомеровского сравнения людей с листьями входит и горадианская грусть об увядании и смерти человека, вызванная видом цветущей природы, и философская коллизия филогенеза и онтогенеза, и эгегические воспоминания о собственной протекшей юности...». Указаны «еще две вариации гомеровского сравнения с листьями», «посредствующим звеном» для появления которых, очевидно, явилась «трактовка гомеровского образа Горацием» в «Послании к Пизонам» («Ars poetica»).¹²

Имя Горация для Пушкина связано с осознанием «обыкновенного» как «общего» и «вечного» — об этом свидетельствует приведенное выше примечание к заметке «〈Об Альфреде Мюссе〉». Вряд ли можно согласиться с мнением Т. Г. Мальчуковой о том, что пушкинское обращение к Горацию определяется стремлением указать «на трудность вариации, особенного, оригинального выражения общего сюжета или мотива». ¹³ «Обыкновенное» приравнивается к «трагическому» по признаку всеобщности, всечеловечности, способной выражаться многообразными сторонами действительности, в том числе и стороной комической: «...в повести „Mardoche“ Musset первый из фр. 〈анцузских〉 поэтов умел схватить тон Байрона в его шуточных произведениях, что вовсе не шутка» (XI, 176). Трагическое, узнаваемое «по силе истинных чувств, по духу истинно трагическому» (XI, 180), может облекаться в формы, внешне не соответствующие «страданиям сверхъестественным» (XI, 178), как например в балладе П. Катенина «Убийца»: «...стих, исполненный истинно трагической силы, показался только смешон людям легкомысленным, не рассуждающим, что иногда ужас выражается смехом. Сцена тени в Гамлете вся писана шутовым слогом, даже низким, но волос становится дыбом от Гамлетовых шуток» (XI, 73).

Но трагическая сторона «низкой существенности», заостряемая приемом парадокса, оказывается менее заметной и впечатляющей в «обыкновенном» как заурядном, повседневно-банальном — в переживании частного человека, окруженного бы-

¹² Мальчукова Т. Г. Об одном гомеровском образе... С. 87.

¹³ Там же. С. 88. На этом примечании особо останавливается Б. В. Томашевский (Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 284—285).

товыми реалиями, которые, казалось бы, не способны нести в себе «истинно трагическое».

«Общее место» в «Дубровском» как раз и обнаруживает значительность «обыкновенного» как банального, что опосредовано уже предшествующей житейской сценой с выпадающими из нее словами священника: «...и Кирилу Петровичу отпоют вечную память, все как ныне и Андрею Гавриловичу, разве похороны будут побогаче, да гостей созовут побольше — а богу не все ли равно!» (VIII, 179). Замкнутая в себе тема последующей элегической картины соединяет «временное» и «вечное» в непрерывный круг, который предвосхищает новый, неизбежный выход в реальный мир — мир текущей действительности, насыщенной социальностью, в конкретное историческое время. Однако отблеск «вечности», неотвратимости лежит теперь на возобновленном сюжетном повествовании, сказываясь уже в «переходном звене» к нему: «Навстречу Дубровскому попался поп со всем причетом. Мысль о несчастливо(м) предзнаменовании пришла ему в голову. Он невольно пошел стороною и скрылся за деревом. Они его не заметили и с жаром говорили между собою, проходя мимо его» (VIII, 180).

Взаимодополняемость «обыкновенного» и «общего» наглядно выявляется в контекстах, где они выступают в сходной функции:

Когда ж пойду на новоселье
(Заснуть ведь *общий* всем удел),
Скажи: «дай бог ему веселье!
Он в жизни хоть любить умел»
(I, 76; курсив мой. — Н. В.)

А может быть и то: поэта
Обыкновенный ждал удел.
Прошли бы юношества лета:
В нем пыл души бы охладел...
(VI, 133; курсив мой. — Н. В.)

Если признать правоту исследователя, отметившего по поводу «Евгения Онегина», что «лирика „я“ в романе куда эмпиричнее, необобщеннее, чем собственно лирика Пушкина»,¹⁴ то соотношение «обыкновенного» и «общего» в приведенных отрывках отразит именно данную тенденцию взаимодействия разных уровней всеобщности. В прозе же она претворяется в структурных единствах, при постоянном взаимозамещении неоднородных, но восходящих к единым родовым началам бытий-

¹⁴ Бочаров С. «Форма плана». С. 123.

ных сфер. В этом случае «самая незаметная жизнь, осмысленная в своем единстве, может стать моделью основных человеческих коллизий и конфликтов. Случайное получает тогда мотивировку и становится *выражающим*».¹⁵

Выключение из рядоположения некоего бытийного феномена, до конца не определимого ни в общем, ни в конкретном своих значениях, но сохраняющего живую связь с реальностью и «покрывающего» собой разрозненные бытовые «куски», определяет и поэтологические «провалы» в стиле «Пиковой дамы», о которых писал В. В. Виноградов, соотнося их в первую очередь с выпадением из реально протекающего времени. Точное наблюдение ученого по поводу наступления «временной неопределенности», прервавшей течение действия в третьей главе: «Ожидания Германа, его волнение расцветивают изображение... медлительного хода времени. Но лишь только выступает на сцену старуха, и сознание Германна поглощено сначала образом старухи, затем идеей трех верных карт, как записи времени прекращаются. *Словно выпадает из структуры повествования сама идея сюжетного времени* (курсив мой. — Н. В.)»,¹⁶ — предполагает, по-видимому, и риторическое развитие вечных тем в монологе Германна, состоящем из сплошного потока «общих мест», пересыпанном сентенциями, риторическими вопросами и восклицаниями, представляющими явления в их классификации, градации и т. п.: «— Если когда-нибудь, — сказал он, — сердце ваше знало чувство любви, если вы помните ее восторги, если вы хоть раз улыбнулись при плаче новорожденного сына, если что-нибудь человеческое билось когда-нибудь в груди вашей, то умоляю вас чувствами супруги, любовницы, матери, — всем, что ни есть святого в жизни — не откажите мне в моей просьбе! — откройте мне вашу тайну! — что вам в ней?.. Может быть, она сопряжена с ужасным грехом, с пагубою вечного блаженства, с дьявольским договором... Подумайте, что счастье человека находится в ваших руках; что не только я, но дети мои, внуки и правнуки благословят вашу память и будут ее чтить как святыню...» (VIII, 241—242). «Хронологический провал» (В. В. Виноградов), раздвигая диапазон происходящего «сию минуту» во времени и пространстве, гротескно соотносит inferнальные уровни и «обыкновенный» прагматизм: «Кто не умеет беречь отцовское наследство, тот все-таки умрет в нищете» (VIII, 241).

¹⁵ Гинзбург Л. Я. О старом и новом. С. 13. Курсив Л. Я. Гинзбург.

¹⁶ Виноградов В. В. Стиль «Пиковой дамы»... С. 116.

Нарастание пафоса, исчерпав себя и достигнув предела, вынужденно ниспадает в наррацию, в практическое действие и тем сильнее разрушает «равновесие», стабилизированное набором «общих мест». Внезапность вторжения реальности, настоящей минуты, резко меняет характер сцены — «общее» оборачивается своей самой тривиальной стороной: — «Старая ведьма!» — сказал он, стиснув зубы! — так я ж заставлю тебя отвечать...

С этим словом он вынул из кармана пистолет» (VIII, 242).

Оттягивание острой драматической развязки апелляцией к вечным двигателям жизни, ссылками на «типологические модели, обладающие регулярной повторяемостью»,¹⁷ и потому возможные для конкретного лица, удерживают, предельно «сжимаемая» их, пружины действия, стимулируя последующий интенсивный динамизм. Та же закономерность проявляет себя и в «Дубровском»: переключение «обыкновенного» в план «общего» в начале главы VI: «Владимир отпер комоды и ящики, занялся разбором бумаг покойного... Владимир зачитался, и позабыл все на свете, погружая душою в мир семейственного счастья, и не заметил, как прошло время, стенные часы пробили одиннадцать» (VIII, 182), — подготавливает переход к решительным, вызревающим за это время действиям, ведущим к роковой развязке: пожару, смертоубийству, краху родового гнезда.

Таким образом, «общее» позволяет личностному и социально конкретному словно бы затаиться в ожидании новой возможности проявить себя после необходимого перерыва, обозначенного формами привычного, «стертого» словоупотребления, не отвлекающего читателя от сосредоточения на действии и в то же время «остраняющего» это действие включением его в широкий бытийный контекст. Можно предположить, что в прозе Лермонтова и позднее Толстого творчески преломился способ выражения «отсутствия» временных, пространственных и иных характеристик в ситуациях, когда герои дошли до черты, за которой ничего нет, и остановились перед нею не в силах перешагнуть ее. Тогда-то с точки зрения художественной логики и требуется «остановить» ход жизни, чтобы позднее обеспечить возобновление ее с новой, обогащенной «общими» жизненными интенциями производящей силой.

Н. А. Вершинина

¹⁷ Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988. С. 130.

ВОКРУГ ЗАПРЕЩЕНИЯ ЖУРНАЛА «ЕВРОПЕЕЦ»

История журнала «Европеец» была трагически короткой. Иван Петрович Киреевский успел выпустить в январе 1832 г. лишь два его номера. Затем последовал запрет, более чем на двенадцать лет выбивший из творческой колеи Киреевского, молодого, подающего большие надежды журналиста. История этого журнального начинания подробнейшим образом прослежена в монографии Л. Г. Фризмана, содержащей к тому же исчерпывающий объем сведений по связанной с «Европейцем» библиографии.¹ Тем не менее за пределами неоспоримо ясного в событиях вокруг журнала Ивана Киреевского донныне остается аспект, осмысление которого стало возможным лишь в самое последнее время благодаря выходу в свет фундаментального труда о Видоке Фиглярине (Ф. В. Булгарине), осветившего ряд теневых сторон деятельности III Отделения.² На основе напечатанных в этой книге материалов некоторые выводы о том, как III Отделение, возглавлявшееся А. Х. Бенкендорфом, защищало «интересы... привилегированной этнической группы внутри правящей элиты» («русских немцев»),³ сделаны О. Проскуриным: «На Россию немецкая партия смотрела примерно так же, как европейские немецкие дворы смотрели на подчиненное им славянское население — как на опасную и враждебную „варварскую” стихию, движение которой надо постоянно сдерживать самыми жесткими мерами. Отсюда — повышенная подозрительность по отношению ко всяким проявлениям русского национализма, какую бы социальную и политическую окраску он ни принимал. (...) Характерно (...) что усиленное внимание обращалось не на „третье сословие” (в России слабое и лояльное по отношению к режиму), а на старинную родовую аристократию и вообще на русское дворянство — т. е. на ту среду, которая могла реально конкурировать с пребывающими во власти немцами и всячески желать их отстранения».⁴ Эти выводы носят предварительный характер и нуждаются в наполнении их конкретным историко-литературным содержанием, причем история «Европейца» дает для этого богатый материал.

¹ См.: Фризман Л. Г. Иван Киреевский и его журнал «Европеец» // «Европеец», журнал И. В. Киреевского. 1832 / Изд. подгот. Л. Г. Фризман. М., 1989. С. 385—479.

² Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III Отделение / Изд. подгот. А. И. Рейтблат. М., 1998.

³ Проскурин О. Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000. С. 317.

⁴ Там же. С. 318.

Однако не следует думать, что в настоящей статье будет сделана лишь переакцентировка давно известных сведений. То, что на свет Божий были выведены наконец некоторые тайные пружины деятельности III Отделения, позволяет привлечь к истории журнала Киреевского факты, затерявшиеся в массиве сведений о литературной жизни николаевского времени. Хотелось бы определить их место в событиях вокруг запрещения журнала, а также осветить те попытки ответных действий, которые были сделаны сочувствующим журналу кругом литераторов. Кроме того, важен и еще один вопрос: насколько этому кругу была известна подоплека действий III Отделения в защиту интересов «остзейского землячества»? Без ответа на него многие реалии произведений тех лет останутся без необходимого комментария, как например сатира П. А. Вяземского «Русский бог» (1828), начинающаяся словами:

Нужно ль вам истолкованье,
Что такое русский бог?
Вот его вам начертанье,
Сколько я заметить мог.

Заканчивалось же это «начертанье» язв русской действительности (голод, холод, нищета, наливки, рассолы и пр.) строфой о «боге бродяжных иноземцев» и увереньем Вяземского: «...Бог в особенности немцев, Вот он, вот он, русский бог».⁵

1

На первый же номер журнала «Европеец» был сделан донос (своего рода «рецензия»), ставший известным и А. Х. Бенкендорфу, и Николаю I. В нем утверждалось: «Журнал „Европеец“ издается с целью распространения духа свободомыслия (...) В сей философии все говорится под условными знаками, которые понимают адепты и толкуют профанам. Стоит только знать, что *просвещение* есть синоним *свободы*, а *деятельность разума* означает *революцию*, чтоб иметь ключ к таинствам сей философии». О Киреевском, авторе статьи «Деятельность разума», доносчик писал: «На 1-й странице он объявляет, что не будет говорить о политике, а вся статья есть политическая». Публикация работы французского критика и историка А. Ф. Вильмена «Император Иулиан» характеризовалась в «рецензии» как «верх вероломства»: «Здесь доказывается, что Иулиан был ве-

⁵ Цит. по: Вольная русская поэзия XVIII—XIX веков: В 2 т. Л., 1988. Т. 1. С. 202, 204. (Б-ка поэта. Большая сер.).

ликий человек... но погиб оттого, что не шел за идеями века». В «Обзрении русской литературы за 1831 год» Киреевский, по уверению анонимного рецензента, «весьма коварно насмехается над нашим правительством, которого прозорливость избавляет нас от занятий политикою». ⁶ Четвертой публикацией «Европейца», в которой доносчик усмотрел неблагонамеренность Киреевского, была его статья «„Горе от ума” — на московской сцене» (о ней подробнее см. ниже). Все заключения, сделанные доносчиком на основе публикаций журнала, были крайне несправедливы и носили характер клеветнических измышлений и натяжек.

Донос на журнал «Европеец» был напечатан Л. Г. Фризманою дважды — в 1967 и 1989 гг.:⁷ это две писарские копии, обе без подписи, первая из которых выправлена, как установил Фризман, рукой А. Н. Мордвинова, управляющего делами III Отделения. Трудно сказать, могут ли его поправки говорить о том, что Мордвинов, как считает Фризман, и был автором «рецензии» на журнал Киреевского. Познакомившись с исследованием А. И. Рейтблата о Видоке Фиглярине, можно увериться, что такого рода правка могла осуществляться и при обработке агентурного материала с целью подготовки его для донесения царю⁸ (по указанию Фризмана, тот документ, который был затем показан Николаю I, до сих пор не известен).

Возмущение несправедливостью, обрушившейся на И. Киреевского, выразил В. А. Жуковский. Его письмо-протест Бенкендорфу — ценнейший историко-литературный документ, дающий яркое представление о сложностях во взаимоотношениях русских литераторов с властями в начале 1830-х гг.⁹ Писалось это письмо по свежим следам события в середине февраля 1832 г. В нем Жуковский с уверенностью говорил о Булгарине как человеке, который из мстительных побуждений обратил неблагосклонное внимание властей на журнал «Европеец». Пушкин в более позднем письме Киреевскому (от 11 июля 1832 г.) сообщал, что в его журнал молния ударила «не из болгаринской навозной кучи, но из тучи» (XV, 26). Выражение «болгарин-

⁶ «Европеец», журнал И. В. Киреевского. С. 431—432.

⁷ Первую публикацию см.: Фризман Л. Г. К истории журнала «Европеец» // Русская литература. 1967. № 2. С. 118—119.

⁸ См. характеристику доноса на Киреевского как анонимного документа в изд.: Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре пушкинской эпохи. М., 2001. С. 153.

⁹ Известны две редакции этого письма, напечатанные в изд.: [Барте-нев П. И.] Из бумаг В. А. Жуковского // Русский архив. 1896. № 1. С. 114—116 (первая редакция); Гиллельсон М. И. Письма Жуковского о запрещении «Европейца» // Русская литература. 1965. № 4. С. 114—118 (вторая редакция).

ская навозная куча» вполне можно понять как намек на прочно связанное с именем Булгарина III Отделение, а вот «туча» — это царь, гнев которого был в отношении журнала «Европеец» воистину испепеляющим.

Какое же отношение в действительности Булгарин имел к доносу на Киреевского? Многоаспектный анализ ситуации, сложившейся в III Отделении к началу 1832 г., выявляет примечательную связь самого документа с агентурной деятельностью Булгарина. На протяжении второй половины 1820-х гг. он всячески стремился сформировать у властей самое неблагоприятное отношение к московской журналистике. «Замечательно, — писал Булгарин в 1827 г. по поводу издательских инициатив Н. А. Полевого, — что от времен Новикова все запрещенные книги и все вредные, ныне находящиеся в обороте, напечатаны и одобрены в Москве... Сколько было промахов по газетам и журналам, то всегда это случается в Москве. Все политические новости и внутренние происшествия иначе понимаются и иначе толкуются в Москве, даже людьми просвещенными».¹⁰ Булгарин настаивал на том, что «дух молодежи в Москве (в этом ряду упоминался и Киреевский. — С. Б.) весьма дурен».¹¹

Булгарин отличался особенно активной деятельностью в те моменты, когда кто-то из литераторов изъявлял желание издавать новый печатный орган. Так, в 1827 г. ему удалось воздействовать через III Отделение и уничтожить надежды Н. А. Полевого на издание газеты, уже получившей разрешение А. С. Шишкова. В 1828 г. он вновь обрушился на «московскую партию», готовую «действовать на дух народа распространением либеральных правил» (в ее составе назывались и «оба Киреевских»). Предложенный в его доносе разбор одной из публикаций «Московского вестника» вызвал возмущенный отзыв Д. В. Дашкова, который отметил в нем «натяжки» и «умышленно кривые толкования».¹² Манера обращения с журнальной публикацией, продемонстрированная в этом доносе Булгарина, та же, что и в доносе, который стал причиной закрытия журнала «Европеец». Впрочем, политические «применения» к журнальным публикациям (т. е. поиск политического смысла в сообщениях общекультурного плана) не были редкостью в конце 1820-х—начале 1830-х гг. Как термин выражение «применения» встречается и в агентурных письмах Булгарина.

¹⁰ Видок Фиглярин. С. 193.

¹¹ Там же. С. 195.

¹² Там же. С. 289—294.

А. И. Рейтблат пишет о Булгарине: «...в конце 1820-х годов доносами на Полевого, Погодина, Вяземского и других ему удалось добиться того, чтобы издание политической газеты в Москве так и не было разрешено».¹³ В этом контексте странным выглядит молчание Булгарина в 1831 г. в преддверии появления в Москве нового печатного органа. Какую-то роль в этом могло сыграть его отсутствие в Петербурге в тот момент, когда прошение Киреевского об издании журнала шло по официальным инстанциям (это сентябрь—октябрь 1831 г.). Впрочем, переписка Булгарина с Петербургом в те периоды, когда он жил в своем имении Карлова мыза, была очень интенсивной, поэтому удаленность от столицы едва ли могла помешать ему высказаться в письме о новом московском журнале. Гораздо более значимой для ослабления контактов Булгарина с III Отделением во второй половине 1831 г. могла стать смерть М. Я. фон Фока, управляющего делами III Отделения, с которым у Булгарина было полное единодушие, и назначение в сентябре 1831 г. на его место А. Н. Мордвинова. И все-таки не это было главным. Думается, причиной, заставившей Булгарина в 1831 г. уйти в тень, были события в Польше 1830—1831 гг. В своих агентурных записках он яркими красками живописал приверженность поляков дому Романовых (при этом, конечно, в первую очередь имея в виду себя): «Нет ни одного народа в мире, который можно так скоро и легко привязать к царствующей особе и царствующему дому, как поляков» (писано в 1828 г.);¹⁴ «Рвутся в Польше, чтоб как-нибудь оказать Царю свою любовь и верность польскую» (писано в 1829 г.).¹⁵ События в Польше 1830—1831 гг. сделали слишком явным своекорыстный характер донесений Булгарина, и он на время отошел от активной агентурной деятельности в III Отделении.

Ослабление позиций Булгарина в III Отделении тотчас сказалось на положении дел в русской журналистике, и «Европеец» на пути к своему рождению с легкостью прошел все инстанции. Путь этот, однако, вел журнал в ловушку, создававшуюся трудами Булгарина с самого начала его сотрудничества с III Отделением. «Европеец» был воспринят там в самом что ни на есть булгаринском духе. И недоверие к Ивану Киреевскому, и недоброжелательство к московской журналистике в целом, и манера отыскивания особого политического смысла

¹³ Там же. С. 32.

¹⁴ Там же. С. 338.

¹⁵ Там же. С. 374.

в рассуждениях общекультурного свойства — все это было очень близко Булгарину. Если даже и не он был «рецензентом» нового московского журнала, то дудел этот аноним с ним, что называется, в одну дуду. Их партийная общность обнаруживается в методе уничтожения Киреевского как журналиста.

Жуковский утверждал в письме к Бенкендорфу (вторая редакция): «Журнал „Европеец“ запрещен за две статьи, кои были одобрены цензурою, но от правительства найдены вредными».¹⁶ Это заявление Жуковского объясняет, почему в III Отделении правился и переписывался донос на «Европейца». В отношении статьи Вильмена и «Обозрения» Киреевского придирки доносчика были настолько высосаны из пальца, что, по-видимому, их и не упомянули в итоговом документе, поданном императору. Как видно из письма Жуковского, в нем говорилось лишь о двух статьях «Европейца» — о «Девятнадцатом веке» и о «„Горе от ума“ — на московской сцене».

Остановимся несколько подробнее на второй статье. Аноним уверял, что она «возбуждает ненависть противу рожденных в России иноземцев в самых гнусных выражениях».¹⁷ Что же в действительности написал в своей статье Иван Киреевский? Выразив в ней надежду на сближение русского просвещения с европейским, критик особо остановился на родившихся в России, но «воспитанных в полурусских обычаях» представителях образованного общества: они «отличаются от коренных жителей только своим незнанием русского языка и иностранным окончанием фамилий. Это незнание языка естественно делает их чужими посреди русских и образует между ними и коренными жителями совершенно особенные отношения. Отношения сии, все им более или менее общие, рождают между ними общие интересы и потому заставляют их сходиться между собою, помогать друг другу и, не условливаясь, действовать заодно».¹⁸ В письме Бенкендорфа к кн. Х. А. Ливену от 7 февраля 1832 г. говорилось об этом пассаже Киреевского: «...Государь император изволил заметить в статье „Горе от ума“ самую неприличную и непристойную выходку на счет находящихся в России иностранцев...».¹⁹ По пово-

¹⁶ Гиллельсон М. И. Письма Жуковского о запрещении «Европейца». С. 114.

¹⁷ «Европеец», журнал И. В. Киреевского. С. 432.

¹⁸ Киреевский И. В. Критика и эстетика / Сост., вступ. ст., примеч. Ю. В. Манна. М., 1979. С. 120.

¹⁹ Лемке М. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг.: По подлинным делам III Отделения е. и. в. канцелярии. СПб., 1908. С. 73.

ду выпада Киреевского в адрес «полурусских» по воспитанию соотечественников М. К. Лемке заметил: «Конечно, это было сугубой дерзостью, когда во главе нашего управления стояли Бенкендорфы, Ливены, Нессельроды, Канкрины et tutti quanti (буквально: и все до единого — *ит.* — С. Б.)». ²⁰ Он даже полагал, что на Киреевского «гром грянул вовсе не из-за „Десятилетия XIX века“, а из-за статьи „Горе от ума“... „Десятилетним веком“ лишь прикрывались перед государем». ²¹ Согласие с этим мнением выразил А. И. Рейтблат, опубликовавший письмо Булгарина к Л. В. Дубельту от 11 декабря 1846 г. со следующим отзывом о Киреевском: «„Европеец“ Киреевского запрещен был за печатание статьи противу сановников в России, из немцев, якобы не знающих и не любящих России». ²² Следует отметить, что неудовольствие статьей Киреевского могло косвенным образом отражать реакцию русских немцев на грибоедовскую комедию. Острейший сатирический выпад против преуспевающей на русской службе немецкой партии был сделан Грибоедовым в монологе Репетилова, рассказывающего Скалозубу о своей женитьбе на дочери метившего «в министры» барона фон Клоца (от Klotz — чурбан): «А я К нему в зятя Шел напрямик без дальней думы». И дальше, с намеком на кастовую замкнутость немецкой партии:

Женился наконец на дочери его,
Приданого взял — шиш, по службе — ничего,
Тесть немец, а что проку? —
Боялся, видишь, он упреку
За слабость будто бы к родне!²³

То, насколько серьезный просчет допустил Киреевский, напечатав в журнале «непристойную выходку на счет... иностранцев», да к тому же еще подчеркнув в своей статье их партийную сплоченность, показывают материалы, собранные в книге о Видоке Фиглярине. Из донесений Булгарина в самых откровенных формах вырисовывается картина напористого отстаивания III Отделением интересов своего «землячества». Идейная концепция этой борьбы за влияние, чины, должности, наконец, деньги была такова: иностранцы составляют самую лояльную в отношении монархии и самую ценную в отношении нравствен-

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 72.

²² Рейтблат А. И. Булгарин и Дубельт // Тыняновский сборник / Тыняновские чтения, 7-е: Материалы для обсуждения. Вып. 9. Рига; М., 1995. С. 271. См. также: С. 273.

²³ Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб., 1995. Т. 1. С. 107.

но-деловом часть русского общества.²⁴ Русские же пронизаны патриотическим и, следовательно, революционным духом. Из таковых складывались тайные общества (о своей горячей любви к отечеству, кстати, говорили на следствии все декабристы, об этом упоминалось и в «Донесении Следственной комиссии», из которого Россия узнала подробности о событии 14 декабря и его участниках). Русские патриоты жаждут перемен и далеки от подлинной преданности престолу. Они беспокойны и чрезвычайно опасны.²⁵ Об этих донесениях Булгарина, конечно, не знал Жуковский, когда писал в феврале 1832 г. первый вариант письма к Бенкендорфу о закрытии журнала Киреевского, но он точно передал их особенности, всего лишь намекая на болгаринские романы (из второй редакции письма Жуковского этот фрагмент был исключен): «Между тем есть у нас романы, в коих Россия обругана; в них... дурная сторона наших нравов представлена весьма ярко в карикатуре (а хорошая сторона весьма вяло)».²⁶ Сходное мнение о болгаринском «Димитрии Самозванце» высказал в 1830 г. на страницах «Литературной газеты» А. А. Дельвиг, который увидел в романе «повсюду выказывающееся пристрастное предпочтение народа польского перед русским»; самого же «г. Булгарина» рецензент назвал «поляком, ставящим выше всего свою нацию».²⁷

²⁴ Без учета этой «идеологемы» трудно дать верную оценку той «враждебности к иноземцам и в особенности к „русским немцам“» в настроениях членов тайных обществ, которую отметил в своей статье «Декабристы и немцы» К. Ю. Рогов. По его мнению, подобные настроения были возможны лишь в атмосфере «патриотической экзальтации», вызванной антинаполеоновскими войнами (Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 105—126). Между тем остзейская верхушка III Отделения, умело воспользовавшаяся испугом монарха перед патриотическими настроениями дворянской молодежи в период после 1825 г., не была «экзальтирована» в своих национальных чувствах. Она просто последовательно и твердо отстаивала интересы своего «землячества», что по сути своей так же просто и неизменно в мировой истории, как борьба за место под солнцем.

²⁵ Хочется отметить поразительную рациональность этой концепции. Революционное движение XIX в. выросло из пламенной любви к отечеству и сочувствия к бедственному положению русского народа. Те, кто исповедовал любовь к престолу, были намного спокойнее.

²⁶ Русский архив. 1896. № 1. С. 116. Текст письма сверен по автографу, хранящемуся в Пушкинском Доме (ПД 27764, л. 10—11 об.).

²⁷ Дельвиг А. А. Соч. / Сост., вступ. ст., коммент. В. Э. Вацуру. Л., 1986. С. 219. Об этой оценке Дельвига в сопоставлении ее с другими рецензиями на книгу Булгарина (например, в «Московском вестнике»: «Говорят, что он изобразил поляков с лучшей стороны, чем русских. Это несправедливо») см.: *Альтшуллер М.* Пушкин, Булгарин, Николай I и сэр Вальтер Скотт // Новые безделки: Сб. статей к 60-летию В. Э. Вацуру. М., 1995. С. 298—299.

Дельвиг ошибался, поскольку Булгарин «выше всего» ставил «нацию» своего хозяина. Один из персонажей «Дмитрия Самозванца» говорит слова, многократно повторенные Булгариным в донесениях фон Фоку и Бенкендорфу: «Немцы умеют служить верно. Честные люди...».²⁸ Можно сравнить с донесениями Булгарина, написанными в 1827 г.: «В Остзейских провинциях либералов вовсе нет или всего пяток (...) В Остзейских провинциях число добрых превышает число злых, а в польских провинциях по крайней мере весы находятся в точке равновесия»;²⁹ «Добрые, добрые немцы! ...весьма жаль, что лучшие подданные, цвет российского дворянства, Остзейские провинции, расположенные обожать Царя, привязанные к Трону, не зараженные якобинизмом, не имеют случая знать дел и благих видов Государя» (к слову «немцы» дана сноска, обращенная к фон Фоку: «Боюсь, чтобы Вы не сочли лестью, если я скажу, что имя Бенкендорфа и Ваше — sont les seules garanties (это единственные гарантии — фр. — С. Б.). Вы служите залогом спокойствия! Это, однако же, суцая правда!»);³⁰ «Дворянство и высшее купечество, а особенно духовенство здесь весьма просвещены... Здесь вы не услышите, чтоб перед вами стали в угодность для *выслуги* бранить все роды правлений, исключая самодержавного, и особенно нападать на конституционный порядок вещей. Нет. Здесь весьма хладнокровно взвешивают все выгоды и невыгоды разных образов правлений и после того, по убеждению, утверждают, что Россия по своей обширности, разнородности племен, малой степени образованности, недосмотру публичной нравственности (*moralithé publique*), нелюбви к законам, что Россия в настоящем ее положении и не может иметь другого правления как самодержавного»;³¹ «Остзейцы вообще не любят русской нации — это дело неоспоримое. Одна мысль, что они будут когда-либо зависеть от русских, — приводит их в трепет... По сей же причине они чрезвычайно привязаны к Престолу, который всегда отличает остзейцев, щедро вознаграждает их усердную службу и облакает доверенностию. Остзейцы уверены, что собственное их благо зависит от блага царствующей фамилии и что они общими силами должны защищать Престол от всяких покушений на его права. Остзейцы почитают себя гвардией, охраняющей трон, от которого происходит все их благоденствие и с которым соединены все их надежды на будущее время. — Здесь бы растер-

²⁸ Булгарин Ф. Дмитрий Самозванец. СПб., 1830. Ч. 4. С. 481.

²⁹ Видок Фиглярин. С. 178.

³⁰ Там же. С. 184.

³¹ Там же. С. 187.

зали человека, который бы вздумал открыть план заговора или что подобное».³²

Из донесений Булгарина складывается любопытная картина борьбы двух партий — русской и немецкой. Причем Булгарин настолько был уверен в сочувствии фон Фока, что не пытался и скрывать своей радости при сообщении об очередном поражении «русской партии». В его донесениях последовательно дискредитировалась сама идея патриотизма. Он был неуместен, поскольку любить следовало не отечество, а монарха: «Пусть говорят, что хотят, но Царская фамилия не имеет и иметь не будет нигде таких пламенных приверженцев, как в Остзейских провинциях. В России есть патриоты, любящие Россию, а здесь все отдадут жизнь за Царский дом» (писано в 1829 г.).³³ Эта идейная доктрина устраивала власти в первые годы николаевского царствования — до тех пор, пока протест против космополитизма Александровской эпохи, определивший выражения любви к отечеству в близких декабристам кругах, не облекся в формы уваровской «народности». Пока же не пришла эта пора, Булгарин, поощряемый вниманием фон Фока, писал, имея в виду хлопоты 1827 г. о новом московском издании: «Полевого сильно протезировали так называемые русские патриоты или, как их в насмешку называют, *русские думники*».³⁴ Первым протектором был Н. С. Мордвинов. Блудов протезировал лишь по связи с Вяземским. Возил повсюду Полевого известный журналист Свиньин, который слывет под именем *медного лба* и *patriote réchauffé* (сверхпатриота — фр. — С. Б.) (...) Никто из них не сомневался в успехе, и все крайне удивились, когда Шишков объявил в свое оправдание, что запрещено *свыше...* Жена Шишкова говорила, что Н. С. Мордвинов сильно нападал на ее мужа, зачем он не *отстоял Полевого*, ибо он купец и патриот, а нам должно поддерживать русские дарования. (...) Патриоты, так называемые *думники*, повесили нос».³⁵ В 1830 г., как бы опомнившись, Булгарин вдруг написал в доносе, где упоминался митрополит Филарет и его вызвавшая нарекания со стороны властей проповедь на распространение холеры: «Мистики выдумали существование какой-то *немецкой партии*».³⁶ А между тем в более ранних донесениях он со знанием дела упо-

³² Там же.

³³ Там же. С. 369.

³⁴ Игра слов (от немецкого «dumm», т. е. «глупый»), метившая в ностальгию «русской партии» по русской старине и думе (боярской, земской) как представительском учреждении при русском троне.

³⁵ Видок Фиглярин. С. 196.

³⁶ Там же. С. 396.

минал о ней, не переставая противопоставлять одну партию другой: «Деньги, положенные Канкриним в иностранные банки... и намерение поселиться вне России, — писал он в 1828 г., — приводят в соблазн не только русскую, но и немецкую партию».³⁷

2

Негативный материал о партии «русских патриотов», предоставлявшийся Булгариным, находил свое место в донесениях Бенкендорфа царю. В качестве представителя этой партии чаще всего Булгариным упоминался видный общественный деятель, сенатор, член Государственного совета адмирал Н. С. Мордвинов³⁸ — тот самый, о котором Пушкин в 1824 г. написал, что он «заключает в себе одном всю русскую оппозицию» (XIII, 91). В «Кратком обзоре общественного мнения за 1827 год», составленном фон Фоком и поданном Бенкендорфом императору, Н. Мордвинов был назван «столпом» партии «так называемых русских патриотов». III Отделение считало ее «самой опасной частью общества в России».³⁹ Подобные разговоры способствовали упрочению позиций немецкой партии при русском императоре.

В этой связи следует вспомнить историю пушкинского послания Н. С. Мордвинову «Под хладом старости угрюмо угасал...». Оно было написано поэтом то ли на рубеже 1826—1827 гг.,⁴⁰ то ли летом 1827 г. (последнее, на мой взгляд, более вероятно).⁴¹ Послание дошло до нас в беловом автографе, лишь слегка правленном Пушкиным. Почему же поэт оставил его в

³⁷ Там же. С. 299.

³⁸ См.: Там же. С. 157, 194, 196, 208 и др.

³⁹ Красный архив. 1929. Т. 6 (37). С. 144, 145. III Отделение, рисуя в своих донесениях противников немецкой партии как главных представителей оппозиции русскому трону, опиралось на ставшие хорошо известными благодаря следствию по делу 14 декабря настроения «либералистов»; см., например: «Главные места в государстве вверены иностранцам, не имеющим никакого права на доверие народное» (Лунин М. С. Письма из Сибири / Изд. подгот. И. А. Желвакова, Н. Я. Эйдельман. М., 1987. С. 65—66).

⁴⁰ См. датировку, данную стихотворению Т. Г. Цявловской: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 3. С. 1136. См. также: Иезуитова Р. В. Рабочая тетрадь Пушкина ПД 833: (История заполнения) // Пушкин. Исследования и материалы. СПб., 1995. Т. 15. С. 256—258. Обзор датировок произведения дан в статье Ю. В. Стенника «Стихотворение Пушкина „Мордвинову“: (К истории создания)» (Русская литература. 1965. № 3. С. 180).

⁴¹ См. датировку Б. В. Томашевского: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М., 1956. Т. 3. С. 482—483.

рукописи, не отдав в печать? Думаю, не ошибусь, если выскажу следующее предположение: для поэта, едва выпутавшегося из истории с одной «оппозицией», было очень опасным публично заявлять о своих симпатиях к другой. «Мода» на печатные восхваления гражданского мужества Мордвинова исчезла вместе с тайными обществами. А между тем до декабря 1825 г. вслед за поэтом XVIII в. В. П. Петровым Мордвинов был воспет в сочинениях К. Ф. Рылеева, Е. А. Баратынского, П. А. Плетнева. После восшествия на престол Николая в русском обществе знали и о его неблаговолении к Мордвинову, и о слухах относительно связей адмирала с участниками событий 14 декабря. Вот эти обстоятельства, по-видимому, и подсказали Пушкину решение отказаться от публикации послания «Под хладом осени угрюмо угасал...».⁴²

Новую литературную «моду» в отношении Н. С. Мордвинова ввел тайный агент III Отделения. Сенатора, члена Государственного совета, адмирала и пр. Булгарин вывел в сатирическом виде под именем «Чувашин» на страницах своего романа «Иван Выжигин» (1829): «...достигнув заслугами отца высоких степеней в самых молодых годах, он помешался от самолюбия и верил от чистого сердца, что поглотил всю человеческую мудрость.⁴³ Воспитанный с иностранцами и живя всегда в высшем кругу, черпая сведения о разных предметах из иностранных книг, он не знал России и смотрел на нее во всех отношениях через призму иностранного просвещения. На старости в голове его слились в одну массу все теории, все иностранные законы и уложения вместе с тем, что он узнал понаслышке о России, и из этого вышел такой хаос, что добрый старик, при самых лучших намерениях, беспрестанно делал глупости. Долгое время в свете не знали его, и добрые намерения принимали за великие дела. Наконец, узнали, что это не что иное, как опрокинутый шкаф с недочитанными книгами!». И еще: о неподкупной честности Мордвинова, воспетой русскими поэтами, и его знаменитых «мнениях», которые он подавал в Государственном

⁴² Не случайно домашним «одописцем» Н. Мордвинова являлся сотрудничавший с III Отделением Б. М. Федоров (сообщение об этом см.: *Рейт-блат А. И.* Как Пушкин вышел в гении. С. 154). Именно такой втеревшийся в доверие Н. Мордвинова человек (конечно, поставщик сведений о нем) был нужен Бенкендорфу.

⁴³ Мордвинов был автором работ, посвященных вопросам экономики и отдельных сторон социально-политической жизни страны. См.: *Мордвинов Н. С.* Избр. произведения. М., 1945 (библиографию работ Мордвинова см. на с. 253—254); *Москаленко Л. Я.* Общественно-политические взгляды и социальная программа Н. С. Мордвинова: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1984.

совете в связи с обсуждавшимися вопросами (одно из таких «мнений» — его голос, единственный во всем Верховном уголовном суде, поданный против казни пяти декабристов)⁴⁴ и которые потом расходились в многочисленных списках: «Чувашин был явным покровителем всех семейных взяточников и защищал их, где мог и как мог. Многие взяточники нарочно женились, чтоб пользоваться его покровительством, и за то писали для него мнения, которые он выдавал за свои... Чувашин, имея доброе сердце, делал зло из одного тщеславия и желания — прослыть Публиколою!».⁴⁵

На такую наглую выходку в отношении чиновника высокого ранга и значительных перед Россией заслуг мог решиться лишь человек, уверенный в своей полной безнаказанности.⁴⁶ Ситуация эта покажется особенно нестерпимой, если вспомнить ту бурю, которая поднялась после публикации в 1836 г. стихотворения Пушкина «На выздоровление Лукулла» (1835) — сатиры на министра народного просвещения С. С. Уварова. Стихотворение вызвало неодобрительный отзыв Николая I, и Пушкин был вынужден давать объяснения Бенкендорфу. После смерти поэта Жуковский с болью писал об этом эпизоде шефу жандармов: «Но что же эти стихи к Лукуллу? Злая эпиграмма на лицо, даже не пасквиль, ибо здесь нет имени».⁴⁷ В романе о Иване Выжигине, напротив, были несколько видоизмененные, но вполне узнаваемые имена. III Отделение это, однако, не обеспокоило.

Наглая сатира Булгарина должна была бы вызвать возмущение в какой-то части русского общества. Впрочем, много ли мы знаем об этом? Любопытную реплику по поводу сатиры

⁴⁴ Этот «голос» был подан во время обсуждения наказаний заговорщиков по разрядам. Своему мнению Мордвинов дал юридическое обоснование, сославшись на указы Елизаветы (ею применение смертной казни в России было ограничено в 1753 и 1754 гг.), Екатерины Великой и Павла (см.: Восстание декабристов: Документы. М., 1980. Т. 17: Дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии. С. 144, 271). После этого в Верховном уголовном суде был проведен еще один ряд заседаний, на которых наказания голосовались не по разрядам, а поименно. В дни, когда утверждалась казнь пяти декабристов, Мордвинов в суде не присутствовал «за болезнью». При обсуждении виновности осужденных по другим разрядам Мордвинов высказывался за меньшую меру наказания по сравнению с другими членами суда.

⁴⁵ Булгарин Ф. Соч. / Сост., вступ. ст., примеч. Н. Н. Львовой. М., 1990. С. 320—321.

⁴⁶ Сатиру на Н. Мордвинова Булгарин сочинял в расчете на одобрение императора. Его надежды вполне оправдались, и «Иван Выжигин» был высоко оценен Николаем, рекомендовавшим роман для передачи сидевшему в крепости декабристу А. О. Корниловичу: «Это его развлечет» (Щеголов П. Е. Благоразумные советы из крепости // Современник. 1913. Кн. 2. С. 293).

⁴⁷ Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1960. Т. 4. С. 622.

Булгарина дал Жуковский в первом варианте своего письма к Бенкендорфу о «Европейце». Эта редакция письма Жуковского, о которой уже упоминалось, была напечатана в 1896 г. П. И. Бартеневым практически без комментария. Так она и осталась, поскольку ее никогда не включали в собрания сочинений Жуковского. Хотелось бы восполнить этот недостаток в настоящей статье.

В первой редакции письма Жуковский подробно остановился на статье И. Киреевского «„Горе от ума” — на московской сцене»: «Статья Киреевского, в которой он говорит о безрассудном пристрастии нашем ко всем иностранцам без разбора и хочет отличить сие пристрастие от полезного и необходимого нам уважения к просвещению европейскому, объяснена самым превратным образом. Говорят, будто он разумел под именем людей, носящих нерусскую фамилию, всех тех, кои населяют наши немецкие провинции⁴⁸ и столь же русские по своему патриотизму и по своим услугам общему отечеству, как и коренные жители Москвы, Владимира и Новгорода. Такой мысли Киреевский иметь не мог просто потому, что он не сумасшедший. Он говорил об иностранцах не русских подданных, хотя и родившихся в России и предпочитаемых в наших обществах только за то, что их фамилии нерусские. Так пристрастно были истолкованы самые обыкновенные и ясные мысли в статьях Киреевского».⁴⁹ Именно в связи со статьей Киреевского «„Горе от ума” — на московской сцене» Жуковский решил напомнить Бенкендорфу о романе Булгарина «Иван Выжигин»: «Между тем есть у нас романы, в коих (...) под вымышленными именами обруганы некоторые из живых людей, занимающих в обществе почетное место; эти имена не напечатаны, но были распуцены под рукою, и в некоторых вымышленных есть сходство с настоящими. Через это книги получили ход, были раскуплены, и из десяти читателей, конечно, один знал, кого разумел в ругательстве своем автор».⁵⁰

Намек Жуковского был очень прозрачным. В своем письме о запрещении «Европейца» Жуковский имел в виду предвзятое отношение III Отделения к статье Киреевского. Опасность малейшего намека на положение в России выходцев из «немецких

⁴⁸ Любопытно, что в статье Ивана Киреевского «немецкие провинции» не упоминались. Жуковский заговорил о них в своем письме потому, что его более всего беспокоило впечатление, произведенное статьей Киреевского на остзейскую верхушку III Отделения. В словах Жуковского, несомненно, отразились слухи, ходившие в феврале 1832 г. о подоплеке происхождения с «Европейцем».

⁴⁹ Русский архив. 1896. № 1. С. 116.

⁵⁰ Там же.

провинций», с одной стороны, а с другой — попустительство в оскорблениях маститого русского вельможи, известного и почитаемого в обществе, — вот что возмущало Жуковского. И все это под вывеской защиты русского престола, хотя корыстных, эгоистических интересов своего «землячества» здесь было больше, чем государственных.⁵¹ Жуковский, объявленный главой придворной русской партии, сталкивался с этим в своей жизни не однажды. Вспомним о подоплеке действий Бенкендорфа в канун похорон Пушкина. Меры предосторожности, принятые им после смерти поэта (перенос места отпевания, ограничения в связи с проявлениями народной скорби и т. п.), имели целью в первую очередь уберечь находящихся в России иностранцев от вспышек стихийного гнева. Об этой подоплеке действий жандармов подробно писал Бенкендорфу Жуковский в знаменитом письме о смерти Пушкина (конец февраля—начало марта 1837 г.), где утверждал, что возмущенные разговоры в народе об убийстве русского поэта иностранным подданным «в порядке вещей» и было бы странно и горестно для национальной гордости, если бы их не было: «...жертвою иноземного развратника сделался первый поэт России... Чему же тут дивиться, что общее чувство при таком трагическом происшествии вспыхнуло сильно. Напротив, надлежало бы удивиться, когда бы это сильное чувство не вспыхнуло и если бы в обществе равнодушно приняли такую внезапную потерю и не было бы такое равнодушие оскорбительно для чувства народности».⁵² Кстати, о тексте этого письма Жуковского. В нем есть такой фрагмент: «...вероятно, что не один, а весьма многие в народе ругали иноземца, который застрелил русского, и кого же русского, Пушкина?».⁵³ Так напечатано во всех изданиях Жуковского, хотя в беловом автографе, по которому воспроизводится текст этого письма, написано несколько иначе: «...застрелил русака, и кого же русского, Пушкина?».⁵⁴ Звучит непривычно, но, может быть, так и надо печатать в изданиях Жуковского, поскольку «русак» — это устойчивая и чисто партийная по своему характеру антонимия, встречающаяся в до-

⁵¹ См. в воспоминаниях Н. И. Тургенева: «...правительство... чаще всего... оказывает доверие проходимцам, предпочитая их достойным русским лишь потому, что они расточают уверения в своей исключительной преданности особе государя; интересы же страны, куда они явились за богатством и почестями, их ничуть не заботят» (*Тургенев Н. И. Россия и русские / Пер. с фр., ст. С. В. Житомирской; Коммент. А. Р. Курилкина. М., 2001. С. 250*).

⁵² Жуковский В. А. Собр. соч. Т. 4. С. 626.

⁵³ Там же. С. 627.

⁵⁴ ПД, ф. 244, оп. 8, № 40, л. 6.

несениях Булгарина (см., например, об А. П. Ермолове, 1827 г.: «Падение его произвело сильнейшее впечатление в умах так называемых руссаков и патриотов. Они не скрываются с изъяснением своего негодования и явно кричат противу немецкой партии, которая существует в одном воображении некоторых вельмож (преимущественно Н. С. Мордвинова), которые распространили это мнение в народе»).⁵⁵ Похоже, Жуковский со знанием дела употребил слово «русак» в письме о смерти Пушкина, поскольку он очень хорошо ориентировался в той «партийной борьбе», которая шла у подножия российского трона.

Первый вариант письма Жуковского о «Европейце» интересен и в другом отношении. Поэт очень своеобразно охарактеризовал в нем причину успеха, который выпал на долю болгаринского «Выжигина». Он связывал его с популярностью чисто бульварного толка. Как было не полюбопытствовать русскому читателю и не познакомиться с карикатурой на графа Федора Толстого-«Американца» (в романе он выведен под именем графа Тонковорина), когда-то всесильного Магницкого (кстати, изображение этого деятеля — персонаж под фамилией «Притягалов» — получилось у Булгарина очень удачным), игрока В. С. Огонь-Догановского, сенатора Мордвинова? Любопытно, что среди рецензентов «Ивана Выжигина» на эту сторону книги намекнул лишь один Н. И. Надеждин. Может быть, о пасквилях Булгарина писал он в этом месте своей статьи: «А сатира не следовало бы так забываться! Она должна выставлять пороки на посмешище, а не — на лобное место...».⁵⁶ И еще один намек Надеждина в статье о романе Булгарина: его «шумная слава облетела уже будуары и гостинные и раздается теперь — в передних»; в примечании же добавлено: «Передняя-то, как жется, и есть настоящее его место. Тут ему и замаслиться».⁵⁷

Мнения об «Иване Выжигине», прозвучавшие из несимпатизировавших Булгарину литературных кругов, сыграли свою роль в истории «Европейца». Говоря о резкости этих оценок, историки литературы, как мне кажется, недооценивают впечатлений от пасквилей болгаринского «Выжигина». С большой резкостью о романе отозвался Киреевский в «Обзрении русской словесности 1829 года», напечатанном в самом начале 1830 г. на страницах альманаха «Денница»: «Пустота, безвкусице, бездушность, нравственные сентенции, выбранные из детских прописей, неверность описаний, приторность шуток». Ки-

⁵⁵ Видок Фиглярин. С. 156—157.

⁵⁶ Атеней. 1829. № 9. С. 322—323.

⁵⁷ Там же. С. 301.

реевский поставил роман Булгарина в один ряд с такими книгами, как «Сонник» и «О клопах».⁵⁸ Взбешенный Булгарин, едва познакомившись с этим отзывом, пишет 25 января 1830 г. письмо к Бенкендорфу: «Сочинение мое „Иван Выжигин“, удостоившееся в один год трех изданий и благосклонно принятое всеми иностранными журналами, доставившее мне честь быть членом первых европейских ученых обществ и благосклонные отзывы знаменитых людей Европы, было разругано без всяких доказательств в русских журналах. За меня никто не вступился!»⁵⁹ (...) Грубости, личности, неприличия, брань — и ни одного доказательства, почему книга не хороша».⁶⁰

Отношение Булгарина к Ивану Киреевскому было неразрывно связано с его ненавистью к Жуковскому.⁶¹ О том, насколько серьезно Булгарин интриговал против Жуковского, свидетельствуют его письма к Бенкендорфу от 12 апреля 1827 г. («У меня есть сильный один враг у самого трона; этот враг — друг противника моего Воейкова»)⁶² и затем от 25 января 1830 г.: «Меня гонят и преследуют сильные ныне при дворе люди: Жуковский и Алексей Перовский, за то именно, что я не хочу быть орудием никакой партии. Некоторые вельможи и даже дамы нарочно призывали меня, чтоб предостеречь и уведомить, что мне могут повредить, ибо, принимая за предлог бранить в обществах „Выжигина“, кончают речь бранью автора. Все, что окружает Государя Императора,.. связано узами дружбы с моими неутомимыми преследователями... Перемениться не могу — ибо пишу и говорю то только, что почитаю правдою, а правда глаза колет!».⁶³ Сообщая Бенкендорфу о своем решении ответить Киреевскому со страниц «Северной пчелы», Булгарин тут же высказал предположение, что на это «друзья г. Киреевского и родственники сильно разгневаются».⁶⁴

⁵⁸ Киреевский И. В. Критика и эстетика. С. 76. Подобное же мнение, но без афористической хлесткости Киреевского высказали несколько позднее в печати (апрель—май 1830 г.) Н. И. Надеждин и В. С. Филимонов.

⁵⁹ Это восклицание Булгарина очень характерно: о заступничестве взывает литератор, который без каких-либо опасений обругал в печати своих благополучно здравствующих современников. За них тоже «никто не вступился»... Да Булгарин, похоже, и не опасался этого.

⁶⁰ Видок Фиглярин. С. 381.

⁶¹ Даже в 1846 г., вспоминая о ситуации в русской литературе пушкинского времени, Булгарин ставил во главе своих литературных противников Жуковского (см.: *Рейтблат А. И.* Булгарин и Дубельт. С. 271).

⁶² Видок Фиглярин. С. 161.

⁶³ Там же. С. 381—382.

⁶⁴ Там же. С. 383.

Отзыв Ивана Киреевского, племянника Жуковского, на книгу Булгарина — важная веха в истории «Европейца». Конечно, не со всеми суждениями критика относительно художественной стороны «Выжигина» можно согласиться. П. П. Свиньин, рецензируя книгу, с сочувствием отмечал ощущаемую в России «нужду в народных романах».⁶⁵ Создавая «Выжигина», Булгарин делал ставку на читателя, крепко стоящего на почве реальной русской жизни. То, что роман Булгарина нашел путь к широкой читательской аудитории, относится к его несомненным достоинствам.⁶⁶ Хуже было другое. Н. А. Полевой, например, считал, что «самая чистая нравственность дышит на каждой странице» романа Булгарина.⁶⁷ А между тем «нравственность» автора, по моим впечатлениям от романа, носила характер, скорее, декларативный. Автор «Выжигина» очень хорошо знал, какой поворот должны принять в романе события и какие оценки следует дать им, чтобы произведение прошло русскую цензуру и получило одобрение значительной части русского общества. Если люди живут меркантильными интересами, то зачем им заоблачные выси и «чистая нравственность»? Напротив, это большая удача — увидеть в книге образ ловкача, который знает, какими словами и сентенциями прикрываются в России приносящие успех дела. Изю всех коллизий романа некоторой теплотой и автобиографической с элементами лирики достоверностью обладала лишь одна — это история Оленьки, будущей жены Выжигина, которая спасается бегством «от измены, от предательства, от разврата».⁶⁸ Чувство, вложенное Булгариным в историю ее спасения, дает представление о том, как он мог воспринять намеки на свою жену и притоны Мещанской улицы в «*Post skriptum'e*» стихотворения Пушкина «Моя родословная» (1830). Известно, что Булгарин, как об этом записано в дневнике Ф. И. Буслаева 1852 г., был «женат на женщине из распутного дома».⁶⁹ Намек в «Моей родословной» был очень сильным ударом со стороны поэта.

Между тем декларативный характер идейно-нравственной основы «Выжигина», думается, не возмутил бы так литераторов пушкинского круга, если бы не вопиющая наглость булгарин-

⁶⁵ Отечественные записки. 1829. № 17. С. 137.

⁶⁶ О позитивном восприятии современниками «Выжигина» и — шире — булгаринского творчества см.: *Рейтблат А. И.* Как Пушкин вышел в гении. С. 98—107.

⁶⁷ Московский телеграф. 1828. № 7. С. 344.

⁶⁸ Булгарин Ф. В. Соч. С. 326.

⁶⁹ Филин М. Д. О семейных коллизиях Фаддея Булгарина // Русская речь. 1995. № 5. С. 8.

ских сатир. Художественная сторона «Выжигина» не стоила, а может быть, даже и не заслуживала столь уничижительной, как у Киреевского, критики. Однако как выразить свое возмущение по поводу выходки Булгарина в отношении того же Н. Мордвинова? По неписаному кодексу пушкинского времени «узнавать» в сатире затронутое лицо было нельзя, как, впрочем, и заявлять в печати свои протесты. Публичные заявления такого рода признавались за верх глупости («В получение оплеухи Расписался мой дурак!» — с торжеством, не веря такой удаче, вопрошал в 1829 г. Пушкин в одной из эпиграмм на М. Т. Каченовского, ответной по своему характеру). Об узанных в сатирах Булгарина лицах, конечно, никто из рецензентов не написал, но их, несомненно, имели в виду, когда давали роману самую уничижительную характеристику как произведению непристойному. Жуковский писал Николаю I в 1830 г.: «Думаю, что Булгарин, который до сих пор при всех наших встречах показывал мне великую преданность, ненавидит меня с тех пор, как я очень искренно сказал ему в лицо, что *не одобряю того торгового духа и той непристойности, какую он ввел в литературу, и что я не мог дочитать его Выжигина*». ⁷⁰ Вероятнее всего, он споткнулся на том персонаже романа Булгарина, где узнал очередного из своих современников.

В письме к Бенкендорфу о закрытии «Европейца» Жуковский вновь вспомнил «Ивана Выжигина» и отзыв о нем Киреевского. Любопытная подробность: говоря о Булгарине, Жуковский написал об изображении им русской жизни и видных в обществе лиц лишь в первом варианте письма. Из второй редакции письма он это исключил, сосредоточившись на самом главном: Жуковский считал, что III Отделение, говоря современным языком, превысило свои полномочия, ⁷¹ расправившись с Киреевским за мнимые намеки на привилегии остзейского «землячества».

3

В феврале Жуковский прочитал свой письменный протест Бенкендорфу, а затем обратился к Николаю, надеясь на его заступничество в деле с «Европейцем». На предложение пору-

⁷⁰ Жуковский В. А. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1902. Т. 12. С. 21.

⁷¹ По указу 1826 г. о создании III Отделения в его компетенцию входило наблюдение за «всеми постановлениями и распоряжениями об иностранцах, в России проживающих, в пределы государства прибывающих и из оного выезжающих» (Строев В. Н. Столетие собственной е. и. в. канцелярии. СПб., 1912. С. 153).

читься за Киреевского Жуковский получил от царя ответ: «А за тебя кто поручится?».⁷² «Между государем и Жуковским, — свидетельствовала А. П. Елагина, — произошла сцена, вследствие которой Жуковский заявил, что коль скоро и ему не верят, то он должен тоже удалиться; на две недели приостановил он занятия с наследником престола».⁷³ Конец этой распри положила императрица, помирившая Николая с Жуковским.

В душе Жуковского закрытие журнала вызвало отклик особого рода. По-видимому, он решил отомстить Булгарину за Киреевского. Из текста второй редакции письма к Бенкендорфу, который был отдан переписчику, Жуковский вычеркнул фрагмент, говоривший о его желании взять под свое покровительство новый печатный орган (только под покровительство, поскольку положение наставника при цесаревиче резко ограничивало его литературную жизнь). Обширный список имен литераторов, которых он намеревался привлечь к работе в издании (это более пятидесяти имен), записан им на полях первого автографа.⁷⁴ Кое-что об этом намерении Жуковского известно историкам литературы, но, по-видимому, не все. То, насколько серьезными были журналистские планы Жуковского, проясняет его записка к Пушкину, комментарий которой, известный по ряду изданий,⁷⁵ хотелось бы дополнить.

Эту записку Жуковский написал 4—10 марта 1832 г. В ней говорилось: «Нам бы надобно, то есть мне, тебе и Вяземскому, собраться у меня и побеседовать о плане журнала, который непременно надобно написать на этой неделе, ибо Смирдин после Святой должен решиться с Гречем и Булгариным. Будь у меня завтра в 1/2 8-го после обеда; скажи об этом и Вяземскому».⁷⁶ Какая же связь существовала между журналистскими планами Жуковского—Пушкина—Вяземского, с одной стороны, и Смирдина—Булгарина—Греча, с другой?

Записку Жуковского принято связывать с замыслом издания еженедельной политической газеты, который занимал Пушкина на протяжении 1831—1832 гг. Дольше наиболее обстоятельным исследованием истории этого замысла остается статья

⁷² Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1891. Кн. 4. С. 10.

⁷³ Русский архив. 1894. Кн. 2. № 7. С. 337.

⁷⁴ Список напечатан: Гиллельсон М. И. Письма Жуковского о запрещении «Европейца». С. 118.

⁷⁵ См., например: Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. С. 704 (коммент. Н. В. Измайлова); Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 115 (коммент. И. Б. Мушиной).

⁷⁶ Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. С. 516.

Н. К. Пиксанова «Несостоявшаяся газета Пушкина „Дневник“ (1831—1832)». ⁷⁷ Как сообщается в этой статье, действия Пушкина по организации газеты неоднократно касались содружества Булгарина и Греча, издававших два печатных органа — «Северную пчелу» и «Сын отечества». Особый интерес представляют попытки поэта привлечь к своему журналистскому начинанию Н. И. Греча. На сообщения об этом, содержащиеся в письмах Греча к Булгарину лета—осени 1832 г., указал в своей статье Пиксанов, причем на последнем этапе (начало осени 1832 г.) речь шла о сотрудничестве с ним Пушкина в обновленном по своей программе журнале «Сын Отечества». Ведя переговоры с Гречем, Пушкин оставлял за собой права «главного издателя», ему же предписывалось «смотреть за редакцией и за переводом статей газетных». ⁷⁸ Впрочем, как это видно из писем пушкинского круга, дело вокруг болгаринских изданий завязалось намного раньше. П. А. Вяземский сообщал И. И. Дмитриеву 13 апреля 1832 г.: «Смирдин, сказывают, снимает „Северную пчелу“ и „Сына Отечества“ и дает за право прежним откупщикам по 60 или 50 тысяч ежегодно». ⁷⁹

Другое сообщение о Смирдине мы находим в письме Греча к Булгарину от 22 июня 1832 г.: «Смирдин приехал на сих днях из Москвы, объявил мне вчера, что он не может начать предполагаемого союза с Нового года, но в то же время дал честное слово, что он ни с кем не вступит в сношения для издания какого-либо журнала, надеясь, что таки со временем успеет сладить с нами. Главною причиною невозможности его приступить к делу есть то, что Пушкин получил уже дозволение на издание политического журнала и начнет оный с сентября месяца». ⁸⁰ В этом письме решение Смирдина принять на себя финансовые обязательства по болгаринским изданиям так же, как и в приведенной выше записке Жуковского, связывается с желанием Пушкина приступить к изданию своего печатного органа. Это не случайно. В письмах Греча к Булгарину именно Смирдин представлен едва ли не единственным из «деловых» людей издательского мира, кто пророчил Пушкину успех на журналистском поприще. Летом 1832 г. он не решался на «откуп» «Северной пчелы», поскольку еще надеялся на успешное начало журналистской деятельности Пушкина. А что же в марте 1832 г.? Почему «план журнала» Пушкина следовало написать раньше соглашения со Смирдиным по «откупу» лучшей из

⁷⁷ Пушкин и его современники. СПб., 1907. Вып. 5. С. 30—74.

⁷⁸ Там же. С. 57. См. также: С. 52—60 (о переговорах с Гречем).

⁷⁹ Русский архив. 1868. С. 616.

⁸⁰ Пушкин и его современники. Вып. 5. С. 53—54.

российских газет? Иными словами: почему группа «Жуковский—Пушкин—Вяземский» должна была во всеоружии подойти к этому моменту? Видимо, потому, что после заключения условия с Булгариным и Гречем Смирдин получал право решающего голоса, и это, несомненно, привело бы к кардинальным переменам в редакции «Северной пчелы». Об этом можно судить по событиям 1837 г., когда Смирдин все-таки решился на «откуп» «Северной пчелы». Тогда, приняв решение о ежегодной выплате Булгарину и Гречу по 60 тыс. р., Смирдин потребовал, чтобы неофициальным редактором газеты стал Н. А. Полевой.⁸¹ Вполне возможно, что, если бы у Смирдина сладилось в 1832 г. дело с выкупом «Северной пчелы», он поступил бы точно так же, т. е. потребовал бы от Булгарина и Греча согласия на кандидатуру другого редактора. Думаю, им бы стал Пушкин. Именно на это рассчитывал пушкинский кружок ранней весной 1832 г. Для Жуковского такой исход смирдинского «откупа» был адекватен ответной мере, которую он намеревался «воздать» Булгарину за свершившееся с «Европейцем». Желания Жуковского и Пушкина, видимо, совпадали с устремлениями Смирдина, который, как известно из многочисленных сообщений мемуаристов, был в конце концов разорен именно Булгариным и Гречем (вкуче с Сенковским).⁸²

Таким образом, к весне 1832 г. можно отнести планы пушкинского кружка по овладению одним из болгаринских изданий. Они ни к чему не привели, однако намерение у Пушкина стать редактором не только «Сына Отечества», но и «Северной пчелы», по-видимому, было. Нельзя сказать, что планы Жуковского и Пушкина были полностью неосуществимы. В 1832 г. у них была кое-какая поддержка: шансы на разрешение журналистской деятельности были вполне реальны, Смирдин готов был обеспечить финансовую сторону «обкатанных» болгаринских изданий. После того, как замолкли разговоры об «откупе» Смирдиным «Северной пчелы», в планах Пушкина возник «Сын Отечества», а затем... А затем Пушкин, располагавший разрешением на издание печатного органа, от намерения своего отказался. Почему? Стоит вспомнить о судьбе пробного номера пушкинской газеты, подготовленного поэтом при участии Н. И. Тарасенко-Отрешкова и сохранившегося в архиве III Отделения. Уровень его, и это было замечено пушкинистами, был очень невысок. Вполне возможно, что хлопоты по организации

⁸¹ См. об этом: Видок Фиглярин. С. 434—436.

⁸² См. об этом: Кишкин Л. С. Честный, добрый, простодушный... : Труды и дни Александра Филипповича Смирдина. М., 1995. С. 68—77.

газеты «Дневник» были своего рода прикрытием, за которым шли переговоры об одном из тиражных петербургских изданий. Когда стало ясно, что ни с одним из них не получилось, замерла и деятельность Пушкина по изданию политической газеты «Дневник».

Развитие событий вокруг журналистского начинания Пушкина не во всем нравилось Жуковскому. Свое отношение к этому он подытожил в письме к П. А. Вяземскому от 27 января / 8 февраля 1833 г.: «Радуюсь, что Пушкин не выдает газеты; он принялся за это дело слишком коммерчески и, возможно, попал бы в одну лужу с Булгариным».⁸³ Вот в этом, по-видимому, и следует искать причину неудачи, которая постигла план, составленный в кружке Жуковского ранней весной 1832 г. «Слишком коммерческие» расчеты претили представителям литературной аристократической партии, поэтому их действия успешного завершения иметь просто не могли.

С. В. Березкина

⁸³ Литературное наследство. М., 1953. Т. 58. С. 110.

ПУШКИН И АРСЕНЬЕВ

(По поводу стля пушкинских заметок в «Литературной газете»)

22 декабря 1835 г. Пушкин записал в своем «Дневнике», что в среду был в салоне Е. М. Хитрово, где имел долгий разговор с великим князем Михаилом Павловичем. Содержание разговора Пушкин изложил так: «Началось журналами: „Вообрази, какую глупость напечатали в «Северной пчеле»; дело идет о пребывании государя в Москве. «Пчела» говорит: «Государь император, обошед соборы, возвратился во дворец и с высоты красного крыльца низко (низко!) поклонился народу». Этого не довольно: журналист-дурак продолжает: «Как восхитительно было видеть великого государя, преклоняющего священную главу перед гражданами московскими!» — Не забудь, что это читают лавочки». Великий князь прав, а журналист, конечно, глуп» (XII, 334).

По сути дела в этой записи проведена мысль, что раз один и тот же газетный материал входил в круг чтения представителей разных слоев общества (от высшего света до лавочников), то должен быть определенный стиль подачи материала, который позволял бы читателю, согласно степени его образования и

занимаемого им социального положения, вычитывать из одного и того же текста информацию различной степени точности. Проиллюстрировать это можно на примере пушкинских заметок в «Литературной газете». М. О. Гершензон отметил, что в № 3 от 11 января были опубликованы две заметки, явно связанные с недавним путешествием Пушкина на Кавказ.¹ Приведем их без сокращений.

1) «Краткая всеобщая География Константина Арсеньева». Пятое издание, исправленное и дополненное. СПб., в типогр. Х. Гейнца, 1829 г. (310 стран. В 8-ю д.).

«Г. Арсеньев долгое время занимавшийся преподаванием географии и статистики и давно уже известный российской публике сочинениями своими по сим предметам, напечатал в конце минувшего года новое издание *Краткой Географии*, сочиненной им. Сие, пятое, уже издание, служит лучшим свидетельством того, что ученые труды г. Арсеньева оценены по достоинству. В нынешнем издании г. Арсеньев многое исправил и дополнил. Политическое расселение земл и государств, ее составляющих, изображены в нынешнем их состоянии. Таким образом, напр., пределы России показаны в том положении, в каком они находились в конце минувшего 1829 года, т. е. по заключении Адрианопольского трактата. Все приобретения России по сему трактату, равно как и по Туркманчайскому мирному договору с Персией, заключенному в 1828 году, означены верно. В конце сей Географии приложен *Азбучный список* областей, городов, морей, островов, гор и пр., упоминаемых в сей книге. С показанием страниц, на коих должно в ней отыскивать сии предметы. Искренне желаем сему пятому изданию такого ж успеха, какой имели *четыре* прежние».

2) «*Всеобщий Атлас*» или собрание карт всего земного шара, изданных для пользы юношества, по руководству г-на Арсеньева и других. СПб., 1829. С одобрения Военно-топографического Депо (32 карты, из коих 2 в лист, а остальные в боль. 4-ю д. л.) — Сей Атлас составлен по новейшим и лучшим иностранным географическим картам и сверен с всеобщей Географией г. Арсеньева. За точность и географическую правильность одного может ручаться то, что он пересмотрен и проверен был Главного штаба его императорского величества штабс-капитаном Ф. И. Поздняковым, коего труды известны нашей публике по изданной им прекрасной *Карте Европейской Турции, или Феатра последней войны россиян с турками*. Тридцать две карты, составляющие Всеобщий Атлас, выгравированы весьма чисто г. Савинковым и раскрашены тщательно, с точным обозначением границ каждого государства».

Высказав предположение, что эти заметки — пушкинские, М. О. Гершензон, отметил, что «никто, кроме Пушкина, не интересовался в такой степени событиями на турецкой границе, никто, кроме него, не мог подтверждать правильность све-

¹ Гершензон М. О. «Путешествие в Арзрум: (1829—1830) // Статьи о Пушкине. Пг., 1926. С. 58—59. Перепеч.: Гершензон М. О. Мудрость Пушкина. Томск, 1999. С. 224.

дений о территориальных изменениях, произведенных Адрианопольским Туркманчайским договорами».² Независимо от М. О. Гершензона В. В. Виноградов в заметке на «Краткую всеобщую географию» К. И. Арсеньева также увидел «явные следы пушкинской руки». «Синтаксический строй этой заметки, — писал В. В. Виноградов, — резко отделяет ее от статей Сомова. Точность, сжатость характерны именно для пушкинской речи».³ Мнения исследователей были учтены как вполне вероятные в указателе Е. М. Блиновой⁴ и биографическом словаре Л. А. Черейского.⁵

Однако никто из исследователей не уделил должного внимания изданиям, послужившим поводом для заметок, а также их автору: с этих заметок открывается биографическая справка об Арсеньеве в словаре Черейского. А между тем события, помогающие раскрыть их контекст, произошли значительно ранее. Поэтому начнем с тех биографических фактов, которые оказались за рамками упомянутого словаря.

Константин Иванович Арсеньев (1789—1865) родился в селе Мираханово Костромской губернии, в 15 верстах от Чухломы, в семье священника. В десятилетнем возрасте он поступил в Костромскую семинарию, из которой в числе лучших воспитанников 12 октября 1806 г. был переведен в Санкт-Петербургский педагогический институт, являвшийся в то время основным центром для подготовки преподавательских кадров высшей школы. Блестяще сдав выпускные экзамены, Арсеньев в 1810 г. был оставлен при институте для преподавания латинского языка и географии. В следующем году он был утвержден преподавателем географии в помощь профессору Е. Ф. Зябловскому.⁶ Однако вскоре между ними произошла ссора,⁷ и Арсеньев при содейст-

² Гершензон М. О. Мудрость Пушкина. С. 225.

³ Виноградов В. В. Проблема авторства и теории стилей. М., 1961. С. 426.

⁴ Блинова Е. М. «Литературная газета» А. А. Дельвига и А. С. Пушкина. : Указатель содержания. М., 1966. С. 51, 52, 146.

⁵ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 19.

⁶ Зябловский Евдоким Филиппович (1763—1833), с 1805 г. — экстраординарный профессор географии Педагогического института, впоследствии заслуженный ординарный профессор географии и статистики Санкт-Петербургского университета (1819—1833), исполняющий обязанности ректора Санкт-Петербургского университета (1821—1825).

⁷ Основанием для ссоры послужил отказ Арсеньева жениться на племяннице Зябловского, после чего Зябловский сделался заклятым его врагом. (Из записок Н. И. Греча // Русский архив. 1871. Стб. 0262). В этом же году Арсеньев женился на Баумгартен Марии Карловне (1800—1862), от брака с которой родились двое сыновей: Юлий (1818—1873) — впоследствии тайный советник и Константин (1837—1919) — известный публицист.

вии профессора К. Ф. Германа⁸ стал заниматься статистическими работами в Министерстве внутренних дел.

Нашествие Наполеона застало Арсеньева в Петрозаводске. Вернувшись в Петербург, он написал диссертацию на получение звания адъюнкта, но из-за происков профессора Зябловского желаемого звания не получил. Поэтому в 1815 г. он поступил гувернером и учителем в пансион пастора Муральто, где через год познакомился с графом Е. К. Сиверсом,⁹ предложившим ему место преподавателя в Инженерном училище. Генерал-инспектором училища по инженерной части был великий князь Николай Павлович. Арсеньев сумел обратить на себя его внимание, и 4 сентября 1817 г. был утвержден адъюнктом, а вслед за этим напечатал ряд своих работ. В 1818 г. вышла первая часть «Краткой всеобщей географии»,¹⁰ в 1819 г. — ее вторая часть. В 1818 г. было издано «Обозрение физического состояния России и выгод от того проистекающих для народных промыслов, ныне существующих», которое несколько позже вошло разделом в «Начертание статистики Российского государства»,¹¹ ставшее учебником. В своих работах Арсеньев исходил из положения К. Ф. Германа, утверждавшего, что статистика является наукой не исторической или географической, а политической. Поэтому, по мнению Арсеньева, предметом изучения статистики являются «народонаселение страны, промышленность или источники народного богатства, образованность народа, государственное устройство и государствен-

⁸ Герман Карл Федорович (Hermann, Herman), родом из Данцига, с 1795 г. — преподаватель истории и статистики в Санкт-Петербургском морском кадетском корпусе, с 1805 г. — адъюнкт Академии наук по статистике; с 1807 г. — профессор Педагогического института, с 1811 г. — начальник статистического отделения Министерства внутренних дел, первый декан историко-филологического факультета и профессор Санкт-Петербургского университета (1819—1821).

⁹ Сиверс Егор Карлович (1779—1827), граф, инженер-генерал-лейтенант, в 1811 г. назначен начальником инженеров и офицеров путей сообщения, в 1820 г. назначен начальником Главного инженерного училища.

¹⁰ Замечания на книгу, по всей видимости проф. Зябловского, были опубликованы в «Духе журналов» (1818. Ч. 30. С. 20—58). Арсеньев ответил в «Сыне Отечества» (1818. Ч. 48. № 37, 38. С. 227—233, 270—280), объяснив опечатки и промахи книги поспешностью издания. Ответ Арсеньева вызвал новую статью другого рецензента (Дух журналов. 1818. Ч. 30. Окт. С. 66—98), на которую последовал ответ (Сын Отечества. 1818. Ч. 49. № 49. С. 175—177), вновь вызвавший статью в «Духе журналов» (1819. Ч. 32. Кн. 3. С. 18—19. Новый ответ «Сына Отечества» (1819. Ч. 52. № 10, 11. С. 161—177; 221—222; Ч. 53. № 13. С. 16—36) открыл новый этап полемики (Дух журналов. 1819. Ч. 34. Кн. 9. С. 81—104; кн. 11. С. 106—160).

¹¹ Дух журналов. 1818. Ч. 30. Кн. 3. С. 34—35.

ное управление».¹² В таком плане Арсеньев и преподавал свой предмет в только что образованном Санкт-Петербургском университете,¹³ который получил от Педагогического института весь личный состав преподавателей и студентов. Дальнейшая судьба Арсеньева связана с университетом, поэтому остановимся на истории его создания.

Кратко факты укладываются в такую последовательность: 11 января 1819 г., по представлению министра духовных дел и народного просвещения князя А. Н. Голицына, император Александр I изъявил согласие на учреждение в Петербурге университета. 13 января попечитель Санкт-Петербургского учебного округа С. С. Уваров (1786—1855) представил министру проект «Первоначального образования Университета» с объяснительной запиской. Эти материалы обсуждались в Главном правлении училищ 30 января, и 8 февраля было получено высочайшее утверждение нового университета. Все бумаги и проект устава были подготовлены С. С. Уваровым, так что можно сказать, что университет — это его детище.

В 1818 г. Александр I назначил С. С. Уварова президентом Академии наук и вскоре по вступлении в новую должность он занялся проектом организации Санкт-Петербургского университета.¹⁴ Детальный устав университета предполагалось выработать впоследствии, а в первоначальный проект были введены лишь незначительные и самые необходимые нововведения относительно устава, Главного Педагогического института.¹⁵ Проект устава подвергся резкой критике со стороны членов дирекции училищ. Уваров подал в отставку, прося уволить его от должности члена дирекции и попечителя Санкт-Петербургского учебного округа. 19 июля 1821 г. исполняющим

¹² Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1. С. 257.

¹³ Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819—1919 : Материалы по истории Санкт-Петербургского университета. Т. 1: 1819—1835. Пг., 1919. С. XII. В апреле 1820 г. Арсеньев стал членом петербургской масонской ложи «Избранного Михаила», среди членов которой были Н. И. Греч, В. К. Кюхельбекер, М. К. Кюхельбекер, Ф. Н. Глинка и др. (Серков А. И. Русское масонство. 1731—2000 : Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 1064). По другим данным, Арсеньев вступил в масоны в 1815 г. (Дневник художника А. Н. Мокрицкого. М., 1975. С. 193).

¹⁴ Подробнее см.: Виттекер Ц. Х. Граф С. С. Уваров и его время. СПб., 1999. С. 84—102.

¹⁵ Так, по примеру других университетов Петербургский должен был иметь ректора, избираемого ежегодно профессорами из своей среды, с обязанностью председательствовать в конференции и заседать в правлении; но вместе с тем сохранена была и должность директора, существовавшая в институте, с возложением на него «главного и ближайшего надзора за всеми внутренними делами уни-

должность попечителя Санкт-Петербургского учебного округа был назначен Дм. Рунич.¹⁶

Чтобы показать свое рвение на чрезвычайном собрании университета Рунич потребовал доставить ему сведения о состоянии университета 29 августа 1821 г. по всем частям: учебной, полицейской, хозяйственной и нравственной.¹⁷ Относительно учебной части Рунич требовал представления студенческих тетрадей с записями профессорских лекций и с обозначением авторов, которых профессора берут в руководство.

Конечная цель требований Рунича была ясна преподавательскому составу университета. Только что завершился подобный разгром М. Л. Магницким¹⁸ Казанского университе-

верситета», исключая ученых, предоставленных Конференции. Наибольшему преобразованию подверглось правление, в котором предполагалось сосредоточить все дела по хозяйственной и правительственной части не только университета, но и всего учебного округа, а членами его должны были быть: директор и ректор университета, директор училищ Санкт-Петербургской губернии и особый советник в должности синдика. Университет был открыт, прежде чем были подобраны преподаватели и заполнены все вакантные должности. Настоящие лекции начались только с 5 ноября 1819 г. Первые два года заведение держалось лишь прежними не кончившими еще курса воспитанниками Главного Педагогического института в числе 70 человек (*Григорьев В. В.* Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования СПб., 1870. С. 5—6). Эти правила или устав составляли толстые тетради, состоящие из разных пунктов, разделенных на главы и отделы. Устав был раболопным подражанием или точным сколком с уставов и управления немецких университетов. У меня хранится точная копия этого устава, снятая с оригинала. Университет должен быть разделен на факультеты для изучения: 1) истории и философии; 2) физики и математики; 3) юриспруденции и политических наук. Существование Медико-хирургической академии независимо от министерства и Духовной академии делало кафедры богословия и медицины излишними в университетах.

¹⁶ Рунич Дмитрий Павлович (Runitch, Ruinitche; 1780—1860), с 1819 г. — член Главного правления училищ. Позже Рунич писал: «Министр возложил на меня исполнение обязанностей попечителя. Он сделал даже представление об утверждении моем в этой должности, но император, не согласившись на это, не устранил меня от управления округом, и я исполнял эти обязанности и во время кончины Александра» (Из записок Д. П. Рунича // Русская старина. 1901. Т. 106. С. 382).

¹⁷ Следовало предоставить: 1) списки студентов с указанием нравственных свойств каждого, 2) сведения о мерах, принятых для охранения нравственности студентов и слушателей от вредного духа в преподавании разных наук и о замеченной Конференцией неблагонадежности кого-либо из преподавателей; 3) сведения о вероисповедании лиц, университет составляющих (Санкт-Петербургский университет в первое столетие... С. XLIV).

¹⁸ Магницкий Михаил Леонтьевич (1778—1855) — активный сотрудник комитета Сперанского, правитель его канцелярии; после падения Сперанского (обстоятельства опалы Сперанского см.: *Мясоедова Н. Е.* Пушкинские замыслы. СПб., 2002. С. 56—63) пребывал с 1812 по 1814 г. в ссылке в Вологде. Вскоре

та и вновь назначенному исполняющему должность попечителя учебного округа Руничу¹⁹ «нужен был материал для давно решенного обвинительного акта против Университета Санкт-Петербургского. Сущность же нависшей над университетом угрозы ощущалась в делах о профессоре Куницыне²⁰ и о беспорядках в благородном Пансионе. Оставалось обобщить эти дела и потребовать к ответу университет в полном составе».²¹

По заключению Рунича, содержание студенческих конспектов «показало ясно, что история вообще и статистика Российского государства преподаются на основаниях самых пагубных».²² Не собираясь участвовать в политическом разгроме университета, профессор М. А. Балугьянский²³ 31 октября по-

снискал расположение А. Н. Голицына, при содействии которого получил должность вице-губернатора в Воронеже, затем гражданского губернатора в Симбирске. Магницкий сделался самым ярким врагом масонства. В 1819 г. при содействии А. Н. Голицына Магницкий стал членом Главного правления училищ, сделался крайним обскурантом, в 1819 г. послан в качестве ревизора в Казань с правом бесконтрольно управлять этим университетом.

¹⁹ Н. И. Греч писал, что «Рунич был ревнителем, поклонником, подражателем и карикатурю Магницкого. Тот был хитер и расчетлив, насмехался над всем на свете, дурачил, кого мог, и пользовался слабостями и глупостью людей. Фанатизм Рунича был не естественный, а прививной: попадись он в руки Рылеева, он был бы повешен вместе с ним. Подражая во всем Магницкому, восхищаясь его Робеспьеровскими подвигами в Казани, Рунич хотел повторить то же с большим блеском и громом в Петербурге» (Из записок Н. И. Греча. Стб. 0260).

²⁰ Куницын Александр Петрович (1783—1841), по окончании Педагогического института готовился к профессуре в Геттингене и Гейдельберге (1808—1811), с 1811 г. — преподаватель нравственных и политических наук в Царско-сельском Лицее, с 1817 г. — ординарный профессор Главного Педагогического института по кафедре общего права; в 1819—1821 гг. — профессор Санкт-Петербургского университета. Известен двумя книгами: «Изображение взаимной связи государственных сведений» (СПб., 1817) и «Право естественное» (СПб., 1818—1820. 2 части). Уволен за книгу «Право естественное». Служил во II Отделении Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

²¹ Санкт-Петербургский университет в первое столетие... С. XLV.

²² Там же. С. XLVI.

²³ Балугьянский Михаил Андреевич (1770—1847), закончил Кашаускую академию и Венский университет. С 1789 г. — профессор политических наук в Варшавской академии (преподавал право публичное, народное, полицейское, финансовое, коммерческое, историю и статистику). Оттуда в 1807 г. был приглашен на кафедру политических наук в Педагогический институт и тогда же определен в Комиссию по составлению законов редактором по части государственного хозяйства и финансов, впоследствии занимал и другие должности в министерстве финансов. С декабря 1815 г. был преподавателем великого князя Николая Павловича, читая ему «науку о финансах» (*Шильдер Н. К. Великий князь Николай Павлович с 1814 по 1822 год // Русская старина. 1901. Т. 106. С. 463*). По учреждении Санкт-Петербургского университета Балугьянский был назначен первым деканом философско-юридического факультета и вскоре был избран первым ректором (1819—1821).

дал в отставку с должности ректора университета, но оставлен профессором до решения вопроса о преподавании истории и статистики.

Рунич начал расследование деятельности преподавателей университета с показательного суда над четырьмя профессорами: экстраординарным профессором по истории философии А. И. Галичем,²⁴ ординарным профессором по всеобщей истории Э. Раупахом,²⁵ ординарным профессором К. Ф. Германом и адъюнктом К. И. Арсеньевым. Рассмотрение дела прошло несколько инстанций. Первой было общее собрание (Конференция) университета, собиравшееся три раза (3, 4 и 7 ноября 1821 г.).²⁶ Следующей инстанцией было заседание главного управления училищ (24 ноября 1821 г.) и последней — заседание Комитета министров.

Во время рассмотрения дела на общем собрании университета Рунич «взял на себя роль не только председателя, но, главным образом, обвинителя и повел ее с шумом и выходками, в которых причудливо сочеталось и холодное, рассчитанное лицемерие и безудержная истеричность».²⁷ Директор университета²⁸ Дм. А. Кавелин²⁹ вторил Руничу, выходками, увещеваниями и «угрозами склонял профессоров на сторону обвинения, принимая всяческие меры, чтобы в протоколах исказить истинный ход дела, представив его в благоприятном для обвинения свете».³⁰

²⁴ Галич Александр Иванович (1783—1848), в 1808—1811 гг. обучался в Гелештете и Геттингене; в 1814—1815 гг. — профессор российский и латинской словесности в Царскосельском Лицее, с 1819 г. — профессор Санкт-Петербургского университета, в том же году удостоен «Высочайшей благодарности за „Историю философских систем“».

²⁵ Раупах Эрнст-Вениамин-Соломон (Raupach; 1784—1852), был преподавателем в семье М. П. Волконского, по рекомендации С. С. Уварова получил должность ординарного профессора всеобщей истории в Педагогическом институте (1817—1819), затем — в университете; он не знал русского языка и читал лекции на латинском или немецком языках.

²⁶ О накале развернувшейся борьбы свидетельствует продолжительность заседаний: 3 ноября заседали с 10 часов утра до 21 часа, 4 ноября заседали с 11 часов утра до 16 часов, 7 ноября собрались только для подписания протокола и подачи особых мнений и заседали с 18 часов до 4 часов пополуночи.

²⁷ Из записок Н. И. Греча. Стб. 0260.

²⁸ В уставе университета наряду с должностью избираемого ученым сословием ректора сохранялась должность назначаемого правительством директора, как помощника попечителя и старшего члена правления по всем внутренним делам университета, кроме ученых и учебных дел, которыми занимался ректор.

²⁹ Кавелин Дмитрий Александрович (1778—1851) — директор Главного Педагогического института (1816—1819) и Санкт-Петербургского университета (1819—1825).

³⁰ Санкт-Петербургский университет в первое столетие... С. XLIX.

Позже Арсеньев писал: «Озлобление Рунича во время суда доходило иногда до неистовства. Он позволял себе самые язвительные насмешки и сарказмы, хотел подавить в нас чувство человеческого достоинства. Такие выходки и такой безумно горделивый тон его и такая очевидная незаконность суда возбудили против него открытое негодование некоторых благородно мыслящих членов конференции».³¹

Действительно, на общем собрании университета раздавались голоса в защиту профессоров. 4 ноября при рассмотрении дела Галича и Арсеньева профессор М. А. Балугьянский занял решительную позицию, прежде всего он сослался на «то важное обстоятельство, что мысли, высказанные Арсеньевым о том, что свободный труд производительнее крепостного и что лучшее поощрение промышленности заключается в гражданской свободе, — находятся в актах нашего правительства, в актах европейской политики, у писателей, наиболее уважаемых по политической экономии».³² Затем, когда профессор Ф. Шармуа³³ отказался давать показания против Арсеньева, а Рунич потребовал выразить осуждение этому поступку, Балугьянский заявил, что собрание университета «превращается в форменную инквизицию».³⁴

Арсеньев был последним обвиняемым и защищался весьма энергично. От него требовали объяснения, «каким образом в тетрадях воспитанников Благородного Пансиона, которым он читал статистику, оказались вредные мнения о религии и правительстве, для чего в науку статистики он вводил материи, возмутительные против благосостояния общественного, с чьего дозволения он взял за руководство статистики свою книгу, заключающую в себе опорочение отечественного правительства, существующих законов, форм правления гражданского и духовного». Его спрашивали, что может привести он в оправдание того, что дерзнул «открывать величайшие государственные тайны», т. е. особенности обращения ассигнаций в России. Арсеньев написал на каждый обвинительный пункт обстоятельный ответ. «Общий характер своего курса статистики он оправдывал авторитетами Шлецера и Германа, указывал, что его собственная книга введена в пансионе с дозволения директора и просил позволения подробно отвечать на каждую статью выписок из

³¹ Русский биографический словарь. СПб., 1900. Т. 3. С. 318.

³² Сухомлинов М. И. Исследования и статьи... С. 261.

³³ Шармуа Франц Францевич (Шагмоу, Франсуа-Бернар; 1793—1869), с 1817 г. — профессор персидского языка в Педагогическом институте, в 1819—1822 гг. — профессор Санкт-Петербургского университета, почетный член Академии наук.

³⁴ Сухомлинов М. И. Исследования и статьи... С. 304.

его книги, чтобы „открыть свой образ мыслей и представить, как мало он склонен к возмутительности, буйству, непокорности властям и богохульству”». ³⁵ Тем не менее Арсеньев был обвинен в том, что многие места из его курса клонятся к ниспровержению православия и рекомендуют революцию. Когда он попробовал возразить тем, что курс его пропущен цензурой, то Рунич воскликнул: «Это не послужит вам оправданием, что книга напечатана и одобрена от правительства, — то было время, а теперь — другое!». ³⁶ Позже в своих воспоминаниях Рунич писал, что «изменчивость и непостоянство были главными двигателями всех действий в царствование Александра. (...) Ни одно из преобразований, совершившихся в России в течение 25-летнего царствования Александра, не упрочилось. То, что было сделано в 1802 г., переделывалось в 1812 г.! Принципы 1806 г. не были уже принципами 1816 г. Одним словом, во всем было заметно колебание; одна система управления сменялась другою. Сегодня были философами, завтра ханжами». ³⁷

Согласно протоколам заседаний, 4 ноября на вопрос, удовлетворительны ли ответы Арсеньева, большинство членов правления (12 человек) ответили отрицательно. На второй вопрос, вредна ли книга Арсеньева, то же большинство ответило утвердительно. На третий вопрос о личной благонадежности Арсеньева, большинство (10 человек) ответило, что он не заслуживает доверия; но из них 7 человек признали его полезным для университета, с оговоркою «если исправится». Еще 7 человек, в том числе Рунич, нашли, что Арсеньев «не безнадёжен для преподавания», но под условием преподавания статистики под другим руководством. Наконец, только один член собрания, профессор Чижов, имел мужество признать Арсеньева безусловно благонадежным. Так изложено рассмотрение дела в официальном протоколе. ³⁸

Однако, по утверждению М. Г. Плисова, ³⁹ изложение дела Арсеньева в протоколе подверглось искажениям со стороны

³⁵ Санкт-Петербургский университет в первое столетие... С. LI—LII. См. также: Вопросы пункты и ответы на них профессоров Германа, Раупаха, Галича и Арсеньева // *Сухомлинов М. И.* Материалы для истории просвещения в царствование императора Александра I. СПб., 1866. Т. 7. С. 167—178.

³⁶ Русский биографический словарь. СПб., 1900. Т. 3. С. 318.

³⁷ Из записок Д. П. Рунича. С. 156—157.

³⁸ См.: Дело о Санкт-Петербургском университете в 1821 году // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1866. Кн. 3. С. 61—164.

³⁹ Плисов Моисей Гордеевич (1783—1853), с 1811 г. — преподаватель политической экономии, финансов, коммерции и естественного права в Педагогическом институте, с 1819 г. — экстраординарный профессор Санкт-Петербургского университета, первый его библиотекарь, уволен в 1822 г., впоследствии служил

Кавелина и «только крайнее утомление при чтении и подписании этого протокола помешало членам собрания обратить на это надлежащее внимание. Хотя сам Плисов, в общем замешательстве, и не успел запомнить в точности всех мнений по делу Арсеньева, тем не менее он вынес определенное впечатление, что общее мнение ясно склонялось в пользу обвиняемого».⁴⁰ По другим источникам, в Арсеньеве признавали талант даже самые строгие судьи и «оправдывали его разрушительным духом времени, которым он мог нечувствительно заразиться».⁴¹ Крайне отрицательную позицию занял член правления университета и Главного правления училищ граф И. С. Лаваль.⁴² «Пораженный читанными выписками из лекций»,⁴³ отобранных у студентов, он заявил «о необходимости вывести вовсе из употребления те излишние науки, которые введены в новейшее время в университеты, по его мнению, безо всякой нужды и к видимому вреду частному и общему».⁴⁴

В Главном правлении училищ голоса в защиту обвиненных профессоров не были услышаны. Правление признало учение Германа, Арсеньева и Раупаха вредным, «возмутительным против христианства и опасным для государственного благосостояния». Было решено «удалить из университета Германа и Раупаха, запретив им преподавание по Министерству просвещения». Галича «по причине добровольного осознания им

во II Отделении Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Одно время исполнял должность директора Департамента духовных дел и иностранных исповеданий по Министерству внутренних дел.

⁴⁰ Санкт-Петербургский университет в первое столетие... С. LVII—LVIII. Подробнее см.: Историческая записка о деле Санкт-Петербургского университета профессора Плисова // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1866. Кн. 3. С. 179—205; перепеч.: Сухомлинов М. И. Исследования и статьи... С. 132—159.

⁴¹ Сухомлинов М. И. Исследования и статьи... С. 261.

⁴² Лаваль Иван Степанович (1764—1846), граф, французский эмигрант на русской службе, член Главного правления училищ, управляющий 3-й экспедицией коллегии иностранных дел, камергер, тайный советник.

⁴³ В качестве иллюстрации можно привести следующие выдержки из студенческих конспектов лекций Арсеньева: «Народ был прежде правительства, следовательно, народ важнее правительства, и мы должны говорить о народе так, как о важнейшем предмете». «Монархия есть самая лучшая (форма). Здесь власть отдается одному, но иногда монарх вместо добра может произвести зло. Положим, что государь добр, старается о безопасности подданных; но он смертен; после него бывает новый, который злодействует, приводит подданных в ужаснейшее состояние. Итак, мы видим, что во всяком правлении есть свои недостатки. Англия узнала оные и избрела лучшее, и имеет совершеннейшее правление» (Сухомлинов М. И. Исследования и статьи... С. 299).

⁴⁴ Сухомлинов М. И. Исследования и статьи... С. 259.

своей вины»⁴⁵ оставить при университете, но не в должности преподавателя. Книги Германа «Краткое руководство ко всеобщей теории статистики», «Всеобщая история статистики» и «Историческое обозрение литературы статистики в особенности Российского государства»; Галича «Историю философских систем» и Арсеньева «Начертание статистики Российского государства» — «запретить не только в преподавании, но и вообще в употреблении, для чего и вытребовать экземпляры этих книг из всех учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения».⁴⁶ После чего передать дело в уголовный суд.

Решение это было столь жестким, что Уваров попробовал вступить за университет. 18 ноября он направил письмо Александру I, в котором резко изобличал лицемерие обвинителей, принимал на себя ответственность за порядки, установившиеся в университете с момента его образования, защищал профессоров и настаивал, чтобы государю было представлено в подлиннике все делопроизводство чрезвычайной конференции университета, наконец, чтобы самому Уварову была предоставлена возможность подробно объясниться с государем. Результатом письма явилась положительная резолюция на его прошении об отставке, поданном ранее. Устранение Уварова отдавало Петербургский университет во власть новых руководителей делами просвещения во главе с Руничем. Тем не менее обращение Уварова к императору имело и позитивные последствия: в стане обвинителей появилось опасение, что если дело о профессорах передать в уголовный суд и если суд назначит «законное наказание за преступление против величеств небесного и земного», т. е. «приговорит виновных к лишению чинов и каторге, то публика будет возмущена этой жестокостью и назовет судей палачами».⁴⁷

Вследствие этих опасений Комитет министров отклонил решение о передаче дела в уголовный суд, так как «должно делать различие между *подозрением* и *преступлением*». Члены Комитета министров единогласно признали учение профессоров вредным, но в отношении решения участи самих профессоров мнения разделились: одни (гр. Аракчеев, кн. Я. Лобанов-Ростовский, А. Шишков, барон Кампенгаузен и Молер) предлагали уволить Германа, Раупаха и Арсеньева, запретив им преподавание вообще, другие (гр. Кочубей, гр. Гурьев, кн. Д. Ло-

⁴⁵ Санкт-Петербургский университет в первое столетие... С. LVIII.

⁴⁶ Сухомлинов М. И. Исследования и статьи... С. 261—262.

⁴⁷ Санкт-Петербургский университет в первое столетие... С. LX.

банов-Ростовский, гр. Милорадович, гр. Нессельроде) считали достаточным только увольнение из университета, они считали, что при установлении «бдительного надзора, которого в университете вовсе не было, не будет допущено никакое вредное учение». ⁴⁸ В ходе бурной дискуссии было решено предоставить профессорам возможность оправдаться в феврале 1822 г. перед особым комитетом, состоящим из трех членов Комитета министров (Я. Лобанова-Ростовского, барона Кампенгаузена и А. Шишкова) и двух членов Главного правления училищ (гр. Ливена и гр. Лавая). ⁴⁹

В финале «дело профессоров», начавшееся как бурный политический процесс, было спущено на тормозах. Рунич писал: «Вдовствующая императрица и великий князь были недовольны министром народного просвещения за следствие относительно профессоров, в числе которых были замешаны Герман, Балугьянский и Арсеньев, которые пользовались достаточным авторитетом, чтобы представить себя жертвами клеветы, веденной с целью бросить нелестную тень как на покровительствуемых, так и на покровителей. Семейство Волконских орудовало в пользу Раупаха, бывшего наставником у них в доме, и в пользу Уварова, потерпевшего крушение со всею своею ученою известностью. Высшее духовенство, придавленное властью министра, было радо сбросить с себя иго, умалявшее его достоинство». ⁵⁰

Так, Арсеньев, благодаря поддержке великого князя Николая Павловича, несмотря на решение Комитета министров, продолжал преподавать в Главном инженерном и артиллерийском училищах, и даже получил новое доказательство расположения великого князя, который однажды сказал ему: «Что с тобой, Арсеньев? За что на тебя такое гонение? Мы тебя знали чистым и честным. Будь спокоен, ты у нас останешься и ничего не потеряешь». А Греч сообщил еще, что Николай Павлович с иронией благодарил Руничу «за изгнание Арсеньева, который мог теперь посвятить все свое время инженерному училищу и просил выгнать из университета еще несколько человек подобных, чтобы у себя с пользою употребить их на службу». ⁵¹ Благодаря этому покровительству, Арсеньев,

⁴⁸ Сухомлинов М. И. Исследования и статьи... С. 264, 265.

⁴⁹ После 1821—1822 гг. университет покинуло 11 преподавателей: Балугьянский, Куницын, Герман, Раупах, Арсеньев, Галич, Шармуа, Деманж, Плисов, Радлов, Понснер, в результате чего особенно пострадал философско-юридический факультет (Санкт-Петербургский университет в первое столетие... С. LXXXII).

⁵⁰ Из записок Д. П. Руничу. С. 385

⁵¹ Русский биографический словарь. Т. 3. С. 318.

фактически состоявший под судом, получил разрешение посвятить свою книгу «История народов и республик древней Греции» (книга написана в 1822 г., а напечатана в 1825 г.) Александру I.

В результате оказалось, что «дело профессоров» — интрига, «пущенная в ход для того, чтобы устранить князя Голицына от всякого влияния на дела министерства, была та же, которая подготовила падение Сперанского; но главные пружины, руководившие интригою, были уже не те. Единственная пружина, двигавшая в то время всем, был всемогущий граф Аракчеев». ⁵² Вместе с падением Голицына было упразднено Министерство духовных дел и прекращено существование библейских обществ. На его пост при активном участии Аракчеева был назначен А. С. Шишков, так как Аракчеев был уверен, что «Шишков будет действовать в его видах с целью окончательно погубить своего предшественника в глазах императора». ⁵³ В Руниче после падения Голицына «потухла ... ревность к вере, заставлявшая его делать всякие несправедливости и преследовать людей». ⁵⁴

Между тем Арсеньев после учреждения великим князем школы гвардейских подпрапорщиков в августе 1823 г. был назначен туда профессором истории с жалованьем 3 тыс. р. в год. 25 февраля 1824 г. он (по ходатайству А. И. Тургенева) получил должность редактора в Комиссии составления законов. В этой комиссии, преобразованной в 1826 г. во II Отделение Собственной Его Величества Канцелярии и перешедшей в ведение Сперанского, он оставался до 1828 г., и за этот короткий промежуток времени был «троекратно удостоен высочайших наград». Когда в феврале 1828 г. император Николай собрал комитет из приближенных к нему лиц для обсуждения вопроса: кому поручить преподавание наук наследнику престола, то личность Арсеньева удостоилась наивысшей оценки императора. Николай I сказал присутствующим: «Для истории у меня есть надежный человек, с которым я служил в инженерном училище — Арсеньев. Он знает дело, отлично говорит, и сыну будет полезен». ⁵⁵ Помимо истории Арсеньеву было поручено и преподавание наследнику, будущему Александру II, статистики России. Но так как после процесса над профессорами книги Германа и Арсеньева по статистике были

⁵² Из записок Д. П. Рунича. С. 384

⁵³ Там же. С. 386.

⁵⁴ Из записок Греча. Стб. 0265.

⁵⁵ Русский биографический словарь. Т. 2. С. 319.

изъяты из обращения и сожжены, то оказалось, что печатных материалов по статистике в России не было. В связи с этим 19 апреля 1828 г. Николай I издал указ по Министерству внутренних дел, в котором предписывалось следующее: «По требованию коллежского советника Арсеньева повелеваем доставлять ему все из всех министерств сведения, нужные к составлению статистики Российской империи для преподавания Его Императорскому Высочеству Великому Князю Наследнику престола».⁵⁶ После сбора всех необходимых сведений, Николай I отправил Арсеньева «по важнейшим губерниям России», чтоб он все увидел собственными глазами, а потом послал его за границу «для сравнения отечественного с иностранным».⁵⁷

Теперь, когда мы знаем об Арсеньеве достаточно, вернемся к заметке в «Литературной газете» и прочитаем ее вновь. Итак: «Г. Арсеньев долгое время занимавшийся преподаванием географии и статистики и давно уже известный российской публике сочинениями своими по сим предметам, напечатал в конце минувшего года новое издание *Краткой Географии*, сочиненной им. Сие, пятое, уже издание, служит лучшим свидетельством того, что ученые труды г. Арсеньева оценены по достоинству. (...) Искренне желаем сему пятому изданию такого ж успеха, какой имели четыре прежние» и т. д. Теперь каждое слово приобретает конкретный смысл, открывается второй план заметки, ощущается, что автор осведомлен и о процессе над профессорами, и о высоком покровительстве Арсеньеву Николая I.

Трудно сказать, был ли осведомлен Пушкин об участии Аракчеева в интриге против Уварова и Голицына, возможно — в общих чертах. Сообщая жене 20 и 22 апреля 1834 г. о кончине Аракчеева, Пушкин с иронией прибавил: «Об этом во всей России жалею я один — не удалось мне с ним свидеться и наговориться» (XV, 130).

Упоминание в заметке Адрианопольского и Туркманчайского договоров вводит грибоедовскую тему. Грибоедов и Арсеньев были знакомы, очевидно, еще по Костроме. Находясь в 1826 г. на гауптвахте Генерального штаба Грибоедов просил прислать ему «Статистику» Арсеньева.⁵⁸

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. Т. 2. С. 318.

⁵⁸ Грибоедов писал Н. А. Муханову в апреле—мае 1826 г.: «Я совершенно лишен книг. Пришлите мне 3 первых тома Карамзина. И нет ли у вас „Статистики“ Арсеньева» (Грибоедов А. С. Соч. М., 1988. С. 532).

Таким образом, вслед за М. О. Гершензоном и В. В. Виноградовым, мы видим в данных заметках «явные следы пушкинской руки»,⁵⁹ в чем нас убеждают их синтаксический строй, точность речи и исключительная емкость подтекста. Данные заметки рассчитаны на прочтение людей с различной степенью информированности, что подтверждает мнение М. П. Еремина, отмечавшего, что «Булгарин и его соратники находили в „Литературной газете“ такие материалы, подлинный смысл которых решительно не поддавался публичному обсуждению. На это, в частности, и намекал Булгарин, когда писал о намерении сотрудников „Литературной газеты“ „печатно скрываться“». Некоторые из таких материалов носили весьма специфический характер: они предназначались лишь для читателей, наслышанных в той скупой изустной информации, которая, несмотря на все предосторожности, все-таки просачивалась в общество — непосредственно из правительственных сфер.⁶⁰ На наш взгляд, именно в этом видел Пушкин высшее искусство журналиста. В свою очередь мы видим в этом реализацию на практике тех положений, которые были затронуты во время разговора Пушкина в салоне Хитрово с великим князем Михаилом Павловичем. Приведенный материал позволяет сделать и второй вывод относительно того, что личность К. И. Арсеньева заслуживает более пристального внимания пушкинистов, как в личном плане, так и в сфере его исторических интересов.

Дальнейшая судьба Арсеньева сложилась весьма благополучно. С 1832 по 1853 г. он, по представлению Блудова, был членом совета Министерства внутренних дел, где заведовал работой статистического комитета. В 1832 г. он издал «Географическо-статистическое описание городов Российской империи с показанием всех перемен, произошедших в составе и числе оных в течение двух веков, от начала XVII столетия донныне».

В 1835 г. Арсеньеву было высочайше разрешено получать из государственного архива и архива иностранных дел акты, необходимые для изложения и преподавания новейшей русской истории. Такое исключительное положение предоставило ему возможность ввести в историческую науку много новых данных, извлеченных из протоколов (Верховного тайного совета), из следственных дел (графа Денъера и др.) и иных документов, и таким образом пролить свет на эпохи, бывшие в то

⁵⁹ Виноградов В. В. Проблема авторства и теории стилей. М., 1961. С. 426.

⁶⁰ Еремин М. П. В борьбе за высокую гражданственность // Блинова Е. М. Литературная газета А. А. Дельвига и А. С. Пушкина : Указатель содержания. М., 1966. С. 19.

время для науки недоступными.⁶¹ Этот интерес к истории 15 января 1836 г. свел Арсеньева на вечеру у Плетнева с Грановским, Тепляковым и Пушкиным.⁶²

Карьерное продвижение Арсеньева таково: в 1836 г. он избран в члены РАН, в 1838 г. — почетным членом Санкт-Петербургского университета, в 1841 г. — ординарным академиком отделения русского языка и словесности при Академии наук. Дослужился до чина тайного советника. Похоронен Арсеньев под Крестовоздвиженской кладбищенской церковью в Петрозаводске.⁶³

Н. Е. Мясоедова

⁶¹ Энциклопедический словарь Ф. П. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 2. С. 174. Результатом этой работы были труды «Царствование Петра II» (СПб., 1839), «Царствование Екатерины I» (СПб., 1856). См. также: *Пекарский П. П.* Исторические бумаги К. И. Арсеньева. СПб., 1872.

⁶² Грановский Тимофей Николаевич (1813—1855) — ученый-историк и общественный деятель, профессор Московского университета; Тепляков Виктор Григорьевич (1804—1842) — поэт, путешественник-археолог. Выслан в 1826 г. из Петербурга в Херсон за отказ принести присягу Николаю I. В 1832 и 1836 гг. были опубликованы 2 тома его стихотворений, о которых с похвалой отзывался Пушкин. Наиболее известны его фракийские элегии. Служил в 1826—1835 гг. в Одессе у гр. М. С. Воронцова.

⁶³ *Серков А. И.* Русское масонство. С. 1064.

ПУШКИН И ШИШКОВ

Работа о Пушкине и Шишкове еще не написана. Все помнят юношескую эпиграмму насчет «тройки угрюмых певцов» и прочувствованные строки «Второго послания к цензору»: «Сей старец дорог нам...». Однако сложная эволюция отношений Пушкина к Шишкову на протяжении всей жизни поэта еще ждет своего исследователя. Две маленькие заметки о творческих и биографических связях Шишкова и Пушкина, может быть, пригодятся для такой будущей работы.

Импровизатор в «Египетских ночах»

Исследователи неоднократно обращались к изучению возможных источников образа импровизатора в «Египетских ночах». Они указывали на биографические и литературные истоки этого образа.¹

¹ Самой обстоятельной является статья: *Степанов Л. А.* Об источниках образа импровизатора в «Египетских ночах» // Пушкин. Исследования и материалы.

К первым относится несомненное присутствие Пушкина на импровизациях Мицкевича в петербургских гостиных и возможное знакомство с выступлениями немецкого импровизатора Макса Лангеншварца.

Литературными источниками Пушкину послужили прежде всего, в числе прочих, рассказ Одоевского «Импровизатор» и роман Жермены де Сталь «Коринна, или Италия». В библиотеке Пушкина имелось полное собрание сочинений г-жи де Сталь 1820 г. (т. 1—9, 12—17). Тома 8 и 9 содержат «Коринну». Они разрезаны, а в т. 9 «между стр. 106—107 положена бумажная закладочка».² Лесли О'Белл обратила внимание, что этой маленькой закладкой отмечена импровизация Коринны.³ Видимо, книга г-жи де Сталь имела для создания образа импровизатора большее значение, чем рассказ Одоевского, с точки зрения которого импровизация является «незаконным, ложным видом искусства, ловкой подделкой под него, где артистом движет расчет, а не вдохновение».⁴ Напротив, в «Коринне» описывается вдохновенная импровизация героини, и в то же время в конце романа появляется антипод Коринны жадный импровизатор-ремесленник.⁵ По мнению исследователей, это могло сыграть известную роль в амбивалентном изображении Итальянца, который, с одной стороны, является гениальным поэтом, с другой — проявляет «такую дикую жадность, такую простодушную любовь к прибыли, что он опротивел Чарскому...» (VIII, 270).⁶

Л., 1982. Т. 10. С. 168—175. См. также: *Казанович Е. П.* К источникам «Египетских ночей» // *Звенья*. М.; Л., 1934. Т. 3—4. С. 187—204; *Петрунина Н. Н.* 1) «Египетские ночи» и русская повесть 1830-х годов // *Пушкин. Исследования и материалы*. Л., 1978. Т. 8. С. 38—42; 2) *Проза Пушкина: (Пути эволюции)*. Л., 1987. С. 294—332; *Романов Н. М.* Три поэта в «Египетских ночах» Пушкина // *Памяти Георгия Пантелеймоновича Макогоненко* / Под ред. В. М. Марковича, А. А. Карпова. СПб., 2000. С. 66—79.

² *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина. СПб., 1910. С. 341—342 (репринт 1988).

³ *O'Bell L.* Pushkin's Egyptian Night: (The biography of a work). Ann Arbor, 1984. P. 101.

⁴ *Петрунина Н. Н.* Проза Пушкина. С. 307.

⁵ *Сталь Ж. де.* Коринна, или Италия. М., 1969. С. 29—33, 227—229, 362—363. (Сер. «Литературные памятники»).

⁶ Ср.: «Сложный образ итальянского импровизатора в „Египетских ночах“, несомненно, навел и Коринной, и тем жалким фигляром, который, представ перед опечаленным Освальдом в конце романа, произвел на него впечатление карикатуры на гениальную импровизаторшу» (*Черневич М. Н.* Жизнь и творчество Жермены де Сталь // *Там же*. С. 403; см. также: *Петрунина Н. Н.* «Египетские ночи»... С. 39).

Другие возможные источники подробно перечислены в обстоятельной работе Л. А. Степанова. Однако один из них до сих пор не привлекал внимания исследователей, хотя в нем изображена, как в «Коринне», женщина-импровизатор и, как героиней Пушкина, итальянка по национальности.

В 1834 г., т. е. незадолго до начала работы Пушкина над «Египетскими ночами» (осень 1835?), вышла из печати в Петербурге книга «Записки адмирала А. С. Шишкова, веденные им во время плавания его из Кронштадта в Константинополь».⁷ Можно предположить, что Пушкин был с нею знаком.

3 декабря 1832 г., по предложению Шишкова, президента Российской Академии, Пушкин был единогласно избран в ее действительные члены. Диплом был вручен ему 13 января 1833 г.⁸ Он проявлял известный интерес к деятельности Академии. Писал о ней в статьях «Российская академия» и «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности как иностранной, так и отечественной». Обе напечатаны соответственно во второй и третьей книжках «Современника» (1836). Говоря о статье Шишкова «Нечто о Карамзине», Пушкин заметил: «Невозможно было без истинного чувства слышать искренние, простые похвалы, воздаваемые почтенным старцем великому писателю, бывшему некогда предметом жестокой его критики, если не всегда справедливой, то всегда добросовестной...» (XII, 45).

В библиотеке Пушкина сохранилось несколько книг Шишкова: «Рассуждение о старом и новом слоге» (1818), «Краткие Записки Адмирала А. Шишкова, веденные им ... в бывшую с Французами в 1812 и последующих годах войну» (1831). Обе книги разрезаны. Кроме того, в библиотеке находится Собрание сочинений и переводов Адмирала Шишкова (ч. II—XV). Часть II («Рассуждение о старом и новом слоге...») разрезана почти полностью, имеются две закладки. В части VII разрезаны с. 1—149.⁹ Здесь напечатан перевод «Слова о Полку Игореве» с примечаниями, толкованиями и объяснениями. Пушкин внимательно прочел эту работу. Свидетельство тому — вполне корректная (хотя и не без иронии) полемика с Шишковым в незаконченной статье Пушкина о «Слове» (XII, 149, 150). Та-

⁷ Этой книге и ее более раннему варианту посвящена работа Л. Н. Киселевой: *Русский «архаист» в Европе // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia. IV: «Свое» и «чужое» в литературе и культуре. Тарту. 1995. С. 66—86.*

⁸ См.: *Коломинов В. В., Файнштейн М. Ш. Храм муз словесных. Л., 1986. С. 96—97.*

⁹ *Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. С. 116—117.*

ким образом, мы видим, что поэт достаточно внимательно относился к литературной деятельности Шишкова.

Следует еще учесть, что Пушкин очень интересовался всякими описаниями путешествий. Только в русской части его библиотеки мы насчитали более двадцати подобных книг, среди которых «Путешествие по Турции» Вальна, «Путешествие вокруг света» Дюмон-Дюрвиля, «Плавание по Белому морю» Озерецковского, «Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург» Максима Невзорова, путешествия Платона Карпини, Палласа, «Полное собрание ученых путешествий по России» и мн. др. Маловероятно, что Пушкин не обратил внимания на вышедшие в 1834 г. «Записки ... плавания из Кронштадта в Константинополь», написанные человеком, ему хорошо известным и деятельностью которого он интересовался.

Во время своего путешествия по Италии Шишков посетил Флоренцию. Здесь он услышал выступление женщины-импровизатора (итальянский глагол *improvizare* Шишков перевел как «незапстствовать, т. е. говорить стихи внезапно, не готовясь») и оставил подробное описание ее выступления: «Глаза у нее засверкали, и она ... пустилась сама стихотворствовать. Все мы умолкли и слушали ее со вниманием. Она почти целый час продолжала говорить нараспев. Содержание ее стихов было различное. Она переходила из важного в веселое и часто шуточное ...стихи ее были так правильны, что если бы их записывать, то верно не нашлось бы ни одной ошибки в мере стиха, в ударениях и грамматических правилах. Иногда были они без рифм, иногда с рифмами, как часто итальянцы пишут».¹⁰

Сверкающие глаза, внезапный порыв вдохновения мы находим и у Пушкина: «Глаза итальянца засверкали — он взял несколько аккордов — гордо поднял голову, и пылкие строфы, выражение мгновенного чувства, стройно излетели из уст его...» (VIII, 268).

В «Коринне» упоминается о поэтической форме импровизаций героини: «Некоторое время она перебирала струны лиры, потом запела, но уже не октавами, а на едином дыхании, не разбивая стихов на строфы».¹¹ Шишков отмечает у своей импровизаторши правильность ритма, смену рифмованных и нерифмованных строк. Проблема формы возникает и в рассуж-

¹⁰ Цит. по: Собрание сочинений и переводов Адмирала А. С. Шишкова. СПб., 1839. Ч. 17. С. 279. В этом томе, вышедшем после смерти Пушкина, «Записки» были перепечатаны.

¹¹ Сталь Ж. де. Коринна, или Италия. С. 229.

дениях пушкинского импровизатора: «...мысль из головы поэта выходит уже вооруженная четырьмя рифмами, размеренная стройными однообразными стопами» (VIII, 270).

Разумеется, речь не идет о каких-то прямых заимствованиях и текстуальных совпадениях. Тем не менее можно говорить о некотором не случайном сходстве. Даже если похожие детали встречаются в некоторых описаниях импровизаций, известных Пушкину, рассказ Шишкова, очевидно, может занять место среди других источников «Египетских ночей».

«Обезьяна с тигром»

Как известно, у Пушкина в Лицее было два прозвища: «француз» и «обезьяна с тигром» или «смесь обезьяны с тигром». В 1979 г. Ю. М. Лотман отметил, что «выражение „смесь обезьяны и тигра“ («*tigre-singe*») было пущено в ход Вольтером как характеристика нравственного облика француза» и несколько раз встречается в его сочинениях.¹² Таким образом, обе клички в сущности значили одно и то же. И сам Пушкин, составляя протокол празднования лицейской годовщины 1828 г. в скобках после первого прозвища записал второе как эквивалент первого: «Собрались на пепелище скотобратца курнофеиуса Тыркова (по прозвищу кирпичного бруса) 8 человек скотобратцев, а именно: Дельвиг — Тося, Илличевский — Олосенька, Яковлев — Паяс, Корф — дьячок-мордан, Стевен — Швед, Тырков (смотри выше), Косовский — лиса, Пушкин — Француз (смесь обезьяны с тигром)...».¹³ Оставалось, однако, неясным, из какого именно текста почерпнули 12—13-летние мальчики прозвище для своего товарища. Кажется, на этот вопрос можно ответить. 15 октября 1812 г. Наполеон оставил Москву. Сразу же появился написанный Шишковым манифест: «Известие из Москвы от 17 октября». В нем Шишков, не называя Вольтера по имени, привел его выражение: «Сами французские писатели изображали нрав народа своего слиянием тигра с обезьяною; и когда же не был он таков? Где, в какой земле весь Царский дом казнен на плахе? Где в какой земле столько поругана была Вера и сам Бог? Где, в какой земле са-

¹² Лотман Ю. М. «Смесь обезьяны с тигром» // Лотман Ю. М. Пушкин. СПб., 1995. С. 329—332. Первонач.: Временник Пушкинской комиссии. 1976. Л., 1979.

¹³ Грот К. Празднование Лицейских годовщин при Пушкине и после него // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. СПб., 1910. Вып. 13. (Ср.: Лотман Ю. М. «Смесь обезьяны с тигром». С. 331).

мые гнусные преступления позволялись обычаями и законами?».¹⁴ Нельзя сомневаться, что лицеисты, жившие в непосредственной близости от царского дворца, быстро знакомились с публикуемыми документами о ходе войны. Обратимся к хорошо известным мемуарам И. И. Пущина: «Когда начались военные действия, всякое воскресенье кто-нибудь из родных привозил реляции; Кошанский читал нам их громогласно в зале. Газетная комната никогда не была пуста в часы свободные от классов; читались наперерыв русские и иностранные журналы, при неумолкаемых толках и прениях; всему живо сочувствовалось у нас: опасения сменялись восторгами при малейшем проблеске к лучшему. Профессора приходили к нам и научали нас следить за ходом дел и событий, объясняя иное, нам не доступное».¹⁵

Вполне возможно, что Пушкина прозвали французом вскоре после поступления в Лицей, «потому что по первоначальному домашнему воспитанию своему лучше других товарищей своих говорил по-французски, лучше знал французскую литературу, более читал французские книги, сам писал французские стихи...».¹⁶ Затем, уже в следующем 1812 г., появилась «обезьяна с тигром».

К тому же в обстановке 1811—1812 гг. прозвище «француз», видимо, носило несколько одиозный характер. Об этом говорится в недоброжелательной «Записке» М. А. Корфа: «...мы его прозвали „французом“, и хотя это было, конечно, более вследствие особенного знания им французского языка, однако если вспомнить тогдашнюю, в самую эпоху нашествия французов, ненависть ко всему носящему их имя, то ясно, что это прозвание не заключало в себе ничего лестного».¹⁷ В таком случае «обезьяна с тигром» становилась эвфемизмом, заменившим неприятного «француза». Позже происхождение второго прозвища забылось, а наружность Пушкина, его живость, подвижность и темперамент этому второму прозвищу вполне соответствовали. Поэтому С. Д. Комовский гораздо позднее (после 1851 г.) так объяснял его происхождение: «...по физиономии и некоторым привычкам (называли его) обезьяною и даже смесью обезьяны с тигром».¹⁸

¹⁴ Шишков А. С. Записки, мнения и переписка. Berlin, 1870. Т. 1. С. 441.

¹⁵ Пушкин А. С. в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 1. С. 82.

¹⁶ Свидетельство П. А. Вяземского (Там же. С. 461). Ср. слова С. Д. Комовского: «...по страсти Пушкина к французскому языку ... называли его в насмешку французом» (Там же. С. 69).

¹⁷ Там же. С. 119.

¹⁸ Там же. С. 69.

Версия Комовского была принята Ю. Н. Тыняновым в обоих его романах. В «Кюхле»: «Пушкина звали в Лицее и Француз, и Обезьяна с тигром. Второе прозвище было почетнее». В «Пушкине»: «Ранее его звали Французом, потому что никто, даже Горчаков, не писал и не говорил по-французски, как он. Горчаков иногда мимоходом говорил своим клеветам, что Пушкин говорит не по-французски, а по-парижски, и только раз прибавил без всякой задней мысли: „Там на бульварах все так говорят“. Еще его звали обезьяной. Прозвище это, как и многие другие лицейские, первым пустил Миша Яковлев. (...) Теперь, после выгона Пилецкого, Яковлев прозвал его Тигром: может быть, потому, что, когда он сердился, его походка становилась плавная, а шаги растягивались».¹⁹

М. Альтшуллер

¹⁹ Тынянов Ю. Н. 1) Кюхля. Смерть Вазир-Мухтара. Л., 1932. С. 20; 2) Пушкин. Л., 1976. С. 279—280. Ср.: Лотман Ю. М. «Смесь обезьяны с тигром»: «Показательно мнение Ю. Н. Тынянова, что у Пушкина были в Лицее даже три различные клички: „француз“, „обезьяна“ и „тигр“. В романе он объяснял последние две тем, что Пушкин имел склонность к прыжкам, грыз перья и что „когда он сердился, его походка становилась плавная, а шаги растягивались“» (С. 330).

К ВОПРОСУ О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ Ф. Ф. МАТЮШКИНА К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ ДЕКАБРИСТОВ

Причастность Ф. Ф. Матюшкина к кругу декабристов не вызывала сомнений у многих исследователей. Источники, прежде всего переписка Матюшкина с Е. А. Энгельгардтом, с товарищами по Лицею и участниками тайных обществ И. И. Пушиным и В. Д. Вольховским, не раз заставляли говорить о близости Матюшкина к «декабристскому движению». Его дружеские связи и контакты с тем же И. И. Пушиным, а также с В. К. Кюхельбекером, В. И. Штейнгейлем, Г. С. Батеньковым, К. Ф. Рылевым, Ф. С. Лутковским и, возможно, некоторыми из офицеров-моряков, вошедших в число участников тайного общества (Н. А. Бестужев, М. К. Кюхельбекер), обнаруживаемые из этих источников, послужили основанием для заключения о том, что Матюшкин входил в ближайшее окру-

жение декабристов и даже являлся их политическим единомышленником.¹

Однако вплоть до последнего времени не были известны сколько-нибудь определенные, конкретные документальные свидетельства о факте формального членства известного мореплавателя и лицейского товарища А. С. Пушкина в декабристском тайном обществе.

Первым на прямое свидетельство о принадлежности Матюшкина к числу членов тайного общества, сохранившееся в фонде следственных показаний лиц, привлеченных к делу декабристов, обратил внимание А. Б. Шешин. В 1979 г. он опубликовал результат своего наблюдения в статье «Морская управа Северного общества декабристов».² В 1989 г. он же посвятил этому вопросу отдельную статью «Друг Пушкина Ф. Ф. Матюшкин — декабрист».³

Внимание исследователя привлекли показания одного из руководителей Южного общества М. П. Бестужева-Рюмина, опубликованные в составе его личного следственного дела в 1950 г. и находившиеся ранее вне поля зрения научной традиции. Эти показания прямо и недвусмысленно свидетельствуют, что в тайном обществе знали о приеме Матюшкина в Северное общество, в состав предполагавшейся «морской управы», состоявшей из флотских офицеров.

Отвечая на вопрос о том, что ему было известно о положении дел в Северном обществе, Бестужев-Рюмин сообщал: «...Матвей Муравьев жаловался на бездейственность Северного общества, говоря, что Трубецкой, Никита Муравьев, Тургенев проводят время в непрерывных политических прениях и тем связывают руки Оболенскому и Рылееву (...) Что Рылеев намеревался сформировать морскую управу и уже начал принимать флотских членов. По имени помню только Матюшкина».⁴

Предположительный характер свидетельства, относящийся, однако, только к самому намерению Рылеева учредить «управу»

¹ См., например: *Гастфрейнд Н.* Товарищи Пушкина по Императорскому Царскосельскому Лицею: Материалы для словаря лицезнов 1-го курса. СПб., 1913. Т. 2. С. 3—115; *Пасецкий В. М.* Впереди — неизвестность пути. М., 1969. С. 134; *Друзья Пушкина: Переписка, воспоминания, дневники: В 2 т.* М., 1985. Т. 1. С. 284.

² *Шешин А. Б.* 1) Морская управа Северного общества декабристов // Вопросы истории. 1979. № 2. С. 115—122; 2) Федор Матюшкин в Якутии // Полярная звезда. 1980. № 4. С. 133—138.

³ *Шешин А. Б.* Друг Пушкина Ф. Ф. Матюшкин — декабрист // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1989. Вып. 23. С. 161—166.

⁴ Восстание декабристов: Материалы. М., 1950. Т. 9. С. 113.

из морских офицеров, очевидно, не относится напрямую к сообщению о Матюшкине: как раз его, согласно утверждению автора показания, в тайное общество уже приняли (Рылеев «уже начал принимать флотских членов»). Именно фамилию Матюшкина запомнил Бестужев-Рюмин — как одного из первых принятых в тайное общество в Петербурге флотских офицеров.

Проанализировав это свидетельство Бестужева-Рюмина, А. Б. Шешин пришел к выводу о высокой степени достоверности информации, которая в нем содержится.

Бестужев-Рюмин, после раскассирования гвардейского Семеновского полка служивший на юге — в 1-й армии, не посещал Петербург в течение 1821—1825 гг. Тем не менее он выступает здесь в качестве авторитетного источника. По обоснованному заключению А. Б. Шешина, автор показания передает сведения, полученные им от М. И. Муравьева-Апостола, длительное время (в 1823—1824 гг.) выполнявшего функции представителя Южного общества в Петербурге.

Матвей Муравьев-Апостол был человеком очень хорошо осведомленным в делах петербургских конспираторов. Он был непосредственно погружен в деятельность тайного общества на севере, тесно общался с его руководством в лице Н. М. Муравьева, Е. П. Оболенского, С. П. Трубецкого, Н. И. Тургенева, И. И. Пущина; контактировал он и с К. Ф. Рылевым.⁵ Покинув Петербург в августе 1824 г., Матвей Муравьев-Апостол вскоре оказался рядом со своим младшим братом Сергеем и, безусловно, мог передать сведения о вновь принятых в Петербурге членах как ему, так и его ближайшему другу — Бестужеву-Рюмину. Постоянный контакт с братом и Бестужевым-Рюминым сохранялся у Матвея Муравьева-Апостола и позже, вплоть до событий мятежа Черниговского полка и их общего ареста 3 января 1826 г.

Таким образом, вопрос о причастности Ф. Ф. Матюшкина к тайному обществу возник на следствии в результате показаний одной из наиболее крупных и влиятельных фигур декабристского движения, Бестужева-Рюмина, следовательно, — возник не случайно, не в силу случайного подозрения или ошибочного показания, сделанного неосведомленным лицом. Исходя из этого, следует признать, что отнесение Матюшкина к числу участников тайного общества декабристов имеет под собой вполне конкретное и достаточно серьезное основание.

Введя это ценное документальное свидетельство, ранее не останавливавшее на себе внимания ученых, в научный оборот,

⁵ Там же. С. 269.

А. Б. Шешин сделал вывод о несомненном участии Матюшкина в «морской управе» Северного общества. Этот вывод в целом разделял и автор настоящей статьи.⁶

Вместе с тем ряд вопросов, возникающих при углубленном изучении данного свидетельства, исследователь оставил без ответа. Вызвало ли показание, сделанное Бестужевым-Рюминым, интерес у следствия? Опрашивались ли в связи с полученными от Бестужева-Рюмина сведениями другие подследственные? Были ли сделаны показания о Матюшкине другими лицами? Наконец, отбирались ли показания у Матвея Муравьева-Апостола, который собственно и являлся первоисточником информации, поступившей от Бестужева-Рюмина? Иначе говоря, до настоящего времени все еще не получен ответ на вопрос — содержит ли фонд следственных показаний по делу декабристов дополнительные свидетельства относительно участия Матюшкина в тайном обществе?

В следственном деле Бестужева-Рюмина отсутствуют какие-либо следы интереса следствия к вновь названному лицу. Нет такого рода указаний и в персональном следственном деле М. И. Муравьева-Апостола.

Обращение к фонду материалов следствия и суда по делу декабристов позволило выявить документы, связанные с исследованием причастности Матюшкина к тайному обществу. В следственном деле «Справки, собранные о разных лицах, в описи означенных, о принадлежности их к злоумышленным обществам» отложились показания, сделанные в ответ на запросы Следственного комитета о степени причастности ряда подозреваемых к декабристскому союзу.⁷ Большинство из них появились в результате показаний, впервые назвавших в ходе процесса то или иное имя. Среди этого комплекса материалов и обнаружили запросы о принадлежности Матюшкина к тайному обществу и ответы на них подследственных.

Теперь можно считать несомненным тот факт, что показания Бестужева-Рюмина обратили на себя внимание следствия, что и неудивительно: ведь это свидетельство принадлежало одной из самых заметных и деятельных фигур в тайном обществе.

Показания, содержавшие первое упоминание о Матюшкине, были даны Бестужевым-Рюминым после устного допроса, со-

⁶ Ильин П. В. Безвестные декабристы: О лицах, не вошедших в «Алфавит» А. Д. Боровкова // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2001. Вып. 4. С. 391—394.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 48, оп. 1, д. 244.

стоявшегося 5 апреля, и «читаны» в Следственном комитете 9 апреля.⁸

Лишь спустя почти два месяца, 24 мая 1826 г., последовал повторный, содержательно развернутый запрос Следственного комитета, адресованный Бестужеву-Рюмину, который специально касался названных им ранее Матюшкина и Бутурлина: «В ответах ваших вы называете членами Тайного общества *Бутурлина* и *Матюшкина*.⁹ Комитет требует от вас чистосердечного и положительного пояснения: подтверждаете ли вы показание свое, что Бутурлин и Матюшкин действительно были членами тайного общества и чем можете доказать сие? Знаете ли вы их лично как членов или только слышали как о членах и от кого именно? Каким образом вам о них сказывали, т.е. когда, где и кем именно они были приняты, в каких сношениях и с кем из членов находились и какое принимали участие в делах общества?».¹⁰

В своем ответе Бестужев-Рюмин свидетельствовал: «Имею честь донести Комитету, что я о Бутурлине никогда не слышал и в показаниях моих о нем не упоминал. О Матюшкине же говорил мне Матвей Муравьев, но я уже ясно вспомнить не в состоянии, сказывал ли он, что Матюшкин член или что общество намеревается принять его».¹¹

Это повторное показание Бестужева-Рюмина требует комментария. Прежде всего, вопреки данному показанию, фамилию Бутурлина Бестужев-Рюмин все же называл на следствии и именно в качестве участника тайного общества. Она прозвучала в его показаниях, зачитанных на заседании Следственного комитета 18 февраля. В этих показаниях Бестужев-Рюмин перечислял известных ему участников Союза благоденствия — тайного общества, которое на момент его вступления в декабристский союз уже не существовало. Сведения о них он получил от давних участников тайного общества, с которыми имел постоянный контакт: «Известные мне члены того общества суть: (...) Бутурлин (писатель)...».¹² Отрицание этого обстоятельства в повторном показании показывает, что его автор был откровенен далеко не во всем.

В своем повторном показании (в отличие от первого) Бестужев-Рюмин уже не свидетельствует о приеме Матюшкина в

⁸ Восстание декабристов. С. 100.

⁹ Курсивом здесь и далее выделены фамилии, подчеркнутые в документе. — П. И.

¹⁰ ГАРФ, ф. 48, оп. 1, д. 244, л. 58.

¹¹ Там же, л. 58—58 об.

¹² Восстание декабристов. С. 82.

тайное общество как о безусловном факте, ссылаясь на состоявшие своей памяти. Он предпочел отказаться от утвердительного свидетельства о принятии в тайное общество нового лица и сделал оговорку: возможно, что Матюшкина лишь намеревались принять, но не приняли.

Повторное показание Бестужева-Рюмина как будто не подтверждает прием Матюшкина в декабристский союз. Тем не менее оно безусловно представляет значительную ценность как свидетельство о возможном вступлении Матюшкина в тайное общество: показание прямо говорит о весьма специфическом интересе руководителей тайного общества к Матюшкину: они либо приняли, либо хотели принять его в конспиративную организацию, очевидно, считая его своим идейным единомышленником.

Но для нас важен еще один момент — Бестужев-Рюмин в этом показании вновь указывает источник своей осведомленности о Матюшкине — М. И. Муравьева-Апостола — источник, безусловно, авторитетный. Можно сказать, что эта информация действительно поступила к Бестужеву-Рюмину «из первых рук», от лица, долгое время находившегося в Петербурге среди наиболее активных членов Северного общества.

Было бы удивительно, если бы после этого следствие не обратилось с запросом о Матюшкине к М. И. Муравьеву-Апостолу. Так и произошло. На следующий день, 25 мая 1826 г., ему были направлены вопросные пункты: «Подпоручик Бестужев-Рюмин показывает, что вы говорили ему о *Матюшкине*, но не упомнит, сказывали ли вы ему, что он член тайного общества или что оное намеревалось принять его. Комитет требует от вас откровенного и положительного пояснения: принадлежал ли означенный *Матюшкин* к Тайному обществу, когда, где и кем именно был принят, в каких сношениях и с кем из членов находился и какое принимал участие в делах общества? Равно кто он такой и где находится?».¹³

Муравьев-Апостол ответил на этот запрос лаконично и вполне категорически: «В последнем показании моем я написал *Мотовиловка*. Я не говорил с Бестужевым-Рюминым о Матюшкине, которого я не знал никогда».¹⁴

Показания Муравьева-Апостола вызывают определенные сомнения. Прежде всего они противоречат зафиксированному в

¹³ ГАРФ, ф. 48, оп. 1, д. 244, л. 59. Формулировка вопроса показывает, что Следственный комитет спустя почти два месяца после первого показания Бестужева-Рюмина не сделал никаких справок и не располагал никакими новыми данными о Матюшкине.

¹⁴ ГАРФ, ф. 48, оп. 1, д. 244, л. 59—59 об.

источниках факту его знакомства с Матюшкиным: дело в том, что Муравьев-Апостол встречался с ним до начала следственного процесса. Это могло произойти, судя по всему, только в 1824 г., в Петербурге. Недвусмысленное указание на это обстоятельство содержат материалы поздней переписки И. И. Пущина и Ф. Ф. Матюшкина. В письме от 25 января 1852 г. Пущин писал лицейскому другу из места своего поселения — Ялуторовска (Тобольская губерния): «Со мной здесь один твой знакомец, Муравьев-Апостол (...) он тебя видел у Корниловича, когда ты возвратился из полярных стран; шлет тебе поклон...». Позже последовало уточнение: Муравьев-Апостол видел Матюшкина «у Корнилова в доме армянской церкви».¹⁵ 9 сентября 1852 г. Пущин вновь напоминал Матюшкину о его давнем знакомце: «Приветствует тебя Матвей Муравьев, он помнит твои рассказы по возвращении из сибирской экспедиции. Один он только тебя знает из здешних моих товарищей ялуторовских».¹⁶ Матюшкин откликнулся, и вскоре Муравьев-Апостол благодарил Матюшкина за то, «что (...) не забыл».¹⁷ Таким образом, очевидно, что М. Муравьев-Апостол был знаком (хотя и не близко) с Матюшкиным, встречался с ним, слушал его «рассказы» о полярной экспедиции в Петербурге в 1824 г. и сохранил о нем воспоминания, вопреки утверждению о своей полной неосведомленности относительно Матюшкина, прозвучавшему на следствии.

Муравьев-Апостол не только дал ложное показание, но и предпочел, уходя от ответа на заданный вопрос, скрыться за ссылкой на ошибку, якобы допущенную со стороны следствия, — путаницу между приведенным в его показаниях названием села (Мотовиловка), в окрестностях которого происходили события мятежа Черниговского пехотного полка, и фамилией Матюшкина. В данном случае не приходится сомневаться в том, что и со стороны М. Муравьева-Апостола, и со стороны Бестужева-Рюмина (в случае его повторного показания) имело место стремление спасти от расследования и наказания мало замешанное лицо, против которого не было определенных показаний о вступлении в тайное общество и деятельности в качестве его участника. В этом оба декабриста могли убедиться по самому содержанию заданного им вопроса.

Других вопросов и показаний о Матюшкине данное следственное дело не содержит. Можно лишь констатировать, что по-

¹⁵ Пущин И. И. Сочинения и письма: В 2 т. Т. 2: Письма 1850—1859 гг. М., 2001. С. 41, 60.

¹⁶ Там же. С. 51.

¹⁷ Там же. С. 60.

казания Муравьева-Апостола фактически спасли Матюшкина от привлечения к следствию и от дальнейшего расследования степени его участия в тайном обществе.

Важно отметить, что следствие вообще не задало вопроса о принадлежности Матюшкина к тайному обществу тому лицу, кто, судя по всему, непосредственно участвовал в приеме Матюшкина — Рылееву. Особенно это кажется странным в контексте показания Бестужева-Рюмина, прямо отсылавшего к Рылееву как инициатору приема морских офицеров в тайное общество, и в том числе Матюшкина. В данном случае, как можно заключить, следствие не проявило необходимой тщательности при сборе и анализе показаний, а спрошенные о Матюшкине повторно Бестужев-Рюмин и Муравьев-Апостол, оценив столь явно проявившийся вполне определенный интерес следствия к новому подозреваемому, несомненно, решили не вовлекать в дело новое лицо.

При анализе следственных показаний о Матюшкине нельзя не заметить, что кратковременное и быстротечное расследование его причастности к тайному обществу носит явно незаконченный характер. В этом отношении можно провести параллель с расследованием участия в тайном обществе А. С. Грибоедова. Тщательное исследование хода и особенностей этого вопроса, проведенное М. В. Нечкиной, показало, что следствие не придало значения прозвучавшим в ходе процесса авторитетным показаниям, прямо свидетельствующим о членстве Грибоедова в тайном обществе, оставило без внимания содержащиеся в них противоречия и недоговоренности, не учло других показаний, прекратило расследование ряда эпизодов его контактов с членами Южного общества в Киеве, сделав в итоге вывод о его полной «невиновности» и освободив из-под ареста. М. В. Нечкина убедительно доказала, что многие показания, касавшиеся принадлежности Грибоедова к тайному обществу, на самом деле скрывали действительную степень его причастности к декабристскому союзу.¹⁸

Так же как и в случае с Грибоедовым, следствие установило причастность Матюшкина к тайному обществу, но окончательно не доказало факт его членства. Как и в случае с Грибоедовым, следствие фактически проигнорировало показание, свидетельствующее о принадлежности Матюшкина к тайному союзу, не проявило внимания к явному сокрытию подлинных фактов в показаниях Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюми-

¹⁸ См.: Нечкина М. В. Следственное дело А. С. Грибоедова. М., 1982. С. 25, 46, 52, 85—90.

на, не провело очных ставок в связи с полученными противоречивыми показаниями, не обратилось с запросами к важнейшим свидетелям (Рылееву) и в целом не было доведено до конца. Как и в случае с Грибоедовым, налицо стремление ряда подследственных выгородить Матюшкина, вывести его из зоны наказания.

Но в отличие от Грибоедова показание о членстве Матюшкина в тайном обществе привлекло еще меньше внимания следователей: он не был арестован и не привлекался к допросам, скоротечное расследование носило заочный характер и ограничилось только повторными запросами Бестужеву-Рюмину и Муравьеву-Апостолу. На Матюшкина не было заведено и отдельного персонального следственного дела. Несмотря на прозвучавшее показание Бестужева-Рюмина, справка о Матюшкине отсутствует и в известном «Алфавите» А. Д. Боровкова — составленном делопроизводителем Следственного комитета по итогам расследования своде данных о степени причастности к делу привлеченных к следствию лиц.¹⁹

Насколько уверенным может быть исследователь в достоверности свидетельства Бестужева-Рюмина о вступлении Матюшкина в тайное общество? Действительно ли контакты Матюшкина с лидерами Северного общества носили такой характер, что мог иметь место прием в его члены?

Сопоставление биографических данных и указаний на встречи с участниками декабристских союзов дает основание утверждать, что прием Матюшкина в тайное общество мог состояться в промежутке времени от первых месяцев до августа 1824 г., когда Матвей Муравьев-Апостол покинул Петербург.²⁰

В начале 1824 г. Матюшкин возвратился из многолетней экспедиции по описи берегов Ледовитого океана (1821—1824) и некоторое время провел в Москве, где встречался со своими лицейскими товарищами, в том числе с И. И. Путиным. Об одной из этих встреч прямо говорится в позднейшей переписке двух товарищей по Лицею: в письме от 25 января 1852 г. Пущин замечал: «...я воображаю тебя тем же веселым Федернелке, каким оставил тебя в Москве, — помнишь, как тогда Кюхельбекер Вильгельм танцевал мазурку и как мы любова-

¹⁹ Случай Матюшкина не единичен в этом отношении. О других подобных случаях неучтенных в «Алфавите» свидетельств о членстве в тайном обществе (к которым относятся, например, Д. П. Бутурлин, С. Д. Нечаев, К. М. Полторацкий) см.: Ильин П. В. Безвестные декабристы. С. 363—468. В силу этого «Алфавит» Боровкова никак нельзя считать исчерпывающим сводом декабристских персоналий, как это традиционно принято в исследовательской практике.

²⁰ Восстание декабристов. С. 201.

лись его восторженными движениями...».²¹ Встреча могла произойти начиная с марта 1824 г.: Пущин находился в Москве, перейдя на службу в Московский надворный суд, с 14 марта 1824 г.²²

Не мог ли ближайший друг Матюшкина Пущин, незадолго перед тем (не позднее середины 1823 г.) принявший в Северное общество К. Ф. Рылеева,²³ известить своего лицейского товарища о существовании тайного общества, а затем, когда Матюшкин отправился в Петербург, направить его к Рылееву для окончательного приема во вновь создаваемую «морскую управу»?

Достаточно хорошо известно, что Пущин активно привлекал своих лицейских товарищей и вообще давних друзей к участию во вновь созданном Северном обществе, стремясь к расширению рядов конспиративной организации и к активизации ее деятельности — среди тех, кто благодаря ему вступил в новый союз, в первую очередь следует назвать В. Д. Вольховского, бывшего члена Союза благоденствия, в октябре 1823 г. привлеченного к деятельности Северного общества и принявшего участие в ряде совещаний на квартире Пущина, где обсуждались уставные правила и проводились выборы руководства.²⁴ В 1824—1825 гг. Пущин фактически в одиночку образовал из своих старых товарищей два кружка — московскую управу Северного общества и «Практический союз». В состав этих обществ вошли друзья Пущина Павел И. Колошин, С. Н. Кашкин, И. Н. Горсткин, А. В. Семенов, А. А. Тучков, к этому же кругу были близки бывшие лицеисты А. П. Бакунин, Б. К. Данзас и В. П. Пальчиков (последние двое — лицеисты 2-го курса), давние товарищи Пущина.²⁵

²¹ Пущин И. И. Сочинения и письма. Т. 2: Письма 1850—1859 гг. С. 39. Следует напомнить, что в это время В. К. Кюхельбекер еще не входил в число членов тайного общества.

²² Пущин И. И. Сочинения и письма. Т. 1: Записки о Пушкине. Письма 1816—1849 гг. М., 1999. С. 76.

²³ Пушкина В. А., Ильин П. В. Персональный состав декабристских тайных обществ (1816—1826): Справочный указатель // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2000. Вып. 2. С. 59.

²⁴ Восстание декабристов: Материалы. М.; Л., 1925. Т. 1. С. 266, 271; М.; Л., 1926. Т. 2. С. 225; Т. 9. С. 189 (показания Е. П. Оболенского, И. И. Пущина, М. И. Муравьева-Апостола). См. также недавно опубликованное следственное дело В. Д. Вольховского: Восстание декабристов: Документы. М., 2001. Т. 20. С. 445—451.

²⁵ Пушкина В. А., Ильин П. В. Персональный состав декабристских тайных обществ. С. 15, 67.

Отметим здесь также, что в документах следствия зафиксирован и факт встречи Матвея Муравьева-Апостола с Пушиным в Москве в августе 1824 г., когда Муравьев-Апостол возвращался из Петербурга в южные губернии и на неделю остановился в Москве: «После моего выезда из Петербурга в 1824 году я поехал в Малороссию через Москву, где я прожил неделю (...). Я видел также Пушина, который жил у Колошина меньшого (...). Пушин мне говорил, что он так занят по делам службы, что ему нет времени куды-нибудь поехать, что в Москве, кроме стариков и детей, никого нет...».²⁶ На этой встрече, как видим, речь шла о делах тайного общества и о возможности расширения рядов конспиративной организации. Очень возможно, что тогда же Муравьев-Апостол мог передать Пушину сведения об окончательном приеме Матюшкина в тайное общество, произошедшем в Петербурге и осуществленном Рылеевым. Пушин же в свою очередь мог сообщить Муравьеву-Апостолу о том, что он, Пушин, еще в Москве открыл Матюшкину существование тайного общества. Следовательно, в этом случае Муравьев-Апостол располагал безусловно достоверной информацией о факте именно состоявшегося (а не планируемого) приема нового члена — Матюшкина в Северное общество.

Между тем хорошо известен и тот факт, что Матюшкин со своей стороны прекрасно знал о тесной дружбе Пушина и Рылеева: об этом свидетельствует его письмо к Е. А. Энгельгардту от 19 октября 1826 г., написанное вскоре после приговора суда по делу декабристов: «Нет, Пушин не может быть виноват, не может быть преступником. Я за него отвечаю. Он взят по подозрению и по пустому подозрению — дружба его с Рылеевым, слово, сказанное неосторожно, но без умысла...». Далее следует весьма любопытная фраза: «Признаюсь Вам, Егор Антонович, когда я прочел его (Пушина. — П. И.) в списке <...> я думал, что и я виноват (курсив мой. — П. И.), я его так любил, так люблю».²⁷ Возможно, Матюшкин осторожно соотносил собственную осведомленность о тайном обществе, собственное согласие вступить в него и беседы, которые велись им на встречах с Пушиным и Рылеевым в 1824 г., с теми реальными обстоятельствами и связями, которыми интересовалось следствие. Следует признать весьма симптоматичным отражен-

²⁶ Восстание декабристов: Материалы. С. 257.

²⁷ Письмо написано Матюшкиным во время кругосветного плавания под началом Ф. П. Врангеля из Русской Америки. Цит. по: Друзья Пушкина: Переписка, воспоминания, дневники: Т. 1. С. 291 (оригинал письма: ОР ИРЛИ, шифр 22774. С IX в, л. 6).

ный в данном письме факт осведомленности Матюшкина о тесной «дружбе» Пуштина и Рылеева.

Что же касается отрицания Матюшкиным «виновности» Пуштина, то для Матюшкина, как и для многих других участников тайных обществ, существовало значительное расстояние между членством в тайном политическом объединении и участием в открытом вооруженном выступлении, которое имело место 14 декабря 1825 г. Очевидно, Матюшкин не мог поверить в то, что Пущин сыграл столь заметную роль в событиях мятежа на Сенатской площади.

Таким образом, наличие точно установленных на протяжении 1824 г. связей Матюшкина с Пушковым и Рылевым прямо указывает на вполне определенный конкретный путь, который привел Матюшкина в тайное общество декабристов. Информация о состоявшемся приеме Матюшкина, отраженная в первом показании Бестужева-Рюмина, а затем смягченная различными оговорками во втором его показании, также могла поступить к нему по прямому каналу — от Рылеева и Пуштина через М. Муравьева-Апостола.

В августе 1825 г. Матюшкин отправился в кругосветную экспедицию и, таким образом, время его фактического пребывания в тайном обществе ограничивается мартом 1824 г., когда начались его встречи с Пушковым, и августом 1825 г. Покинувший в августе 1824 г. Петербург Муравьев-Апостол уже знал о принятии Матюшкина.

Существуют и другие, далеко не косвенные, свидетельства источников о том, что Матюшкин не скрывал своих связей с участниками тайного общества и своей принадлежности к кругу их единомышленников. В письме Ф. П. Врангеля к Ф. П. Литке сообщается о том, что в августе 1826 г., получив в Петропавловске-на-Камчатке первые известия о событиях 14 декабря, Матюшкин, вообразив, что «...его сообщники в Петербурге овладели всем правлением, затеял было в Камчатке дурные дела», якобы возбуждая неудовольствие в подчиненной команде.²⁸ В настоящее время это документальное свидетельство может вызвать определенный скепсис. В самом деле, насколько целесообразно и реалистично было вызывать возмущение далеко от пределов России, среди участников кругосветной экспедиции? По-видимому, Матюшкин, как и другие участники плавания, получил известия не только о мятеже 14 декабря, но и о его разгроме, о первых арестах его активных участников и органи-

²⁸ Письмо Ф. П. Врангеля (2-я половина 1826 г., Петропавловск-Камчатский). Цит. по: Пасецкий В. М. Впереди — неизвестность пути. С. 135.

заторов. Непредвзятый анализ свидетельства в свете приведенных в настоящей статье данных подводит исследователя к мысли о том, что Матюшкин мог выражать в этой связи сожаление о гибели своих товарищей по тайному обществу, близких ему людей, в том числе — в разговорах с подчиненными ему младшими офицерами. О характере эмоциональных высказываний Матюшкина по поводу участия в восстании Пущина и других друзей можно судить по его известному письму Е. А. Энгельгардту, цитированному выше. Весьма возможно, что имел место и обмен мнениями о возможности победы «бунтовщиков», об их планах ввести в России представительное правление и Матюшкин выразил свое сочувствие этим планам. Все это, разумеется, вполне могло быть расценено непосредственным начальством как «дурные дела».

Но примечателен сам факт осведомленности Ф. П. Врангеля — знаменитого мореплавателя и многолетнего начальника Матюшкина — о том, что «сообщниками» Матюшкина являются именно те, кто выступил 14 декабря в Петербурге. Это напрямую свидетельствует о том, что последний явно обнаружил свое сочувствие восставшим. Менее достоверным следует считать его признание в организационной связи с обнаружившимся тайным обществом, в своей принадлежности к нему.

Как и другие приведенные свидетельства источников, письмо Врангеля в немалой степени подтверждает заключение, которое можно сделать на основании показания Бестужева-Рюмина — о вступлении Матюшкина в тайное общество декабристов в 1824 г.

Таким образом, ставшие предметом нашего анализа дополнительные показания о принадлежности Матюшкина к декабристскому тайному обществу, сохранившиеся в материалах следствия, показывают, что действительные обстоятельства его вступления в тайный союз, равно как и степень осведомленности о политических планах заговорщиков, не получили адекватного отражения в материалах следствия. Наиболее обоснованным представляется заключение о том, что эти показания в значительной мере скрывают подлинные факты и обстоятельства, нежели содержат исчерпывающие данные на этот счет. Причиной этому стало главным образом стремление подследственных не вовлекать в расследование лиц, мало замешанных в деятельности заговорщиков.

Факт принятия Матюшкина в «морскую управу» Северного общества, первоначально сообщенный Бестужевым-Рюминым в достаточно категоричной, утвердительной форме, затем был ук-

рыт от расследования — им и М. И. Муравьевым-Апостолом. В целом, расследование вопроса о вступлении Матюшкина в тайное общество не было закончено и осталось недоведенным до конца; в частности, не были допрошены важнейшие и самые осведомленные свидетели: Рылеев и Пушкин.

Приведенные нами следственные показания не перечеркивают первоначального свидетельства Бестужева-Рюмина. Они даже в некотором отношении подтверждают его обоснованность (ссылка на Матвея Муравьева-Апостола в повторном показании Бестужева-Рюмина, полный и явно намеренный отказ Муравьева-Апостола от какого-либо определенного показания относительно вступления Матюшкина в тайное общество), но вместе с тем лишают его безусловного доказательного значения.

Вывод о вступлении Матюшкина в число членов тайного общества декабристов, сделанный ранее на основании первоначального показания Бестужева-Рюмина, необходимо сопроводить поправкой — «согласно показанию Бестужева-Рюмина, не получившему подтверждения в ходе расследования». Эта поправка не означает, что показание Бестужева-Рюмина неавторитетно — она свидетельствует лишь о том, что первоначальное, достаточно точное и недвусмысленное свидетельство в дальнейшем не было подтверждено другими показаниями. Отметим, что тоже очень важно, — показание Бестужева-Рюмина фактически не было и опровергнуто.

Итоговое положение представляется в следующем виде: причастность Матюшкина к тайному обществу не вызывает сомнений, но его формальное членство в декабристском союзе остается окончательно недоказанным. Можно лишь высказать достаточно обоснованное предположение о том, что лицейский друг Пушкина, вероятнее всего, был принят в тайное общество Рылеевым в течение марта—августа 1824 г., по рекомендации и при непосредственном участии Пушкина (давний товарищ по Лицею, возможно, первым сообщил Матюшкину о существовании тайного союза «либералистов»). Об этом факте в той или иной форме стало известно участникам тайных обществ — даже на юге, в кругу членов Южного общества.

Введенные в научный оборот новые указания следственных документов снимают категоричную однозначность с ранее известного показания Бестужева-Рюмина о принятии Матюшкина в Северное общество. Последовавшее затем неполное и явно незаконченное расследование не подтвердило первоначального показания этого декабриста в полном объеме. Но углубленный анализ содержания всех полученных следствием показаний, а также приведенные в настоящей статье данные других источни-

ков, позволяют предположить, что Матюшкин все же состоял в тайном обществе декабристов и лишь случайно избежал привлечения к следственному процессу и соответствующего наказания. При таком развитии событий вопрос о принадлежности к тайному обществу Матюшкина имел бы более определенный и, несомненно, положительный ответ.

П. В. Ильин

ПРЕСЛОВУТОЕ РАНДЕВУ

В конце 1907—начале 1908 г. дочь Н. Н. Пушкиной от ее второго брака с П. П. Ланским А. П. Арапова опубликовала в иллюстрированном приложении к газете «Новое время» беллетризованное исследование о своей матери «Наталья Николаевна Пушкина-Ланская». К сожалению, все так называемые исследования потомков о своих знаменитых родственниках грешат одним и тем же недостатком: они настолько тенденциозны, что нередко приносят много вреда памяти их предков, потому что во что бы то ни стало пытаются ее обелить. Сочинение Александры Араповой не только не явилось исключением, но может служить хрестоматийным примером того, как родственники пытаются «подправить» историю в интересах своего семейства.

Случай с Араповой особенно примечателен тем, что эта женщина попыталась очистить память о матери за счет унижения памяти Пушкина. Свою ложно понятую задачу Арапова выполнила настолько неумело, что, если бы не существовало других документов о Н. Н. Пушкиной, позволяющих более или менее объективно восстановить реальные события, после публикации дочери могли бы возникнуть подозрения в том, что вдова поэта намного виновнее, чем это представлялось ранее.

«Так часто в газетных статьях и литературных изысканиях появляются не только несправедливые, но зачастую и оскорбительные отзывы о моей матери, что в сердце моем давно уже зрела мысль высказать всю правду о ее трагически сложившейся жизни».¹

Так Арапова сформулировала цель своей работы. Сделала она это довольно откровенно, ведь «правду» можно было высказать и не дожидаясь «оскорбительных отзывов». Другими словами, Арапова любым возможным способом желала нейтра-

¹ Арапова А. П. Наталья Пушкина-Ланская // Иллюстрированное прилож. к газ. «Новое время». 1907. 12 дек.

лизовать критику в адрес своей матери. Нетрудно догадаться, что самое сложное препятствие на этом пути для нее представляли события 1837 г., а главным предметом «нападок» являлась роль, которую Пушкина сыграла в истории гибели поэта. Готовясь к своей работе, Арапова вступила в переписку с сыном Дантеса, также Жоржем Дантесом-Геккереном. Письма ее к сыну убийцы Пушкина любопытны прежде всего дружеским тоном. Не то чтобы Арапова одобряла поступок его отца. Дело в другом. Дантес, защищаясь, всегда отстаивал невинность Пушкиной в этом деле. Это была продуманная линия поведения, которой он следовал всю жизнь. В преддверии столетней годовщины со дня рождения Пушкина корреспондент «Нового времени» И. Яковлев (И. А. Павловский) встретился в Париже с сыном Дантеса. 12 июня 1899 г. было опубликовано интервью с ним. В интервью, например, рассказывалось о том, как Дантес встретил в Париже на улице де ла Пэ Наталью Николаевну. Она его узнала, но отвернулась и прошла мимо. Хотя мы до сих пор не знаем, посетила ли Пушкина Париж во время своего заграничного вояжа в Австрию, но Дантес-сын говорил о «стройной блондинке», Наталья же Николаевна была черноволоса. Однако самое главное заключалось в том, что Дантес младший еще раз во всеуслышание заявил о том, что у них в семье всегда были уверены в полной невинности Н. Н. Пушкиной.² Ознакомившись с интервью, Арапова написала ему благодарственное письмо. Может быть, об этом факте не стоило бы упоминать, если бы он не объяснял нам, почему Арапова в своей работе так щадила Дантеса. Поскольку именно Дантес заявлял о полной невинности Пушкиной, а Арапова этими заявлениями весьма дорожила, она должна была представить бывшего кавалергарда так, чтобы у читателя ни на минуту не возникло сомнений в его благородстве. Но зато досталось поэту.

«Моя мать повторяла много раз: „Память об умерших священна, но я чувствую, что не оставят меня в покое, даже тогда, когда я буду уже в могиле”». «Если бы вы знали, — писала Арапова, — насколько я должна была страдать от этого пророчества». Арапова даже опубликовала в «Новом времени» письмо-протест против «нравственной пытки», на которую обрекли семерых здравствующих детей Н. Н. Пушкиной. Однако вопреки ожиданиям Араповой столетняя годовщина рождения поэта прошла без каких-либо резких выпадов по адресу Натальи Ни-

² Яковлев И. Беседа с бароном Геккереном-Дантесом // Новое время. 1899. 12 июня.

колаевны. В этом Арапова видела собственную заслугу. Она понимала, что с Дантесом-Геккереном они действовали в одном направлении. Она дала «отпор» отечественным очернителям, а ее французский родственник — зарубежным. «Я протягиваю Вам руку в братском порыве», — патетически восклицала Арапова. Письмо заканчивалось так: «Возможно, наша единственная встреча не повторится, но тем не менее, мой дорогой Жорж, я навсегда сохраню к вам чувство живейшей признательности и расположения. Ваша преданная кузина Александра Арапова».³

Письмо это производит неприятное впечатление. Арапова предстает с его страниц недалеко сентиментальной барышней, хотя «барышне» уже шел шестой десяток. Вместе с тем это письмо помогает нам многое понять в сочинении Араповой.

В своей работе вину за семейный разлад Арапова возложила на Пушкина. Дескать, в его чувствах к жене произошло некоторое охлаждение из-за «пресыщения порывов сильной страсти или частых беременностей». Пушкина тянуло «в водоворот кипучей жизни, он жаждал сильных ощущений». Наталье же Николаевне оставалось лишь следить, «как с каждым днем ее значение стухевывалось в его кипучей жизни». По словам Араповой, «Пушкин только с зарею возвращался домой, проводя ночи то за картами, то в веселых кутежах в обществе женщин известной категории. Сам ревнивый до безумия, он до такой степени свыкся с неофициальными теориями, применяемыми мужчинами в оправдание их неверности, что даже мысленно не останавливался на сердечной тоске, испытываемой тщетно ожидавшей его женщиной, и часто, смеясь, посвящал ее в свои любовные похождения».

Такова была атмосфера, в которой начались ухаживания Дантеса. Но это-то была возвышенная любовь. Согласно Араповой, Дантес даже в глубокой старости по-прежнему отзывался о Наталье Николаевне: «Она была так не похожа на остальных женщин! Я имел всех женщин, которых только хотел, исключая той, которую весь мир заподозрил и которая по горькой насмешке судьбы была моей единственной любовью».⁴

Хотя Арапова не отличалась проницательным умом, она, однако, сообразила, что целый ряд фактов, уже оглашенных в печати, никак не укладывается в нарисованную ею идиллическую картину.

³ Ternovsky E. Pouckine et la tribu Gontcharoff. Paris, 1993. P. 126—127.

⁴ Иллюстрированное приложение к газете «Новое время». 1907. 22 дек. Я. Полонский, встретившись с Л. Метманом, внуком Дантеса, писал, что убийца Пушкина в кругу семьи никогда не произносил этих слов, приписываемых ему Араповой (Последние новости. 1930. 15 мая).

скую картину. И не только не укладывается, а прямо разрушает ее. Арапова понимала, что лучший способ нейтрализовать «компромат» заключается в том, что необходимо не опровергнуть его, а дать такое ему толкование, что не останется места для каких-либо подозрений. Самой «болевым точкой» в этом смысле для Араповой было известие о тайном свидании Натальи Николаевны и Дантеса. Сведения об этом появились в печати в 1888 г., хотя Арапова узнала об этом опасном для репутации ее матери факте на год раньше: в марте 1887 г.

В 1888 г. П. И. Бартенев, издатель «Русского архива», обнародовал рассказы о Пушкине, записанные им со слов князя и княгини Вяземских. Среди этих рассказов был и такой: «Мадам NN по настоянию Геккерна пригласила Пушкину к себе, а сама уехала из дому. Пушкина рассказала княгине Вяземской и мужу, что, когда она осталась с глазу на глаз с Геккерном, тот вынул пистолет и грозил застрелиться, если она не отдаст ему себя. Пушкина не знала, куда ей деваться от его настояний; она ломала себе руки и стала говорить, как можно громче. По счастью, ничего не подозревающая дочь хозяйки явилась в комнату, и гостя бросилась к ней».⁵

Еще за год до публикации Бартенева Арапова обратилась к своей тетке Александре Фризенгоф (в девичестве Гончаровой) с просьбой рассказать историю гибели Пушкина. В ответ на эту просьбу муж Александрины барон Густав фон Фризенгоф записал воспоминания своей жены и в марте 1887 г. отправил их племяннице. Согласно рассказу Александрины, эпизод с «мадам NN» выглядел так: «Старый Геккерн написал вашей матери письмо, чтобы убедить ее оставить мужа и выйти за его приемного сына. Александрина вспоминает, что ваша мать отвечала на это решительным отказом, но она уже не помнит, было ли это сделано устно или письменно. Ваша мать получила однажды от госпожи Полетики приглашение посетить ее, и когда она (Н. Н. Пушкина) прибыла туда, то застала там Геккерна вместо хозяйки дома, бросившись перед ней на колени, он заклинал ее о том же, что его приемный отец в своем письме. Она сказала жене моей, что это свидание длилось несколько минут, ибо, отказав немедленно, она тотчас уехала».⁶

От Фризенгофа Арапова узнала имя таинственной «мадам NN». Ею оказалась жена подполковника Кавалергардского полка Идалия Григорьевна Полетика, побочная дочь графа Г. А. Строганова, троюродная сестра Н. Н. Пушкиной.

⁵ Русский архив. 1888. № 7. С. 310.

⁶ Гроссман Л. П. Цех пера. Л., 1930. С. 267.

Арапова понимала, что обнародованные Бартеневым сведения бросали тень на репутацию ее матери. Она вроде бы жертва. Но поведение в этом загадочном эпизоде Дантеса, обманом заманившего Пушкину в ловушку, грозившего застрелиться, если она не отдастся ему, никак не вязалось с образом благородного человека, отрицавшего какие-либо подозрения на счет их действительных отношений. Арапова не могла не сознавать, что коль уж такой эпизод появился в печати, то он всегда будет источником самых различных предположений. Оставить его без внимания было нельзя. Но чтобы нейтрализовать ситуацию, надо было так прокомментировать этот эпизод, чтобы не могло возникнуть никаких сомнений. Что и сделала Арапова в своей работе. Арапова сочинила такую конструкцию, сославшись на рассказы своей няни Констанции, якобы передавшей исповедь Пушкиной незадолго перед смертью. Совершенно очевидно, что весь этот рассказ выдуман ею от начала до конца. Тему письма она позаимствовала из рассказа Фризенгофа, но дала ей следующую интерпретацию.

Дантес, безумно влюбленный, но окончательно разочарованный в своих надеждах, написал Наталье Николаевне письмо — «воплем отчаяния с первого до последнего слова». Цель письма — добиться во что бы то ни стало свидания. «Он жаждал только возможности излить ей свою душу, переговорить только о некоторых вопросах, одинаково важных для обоих, заверял честью, что прибегает к ней единственно как к сестре жены и что ничем не оскорбит ее достоинства и чистоты». Письмо заканчивалось угрозой, что, если она откажет ему в свидании, он покончит с собой, то же сделает и его жена Екатерина. Безумная «страсть которой заставит ее последовать его примеру... и, загубленные в угоду трусливому опасению, две молодые жизни вечным гнетом лягут на ее бесчувственную душу».

Наталья Николаевна, конечно, не могла взять на душу такой грех. За три года до смерти она призналась, что всегда добивалась своей совести и единственно в чем могла себя упрекнуть, так только в этом согласии на роковое свидание. Оно было столь же кратко, сколь невинно. Пушкину извиняет ее «неопытность на почве сострадания». Другими словами, она пошла на это, чтобы спасти от смерти Дантеса и его жену, но за такую доброту муж ее заплатил своей кровью, а она счастьем всей своей жизни.

Свидание состоялось в казармах Кавалергардского полка, на квартире Идалии Полетики. Оно не имело того значения, которое предполагала Пушкина, оказавшись уловкой влюбленного человека. Поняв это в первую же минуту, Пушкина воз-

мутилась до глубины души и твердо заявила Дантесу, что останется навсегда глуха к его мольбам. После этого она немедленно уехала.

Через день Пушкин получил «зловредное извещение» от анонимного корреспондента, который ему уже присылал безымянные письма о состоявшейся встрече. Пушкин принес письмо жене. Она рассказала все как есть. Тогда Пушкин послал Дантесу «вторичный вызов», следствием которого была дуэль.⁷

Пожалуй, самый важный вывод, который можно сделать после прочтения «исследования» Араповой, состоит в том, что Н. Н. Пушкина никогда не говорила с дочерью о дуэльной истории. Сама же Арапова была настолько исследовательски несостоятельна, что, изучая литературу, не могла уяснить, что Пушкин не вызывал Дантеса на дуэль. Он лишь написал оскорбительное письмо Геккерену-отцу. И тогда Дантес вызвал Пушкина. Стыдно было дочери Натальи Николаевны не знать того, что было в ее время известно каждому гимназисту.

Примечательна выдумка Араповой об анонимном письме Пушкину накануне январской дуэли. Происхождение этого изобретения Араповой установить нетрудно. В своем «сочинении» она упоминает материалы Аудиториата Военного министерства, в котором рассматривалось военно-судное дело Дантеса.⁸

В 1900 г. это дело было опубликовано. Арапова была знакома с этой публикацией. Отсюда она почерпнула сведения об анонимном письме, полученном Пушкиным незадолго до того, как он отправил свое известное письмо Геккерену. Сведения эти представляли собой миф, созданный без всякого умысла аудитором 13-го класса Масловым, чиновником Комиссии военного суда. Происхождение этих сведений таково.

9 и 11 февраля 1837 г. секундант поэта К. К. Данзас заявил комиссии, что в ноябре Пушкин получил анонимные письма. Комиссия располагала письмом Пушкина к Геккерену от 26 января 1837 г., где поэт писал о том, что он получил анонимные письма. Пушкин имел в виду ноябрьские письма. Но члены Комиссии не смогли точно определить, что речь шла именно о ноябрьских анонимных письмах. Аудитор Маслов пришел к неверному заключению, что Пушкин получил анонимные письма и в ноябре 1836 г., и в январе 1837 г. Он ошибочно полагал, что январское анонимное письмо (в действительности не существовавшее) вынудило Пушкина написать Геккерену ос-

⁷ Иллюстрированное прилож. к газ. «Новое время». 1908. 2 янв.

⁸ Там же. 1907. 22 дек.

корбительное письмо. Ни Дантес, ни Данзас, не склонные посвящать следствие в подробности дуэльной истории, не стали опровергать формулу Маслова. В определении Аудиториата от 16 марта 1837 г. содержались такие слова: «...26 января сего года Пушкин по получении безымянного письма» послал Геккерену оскорбительное письмо. 18 марта Николай I утвердил определение Аудиториата и тем самым закрепил своей подписью неверную версию судей.⁹

Арапова же пошла гораздо дальше. Мифические сведения об январском анонимном письме она соединила со сведениями Вяземских и Фризенгоф о свидании Пушкиной с Дантесом на квартире Полетики.

Пожалуй, самое примечательное в рассказе Араповой то, что в это повествование она ввела своего будущего отца П. П. Ланского. По ее словам, он был влюблен в Полетику. Полетика, чтобы предотвратить нежелательные последствия, якобы посвятила его в тайну свидания и попросила под видом прогулки около кавалергардских казарм зорко следить за всякой подозрительной личностью, что он и исполнил. Очень важно следующее лирическое отступление Араповой: «Всякое странное явление в жизни так удобно обозвать случаем». Но сама Арапова увидела «перст Божий в выборе Италией Полетикой того человека, который, будучи равнодушным свидетелем происходящего события, наглядно доказал, до какой степени свидание, наложившее незаслуженное пятно на репутацию матери, было, в сущности, невинно и не могло затронуть ее женской чести». Затем Арапова поместила длинное и нудное рассуждение о том, как вся семья Ланских была воспитана в традициях строжайшей нравственности. Далее следует самый важный вывод, ради которого придуман весь эпизод с Ланским: «Подобные унаследованные отцом воззрения служат лучшей порукой, что семь лет спустя он никогда не решился бы дать свое безупречное имя женщине, в чистоту которой он не верил бы так же безусловно, как в святость Бога».¹⁰

Можно ли сомневаться в том, что Ланской введен в эпизод Араповой для того, чтобы еще раз удостоверить невинность Пушкиной. Нет ничего удивительного в том, что в 1963 г. М. И. Яшин, изучив приказы по Кавалергардскому полку, где

⁹ Дуэль Пушкина с Дантесом: Подлинное военно-судное дело 1837 года. СПб., 1900. С. 56, 62, 75, 77, 99, 101, 103, 126, 141, 152; см. подробно: Сафонов М. М. Легенда об анонимных письмах Пушкину // История России в XIX—XX вв. СПб., 1998.

¹⁰ Иллюстрированное прилож. к газ. «Новое время». 1908. 2 янв.

служил Ланской, установил, что в этот период будущего мужа Пушкиной вообще не было в Петербурге. С 19 октября 1836 г. по 19 февраля 1837 г. он находился в Черниговской и Могилевской губерниях, где следил за набором рекрут.¹¹

Но нельзя не удивляться тому, что даже это обстоятельство не перечеркнуло в глазах исследователей достоверность рассказа Араповой о свидании на квартире Полетики. Исследователи заговорили о том, что оно, видимо, имело место не в январе 1837 г., накануне дуэли, а раньше, до того, как Ланской отправился в служебную командировку, т. е. осенью 1836 г.¹²

Вообще доверие исследователей к рассказу Араповой просто поразительно. Виднейший пушкинист П. Е. Щеголев, впервые проанализировавший эту беллетристику, сделал, мягко говоря, странные выводы. Пытаясь разгадать тайну гибели Пушкина, П. Е. Щеголев писал, что ближайший повод к дуэли рассказан дочерью Пушкиной Араповой в ее воспоминаниях. «В них личность Пушкина изображена темными красками, и ей трудно верить, — писал П. Е. Щеголев, — в очень многих сообщениях о Пушкине, но в том рассказе, который я сейчас приведу, ей можно и должно верить, ибо это говорит дочь о матери».¹³

Право, непонятная логика. Странно, что критическое чутье П. Е. Щеголева в этом случае подвело его. Как он не почувствовал, что именно потому, что дочь говорит о матери, ее слова не могут быть эталоном объективности. Как раз наоборот, тенденциозность дочери, стремившейся любыми средствами обелить мать, которая, кстати сказать, в этом совсем не нуждалась, лишает слова Араповой какой-либо веры.

В литературе отмечалось, что «опровергнуть Арапову было некому», так как в тот момент, когда она опубликовала свое сочинение, уже не было в живых ни Александрины, ни ее мужа.¹⁴ Высказывалось мнение, что П. Е. Щеголев ввел в научный оборот лишь гипотезу, которую «тогда еще нельзя было ни подтвердить, ни опровергнуть».¹⁵ Между тем, это совсем не

¹¹ Яшин М. Хроника преддуэльных дней // Звезда. 1963. № 9. С. 174.

¹² Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1963. Т. 5. С. 375.

¹³ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. СПб., 1999. С. 118.

¹⁴ Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году : (Предыстория последней дуэли). Л., 1984. С. 59. По всей видимости, С. Л. Абрамович не видела самой публикации Араповой, но пользовалась лишь изложением и цитатами из нее в книге П. Е. Щеголева (Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. С. 118). Во всяком случае, С. Л. Абрамович, как и П. Е. Щеголев, дает ссылку на «Новое время», тогда как сочинение Араповой было опубликовано в «Иллюстрированном приложении к газете „Новое время“».

¹⁵ Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году. С. 58.

так. Опровергнуть Арапову можно было уже тогда с помощью самой же Араповой...

Дело в том, что в том же 1908 г., когда сочинение Араповой увидело свет, историк кавалергардов С. А. Панчулидзе опубликовал биографию Дантеса и в ней воспроизвел отрывки из ранней редакции этого опуса дочери Н. Н. Пушкиной. И вот здесь в первоначальном варианте «фантазий» Араповой мы читаем буквально следующее: «Последнее свидание Натальи Николаевны с Дантесом, уже женатом на сестре ее, состоялось в кавалергардских казармах у И. Г. Полетики... Она до самой смерти горько упрекала себя в опрометчивости этого шага, так как поддавалась уверениям Дантеса, что необходимо переговорить о важных семейных интересах, а о любви и помину не будет. Хотя он и сдержал свое слово, но враги Пушкина провели об этом свидании и не преминули ему сообщить, и хотя он поверил ее объяснению, оно послужило последней роковой искрой, вызвавшей кровавую развязку. П. П. Ланской, ввиду своих дружеских отношений к И. Полетике, по ее просьбе находился в это время у нее, чтобы предотвратить скандал в случае появления Пушкина».¹⁶

Как видим, первоначально встреча у Полетики устраивалась для того, чтобы «переговорить... о семейных интересах», о любви же Дантес обещал не говорить и, что особенно важно, свое слово сдержал. В окончательном варианте своих записок Арапова придала этому свиданию совсем иной характер. Хотя Дантес обещал, что речь пойдет «о некоторых вопросах, одинаково важных для обоих», и клялся ничем не оскорбить «достоинства и чистоты» Натальи Николаевны, свидание оказалось «уловкой влюбленного человека». Именно поэтому Пушкина возмутилась, заявила, что останется глуха к его мольбам, и тотчас уехала.

Не может не вызвать улыбку, как нелепо в эпизод введен П. П. Ланской. Первоначально он находился в самой квартире Полетики, для того чтобы предотвратить скандал в случае внезапного появления Пушкина. Очевидно, почувствовав всю нелепость придуманной ею ситуации, дочь Ланского впоследствии решила поместить своего отца прогуливаться перед казармами, чтобы наблюдать «за всякой подозрительной личностью».

Единственный вывод, который можно сделать в результате сопоставления двух редакций сочинения Араповой, состоит в том, что ни одному слову ее верить нельзя. А ведь именно

¹⁶ Панчулидзе С. А. Сборник биографий кавалергардов: 1826—1908. СПб., 1908. С. 82.

Арапова «изобрела» схему: тайное свидание у Полетики—анонимное письмо, извещающее об этом randevу,—письмо Пушкина—дуэль. С. А. Панчулидзе ввел ее в научный оборот. П. Е. Щеголев своим авторитетом виднейшего пушкиниста освятил ее. Несмотря на робкие сомнения некоторых исследователей,¹⁷ пушкинисты канонизировали эту схему. Так продолжалось до тех пор, пока С. Л. Абрамович не разрушила легенду о январском свидании у Полетики.

С. Л. Абрамович, автор выдержавшей четыре издания книги о дуэльной истории Пушкина, создала новую легенду об Идалии Полетике. Причем она сознательно «подгоняла» источники под заранее выработанную схему, претендовавшую на научную новизну и оригинальность. Характерно, что исследовательница создавала новую легенду, намеренно «подбирая» свидетельства современников. По сути дела, С. Л. Абрамович уподобилась А. П. Араповой. Исследовательница была уверена, что, действуя таким образом, она защищала Пушкина и его жену от клеветы и наветов. А между тем Пушкин еще менее нуждался в чьей-либо защите, чем Наталья Николаевна.

Поразительно, с какой легкостью пушкинисты приняли легенду С. Л. Абрамович за новую научно обоснованную версию,¹⁸ а С. Г. Скрынников поспешил отнести построение исследовательницы «к числу замечательных открытий последних лет».¹⁹

Попробуем проследить анатомию этого открытия. Прочитав в письме Густава фон Фризенгофа рассказ его жены Александрины Гончаровой о том, что Пушкина действительно встретила с Дантесом на квартире Полетики, С. Л. Абрамович путем манипуляций с текстом попыталась дать совершенно новую трактовку этого свидания. При этом она опиралась на построения И. Л. Андроникова, правда, нигде не упоминая его работы.

Мы уже видели, как о пресловутом свидании сообщили в своих воспоминаниях В. Ф. Вяземская и А. Н. Фризенгоф.

¹⁷ *Казанский В. В.* Письмо Пушкина к Геккерну // *Звенья*. М.: Л., 1936. Т. 6. С. 6—7; *Ахматова А. А.* О Пушкине. Л., 1977. С. 305.

¹⁸ *Сайтанов А.* К тайне гибели Пушкина // *Вопросы литературы*. 1986. № 4. С. 246; *Лотман Ю. М.* О дуэли Пушкина без тайн и «загадок»: Исследование, а не расследование // *Абрамович С. Л.* Предыстория последней дуэли Пушкина. Л., 1994. С. 330; *Левкович Я. Л.* Примечания // *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина. С. 14, 16, 501, 503, 504, 506, 508, 517, 530, 556, 564, 570; *Последний год жизни Пушкина*. М., 1990. С. 306, 325; *Фридкин В.* 1) От чего погиб Пушкин? // *Литературная газета*. 1999. № 3; 2) Дорога на Черную речку. М., 1999. С. 109.

¹⁹ *Скрынников Р. Г.* Дуэль Пушкина // *Санкт-Петербургский университет*. 1996. № 14. С. 32.

С. Л. Абрамович попыталась убедить читателя в том, что супруги Фризенгоф в письме к Араповой рассказали почти то же самое, что и В. Ф. Вяземская поведала П. И. Бартеневу, и «перед нами редчайший случай почти полного совпадения двух мемуарных свидетельств».²⁰ Однако это утверждение исследовательницы — простая натяжка. Непредвзятый читатель сразу же увидит, что в обоих свидетельствах речь идет о разном.

Вяземская утверждала, что Дантес, заманив в ловушку Пушкину, пытался заставить ее отдаться ему. В рассказе же Александрины речь идет совсем о другом. Геккерен написал Пушкиной письмо, в котором убеждал Наталью Николаевну оставить мужа и выйти замуж за Дантеса. Встретившись обманым путем с Пушкиной у Полетики, Дантес «заклинал ее о том же», т. е. бросить мужа и выйти за него замуж.

Эти «незначительные» расхождения С. Л. Абрамович объясняет тем, что Вяземская была предельно откровенна и не стеснялась в выражениях, Фризенгоф же более сдержан в письме к племяннице. «Но, по сути дела, оба документа почти идентичны и взаимно подкрепляют друг друга. Не приходится сомневаться в достоверности этих воспоминаний».²¹

В том-то и дело, что приходится, да еще как! С. Л. Абрамович утверждает, что воспоминания Вяземской всегда «отличаются живостью и конкретностью». В беседах с Бартевым она «была предельно откровенна». Фризенгоф же «считал своим долгом сказать правду».²²

Насколько княгиня Вера была откровенна, и можно ли доверять ее воспоминаниям, я уже писал.²³ То же можно сказать и о воспоминаниях Александрины.²⁴ Только желанием «подогнать» свидетельство Александрины под свою схему можно объяснить то, что С. Л. Абрамович «не заметила» абсурдности того, что баронесса рассказала своей племяннице.

Совершенно невозможно представить, чтобы дипломат Геккерен написал жене камер-юнкера того двора, при котором он состоял посланником, письмо с такими предложениями. Невозможно по двум причинам. Во-первых, такое письмо официального представителя иностранной державы могло повлечь за собой крах его дипломатической карьеры. Даже если бы он и не

²⁰ Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году. Л., 1984. С. 60.

²¹ Там же. С. 60—61.

²² Там же. С. 60, 62.

²³ Сафонов М. К смерти Пушкина: Виноват ли Вяземский? // Смена. 1997.

21 ноября.

²⁴ Сафонов М. Александр и Александрина : Пушкины // Там же. 1998. 7, 21, 28 авг.

думал всерьез о разводе Пушкиной с ее мужем. Во-вторых, Дантес, делающий блестящую карьеру в Кавалергардском полку и пользующийся особым покровительством императора, не стал бы добиваться того, чтобы Наталья Николаевна, мать четверых детей, развелась с Пушкиным. Особенно если учесть, что Николай I резко отрицательно относился к разводам. Невозможно поверить, чтобы Дантес был настолько ослеплен любовью, что готов был пожертвовать своей так успешно начатой карьерой в России и стал бы мужем разведенной женщины с четырьмя малолетними чадами на руках. Вся последующая биография Дантеса свидетельствует о том, что это был человек сугубо практический, приехавший в Россию сделать карьеру.²⁵

Если допустить, что Геккерен, преследуя только ему известные цели, действительно написал такое письмо, а Дантес на самом деле говорил с Натальей Николаевной о том же, имея на то неведомые резоны, то все равно С. Л. Абрамович никоим образом не должна была оставить все эти важнейшие моменты без внимания. Она же, напротив, полностью проигнорировала эти несуразности и всячески подчеркивала «точность» и «достоверность» воспоминаний Александрины и княгини Веры. По словам С. Л. Абрамович, княгиня Вяземская и Александрина «независимо друг от друга рассказали об этом свидании одно и то же» (!). По мнению исследовательницы, «в памяти обеих женщин этот эпизод запечатлелся так отчетливо потому, что был неким кульминационным моментом в развитии событий и повлек за собою тягчайшие последствия».²⁶

Опять натяжка. Ни в рассказе Вяземской, ни в воспоминаниях Фризенгоф ничего не говорится о том, что свидание у Полетики было неким «кульминационным моментом». Это как раз и заслуживает быть отмеченным теми, кто считает показания Вяземской и Александрины предельно точными и достоверными. Обе женщины упоминают об этом эпизоде в ряду других, вовсе не выделяя его как переломный момент, после которого последовала как бы цепная реакция.

Характерно, что Вяземская не указала прямо, когда произошел инцидент у Полетики. «Лишь по некоторым косвенным данным, можно предположить, что дело происходило 4 ноября», — пишет С. Л. Абрамович.²⁷

Однако в рассказе Вяземской об инциденте речь идет в чреде событий декабря 1836—января 1837 г. и никаких «кос-

²⁵ Московский пушкинист. М., 1927. С. 68—72; Последние новости. 1930, 15 мая; Там же. 1937. 10 февр.

²⁶ Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году. С. 60.

²⁷ Там же. С. 60—61.

венных данных», позволяющих предположить, что дело происходило до 4 ноября, в действительности нет.

По словам С. Л. Абрамович, в письме Фризенгоф такие указания есть, но только биографы Пушкина до сих пор не обратили на них внимания. Какие же это «указания»?

Основной аргумент Абрамович заключается в том, что в своем письме Фризенгоф «ведет свой рассказ, насколько это возможно, в хронологической последовательности».²⁸

Вначале он рассказывает об ухаживаниях Дантеса за Пушкиной, вызвавших анонимные письма, доводит свой рассказ до ноябрьской дуэльной истории. Далее следует некоторое хронологическое отступление: «Жена моя сообщает мне, что она совершенно уверена в том, что все это время Геккерн (т. е. Дантес. — М. С.) видел вашу мать исключительно в свете и что между ними не было ни встреч, ни переписки. Но в отношении обоих этих обстоятельств было все же по одному исключению». Далее следует рассказ о письме старого Геккерена с предложением Наталье Николаевне развестись с Пушкиным и о свидании на квартире Поветики. Затем Фризенгоф возвращается к свадьбе Дантеса: «Итак, замужество было решено».²⁹

С. Л. Абрамович расценила это «отступление» Фризенгофа как носящее характер итогового примечания к предыдущему разделу, в котором речь шла о том, что происходило до 4 ноября. С. Л. Абрамович настаивала на том, что Фризенгоф ведет свой рассказ, «строго соблюдая хронологический порядок».³⁰

К сожалению, это заявление исследовательницы не выдерживает критики. Если С. Л. Абрамович поместила бы в приложениях к своей книге полный текст письма Фризенгофа к Араповой, читателю была бы очевидна несостоятельность рассуждений исследовательницы. К сожалению, полный текст письма, опубликованный Л. П. Гроссманом почти семьдесят лет назад, в момент выхода книги С. Л. Абрамович был известен только специалистам. Правда, впоследствии появилась современная публикация в сборнике «Пушкин в последний год жизни».³¹ Но здесь письмо было разделено на отрывки, которые оказались напечатанными в разных разделах книги, так что составить целостное впечатление об этом документе было невозможно.

Если бы читатель книги С. Л. Абрамович имел перед глазами полный текст письма Фризенгофа, то первое, что ему

²⁸ Там же. С. 62.

²⁹ Гроссман Л. П. Цех пера. С. 267.

³⁰ Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году. С. 63.

³¹ Последний год жизни Пушкина. М., 1990. С. 329—330, 351—352, 423—426.

пришло бы в голову, был бы вопрос: «А можно ли вообще доверять этому письму, путающему хронологию событий и стремящемуся увести читателя как можно дальше от истины?»³²

Оставим в стороне вопрос о том, что в равной степени «отступление» Фризенгофа может относиться и к событиям до свадьбы Дантеса и до январской дуэли, т. е. охватывать весь период дуэльной истории. Отметим сразу же, что оно недостоверно, так как письмо с предложением развода, которое старый Геккерен якобы написал Наталье Николаевне, не было единственным среди эпистол, полученных Пушкиной от семейства Геккеренов. Дантес признал на следствии, что писал Наталье Николаевне записки, которые могли вызвать раздражение Пушкина как мужа.³³ Кроме того, в одном из писем Дантеса к Геккерну говорится о том, что Пушкина призналась в письмах своему мужу. «Какова была ее цель?» — недоумевал Дантес.³⁴

Все это свидетельствует о том, что, прежде чем рассуждать о хронологии, С. Л. Абрамович была обязана проанализировать письмо Фризенгофа в целом на предмет его достоверности. Но в том-то и дело, что такая работа привела бы читателя к убеждению, что Фризенгофу, который, по словам С. Л. Абрамович, считал «долгом сказать правду»,³⁵ нельзя верить ни в чем.

Что же касается «хронологии», то как раз вопиющие хронологические смещения, С. Л. Абрамович, конечно же не замеченные, заставляют относиться к такому документу, мягко говоря, с недоверием. А уж о том, чтобы, основываясь на нем, пересматривать хронологию дуэльных событий, говорить не приходится вовсе. Вот несколько образчиков «точности» хронологии Фризенгофа.

Ухаживания Дантеса за Натальей Николаевной вызвали толки в обществе. Князь Гагарин написал Пушкину письмо в таком духе. Тогда Дантес принялся усиленно ухаживать за Екатериной Гончаровой³⁶ и так далее. Разве необходим здесь дотошный комментарий? Характерно, что Фризенгоф даже не упоминает об анонимном пасквиле и о ноябрьском вызове Пуш-

³² На это обратили внимание С. Ласкин и Э. Герштейн (*Ласкин С. Вокруг дуэли*. СПб., 1993. С. 37; *Герштейн Э. 1*) К истории смертельной дуэли Пушкина: (Критические заметки) // *Лица. Биографический альманах*. М.; СПб., 1995. С. 151—152; 2) Как это случилось // *Вопросы литературы*. 2000. Март—апрель. С. 176—180.

³³ Дуэль Пушкина с Дантесом. С. 61.

³⁴ Письма Жоржа Дантеса барону Геккерну: 1835—1836 гг. // *Звезда*. 1995. № 9. С. 192.

³⁵ *Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году*. С. 62.

³⁶ *Гроссман Л. П. Цех пера*. С. 266.

киным Дантеса на дуэль. Думается, строить новую концепцию, основываясь на точных хронологических указаниях Фризенгофа, ученый может только с предвзятой целью. К сожалению, именно это и попыталась сделать С. Л. Абрамович.

«Как видим, — пишет исследовательница, — анализ этого документа позволяет нам достаточно точно определить место интересующего нас эпизода в цепи событий. Судя по хронологии изложения, свидание, спровоцированное Италией Полетикой, состоялось до того, как разыгралась ноябрьская дуэльная история...».³⁷

По словам С. Л. Абрамович «это подтверждается и другими соображениями». К сожалению, именно «соображениями», а не доказательствами. «Соображения» же таковы: Дантес мог умолять Пушкину «выйти за него» только тогда, когда он не был помолвлен с Е. Гончаровой, т. е. еще до ноябрьской дуэльной истории.

Думается, прежде чем таким образом «доказывать» хронологию, надо было бы вначале задаться вопросом, мог ли Дантес всерьез обращаться с такими предложениями. А если обращался не всерьез, то тогда причем же здесь его помолвка или даже свадьба? Впрочем, сама же С. Л. Абрамович признала, что, когда Фризенгоф пишет о предложении руки и сердца, он лишь остается в рамках хорошего тона, прибегает к эвфемизмам,³⁸ но имеет в виду то же самое, о чем без обиняков рассказывала Вяземская: Дантес хотел, чтобы Пушкина «отдала ему себя». «Но это еще не все. В письме педантичного барона есть указания и для более точной датировки», — пишет исследовательница. По ее словам, Александрина выделила два инцидента, следовавших один за другим. Сначала Геккерен на каком-то вечере затеял с Натальей Николаевной оскорбительный разговор. Вскоре после того Дантес при помощи Полетики добился встречи с Пушкиной.³⁹

С этим согласиться никак нельзя. Фризенгоф ни словом не обмолвился о разговоре Геккерена с Пушкиной на каком-то вечере. Он совершенно определенно говорил о письме дипломата. Если же это был разговор, а не письмо, то почему же

³⁷ Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году. С. 63. «Анализ этого документа, — писала Л. Я. Левкович о трактовке С. Л. Абрамович письма Фризенгофа, — позволил достаточно точно разместить во времени отдельные эпизоды дуэльных событий». По ее словам, С. Л. Абрамович «распутала еще один узел дуэльной истории» (Левкович Л. Я. П. Е. Щеголев и его книга «Дуэль и смерть Пушкина» // Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. С. 14, 16).

³⁸ Там же. С. 63.

³⁹ Там же. С. 63—64.

С. Л. Абрамович не сообщила об этом раньше на страницах своей книги? А потому, что тогда сразу же встал бы вопрос о точности и достоверности письма Фризенгофа и доказательство посредством строгой хронологии не сработало бы.

Действительно, Пушкин в своем знаменитом письме к Геккерену от 26 января 1837 г. упоминает о разговоре.⁴⁰ Но Фризенгоф говорит о письме, а не о разговоре. Чтобы устранить это «маленькое» противоречие, С. Л. Абрамович просто заменила письмо Геккерена Пушкиной разговором с ней. Нетрудно заметить, что с помощью таких подмен очень легко разрешить самую сложную проблему.

Заменив письмо разговором, С. Л. Абрамович уверенно продвинулась к своей цели. Из письма Пушкина явствует, что Геккерен разговаривал с женой поэта во время болезни Дантеса. Дантес же был болен с 19 по 27 октября 1836 г.

Отсюда «обоснованный» вывод: «Итак, инцидент на квартире Полетики имел место... но не в январе, а накануне 4 ноября». «Уточнение» же этой даты «бросает новый свет на многие факты преддуэльной истории, остававшиеся до сих пор не вполне ясными».⁴¹

Определив «истинную последовательность событий», исследовательница предложила новое толкование «недомолвок» в пушкинских письмах Геккерену и в письме Александра Карамзина от 13 марта 1837 г. По ее словам, последнее содержит «ценнейшие по своей точности сведения».⁴² Среди них подробности относительно интересующего нас эпизода, т. е. о свидании у Полетики. А. Н. Карамзин писал: «Дантес в то время был болен грудью... Геккерн сказал г-же Пушкиной, что он умирает из-за нее, заклинал спасти его сына, потом стал грозить мстью; два дня спустя появились анонимные письма... за этим последовала исповедь госпожи Пушкиной своему мужу, вызов».⁴³

По мнению С. Л. Абрамович, Карамзин в этом письме сообщил, что в какой-то момент произошел перелом во взаимоотношениях Натальи Николаевны и Дантеса. Карамзин, дескать, даже назвал точную дату этого перелома, не заметив этого. «В самом деле, — пишет исследовательница, — вчитаемся внимательно в этот текст „...два дня спустя“. Но после чего?».

Для непредвзятого читателя, человека здравомыслящего ответ совершенно ясен: «Два дня спустя после того, как состоялся разговор Геккерена и Пушкиной, во время которого дипломат

⁴⁰ Пушкин А. С. Письма последних лет. 1834—1837. М., 1969. С. 183.

⁴¹ Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году. С. 64.

⁴² Там же.

⁴³ Пушкин в письмах Карамзинных. М.; Л., 1960. С. 190.

сообщил жене поэта, что Дантес умирает из-за нее». Поскольку же анонимные письма появились 4 ноября 1836 г., разговор этот, согласно Карамзину, состоялся 2 ноября.

Однако при внимательном рассмотрении нетрудно убедиться, что никоим образом нельзя считать эту дату верной. Дело в том, что разговор Геккерена с Пушкиной происходил, когда Дантес «был болен грудью», т. е. в период с 19 по 27 октября. Поэтому, если даже разговор имел место в последний день болезни Дантеса 27 октября, анонимные письма должны были бы появиться 29 октября: «через два дня» после разговора. Но в действительности они появились лишь неделю спустя, 4 ноября. Очевидно, Карамзин не располагал достоверными сведениями. Это и немудрено, ведь всю «правду» о дуэльной истории он узнал лишь после смерти Пушкина, т. е. три месяца спустя. Когда же разворачивалась ноябрьская дуэльная история, Карамзин плохо понимал, что происходило у него перед глазами, в чем откровенно признался в этом письме. Дантес, руководимый Геккереном, вел себя очень тактично, стремился привлечь на свою сторону друзей Пушкина. Он буквально «заворожил» семейство Карамзиных: заявлял о своей дружбе, прикидывался откровенным, делал ложные признания, «разыгрывал честью, благородством души». Карамзины поверили его преданности Н. Н. Пушкиной и любви к Е. Гончаровой. «У меня, — признавался автор письма, — как будто голова закружилась». Дантес обманул его «красивыми словами», «заставил... видеть самоотвержение, высокие чувства там, где была лишь гнусная интрига». Сам А. Н. Карамзин «не хотел верить в это, но, наконец, сдался перед явными доказательствами, которые получил позднее».⁴⁴ От кого именно получил, неизвестно. Скорее всего, от Вяземских. Таким образом, перед нами чужая интерпретация, записанная А. Н. Карамзиным спустя три месяца после описываемых событий. Поэтому его письмо для точной датировки событий дуэльной истории никуда не годится. Следовательно, нельзя признать верной даже дату разговора Геккерена с Пушкиной 2 ноября 1836 г.

Разумеется, письмо А. Н. Карамзина, содержащее «ценнейшие по своей точности сведения», в той же степени, как и воспоминания Александрины, записанные Фризенгофом, следовало бы подвергнуть тщательнейшему анализу на предмет их достоверности. Но неподвзятая трактовка явно не устраивала С. Л. Абрамович. Не устраивала потому, что при такой интерпретации никак не удалось бы связать анонимные письма и

⁴⁴ Там же. С. 191.

свидание у Полетики. Тогда С. Л. Абрамович прибегла к следующей аргументации.

«А. Карамзин, несомненно, знал о каком-то событии, имевшем место 2 ноября, но не счел себя вправе упомянуть о нем в письме. Видимо, 2 ноября случилось что-то из ряда вон выходящее», — утверждает исследовательница.⁴⁵

Откуда же это явствует? Оказывается, Пушкин в своем ноябрьском письме к Геккерену назвал эту дату с особым подтекстом. Это действительно так. Но только события 2 ноября 1836 г. никакого отношения к свиданию на квартире Полетики не имели.

В сохранившихся фрагментах пушкинского письма интересующий нас эпизод в переводе на русский язык выглядит так: «2 ноября у вас был <от> с вашим сыном <новость> <...> доставил <а> большое удовольствие. Он сказал вам <после одного> разговора <...> ешен, что моя жена опасается анонимное письмо <...> что она от этого теряет голову <...> нанести решительный удар <...> составлено вами и <...> <экзем>пляра <анонимного> <письма> <...> были разосланы <...> было сфабриковано с <...>».⁴⁶

Нельзя не согласиться с С. Л. Абрамович, когда она утверждает, что смысл этого фрагмента заключается в следующем. Пушкин заявляет, что анонимные письма — дело рук Геккеренов. Замысел решительного удара у них возник 2 ноября, после того как Дантес сообщил Геккерену какое-то известие. Дело касалось Натальи Николаевны. Поэтому Пушкин упорно не хотел говорить о том, что случилось в тот день, не желал упоминать имя своей жены и вычеркнул из черновика все упоминация о ней.

До недавнего времени оставалось совершенно непонятным, что же собственно произошло 2 ноября, о чем Дантес рассказал Геккерену.

И тут С. Л. Абрамович совершила решительный исследовательский шаг, позволяющий приоткрыть «тайну 2 ноября». Ведь 2 ноября подразумевает и А. Н. Карамзин в своем письме. Это переломный момент в отношениях Пушкиной и Дантеса. Раньше ее умоляли, теперь ей стали угрожать. Пушкина оказалась в ужасном положении, она опасалась гнева мужа, теряла голову.

«Естественно предположить, — писала С. Л. Абрамович, — что роли переменялись после свидания у Полетики». «По всей вероятности, оно и состоялось в этот же день — 2 ноября». Наталья Николаевна оказалась в зависимости от

⁴⁵ Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году. С. 64—65.

⁴⁶ Пушкин А. С. Письма последних лет. С. 200, 202.

Геккеренов, ей стали угрожать оглаской происшедшего, тем, что она все равно будет обесчещена в глазах мужа и общества.⁴⁷

Несколькими строками ниже «предположение» С. Л. Абрамович уже фигурирует как вполне доказанное положение. «Теперь, когда мы знаем, что предшествовало появлению анонимных писем, становится очевидным, что жена поэта оказалась жертвой низкой интриги. Оскорбительные предложения посланника, «подстроенное при содействии Полетики свидание, следовавшие затем анонимные письма — все это, по-видимому, звенья одной цепи. Соучастницей этих козней и была Идалия Полетика».⁴⁸

Становится совершенно очевидной технология этого «открытия». Вначале туманные воспоминания Александрины, имевшие целью запутать дуэльную историю, объявляются достовернейшими. Потом путем заявления об их исключительной хронологической точности свидание у Полетики датируется концом октября—началом ноября 1836 г. Затем письмо Геккерена становится вовсе не письмом, а разговором с Пушкиной. Ясная фраза Карамзина о том, что два дня спустя после этого разговора появились анонимные письма, перетолковывается так, что анонимные письма появились после какого-то события, о котором Карамзин, несомненно, знал, но почему-то не упомянул. На место этого события ставится пресловутое свидание у Полетики. На основании же того, что сам Пушкин считал, что пасквиль появился после 2 ноября, объявляется: анонимные письма и появились после свидания у Полетики. И вот новая версия дуэльной истории готова!

Однако трудно не заметить, что в этом построении концы с концами все-таки не сходятся. Если 2 ноября состоялся разговор Геккерена с Натальей Николаевной, то ведь в этот день, по словам Карамзина, Дантес был болен грудью, как же он мог после этого подстроить свидание с Натальей Николаевной и в тот же день рассказать об этом Геккерену? Когда же все это могло произойти? Но главное, наверное, заключается в том, что 2 ноября

⁴⁷ Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году. С. 66.

⁴⁸ Там же. С. 66. Во вступительной статье к переизданию книги П. Е. Щеголева Л. Я. Левкович писала о том, что «С. Л. Абрамович выдвинула гипотезу» о передатировке свидания Пушкиной и Дантеса. Но уже в комментариях к ней гипотеза превратилась в доказанное положение. «С. Л. Абрамович убедительно датирует эту встречу 2 ноября», — отметила исследовательница и несколько ниже уже категорически заявила: «В настоящее время можно считать доказанным, что свидание Дантеса и Натальи Николаевны Пушкиной состоялось 2 ноября» (Левкович Л. Я. П. Е. Щеголев и его книга... С. 16, 501, 569). Эту точку зрения разделяют С. Витале и В. Старк (Черная речка: До и после. СПб., 2000. С. 163).

Дантес рассказал Геккерену об эпизоде, который произошел с Пушкиным в дворянском собрании на праздновании 50-летия научной деятельности профессора П. А. Загорского. Никакого отношения этот эпизод к свиданию у Полетики не имел.⁴⁹

Если А. П. Арапова сочинила историю про добровольное свидание, чтобы защитить честь матери, то С. Л. Абрамович защищала репутацию Пушкина. Но все дело в том, что ни Наталья Николаевна, ни сам Пушкин в «защитниках» такого рода вовсе не нуждаются.

В 1956 г. в январском номере «Нового мира» И. Л. Андроников вместе с Н. С. Баташевым опубликовал обширную статью «Тагильская находка». Незадолго перед тем в Тагильске был обнаружен альбом, в котором находилась переписка семьи историкографа Карамзина в последний год жизни Пушкина. Н. С. Баташев обнародовал обширные цитаты из вновь найденных текстов, И. Л. Андроников же сопроводил отрывки из писем пространными комментариями и с их помощью попытался прояснить темные обстоятельства дуэльной истории.

Среди открытых в Сибири текстов, пожалуй, наибольшее значение имело письмо Александра Карамзина брату Андрею от 13 марта 1837 г. Этот карамзинский текст представил возможность связать появление анонимного пасквиля и угрозы Геккерена Наталье Николаевне. Сам Карамзин этого не утверждал, более того, такое предположение с точки здравого смысла ему казалось нелепым. Но за Карамзина это сделал И. Л. Андроников, предложив новое толкование пасквиля как акта мести обоим Геккеренов Наталье Николаевне за то, что она отвергла Дантеса.⁵⁰

Одной из первых построениями И. Л. Андроникова воспользовалась С. Л. Абрамович. Не упоминая о том, что именно он выстроил схему, которую она положила в основу своей работы, С. Л. Абрамович задалась целью во что бы то ни стало отыскать, как именно Пушкина «отвергла» Дантеса. И нашла. В схему созданную И. Л. Андрониковым, С. Л. Абрамович добавила еще одно важнейшее звено: после неудачи Геккерена уговорить Пушкину, Дантес подстроил ей ловушку у Полетики, но, потерпев фиаско, отомстил ей, подбросив пасквиль. Таким образом, под пером С. Л. Абрамович пасквиль был актом мести Наталье Николаевне, но не за то, что в октябре она устояла перед навязчивыми ухаживаниями Дантеса, как полагал И. Л. Андроников, а за неудачу авантюры в казармах Кавалергардского полка, когда Пушкина «отвергла» «сына» Геккерена.

⁴⁹ Сафонов М. «Пролетая над гнездом кукушки...» // Смена. 1997. 12 февр.

⁵⁰ Новый мир. 1956. № 1. С. 177, 201.

Итальянская исследовательница С. Витале посвятила событию 2 ноября целую главу «Вычеркнутые строчки», но так и не сумела разгадать иероглиф. Она полагала, что три вычеркнутые Пушкиным строки заключали в себе обвинение Геккерена в составлении пасквиля. Но в действительности анонимное письмо составил какой-то светский шалопаи. Поскольку Пушкин не имел никаких доказательств того, что Геккерен был автором пасквиля, поэт вычеркнул строки, обвиняющие дипломата. Однако что же все-таки произошло 2 ноября, о чем Дантес в этот же день рассказал Геккерену, осталось С. Витале неизвестным.⁵¹ Что же касается свидания у Полетики, «которое, возможно, стало критическим в событиях», то, по мнению итальянской исследовательницы, оно имело место до 4 ноября. Аргументы С. Л. Абрамович С. Витале показались «убедительными», но она не была «вполне уверена», что «приглашение на встречу последовало 2 ноября», в тот день, который называет Пушкин в своем ноябрьском письме.⁵²

С. Витале ввела в научный оборот один очень важный документ: письмо Дантеса к Геккерену, предположительно датированное 17 октября 1836 г. В этом письме кавалергард просит «отца» заговорить с Натальей Николаевной и описать ей, как его «сын» буквально умирает от любви к ней. Более того, в письме была такая фраза: «Если бы ты сумел вдобавок припугнуть ее и внушить ей, что...». Остаток фразы густо зачеркнут.⁵³

Нет никакого сомнения в том, что такой разговор (или несколько разговоров) действительно имел место. Об этом есть упоминание в письме Пушкина Геккерену от 26 января 1837 г.⁵⁴ Но был не только разговор, но были и угрозы, о которых Пушкин не сказал ни слова, но зато А. Карамзин упомянул о них. Очевидно, Геккерен исполнил просьбу своего «нареченного сына» и сделал все так, как он просил, т. е. попытался и припугнуть Пушкину, правда, чем именно припугнуть, осталось неизвестным. Однако эти угрозы никак не были связаны с происхождением анонимных писем.

События, предшествовавшие появлению пасквиля, представлялись С. Витале так. Вначале Дантес написал Наталье Николаевне письмо с предложением брачного союза или побега, затем состоялась встреча у Полетики, во время которой Дантес устно повторил то, что было изложено в письме. 16 октября Дантес просил Геккерена переговорить с Пушкиной. К этому

⁵¹ Витале С. Пуговица Пушкина. Калининград, 2001. С. 223—263.

⁵² Там же. С. 235.

⁵³ Там же. С. 237—240.

⁵⁴ Пушкин А. С. Письма последних лет. С. 183, 184.

времени между Натальей Николаевной и Дантесом произошло «что-то драматическое и бесповоротное». Может быть, это был отказ, о котором упомянул А. В. Трубецкой в разговоре с матерью М. И. Барятинской. Наталья Николаевна отказала Дантесу во второй раз, то ли из ревности к своей сестре Е. Н. Гончаровой, то ли от того, что кавалергард собирался посвататься к княжне Барятинской. С. Витале толком не знала, когда именно произошло свидание у Полетики. Возможно, оно имело место ранее 19 октября, когда П. П. Ланской, стоявший, согласно воспоминаниям А. П. Араповой, «на часах» возле кавалергардских казарм, еще не успел покинуть столицы. Был ли отказ связан со свиданием у Полетики или имел место до тайного randevу, исследовательница не уточнила.⁵⁵

Расставить все эти события в хронологической последовательности и определить каждому свое место попытался Р. Г. Скрынников, специалист по истории средневековой истории России XVI—XVII вв. Он значительно углубил «замечательное открытие последних лет». К двухсотлетней годовщине со дня рождения поэта он выпустил сочинение о гибели Пушкина. Оно представляет собой смесь источниковедческой терминологии, создающей иллюзию серьезного объективного исследования, и авторских фантазий, взятых из области исторической романистики. При этом Р. Г. Скрынников продемонстрировал неосведомленность в российских реалиях XIX в. Н. Н. Пушкину, вдову с четырьмя детьми, он называл фрейлиной. О Дантесе автор писал, что у поручика был роман с сиятельной особой, имевшей двух (даже не одну, а целых двух!) статс-дам. Самого Пушкина Р. Г. Скрынников произвел в действительные члены Императорской Академии наук.⁵⁶ Профессор пытался убедить читателя в том, что в известном письме, отправленном Геккерену 26 января 1837 г., Пушкин бранился матом, но потом, чтобы скрыть это, переделал текст письма для публики, удалив из него матерные выражения.⁵⁷ С. Г. Скрынников интерпретирует франкоязычные тексты без достаточно-го знания французского языка. Интерпретация тайной встречи Натали и Дантеса в казармах Кавалергардского полка стала вершиной «научного анализа» Р. Г. Скрынникова. Именно в изображении секретного randevу на страницах книги как в фокусе отразились особенности творческого «метода» ученого.

Р. Г. Скрынников сопоставил версии Вяземской и Фризенгоф. Как помним, С. Л. Абрамович утверждала, что обе жен-

⁵⁵ Витале С. Пуговица Пушкина. С. 241, 242.

⁵⁶ Скрынников Р. Г. Дуэль Пушкина. СПб., 1999. С. 149, 224, 314.

⁵⁷ Сафонов М. Ругался ли Пушкин матом? // Смена. 2001. 21 апр.

щины рассказали одно и то же. Р. Г. Скрынников справедливо отметил, что в их показаниях есть «вопиющие противоречия» и «согласовать между собой эти версии невозможно», поэтому необходимо оценить их «критически». По словам ученого, согласно одним показаниям, Пушкина попала в ловушку, согласно другим — «она сама дала согласие на randevu». Р. Г. Скрынников утверждал, что в первой версии Дантес пытался овладеть Пушкиной, во второй — просил ее выйти за него замуж.⁵⁸ Это утверждение является подтасовкой фактов. Трудно допустить, что профессор не заметил одной важной детали. Рассказ Александрины о том, что Дантес просил руки Пушкиной, равно как и рассказ Вяземской, как поручик пытался овладеть Натальей Николаевной, воспроизводит одну и ту же первую версию, по которой Пушкина попала в западню у Полетики. Версия вторая, изложенная Араповой, по которой Пушкина не в ловушку попала, а явилась на свидание добровольно, вовсе не говорит о том, что Дантес пытался посвататься к Натали. Ведь, по словам Араповой, поручик просил разрешения переговорить о вопросах, важных для обоих, но эта просьба оказалась уловкой влюбленного человека. Хотелось бы верить, что Р. Г. Скрынников просто заблуждался. Но, к сожалению, приходится констатировать, что это не так. Весь последующий ход его рассуждений убеждает в том, что Р. Г. Скрынников «перестроил» версию, для того чтобы дать новое толкование происхождения дуэльной истории. Именно для этого, вопреки собственным декларациям о необходимости оценивать источники критически, он совершенно произвольно соединил воедино версию Араповой о добровольном согласии Натали на свидание и версию Александрины, согласно которой во время randevu Дантес добивался руки Пушкиной. Таким образом, рассказ Араповой, выдуманный от первого слова до последнего, оказался слитым с нелепостями Фризенгофа. Каким же образом Р. Г. Скрынникову удалось придать вид правдоподобия своим построениям?

По словам исследователя, Вяземская и Александрина получили сведения о том, как Пушкина попала в западню, от самой Натали Николаевны, «которая старалась оправдать свое легкомыслие». Поэтому ее версия «не столь достоверна, как признание Н. Н. Ланской Констанции». По мнению Р. Г. Скрынникова, «в словах дочери слышится живая речь матери».⁵⁹

Хотя исследователи обнаружили в записках Араповой «невязки», это нисколько не смутило Р. Г. Скрынникова. По его

⁵⁸ Скрынников Р. Г. Дуэль Пушкина. С. 159.

⁵⁹ Там же.

утверждению, «все противоречия в рассказе Араповой носят мнимый характер». Чтобы их устранить, достаточно датировать тайное свидание более ранним временем. Ученый основывается на том, что П. П. Ланской во время свидания в казармах стоял «на стрёме». Поскольку будущий муж Натальи Николаевны в то время в Петербурге отсутствовал, Р. Г. Скрынников умозаключил: «Его причастность к делу подтверждает, что randevу состоялось ранее 19 октября 1836 г.».⁶⁰

Подобно С. Витале историк «передвинул» свидание Дантеса и Пушкиной на осень, но в отличие от своей предшественницы он «опустил» тайное randevу у Полетики еще «ниже». Для такой передатировки Р. Г. Скрынников нашел новые дополнительные аргументы. Он справедливо отметил, что и Вяземская, и Фризенгоф записали свои воспоминания в старости. Они многое перезабыли, их изложение нельзя считать ни стройным, ни последовательным. Поэтому «поздние источники должны уступить место более ранним документам, тем более что они исходят от участников событий и составлены в момент события».⁶¹ На первое место среди таких источников Р. Г. Скрынников поставил письмо Дантеса к Геккерену от 17 октября 1836 г.

В этом письме «сын» рассказывает своему приемному «отцу» о том, как накануне провел вечер у Вяземских в обществе Пушкиной. Дантес притворялся веселым, шутил, но после вечера расплакался, его охватила слабость, он испытывал «безумное нравственное страдание». В связи с этим поручик умолял Геккерена переговорить с Натальей Николаевной и попросить принять у себя его приемного «сына».⁶²

Р. Г. Скрынников задался вопросом, почему Дантес оказался в таком положении. Ученый попытался объяснить это с помощью дневника М. И. Барятинской. Мария Барятинская была дочерью близкой подруги императрицы Александры Федоровны и слыла богатой невестой. 22—23 октября 1836 г. Барятинская оставила в дневнике любопытную запись о том, что Дантес вроде бы собирается посвататься к ней. Мать девушки решила собрать о нем более точные сведения, и от А. В. Трубецкого она узнала, что Дантеса «отвергла госпожа Пушкина». «Может быть, поэтому он и хочет жениться. С досады», — объяснила себе ситуацию юная Барятинская.⁶³

Р. Г. Скрынников пришел к заключению, что дневник Барятинской объясняет причину рыданий Дантеса после вечера у Вя-

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же. С. 157.

⁶² Черная речка : До и после. С. 156.

⁶³ Новый мир. 1956. № 1. С. 155.

земских. Незадолго перед тем поручик имел объяснение с дамой сердца, и она отвергла его. Речь шла «о серьезном объяснении, происходившем с глазу на глаз и приведшем к разрыву». На этом основании исследователь усмотрел в дневнике М. И. Бярятинской и в письме Дантеса к Геккерену с просьбой переговорить с Пушкиной «самый ранний и достоверный след свидания Дантеса и Натали».⁶⁴ Однако никакого «следа» тайного свидания у Полетики в указанных документах нет, ни «самого раннего», ни «достоверного». То же, что Пушкина отвергла Дантеса, — единовременный акт, который может быть датирован днем и часом, — всего лишь следствие интерпретации текста дневника переводчиком. Дневник написан на французском языке. Когда И. Л. Андроников ввел в научный оборот фрагменты этого дневника, то он воспользовался переводом, подготовленным М. Г. Ашуковой-Зингер. Бярятинская написала, что Пушкина «geroussa» Дантеса. Переводчица употребила глагол «отвергла». Однако это далеко не единственное значение глагола «gerousser». Глагол «gerousser» имеет несколько значений и «отвергать» — далеко не самое распространенное. Если бы Пушкина действительно отвергла Дантеса, следовало бы написать: «rejeta», «refusa». (Отметим, что в письме Дантеса к Геккерену от 14 февраля 1836 г., в котором он рассказывает «отцу», как Н. Н. Пушкина отвергла его настойчивые просьбы нарушить свой супружеский долг, кавалергард употребил глагол «refuser»). Глагол же «gerousser» употребляется в значении «выдерживать штурм», «отразить атаку», «успешно сопротивляться». Так что запись Бярятинской может быть интерпретирована следующим образом: Пушкина устояла, не поддавшись настойчивым домогательствам Дантеса. Однако это нечто иное, нежели «отвергла». То, что ее домогался Дантес и что он не имел успеха в этом, мы знали и раньше. На основании же записи Бярятинской никак нельзя говорить, что в отношениях кавалергарда и жены поэта произошел некий разрыв, ставший определенным переломным пунктом, т. е. Пушкина в какой-то драматический момент отвергла Дантеса. Во всяком случае, это «geroussa» не может быть датировано определенным днем и часом.

Если даже допустить, что Бярятинская, подобно например Э. М. Хитрово, нетвердо владела французским языком, то и тогда «gerousser» в значении «отвергать» вовсе не предполагает непременно тайного свидания с глазу на глаз. Из письма Дантеса к Геккерену от 14 февраля 1836 г. мы знаем, как уже тогда Пушкина тактично отвергла его. И это было на каком-то вечере.

⁶⁴ Скрынников Р. Г. Дуэль Пушкина. С. 158.

О том же, как Пушкина вновь отвергла его, писал Дантес и в письме от 6 марта.⁶⁵ Так что к октябрю 1836 г. Пушкина «героусса» Дантеса в течение полугода, но никаких тайных встреч для этого не требовалось. Скорее всего, Наталья Николаевна осталась так же глуха к настоятельным заклинаниям «отца», с которыми дипломат обращался к ней в период с 17 по 22 октября, как она была непоколеблена признаниями самого Дантеса, выдержав кавалергардскую атаку «сына» зимой этого года.

Что же касается октябрьского письма Дантеса, то и в нем ни слова нет о тайном свидании, во время которого его отвергли. В этом письме Дантес просит Геккерена переговорить с Пушкиной о том, чтобы она его «приняла». И это, скорее, свидетельствует о том, что свидание еще не имело места. Если бы тайное рандеву уже состоялось и Дантес потерпел на нем полное фиаско, разве можно было бы снова просить о встрече, которая только что развеяла все его надежды. Не логичнее было бы предположить, что вначале Геккерен стал просить Наталью Николаевну тайно встретиться с Дантесом, но Пушкина отвергла это предложение, и тогда Трубецкой имел бы все основания сказать Бяратинской, что домогательства поручика не имели успеха. Другими словами — что Пушкина «героусса» Дантеса. Во всяком случае, никаких свидетельств о том, что тайное свидание имело место, тем более что оно происходило в кавалергардских казармах, в этих документах нет.

Таким образом, Р. Г. Скрынников, подобно П. Е. Щеголеву, воспользовался вымышленными рассказами дочери Н. Н. Пушкиной. Но не просто воспользовался, а добавил к ним собственный вымысел. Если Арапова утверждала, что, идя на тайное свидание, Пушкина хотела спасти Дантеса, а может и Екатерину Гончарову тоже, от самоубийства, то Р. Г. Скрынников заменил эту, мягко говоря, маловероятную деталь другой, вовсе уж нелепой. Оказывается, до Натальи Николаевны дошли слухи о намерении Дантеса жениться на М. И. Бяратинской. Это причинило Пушкиной страдания. «Она пожелала знать, кому принадлежит сердце человека, еще недавно клявшегося ей в вечной любви. Чтобы получить ответ на этот вопрос, она согласилась тайно увидеться с кавалергардом».

Создается впечатление, что перед нами не научное исследование, а исторический роман, ибо здесь авторский вымысел вполне допустим, но даже тут он должен быть по крайней мере правдоподобным. Ведь получить ответ на свой вопрос Пушкина вполне могла бы где-нибудь в ином месте, на балу, скажем, или

⁶⁵ Письма Жоржа Дантеса барону Геккерну. С. 188, 189.

на вечере у Карамзиных, вовсе не рискуя своей репутацией. Вообще же никаких свидетельств о том, что Н. Н. Пушкина знала не только о разговорах относительно сватовства Дантеса, но и об отношениях поручика с Бярятинской, не существует. Так что утверждение о том, что это причинило Наталье Николаевне «страдание», всецело на совести Р. Г. Скрынникова. Далее уже разыгралась его фантазия. Как мы видели, согласно В. Ф. Вяземской, во время свидания Дантес грозил застрелиться, если Пушкина не отдастся ему. Согласно же воспоминаниям Фризенгоф, намеренно все спутавшей в своем рассказе, Дантес бросился на колени перед Натальей Николаевной и заклинал ее о том же, о чем Геккерен писал в своем письме, т. е. оставить мужа и выйти за него замуж. Эту абсурдную версию Александрины Р. Г. Скрынников объявил достоверной и заявил, что «слова Александрины находят подтверждение(!) в самых ранних документах, исходивших от участников события».

Какое же такое подтверждение? Оказывается, запись в дневнике Бярятинской «дает ответ» на вопрос о том, о чем говорили Дантес и Пушкина на квартире у Полетики. «Пушкиной надо было выяснить, справедливы ли слухи о готовящемся сватовстве Дантеса к юной Бярятинской, — пишет ученый. Объяснение Жоржа не удовлетворило женщину. Дантесу надо было доказать, что он имеет виды не на Бярятинскую, а на Пушкину, и он сделал ей предложение. Будучи матерью семейства, имея на руках четырех детей, Наталия, естественно, отвергла фантастическое предложение поручика».⁶⁶

Дантес не имел секретов от Геккерена. Разумеется, «сын» сообщил «отцу» о тайном свидании. Поскольку в свете уже толковали об этой секретной встрече со слов Трубецкого и Бярятинских, необдуманное поведение Жоржа могло разрушить планы Геккерена. А он-то хотел во что бы то ни стало женить Дантеса на Бярятинской. Поэтому «посол категорически потребовал от сына составить письмо с отказом от видов на Пушкину. Если бы поручик не дал опрометчивых обещаний даме сердца, отцу не понадобилось бы опровергать их особой нотой». Неожиданно Дантес отказался повиноваться Геккерену. Начался торг. Он закончился сговором. Суть сговора в том, что поручик потребовал у Геккерена выступить посредником и уговорить Пушкину отдаться ему, а взамен согласился написать письмо с отказом от видов. «Сделанные наблюдения, — пишет Скрынников, — позволяют уточнить датировку событий. В первой половине октября Наталия Николаевна имела рандеву с Жоржем. Геккерен

⁶⁶ Скрынников Р. Г. Дуэль Пушкина. С. 161.

вскоре же узнал об этом и забил тревогу. Он продиктовал сыну письмо к жене Пушкина и в тот же день отнес его Наталье» и т. д.⁶⁷ Можно лишь удивляться тому, как Р. Г. Скрынников может утверждать это. В самом деле, трудно поверить, будто Геккерен потребовал от сына написать письмо, в котором кавалергард отрекался от своего предложения жениться на Пушкиной. Ведь даже если бы Жорж в действительности сделал такое предложение, то ведь Пушкина ему отказала, зачем же было отказываться от предложения, которое и так не было принято? Вот если бы Пушкина согласилась, то тогда еще было бы логично заставить сына дезавуировать свое предложение. Кроме того, каким-то странным образом Р. Г. Скрынников умудрился не заметить, что, согласно версии Фризенгоф, которую он считает достоверной, письмо Дантеса было написано еще до встречи у Полетики, а отнюдь не после нее. Ведь, по словам Александрины, во время свидания Дантес заклинал Натали «о том же, что и его приемный отец в своем письме».

К тому же подлинный текст Геккерена, где идет речь о письме Дантеса с «отказом от видов», написан по-французски. Геккерен писал буквально следующее: «...lettre à elle adressée et par la quelle il declarait renoncer à poursuivre toute prétentions sur elle», т. е.: «...письмо, ей адресованное, в котором он объявил, что отказывается впредь от каких-либо домогательств в отношении ее».⁶⁸ Как видим, «отказ от видов» вовсе не подразумевал отречения от брачных планов.

Таким образом, письмо Геккерена, исследователь заменил письмом Дантеса, вместо предложения жениться поместил отказ от брачных предложений, послание, написанное до встречи, превратил в эпистолу, написанную после randevu. С помощью таких подмен можно доказать все, что угодно.

Не более убедительно выглядит утверждение Р. Г. Скрынникова о том, что Геккерен заставил написать «сына» письмо с «отказом от видов», потому что о тайном свидании со слов Барятинской и Трубецкого якобы уже заговорили в свете. Хорош бы был жених, если бы после таких «опровержений», рассчитанных на то, чтобы нейтрализовать невыгодное впечатление о себе в свете, пытался бы расчистить дорогу к счастливому браку с богатой невестой! Неужели ученый не чувствует, участником какого дешевого водевиля он сделал действующих лиц подлинной трагедии, закончившейся гибелью гения?

⁶⁷ Там же. С. 162.

⁶⁸ Щеголев П. Е. Дуэль Пушкина с Дантесом // Исторический вестник. 1905. Апр. С. 199.

Не станем опровергать идею о «сговоре» Дантеса и Геккерена, так как она построена на ложных посылках. Отметим только одну логическую несообразность этого спекулятивного построения. Если randevу у Полетики, во время которого Пушкина «отвергла» Дантеса, состоялось еще до того, как Жорж стал умолять Геккерена переговорить с Натали о том, чтобы она его «приняла», каким же образом кавалергард стал бы просить о тайной встрече, которая только что имела место и закончилась для него полным фиаско? Не логичней было бы предположить, что вначале Геккерен просил Натали о тайном свидании с Дантесом, но это сомнительное предложение было отвергнуто Пушкиной, и она его в очередной раз «geroussa»? Не заметил Р. Г. Скрынников и того немаловажного обстоятельства, что вначале Натали «отвергла» Дантеса, а потом состоялся разговор о его женитьбе на Барятинской, а не наоборот. Но, раз вступив на этот путь, Р. Г. Скрынников уже не может свернуть с него.

По словам ученого, Геккерен стал угрожать Пушкиной возможностью огласки ее тайного свидания. Тогда Наталье Николаевне пришлось самой все рассказать мужу. Это произошло 2 ноября 1836 г.⁶⁹ Для того чтобы обосновать эту датировку, Р. Г. Скрынников «пустил в ход» (иначе не скажешь) письмо Александра Карамзина. Повторив вслед за предшественниками, что 2 ноября Геккерен шантажировал Наталью Николаевну, Р. Г. Скрынников породил новую фантазию: Пушкина испугалась шантажа и решила сама все рассказать мужу. Это и произошло 2 ноября. Соответственно совершенно по-новому был растолкован пассаж ноябрьского письма Пушкина к Геккерену, где упоминалась эта дата. 2 ноября Геккерен узнал от своего сына новость, которая доставила ему большое удовольствие. Дантес сообщил «отцу» о том, что Пушкина рассказала мужу о тайном свидании. Пушкин был взбешен, его жена опасалась огласки, теряла от этого голову. К сожалению, все это — еще одно «изобретение» Р. Г. Скрынникова.

Как мы уже видели, у Карамзина сказано, что Геккерен стал грозить Пушкиной мстью, «два дня спустя появились анонимные письма... За этим последовала исповедь госпожи Пушкиной своему мужу, вызов. А затем женитьба Геккерена...». Таким образом, объяснение супругов имело место после получения анонимных писем, т. е. после 4 ноября, а отнюдь не до появления пасквиля. Р. Г. Скрынников просто-напросто «до» заменил на «после». В результате такой «редакции» карамзинского текста

⁶⁹ Сафонов М. М. 1) Александр и Александрина : Пушкины // Смена. 1998. 7, 21, 28 авг.; 2) Сага о шейном крестике // Смена. 1999. 14, 21, 28 мая.

получилось, что вслед за шантажом Геккерена последовала исповедь Пушкиной мужу. Т. е. угрозы испугали красавицу, и она сама решила все рассказать мужу, чтобы обезоружить шантажистов.

Читатель должен мысленно представить себе сцену, во время которой Наталья Николаевна рассказывает мужу: до нее дошли слухи о том, что Дантес сватается к Барятинской. Эти слухи причинили ей боль, и она решила узнать, кому принадлежит сердце поручика, и для этого назначила ему тайное свидание у Полетики. Во время встречи Дантес клялся, что его сердце принадлежит не Барятинской, а Наталье Николаевне. Но объяснения поручика не удовлетворили женщину, и тогда он сделал ей предложение, которое Пушкина не приняла, потому что уже была замужем и имела четырех детей. Как должен был Пушкин реагировать на такие признания супруги? По словам Р. Г. Скрынникова, Пушкин вовсе не ревновал жену, но его «привели в бешенство попытки Дантеса смутить жену ложными обещаниями». Он хотел вызвать Дантеса на дуэль, но не мог этого сделать, не имея прямого повода. Пасквиль, подброшенный безвестным негодяем, представил для Пушкина подходящий предлог, и поэт им воспользовался.

Таким образом, в новой трактовке дуэльной истории, сочиненной Р. Г. Скрынниковым, свиданию на квартире Полетики отводилась роль детонатора, а предложениям Дантеса руки и сердца замужней Наталье Николаевне — искры, взорвавшей ситуацию.

Оставим читателю самому определить, кто в большей степени «сочинил» историю свидания у Полетики: А. П. Арапова, С. Л. Абрамович, С. Витале или Р. Г. Скрынников?

Что же тогда остается?

Остается только свидетельство В. Ф. Вяземской. Княгиня вовсе не придавала этому эпизоду никакого сакраментального значения, гипертрофированно раздутому исследователями, не видела в нем некоей кульминации, после которой события приняли необратимый характер и неизбежно привели к дуэли.

Да, действительно, в один из дней декабря или начала января 1837 г. Полетика пригласила к себе Пушкину, а сама уехала. Не ожидавшую подвоха жену поэта там ожидал Дантес, который с пистолетом у виска стал ее домогаться. Но успеха не имел. Пушкина вышла с честью из неприятного положения, а потом рассказала об этом близким. В самом деле, Дантес, преследующий Наталью Николаевну, хотел отомстить Пушкину и за вынужденный брак со свояченицей поэта Екатериной Гончаровой, и за то, что, несмотря на сватовство и женитьбу, Пушкин не принимал его у себя и не желал поддерживать

с ним никаких отношений. Одновременно Дантес возобновил свои ухаживания за другой свояченицей Пушкина, Александриной, чтобы как можно сильнее докучать ему.⁷⁰ Среди всех этих инсинуаций Дантеса подстроенное Полетикой свидание сыграло определенную роль в решении Пушкина написать Геккерену вызывающее письмо, которое повлекло за собой дуэль. Но, очевидно, что роль эта вовсе не была решающей.

М. М. Сафонов

⁷⁰ Письма Жоржа Дантеса барону Геккерену.

НОВОЕ В ГЕНЕАЛОГИИ ПУШКИНА

Как ни странно, все большая популярность Пушкина в России в течение всего XIX в. не повлекла за собою интереса к истории его рода. Генеалогия не была в моде, хотя сам поэт придавал ей большое значение, ибо полагал, что «история рода, то есть история Отечества». В эту большую историю вписывается его генеалогия. Она персонифицирует, оживляет именами и факты, и даты.

Первым, кто занялся генеалогией поэта, был Михаил Валерианович Муравьев (02.02.1867—06.01.1932) из знаменитой семьи декабристов, ученых и воинов. Он подготовил к юбилею Пушкина и юбилейному сборнику первое родословие, еще весьма неполное.¹

В 1907 г. в первом томе произведений Пушкина в серии «Библиотека великих писателей» под редакцией С. А. Венгерова Б. Л. Модзалевский помещает статью «Род Пушкина», в которой совмещает довольно полные сведения как о Пушкиных, так и о Ганнибалах.² В том же году Модзалевский выпускает «Родословную Ганнибалов».³

В 20-е гг., соединив свои усилия, оба ученых — М. Муравьев и Б. Модзалевский — готовят подробную генеалогию поэта. Однако время не подходило для реализации и публикации их обширного материала.

В 1928 г. ушел из жизни Б. Л. Модзалевский, пометив дату завершения своей работы — 27.12.1927 г. В память отца

¹ Пушкинский сборник : (В память столетия дня рождения поэта). СПб., 1899. С. 651—668.

² Пушкин А. С. Соч.: В 6 т. СПб., 1907. Т. 1. С. 1—24.

³ Модзалевский Б. Л. Родословная Ганнибалов. М., 1907.

Лев Борисович Модзалевский выпускает сборник его статей, где перепечатывается публикация 1907 г. «Род Пушкина».⁴

И наконец, тиражом всего в 200 экземпляров, на серой бумаге публикуется совместный труд Муравьева—Модзалевского.⁵ Обоих авторов уже не было в живых, и все комментарии и примечания к изданию отсутствуют. Позже на это будет сетовать автор книги «Предки Пушкина» М. О. Вегнер: «Использование „Родословной росписи“ для научных целей становится невозможным или рискованным».⁶

Анализируя статью Б. Л. Модзалевского 1907 г. «Род Пушкина», обнаруживаем первое печатное упоминание не только Марии Алексеевны Ганнибал, бабушки поэта, но и ее сестер.

Сообщается, что у Алексея Федоровича Пушкина и жены его Сарры Юрьевны, урожд. Ржевской, — «дочери: Надежда, выданная замуж за надворного советника Алексея Михайловича Овцына, Екатерина, умершая девицей, и, наконец, Мария Алексеевна (род. в 1745, ум. в 1818 г.) бабушка поэта».⁷ Эти же сведения перепечатываются в издании 1929 г., затем 1932 г. и во всех источниках до начала XXI в.

Между тем у Марии Алексеевны никогда не было сестры Надежды, но была сестра Анна, жена указанного А. М. Овцына. Сведения об этом обнаруживаются в двух источниках.

Первым следует назвать документ, опубликованный архивистом А. И. Гамаюновым в сборнике РГАДА к 200-летию Пушкина, — это «купчая на имение (...) проданное вдовой надворной советницей Анной Алексеевной Овцыной» от 23 июля 1787 г. В копии этой купчей она именуется Авцыной, «обер-провиантмейстершей». Назван и ее муж, и ее сын недоросль Дмитрий.⁸

Второй источник представляет особую ценность. Это прошение сестры Анны Овцыной Катерины Пушкиной, написанное летом 1802 г., в котором она настаивает на пересмотре дела относительно владений ее двоюродного брата Александра Николаевича Ржевского, умершего в 1785 г. бездетным; земли его вследствие неправого суда отданы Степану Колычеву, правнуку их общего предка Юрия Алексеевича Ржевского. Катерина вычерчивает таблицу, где представляет всех потомков знаменитого

⁴ Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., 1929. С. 17—63.

⁵ Модзалевский Б. Л., Муравьев М. В. Пушкины : Родословная роспись. Л., 1932.

⁶ Вегнер М. О. Предки Пушкина. М., 1937. С. 311.

⁷ Пушкин А. С. Соч. Т. 1. С. 7.

⁸ РГАДА, ф. 1340, оп. 2, № 1875, л. 430—432; Вестник архивиста. М., 1999. С. 165, 167, 168, 177.

вице-губернатора Нижнего Новгорода Юрия Ржевского. Из таблицы удастся узнать то, что казалось навеки утерянным. Запомним сразу, что дело Екатерины Пушкиной начато было еще ее матерью, прабабушкой А. С. Пушкина, Саррой Юрьевной в 1787 г. Чем оно закончилось в XIX в., нам неизвестно. Сам ответчик Степан Алексеевич Колычев умер бездетным в 1805 г. Дело это было бы малозанимательным, тем более что суть его весьма спорна, но сведения, представленные Екатериной Пушкиной, позволяют ныне и дополнить, и выправить генеалогию Ржевских и их потомков за весь XVIII в., а, главное, установить дату смерти прабабушки Пушкина Сарры Юрьевны.

Называя в прошении имена родных, Екатерина указывает оставшихся в живых, ставя под именем ушедших неизменное «умре». И здесь, среди живых, мы встречаем в 1802 г. всех трех дочерей А. Ф. и С. Ю. Пушкиных. Это «Мария Ганнибалова, дочь Саррина; Анна Овцына, дочь Саррина; Екатерина, девица, дочь Саррина». Так подтверждается настоящее имя двоюродной бабушки поэта — Анна.

Примечательно, что Сарра Юрьевна, гордясь своим отцом и родом Рюриковичей Ржевских, называет всех трех своих дочерей именами из предыдущего поколения своего рода. Две старшие — Мария и Анна — повторяют имена сестер ее отца, о которых печется в свое время ее дед окольный Алексей Иванович Ржевский из ссылки — в связи с «делом В. В. Голицына». В письме-завещании сыну, отправленном с казаком в первых числах мая 1690 г., за десять дней до своей смерти во время эпидемии чумы, он просит: «А будет великие государи пожалуют, которые у Троицы взяты мои деньжишки и ружьядишка отдать, и на те бы деньги купить моим дочерям, а своим сестрам Аннушке и Машуньке по вотчине...».⁹

Именно Мария и Анна как бы продолжают память родовых имен из предыдущего века. Что касается третьего имени, видимо, младшей дочери Сарры, то оно дано было в честь ее матери Екатерины. Надо полагать, что отец, Алексей Федорович Пушкин, соглашается на эти родовые имена, памятуя, что принадлежат они потомкам Рюрика.

Имя Надежда, вторгшееся по ошибке в генеалогию дочерей Пушкиных, будет «входить в моду» с конца XVIII в. и его даст своей дочери, вне всякой традиции, уже Мария Алексеевна.

Замечательно, что найденный документ написан самой Екатериной Пушкиной. Он свидетельствует о хорошей грамотности, даже выразительности ее письма. Известно, что она жила

⁹ Известия Томского университета. Томск, 1909. Т. 31. С. 300.

при сестре Марии Алексеевне, т. е. в семействе Сергея Львовича, Надежды Осиповны и их детей. Это фиксируют в декабре 1800 г. «Санкт-Петербургские ведомости»: «Мария Алексеевна Ганнибалова с сестрою Екатериною Алексеевною Пушкиной (...), живущие в Литейной части в доме под № 70». Объявление извещает об их отъезде.¹⁰ А. С. Пушкин называет в («Программе автобиографии») эту внучатную бабушку среди первых, кто окружал его в детстве: «Кат. П. и Ан. Ив.» (XII, 308).

Что касается ответчика, против которого восстали и Сарра, и Екатерина Пушкины, то скончался он в 1805 г., а супруга его — в 1803-м. Они были бездетны, и каково бы ни было решение государя в 1802 г. (если оно последовало), в 1805 г. Пушкины должны были получить половину наследства Александра Ржевского (части Марии и Екатерины), а, кроме того, возможно, и половину того, что принадлежало троюродному брату Надежды Осиповны Пушкиной — самому Степану Алексеичу Колычеву, не имевшему прямых наследников. Вторая половина того и другого наследства, вероятно, отходила Анне Овцыной и Петру Квашнину-Самарину.

Из таблицы родословия Ржевских, составленной Катериной Пушкиной, явствует, что она вовсе опустила имя Михаила, старшего сына своего деда Юрия. Он был холост и умер до 1732 г., так что к разделу наследства никак не мог быть причастен.

Разумеется, сбивая общий порядок появления на свет детей, на первое место выходят по старшинству сыновья, затем дочери — в порядке их рождения, но внутри женской хронологии.

Теперь можно что-то сказать о возрасте тех четырех дочерей, которые уже были известны. Но открывается совершенно забытое и исчезнувшее из родословия пятое имя — бездетной жены кн. Михаила Черкасского Елизаветы Юрьевны, которой принадлежит в последовательности дочерей место 4-е, после Сарры. Анна, чей портрет работы Ф. С. Рокотова (Гос. Третьяковская галерея) считается одной из лучших работ художника, названа ее племянницей Катериной пятой, младшей дочерью Юрия.

Самым непонятным в таблице оказывается место Николая Юрьевича Ржевского. Он — младший из трех сыновей Ю. А. Ржевского, но какое место хронологически занимает он в ряду пяти своих сестер?

¹⁰ Санкт-Петербургские ведомости. 1800. № 101. 18 дек. Цит. по кн.: Ульяновский А. И. Няня Пушкина. Л., 1940. С. 119.

В 1743 г. он «сдан был в матрозы»,¹¹ участвуя в так называемом деле Лопухиных, с которыми в прямой связи оказался через брак с Анной Николаевной Лопухиной. Годом его рождения следует считать 1722 или 1723 г., так как в ревизской сказке от 1721 г.¹² он еще не числится. К сожалению, до 1763 г. женщины в перепись-сказку вовсе не включались, и приходится указывать далее лишь наиболее вероятный возраст сестер Николая. Жена Николая скончалась в 1778 г., когда он еще был жив, однако его не стало между этим 1778 и 1784 г. Его единственный сын Александр имел чин секунд-майора и наследовал после отца как московский дом, тому принадлежавший, так и довольно обширные орловские земли предков Ржевских. По какой-то болезни Александр нуждался в конце жизни в уходе близких. Был женат и умер в 1785 г., в один год с женой. Очень вероятно, что московский дом его, купленный Николаем Юрьевичем после гонений, был местом сбора всех Ржевских, судя по косвенным свидетельствам связанных тесной родственной дружбой. Можно предположить, что именно Сарре Юрьевне пришлось в 80-е гг. ухаживать за племянником Александром: по разделу с сыновьями 22.12.1778 г. самой ей во вдовью часть досталось всего 50 душ крепостных и одна деревенька в Рязанской губернии. Недаром Пушкин писал в «Программе автобиографии»: «Бабушка и ее мать — Их бедность» (XII, 307). Именно Сарра Юрьевна начинает дело против Колычева в целях получения фамильного наследства после смерти племянника.

Новонайденный архивный документ позволяет уточнить, в частности, место Сарры Юрьевны среди других сестер. Удастся, сохранив тот же порядок рождения старших дочерей (Прасковья — около 1703 г., Анастасия — около 1710 г.),¹³ поместить местами трех младших. Несомненно, здесь первой окажется Сарра Пушкина, рожд. около 1720 г., второй — Елизавета, кн. Черкасская, рожд. около 1721 г. Последняя, пятая дочь Ржевского, Анна Квашнина-Самарина появилась на свет не позднее 1724 г.

Приводим полностью документ, письмо-прошение Ек. А. Пушкиной генерал-прокурору А. А. Беклешову.¹⁴

¹¹ Полное собрание законов Российской империи. [СПб.], 1830. Т. 11. С. 884.

¹² Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII—первой половине XIX в., М., 1963. С. 174.

¹³ Телетова Н. К. Забытые родственные связи А.С.Пушкина. Л., 1981. С. 161.

¹⁴ РГИА, ф. 1400, оп. 2, № 184, л. 335—336 об.

[Канцелярская помета:]

По просьбе Катерины Пушкиной о спорном имении с господином Колычевым.

Милостивый государь и отец Александр Андреевич! ¹

Слава о великодушии Вашем и правосудии дает мне повод утруждать ваше высокопревосходительство делом самосправедливейшим, в котором покойная мать моя² чрез хитрые происки и случаи господина Колычева³ претерпела обиду и разорение. Я подношу при сем на благоусмотрение вашему высокопревосходительству копию поколенной росписи с изъяснением в ней всего существа дела, каковое сего же числа при всеподданнейшем прошении посылается от меня к Его Императорскому Величеству.⁴

И прошу ваше высокопревосходительство, как Отца, воспокровительствовать меня с сестрами моими и племянниками, лишенных законно принадлежащего матери нашей, а по ней нам и меня, которым неправильно владеет господин Колычев. Мы возлагаем всю нашу надежду на высокие ваши добродетели, и ежели ваше высокопревосходительство не соблаговолит доставить нам справедливость против сильного нашего соперника, то во всю жизнь нашу оплакивать будем злощастную свою судьбу.

Москва
Июля [...] дня 1802-го года

Милостивый государь и Отец!
вашего высокопревосходительства
всеподданнейшая слуга Катерина
Пушкина
(подпись)

[на полях] присоединить к всеподданнейшим просьбам.

Юрий Алексеевич Ржевский, умре
Жена его Катерина Никифорова дочь, умре

Иван, сын Юрьев,
умре прежде отца своего

Лукерья, жена Иванова,
по второму мужу кн. Барятинская,
умре.

Алексей,
умре

Тимофей,
умре

Катерина, дочь Иванова,
жена Колычева,⁵ умре 768 г.

Степан — неправильно получил имение
после Александра Ржевского

Николай,
сын Юрьев, умре

Анна, жена Николаева,
умре

Александр, сын Николаев,
умре в 785 г., бездетен

Александра, жена его,
дочь Петра Кожина, умре

Сарра, дочь Юрьева, была
истицею о имении Александра
Ржевского, но в 1801 г. умре

Пушкин Алексей,
муж Саррин, умре

Елизавета, дочь Юрьева,
была истицею о имении
Александра
Ржевского, но в 1801 г. умре
бездетна

князь Черкасский
Михайла, Елизаветин муж

Анна, дочь Юрьева,
умре

Прасковья, дочь Юрьева,
умре

Настасья, дочь Юрьева,
умре

Федор Квашнин-Самарин,⁶
умре

жена Федора Чеодаева,⁷
умре

жена Николая Акинфьева,⁸ умре

Обе оне (Прасковья и Настасья. — *Н. Т.*) в давних годах померли, тож и дети их померли ж прежде Александра Ржевского. А затем уже внучата их к имению Александра Ржевского никакого не имеют права, наравне со Степаном Колычевым.

Пушкин Михаил,
сын Саррин, умре
Пушкин Юрий,
сын Саррин, умре

Мария Ганнибалова, дочь
Саррина
Анна Овцына,⁹ дочь Саррина
Катерина, девица, дочь Саррина
Петр Квашнин-Самарин,¹⁰
истец о имении Александра
Ржевского

После обоих их остались дети,
наследники имений бабки их
Сарры Пушкиной

Все они три наследницы имений
Александра Ржевского, коего
искала мать
их Сарра Пушкина

По смерти Юрия Ржевского жена его Катерина и сын их Николай Ржевский, с оставшею после большего сына Юрьева Ивана (умершего гораздо прежде отца своего) женою Лукерьею, по втором муже княгиню Барятинскую, и с детьми их Алексеем, Тимофеем и Катериною Ржевскими, в 1742 году учинили раздел в движимом и недвижимом Юрьевом имении, в чем и допрашиваны и остались все своею частью довольными (по-видимому, в этот год скончалась их мать, Катерина. — *Н. Т.*).

Потом Алексей и Тимофей Ржевские померли бездетны, и все их имение дошло сыну сестры их Катерины Колычевой Степану.

Николая же Ржевского часть досталась сыну его Александру, который, хотя и женат был на Александре Петровой дочери Кожиной, но состоял в опеке по самую смерть свою, воследовавшую в 785 году майя 25 дня. — После чего и жена его, не прося об указной части из его имения, в том же году июня 12 умерла бездетна.

И потому все оставшееся по нем, Александре, движимое и недвижимое [имение] принадлежит к возвращению в род Ржевских.

А как колено Ивана Ржевского (по случаю смерти его не только прежде Александра, но и прежде отца своего Юрья,¹¹ тож и дочери его Катерины Колычевой, скончавшейся также в 768 году, за 17 лет прежде Александра) совсем пресеколось, а превратилось уже у род Колычевых; рода же Ржевских во время смерти Александровой в 785 год оставались только в наличии две родные его тетки, родные сестры отца его Николая, Сарра Пушкина и княгиня Елизавета Черкасская, прочие ж их же две сестры Прасковья Чеодаева и Настасья Акинфьева, тож и дочери их, померли прежде его, Александра; а были оне их внучата, кои наравне со Степа-

ном Кольчевым никакого не имели права к наследию; после пятой же их сестры Анны Квашниной-Самариной остался сын Петр; то по всем законам гражданским и естественным оне, Пушкина, Черкасская и Квашнин-Самарин, ближайšie будут родственники Александровы и должныствовали получить его имение.

Почему и просили они в Департаменте вотчинной коллегии себе того имени. Но тот Департамент в 787 году через старательство Степана Кольчева решил дело в его пользу вовсе несправедливо, ибо закон повелевает Уложения 17-ой главы, 2-м пунктом: «дочерям вотчин не давать, пока братья их живы, когда ж братьев не станет, давать их сестрам». Указом 801 года: «после вотчинников давать их вотчины родным их сестрам и племянникам, сестриным детям, дальним же родственникам, мимо сестер и детей их, не давать».

Хотя же вотчинный Департамент к отчуждению оных трех законных наследников, Пушкиной, Черкасской и Самарина, от наследства по Александре Ржевском употребил Указ 770-го года, марта 26, изданный по делу Нагаткина о Жеребятниковом имении, в коем изображено, что по Уложению сыновья с потомством после отца суть наследники, а сестры при братьях не вотчинницы. Когда же нет сыновей, тогда дочери и дети их суть наследники, но и сей Указ неправого его [Департамента] решения нисколько не оправдывает [испорчено, пропуск 2—3 слов], тогда бы Пушкина, Черкасская и Самарин (по своей матери) не могли быть вотчичами, имение его, Александрово, шло бы к ним, деду Кольчева Ивану и матери его Катерине по мужскому рода Ржевских колону, но поелику они, Иван Ржевский и Катерина Кольчева, задолго прежде вотчинника Александра померли и тою преждевременною их смертию род Ржевских в потомстве их уже разрушился, то сыну Катеринину Степану Кольчеву, яко не родственнику, но свойственнику только Александрову, имение его ни по чему отныне не следовало.

В сходстве чего и Правительствующий Сенат слушал дело сие в 790-м году четверократно и в 791 — двоекратно в общем своем собрании и, соображаясь с Законами и существительного истинною, большинством голосов заключил определением так:

«Вотчинного Департамента решение яко неправое отставить, а имение Александра Ржевского утвердить в роде Ржевских ближайшим по крови и прямым его родственникам Пушкиной, княгине Черкасской и Квашнину-Самарину». И о том Ея Величеству блаженныя памяти государыне императрице Екатерине Алексеевне всеподданнейше донес рапортом.

Но по прошествии 4 лет в 795 году чрез неправильный доклад бывшего генерал-рекетмейстера Терского и благоприяствовавшие тогда оному Кольчеву случаи одержал он верх над упомянутыми законными наследниками, исходатайствовал того года августа 11-го Высочайший именной Указ, коим решение вотчинного Департамента подтверждено и велено отдать имение ему, Кольчеву. Почему и пользуется им он, Кольчев, вовсе не резонно. — Прямые же наследники горестную претерпевают обиду. И хотя изготовили было прошение к Ея Величеству о пересмотрении вновь дела, но поднести однако не имели смелости. А уже в 1796 г. Сарра Пушкина подала прошение Его Величеству блаженныя памяти императору вселюбезнейшему родителю Вашему, на котором собственною Его Величества рукою сии слова написаны «к исполнению ея удовольствия отослать к Генерал-Прокурору князю Куракину». Но неизвестно уж по-

чему ни князем Куракиным, тож и другими бывшими по нем господами Генерал-Прокурорами, дело сие без всякаго рассмотрения в нерешенности оставлено.

Наконец же Сарра Пушкина и сестра ее княгиня Черкасская в прошлый 1801 год скончались: первая оставя по себе многих детей и внучат, а последняя бездетно. Из коих дочь Саррина девица Катерина Пушкина и подносит ныне Вашему Императорскому Величеству всеподданнейшее прошение за себя, тож за родных своих сестер и за племянников, оставшихся после двух умерших ее братьев.

Москва,
июля 1802 г.

¹ Прощение адресовано А. А. Беклешову (1745—1808), генералу от инфантерии, генерал-прокурору Сената.

² Сарра Юрьевна Пушкина.

³ Колычев Степан Алексеевич (1746—1805), российский вице-канцлер, посол в Вене, Париже; командор Мальтийского ордена, кавалер разных орденов. Троюродный брат Надежды Осиповны Пушкиной. Жена — с 1799 г. Наталья Захаровна Хитрово (1774—1803). Бездетны.

⁴ Очевидно, экземпляр родословия (с объяснением его) отправлен императору Александру I.

⁵ Екатерина Ивановна, урожд. Ржевская (1722/28—1768). Муж — Алексей Степанович Колычев (1717—1752), секунд-майор.

⁶ Анна Юрьевна, урожд. Ржевская (ок. 1724—1781). Муж — Федор Петрович Квашнин-Самарин (1704—1770), действительный статский советник; сын первого лирического русского поэта Петра Андреевича Квашнина-Самарина (1671—1742).

⁷ Прасковья Юрьевна, урожд. Ржевская (ок. 1703—после 1757). Муж — Федор Васильевич Чаадаев (ум.ок. 1731 г.), капитан-лейтенант флота.

⁸ Анастасия Юрьевна, урожд. Ржевская (1710/15—после 1763). Муж — Николай Петрович Акинфов (90-е гг. XVII в.—до 1752), мичман.

⁹ Анна Алексеевна, урожд. Пушкина (р. ок. 1758 г., в замужестве с 1777 г.; в 1787 г. — вдова). Муж — Алексей Михайлович Овцын, надворный советник.

¹⁰ Петр Федорович Квашнин-Самарин (1743—1815), президент юстиц-коллегии, кавалер двух орденов, действительный тайный советник. Двоюродный брат Марии Алексеевны Ганнибал, урожд. Пушкиной.

¹¹ Сын Иван Ржевский умер за четыре месяца до отца: Юрий Алексеевич (1674—17.04.1729); Иван Юрьевич (17.10.1699—25.12.1728).

*И. В. Васильева,
Н. К. Телетова*

К БИОГРАФИИ ДЕДОВ ПУШКИНА ПЕТРА И ИСААКА ГАННИБАЛОВ

В Великолуцком филиале Государственного архива Псковской обл. (ВфГАПО) хранятся многие документы, касающиеся родных, друзей и соседей по имению Михайловское А. С. Пушкина. В настоящей статье внимание будет сосредоточено на внучатных дедах Пушкина, т. е. братьях его деда Осипа, Петре и Исааке.

Сравнительно недавно стало известно, что Петр Абрамович Ганнибал, о котором ходили в пушкиноведении различные мифы, включая и будто бы таинственный конец его жизни, умер в своем поместье Сафонтьево, приблизительно в 80 верстах от имения Петровского, в котором Пушкин посещал его по окончании Лицея в 1817 г. Скончался он 8 июня 1826 г. на 85-м году жизни — в точности, как и его отец.

В Сафонтьево он переселился в 1818 г., ибо тогда имя его исчезло из клировых ведомостей Воскресенской Вороничской церкви.

Поместье Сафонтьево до того принадлежало великолуцкому помещику секунд-майору Николаю Федоровичу Байкову, после смерти которого перешло к его сыну Николаю, а затем к сестре последнего Анне.

Мужем Анны Николаевны был Павел Семенович Неелов, сын Анны Абрамовны Ганнибал и ее мужа Семена Степановича Неелова. Таким образом, она была женой племянника Петра Абрамовича Ганнибала. В мае 1794 г. Павел Семенович обратился к дядюшке Петру с просьбой одолжить на год 4000 р. под залог поместий жены. Долг не был возвращен, и Ганнибал с 1795 г. стал фактическим владельцем Сафонтьева.

Однако он не стал предъявлять свои права, оставив племянника с женой в их деревнях, где в 90-е гг. появились на свет трое их сыновей — Семен, Александр и Николай.

После смерти жены Ольги Григорьевны в 1817 г., с которой Петр Ганнибал давно жил врозь, в семейных владениях стали происходить перемены. Тогда Ганнибал оставил Петровское сыну Вениамину, а сам в 1818 г. переселился в Сафонтьево, где был окружен вниманием и уходом в течение восьми последних лет своей жизни. К этому времени там находились Анна Николаевна, овдовевшая в том же 1818 г., ее сын Николай Павлович, позже женившийся на Любове Яковлевне, побочной дочери Якова Исааковича Ганнибала, жившей там же и до брака.

Их сына Александра Николаевича в июне 1825 г. крестил в церкви Пятницкого погоста генерал-майор П. А. Ганнибал; близ Троицкой церкви этого погоста он был и погребен через год, верстах в шести от имения.

Что касается Петровского, то, судя по послужному списку Вениамина Петровича, с 1815 по 1823 г. он нигде не числится и, видимо, живет в поместье. С 1823 по 1826 г. он дворянский заседатель в Псковской палате гражданского суда. Должность эта не требовала постоянного присутствия в Пскове, но и в Петровском он постоянно не проживал. После смерти отца в 1826 г. Вениамин выходит в отставку и поселяется в имении, занимаясь воспитанием внуков от единственной дочери Марии (р. 1802 г.), в тот же 1826 г. вышедшей замуж за Федора Коротова. Вениамин Ганнибал скончался в 1839 г.

Поместье в 40-е гг. переходит в руки фамилии Компанион. Наследница рода выходит замуж за Иосифа Иосифовича Княжевича, их потомки владеют Петровским до революции, когда поместье было сожжено.

Заметим, что в годы ссылки Пушкина Вениамин Петрович служил в Пскове и встречи с двоюродным племянником могли происходить только во время приездов Ганнибала в Петровское.

Обнаружение и даты, и места смерти Петра Абрамовича позволило разъяснить известную фразу в письме (по-французски) Пушкина от 11 августа 1825 г. П. А. Осиповой в Ригу о том, что он хочет посетить «*vieux negre de Grande 'Oncle*» — «двоюродного дедушку — старого негра», чтобы получить от него «*temoïges*» — воспоминания о прадеде.

Казалось странным, что о визите в соседнее Петровское к Ганнибалу Пушкин пишет в Ригу, между тем поездка в Сафонтьево безусловно была путешествием, занимавшим не менее двух-трех дней и естественно было сообщить о ней.

Вероятно, бывал у Петра Абрамовича Пушкин в Сафонтьеве не один раз. Уже то, что он просил написать воспоминания, а в августе 1825 г. собирался ехать за ними, говорит хотя бы о двух путешествиях. Получил ли он известные нам «Воспоминания П. А. Ганнибала» в августе—сентябре 1825 г. или взял их у наследников после смерти дедушки в июне следующего года — это установить невозможно, но документ этот он всегда хранил в своих бумагах.

Четвертый и последний из сыновей Абрама Ганнибала после смерти отца получил в 1782 г. как часть земель, купленных Абрамом Петровичем под Петербургом, так и третью часть псковских имений, пожалованных в 1742 г. императрицей Елизаветой Петровной своему крестному брату.

Исаак фиксирует это: «Мне досталось в С.-Петербургской губернии мыза Тайцы с деревнями, да в Псковском наместничестве Опочецкого уезда деревня Оклад, что ныне называется селцо Воскресенское с деревнями».¹ Кроме этого, по разделу имущества он получил 10 тысяч деньгами и вещи из дома отца.

Бесхозяйственный и непрактичный Исаак сумел уже к 1786 г. оказаться должником и вынужден был продать земли под Петербургом.

Был у А. П. Ганнибала и дом в Пскове. Этот дом, вместе с прислугой, достался Исааку, потому что он первым из братьев вышел в отставку и поселился в Псковском крае. В Воскресенском он отстроил, по-видимому, какую-то деревянную церковку, почему и была переименована деревня Оклад в селцо Воскресенское в 1782 г.

Капитан 3-го ранга морской артиллерии в отставке Исаак Абрамович прожил там 15 лет, пока кредиторы не вынудили его бежать и скрываться в имениях своей жены Анны Андреевны, урожденной Чихачевой. Материальное неблагополучие усугублялось и тем, что в семействе было 15 детей.

Легкомысленный, не привыкший задумываться над последствиями, Исаак занимал деньги, где только удастся. Уже в 1790 г. Воскресенское было заложено, а занимаемые деньги расходовались должником по своему усмотрению и произволу и положение ухудшалось с каждым годом. Одним из первых кредиторов предстает Осип Абрамович Ганнибал. В архиве хранится подлинное письмо его: «Государь мой братец Исаак Абрамович, по просьбе Вашей, для собственных Ваших нужд, отдаю Вам из собственного моего имения, состоящего... в селце Михайловском... кому угодно заложить на два года... Ваш, государя моего братца, усердный брат морской артиллерии второго ранга капитан Иосиф Абрамов сын Ганнибалов. Сентября 27 числа 1790 года».²

Выразила готовность оказать помощь мужу и заложить свои имения в Новоржевском и Опочецком уездах супруга Исаака, подписавшая письмо: «Ваша, государя моего, благожелательная жена Анна Андреева, жена Ганнибалова».³

Дал «верящее письмо» для заклада своих имений и ее зять — муж сестры Параскевы Михаил Петрович Офросимов. Но отдавать в положенный срок было нечего.

¹ Вф ГАПО, ф. 55, оп. 7, ед. хр. 2165.

² Там же, ед. хр. 2598, л. 2 об.

³ Там же, л. 5.

Тянулось восемь лет и весьма неприятное старое дело, будто бы и закрытое в 1783 г.: Исаак получил донесение, как потом выяснилось ложное, о том, что в доме священника Петра Федорова, который с 1765 г. служил в Воскресенской Вороничской церкви, и жены его Дарьи Тимофеевны скрывается крепостная девушка Ганнибалов Марфа. Горячий и гневный Исаак с несколькими людьми из дворни нагрянул туда в отсутствие самого о. Петра 6 ноября 1775 г. и, не найдя никого, кроме попадьи, жестоко, плетью приказал бить несчастную. Дело было громкое — духовенство не разделяло участи крепостных и не должно было подвергаться телесным наказаниям.

Документы этого дела, показания свидетелей о том, что Дарья «вся избита», привели к тому, что уже в конце 70-х гг. Исаак начал прятаться от следователей, оставив в письменном заявлении признание своей вины. В следующем, 1776 г., о. Петр уехал — или ушел «на покой», или переехал в другую церковь.

Иных свидетельств о жестокостях Ганнибалов не обнаружено, хотя приказчик из Михайловского Михаил Калашников много лет спустя произнес записанную П. В. Анненковым фразу: «Когда бывали сердиты Ганнибалы, все без исключения, то людей у них выносили на простынях».

В исповедных ведомостях за 1794 г. в с. Воскресенском числятся (как всегда, с неточностями): «Флота артиллерии капитан Исаак Аврамов — 45 лет, жена Анна Андреевна — 43, дети их Катерина — 14, Петр — 11, Любовь — 10, Александр — 8, Александра — 7, Дмитрий — 5, Семен — 4, Анна — 1».⁴ Двое еще не появились на свет, а пятеро старших служили или учились вне дома.

С 1803 г. Воскресенское, отнятое у Ганнибала за долги, числится за надворным советником Христианом Христиановичем фон Штиндтом («Крестьяном Крестьяновичем фон Штындрт»). С 1830 г. оно принадлежит капитану Василию Андрониковичу Криницкому, а с середины 40-х гг. в нем живет отставного капитана Криницкого жена Екатерина Карловна. В доме числятся 13 дворовых.⁵

Исаак Аврамович вынужден был переселиться в поместья жены, при этом прихватывал несколько десятков своих людей, а переезжая, увозил их с собой. Он умел скрывать место своего пребывания, но когда это не удавалось, давал подписку о явке, о чем сохранился документ 1794 г.: «Господин Капитан Исправник Николай Иванович Зубатов, быв у меня в сельце Вос-

⁴ Там же, ф. 39, ед. хр. 1628, л. 33.

⁵ Там же, ф. 369, оп. 2, ед. хр. 47.

кресенском, объявил указ из Псковского Совестного суда о высылки меня в оной, то я по оному указу в суд должен явиться, в чем подписуюсь, флота артиллерии Капитан Исаак Ганнибал». ⁶ Искали незаложенные имения, чтобы продать их с молотка, но таковых не оказалось. «При всяком вызове в Петербургскую, а оттоль в Псковскую губернии и так все время». ⁷

Из обнаруженных в архиве документов выяснилось, что Исаак Абрамович какое-то время жил в Саратовской губернии и там, в присутствии губернатора, давал показания о займе денег у Устиньи Ермолаевны Толстой, которая находилась на грани полного разорения (по ее словам, и, по-видимому, это соответствовало действительности), одолжив Ганнибалам, как своему мужу Осипу (с ней разлученному), так и его брату Исааку крупные суммы. ⁸

Устанавливая, куда отправился «барин в бегах», приходим к выводу, что Исаак с семьей и незаконно уводимыми, похищаемыми крепостными, будто бы дворней, переселился между 1796 и 1798 г. в богатое поместье Чихачевых Кебино Новоржевского уезда, где жил одинокий холостяк, брат Анны Андреевны, отставной поручик Андрей Чихачев. Возможно также, что он «бегал» и в Бараново, неподалеку от Кебино. В 1798 г. в Кебино вдруг обнаруживается 120 дворовых, а в Баранове — 112. ⁹

Очевидно, со слов Исаака записывается, что он владелец Баранова на 1799 г.; но в 1800 г. помещиком там числится Николай Чихачев, в 1801 г. — помещица Анна Ганнибалова, в 1803 г. — Чихачев, с 1804 по 1806 г. — снова Анна, в 1807 г. — Чихачев.

В 1804 г. умирает Андрей Андреевич Чихачев, его поместья делят наследники, и Кебино достается сестре Анны Прасковье Андреевне Офросимовой. Она продолжает жить в поместье мужа Народееве, а Кебино ненадолго предоставляется семейству Ганнибала.

Однако при разделе и Анне Андреевне достаются некоторые имения брата. Сохранилось письмо в Псковскую палату гражданского суда, в котором она просит подтвердить, что «в собственном ее владении состоит доставшееся ей по наследству после покойного брата имение Максаков Бор в Порховском уезде». Ниже стоит подпись: «Коллежская ассессорша Анна Андреева дочь, жена Ганнибалова. 26 января 1805 года». ¹⁰

⁶ Там же, ф. 105, оп. 2, ед. хр. 373, л. 8.

⁷ Там же, л. 3.

⁸ См.: Гордин А. М. Пушкин в Михайловском. Л., 1989. С. 54.

⁹ Вф ГАПО, ф. 369, оп. 2, ед. хр. 3, л. 54.

¹⁰ Там же, ф. 55, оп. 5, ед. хр. 1, л. 29.

В конце 1804 г. Ганнибалы переселились в этот Максаков Бор Карачуницкого погоста Порховского уезда, где в 1806 г. священник Успенской (в Карачуницах) церкви отмечает тех, кто был у исповеди. Среди них и Исаак Абрамов, и невестка его Варвара Тихонова 24 лет, и сын ее Александр Павлов — 5 лет.¹¹

Таким образом выясняется, что общепринятая дата смерти Исаака — 1804 г. — неверна. Его удаление из Кебина в Максаков Бор, близ Карачуниц, где его действительно со временем похоронят, рассматривалось как дата смерти.

Да и барин по привычке затаивался в связи с огромными невыплаченными долгами.

В метрической книге за 1808 г., в третьей части — об умерших, обнаружена важная запись: «4 января усадища Максакова Бору помещик, коллежский асессор Исаак Авраамович Ганнибалов умре натуральной болезнью с покаянием — лета 51. Требу сию совершали означенной Успенской церкви священник Иоанн Георгиев, пономарь Автоном Антипов».¹²

Что касается возраста умершего, то он на десять лет больше, чем проставлено при отпевании. Заметим, что в документе о смерти его брата Петра в 1826 г. вместо возраста «84 года», стоит — 70 лет. Очевидно, что ушедший никого с точки зрения его лет не интересовал и заполнявший ведомость проставлял случайную дату.

Пушкину шел девятый год, когда не стало Исаака. Видеть его он явно не мог. Зато многочисленное потомство этого деда в своих отношениях к поэту представляет весьма богатую и разнообразную картину, лишь отдельные фрагменты которой дошли до нового времени.

После смерти Исаака семья его продолжала жить в имении Максаков Бор. Это имение находилось на большой Порховской дороге, уводившей из Порхова в Великие Луки. По ней не однажды проезжал А. С. Пушкин. Впервые — в 1817 г., затем несомненно в мае 1820 г., когда был выслан на Юг, а также в некоторые свои поездки из Петербурга в Михайловское и обратно.

Погост Карачуницы с Успенской церковью находился также прямо у большой дороги, и есть все основания полагать, что поэт посещал здесь могилу многострадального Исаака.

Н. С. Новиков

¹¹ Там же, ф. 39, оп. 1, ед. хр. 3348, л. 958 (об).

¹² Там же, ф. 39, оп. 2, ед. хр. 3316, л. 615.

ПУШКИН В ГОСТЯХ У Б. А. АДЕРКАСА

С учреждением Псковской губернии у местной администрации явилась забота по устройству для губернаторов казенной квартиры. В 1785 г. на главной Торговой площади для этой цели специально построили первый губернаторский дом. Однако в начале Отечественной войны против Наполеона гражданский губернатор князь П. И. Шаховской уступил все здание под госпиталь. Позднее, с 1828 г., здесь после перестройки расположились губернские присутственные места. А князь Шаховской снял под свою казенную квартиру особняк сенатора Н. А. Беклешова над набережной р. Великой. Но не прошло и пяти лет, как тот же отзывчивый губернатор согласился уступить и это помещение — теперь для размещения мужской гимназии. Тогда все домовладение выкупили у Беклешова, и в ноябре 1817 г. гимназия переехала сюда.

Для проживания же губернатора на сей раз неподалеку приобрели не новое, но довольно обширное домовладение. Более других псковских гражданских губернаторов (без малого десять лет) здесь квартировал действительный статский советник барон Борис Антонович фон Адеркас, сменивший на этом посту князя Шаховского 12 декабря 1816 г.

Имя Адеркаса пошло в историю Пскова прежде всего потому, что с ним неоднократно общался А. С. Пушкин. Губернатору довелось немало заниматься делами ссыльного поэта. При этом барон Адеркас отнесся к нему явно с сочувствием и по возможности оказывал помощь. Вопреки предписанию одесского градоначальника от 29 июля 1824 г. «отправиться... в губернский город Псков, а по прибытии... явиться лично к г. гражданскому губернатору», коллежский секретарь Пушкин, уволенный по высочайшему повелению со службы, поехал прямо в Михайловское. Пришлось губернатору вызывать к себе непокорного отставного чиновника, чтобы получить от него подписку: «...жить безотлучно... в поместье родителя своего, вести себя благонравно, не заниматься никакими неприличными сочинениями и суждениями, предосудительными и вредными общественной жизни и не распространять оных никуда». Однако в рапорте начальству Адеркас даже не обмолвился про эту попытку Пушкина уклониться от явки к нему и несоблюдение маршрута.

Через губернатора шла и вся переписка, связанная с желанием Пушкина выбраться из ссылки и под видом лечения аневризма попасть за границу. Не зная сначала подлинных мотивов его ходатайства о выезде для лечения, Адеркас еще до разре-

шения высшего начальства предложил поэту иметь жительство в Пскове.

О внимательном отношении губернатора во время их очередной встречи Пушкин сообщал в письмах к друзьям. Он пишет В. А. Жуковскому 6 октября 1825 г.: «На днях, увидя в окошко осень, сел я в тележку и прискакал во Псков. Губернатор принял меня очень мило, я поговорил с ним о своей жиле (...). Губернатор обещался отнестись, что лечиться во Пскове мне невозможно...» (т. е. поддержать затею Пушкина) (XIII, 236). А в письме к П. А. Вяземскому добавляет не без иронии: «Губернатор также был весьма милостив; дал мне переправить свои стишки-с. Вот какво!» (XIII, 240).

В ведомостях о состоящих под надзором полиции, проживающих в Псковской губернии, губернатором неизменно отмечалось, что Пушкин ведет себя хорошо. Особенно частыми стали их встречи в 1826 г., когда с тем же ходатайством о выезде для лечения Пушкин через губернатора обратился уже к новому царю. Наконец к Адеркасу прибыл фельдъегерь с секретной депешей о высочайшем разрешении Николая I на приезд Пушкина в Москву. В тот же день, 3 сентября, Адеркас, несмотря на секретность документа, снял с него копию и послал с нарочным в Михайловское, прося «милостивого государя Александра Сергеевича... поспешить приехать сюда и прибыть ко мне». Через два дня, попрощавшись с губернатором, Пушкин в сопровождении того же фельдъегеря поскакал в Москву. Это была его последняя встреча с Адеркасом. Уже через неделю, 12 сентября 1826 г., в управление Псковской губернией вступил новый губернатор Андрей Федорович Квитка.

По мнению пушкинистов, поэт бывал в гостях у Адеркаса и на званых вечерах. А за пять лет до Пушкина такие же вечера в том же губернаторском доме посещала 20-летняя Анна Петровна Керн. В «Дневнике для отдохновения», который она вела в продолжение нескольких месяцев 1820 г., пока ее 55-летний муж командовал в Пскове одной из бригад, сообщалось: «Губернаторша и ее муж премилые люди...».¹

Как ни странно, краеведческая литература до сих пор не указывает точного местонахождения этого губернаторского дома, отмечая лишь, что он уже давно не существует и «стоял недалеко от древней Покровской башни на живописном берегу реки Великой. Сад выходил к самой реке». Такая неопределенность, а также отсутствие изображения этого здания заставили заняться архивными поисками. В Государственном архиве

¹ Керн А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1974. С. 143.

Псковской области по описи фонда канцелярии губернатора нашлось интересное дело «Об исправлении казенного губернаторского дома, о продаже онаго и о покупке нового, о починке и перестройке онаго», относящееся к 1829—1835 гг.²

Из бумаг этого объемистого дела мы узнаем, что деревянный одноэтажный дом для проживания губернатора был куплен казною в 1815 г. Среди документов имеется не только подробнейшее описание каждой комнаты, но и рисунок дома, который мы воспроизводим. Более того, многоцветный «ситуационный план», составленный псковским губернским архитектором Францем Ябсом 18 июня 1831 г., показывает планировку всего земельного участка, протянувшегося на 60 саженей (128 м) между двумя улицами.

К сожалению, названия этих улиц в псковском архивном деле не указаны. Поиск пришлось продолжить в Российском государственном историческом архиве. Там в тоненькой папке планов и чертежей гражданской архитектуры под названием «Дом статского советника Адеркаса со службами» хранятся три больших листа чертежей, в том числе план участка. На нем обозначены и улицы, между которыми расположилась вся усадьба: Успенская, где стоял главный корпус, и сзади Георгиевская (сейчас улицы Калинина и Карла Либкнехта). Кстати, по плану видно, что сад не выходил к реке; от нее отгораживала проезжая улица, за нею чужие дворы и крепостная стена.³

Дальнейшая судьба третьего дома губернатора помогает окончательно уточнить его местоположение. В январе 1830 г. А. Ф. Квитку на посту псковского губернатора сменил губернский предводитель дворянства Алексей Никитич Пещуров, давний знакомый Пушкина, дядя его лицейского товарища кн. А. М. Горчакова. Ему не нравилось это старое деревянное здание, простоявшее уже более 60 лет. В рапортах столичному начальству Пещуров называл губернаторский дом совершенно ветхим, требующим значительных расходов на капитальный ремонт. Полтора года Пещуров добивался разрешения на его продажу с публичных торгов. И добился. 3 февраля 1833 г. на окончательных торгах наивысшую цену 8010 р. назвал псковский дворянин Окунев.

Каменный фундамент, стены и крыша старого губернаторского дома оказались достаточно прочными, и здание прослужило еще сотню лет. Домовладение Окуневых на Успенской

² ГАПО, ф. 1, л. 422, 584, 896-а.

³ РГИА, ф. 1488, оп. 3, л. 793.

улице, как и его хозяина статского советника Евгения Александровича Окунева (1802—1882), избравшегося предводителем дворянства Псковского уезда, председателем Псковской палаты гражданского суда, гласным губернского земского собрания, в свое время хорошо знали псковичи. Купленное им у казны здание находилось между мужской гимназией и садом учительской семинарии. Популярными были и принадлежавшие ему лучшие в городе Окуневские бани, стоявшие неподалеку, на набережной р. Великой, и до самой войны сохранявшие в народе это свое название. А лицевой дом сестер Окуневых (дочерей Евгения Александровича) на Успенской в августе 1899 г. арендовали для открывавшегося министерского 1-го приходского мужского училища. Здесь почти два десятилетия бесценно преподавал и директорствовал известный учитель С. И. Чубарев.

В 1920-е гг. там, по улице Успенской, дом 7, располагался детский дом им. А. Н. Винокурова — наркома соцобеспечения (соседняя гимназия, ставшая 1-й школой 2-й ступени, имела адрес — Успенская, 5). Так что бывший третий дом губернатора, дом, где у бар. А. Б. фон Адеркаса бывал Пушкин, исчез не так уж давно, в последнее военное лихолетие. Замечательно то, что теперь мы представляем себе, как выглядел тот дом в Пскове, о визитах в который мы знаем со слов самого поэта.

Н. Ф. Левин

ГОРОХОВАЯ, 14 — НОВЫЙ АДРЕС ПУШКИНА В ПЕТЕРБУРГЕ

«Большая Морская, 26—Гороховая, 14»: этот адрес А. С. Пушкина достаточно хорошо известен всем тем, кто интересуется литературными местами С.-Петербурга. Здесь поэт прожил с Натальей Николаевной и недавно родившейся старшей дочерью Марией в течение полугода: с середины осени 1832-го по май 1833 г. Здесь он начал писать «Капитанскую дочку» и создал последнюю главу повести «Дубровский», поместил в альманахе «Новоселье» поэму «Домик в Коломне». В этот период появилось первое полное издание романа в стихах «Евгений Онегин». Часто бывали у Пушкиных на Гороховой друзья. Заходил сюда и Н. В. Гоголь, познакомившийся с поэтом осенью 1832 г. До сих пор, однако, считалось, что дом, в котором жил А. С. Пушкин, не дошел до нашего време-

ни. Цель данной заметки — опровергнуть это ошибочное мнение и показать, что вплоть до самых последних лет сохранялись не только дом, но даже собственно квартира, где в свое время жил знаменитый поэт. К такому заключению можно прийти в процессе подробного изучения строительной истории зданий на этом участке, связанной с реконструкцией дома по Гороховой.

Уточнение — «дом по Гороховой» — отнюдь не случайно. Более того: именно в этом определении и заключается суть вопроса о проживании Пушкина в доме П. А. Жадимеровского. Дело в том, что в силу особенного — углового — положения участка, о котором здесь идет речь, на нем с самого начала были возведены два лицевого дома: один — по Большой Морской, другой — по Гороховой улице. Это обстоятельство, вероятно, и явилось причиной путаницы, возникшей в пушкинистике и краеведческой литературе.¹

Оба лицевых корпуса были возведены еще в соответствии с проектным планом П. М. Еропкина, составленным не позднее 1738 г.² после опустошительных пожаров в располагавшихся здесь Морских слободах. Первоначально главным считался дом по Большой Морской улице: в то время магистраль «Средней перспективной» дороги (будущей Гороховой улицы) была только задумана, но еще не оформлена, и парадными продолжали считаться линии, параллельные Адмиралтейству, ранее служившие границами слобод. Второй лицевой дом — судя по чертежу Еропкина и «плану Махаева» 1753 г. — был возведен как служебный флигель, однако на его облике сказалось положение по красной линии проектируемого проспекта. Роль своеобразных «пропилей»³ определила его протяженность, материал (камень, а не дерево, обычное для служб в тот период), а также достаточно выразительное оформление главного фасада, показанное на аксонометрическом плане Соколова, Горихвостова и Сент-Илера. Ко времени создания этого документа (1760—1770-е) дом был одноэтажным «на погребях» (на высоком подвале, защищавшем жилье от наводнений). Той же этажности был тогда и дом по Большой Морской, не дошедший до нашего времени: в 1867 г. архитектор Р. А. Гедике построил на этом месте новое зда-

¹ См., например: *Яцевич А. Г.* Пушкинский Петербург. Л., 1935. С. 246—249; 2-е изд. СПб., 1993. С. 230—231; *Яковченко Р. Н.* Улица Держинского. Л., 1974. С. 93 и др.

² *Иогансен М. В.* Михаил Земцов. Л., 1975. С. 109.

³ Аналогичным образом в тот период был решен и дом на противоположной стороне будущей Гороховой улицы.

ние.⁴ Именно эта утраченная постройка и считалась до сих пор местом жительства А. С. Пушкина. Однако ряд фактов говорит о том, что поэт снимал квартиру в другом доме на этом же участке.

К концу XVIII—началу XIX в. градостроительная ситуация в этом районе поменялась и главной уже стала считаться Гороховая улица, превратившаяся в оживленную столичную магистраль с модными магазинами, ресторанами, трактирами и возникающими доходными домами, специально предназначенными для сдачи квартир внаем. Едва ли не первым подобным домом в округе стал корпус по современному адресу: Гороховая ул., 14. Об этом свидетельствует акварель неизвестного художника из собрания Государственного музея истории СПб., датированная 1820-ми гг.,⁵ где это здание показано надстроенным двумя этажами (вторым и третьим, не считая «погребов»), что сделало его своеобразной высотной доминантой изображенной местности. Часть его фасада закрыта декоративным столбиком-обелиском с фонарем, однако расположение в строчной застройке (вторым от угла с набережной Мойки) и особенности фасада (центральный балкон во втором этаже и два по сторонам в третьем) не оставляют сомнений, что на данном листе зафиксирован интересующий нас дом. В то же время здание, выходящее на Большую Морскую улицу, изображено меньшей высоты, двухэтажным «на погребях».

Из двух корпусов на угловом участке был надстроен корпус по Гороховой, следовательно, именно он был предназначен для сдачи квартир состоятельным жильцам,⁶ к которым — несмотря на существенные материальные трудности — принадлежал и А. С. Пушкин.⁷

⁴ ЦГИА СПб., ф. 513, оп. 102, д. 152, л. 1—3 и далее; Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX—начала XX века: Справочник / Под ред. Б. М. Кирикова. СПб., 1996. С. 87. О том, что здание было построено именно заново, помимо архивных чертежей, убедительно свидетельствует тот факт, что оно в отличие от стоявшего здесь до 1860-х гг., не имело цокольного этажа («погребов»).

⁵ Воспроизводится по: *Гордин А.* Пушкинский Петербург. СПб., 1991. Ил. 74.

⁶ Меньший по размерам и этажности корпус по Большой Морской мог служить местом жительства хозяев, членов семьи купцов Таировых (к 1832 г. — Жадимеровских), или просто более бедных постояльцев. В то же время о «парадной» функции второго дома говорит оформление его лицевого фасада по новейшей моде того времени (в стилистике позднего классицизма, с введением лепных деталей) и устройство в двух верхних этажах балконов на гранитных кронштейнах, с чугунными ограждениями на гранитных столбиках.

⁷ Известно, что сам поэт при жизни так и не смог до конца расплатиться с хозяином участка П. А. Жадимеровским; это пришлось делать уже опекунам его наследства.

В сентябре 1833 г. Пушкин заключил договор с домовладельцем П. А. Жадимеровским, в котором значилось: «...наня я, Пушкин, у Жадимеровского в собственном каменном его доме, состоящем в 1-ой адмир. час. 2-го квар. под № 132-м Отделение в 3-ем этаже, на проспекте Гороховой улице, состоящее из двенадцати комнат и принадлежащей кухни, и при оном службы: 1-н сарай для экипажей, конюшня на 4 стойла, 1-н небольшой сарай для дров, 1-н ледник и чердак для вешанья белья...».⁸

В этих словах важны сразу несколько моментов, и первый из них — недвусмысленное определение местоположения дома как «на проспекте Гороховой улице». Второй важный факт — указание на этажность постройки. Судя по многочисленным свидетельствам проектных планов и табельных книг первой трети XIX в., в те времена цокольный этаж в расчет не принимался,⁹ а без него, как видно на акварели 1820-х гг. и фиксационном чертеже 1860-х гг.,¹⁰ угловой дом имел всего два этажа. В то же время отсутствие появившихся позже лифтов и, зачастую, меньшая высота помещений верхнего этажа удешевляли такое жилье. Очень вероятно, что поэт¹¹ выбрал себе для жительства квартиру в самом центре столицы, в престижном районе, на важной магистрали, в обновленном доме, но — на его верхнем этаже, так как другие были для него не по средствам.

Третье подтверждение — количество комнат, названных в договоре. Выстраивая заново соседний дом, Р. А. Гедике внес сравнительно незначительные изменения в структуру сохраняемого им корпуса, заменив только конструкции двух лестниц (северной парадной и бывшей черной) и надстроив эти лестничные клетки. Соответственно на составленных архитектором проектных чертежах¹² не затронута первоначальная планировка; в капитальных стенах она в главных чертах сохранилась до сих пор. Если учесть прежнее расположение стен, включая две разобранные (Р. А. Гедике и в советский период), количество помещений на верхнем этаже дома как раз будет примерно соответствовать указанным в договоре параметрам: квартира «из двенадцати комнат и принадлежащей кухни». Другие упомяну-

⁸ Рукою Пушкина // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.: Воскресенье, 1997. Т. 17. С. 631.

⁹ На современных планах ПИБ цокольный этаж корпуса по Гороховой также назван подвальным; первым считается бельэтаж.

¹⁰ ЦГИА СПб., ф. 513, оп. 102, д. 152, л. 38—39.

¹¹ Точнее, Наталья Николаевна. По свидетельству сотрудников музея-квартиры А. С. Пушкина на Мойке, 12, она сама выбрала эту квартиру и переехала в отсутствие супруга.

¹² ЦГИА СПб., ф. 513, оп. 102, д. 152, л. 6—7, 11—12 и др.

тые службы, названные отдельно, помещались, по всей видимости, в существовавших тогда на участке дворовых флигелях. При этом опять же необходимо заметить, что гораздо более скромные размеры второго лицевого корпуса (в 11 осей по главному фасаду — против 17 в рассматриваемом доме) просто не позволяли разместиться там квартире, подобной описанной в договоре.

И наконец, еще одна деталь. А. С. Пушкин пишет: «...у Жадимировского в собственном его доме», в то время как угловой корпус еще в середине XIX в. обозначался как «дом во дворе статского советника Александра Степановича Воронина» (курсив мой. — А. М.).¹³ Это снова свидетельствует о том, что именно дом по Гороховой считался в тот период главным и соответственно квартиры в нем предназначались для сдачи внаем «приличной публике».

Итак, на основании вышеизложенного можно сделать вывод, что А. С. Пушкин с семьей жил именно в доме по адресу: Гороховая ул., 14. Об этом говорят следующие факты:

- 1) письменное свидетельство самого поэта: «...на проспекте Гороховой улице...»;
- 2) обозначение здания там же: «в собственном его доме», в то время как второй лицевой корпус по Большой Морской позже описан как «дом во дворе статского советника Александра Степановича Воронина»;
- 3) этажность постройки — дом по Большой Морской не имел третьего (над «погребками») этажа;
- 4) совпадение указанного А. С. Пушкиным количества снимаемых комнат со структурой плана (в капитальных стенах) третьего (не считая цокольного) этажа дома по Гороховой улице.

В заключение несколько слов о дальнейшей судьбе дома. В 1880-х гг. и вплоть до 1905 г. угловой участок на пересечении Гороховой и Большой Морской улиц принадлежал почетному гражданину Доминику (Дементию) Яковлевичу Риц-а-Порту, сыновья которого занимали видные посты в администрации и промышленных кругах Петербурга.¹⁴ С 1905 и вплоть до 1917 г. владение значится за Российским обществом застрахования капиталов и доходов «Жизнь», учрежденным в 1835 г.

¹³ Владелец участка в 1860—1870-е гг. — К. М. Нистрем (Адрес-календарь Санктпетербургских жителей, составленный по официальным документам и сведениям К. Нистремом. СПб., 1844. Т. 1. С. 28; ЦГИА СПб., ф. 513, оп. 168, д. 233, л. 8 об.; там же, д. 396, л. 5 об.; Табель домов и улиц города С.-Петербурга. СПб., 1883. С. 16.

¹⁴ Табель домов и улиц города С.-Петербурга. С. 16; «Весь Петербург» на 1900 г. СПб., 1900.

Есть сведения, что вскоре после Февральской революции в корпусе по Гороховой, 14 помещался угрозыск.¹⁵ Впоследствии здание использовалось как жилое; в послевоенные годы (?) оно было надстроено четвертым этажом, при этом существовавший карниз был сбит и повторен в тех же формах в венчающей части здания. В начале 1970-х гг. дом был передан Ленинградской телефонной сети (ныне АО «Петербургские телефонные сети») и приспособлен под нужды этой организации (при этом старые перекрытия четырех верхних этажей — по деревянным балкам — были сменены на железобетонные); в 2000—2001 гг. здесь была произведена реконструкция для того же пользователя. Авторы проекта — 4-я мастерская института «Ленжилпроект» под руководством А. Р. Шендеровича — сохранили капитальные стены, но полностью изменили планировку помещений на всех этажах, в том числе и на четвертом (считая цокольный), где в свое время размещалась квартира, снимавшаяся А. С. Пушкиным. Впрочем, еще до реконструкции расположение и размеры комнат были изменены до неузнаваемости приспособлением здания под коммунальное жилье. До наших дней дошла южная парадная лестница, созданная в связи с надстройкой дома в 1820-х гг., характерная для зодчества того периода. Отреставрирована и воссоздана ее отделка, включая металлическую решетку перил благородного классицистического рисунка.

А. Ю. Малахьева

¹⁵ Любвин Р. Борьба с уголовным террором // Санкт-Петербургские ведомости. 1997. 6 ноября. С. 4.

«МНИМЫЙ ПУШКИН»

(Прижизненные списки политических эпиграмм, приписывавшихся Пушкину)*

Весной 1825 г. в Михайловском Пушкин готовил к печати свое первое собрание стихотворений. В письме к П. А. Вяземскому от конца марта—начала апреля, уже отправив рукопись в Петербург, поэт выразил сожаление по поводу не включенных туда эпиграмм: «Изо всего, что должно было предать забве-

* Настоящая публикация продолжает серию заметок на тему «Мнимый Пушкин»: 1) Прижизненная псевдопушкиниана // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 1996. Вып. 27. С. 73—85; 2) «Мнимый Пушкин» (Прижизненные списки политических стихотворений, приписывавшихся Пушкину) // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2002. Вып. 28. С. 214—223.

нию, более всего жалею о своих эпиграммах — их всех около 50 и все оригинальные — но, по несчастью, я могу сказать, как Chamfort: „Tous ceux, contre lesquels j'en ai fait, sont encore en vie”,¹ а с живыми — полно, не хочу ссориться» (XIII, 160). О задуманном Пушкиным сборнике эпиграмм сообщил в 1856 г. ближайший друг поэта С. А. Соболевский библиографу М. Н. Лонгинову, посылая ему текст стихотворения «О муза пламенной сатиры...»: «Пушкин хотел издать особую книжку эпиграмм и приготовил для оной сообщаемое ныне предисловие».² Т. Г. Цявловская предположила, что Пушкин имел в виду прежде всего эпиграммы политические, сборник которых он собирался выпустить в свет в случае исторических перемен. По мнению исследователя, идея такой книги родилась во время беседы с приехавшим в Михайловское И. И. Пушным.³ Рукопись была уничтожена самим поэтом после восстания декабристов. Т. Г. Цявловская попыталась реконструировать сборник и установила 9 эпиграмм, написанных Пушкиным до ссылки и 16 эпиграмм, созданных им в период с лета 1824 по осень 1825 г.⁴ В принадлежности большинства этих текстов Пушкину сомневаться не приходится. Однако было бы неправильно считать безоговорочно пушкинскими (как это делает Т. Г. Цявловская) четверостишие «Мы добрых граждан позабавим...» и эпиграмму на Аракчеева («В столице он капрал...»), которые печатаются в большом Академическом издании в разделе «Dubia». Не ставя своей задачей дальнейшую реконструкцию утраченного сборника, попытаемся установить круг политических эпиграмм, распространявшихся в прижизненных списках под именем Пушкина и степень их принадлежности поэту. Эпиграмма:

Мы добрых граждан позабавим
И у позорного столба
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим

широко распространялась в списках как пушкинская под заглавиями: «Подражание Мирабо», «Слово Mirabeau», «Экспромт», а чаще, вообще без заглавия. Наиболее ранним является список в тетради, описанной П. Н. Сакулиным. Без об-

¹ Шамфор: «Все те, на кого я их написал, еще живы» (фр.).

² Беляев М. Д. Соболевский о Пушкине: (Из переписки С. А. Соболевского с М. Н. Лонгиновым) // Пушкин и современники. Л., 1927. Вып. 31—32. С. 45.

³ Цявловская Т. Г. «Муза пламенной сатиры» // Пушкин на юге. Кишинев, 1961. Т. 2. С. 174.

⁴ Там же. С. 196—197.

ложки, считая из шести листов плотной бумаги с филигранями 1817 г., тетрадь была найдена «на чердаке барского дома в с. Лазаревском Юрьевского уезда Владимирской губернии (в двенадцати верстах от г. Юрьева Польского)». ⁵ Большую часть тетради занимала записка калужского губернского председателя дворянства князя Н. Г. Вяземского малороссийскому военному губернатору князю Н. Г. Репнину от 4 апреля 1818 г., написанная в ответ на либеральную речь последнего, произнесенную на открытии дворянских собраний в Полтаве и Чернигове. Затем, по мнению Сакулина, той же рукой и теми же чернилами в тетрадь внесены «Ода на вольность», подписанная именем «Алексея Пушкина» и «Деревня» с подписью «Пушкин», после которой уже другим почерком написано: «Не достойно Пушкина». А еще ниже, на той же странице, тем же почерком, каким были написаны стихотворения, но более бледными чернилами — эпиграмма, подписанная «Пушкин»:

Друзья! Народ мы позабавим
И у позорного столба
Последнего кишкой попа
Последнего царя задавим. ⁶

Сакулин сравнил тексты стихотворений с пушкинскими, отметил множество разночтений и предположил, что стихи вписывались в тетрадь по памяти в 1817—1820 гг. Он обратил внимание на французское происхождение четверостишия (Ж. Мелье, Д. Дидро) и сделал вывод, что «крылатое слово пришлось по сердцу русским революционерам преддекабрьского периода и попало в стихи, которые настойчиво приписывались самому Пушкину». ⁷

Значительно более авторитетными считаются списки в тетрадях П. П. Каверина и А. В. Шереметева. Воспитанник Московского и Геттингенского университетов, участник зарубежных походов 1813—1815 гг., член Союза благоденствия, близкий друг Пушкина Каверин был активным собирателем и пропагандистом его поэтического творчества. ⁸ Выйдя в 1823 г. в отставку и

⁵ Сакулин П. Н. «Недостойно Пушкина» // Пушкин и современники. Л., 1930. Вып. 38—39. С. 47. В сноске Сакулин отметил, что незадолго до революции имение принадлежало Пузыревским, к которым оно перешло от Богдановых. Тетрадь хранится в РГАЛИ (ф. 384, оп. 1, № 27).

⁶ Там же. С. 54.

⁷ Там же. С. 56.

⁸ См.: Мандрыкина Л. А., Цявловская Т. Г. Распространение вольнолюбивых стихов Пушкина Кавериним и Щербининим // Лит. наследство. 1956. Т. 60. Кн. 1. С. 393—404.

поселившись в Калуге, где его отец служил губернатором, Каверин заполнил стихотворениями Пушкина целую тетрадь. Описанная внучатым племянником Каверина Ю. Н. Щербачевым, она хранилась в семейном архиве Кавериных, погибшем во время революции.⁹ «Тетрадь в четвертую долю листа, переплетена в красный переплет, корешок и углушки которого обтянуты зеленой юфтью. На листах имеются кое-где водяные знаки с указанием 1823 года» — такой видел ее родственник Каверина.¹⁰ Четверостишие, точнее, половина его (последние две строки и имя автора отсутствовали по вполне понятным соображениям), было записано на 117-й странице под заголовком «Подражание Мирабо»:

Мы добрых граждан позабавим
И у позорного столба

.....
.....

11. 11. 824 Калуг.¹¹

В оглавлении тетради Каверин поместил эту эпиграмму с измененным названием: «Слово Mirabeau» среди пушкинских стихотворений, ни одно из которых также не имело подписи поэта. По-видимому, он не сомневался в ее принадлежности Пушкину. Мнение Каверина чрезвычайно важно, поскольку получать пушкинские стихи он мог непосредственно из рук друзей поэта.

Значительный интерес представляет дошедший до нас прижизненный список эпиграммы в тетради А. В. Шереметева, хранящейся в Пушкинском Доме.¹² Владелец тетради — двоюродный брат Ф. И. Тютчева, ученик С. Е. Раича, близкий к декабристским кругам (обе его сестры были замужем за декабристами М. Н. Муравьевым и И. Д. Якушкиным), А. В. Шереметев, по воспоминаниям своего внука гр. В. А. Мусина-Пушкина, состоял с А. С. Пушкиным в дружеских отношениях.¹³ Тетрадь Шереметева сохранилась не полностью. Судя по бумаге верже с водяными знаками «Хлюстиных» «1816» и описанию имеющихся там произведений, тетрадь заполнялась в 1820-х гг. Тексты пушкинских стихотворений в тетради (27 полных и

⁹ Описание тетради см.: *Щербачев Ю. Н. Приятели Пушкина* Михаил Андреевич Щербинин и Петр Павлович Каверин. М., 1913. С. 64—133.

¹⁰ Там же. С. 64.

¹¹ Там же. С. 92.

¹² ПД, ф. 244, оп. 8, № 38, л. 12.

¹³ *Мусин-Пушкин Вл.* Несостоявшаяся дуэль Пушкина в 1827 г. // *Русская старина.* 1909. № 1. С. 192—193.

б отрывков) чрезвычайно высокого качества.¹⁴ Эпиграмма здесь в отличие от списка Каверина не имеет заголовка, но есть подпись:

Мы добрых граждан позабавим
И у позорного столба
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим.

А. Пушкин

Бросается в глаза совпадение как минимум первых двух строк (как выглядели две последние у Каверина, мы, к сожалению, уже никогда не узнаем). Эпиграмме предшествует запись на французском языке: «Et ses mains ourdiraient des entrailles du prêtre Au défaut d'un cordon pour etrangler les Rois etc. Voltaire».¹⁵ Подпись «Voltaire» взята в скобки и карандашом исправлена на «Diderot» рукой, по-видимому Е. И. Якушкина, который использовал тетрадь Шереметева во время работы над статьей «По поводу последнего издания сочинений Пушкина».¹⁶ По положению в тетради (между стихотворением «К Энгельгардту» и эпиграммой «Холоп венчанного солдата...», датированными здесь 1818 г.) четверостишие «Мы добрых граждан позабавим...» можно датировать тем же годом. Итак, приятели Пушкина А. В. Шереметев и П. П. Каверин не сомневались в принадлежности этой политической эпиграммы Пушкину.

Не сомневался в его авторстве и далекий от пушкинского окружения бывший штабс-капитан Д. Брандт, разжалованный за провинность в рядовые. На следствии 18 июля 1827 г. он донес на юнкера В. Я. Зубова, который якобы декламировал стихи, сочиненные Пушкиным на покойного государя императора: «И у фонарного столба Попа последнею кишкой Царя последнего удавим».¹⁷ Показание Брандта — характерное свидетельство распространенного народного мнения о

¹⁴ Описание тетради см.: *Томашевский Б., Тынянов Ю.* Молодой Тютчев: (Неизданные стихи) // Тютчевский сборник. Пг., 1923. С. 40—47; *Цявловский М. А.* 1) О принадлежности Пушкину эпиграммы «Мы добрых граждан позабавим...» // *Красная новь.* 1937. № 1. С. 180—181; 2) Политические эпиграммы // *Статьи о Пушкине.* М., 1962. С. 60—62; *Пушкин А. С.* Соч. Т. 1. Лицейские стихотворения 1813—1817. СПб., 1999. С. 516—517.

¹⁵ «И руки его сплетали кишки священника, чтобы в случае недостатка веревок удавливать ими царей. Вольтер» (фр.).

¹⁶ См.: Библиографические записки. 1858. Т. 1. № 10 и 11.

¹⁷ Подробнее об этом см.: *Ганцова-Берникова В.* Отголоски декабрьского восстания 1825 года // *Красный архив.* М.; Л., 1926. Т. 3 (16). С. 193.

принадлежности наиболее острых политических стихотворений Пушкину.

К середине XIX в. четверостишие прочно закрепляется за Пушкиным. Об этом свидетельствуют списки в рукописных сборниках: Н. С. Тихонравова,¹⁸ Е. И. и В. Е. Якушкиных,¹⁹ П. А. Александрова,²⁰ П. А. Ефремова,²¹ дополняющих издание сочинений поэта под редакцией П. В. Анненкова. Следует отметить также список Н. А. Мордвинова (1827—1884), сына управляющего делами III Отделения, члена кружка петрашевцев, тайного корреспондента А. И. Герцена. На списке оды «Вольность» Мордвинов сбоку записал текст эпиграммы:

Народ мы добрый позабавим
И у первого столба
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим.²²

В то же время Е. А. Бестужева считала ее автором Е. А. Баратынского: «Трубецкая еще писала для Николая Бестужева:

Мы добрых граждан позабавим
И у позорного столба
Царя мы русского задавим
Кишкою русского попа.

(Евг. Баратынский).²³

К воспоминанию Е. А. Бестужевой необходимо отнестись с осторожностью, так как она рассказывала об этом М. И. Севемскому спустя много лет, будучи уже в преклонном возрасте.

Как пушкинскую, эпиграмму впервые опубликовал в Лондоне Н. П. Огарев.²⁴ Н. В. Гербель включил ее в число шестнадцати стихотворений «быть может и принадлежащих Пушкину, (...) но сильно пострадавших от небрежности переписчиков, так что их трудно признать за пушкинские, без ясных на то доказательств».²⁵

¹⁸ РГБ, ф. 299, 1.318.

¹⁹ ПД, ф. 244, оп. 8, № 60, л. 10; Там же, № 104, л. 23.

²⁰ Там же, № 92, л. 76 об.

²¹ Сборник находился в собрании Б. В. Томашевского (II, 1013). В настоящее время хранится у его дочери Э. Б. Томашевской.

²² См.: *Никитина Ф.* 1) Воин новобранный // Наука и религия. 1981. № 3. С. 43; 2) Кто автор? // Наука и религия. 1981. № 8. С. 26—27.

²³ Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 414.

²⁴ Русская потаенная литература XIX века. Лондон, 1861. С. 79.

²⁵ Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений. Берлин, 1861. С. XI.

В российской печати до революции четверостишие не появлялась из цензурных соображений. В. Я. Брюсов перепечатал его из «Русской потаенной литературы» с пометой: «Безусловно в противоречии с подлинными стихами Пушкина».²⁶ Точку зрения Гербеля и Брюсова разделял и Лернер.²⁷ Более осторожно подошел к атрибуции эпиграммы М. А. Цявловский. Внимательно рассмотрев все факты и соображения за и против авторства Пушкина и приведя свидетельства, неизвестные его оппонентам: воспоминания И. П. Липранди о тосте, произнесенном Пушкиным в память убийства Павла и выдержку из дневника П. И. Долгорукова о том, как Пушкин нападал на «дворян русских», утверждая, что «их надобно всех повесить, а если б это было, то он с удовольствием затягивал бы петли», исследователь пришел к выводу о недопустимости «в категорической форме отрицать принадлежность Пушкину революционной эпиграммы». «Как можно утверждать, — писал Цявловский, — что поэт, по словам Вяземского, „живший и распалывшийся в жгучей и вулканической атмосфере“ декабристских кругов, не мог симпровизировать вольный перевод французских стихов, с такой страшной экспрессией выражающих дух великой буржуазной революции».²⁸ Цявловский предложил ввести эпиграмму в раздел «Dubia», и его точка зрения была принята редакцией академического собрания сочинений поэта (II, 488). Позднее Ю. Г. Оксман практически сгладил различие в позициях Лернера и Цявловского, объявив, что они «окончательно установили отсутствие оснований для приписывания этого четверостишия Пушкину».²⁹

В результате в некоторых изданиях стихотворение зачислили в разряд анонимных произведений.³⁰ Сторонники противоположной точки зрения утверждали, что именно «рука Пушкина вписала его в русскую подпольную литературу эпохи кануна восстания декабристов».³¹ Так, редакторы массового собрания со-

²⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1919. Т. 1. С. 135.

²⁷ Лернер Н. О. Мелочи прошлого: Из прошлого русской революционной поэзии // Каторга и ссылака. № 8 (Кн. 21). М., 1925. С. 240—241.

²⁸ Цявловский М. А. 1) О принадлежности Пушкину эпиграммы «Мы добрых граждан позабавим...». С. 183; 2) Статьи о Пушкине. С. 65.

²⁹ Оксман Ю. Г. Из истории агитационной литературы 20-х годов // Очерки из истории движения декабристов. М., 1954. С. 481

³⁰ См., например: Русская эпиграмма (XVIII—XIX вв.) / Предисл., подгот. текста и примеч. В. Мануйлова. Л., 1958. С. 202; Русская эпиграмма второй половины XVII—начала XX в. Л., 1975. (Библиотека поэта. Большая сер.). С. 425.

³¹ См., например: Поршнев Б. Мелье. М., 1964. С. 215.

чинений поэта (тираж 500 000 экз.) Д. Д. Благой и Т. Г. Цявловская, устранив раздел «Dubia», включили четверостишие в раздел «Ранние стихотворения, незавершенное, отрывки, наброски». Комментарий окончательно убеждал читателя в авторстве Пушкина.³²

Однозначная редакторская позиция подверглась справедливой критике со стороны В. Д. Рака. Исследователь подчеркнул, что следствием такого подхода «может явиться лишь неверное представление у массового читателя, на которого рассчитано издание. (...) если в массовое издание сочинений писателя включаются произведения, авторство которых окончательно не установлено, то необходим и раздел „Dubia“».³³

* * *

В последние годы правления Александра I появилось несколько эпиграмм на «всесильного временщика» А. А. Аракчеева, авторство которых приписывали Пушкину. Со слов его приятеля Я. И. Сабурова П. В. Анненков записал: «Дело о ссылке Пушкина началось особенно по настоянию Аракчеева (...) Милорадович призывал Пушкина и велел ему объявить, которые стихи ему принадлежат, а которые нет. Он отказался от многих своих стихов тогда и, между прочим, от эпиграммы на Аракчеева, зная, откуда идет удар».³⁴ Известно, что Аракчеев не оставлял Пушкина в покое и во время его ссылки.³⁵ В Акад. издании напечатаны две эпиграммы на Аракчеева: «Всея России притеснитель...» — в основном корпусе, «В столице он — капрал...» — в разделе «Dubia» (II, 486). Основным источником последней является Чебоксарский сборник.³⁶ Владелец тетради неизвестен; записи датируются 1825 г.³⁷ Впервые эпиграмма «В столице он — капрал...» была опубликована в 1926 г. В. Ганцовой-Берниковой по выдержке из доноса рядового Брандта, который на следствии 18 июля 1827 г. показал, что юнкер В. Я. Зубов «рубил бюст государя императора, приговаривая словами: „Так рубить

³² Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1974. Т. 1. С. 215, 535.

³³ Рак В. Д. К истории четверостишия, приписанного Пушкину // Временник Пушкинской комиссии. 1973. Л., 1975. С. 107.

³⁴ Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., 1929. С. 337.

³⁵ Русский архив. 1881. № 1. С. 182—183.

³⁶ РГАЛИ, ф. 384, оп. 2, № 13.

³⁷ Описание тетради см.: Цявловский М. А. 1) Эпиграмма Пушкина на Аракчеева // Литературный критик. 1940. № 7—8. С. 217; 2) Статьи о Пушкине. С. 28.

будем тиранов отечества, всех царей русских” и декламировал стихи, сочиненные Пушкиным на покойного государя императора:

В столице он — капрал,
В Чугуеве — Нерон,
Кинжала Зандова везде достоин он». ³⁸

По мнению автора статьи, эпиграмма относилась к Александру I. Впоследствии М. А. Цявловский убедительно переадресовал эпиграмму Аракчееву. Рассмотрев ее в контексте антиправительственных стихотворений, где поэт не только обличает («Всей России притеснитель...»), но и угрожает Зандовым клинком А. С. Стурдзе («Холоп венчанного солдата...»), Александру I («Се самый Дельвиг тот...»), любому тирану («Кинжал»), Цявловский предложил «приведенную эпиграмму считать в числе, если не безусловно принадлежащих Пушкину, то во всяком случае в числе тех, относительно которых мы с большей долей вероятности можем утверждать, что они были сочинены Пушкиным». ³⁹

Поскольку новыми источниками для однозначной атрибуции эпиграмм «Мы добрых граждан позабавим...» и «В столице он — капрал...» мы не располагаем, следует, на наш взгляд, сохранить эти эпиграммы в разделе «Dubia».

* * *

Эпиграмма на строительство Исаакиевской церкви:

Сей памятник двух царств и двух царей приличный —
низ мраморный, а верх кирпичный,

написанная неустановленным автором в конце XVIII в., известна по многим, незначительно отличающимся друг от друга вариантам. Смысл ее — в сопоставлении правлений Екатерины II, в царствование которой Исаакиевский собор строили из мрамора, и Павла, при котором собор достраивали из кирпича. Е. Н. Львова впоследствии вспоминала: «При государе Александре Павловиче Монферан представил новый план Исакиевскому собору, который был начат строиться еще при государыне Екатерине, из мрамора, в то же самое время, как и ныне существующий Константиновский дворец. Когда и то и другое строение были более половины кончены, императрице они не

³⁸ Ганцова-Берникова В. Отголоски декабрьского восстания... С. 193.

³⁹ Цявловский М. А. Эпиграмма Пушкина на Аракчеева // Литературный критик. 1940, № 7—8. С. 220.

понравились и она приказала их оставить. Вступил на престол государь Павел и тотчас повелел приступить к окончанию сих зданий, и церковь была докончена кирпичом; в то же время нашли — не знают кем написанные — стихи:

Сей храм, двум царствам столь приличный,
Основа — мрамор, верх кирпичный». ⁴⁰

Автором эпиграммы многие мемуаристы (А. Коцебу, А. С. Шишков) называли капитан-лейтенанта Акимова. Морской офицер, отправленный незадолго до кончины императрицы в Англию, вернулся оттуда в павловскую Россию. Потрясенный разительными переменами, он прибил эпigramму к стене Исаакиевского собора. По приказанию Павла Акимов был подвергнут жесточайшему наказанию, лишен чинов и дворянства и сослан в Сибирь. Начальник тайной полиции при Александре I Я. де Санглен утверждал, что Акимов не сам сочинил эпigramму, а пострадал исключительно за ее распространение. Позднее эпigramму безосновательно атрибутировали В. Н. Каразину (Кс. Полевой) и Н. М. Карамзину (Н. И. Греч). По свидетельству П. А. Вяземского, Ф. А. Толстой «уверял Карамзина, что эти стихи им сочинены, но Карамзин этому не верил, равно не поверят все, знавшие Толстого». ⁴¹

В первой четверти XIX в. эпigramму дополнили символом Александровской эпохи и приписали Пушкину. В анонимном «Рукописном сборнике прозаических и стихотворных произведений» двустийшие, озаглавленное «Надпись к Исакиевской церкви», имеет следующий вид:

Здесь храм трех царств изображенье:
Гранит, кирпич и разрушенье. ⁴²

Датировка эпigramмы устанавливается по бумаге 1823 г. Почти такой же вариант приводит в своих рассказах Е. Н. Львова, уверяя, что стихи были найдены при разрушении собора. ⁴³

В таком варианте эпigramма была впервые напечатана в 1861 г. за границей Н. В. Гербелем как пушкинская. ⁴⁴ Здесь она характеризует уже не Александровскую, а Николаевскую эпоху. ⁴⁵

⁴⁰ Рассказы Е. Н. Львовой // Русская старина. 1880. № 6. С. 356.

⁴¹ См.: Степанов В. П. Убийство Павла I и «вольная» поэзия // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 78, 79.

⁴² ПД, ф. 244, оп. 8, № 78, л. 4.

⁴³ Рассказы Е. Н. Львовой. С. 356.

⁴⁴ Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений. С. 96.

⁴⁵ Там же. С. 231.

Боже, коль ты еси,
 Всех царей в грязь меси,
 Кинь под престол
 Мишеньку, Машеньку,
 Костеньку, Сашеньку
 И Николашеньку
 Ж...й на кол.

Впервые как пушкинскую пародию на российский гимн, эпиграмму представил декабрист А. В. Поджио на допросе следственного комитета от 12 марта 1826 г. Поджио припомнил, что на совещании, происходившем осенью 1823 г. на квартире у И. И. Пущина, речь шла о сочинении песен и пародий «наподобие „Боже, спаси царя” Пушкина».⁴⁶ В семье Бестужевых автором песни считали А. А. Дельвига. Подлинным автором стихотворения является художник А. В. Уткин (ок. 1796—1836). Арестованный вместе с А. И. Герценом в 1834 г. А. В. Уткин на следствии сознался в сочинении пародии на гимн «Боже, царя храни...», был заключен в Шлиссельбургскую крепость, где вскоре и умер.⁴⁷

В июле 1827 г. ближайший помощник Бенкендорфа М. Я. фон Фок записал еще одну политическую эпиграмму, приписанную Пушкину: «Des vers qu'on attribue à Pouschkin circulent en ville et on les dit par coeur. Les voici tels qu'on me les a repetes (перевод: «По городу ходят стихи, которые приписывают Пушкину и которые все твердят наизусть»). Вот они в том виде, как их мне повторяли:

Россия в оба ты гляди!
 Министрам товарищи даны.
 Но от Дашки, от Блуда
 И от Рюрикова уда
 Чего ты можешь ожидать!»⁴⁸

Шефу жандармов не стоило большого труда расшифровать имя «Рюриковича». «Долгоруков» — написал он на записке Фока, имея в виду князя А. А. Долгорукова, назначенного в 1827 г. товарищем министра юстиции и управляющим этим ми-

⁴⁶ Восстание декабристов. Т. 11. С. 74.

⁴⁷ См.: Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 8. С. 468.

⁴⁸ Модзалевский Б. Л. Пушкин под тайным надзором. Л., 1925. С. 65.

нистерством. Годом ранее Д. В. Дашков был назначен товарищем министра внутренних дел, а Д. Н. Блудов — товарищем министра народного просвещения.

* * *

С 1827 г. по всей России стали ходить эпиграммы на Николая I. Три из них: «Едва царем он стал...», «Великий государь...», «Оригинал похож на бюст...» приписывались Пушкину. По вполне понятным причинам они бытовали главным образом в устной традиции. До нас дошли списки середины XIX в.⁴⁹ По поводу распространения эпиграммы «Едва царем он стал...», приписанной Пушкину, вопрос рассматривался в Правительствующем Сенате и Госсовете. В деле № 331 Департамента гражданских и духовных дел за 1828 г. изложены следующие обстоятельства. Отставленный за «дурное поведение» ст службы поручик второго Украинского уланского полка Дмитрий Селигановский был задержан 11 ноября 1827 г. в Рязани в нетрезвом виде жандармским унтер-офицером Семеновым и препровожден в полицейскую часть. На следующий день, согласно рапорту полицмейстера, «упомянутый Селигановский вытрезвился» и был освобожден из-под присмотра полиции. Однако вскоре он снова был задержан по приказу рязанского гражданского губернатора Шредера, которому жандармский подполковник Приклонский в приватной беседе сообщил некоторые подробности относительно Селигановского. Задержанный Семеновым отставной поручик якобы рассказал ему, что «он был во многих иностранных государствах и служил будто в свите Его Величества», а затем «стал ему декламировать стихи», которые жандарм, «вслушиваясь в оные находил их весьма неприличными, которые, вытвердив на память, передал подполковнику Приклонскому». На допросе у губернатора Селигановский признавался сначала в чтении стихов: «Ничто ново под луною; что было, то будет ввек, и прежде кровь лилась рекою, и прежде плакал человек. И царь, и раб, безумец и мудрец, невинная душа, преступник, изверг злобы, исчезнут все как тень, и всем один конец; на всех грозится смерть, для всех отверзты гробы!», а через несколько дней написал другие стихи: «Лишь только на престол, — он накуралесил, пятерых повесил, а остальных в Сибирь сослал!», которые он якобы

⁴⁹ ПД, ф. 244, оп. 8, № 8, л. 9 об.; № 34, л. 65; № 63, л. 49; № 92, л. 77; № 104, л. 23 об.

слышал в доме помещика Николая Иванчина. Корнет Николай Иванчин дал по этому поводу следующее объяснение: поручик Селигановский, скитаясь без пристанища, просил его о помощи. «Он умел вкрасться так, что он, Иванчин, нимало его ни в чем не подозревая, позволил прожить у себя в доме несколько времени». Однажды Селигановский, поведав о своем знакомстве с Пушкиным, спровоцировал хозяина дома на чтение дерзких стихов поэта. Эти стихи Иванчин слышал еще в полку, но от кого именно, он вспомнить не мог. Позднее на суде Иванчин отвергал чтение эпиграммы на Николая I и говорил, что он имел в виду совсем другие стихи, «сочиненные будто бы Пушкиным»: «Иной под кивер спрятав ум, уже в воинственном наряде, гусарской саблею махнув, в крещенской утренней прохладе красиво мерзнет на параде и едет греться в караул!». Версию Иванчина подтвердил свидетель подпоручик Семен Тулаев. Мнение рязанского уездного суда и рязанской палаты уголовного суда относительно степени вины и соответственно наказания обвиняемых разделились, и рязанский гражданский губернатор представил дело в Сенат. В заключении Сената, утвержденном Департаментом гражданских и духовных дел, поручик Селигановский, обличенный «в знании оскорбительных для Высочайшей особы Его Императорского Величества стихов», приговаривался к лишению чинов и дворянства и ссылке в Сибирь на каторжную работу. Отставному корнету Иванчину и подпоручику Тулаеву, вина которых (первого в чтении, а второго в слушании «дерзновенных стихов») не была окончательно установлена, но подозрение в знании этих стихов сохранилось, вменялось в наказание трехмесячное тюремное содержание с последующей подпиской о воздержании от подобных занятий и установлением строго надзора за их поведением со стороны местного начальства.⁵⁰

Эпиграммы на Николая I впервые были опубликованы в 1861 г. в заграничной печати.⁵¹ Гербель напечатал только две из них: «Великий государь...» и «Едва царем он стал...».⁵² В России их впервые перепечатали в 1918 г.;⁵³ все три впервые напечатал Брюсов.⁵⁴

Первые две эпиграммы датируются второй половиной 1826 г., «Оригинал похож на бюст...» — 1826—1832 гг. Датировка последней эпиграммы напрямую связана с исполнением скульптором Петром Нормоновым бюста императора Ни-

⁵⁰ ПД, ф. 244, оп. 16, № 33.

⁵¹ Русская потаенная литература. С. 82.

⁵² Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений. С. 93.

⁵³ Собрание запрещенных стихотворений. Пб., 1918. С. 80.

⁵⁴ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. М., 1919. Т. 1. С. 339.

колая I. В «Истории русского искусства» И. Грабаря приводится фотокопия бюста, хранящегося в Академии художеств, с датировкой «до 1832 г.».⁵⁵ В комментарии сообщается, что «ничем не выделившийся Петр Мормонов оставил нам очень любопытный мраморный бюст молодого императора Николая I».⁵⁶ Один из списков эпиграммы находится в рукописном сборнике (РНБ), датированном не позднее 1832 г.⁵⁷ О масштабах распространения эпиграммы можно судить по записи ее в казанском сборнике Н. К. Чупина, заполнявшемся в 40-е гг. XIX столетия.⁵⁸

А. В. Дубровский

⁵⁵ Грабарь И. История русского искусства: Т. 1—6. Т. 5: История скульптуры. Вып. 10. М.: Изд-во Кнебель, 1909. С. 205.

⁵⁶ Там же. С. 206.

⁵⁷ Русская эпиграмма второй половины XVII—начала XX в. Л., 1975. С. 832. (Б-ка поэта. Большая сер.).

⁵⁸ О рукописном сборнике Н. К. Чупина, ныне хранящемся в Гос. архиве Свердловской области (ГАСО, ф. 129, оп. 1, № 257, л. 6) см.: *Мальшикина Л. М. Рукописный сборник стихотворений Пушкина // Болдинские чтения. Горький, 1976. С. 165—170.*

НОВЫЕ ФАКТЫ К ИСТОРИИ СООРУЖЕНИЯ НАДГРОБНОГО ПАМЯТНИКА А. С. ПУШКИНУ

Многие годы могила поэта¹ была практически в неизвестности, хотя имеются сведения об отдельных посещениях ее учеными, путешественниками, журналистами. В результате таких посещений появились описания памятника,² о существовании которого знали очень немногие.

Несколько расширило круг «посвященных» описание, помещенное П. В. Анненковым в «Материалах для биографии Александра Сергеевича Пушкина» (1855). И лишь тогда, когда на повестку дня в стране был поставлен вопрос о сооружении памятника Пушкину в Москве, «вспомнили» о месте последнего упокоения поэта, о его могиле и о состоянии памятника, как выяснилось, весьма неприглядном. Читаем в одной из публикаций

¹ В 1837—1841 гг. на могиле стоял деревянный крест с надписью «Пушкин», летом 1841 г. установлен ныне существующий обелиск.

² Наиболее ранние описания см.: *Студитский*. Святогорский монастырь и могила А. Пушкина // Иллюстрация. СПб., 1848. Т. 6. № 9. С. 133, 137, 138; *Мацкевич Д.* Святогорский монастырь и село Михайловское: Путевые заметки // Северная пчела. СПб., 1848. № 249. 5 ноября. С. 996.

начала 1870-х гг.: «Не мешало бы и любителям русского слова вообще и псковичам в особенности вспомнить, что самая могила поэта находится в печальном состоянии...».³

В канун столетия со дня рождения Пушкина псковский краевед И. И. Василёв писал: «Как смерть поэта и его погребение были окружены таинственностью, так и памятник ему подвергся той же участи. Вследствие сего о памятнике, как предмете, по происхождению неизвестном, позволялось все говорить, что могла изобрести досужая фантазия, кроме действительных сведений... Вообще отношения общества к могиле поэта наводят на самые грустные размышления. Был один такой период, в который этот памятник мог исчезнуть совсем, если бы не существовала статья закона о неприкосновенности фамильных могил при жизни родственников умершего. До сего времени, например (напомним, что написано это в 1899 г. — Авт.), нет точных документальных сведений: когда и на чьи средства он устроен... О времени постройки памятника тоже разнообразные сведения (курсив наш. — Авт.)».⁴ Тогда автор публикации считал, что памятник установлен в конце 1840-х гг.

Что же изменилось в изучении этих вопросов за прошедший век (теперь уже и того более)?

1

Во второй половине 1920-х гг. изучение материалов Опекы над детьми и имуществом Пушкина позволило известному филологу Павлу Елисеевичу Щеголеву (1877—1931) разыскать документ, в значительной мере проливающий свет на историю надгробного памятника: «Счет по сооружению и отправке Псковской губернии в Монастырь Святыя Горы надгробного, покойному Александру Сергеевичу Г.[осподину] Пушкину Мраморного памятника».

Исследователь опубликовал этот документ в 1928 г.⁵ С тех пор, в течение всего последующего периода XX в., он являлся единственным историческим источником, позволившим установить такие важные сведения о памятнике, как фамилия и имя его изготовителя, время создания, условия отправки в Святые Горы и др.

³ См.: Псковские губернские ведомости. 1871. № 24. 19 июня. С. 194.

⁴ См.: Василёв И. И. Следы пребывания Александра Сергеевича Пушкина в Псковской губернии. СПб., 1899. С. 9.

⁵ См.: Щеголев П. Е. Пушкин и мужики. М., 1928. С. 234—236.

Сейчас, вероятно, невозможно ответить на такие вопросы: почему П. Е. Щеголев найденный им документ (с достаточно важной для пушкиноведения информацией) в свое время не прокомментировал, а также не указал, что пользовался он не подлинником, а писарской копией? В последнем факте мы смогли убедиться, работая в 2001—2002 гг. в Рукописном отделе ИРЛИ в поисках новых первоисточников для создаваемой нами истории сооружения памятников поэту. При этом просмотр документов, в частности материалов Опеки, принес ряд неожиданных результатов.

Одним из них, как мы уже указали, стал факт копийности опубликованного П. Е. Щеголевым в 1928 г. документа. Сигналом к тому, что это, скорее всего, копия, явилась пометка об отсутствии на нем формальных реквизитов подлинника (подписей) в «Бюлетене рукописного отдела Пушкинского Дома» (М.; Л., 1959. Вып. 8).

Отметим, что после 1928 г. к фактам, содержащимся в публикации П. Е. Щеголева, исследователи обращались крайне редко. Лишь в середине 1950-х гг. сведения из нее использовали в своих работах А. М. Гордин и С. С. Гейченко. Другие, более поздние, обращения к этому документу носят, как правило, компилятивный характер, являются перепевом текстов названных авторов нередко с произвольным включением каких-то новых «фактов», затем кочующих из издания в издание.

2

Рассмотрим этот документ. Он представляет собой (пользуясь современной технической терминологией) сводную смету расходов на сооружение памятника. Эта смета, неточно именуемая авторами «Счетом» (ибо этот же термин в своем общепринятом понятии используется также и внутри документа), определяет общую сумму расходов (2941 р. 50 к.) и называет отдельные статьи затрат с их обоснованием. «Счет» составлен 31 декабря 1840 г. (в дальнейшем тексте обозначим его условно «Счет-1840») со ссылками на другие документы, датированные 1 марта и 10 декабря 1840 г.

Расходная часть (пункты 1—3) включает: изготовление монумента; упаковку его в ящики для предстоящей перевозки; доставку из Санкт-Петербурга в Святые Горы; установку на месте погребения поэта.

Далее (пункты 4—5) зафиксированы источники покрытия названных расходов.

1. Санкт-Петербургскому Монументальному цеха мастеру Александру Пермагорову по условию 1-го марта 1840 г. заплачено за дело и укупорку в ящики памятника (Условие № 1) — 2300 руб.

Этот пункт содержит важнейшую информацию — впервые (через 87 лет после установки) называется имя исполнителя надгробного памятника А. С. Пушкину в лице петербургского мастера монументного дела А. Пермагорова. Мы узнаем также, что на изготовление памятника между ним и Опекой 1 марта 1840 г. был заключен договор («Условие»).

К сожалению, не указана дата окончательного расчета с исполнителем (как это сделано в последующих пунктах документа), что не позволяет датировать фактический срок окончания работы. Приходится заметить, что различные сроки завершения работы над памятником, попавшие на страницы некоторых публикаций, вероятно, могут рассматриваться не более как вольные авторские предположения.

Текст договора Опеки с А. Пермагоровым П. Е. Щеголеву обнаружить не удалось, и он посчитал его утраченным. Повторный просмотр материалов, предпринятый нами, также не дал результатов в этом вопросе.

2. Подрядчикам Гусеву и Семенову за доставку памятника в Монастырь Святые Горы (Счет № 2) — 491 руб. 50 к.

Согласно этому пункту тогда же стали известны (также впервые) фамилии людей, доставлявших изготовленный и упакованный А. Пермагоровым памятник в Святые Горы. Это — Сергей Гусев и Антон Семенов.

Из прилагаемой копии счета № 2 мы узнаем, что перевозимый памятник весил более 270 пудов (4.3 т) и перевозился в виде двух каменных плит и пяти ящиков с мраморными частями. Расчет в виде аванса был осуществлен с подрядчиками 10 декабря 1840 г.

Из этого документа мы также узнаем, что для проезда М. И. Калашникова были предусмотрены средства на отдельную подводу с кибиткой.

3. Служителю Михайлу Калашникову [здесь и далее в «Счете» написание фамилии — *Калачников*] выдано на расходы по постановлению одного памятника на месте — 75 руб., на содержание его Калашникова в пути, на месте и при обратном проезде в Петербург (два месяца) — 60 руб., на платеж за подводу при проезде обратно в Петербург — 15 руб.,

итого — 150 руб.

(Расписка № 3)

Итого — 2941 руб. 50 к.

Для установки памятника в Святых Горах по просьбе Натальи Николаевны Пушкиной Опекой сроком на два месяца был нанят бывший управляющий А. С. Пушкина в Михайловском Михаил Иванович Калашников. И он же, как следует из документа, вел окончательные расчеты с подрядчиками после доставки памятника на место. Приводимая там же копия расписки М. И. Калашникова (№ 3) свидетельствует о том, что расчет с ним осуществлен также 10 декабря 1840 г.

Такова расходная часть сметы. Далее следует «приходная» часть.

4. Получено из выделенных Н. Н. Пушкиной 1 января 1840 г. (Счет № 4)⁶ — 1781 руб. 60 к.

5. [Получено] Из таковых же сумм, назначенных ей Опекою 31 декабря 1840 г. из 12 650 руб. 96 к. (Счет № 5)⁷ — 1159 руб. 90 к.

Итого — 2941 руб. 50 к.

Из этой части документа мы узнаем, что все расходы (до копейки) были покрыты за счет «пенсии» Натальи Николаевны. Поэтому встречающийся в «Счете-1840» текст «получено из Опеки» нужно понимать не буквально (как это переключало во многие публикации), а, памятуя, что Опека взыскала эти средства из сумм, назначенных вдове поэта.

Таким образом, найденный и опубликованный П. Е. Щеголевым документ позволил узнать не только имя изготовителя, но и затраты на установку памятника, условия отправки его в Святые Горы, за чей счет он был установлен, а также четко ограничить время его создания (начало — не ранее 1 марта, окончание — не позднее 10 декабря 1840 г.).

Строго говоря, копия не может заменить подлинника. Не являясь в своей основе первоисточником, она обычно служит лишь вспомогательным материалом. Но в данном конкретном случае, с нашей точки зрения, находящийся в делах Опеки этот документ не дает серьезных оснований сомневаться в его достоверности и соответствии копированвшимся подлинникам. С таким предварительным (для себя) заключением мы продолжали поиск.

3

В процессе изучения материалов Опеки нам удалось разыскать еще одно, на этот раз строго документальное, свидетельство о памятнике, которое именуется: «Счет денежным суммам,

⁶ Копия счета № 4 приложена.

⁷ Счет № 5 не найден.

принадлежащим Наталье Николаевне г-же Пушкиной».⁸ Эта выписка является подлинником, собственноручно подписанным 31 декабря 1839 г. Г. А. Строгановым, возглавлявшим Опеку (в дальнейшем тексте обозначим ее условно «Счет-1839»). Приводим полный текст документа.

СЧЕТ
денежным суммам, принадлежащим
Натальи Николаевне г-же Пушкиной
(выписка)

31 декабря 1839 г.

С 1 февраля 1837 г. (...)

На 1 января 1840 г.

45.768 руб.

Из сей суммы удерживается на сооружение надгробного памятника покойному

Александру Сергеевичу (*)

Остаток

1.768 руб.

44.000 руб.

Подпись [автограф]

31 декабря 1839 г.

Гр. Строганов.

Хронологически этот первоисточник предшествует «Счету-1840». И хотя он значительно менее информативен, но достаточно важен в цепи выстраиваемых нами событий, составляющих историю надгробного памятника.

Во-первых, и это представляется нам очень важным, «Счет-1839» по форме, по смыслу и по суммам (до копейки) стыкуется со «Счетом-1840», косвенно подтверждая тем самым достоверность последнего.⁹

Во-вторых, мы уже упоминали, что сумма средств, затраченная на изготовление и установку памятника, разделена в «Счете-1840» на две части. Первая часть (1781 р. 60 к.) получена из денег, начисленных Н. Н. Пушкиной на 1 января 1840 г., вторая — из таковых же, но на 31 декабря 1840 г.

⁸ ИРЛИ, ф. 244, оп. 19, д. 47. Впервые опубл. нами в кн.: *Гдалин А. Д., Иванова М. Р.* Памятники А. С. Пушкину на Псковской земле: Михайловская Пушкиниана. М., 2003. Вып. 27. С. 263.

⁹ Разница в суммах на 13 р. 60 к. объясняется полученными в 1840 г. процентами, что подтверждено соответствующей строкой счета № 4.

* Чего стоить будет памятник, по несоставлению рисунка и счета, еще не известно; но если сооружение ей обойдется дешевле 1768 руб., то остаточные деньги возвратятся Наталье Николаевне, а если дороже, то употребленные (сверх 1768 руб.) вычтены будут из сумм, последующих Наталье Николаевне из Опекы, по продаже с января 1840 г. сочинений ее супруга.

Теперь становится понятным, что в 1839 г., хотя памятник еще не изготавливался, отчисления на его предстоящее сооружение из средств 1839 г. (на 1 января 1840 г.) были сделаны Опекой сугубо ориентировочно. В предвидении затрат на осуществление принятого решения из суммы средств Натальи Николаевны удержано 1768 р. (из общего капитала 45 768 р.), т. е. за счет округления общей суммы капитала до 44 тыс. р.

В-третьих, «Счет-1839» содержит в виде примечания очень важное для воссоздания истории памятника пояснение, благодаря которому мы получили документальное свидетельство того, что на 31 декабря 1839 г. еще не было ни проекта (рисунка, эскиза) монумента, ни сметы на его сооружение. Значит, все события, связанные с заказом и изготовлением надгробного памятника происходили после 31 декабря 1839 г., т. е. в 1840 г. И снова приходится заметить, что утверждения некоторых авторов¹⁰ о более ранних сроках не нашли своего подтверждения и должны быть оценены как заведомо недостоверные.

Дата заключения договора Опеки с Александром Пермагоровым — 1 марта 1840 г. позволяет судить о том, что к этому моменту уже существовал эскиз надгробия. Следовательно, подготовлен он мог быть лишь в течение января—февраля 1840 г.

Документальных сведений об авторе эскиза нет, существуют предположения. Архитектор Л. И. Рожнов, например, считает, что им был «кто-то из видных петербургских архитекторов».¹¹ Вполне правдоподобной нам кажется версия о возможном авторстве Василия Андреевича Жуковского. В то же время мы не исключаем того, что эскиз мог быть доработан А. Пермагоровым, которому намеревались поручить работу по изготовлению памятника. Именно в таком случае становится понятным подмеченный С. С. Гейченко факт: отдельные элементы других памятников, созданных в мастерской А. Пермагорова (а возможно, и им лично) перекликаются с деталями памятника А. С. Пушкину в Святогорском монастыре.

Обобщая изложенное, можно заключить, что незафиксированная в свое время история сооружения надгробного памятника

¹⁰ См., например: Бозырев В. С. Святогорский монастырь-музей. Могила Пушкина // Бозырев В. С. Музей-заповедник А. С. Пушкина. Л., 1979. С. 225 (заказ памятника датируется концом 1838 г.).

¹¹ См.: Рожнов Л. И. Восстановление Государственного Пушкинского заповедника Академией наук СССР. 1946—1949 гг. СПб., 1995. С. 121.

Пушкину постепенно обретает свою документальную основу. Но до сих пор продолжают оставаться вопросы, требующие дальнейших поисков. Среди них — уточнение автора эскиза памятника, а также время завершения работ по его сооружению летом 1841 г.

4

Введение П. Е. Щеголевым в научный оборот Пушкинианы имени Александра Пермагорова вызвало в 1950-х гг. интерес к этой личности со стороны исследователей-пушкинистов. Некоторые сведения о нем (в частности, в связи с работой мастера на Петергофской гранильной фабрике) удалось выяснить С. С. Гейченко. Однако воссозданный им на страницах книги «У Лукоморья» и в ряде статей образ Пермагорова, как отмечают исследователи, далеко не во всем находит свое документальное подтверждение. Кроме того, возникла путаница с его отчеством, местом рождения, частично не совпадают имена и фамилии работавших с ним мастеров и др.

Как удалось выяснить нам только сейчас, еще в начале 1970-х гг. в ленинградском Государственном музее городской скульптуры (ГМГС) велась исследовательская работа по поиску документальных сведений об этом петербургском мастере мемориальной скульптуры, чьи работы (надгробия) установлены в некрополе Александро-Невской лавры.

В результате архивного поиска старшим научным сотрудником ГМГС Р. С. Евсеевой была составлена Научная справка,¹² из которой явствует, что отец мастера *Михаил* Пермагоров (стало быть, подлинное отчество Александра Пермагорова *Михайлович*¹³) поселился в 80-х гг. XVIII в. в Петербурге, где в его семье в 1786 г. родился сын Александр.

Р. С. Евсеевой удалось разыскать адрес, по которому в 3-й Литейной части жил со своей большой семьей А. М. Пермагоров (территория нынешней улицы Жуковского, строения не сохранились) и где, по всей вероятности, располагалась его мастерская. Есть документальные сведения о мастерах (вольнонаемных рабочих), трудившихся с А. М. Пермагоровым на

¹² *Евсеева Р. С.* Мастер художественного надгробия А. М. Пермагоров: Научная справка. Л., 1974. 18 с. (без приложения).

¹³ Во всех изданиях книги С. С. Гейченко «У Лукоморья» (1971—1986) Пермагоров фигурирует как *Александр Иванович*, как и в ряде других его публикаций (иногда *А. И.*); в одной из статей 1970 г. — как *Александр Михайлович*. В публикациях других авторов, как правило, он значится как *А., А. И.* или *Александр Иванович*.

каменных работах в Зимнем дворце при восстановлении его после пожара 1837 г. Возможно, они же участвовали в изготовлении надгробного памятника поэту. Закончил мастер свой жизненный путь также в Петербурге, вероятнее всего, в 1854 г. (но не позднее 1858 г.).

А. Д. Гдалин, М. Р. Иванова

IV. ХРОНИКА

ОБ ОТКРЫТИИ МЕМОРИАЛЬНОЙ ДОСКИ НА ДОМЕ ГРАФА И. А. АПРАКСИНА В ПЕТЕРБУРГЕ, ГДЕ ЖИЛ ПУШКИН С 1816 ПО 1818 г.

3 июля 2003 г., в четверг, в 15.00 состоялось торжественное открытие мемориальной доски в честь А.С. Пушкина на доме в Петербурге по адресу: канал Грибоедова, 174. Открытие было организовано Пушкинской комиссией РАН (председатель — чл.-кор. РАН, директор Института русской литературы (Пушкинский Дом) Н. Н. Скатов). Работа по изготовлению и установке доски осуществлена на благотворительной основе ЗАО «Возрождение» (председатель совета директоров И. В. Бука-то). Идея дизайна В. П. Старка, архитектор Д. А. Шатилов, помощник архитектора Е. Д. Родионова. Заказчик — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Доску открыли директор Всероссийского музея А. С. Пушкина С. М. Некрасов и ученый секретарь Пушкинской комиссии РАН В. П. Старк. Доска выполнена из белого уральского мрамора, в верхней части выбит профиль поэта с автопортрета-реминисценции 1824 г. в черновиках второй главы романа «Евгений Онегин» (ПД 834, л. 37), на котором Пушкин представил себя после окончания Лицея в годы петербургской юности. Текст доски гласит:

**В этом доме жил
Александр Сергеевич
Пушкин
с 1816-го по 1818-й год**

Старый адрес на 1817 г.:

дом графа И. А. Апраксина в 4-м квартале 4-й Адмиралтейской (Коломенской) части С.-Петербурга на Екатерининском канале № 266 у Калинкина моста.

Основанием для открытия доски послужило исследование, проведенное С. Л. Туриловой и В. П. Старком. Его результаты были опубликованы в альманахе Всероссийского музея

А. С. Пушкина «Пушкинский музей» (СПб., 2003. Вып 3. С. 85—97). В Адресной книге Министерства иностранных дел за 1817 г. С. Л. Туриловой, сотрудником Архива МИДа, была обнаружена собственноручная запись А. С. Пушкина: «Александр Пушкин живет у Калинкина мосту в доме Графа Апраксина». В. П. Старк идентифицировал адрес, установив местоположение дома и проследив его историю.

Дом был построен в конце XVIII в. и сохранился без значительных изменений. Граф Иван Александрович Апраксин (1756—1818) — участник русско-турецкой войны, привезший Екатерине II ключи от крепости Аккерман. Семейство Апраксиных — одно из известнейших в России и состоящее в родстве с домом Романовых; его представители особенно отличились в Северной войне. Пушкин был знаком с детьми гр. И. А. Апраксина. В черновом варианте незавершенной повести «На углу маленькой площади...», действие которой происходит в Коломне, встречается фамилия Апраксиных.

В первый раз Пушкин жил в доме Апраксина с 24 декабря 1816 г. по 1 января 1817 г., когда был отпущен из Лицея на рождественские каникулы. Здесь он встретил в кругу семьи Новый год и написал 22 декабря 1816 г. стихотворение, обращенное к дядюшке В. Л. Пушкину «Тебе, о Нестор Арзамаса». Пасхальные каникулы с 25 марта по 1 апреля 1817 г. Пушкин также провел в этом доме. В третий раз, еще до выпуска из Лицея, с 31 мая до 3 июня 1817 г. он снова живет тут, прибыв из Царского Села для обмундирования. По окончании Лицея Пушкин жил здесь с 11 июня 1817 г. с родителями, братом и сестрой до отъезда с ними в Михайловское в начале июля и, вернувшись в конце августа в Петербург, опять поселился в нем. Летом 1818 г. Пушкин один оставался в доме Апраксина, когда родные уехали в Михайловское.

В этом доме была создана ода «Вольность», другие стихотворения начала петербургской жизни Пушкина и писалась поэма «Руслан и Людмила». Здесь пережил Пушкин первую болезнь зимою в начале 1818 г., «в постеле с жадностью и со вниманием» прочитав первые восемь томов «Истории Государства Российского». Его посещают друзья и даже переодетая гузаром дама полусвета Елизавета Шот-Шедель, на что поэт откликается стихотворением «Выздоровление». Впечатления от жизни в Коломне отразились позднее в поэмах «Езерский», «Медный всадник» и «Домик в Коломне», а также в неоконченных повестях из петербургской жизни.

В. П. Старк

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

- Абай** 112
Аббасов А. М. 75
Абрамкина В. М. 131
Абрамов М. А. 69
Абрамович С. Л. 291, 293—305, 313
Авенариус В. П. 69, 113
Аверкиев Д. В. 69
Аврамов Исаак см. Ганнибал И. А.
Агальцова В. А. 95
Адагуров А. П. 165
Адамович Г. В. 69
Адеркас Б. А. 4, 203, 329—332
Азадовский М. К. 44
Айзенштадт В. Б. 125
Айзенштадт М. Я. 125
Акимов, кап.-лейт. 346
Акимов Б. С. 74
Акимова Н. Н. 2, 70
Акинфов Н. П. 320, 322
Акинфова А. Ю. см. Ржевская А. Ю.
Александр I 84, 107, 113, 117, 252, 253, 257, 259, 261, 322, 344—346
Александр II 261
Александра Федоровна, имп. 307
Александров Б. 158
Александров П. А. 342
Александрова Т. А. 101
Алексеев А. А. 144
Алексеев А. И. 153
Алексеев М. П. 45, 47, 70, 83, 104, 112, 133
Алексеев П. П. 90, 128
Аллен Л. Н. 70, 80
Аловерт Н. Н. 119
Алпатов Т. А. 70
Альберт Майнцский, герц. 60
Альберт Мансфельдский, гр. 55
Альбеткова Р. И. 103
Альдинский А. П. 165
Альми И. Л. 91, 94
Альтшуллер М. Г. 4, 70, 187, 233, 264—270
Алябьев А. А. 141, 142
Аминов Р. 70
Аминова Р. 70
Анастасий, митрополит 107
Андреев И. М. 107
Андреевский В. Т. 156, 166
Андрейко Е. В. 73, 90
Андреянова Е. И. 130
Андро (урожд. Оленина) А. А. 93, 156, 166
Андронников И. Л. 303, 308
Аникушин М. К. 76
Анисов Л. 70
Анна Святая 58
Анненков П. В. 94, 326, 342, 344, 350

¹ Указатели составлены И. В. Кошкинко.

- Анненкова А. А. 98, 109
 Анненкова Е. И. 109
 Анненский Ин. Ф. 91, 94
 Аннинский Л. А. 70
 Аношкина В. М. 70
 Анпилова Д. В. 70
 Антипов Автоном, пономарь 328
 Антоний, епископ 107
 Антоний, митрополит 107
 Апраксин И. А., гр. 358, 359
 Апраксины 359
 Апрелев А. Ф. 156, 166
 Апрелев Ф. И. 156
 Аракчеев А. А., гр. 259, 262, 338, 344, 345
 Арапова А. П. 284—294, 306, 307, 313
 Арденс А. 136, 149
 Арендт А. А. 71
 Арина Родионовна 128, 203
 Аринштейн Л. М. 71, 112
 Ариосто 207
 Аристотель 32, 34—36
 Аркин И. И. 71
 Арро С. 97
 Арсеньев К. И. 4, 249—252, 255—264
 Арсеньев К. К. 250
 Арсеньев Ю. К. 250
 Арсенева А. И. 165
 Артамонов М. Д. 98
 Архангельский А. Н. 71, 109
 Архип, садовник 203
 Арцыбашев М. П. 71
 Астафьев В. П. 71
 Афанасьев С. И. 3, 152—169
 Ахматова А. А. 44, 45, 71, 72, 80, 94, 217, 293
 Ашукова-Зингер М. Г. 308
 Баева А. А. 71
 Баевский В. С. 71, 84, 108, 116
 Базанова А. Е. 72
 Базин Ф. П. 160
 Байков Н. Ф. 323
 Байков Н. Н. 323
 Байкова А. Н. см. Неелова А. Н.
 Байрон Д.-Г. 9—15, 20, 65, 78, 82, 84, 104, 113, 222
 Бакунин А. П. 279
 Бакунин И. М. 156, 166
 Бакунин М. П. 156
 Бакунин Н. М. 156, 166
 Бакунин П. В. 156
 Бакунина Е. П. 156
 Бакунины 98
 Балашова И. А. 72, 90
 Балашова Ю. 91
 Балугьянский М. А. 254, 256, 260
 Бальзак О. 77
 Баранов Е. З. 111
 Баратынский Е. А. 74, 83, 86, 87, 92, 94, 115, 237, 342
 Бардадым В. П. 69
 Барклай де Т. М. Б. 118
 Барков А. Н. 72
 Бароти Т. 86
 Барсуков Н. П. 245
 Барятинская М. И. 305, 307—313
 Бартенева П. И. 228, 239, 287, 294
 Барятинская Л. см. Ржевская Л.
 Басина М. Я. 72,
 Баташев Н. С. 303
 Батеньков Г. С. 270
 Батлер М. Э. 114
 Батурова Т. К. 111
 Батюшков К. Н. 5, 13, 15, 19, 115, 180—182, 188, 192, 194, 195, 216
 Бахрутин К. А. 130
 Бахтин Д. 113
 Бахтин М. М. 118
 Башилов Б. 107
 Башмакова (урожд. Суворова) В. А. 157, 166
 Беглов В. А. 72

- Безбородко А. А. (Безбородкин) 159, 167
- Беклешов А. А. 318, 319, 322
- Беклешов Н. А. 329
- Беленький Г. И. 72
- Белецкий А. И. 112
- Белизар 55
- Белинский В. Г. 25, 31, 35, 85, 105, 112, 195
- Белкин Д. И. 50, 108
- Беллини В. 142
- Белова Л. А. 72
- Белова Н. А. 72
- Белосельский (Белозерский) А. М. 160
- Белый А. А. 72, 97
- Беляев А. П. 153, 154
- Беляев М. Д. 338
- Белянин В. П. 114
- Бенкендорф А. Х., барон 73, 87, 90, 106, 226—228, 231, 232, 234, 236, 237, 238, 240, 242, 244, 245, 347
- Березкина С. В. 4, 73, 108, 226—248
- Берестов 87
- Берлиоз Г. 132—134
- Берлихинген Г., фон 60
- Берх В. 157
- Бестужев А. А. (Марлинский) 89, 157, 166
- Бестужев А. Ф. 157
- Бестужев Н. А. 270, 342
- Бестужев Павел А. 157, 166
- Бестужев Петр А. 157, 166
- Бестужев-Рюмин М. П. 271—275, 277, 278, 281, 283
- Бестужева Е. А. (Трубецкая) 157, 342
- Бестужевы 342, 347
- Бетанкур А. 173, 175, 177
- Бетеа Д. М. 69, 73
- Бецкий И. И. 159
- Бибикова Е. В. 85
- Билинкис М. Я. 73
- Бион 182, 183, 185, 194, 195
- Битов А. Г. 73
- Бицилли П. М. 73, 98
- Благова Э. 213
- Благой Д. Д. 73, 101, 112, 344
- Блеклов В. В. 73
- Блинова Е. М. 250, 263
- Блок А. 88
- Блудов Д. Н. 235, 263, 347 (Блуд), 348
- Бобринская (урожд. Самойлова) С. А. 157, 166
- Бобринский А. Г. 157
- Бобринский В. А. 157, 166
- Бобринский Лев (Петр) 166
- Бобрищева-Пушкина А. О. 164
- Боброва Е. И. 133
- Богданович Г. Ю. 90
- Богдановы 339
- Боглова М. В. 73, 94
- Богомолов Н. А. 126
- Бодуэн де Куртене И. А. 214
- Бозырев В. С. 96
- Бойко К. А. 45
- Болдырев Н. 74
- Болякин Ф. Я. 111
- Бомарше П. О. 65
- Бондаренко В. В. 76
- Бонди С. М. 44, 45, 74, 91, 112
- Борисов Ю. Н. 108
- Боровков А. Д. 273, 278
- Боровский Д. 97
- Бороздин А. М. 160
- Бороздина Е. А. см. Лихарева Е. А.
- Борх (урожд. Лаваль) С. И. 157, 166
- Бочаров С. Г. 217, 218, 223
- Бочкарев В. А. 113
- Боян 100
- Боярский В. 71
- Брагина А. А. 74
- Брандт Д. 341
- Бржозовская Н. 74
- Бродский И. А. 74, 94, 217
- Бродский Н. Л. 112
- Бройтман С. Н. 217, 218
- Брокгауз Ф. П. 264
- Бронштейн А. И. 90
- Брюс Я. В. 111

- Брюсов В. Я. 27, 28, 116, 343, 349
 Буало 192
 Будаков В. 126
 Будылин И. Т. 74, 95
 Букато И. В. 358
 Булгаков М. А. 74, 90, 95, 112, 124
 Булгаков С. Н. 106
 Булгарин Ф. В. 70, 105, 133, 226,
 228—239, 241—248, 263
 Булдаков М. М. 162
 Буле О. 86
 Буранок Н. А. 113
 Буре Н. А. 114
 Буренин В. П. 144
 Бурлаков А. В. 74
 Буруковская Т. Г. 76
 Буслаев Ф. И. 243
 Бутера, кн. и книж. 173
 Буточкин Д. М. 91, 94
 Бутрина В. Ф. 74, 116
 Бутурлин Д. П. 157, 164, 274, 278
 Бутурлин П. Д. 157, 166
 Бутурлина Е. Д. см. Соммарива Е. Д.
 Бухарин Я. 163
 Бухарина (урожд. Полторацкая) Е. Ф.
 157, 166
 Бухарина Е. Я. 163
 Бухаркин П. Е. 86
 Быков Л. А. 85
 Быченкова Л. 74
 Бялый В. Я. 96, 99
- Вайль П. 74**
 Валдекский, гр. 54
 Валмосова-Бонди Н. В. 74
 Вальн 267
 Ванькович В. 115
 Варсонофий, архимандрит 110
 Василевич Г. Н. 97
 Василёв И. И. 351
 Василий Буслаевич 91
 Василий Великий Св. 213
 Васильев Ан. 97
 Васильев Б. А. 88
- Васильев В. И. 126
 Васильев Г. 130
 Васильев М. Е. 96, 120
 Васильев С. (Флеров) 140
 Васильев С. Ф. 86
 Васильева И. В. 3, 4, 169—177,
 314—322
 Васильева Л. А. 96
 Васильчиков И. В. 157
 Васильчикова (урожд. Пашкова) Т. В.
 157, 166
 Вахтель М. 113
 Вацуро В. Э. 45, 46, 50—52, 77, 107,
 193, 233
 Вебер К. М. 72, 111
 Вель А. 91
 Венгеров С. А. 29, 190, 314, 315
 Веневитинов Д. 87, 96, 105
 Вергилий П.-М. 16, 187
 Верди Д. 136
 Вересаев В. В. 75, 91, 103, 112, 114
 Верстолк 173
 Вершинина Н. Л. 4, 94, 95, 105, 183,
 188, 217—225
 Ветловская В. Е. 3, 29—43
 Вечерка Р. 213
 Вигель Ф. Ф. 103
 Вийе Ш. 54
 Викторова К. П. 75, 76
 Викторovich В. А. 109
 Вильк Е. А. 3, 5—28, 107
 Вильмен А. Ф. 227, 231
 Винкельман И.-И. 42
 Виноградов А. И. 117, 123
 Виноградов В. В. 73, 112, 214, 217,
 219, 224, 250, 263
 Виноградов И. 76
 Винокур Н. Г. 134
 Винокур Т. Г. 79, 100
 Винокуров А. Н. 332
 Виролайнен М. Н. 106
 Витале С. 121, 302, 305, 313
 Виттекер Ц. Х. 252
 Вишневская И. А. 76
 Вишневский В. 141—144

- Владимирский Г. Д. 190, 192
 Воейков А. Ф. 194, 195, 242
 Волков Ал. Ал. 158, 166
 Волков А. Ан. 158, 161
 Волков Ап. Ан. 158
 Волков Р. М. 45
 Волков С. 217
 Волкова Е. Д. 161
 Волконская А. П. см. Дурново А. П.
 Волконская В. М. 158, 166
 Волконская Е. А. 159, 161
 Волконская Э. 84, 101
 Волконская С. Г. 158, 166
 Волконские 260
 Волконский А. 158
 Волконский Г. С. 158
 Волконский Д. П. 159, 161
 Волконский М. П. 158, 255
 Волконский П. М. 159
 Волович Н. М. 76
 Володина Н. В. 94, 109
 Волохонская Т. П. 76
 Волошинов А. В. 69
 Вольперт Л. И. 76
 Вольская Е. Я. 111
 Вольтер Ф. М. А. 65, 81, 104, 268, 341
 Вольф А. И. 137
 Вольховский В. Дм. 77, 270, 279
 Вожежнев П. А. 73, 90
 Воробьев С. М. 110
 Воронин А. С. 336
 Воронов Е. И. 149, 150
 Воронова 149
 Воронцов М. А., гр. 164
 Воронцов М. С., гр. 80, 208, 209, 264
 Воронцов-Вельяминов Г. М. 124
 Воронцова Е. К., гр. 79, 110
 Воронцова М. А. 164
 Восторгов И. И. 107
 Врангель Ф. П. 280—282
 Вревские, бароны 120
 Всеволожский В. А. 158
 Всеволожский Н. В. 158, 166
 Вульф Е. 75, 98
 Вульф И. П. 108
 Вульф П. А. см. Осипова П. А.
 Вульфы 108
 Вындомская П. А. см. Осипова П. А.
 Вындомский А. М. 158, 162
 Вырубов Н. В. 103
 Выскочков Л. С. 102
 Высоцкий В. 76, 108, 109
 Вяземская В. Ф. 287, 293—295, 306,
 310, 313
 Вяземские 290, 307, 308
 Вяземский А. А. 162
 Вяземский Г. А. 158
 Вяземский Н. Г., кн. 339
 Вяземский П. А., кн. 74, 87, 92, 101,
 115, 121, 211, 227, 235, 245—248,
 269, 294, 330, 337, 343, 346
 Вязьмина А. В. 90
 Гагарин П. П. 164
 Гагарин Ф. С. 158
 Гагарин Ф. Ф. 158, 166, 297
 Гаджиев А. Д. 78
 Галеви Ф. 132—134
 Галич Ю. 78, 256—260
 Галкина Т. И. 125
 Гальцева Р. А. 109
 Гамаюнов А. И. 315
 Гамзатов Г. Г. 78
 Ганнибал А. П. 115, 116, 118, 325
 Ганнибал Алдр Павл. 158, 166, 328
 Ганнибал Алдр Петр. 158, 166
 Ганнибал Алдр Ис. 326
 Ганнибал Алдра Ис. 158, 166, 326
 Ганнибал Алдра Петров. 158, 166
 Ганнибал Анна А6. 323
 Ганнибал (урожд. Чихачева) Ан. Ан.
 325—327
 Ганнибал Анна Ис. 158, 166, 326
 Ганнибал Алдр Як. 158, 166
 Ганнибал А. Я. 93
 Ганнибал В. П. 93, 159, 166, 323, 324
 Ганнибал В. Т. 328
 Ганнибал Д. И. 326

- Ганнибал Е. П. 93
 Ганнибал Ив. А. 4, 93, 124, 158, 159
 Ганнибал Ис. А. 158, 159, 323, 325—328
 Ганнибал Е. (Катерина) И. 326
 Ганнибал Л. И. 326
 Ганнибал Л. Я., в замуж. Неелова 323
 Ганнибал (Ганнибалова) (урожд. Пушкина М. А.) 158, 315—317, 322
 Ганнибал М. В., в замуж. Коротова 324
 Ганнибал О. А. 323, 325, 327
 Ганнибал О. Г. 323
 Ганнибал Пав. И. 93
 Ганнибал П. А. 97, 158, 159, 323, 324
 Ганнибал П. И. 93, 326
 Ганнибал С. И. 93, 326
 Ганнибал Я. И. 158, 323
 Ганнибалы 93, 97, 326—328
 Ганулич А. К. 123
 Ганцова-Берникова В. 341, 344, 345
 Гардзонио С. 116
 Гарновская М. Б. 159
 Гарновский 159
 Гаррард Д. 78
 Гаспаров М. Л. 36, 92, 113, 116
 Гастфрейнд Н. 271
 Гачева А. Г. 120, 121
 Гвоздев П. А. 160
 Гвоздева А. И. 160
 Гдалин А. Д. 4, 350—357
 Гедике Р. А. 333, 335
 Гедройц С. 113
 Гейвуд Д. 30
 Гейзер М. М. 78
 Гейченко С. С. 71, 88, 99, 114, 116, 352, 356, 357
 Геккерен Л. барон 121, 171—173, 176, 177, 287, 289, 290, 294, 295, 297—305, 307—314
 Гельман М. 78
 Генрих Брунสวิкский, герц. 56
 Георг (Йорг) рыцарь, юнкер, см. Лютер М.
 Георг Саксонский, герц., 55, 56
 Георгиев Иоанн, свящ. 328
 Гербель Н. В. 342, 343, 346, 349
 Герлован О. К. 48
 Герман К. Ф. 256—261, 263
 Геронимус В. А. 78, 109
 Герцен А. И. 342, 347
 Гершензон М. О. 78, 105, 189, 249—251
 Герштейн Э. 297
 Геснер С. 193, 195
 Гессенский Ф. 55
 Гете И.-В. 60, 65, 74
 Гизо Ф. 94
 Гиллельсон М. И. 228, 231, 245
 Гин Я. И. 78, 104
 Гинзбург Л. Я. 144, 217, 218, 224
 Гладилин М. С. 123
 Глазунов И. С. 78
 Глассе А. 101
 Глебов Г. 221
 Глейхен, гр. 58
 Глинка М. И. 111, 125, 129, 131, 134, 135
 Глинка Ф. Н. 252
 Глукко О. 95
 Глумов А. Н. 138, 139, 142, 143
 Глухов В. И. 78, 94, 104
 Глушкова Т. 105
 Глущенко И. 97
 Гнедич Н. И. 194
 Говоруха-Отрок Ю. Н. (псевдоним Николаев Ю.) 111
 Гоголь Н. В. 31, 32, 70, 72, 78, 80—82, 87, 93, 99, 105, 109—112, 131, 189, 225, 332
 Годунов Б., царь 91
 Гозенпуд А. А. 139, 140
 Голенищев-Кутузов И. Л. 160
 Голенищев-Кутузов Л. И. 156
 Голенищев-Кутузов М. И. 162, 165
 Голиков И. И. 53, 54
 Голицын А. Н. 252, 254, 261, 262
 Голицын В. В. 316
 Голицын С. Г. 123
 Голицын С. С. 159, 166
 Голицын С. Ф. 159

- Голицына Авдотья 126
 Голицына (урожд. Кутайсова) А. П. 159, 166
 Голицына В. Н. 95
 Голицына Ек. 164
 Голицыны 123
 Головачева А. Г. 90
 Головин А. Г. 90
 Головин Н. Н. 164
 Голосова С. А. 90
 Голубева Е. К. 78
 Голубева О. Д. 123
 Голубева Т. А. 91
 Голубцов В. В. 55
 Гольшева А. И. 94, 105
 Гончаров А. Н. 87
 Гончаров Д. Н. 170
 Гончаров И. Н. 170, 173
 Гончаров Ник. 177
 Гончарова А. Н. 172
 Гончарова Е. Н. 3, 169—175, 177, 288, 297, 298
 Гончарова Н. Г. 71
 Гончарова Н. И. 171
 Гончарова-Грабовская С. 90
 Гончаровы 171, 172
 Гораций К.-Ф. 97, 187, 222
 Гордин А. М. 78, 327, 334, 352
 Горелик Л. Л. 79
 Горихвостов 333
 Горский А. А. 136, 137
 Горский П. 84
 Горсткин И. Н. 279
 Горчаков А. М. 125, 164, 270, 331
 Горчаков В. П. 93
 Горчаков М. А. 164
 Горчакова А. М. см. Соллогуб А. М.
 Горчакова Е. М. 162
 Горшков А. И. 79
 Горшман А. М. 77
 Горький М. 79, 91, 99
 Горяев В. 101
 Гофман М. Л. 79
 Грабарь И. 350
 Грабарь-Пассек М. Е. 182, 185
 Граббе П. X. 77
 Грановский Т. Н. 264
 Грабовская В. Н. 77
 Грановская Н. И. 124
 Грачева И. 79
 Грессер 142
 Грехнев В. 217
 Грехнева Г. М. 108
 Греч Н. И. 118, 245—247, 250, 252—255, 260, 261, 346
 Грибков Н. 97
 Грибоедов А. С. 6, 9, 90, 104, 112, 126, 232, 262, 277, 278, 358
 Грива А. О. 90
 Григорьев Ап. А. 79, 105, 112
 Григорьев В. П. 80
 Григорьева А. Д. 79, 214
 Григорьева Е. Н. 86
 Грин Р. 30
 Гришунин А. Л. 79, 98
 Гроссман Л. П. 171, 287, 296, 297
 Грот Я. К. 48—50, 51, 187, 206, 268
 Грошева 79
 Губко Е. А. 107
 Гуковский Г. А. 30, 111, 217
 Гуль Р. 79
 Гуменная Г. Л. 105
 Гумилев Н. С. 80, 113
 Гуно Ш. 136
 Гурьев Д. А., гр. 259
 Гурьева А. П., гр. 101
 Гусарова Е. В. 125
 Гусев В. И. 80
 Гусев С. 353
 Густова Л. И. 94
 Элан (скульптор) 84
 Гюнтер Франц 60
 Давыдов А. И. 96, 118
 Давыдов В. Л. 159, 166, 186
 Давыдов Д. 87, 121
 Давыдов К. Ю. 144
 Давыдов Л. Д. 157, 159, 163

- Давыдов П. Л. 159, 160, 166
 Давыдов С. 69
 Давыдова Е. Н. 157, 163
 Даль В. И. 214
 Данзас Б. К. 279
 Данзас К. К. 125, 172, 289, 290
 Даниил, архангел 56
 Данилов Кириша 48
 Данилов П. 158
 Данстер (Данненстерн) А. Г. 158
 Данстер (Данненстерн) А. Ф. 159, 166
 Данстер (Данненстерн) Г. Г. 158, 159
 Данте А. 80
 Дантес Клод 121, 285
 Дантес Ж.-К. 177
 Дантес Ж.-Ш. 3, 4, 121, 169—170, 172—177, 285—290, 292, 294—301, 303—314
 Дарвин М. Н. 80
 Даргомьжский А. С. 130, 131, 136, 144
 Даршиак, виконт 173, 175, 177
 Дашков Д. В. 229, 347 (Дашка), 348
 Дашкова Е. Р. 87
 Дезин И. А. 164
 Делаво Л. 112
 Дельвиг А. А. 67, 233, 234, 263, 268, 347
 Дельвиг (урожд. Салтыкова) С. М. 159, 167
 Деманж 260
 Деменкова И. А. 80
 Дементьев М. 170, 171, 173
 Дементьев Э. Г. 108
 Дементьева Н. Г. 104
 Демидов А. Г. 157
 Демидов Н. Н. 162
 Демидова Е. А. 162
 Демидова М. М. 157
 Демин А. О. 80
 Денисенко С. В. 3, 80, 106, 107, 129—151
 Депрерадович Н. И. 165
 Державин Г. Р. 44, 46—52, 80, 95, 111, 125, 165, 187, 215
 Джанджакова Е. В. 80
 Дивов В. А. 154, 155
 Дивов П. Г. 154
 Дидло Ш. 130
 Дидро Д. 339
 Димов В. А. 103
 Дмитревский А. Э. 80
 Дмитровский А. Э. 76
 Дмитриев А. 135
 Дмитриев И. И. 100, 246
 Дмитриев-Мамонов М. А. 92
 Дмитриева Н. Л. 80, 111, 133
 Дмитриева Э. Я. 93
 Добровольская А. И. 161
 Добровольская Е. Б. 125
 Добровольский М. В. 161
 Добужинский М. В. 104
 Довгий О. Л. 77
 Дозорец Ж. А. 116
 Дойч Б. 110
 Долгишев В. 80
 Долгополов Н. 114
 Долгополова С. 80
 Долгоруков А. А. 347
 Долгоруков П. И. 343
 Доманский Ю. В. 95
 Домбаев Г. 139
 Доминьяк Э. И. 120, 123
 Дондуков-Корсаков Н. И. 160
 Донин А. Н. 108
 Доницетти Г. 142
 Донская Т. К. 104
 Достоевский Ф. М. 70, 80, 92, 99, 109, 111, 119
 Драгомирецкая Н. В. 104
 Дубельт Л. В. 232, 242
 Дубинина Г. Н. 93
 Дубинский М. 118
 Дубровский А. В. 4, 77, 106, 337—350
 Дунаев М. М. 81
 Дурново (урожд. Волконская) А. П. 159, 167
 Дьяконов И. М. 211
 Дюбюк А. 141

Дюмон-Дюрвиль 267
Дюффени Ш. Р. 112
Дягилев С. П. 72

Евдокимова С. Б. 109
Евсеева Р. С. 357
Егоров Б. Ф. 91
Егоров И. В. 95
Егорова Е. 114
Екатерина I 264
Екатерина II 50, 65, 147, 238, 321, 345
Елагина А. П. 245
Елагина Ф. И. 159
Елизавета II Алексеевна 76, 125, 238
Елизавета Венгерская 58
Елизавета I Петровна 50, 324
Елистратов В. С. 81
Ельцин Б. Н. 106
Еналеева Д. А. 86
Епатко Ю. Г. 114
Епихина Ю. Б. 78
Еремеев А. Э. 81
Еремин М. П. 263
Ермакова Н. А. 81
Ермоленко Г. Н. 81
Ермолов А. П. 87, 241
Еропкин П. М. 333
Ерохин Н. В. 81, 109
Есаков Д. С. 159
Есаков С. И. 159
Есаков С. С. 159, 167
Есипов В. М. 4, 97, 98, 202—212
Ефимов Е. С. 90
Ефимьев Д. 108
Ефремов П. А. 342
Ефрон И. А. 264

Жадимеровский П. А. 4, 333—336
Жанен Ж. 111
Жаглова Т. М. 81
Жаравина Л. В. 81
Жевержеев Л. 131
Желвакова И. А. 236

Железнякова Т. Ю. 82
Желтухина О. А. 90
Женгене П. Л. 47
Жеребин Е. П. 128
Живов В. М. 216
Жилкина Т. 84
Жирмунская В. В. 82
Жирмунский В. М. 9—15, 20, 82
Житомирская С. В. 240
Жуйкова Р. Г. 63, 82, 113
Жукова Н. 72
Жукова Т. Б. 95
Жуковский В. А. 82, 106, 118, 131,
180, 200, 201, 228, 231, 233,
238—248, 330, 356, 357
Журавлева А. И. 109
Жульвенкур П. 133

Забабурова Н. В. 93
Забровский А. П. 82
Завадовский А. П. 159, 167
Завадовский В. П. 159, 167
Завадовский П. В. 159
Завалиевский Н. С. 159
Завалиевский С. Н. 159
Заварчевский С. 156
Загорский М. 180, 197
Загорский П. А. 303
Загоскин М. Н. 94, 111
Загряжская Е. И. 87, 170
Задека М. 127, 210
Задорина А. И. 114
Зайцев Константин, архимандрит 110,
124
Зайцева В. В. 77
Зализняк А. А. 100
Замостьянов А. 82
Замятин Е. 82, 119
Замятин О. А. 99
Западов В. А. 49
Зарецкий А. Р. 180—182, 184—186,
188
Зарецкий Н. 114
Зарубина Л. И. 83

Заславский О. Б. 83
Захаров В. Д. 83
Заяц Джованни, фон 143
Земцов М. 333
Земцова Т. 99
Зикинген Ф. 60
Зимичев А. М. 83
Золотова О. Н. 107
Зоркая Н. М. 110
Зощенко М. М. 91
Зубатов Н. И. 326
Зубов В. Я. 341, 344
Зубова (урожд. Щербатова) Н. П. 160
Зуев Н. Н. 83
Зуппе Ф. 134
Зыкова Г. В. 83, 109, 111
Зырянов О. В. 83
Зябловский Е. Ф. 250, 251

И. Р. 83

Ибдалаев П. Р. 90
Иванов В. Н. 106
Иванов Вяч. И. 116
Иванов М. В. 83
Иванов М. М. 129, 141—144
Иванов С. 124
Иванов Ю. 111
Иванова В. Ф. 83
Иванова Г. М. 107
Иванова Е. М. 96
Иванова М. Р. 4, 350—357
Иванова Н. Ф. 109
Иванчин Н. 348, 349
Ивинский Д. П. 83, 101, 111
Ивлева Т. Г. 95
Игнатъев А. А. 157
Игнатъев С. А. 157
Иезуитов А. Н. 109
Иезуитов С. А. 79
Иезуитова Л. А. 79
Иезуитова Р. В. 2, 61, 83, 106, 198,
203, 209, 210, 121, 236
Измайлов А. 197
Измайлов Н. В. 25, 27, 28, 245

Иисус Христос 66
Иличевский А. Д. 103, 268
Ильин И. А. 84, 106, 107
Ильин П. В. 4, 270—284
Ильин С. А. 128
Ильин Ф. 82, 84
Иоанн Богослов 66—68
Иоанн Златоуст св. 213
Иоанн Лествица 128
Иогансен М. В. 333
Иодзевич Дамиан, приор 175, 177
Иона, игумен 63
Иордан де Гиано 58
Ирвинг В. 44, 45, 52
Исакова Е. В. 124
Искрин М. Г. 84

К. П. 145

Кабытов П. С. 93
Кабузан В. М. 318
Кавадеев В. 84
Кавелин Д. А. 255, 258
Каверин П. П. 339—341
Каган Р. А. 134
Кажинский В. М. 131
Казакова Л. А. 105
Казанович Е. П. 265
Казанский В. В. 293
Казанцев В. И. 84
Казарин В. П. 73, 90,
Казин А. Л. 110
Казмина Е. 116
Кайданов И. К. 99
Калачева Э. С. 124
Калашников М. И. 326, 353, 354
Калинин Н. И. 161
Камбурлей А. А. 157
Кампенгаузен Ф., барон 259, 260
Камчаткин И. Т. 175
Канкрин Е. Ф. 232, 236
Кантакузина М. М. 158
Канторович И. В. 84, 98, 121
Капитанова Л. А. 94, 95
Карабанов П. Ф. 166

- Караганова И. 78
 Каразин В. Н. 160, 346
 Карамзин Алдр Н. 170, 299—303, 310, 312
 Карамзин Ан. Н. 171, 303
 Карамзин В. Н. 170
 Карамзин А. А. 84, 93
 Карамзин Н. М. 47, 57—59, 63, 78, 84, 88, 105, 262, 266, 346
 Карамзины 171, 172
 Карамзина С. Н. 170, 171, 173
 Карачайлы И. 84
 Карл V 59
 Карпини П. 267
 Карпов А. А. 86, 265
 Карпов К. 84
 Карпухин О. И. 84
 Карсамова Е. В. 127
 Карушева М. Ю. 124
 Карышева Т. 143
 Карцов Я. И. 125
 Карцовник Вячеслав 4, 212—217
 Касина Т. И. 85
 Кастальева Т. Б. 123
 Катенин П. А. 50, 77, 222
 Катулл Г.-В. 104
 Кац Б. А. 85
 Кацарева Д. П. 160
 Каченовский М. Т. 244
 Кашкин С. Н. 279
 Кашкова В. Ф. 85
 Кашперов В. Н. 143
 Квашина Л. П. 98
 Квашнин-Самарин А. Н. 100
 Квашнин-Самарин П. Ф. 317, 320—322
 Квашнин-Самарин Ф. П. 320, 322
 Квашнина-Самарина А. Ю. см. Ржевская А. Ю.
 Квашнина-Самарина М. Я. 100
 Квитка А. Ф. 330, 331
 Керн А. П. 74, 76, 110, 119, 330
 Керн Е. Ф. 160
 Керн О. Е. 160, 167
 Кибальник С. А. 3, 106, 178—197
 Киреев Р. Т. 85
 Киреевский И. В. 81, 96, 106, 112
 Киреевский И. П. 226—233, 239, 241—245
 Кириков Б. М. 334
 Кирилюк Э. В. 112
 Киселев П. Д. 77
 Киселева Л. Н. 85, 266
 Киселева Л. Ф. 104
 Киселева Н. Ф. 85
 Киселева Т. Е. 107
 Китаева А. 113
 Кичатов Ф. З. 76
 Кишкин Л. С. 77, 110, 247
 Клейст Г., фон 42
 Клейтон Д. Д. 86
 Клев И. 85
 Клименко Е. 114
 Клиндер Ф.-М. 45, 57
 Книгина И. А. 112
 Княжевич И. И. 324
 Княжнин Я. Б. 7, 9
 Князев Е. 97, 118
 Князев И. И. 161
 Князевская Т. Б. 114
 Кобекин В. 71
 Ковалев Г. 85
 Ковалева Т. В. 77
 Коваленко А. Г. 85
 Ковальчик В. 95
 Кожевников В. А. 97, 98
 Кожин П. 319
 Кожина А. П. см. Ржевская А. П.
 Кожин В. В. 70, 109
 Козеев В. А. 85
 Козицкая Е. И. 157, 160, 164
 Козицкий Г. В. 157
 Козлов С. Н. 110
 Козлов И. И. 124, 131,
 Козлова С. М. 85, 114
 Козловский П. Б. 162
 Козмин Б. М. 96, 116
 Козмин В. Ю. 95, 120
 Козмина Л. В. 96, 97
 Колар И.-Ю. 143

- Колдобская М. 86
Колобов Е. 111
Коломинов В. В. 266
Колошин П. И. 279, 280
Колычев А. С. 319, 322
Колычев С. А. 315—317, 319—321
Колычева Е. И. см. Ржевская Ек. И.
Колычевы 321
Колтыхин А. Е. 111
Комаровская А. Е. см. Шипова А. Е.
Комаровский Е. Ф. 165
Комлева Н. Г. 100
Комовский В. Д. 160, 167
Комовский Д. Г. 160
Комовский С. Д. 269, 270
Компанион 324
Конашевич В. М. 97, 102
Кондратьев Б. С. 108
Коновницын П. П. 160, 167
Коновницын П. П. 160
Коновницына А. Е. 160
Кононов В. И. 75
Кононова М. А. 86
Констан Б. 100
Констанция 288, 306
Константин Павлович, вел. кн. 162
Константинов А. А. 163
Константинов Ф. Д. 116
Константинова Е. А. 163
Константинова С. Л. 94, 104
Кончин Е. В. 86
Корвин-Пиотровский В. 113
Корепова К. Е. 108
Кормилов С. 99
Корнева Г. Г. 106
Корнеев А. В. 86
Корнилов А. А. 160, 167
Корнилов А. М. 160
Корнилович А. О. 238, 276
Коровин В. И. 112
Коровин К. А. 137
Коровкин Н. А. 130, 146
Королев С. А. 86
Королева Е. А. 87
Королева Н. В. 71
Коротов Ф. П. 324
Коротова М. В. см. Ганнибал М. В.
Корсаков А. И. 163
Корсов Б. Б. 144
Коршев А. Р. 102
Коршунов О. П. 116
Корф А. 160
Корф Е. А. 160, 167
Корф М. А. 123, 160, 167, 268, 269
Косовский 268
Косталевская М. 97
Кострова А. В. 159
Костючук Л. Я. 95
Котельников В. А. 87
Коцебу А. 346
Кочеткова Н. Д. 3, 44—52, 96
Кочубей В. П., гр. 125, 259
Кошанский Н. Ф. 178—185, 187, 190, 192—195
Кошелев В. А. 6, 9, 84, 87, 104, 107, 111, 214, 215
Краваль Л. А. 98, 110, 123
Краевский А. П. 160, 167
Краевский П. 160
Кралина М. М. 71
Кранах Лукас Старший 66—68
Красичкова Н. С. 115
Краснобородько Т. И. 106, 113, 114
Краснов Г. В. 91, 94, 105, 108, 109, 111, 112
Красноперова М. А. 113
Краснощекова Е. А. 70
Красовская В. М. 130, 137
Красухин Г. Г. 87
Крейд В. 69
Крейн А. Э. 110
Крейцер А. 87
Кренов К. В. 78, 106
Криницкая Е. К. 326
Криницкий В. А. 326
Криницын А. Б. 111
Криницына А. Б. 148
Кристаллинский Р. Е. 116
Крупин В. Н. 87
Крылов И. А. 45, 49

- Крымова Н. 128
 Кублицкая М. А. 114
 Куваддин Ю. 99
 Кугушев Г. В. 130, 134, 138
 Кузин В. 130
 Кузмин М. А. 87
 Кузнецов И. С. 77, 111
 Кузнецова Л. И. 91
 Кузнечиков В. Т. 87
 Кузьманенко А. В. 128
 Кузьмина В. Д. 47, 48
 Кузьмич Д. В. 75
 Кулагин А. В. 77, 88, 108, 109
 Кулакова Н. В. 88
 Кулешов В. И. 109, 111—113
 Куликов Н. И. 146, 148
 Кумпан К. А. 88
 Кунин В. В. 189
 Куницкий П. 179, 180, 196
 Куницын А. П. 254, 260
 Купер Дж. Ф. 72
 Куракин А. Б., кн. 158—160, 322
 Курбатов В. Я. 88
 Курганов Е. Я. 76
 Курилкин А. Р. 240
 Курилов А. С. 113
 Курочкин М. 156
 Курочкина А. П. 87
 Курочкина Е. М. 156
 Курциус Э. Р. 221
 Кусков В. В. 88
 Кусков Г. И. 88
 Кутайсов П. И. 159
 Кутайсова А. П. см. Голицына А. П.
 Кутузова Е. М. 162
 Кутузова К. (Ильина) 165
 Кутузовы см. Голенищевы-Кутузовы
 Кушелев Г. Г., гр. 165
 Кушелев, генерал-аншеф 163
 Кушелева Е. А. 163
 Кушнарера Н. Ю. 88
 Кушников С. С. 164
 Кушникова В. С. 164
 Кушникова Е. С. см. Сяпгина Е. С.
 Кушниренко В. Ф. 107
 Кущенко Ил. А. 73
 Кюн Ц. А. 136, 144
 Кюхельбекер В. К. 93, 112, 252, 270.
 278
 Кюхельбекер М. К. 252, 270
 Лаваль В. И. 160, 167
 Лаваль Е. И. см. Трубецкая Е. И.
 Лаваль И. С. 157, 160, 164, 167, 258,
 260
 Лаваль С. И. см. Борх С. И.
 Лавров А. В. 79, 83, 119
 Лагунин И. И. 95
 Лаевская Э. 80
 Лазарев В. Я. 109
 Лазареску О. Г. 88
 Лазарчук Р. М. 89, 95
 Лангер В. П. 114
 Ланской П. П. 284, 290—292, 297,
 306, 307
 Ланской С. С. 165
 Лантух Н. А. 90
 Лапкина Г. А. 107
 Ларина С. 89
 Ларионов И. П. 137, 138, 151
 Ларионова А. В. 116
 Ларионова Е. О. 107
 Латышев М. Т. 80
 Лауэдж Х. 89
 Лауэр Р. 86
 Лафонтен Ж. 81
 Лебедева А. А. 91
 Лебедева М. В. 89
 Лебедева М. И. 89
 Лебедева О. Б. 108
 Лебедева Э. С. 102, 110, 123, 124
 Левин В. Д. 214
 Левин Н. Ф. 4, 329—332
 Левин Ю. Д. 112, 199
 Левитт С. Я. 79
 Левицкий А. А. 50
 Левицкий Д. Г. 161
 Левичева Т. И. 77

- Левкович Я. Л. 77, 106, 293, 298, 302
 Левшин В. А. 49
 Левченко О. А. 81, 108
 Леднева А. В. 127
 Лейтон Л. Д. 89, 110
 Леман Е. П. 77, 89
 Леман П. М. 77
 Лемке М. К. 231, 232
 Лентговский М. В. 149, 150
 Леонар (Лиотар) 189, 190, 192, 193, 195
 Леонидов Л. Л. 145
 Леонтьев-Щеглов И. Л. 100, 101
 Лепахин В. 107
 Лермонтов М. Ю. 72—74, 81, 82, 85, 93, 109, 112, 113, 225
 Лернер Н. О. 79, 179, 343
 Лесников М. Р. 75
 Лесной Д. 114
 Либкнехт К. 331
 Ливен Х. А. 231, 232, 260
 Лившиц В. 89
 Лидин, комп. 141
 Лиотар см. Леонар
 Липранди И. П. 86, 87, 343
 Лисица Ю. Т. 84
 Листов В. С. 53, 84, 91, 105, 108, 110
 Лисунов А. 89
 Литке Ф. П. 281
 Литта Е. В. 165
 Лихарева (урожд. Бороздина) Е. А. 160, 167
 Лихачев Д. С. 77, 88, 107, 111, 114
 Лишин Г. А. 140, 144, 151
 Лобанов Д. И. 130, 147—149
 Лобанов М. Е. 266
 Лобанов-Ростовский А. И. 160
 Лобанов-Ростовский И. А. 160, 167
 Лобанов-Ростовский Д. 259, 260
 Лобанов-Ростовский Я. 259, 260
 Лобанова Э. Ф. 120
 Лобикова Н. М. 92
 Лобов В. М. 92, 116
 Лобода А. М. 186
 Логинов М. Н. 208
 Лодыгин М. С. 161
 Лодыгин Ф. М. 161, 167
 Лодыгина Е. Я. 167
 Лойтер С. М. 78
 Ломоносов А. Г. 161, 167
 Ломоносов Г. Г. 161
 Ломоносов М. В. 16, 20, 50, 73, 127
 Лонгинов М. Н. 338
 Лопухин П. В. 159
 Лопухина А. Н. 318
 Лопухины 318
 Лосев Л. 74
 Лотман Л. М. 47, 105
 Лотман Ю. М. 48, 73, 91, 92, 111, 202, 204, 205, 211, 212, 214, 215, 225, 268, 270, 293
 Лоцилов И. В. 92
 Лугинина Ф. Н. 107
 Лудилова Е. В. 107
 Лужановский А. В. 92
 Лузянина Л. Н. 92
 Лукина Е. Ю. 92
 Лукина Н. В. 120
 Луков В. А. 86
 Лукреций Кар 93
 Лукьянов Б. 92
 Лукьянов С. А. 90
 Лунин М. С. 109, 236
 Лысый Ю. И. 92
 Лутковский Ф. С. 270
 Львов А. 156
 Львов Н. А. 79
 Львова А. И. 156
 Львова Е. Н. 345, 346
 Львова Н. Н. 238
 Любавин М. А. 99, 125
 Любвин Р. 337
 Любимов Ю. 97
 Любомудров М. 131
 Людвиг Тюрингский 58
 Людовик XVIII 167
 Люсый А. П. 93
 Лютер Мартин 3, 53—68
 Лядов К. Н. 135
 Ляпин С. Е. 116

- М. М. К. 159
 М. Ф. И. 159
 Магазаник Л. 93
 Магницкий М. Л. 241, 253, 254
 Мадонна Наталья 93
 Мазья М. Г. 93
 Майер Х. 91
 Майкльсон Д. 69, 86, 109
 Майков Ап. А. 164
 Майков Л. Н. 179
 Майкова Н. А. см. Свиньина Н. А.
 Максакова Л. 97
 Макогоненко Г. П. 46, 47, 265
 Максимов А. М. 146
 Малахиева А. Ю. 4, 332—337
 Малинин Иоанн 110
 Малиновская Е. 161
 Малиновская (урожд. Пущина) М. И.
 161, 167
 Малиновский А. В. 161, 167
 Малиновский И. В. 161, 167
 Малиновский В. Ф. 161
 Малкина В. Я. 99
 Малышев П. И. 147
 Малышкина Л. М. 350
 Мальцева Т. Ю. 93
 Мальчукова Т. Г. 90, 93, 221, 222
 Мамлеев Ю. 86
 Манаенкова Е. 93
 Мандельштам О. Э. 72
 Мандрыкина Л. А. 339
 Манн Ю. В. 231
 Мануйлов Вас. 158
 Мануйлов В. А. 77, 343
 Мануйлова М. В. 158
 Манько А. В. 93
 Марат Ш. П., 65
 Мария Богоматерь 58, 59, 66, 87
 Мария Федоровна, имп. 160
 Марков А. 93
 Маркович В. М. 69, 86, 265
 Марлинский А. А. см. Бестужев А. А.
 Мармон (маршал) 77
 Марсакова М. С. 93
 Мартиновская А. И. 93
 Мартос И. П. 161
 Мартос И. Р. 161
 Мартос П. И. 161, 167
 Мартынов А. Е. 146
 Марфа, крепостная 326
 Мастыкина И.
 Маршак С. Я. 78
 Масальский К. П. 179, 180, 182, 196
 Маслов 289, 290
 Маслова Н. А. 160
 Матфей, апостол 213
 Матюшкин Ф. Ф. 4, 103, 270—284
 Махаев М. И. 333
 Мацкевич Д. 350
 Маяковский В. В. 76
 Медриш Д. Н. 95, 98
 Мейор А. Г. 95
 Мекк Н. Ф., фон 139
 Меланхтон 56
 Меликянц Г. 114
 Мелихова Л. С. 96
 Мельгунов А. С. 156, 161, 167
 Мельгунов С. Г. 161
 Мелье Ж. 339, 343
 Менье А. 112
 Мережковский Д. С. 27, 96
 Мерзляков М. Д. 96
 Мериме П. 61, 89, 133
 Меркин Б. Г. 96
 Мертвый Б. Ф. 94
 Метман Л. 286
 Меттерних К., кн. 98, 121
 Мехур Л. Э. 143
 Мещерский А. В. 161, 167
 Мещерский В. П. 161
 Мещерский И. С. 161
 Мещеряков В. 151
 Милованова О. О. 112
 Милонов М. В. 187
 Милорадович М. А., гр. 260, 344
 Мильгаузен Ф. К. 90
 Минихова В. Н. 165
 Минкус Л. Ф. 136
 Миночкина Л. И. 96
 Минский Н. М. 29

- Минский, комп. (1903) 137
 Мирабо О.-Г.-Р., гр. 24
 Миркина Р. М. 96
 Миролобова А. Ю. 119
 Мирошкин А. 111
 Митник М. 96
 Михаил Павлович, вел. кн. 165, 248, 263
 Михайлов А. В. 74, 101, 116, 120
 Михайлова Н. И. 3, 76, 77, 84, 91, 103, 104, 109, 112—114, 198—201
 Михайлова Т. М. 107
 Михайловский-Данилевский А. И. 161, 167
 Михалкевич 159
 Михед П. В. 97
 Михельсон И. И. 157
 Мицкевич А. 72, 83, 90, 111, 113
 Могиланский А. П. 84
 Модзалевский Б. Л. 55, 121, 127, 265, 266, 314, 315, 344, 347
 Моисеев А. И. 114
 Мокрицкий А. Н. 252
 Молер 259
 Молок Ю. А. 97
 Мольер Ж. Б. 31, 39, 42, 82, 128
 Монахова Е. Н. 123—125
 Моница Т. С. 90
 Монферран О. 345
 Монюшко С. 135
 Мордвинов М. С. 228, 230, 235, 236—238, 241, 244, 342
 Мордвинова Е. С. 163
 Мормонов П. 350
 Морозов В. Г. 97
 Морозова Н. П. 49
 Москаленко Л. Я. 237
 Москвичева Г. В. 18, 113
 Мостовская Н. Н. 94
 Мосх 178—185, 188—190, 192—195, 197
 Моцарт В.-А. 76
 Моченов К. А. 77
 Муравей Иван Олуповский 168
 Муравьев А. З. 161, 168
 Муравьев В. 84
 Муравьев З. М. 161
 Муравьев М. В. 55, 314, 315
 Муравьев М. Н. 340
 Муравьев Н. А. 161, 168, 271, 272
 Муравьев Н. М. 77
 Муравьев (Карский) Н. Н. 161, 168
 Муравьев С. Н. 168
 Муравьева (урожд. Чернышева) А. Г. 162, 168
 Муравьевы 168
 Муравьев-Апостол М. 271—281, 283
 Муравьев-Апостол С. 272
 Муравьевы-Апостолы 168
 Муравьевы-Апостолы-Коробьины 168
 Муравьевы Виленские 168
 Муральо, пастор 251
 Муратов А. Б. 86
 Мурина Н. 99
 Мурьянов М. Ф. 79, 98, 99, 102, 124
 Мурьянова И. В. 99
 Мусин-Пушкин В. А., гр. 340
 Мусоргский М. П. 120, 130, 144
 Мустафина Е. А. 108
 Муханов Н. А. 262
 Мухина А. М. 114
 Мушина И. Б. 245
 Мышецкая А., кнж. 157
 Мюнцер Т. 55, 56
 Мясоедова Н. Е. 4, 77, 99, 248—264
 Н. К. 104
 Н. О. 99
 Набоков В. В. (Сирин) 85, 99, 109, 125, 207—209, 212, 215, 216
 Наваль Ф. 110
 Нагаткин 321
 Нагибин Ю. М. 99
 Надеждин Н. И. 96, 105, 241, 242
 Надир-шах 50
 Назарова Л. Н. 77
 Найман А. 99
 Наполеон Бонапарт 103, 104, 251, 268, 329

- Направник Э. Ф. 140
 Нарышкин Алдр Ив. 162, 168
 Нарышкин Ал. Ив. 162, 168
 Нарышкин А. Л. 157, 164
 Нарышкин Г. И. 162, 168
 Нарышкин И. А. 162
 Нарышкина А. Н. 158
 Насибулин Э. Х. 74, 75, 96, 99, 103
 Науменко А. М. 90
 Наумов А. В. 98, 112
 Небольсин С. А. 120
 Невельский Г. И. 153
 Невзоров М. 267
 Невский А. Я. 103
 Негош П. П. 112
 Недзвецкий В. А. 99, 100
 Неелов А. Н. 324
 Неелов А. П. 323
 Неелов Н. П. 323
 Неелов П. С. 158, 323
 Неелов С. П. 323
 Неелов С. С. 323
 Неелова (урожд. Байкова) А. Н., 323
 Неелова Л. Я. см. Ганнибал Л. Я.
 Некрасов В. Н. 109
 Некрасов Н. А. 94, 109
 Некрасов С. М. 113, 125, 358
 Немировский И. В. 77
 Непомнящий В. С. 74, 84, 97—100,
 109, 205, 207
 Нерв, имп. 66
 Нессельроде М. Г., гр. 173
 Нессельроде К. В., гр. 260
 Нессельроды 232
 Нестор 359
 Нечаев С. Д. 278
 Нечкина М. В. 277
 Никанор, архиепископ 107
 Никитина Т. Г. 95
 Никитина Ф. 342
 Никифоров-Волгин В. А. 100
 Никишов Ю. М. 100, 104
 Николаев А. 71
 Николаев Е. 100
 Николаев Ю. см. Говоруха-Отрок Ю. Н.
 Николаева Т. М. 100
 Николай I 45, 73, 98, 102, 124, 153,
 165, 198, 227, 228, 233, 237, 238,
 244, 245, 251, 260—262, 264,
 290, 295, 330, 348—350
 Николюкин А. Н. 111
 Никольский В. В. 175
 Нильский А. А. 149
 Нина, книж. 75
 Нистрем К. М. 336
 Ницше Ф. 34
 Ничик Н. Н. 90
 Новиков А. Е. 109
 Новиков Н. И. 229
 Новиков Н. С. 4, 124, 323—328
 Новикова М. А. 110
 Новосельцева И. В. 116
 Нормонов П. 349

 О'белл Л. 265
 Ободовская И. М. 170, 171, 173
 Оболенский Е. П. 271, 272, 279
 Образцова В. В. 114
 Обрескова (урожд. Соллогуб) Н. Л.
 162, 168
 Овидий П.-Н. 77
 Овцын А. М. 315, 322
 Овцын Д. А. 315
 Овцына А. А. см. Пушкина Ан.
 Овчинников Р. В. 98, 100
 Огарев Н. П. 143, 342
 Огаркова Н. А. 125
 Огонь-Догановский В. С. 102, 241
 Одесская М. М. 100
 Одоевский В. Ф. 93, 95, 115, 124,
 136, 206, 265
 Ождихина О. Н. 123
 Озерецковский Н. Я. 267
 Озеров Л. 101
 Озерова Евгения, игуменья 124
 Оксман Ю. Г. 192, 343
 Окунев Е. А. 331, 332
 Окуневы 331, 332
 Олег Константинович, кн. 114

- Оленин А. Н. 156, 163
 Оленина А. А. см. Андро А. А.
 Оленина В. Н. 156
 Оленина Е. М. 163
 Ольга Николаевна, вел. кн. 124
 Оляшек Б. 105
 Омелько Л. В. 108
 Онегин А. Ф. 113, 114
 Опекушин А. М. 98, 102
 Опочинин К. Ф. 162, 168
 Опочинин Ф. П. 162
 Орланд 205
 Орлицкий Ю. Б. 84, 95, 108
 Орлов В. Г., гр. 157
 Орлов В. Е. 98, 101
 Орлов М. Ф. 73, 189
 Орлова Е. И. 157
 Орлова П. И. 131
 Орловска А. 94
 Орловский А. 115
 Осипова Н. О. 101
 Осипова П. А. 162, 168, 204, 324
 Осипова Э. Ф. 89
 Осокин Г. 110
 Осповат А. Л. 25
 Остафьев А. Н. 165
 Островский А. Н. 113
 Офросимов М. П. 158, 325
 Офросимова (урожд. Чихачева) П. А.
 158, 325, 327
- П. С. 101
- Павел, апостол 58
 Павел I 104, 168, 343, 345, 346
 Павел III Петрович 46, 238
 Павлова Е. В. 110
 Павлова Н. Г. 47
 Павлова С. В. 114
 Павловский И. А. см. Яковлев И. А.
 Паисов Ю. И. 101
 Палей В. П. 101
 Палий Е. Н. 101
 Паллас 267
 Пальменбах Е. А. 161
- Пальчиков В. П. 279
 Панаев В. И. 193
 Панов С. И. 101
 Панченко А. М. 101
 Панчулидзе С. А. 292, 293
 Парфенов Л. 78, 86
 Панфилов Д. Г. 123
 Пархоменко В. П. 166
 Парчевский Г. Ф. 101
 Пасецкий В. М. 271, 281
 Пастернак Б. Л. 79
 Пастухова Е. Л. 102
 Пастухова Л. Н. 102
 Паустовский К. Г. 102
 Пауэлсток 113
 Пашков А. 157
 Пашкова Т. В. см. Васильчикова Т. В.
 Пекарский П. П. 264
 Пеллико С. 87, 97
 Перельмутер В. Г. 102
 Пермагоров А. М. (И.) 353, 356, 357
 Пермагоров М. 357
 Пермьяков Е. В. 215
 Перовский А. 242
 Перцов В. В. 102
 Перцов Н. В. 98, 102
 Перцов Э. П. 102
 Перцова Е. М. 102
 Перцовы 102
 Песков А. М. 120
 Пестель П. И. 104
 Петр I 15, 17, 19—21, 23, 24, 26—
 28, 53, 65, 89, 100, 115, 126
 Петр II 264
 Петр Песоцкий, протоиерей 124
 Петрарка Ф. 182
 Петрицкий В. А. 99
 Петров Абрам см. Ганнибал А. П.
 Петров А. Е. 82
 Петров В. П. 237
 Петрова Е. И. 106
 Петрова И. Н. 103
 Петровский Ф. А. 187
 Петрунина Н. Н. 106, 220, 221, 265
 Пецкая Т. А. 95

- Пещуров А. Н. 331
 Пигалев В. А. 107
 Пиксанов Н. К. 245, 246
 Пикулева Г. 115
 Пилецкий 270
 Пиль 30
 Пильщикова И. А. 106, 201
 Писарев Д. И. 105, 129, 207
 Писарева М. И. 56
 Пищулина Ю. 74
 Плавский Э. И. 82
 Плавт Т.-М. 42, 43
 Плаксин С. 82, 102, 106
 Платонов А. 76, 90, 91
 Плетнев П. А. 32, 131, 237, 264
 Плещеев А. А. 162, 168
 Плисов М. Г. 257, 258
 Плотникова В. А. 102
 Площук А. Н. 94
 Поволоцкая О. Я. 98
 Погодин М. П. 67, 77, 230
 Погосян Е. 48, 52
 Подгорная А. 102
 Поджио А. В. 347
 Пожарский Д. М., кн. 85
 Полевой Кс. А. 346
 Полевой Н. А. 96, 113, 229, 230, 235, 243, 247
 Полетика А. 173, 176, 177
 Полетика И. Г. 4, 287, 288, 290—295, 298, 299, 301—308, 310, 312—314
 Политковский В. Г. 162, 168
 Политковский Г. Г. 162
 Полонский А. А. 103
 Полонский И. А. 103
 Полонский Я. П. 286
 Полторацкая А. А. 168
 Полторацкая А. П. см. Ралли А. П.
 Полторацкая Е. Ф. см. Бухарина Е. Ф.
 Полторацкий А. А. 162, 168
 Полторацкий А. М. 162
 Полторацкий А. П. 162, 168
 Полторацкий Д. М. 157, 162
 Полторацкий К. М. 278
 Полторацкий М. Ф. 162
 Полторацкий П. М. 163
 Полторацкий Ф. М. 157
 Полухина В. П. 103
 Поляков А. Г. 90
 Полякова Л. В. 103
 Пономарев А. И. 145
 Пономарева Е. А. 103, 112
 Пономарева Л. Г. 103, 104
 Понснер 260
 Попкова Л. М. 95
 Поплавская И. А. 103
 Попов И. 97
 Порадеци Л. 126
 Порошин С. А. 46
 Поршнева Б. 343
 Постнов О. Г. 103
 Постоутенко К. Ю. 113, 116
 Потапова Г. Е. 77, 84, 86, 107, 108
 Потемина Е. И. 94
 Потемкина Т. В. 159
 Починковская В. В. см. Тимофеева В. В.
 Приклонский П. Н., подполк. 348
 Прожогин Н. П. 77
 Прозоров Ю. М. 2
 Прозоров В. В. 112
 Прокопов Т. Ф. 69, 71, 96
 Прокопьев В. П. 75, 126
 Прокудин С. Б. 105
 Пропп В. Я. 31—33, 36, 39
 Проскурин О. А. 13, 190, 226
 Проскурина В. Ю. 105
 Пугачев В. В. 105
 Пугачев Е. И. 125, 147, 148
 Пумпянский Л. В. 18
 Пуни (Пуньи) Ц. 136
 Пустовойт П. Г. 112
 Пушка Г. А. 55
 Пушкин Ал. 339
 Пушкин А. А. 93
 Пушкин А. Н. 54, 55
 Пушкин А. Ф. 315, 316, 319
 Пушкин В. Л. 115, 198, 201, 359
 Пушкин Г. А. 116

- Пушкин Г. Г. 114
 Пушкин Л. С. 194
 Пушкин М. А. 320
 Пушкин Н. И. 55
 Пушкин С. Л. 82, 175, 317
 Пушкин Ю. А. 320
 Пушкина (Хвостова) Е. Н. 54
 Пушкина (в замуж. Овцына или Авцына) А. (Над.) А. 315—317, 320, 322
 Пушкина Е. (Катерина) А. 315—317, 319, 320, 322
 Пушкина М. А. см. Ганнибал М. А.
 Пушкина М. А. 332
 Пушкина Н. А. 114
 Пушкина Н. Н. 4, 85, 118, 125, 170, 171, 172, 284—313, 332, 335, 354—356
 Пушкина Н. О. 317, 322
 Пушкина (урожд. Ржевская) С. Ю. 315—319, 321, 322
 Пушкины 55, 332
 Пушин Георгий (Егор) И. 163, 168
 Пушин И. И. 97, 106, 269, 270, 272, 276, 279—283, 338, 347
 Пушин И. П. 161, 163
 Пушин Н. И. 163, 168
 Пушин П. И. 161, 163
 Пушина А. И. 163, 168
 Пушина В. И. 163, 168
 Пушина Ек. И. 163, 168
 Пушина Ел. И. 163
 Пушина М. И. см. Малиновская М. И.
 Пчелов Е. В. 123
 Пьянов А. С. 110, 114
 Пяткин С. Н. 108

Рааб С. 114
 Радзивилл С. А., кн. 81
 Радищев А. Н. 47, 48
 Радлов К. Ф. 260
 Раевская Е. Н. 189
 Раевская С. А. 75
 Раевская С. Н. 163, 168

 Раевские 88, 186
 Раевский А. Н. 71
 Раевский В. Ф. 77, 121
 Раевский Д. Ф. 163
 Раевский Н. Н. 163, 168
 Раевский Н. Н., сын 163
 Раевский С. Д. 163, 168
 Разумовская А. Г. 94, 105
 Раич С. Е. 96, 340
 Райковский А. И., протениерей 176
 Райс Д. 74
 Рак В. Д. 77, 106, 111, 344
 Ралли (урожд. Полторацкая) А. П. 163, 168
 Рапопорт А. 91
 Ратшичи 123
 Раупах Э.-Б.-С. 255, 257, 260
 Редин Р. Ф. 7
 Рейзен М. 79
 Реймерс А. 145
 Рейтблат А. И. 226, 228, 230, 232, 237, 242, 243
 Репнин Н. В. 158
 Репнин Н. Г., кн. 339
 Репнина Н. А. 158
 Рецептер В. Э. 107
 Риц-а-Порт Д. Я. 336
 Ржевская (урожд. Кожина) Ал. П. 319, 320
 Ржевская А. (Настасья) Ю. (в замуж. Акинфьева) 318, 320—322
 Ржевская Анна А. (в замуж. Овцына) 316
 Ржевская Анна (жена Ржевского Н. Ю.) 319
 Ржевская А. Ю. (в замуж. Квашнина-Самарина) 318, 320—322
 Ржевская Е. Ю. (в замуж. кн. Черкасская) 317, 318, 320, 321
 Ржевская Ек. И. (в замуж. Колычева) 319—322
 Ржевская К. Н. 319, 320
 Ржевская Л. (по второму мужу кн. Бярятинская) 319, 320
 Ржевская М. А. 316

- Ржевская П. Ю. (в замуж. Чаадаева или Чодоаева) 318, 320—322
- Ржевская С. Ю. см. Пушкина С. Ю.
- Ржевские 316—318, 320, 321
- Ржевский А. Н. 315, 317—321
- Ржевский А. И. 316, 319, 320
- Ржевский И. Ю. 319, 320—322
- Ржевский М. Ю. 317
- Ржевский Н. Ю. 317—321
- Ржевский Т. И. 319, 320
- Ржевский Ю. А. 315—317, 319, 320, 322
- Ризнич А. 102, 205, 206, 209, 210
- Робеспьер М. 65
- Рогов К. Ю. 233
- Рогова А. И. 77, 107
- Родионов Е. Д. 358
- Роднянская И. Б. 98, 109
- Рожнов Л. И. 78, 356
- Рожнятовская Н. В. 94
- Розанов А. С. 131
- Розанов В. В. 91, 111, 112
- Розанова Л. А. 94
- Ройтман Ю. 111
- Рокотов Ф. С. 317
- Романенко А. Г. 75
- Романов Н. М. 265
- Романовы 230, 347
- Романюк С. К. 114
- Ромм М. Д. 77
- Ромодановская Е. К. 86, 103, 127
- Ронкин В. Е.
- Россош Г. Г. 112
- Рубинчик О. Е. 80
- Рубинштейн А. Г. 109
- Рубинштейн Н. 140
- Руднев А. 112
- Рукавичникова В. В. 16
- Рукавишников Н. 139
- Руммель В. В. 55
- Рунич Д. П. 253—257, 259—261
- Русаков В. М. 113
- Руссо Ж.-Ж. 126
- Рыбин В. А. 77
- Рыжова Н. В. 72
- Рылеев К. Ф. 89, 207, 237, 270—272, 277, 279—281, 283
- Рюмшина Н. М. 83
- Рюрик 316
- Рюриковичи 316, 347
- Рязанов А. М. 120
- Рязанова С. Л. 115
- С. П. 132
- Саблуков А. А. 160, 161
- Сабуров Я. И. 344
- Савинков С. В. 95, 115
- Савицкий И. П. 131, 132
- Савченко Т. Т. 108
- Сазонова С. С. 74
- Сайтанов А. 293
- Сакин (Сакен) К. И. 162
- Сакулин П. Н. 338, 339
- Салагубов И. А. 157
- Салагубов Л. И. 162
- Салагубова Н. Л. 157
- Саладин А. Т. 115
- Салмина М. А. 48
- Салтыков И. П. 162
- Салтыков П. И. 162
- Салтыков М. А. 159, 163
- Салтыков М. М. 159, 163, 168
- Салтыков-Щедрин М. Е. 136
- Салтыкова С. М. см. Дельвиг С. М.
- Сальери А. 76
- Сальникова Е. 97
- Самойлов А. Н. 157, 163
- Самойлов Г. 147
- Самойлова В. В. 146, 147
- Самойлова С. А. см. Бобринская С. А.
- Самуйлов Н. Б. 159
- Санглен Я. 346
- Сандомирская В. Б. 25, 106, 194
- Сапова В. В. 74
- Сапогов В. А. 88
- Сапченко Л. А. 94, 104
- Сасаки Т. 86
- Саськова Т. В. 115
- Сафонов М. М. 4, 125, 284—314

- Сахаров А. 82, 106, 107
 Сашина Е. В. 94
 Свербева (урожд. Щербатова) Е. А. 163, 169
 Светлов Г. Г. 103
 Свешников И. Е. 111
 Свиньин П. П. 235, 243
 Свиньина (урожд. Майкова) Н. А. 164, 169
 Свирида И. И. 115
 Свиридов С. 76
 Свиясов Е. В. 179
 Свободин А. 121
 Северянин И. 85, 86
 Седова Г. М. 113
 Селигановский Д. 348, 349
 Семевский М. И. 342
 Семенов, унт.-оф. 348
 Семенов А. В. 279
 Семенов Ан. 353
 Семенова Н. А. 116
 Семенова С. Г. 120
 Семеновский В. С. 97, 128
 Семибратова И. В. 115
 Семочкин А. А. 120
 Сенковский О. И. 109, 247
 Сен-Лоен А. 136
 Сенников Г. И. 47, 48
 Сент-Илер 333
 Серафим Святой 123
 Сергеев М. Д. 115
 Сергей Радонежский 154
 Серков А. И. 264
 Серов А. Н. 135, 136, 144
 Сиверс Е. К. 251
 Сигаева Т. Ф. 108
 Сидоров И. С. 98
 Сидяков Л. С. 70
 Сизенко Е. 115
 Симакина Г. Ф. 97, 120
 Симачева И. Ю. 91
 Синявский А. (А. Терц) 79
 Сипягина (урожд. Кушникова) Е. С. 164, 169
 Сирин В. см. Набоков В. В.
 Скатов Н. Н. 2, 29, 115, 358
 Сквозников В. Д. 217
 Скокова Л. И. 115
 Скороходова Е. К. 162
 Скотт В. 10, 61, 70
 Скриб Э. 132—134
 Скрынников Р. Г. 115, 293, 305—307, 309—313
 Скулачева Т. В. 113, 116
 Слинько М. А. 116
 Случевский К. К. 116
 Смирдин А. Ф. 245—247
 Смирнов А. А. 70, 72, 92, 95, 104, 111, 112
 Смирнов А. С. 94
 Смирнов Г. В. 76
 Смирнов С. В. 109
 Смирнова И. 110
 Смирнова Т. П. 95
 Смусина М. Л. 116
 Собаньская К. А. 77, 119, 126
 Соболевская Е. Н. 116
 Соболевский С. А. 208, 338
 Сокальский П. П. 143
 Соколов Е. Т. 333
 Соколов, чиновник 188
 Соколов А. А. 137, 147
 Соколов А. В. 116
 Соколов А. Н. 112
 Соколов И. П. 131
 Соколов П. С. 150
 Соколова Т. А. 106
 Соллогуб (урожд. Горчакова) А. М. 164, 169
 Соллогуб Н. Л. см. Обрескова Н. Л.
 Солнцев Н. 96
 Соловей Н. Я. 117, 123
 Соловьев В. С. 70, 91
 Соловьева В. С. 117
 Соловьева Т. В. 94, 105
 Соломирский В. 108
 Соммарива (урожд. Бутурлина) Е. Д. 164, 169
 Сомов О. М. 250
 Соронкулов Г. У. 127

- Софья Михайловна, ген.-майорша 165
Спектор Т. 117
Сперанский М. М. 165, 253
Сперантов В. В. 117
Спиридонова Л. А. 91
Срезневский И. И. 213
Сталь Ж. 57, 265, 267
Станишич Й. 112
Старк В. П. 2, 3, 53—68, 99, 102, 108, 125, 139, 212, 302, 358, 359
Стевен 268
Стенник Ю. В. 47, 111, 236
Степанов В. Г. 94, 104
Степанов В. П. 46, 346
Степанов Л. А. 264, 266
Степановская В. Д. 117
Степина Н. А. 94, 108, 113, 117
Стрижев А. Н. 107
Строганов А. А., гр. 162
Строганов А. Г., барон 162, 164, 169
Строганов А. П. 209
Строганов А. С. 157, 162, 164
Строганов В. Г. 164, 169
Строганов Г. А., гр. 164, 171—173, 175—177, 287, 355
Строганов М. В. 77, 91, 107, 111, 117
Строганов Н. Г. 164
Строганов П. А., гр. 104, 164, 208
Строганова Е. Н., баронесса 162
Строганова Е. Н. 107
Строганова Н. П. 164, 169
Строгановы 90
Строев В. Н. 244
Струве П. Б. 91
Студицкий 350
Стурдза А. С. 345
Субботина Е. И. 158
Суворов Ал. Ар. 164, 169
Суворов Ар. Ал. 157, 164
Суворова В. А. см. Башмакова В. А.
Суворова Е. А. 164
Сульженко Г. 118
Сумароков А. П. 69, 76, 89
Сурат И. З. 97, 98, 106, 107
Сусол М. Г. 90
Сухарев, купец 111
Сухарев А. Д. 156
Сухомлинов М. И. 252, 256—260
Таборисская Е. М. 104, 118
Таировы, купцы 334
Танасиенко Т. П. 91
Тарантул Ю. 118, 120
Тарасенко-Отрешков Н. И. 247
Тарланов Е. З. 104
Тартаковский А. Г. 118
Тарсуков А. А. 158
Тарсукова Е. В. 158
Татаринов А. В. 125
Тахо-Годи Е. А. 116
Телегин В. 73
Телетова Н. К. 4, 118, 314—322
Тепляков В. Г. 264
Терентьев Д., иерей 164
Терентьева А. А. 108
Терехов Д. 100
Термен Л. С. 69
Терская Е. И. 162
Терский А. 162, 321
Терц А. 109
Тименчик Р. Д. 25
Тимофеева В. В. (Починковская) 96, 118
Тимофеева Л. А. 69—128
Тирсо де Молина 105
Тисс П. 133
Титаренко Е. М. 120
Титкова М. А. 76
Тихомиров В. В. 94
Тихомирова С. Н. 118
Тихонравов Н. С. 342
Тодд III У.-М. 119
Токарь С. 90
Толмачева Н. В. 119
Толстая (урожд. Шишкова) У. Е. 327
Толстой А. Н. 164, 169
Толстой И. 99
Толстой Л. Н. 99, 109, 225
Толстой Н. А. 164

- Толстой Ф. (Американец) 121, 208, 241, 346
 Томашевская Э. Б. 342
 Томашевский Б. В. 7, 189, 190, 192, 202, 222, 236, 341, 342
 Томич И.-Е. 143
 Горкунова Т. В. 119
 Траян, имп. 66
 Трепов (Попов) А. 144
 Третьякова Л. 119
 Трифон, Вятский чудотворец 126
 Тропинин В. А. 80
 Тропкина Н. Е. 80
 Трофимов А. 116
 Трофимов Е. А. 119
 Грубачев О. Н. 99
 Грубецкая Е. А. см. Бестужева Е. А.
 Грубецкая (урожд. Лаваль) Е. И. 164, 169
 Грубецкой А. В. 305, 307, 309
 Грубецкой В. П. 95
 Грубецкой П. П. 76
 Грубецкой С. П. 77, 87, 271, 272
 Грубинов Ю. В. 90
 Грунов О. В. 114, 119
 Грухин А. Б. 123
 Туганова О. Э. 109
 Тудоровская Е. А. 119
 Тулаев С. 349
 Туманский В. И. 93
 Туниманов В. А. 82, 119
 Турбин В. Н. 120
 Тургенев А. И. 67, 121, 125, 187, 211, 261
 Тургенев И. С. 69, 92, 94, 99, 105, 115
 Тургенев Н. И. 121, 240, 271, 272
 Тури А. Г. 125
 Турилова С. Л. 358, 359
 Турков А. М. 100
 Турьянская Б. 120
 Тучков А. А. 279
 Тынянов Ю. Н. 208, 270, 341
 Тырков 268
 Тюпа В. И. 73, 80, 86, 93, 103, 127
 Тюрин А. 82
 Тюрин В. В. 108
 Тютчев Ф. И. 90, 91, 94, 340, 341
 Тютюник Л. И. 101
 Уваров С. С. 238, 252, 259, 262
 Удодов Б. Т. 120
 Удольф Л. 120
 Ульяновский А. И. 317
 Унгуриану Д. 69, 73
 Урусовы, князья 81
 Успенский Б. А. 215
 Уткин А. В. 347
 Ушакова Ек. Н. 70
 Ушакова Ел. Н. 63
 Уэст Л. 110
 Фан-дер-Флит Т. Е. 160
 Файнштейн М. Ш. 266
 Фатали шах 63
 Фаттахова К. 120
 Фаустов А. А. 95, 115, 120
 Федоров Б. М. 7, 237
 Федоров Н. Ф. 120
 Федоров П. О. 326
 Федорова Д. Т. 326
 Федотов О. И. 90, 108
 Федотова М. В. 91, 92
 Федотова С. Б. 106, 107
 Федянова Г. В. 94
 Феокрит 182, 183, 185, 193, 195
 Фесенко Ю. П. 106, 108
 Фет А. А. 87
 Фигут Р. 69
 Фикельмон К.-Л. 121
 Филарет, митрополит 97, 100, 104, 114, 235
 Филимонов В. С. 242
 Филимонов С. Б. 90
 Филин М. Д. 98, 100, 110, 121, 123, 124, 243
 Финаева В. Н. 95
 Фитингоф-Шелль Б. А. барон 134—136, 143, 151

- Флеров С. см. Васильев С.
 Флетчер 30
 Фойницкий В. Н. 121
 Фок М. Я. 230, 234—236, 347
 Фоменко П. Н. 97, 115, 118, 121
 Фомичев С. А. 74, 77, 82, 84, 91, 105,
 106, 107, 109, 112, 114, 117, 121
 Фонвизин Д. И. 199
 Фоняков И. О. 107
 Фохт-Бабушкин Ю. У. 75
 Франк С. Л. 196
 Фрейдель Е. В. 110
 Фридкин В. М. 121, 133, 293
 Фридендер Г. М. 70
 Фридрих II 50
 Фризенгоф А. Н. 125, 287, 290,
 293—296, 306, 311
 Фризенгоф Г. 287, 288, 290, 293,
 294, 297—300
 Фризман Л. Г. 83, 96, 109, 122, 226,
 228
 Фролова-Багреева (урожд. Сперан-
 ская) Е. М. 164, 169
 Фролова О. Е. 122
 Фролова С. 122
- Хавчин А. В. 93
 Хаев Е. С. 105
 Хайченко Е. 122
 Хализев В. Е. 86, 108, 122
 Хановска Р. 177
 Хатцфельд А. М.-Л., гр. 177
 Хатчинсон Доктор 104
 Хвостов А. Н. 55
 Хвостов Д. И. 163, 164
 Хвостов Н. В. 54
 Хвостова А. И. 164
 Хезлитт У. 91, 94
 Хентова С. М. 122
 Херман Э. 91
 Хитрово Е. М. 248, 308
 Хитрово Н. Э. 322
 Хоанг Ван Кан 108, 122
 Ходанен Л. А. 113
- Ходасевич Вл. Ф. 72, 91, 102, 122
 Ходоров А. Е. 123
 Холодный Э. Ф. 93
 Холшевников В. Е. 123
 Хомяков А. С. 94, 104, 113
 Хорват Г. 91
 Хорошкевич Я. И. 161
 Хохленко Ю. И. 123
 Храмов А. 74
 Храмов С. 76
 Хрущев Д. М. 165, 169
 Хрущев М. Д. 165
 Хрущев С. М. 165, 169
- Цветаева М. И. 104, 116, 125
 Цветкова Н. В. 94, 104, 105
 Цейтлин Р. М. 213
 Цоффка В. В. 114, 125
 Цыбенко Е. Э. 100
 Цызерев И. А. 163
 Цявловская Т. Г. 63, 103, 236, 338,
 339, 344
 Цявловский М. А. 101, 106, 341, 343,
 345
- Чаадаев П. Я. 69, 70, 109, 127, 189
 Чаадаев (Чеодаев) Ф. В. 320, 322
 Чаадаева П. Ю. см. Ржевская П. Ю.
 Чайковский П. И. 87, 97, 133, 138,
 139—141, 144, 151
 Чайанов А. В. 124
 Чебанова А. 125
 Чельшев Е. П. 109, 112, 125
 Черейский Л. А. 104, 152, 156, 173, 250
 Черемисина Н. А. 125
 Черемисинов Г. А. 108
 Черепанов А. 151
 Черкасов И. И. 161, 163
 Черкасова Е. М. 161, 163
 Черкасская Е. Ю., кн. см. Ржев-
 ская Ел. Ю.
 Черкацкий М. кн. 317, 320
 Черкашина Л. А. 125

- Черная Т. К. 125
 Черневич М. Н. 265
 Черниговский Д. Н. 126
 Чернинский А. М. 126
 Чернов К. П. 89
 Чернова И. И. 94
 Чернова Н. Ю. 109
 Чернышев Г. И. 162, 165
 Чернышева А. Г. см. Муравьева А. Г.
 Чернышева-Кругликова С. Г. 165, 169
 Чернышевский Н. Г. 207
 Черняев П. 179
 Черняков А. 76
 Чехов А. П. 72, 80, 87, 90, 95, 100
 Чижов, проф. 257
 Чириков В. В. 75, 126
 Чистова И. С. 114, 126
 Чиханова М. А. 126
 Чихачев А. А. 327
 Чихачев Н. А. 327
 Чихачева А. А. см. Ганнибал Ан. Ан.
 Чихачева П. А. см. Офросимова П. А.
 Чихачевы 327
 Чичерин А. В. 217
 Чубарев С. И. 332
 Чуглов В. И. 104
 Чудов В. 126
 Чулков М. Д. 49
 Чумаков Ю. Н. 86, 94
 Чупин Н. К. 350
 Чучаев А. И. 126
- Шаврыгин С. М. 104, 126**
 Шадрина И. 118
 Шадурский В. В. 94
 Шайтанов И. О. 127
 Шаликов П. И., кн. 117
 Шальман Е. С. 106
 Шамаева С. Е. 127
 Шамфор Н.-С.-Р. 338
 Шамшева Е. П. 156
 Шапир М. И. 127, 201
 Шаповалова Ю. М. 127
 Шармуа Ф. Ф. 256, 260
- Шаронова А. В. 107
 Шатилов Д. А. 358
 Шатин Ю. В. 127
 Шах-Азизова Т. К. 109
 Шахнович М. И. 127
 Шаховская В. А., кн. 162, 165
 Шаховской А. А., кн. 104, 126, 130
 Шаховской И. А., кн. 160
 Шаховской П. И., кн. 329
 Шварц Б. 60
 Швырев Ю. 127
 Шевич Алдра И. 165, 169
 Шевич Анна И. 165
 Шевич Е. И. 165, 169
 Шевич И. Е. 165
 Шевырев С. П. 83, 109
 Шейман Л. А. 127
 Шекспир У. 30, 63, 76
 Шелемова А. О. 108
 Шенгели Г. А. 102
 Шендерович А. Р. 337
 Шенье А. 77, 103, 118, 193—195
 Шердакова Л. Н. 128
 Шереметев А. В. 339—341
 Шереметев Д. Н., гр. 165, 169
 Шереметев Н. П., гр. 165
 Шешин А. Б. 271, 272
 Шиловский К. С. 138—140
 Шильдер Н. К. 254
 Шимановская М. 84
 Шипова (урожд. Комаровская) А. Е.
 165, 169
 Шишков А. А. 165, 169
 Шишков Ар. Сем. 165
 Шишков Ал. Сем. 165
 Шишков А. С. 4, 235, 259—261,
 264, 266—269, 346
 Шишков Филипп, дьячок 176
 Шишкова У. Е. см. Толстая У. Е.
 Шкурина А. А. 158
 Шлецер А.-Л. 256
 Шмид В. 69, 128, 217
 Шмидт С. О. 112
 Шпинева Е. В. 97
 Шойхет А. И. 79

- Шот-Шедель Е. 359
 Шоу Д. Т. 94, 113
 Шрамек И. О. 132, 135
 Шредер 348
 Штейнгель В. И. 270
 Штейнгольд А. М. 105
 Штёкль Э. 134
 Штиндт Х. Х. (Штындт К. К.) 326
 Шубин Б. М. 128
 Шувалова Е. П. 165
 Шульц Р. 50
 Шур Л. А. 112
 Шустов А. Н. 128
- Щеголев П. Е.** 173, 238, 291, 293, 298, 302, 309, 311, 351—354, 357
Щедрин Л. 161
Щедрина П. Л. 161
Щербатов А. Ф. 163, 164
Щербатов П. 160
Щербатов Ф. А. 164
Щербатова А. Е. 165
Щербатова Е. А. см. Свербеева Е. А.
Щербатова Н. П. см. Зубова Н. П.
Щербатова С. А. 164
Щербачев Ю. Н. 340
Щербинин Ал. Ан. 165, 169
Щербинин Ал. 165
Щербинин Ан. 165
Щербинин М. А. 339, 340
- Эйдельман Н. Я.** 236
Элиаш Н. 181
Эльзон М. Д. 128
Эмерсон К. 105, 128
Энгельгардт Алдра Вас. 159, 166
Энгельгардт В. В. 165
Энгельгардт Е. А. 270, 280, 282
Энгельгардт Н. В. 165, 169
Эпштейн М. Н. 128
Эразм Роттердамский 56
Эфрос А. В. 128
- Юдов В. С.** 91
Юнг К.-Г. 21
Юргенс Т. 91
Юсупова Л. А. 105
- Ябс Франц** 331
Язовская Л. 128
Языков Н. М. 87
Якимчук Н. 73
Яковлев И. (И. А. Павловский) 285
Яковлев М. В. 91
Яковлев Мих. 268, 270
Яковлевский Н. Я. 144
Яковченко Р. Н. 333
Якубович Д. П. 30, 33, 180, 194
Якушкин Е. И. 341, 342
Якушкин И. Д. 340
Якушкина В. Е. 342
Янушкевич А. С. 109
Ярцева В. Н. 73
Яхонтов В. Н. 81
Яцевич А. Г. 333
Яшин М. И. 290, 291
- Alexinsky G.** 77
- Balzac O.** 77
Berlioz H. 133
Betancourt A. 176
Brodsky J. 217
- Chamfort** 338
Charmoy F.-B. 256
Chénier A. 194
Chvostoff A.
- Damian Iodziewiez** 176
D'Anthès G.-Ch. см. Heekeren G.-Ch.
D'Anthès J. C. 176
D'Archiac 176

Diderot 341
Dimoff P. 194

Emerson C. 94
Érasme 55

Gontscharoff C. 176
Gontscharoff N. 176

Halévy 133
Hatzfeld A. M.-L. 176
Heekeren (d'Anthès) G.-Ch. 176
Heekeren L. 176
Huss Jean
Hutten 55

Léonard M. 191—193
Luebre Chr. 6
Luther M. 54, 55, 67

Mechury L. E. 143
Mélanchton 55
Michelet M. 55
Mickiewicz 83
Mirabeau 340

N. N. A. H. 161
Nabokov V. 212

O'Bell 265
Očadlik M. 143

Poletika A. 176
Pushkin A. S. 83, 105, 121, 212, 265

Scribe M. 133
Shaw J. T. 83, 105
Sobanska C. 77
Stöckl E. 134, 141
Stroganoff G. A. 176

Ternovsky E. 286

Vitale S. 121
Volkov S. 217
Voltaire 341

Wydawnicz K. A. 85
Wicleff 55

Zagriatski N. 176

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. С. ПУШКИНА

- «Альфонс садится на коня...» 11
«Андрей Шенье» 118
Анчар 71, 90, 92
〈Арап Петра Великого〉 70, 96, 150
- Барышня-крестьянка (Повести покойного Ивана Петровича Белкина) 85, 87, 115, 130, 146
Бахчисарайский фонтан 10, 82, 110, 130
Бесы 80, 83, 120
Борис Годунов 7, 74, 76, 79, 86, 88, 89, 95, 96, 101, 105, 106, 109, 112—114, 117, 124, 128, 130
Братья разбойники 7, 10, 15, 131
«Брожу ли я вдоль улиц шумных...» 93, 111, 119, 120
- Вадим 3, 5—9, 11—13, 15, 17, 19, 28
Вакхическая песня («Что смолкнул веселия глас?...») 92, 119
Виноград («Не стану я жалеть о грезах...») 119
«В начале жизни школу помню я...» 70, 87
«...Вновь я посетил» 62, 63, 65, 66, 68
«Во глубине Сибирских руд...» 119
Вольность. Ода 71, 100, 104, 359
«Всей России притеснитель...» 〈На Аракчеева〉 345
«Вчера мне Маша приказала» 108
Выздоровление («Тебя ль я видел, милый друг?...») 359
Выстрел (Повести покойного Ивана Петровича Белкина) 87, 100, 115
- Гавриилиада 75, 76, 94
Ф. Глинка («Когда среди оргий жизни шумной...») 92

«Город пышный, город бедный...» 119
Граф Нулин 81, 88, 97, 140, 145
Гробовщик (Повести покойного Ивана Петровича Белкина) 72

«Дар напрасный, дар случайный...» 110
Деревня («Приветствую тебя, пустынный уголок...») 71, 339
«Для берегов отчизны дальней...» 83, 103, 113
Домик в Коломне 97, 98, 105, 108, 144, 145, 332, 359
(Дубровский) 57, 149, 219, 223, 332

Евгений Онегин. Роман в стихах 3, 4, 47, 65, 69—73, 76—90, 94—96,
98—100, 102, 104, 105, 108—111, 113, 114, 116—120, 125—128, 130, 134,
139, 186, 198—200, 202, 203, 207, 209, 211—218, 221, 223, 332, 358
Египетские ночи 24, 91, 94, 264—266, 268
Езерский 359

«Жил на свете рыцарь бедный» 59

Земля и море (Идиллия Мосха) 178—184, 188—190, 192, 194, 195
«Зимний вечер» («Буря мглою небо кроет...») 92

Из Ариостова «Orlando Furioso» (Пред рыцарем блещит водами...») 204
Из письма к Гнедичу («В стране, где Юлией венчанный») 186
«Из А. Шенье» («Покров, упитанный язвительною кровью...») 77
История Петра. Подготовительные тексты 18, 26, 53, 57, 126
История Пугачева 94, 100
История села Горюхина 8, 97, 123

К*** («Я помню чудное мгновенье...») 76, 115, 119
Кавказ («Кавказ надо мною, один в тишине...») 72
Кавказский пленник 10, 85, 100, 131, 141, 142, 151
Калмычке 72
Каменный гость 24, 71, 88, 91, 97, 105, 113, 128
Капитанская дочка 57, 70, 81, 83, 85, 86, 90, 93, 98, 108, 112, 113, 118, 123,
144, 147, 148, 332
«К живописцу» («Дитя харит, воображенья...») 89
Кинжал («Лемносский бог тебя сковал...») 345
«К моей чернильнице» 91
К морю («Прощай, свободная стихия...») 14, 186

- К ней («В печальной праздности я лиру забывал...») 126
 Коварность («Когда твой друг на глас твоих речей...») 119
 «Когда владыка Ассирийский» 11, 79, 99
 «Когда твои младые лета...» 119
 К Н. Я. Плюсковой 100
 «Кто видел край, где роскошью природы» 121
 «Кто из богов мне возвратил...» 97, 112
 К Чаадаеву («Любви, надежды, тихой славы...») 71, 92, 119
- «Лищин(ский) окошел — отечеству беда...» 89
- «Мадонна» («Не множеством картин старинных мастеров...») 109
 Маленькие трагедии 29, 74, 81, 93, 114
 Медный всадник 3, 5, 11, 17, 18, 23—28, 72, 78—81, 90, 99, 111, 114, 117, 120, 127, 128, 359
 Метель (Повести покойного Ивана Петровича Белкина) 79, 90, 98, 100, 120
 Мирская власть («Когда великое свершилось торжество...») 99
 «Мне вас не жаль, года весны моей...» 119
 Моцарт и Сальери 24, 74, 75, 81, 84, 87, 97, 99, 100, 113
 Моя родословная («Смеясь жетоко над собратом...») 243
- «На выздоровление Лукулла». Подражание латинскому («Ты угасал, богач младой...») 238
 «Надпись к воротам Екатерингофа» («Хвостовым некогда воспетая дыра...») 77
 Наперник («Твоих признаний, жалоб нежных...») 119
 «На тихих берегах Москвы...» 121
 «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» 92, 119
 «Не дай мне бог сойти с ума...» 92
 «Не пой, красавица, при мне...» 119
 Нереида («Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду...») 119
 «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением» 75
- «Об Альфреде Мюссе» 219, 222
 «Об обязанностях человека» Сочинение Сильвио Пеллико 97
 Осень 87, 92, 95, 186
 «О стихотворении «Демон»» 104
 «Отцы пустыnnики и жены непорочны» 92, 93, 107
- Памятник см. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»
 «Певец Давид был ростом мал...» 121
 Песни западных славян 85

Песнь о вещем Олеге 120

Пиковая дама 73, 81, 87, 89, 92, 93, 97, 115, 123, 132, 133, 148, 219, 224

Пир во время чумы 25, 71, 82, 110, 125

Письма:

Бенкендорфу А. Х. (16 апр. 1830) 87

Вяземскому П. А. (XIII, 240) 330

Вяземскому П. А. (кон. мар.—нач. апр. 1825) 337

Жуковскому В. А. (XIII, 236) 330

Осиповой П. А. (11 авг. 1825) 324

Повести Белкина 81, 86—88, 91, 92, 95, 97, 103, 105, 115, 128, 146

Повесть из римской жизни 112

«Погасло дневное светило...» 119

«Под небом голубым страны своей родной» 103, 205, 207

«Подражания древним» 80

«Подражания Корану» 80, 108

Полководец («У русского царя в чертогах есть палата...») 66, 118, 209

Полтава 11, 19, 26, 95, 100, 104, 108, 120, 144

«Пора, мой друг, пора...» 79, 86

Послание Дельвигу («Прими сей череп, Дельвиг, он...») 104

«Похоронная песня Иакинфа Маглановича» 94

Поэт («Пока не требует поэта...») 186

«Поэт и толпа» («Поэт по лире вдохновенной...») 109

Признание («Я вас люблю — хоть я бешусь...») 110

«Примите новую тетрадь...» 121

Прятелям («Враги мои, покамест я ни слова...») 73,

Прозерпина («Плещут волны Флегетона...») 119

Пророк («Духовнгой жажду томим...») 77, 80

«Простишь ли мне ревнивые мечты...» 204

Путешествие в Арзрум 61, 92, 99, 102, 104, 126, 249

Разговор книгопродавца с поэтом 86, 108

«Редет облаков летучая гряда...» 186, 194

Родриг («Чудный сон мне бог послал...») 11

Роза («Где наша роза...») 119, 125

⟨Русалка⟩ 79

Руслан и Людмила 16, 82, 86, 88, 100, 108, 120, 127, 129, 131, 134, 135, 151, 359

«Сводня грустно за столом...» 3, 198—201

«Се самый Дельвиг тот, что нам всегда твердил» (К портрету Дельвига) 345

«Скажи, какой судьбой, друг другу мы попались?» 108

Сказка о золотом петушке 3, 44—46, 48, 50—52, 114

Сказка о мертвой царевне и семи богатырях 108

Сказка о попе и работнике его Балде 76, 80

Сказка о рыбаке и рыбке 128
Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди 98
Скупой рыцарь 3, 29—31, 82, 91, 105, 120
«Стамбул гяуры нынче славят...» 84, 108
Стансы («В надежде славы и добра...») 115
Станционный смотритель 87, 89, 90, 108, 120, 131, 146
Странник («Однажды странствуя среди долины дикой...») 120
Сцена из Фауста («Мне скучно, бес...») 86, 104
Сцены из рыцарских времен 57, 59—61, 63, 65, 66, 68

Тазит 11

Талисман («Там, где море вечно плещет...») 119
«Тебе, о Нестор Арзамаса...» (Письмо к В. Л. Пушкину) 359
Торжество Вахса («Откуда чудный шум, неистовые клики?») 131
«Ты прав, мой друг — напрасно я презрел...» (В. Ф. Раевскому) 77, 121

Узник («Сижу за решеткой в темнице сырой...») 119
«Усердно помолившись богу...» (19 октября 1828) 72

«Философ резвый и пиит» (К Батюшкову) 76

«Холоп венчанного солдата...» (На Стурдзу) 341, 345
«Храни меня, мой талисман» 110

Царское село («Хранитель милых чувств и прошлых наслаждений») 121
Цветок («Цветок засохший, бездыханный...») 104
Цыганы 10, 15, 71, 85, 88, 89, 111, 131, 144

Чедаеву («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...») 186
Чедаеву («К чему холодные сомненья?..») 69
Череп («Прими сей череп, Д(ельвиг), он...») см. Послание Дельвигу
Черная шаль («Гляжу как безумный на черную шаль») 113
«Что в имени тебе моем...» 85, 88

«Шумит кустарник... На утес» 77

«Эллеферия, пред тобой...» 121

«Я вас любил: любовь еще быть может...» 119

«Язвительный поэт, остряк замысловатый...» (Вяземскому) 121

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» 67, 84—87, 94, 128

N. N. (В. В. Энгельгардту) («Я ускользнул от Эскулапа...») 341

Table talk 111

Dubia

«Боже, коль ты еси...» 347

«Великий государь...» 348, 349

«В столице он капрал...» 338, 344, 345

«Едва царем он стал...» 348, 349

«Здесь храм трех царств изображенье...» 346

«Мы добрых граждан позабавим...» 338—343, 345

«Оригинал похож на бюст...» 348, 349

«Россия в оба ты гляди!» 347

Тень Баркова 99, 106, 127, 201

«Я слышал в келии простой...» 104

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-----------------------	---

I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Е. А. Вильк (Германия). «Медный Всадник» и поэма Пушкина «Вадим»: Взаимосвязь замыслов	5
В. Е. Ветловская. Трагикомическое начало в драме Пушкина «Скупой рыцарь»	29
Н. Д. Кочеткова. «Сказка о золотом петушке» Пушкина и «Царь-девица» Державина	44
В. П. Старк. Мартин Лютер в творческом сознании Пушкина	53

II. ОБЗОРЫ

Л. А. Тимофеева. Пушкиниана-1996	69
С. В. Денисенко. Пушкинские сюжеты и тексты на сцене в 1850—1870-х гг.	129
По метрическим книгам Санкт-Петербургской епархии	152
С. И. Афанасьев. «Друзья мои...» (Новые биографические сведения о лицах пушкинского окружения из метрических книг петербургских православных храмов конца XVIII—начала XIX в.)	152
И. В. Васильева. «...Наша свадьба состоялась...» (Свидетельства о венчании Е. Н. Гончаровой и барона Ж. Дантеса)	169

III. ЗАМЕТКИ

Из комментария к лирике Пушкина	178
С. А. Кибальник. Идиллия Пушкина «Земля и море» (Источники, жанровая форма и поэтический смысл)	178
Н. И. Михайлова «Сводня грустно за столом...» (К комментарию стихотворения А. С. Пушкина)	198
Из комментария к «Евгению Онегину»	202
В. М. Есипов. К истории создания шестой главы «Евгения Онегина».	202
В. Карцовник (Германия). Легкое бремя (Отзвук литургической поэзии в романе Пушкина «Евгений Онегин»).	212
Н. Л. Вершинина. К вопросу об «общем» и «обыкновенном» в прозе Пушкина 1830-х гг.	217
С. В. Березкина. Вокруг запрещения журнала «Европеец»	226

Н. Е. Мясоедова. Пушкин и Арсеньев (По поводу стиля пушкинских заметок в «Литературной газете»)	248
М. Альтшуллер (США). Пушкин и Шишков	264
П. В. Ильин. К вопросу о принадлежности Ф. Ф. Матюшкина к тайному обществу декабристов	270
М. М. Сафонов. Пресловутое randevу	284
И. В. Васильева, Н. К. Телетова. Новое в генеалогии Пушкина	314
Н. С. Новиков. К биографии дедов Пушкина Петра и Исаака Ганнибалов	323
Н. Ф. Левин. Пушкин в гостях у Б. А. Адеркаса	329
А. Ю. Малахиева. Гороховая, 14 — новый адрес Пушкина в Петербурге	332
А. В. Дубровский. «Мнимый Пушкин» (Прижизненные списки политических эпиграмм, приписывавшихся Пушкину).	337
А. Д. Гдалин, М. Р. Иванова. Новые факты к истории сооружения надгробного памятника А. С. Пушкину.	350

IV. ХРОНИКА

Об открытии мемориальной доски на доме графа И. А. Апраксина в Петербурге, где жил Пушкин с 1816 по 1818 г.	359
Указатель имен	361
Указатель произведений А. С. Пушкина	389

Научное издание

ВРЕМЕННОК ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ

Выпуск 29

Сборник научных трудов

Утверждено к печати

*Пушкинской комиссией при Историко-филологическом отделении
Российской Академии наук*

Редактор издательства А. И. Строева
Технический редактор Е. И. Егорова
Корректоры Ю. Б. Григорьева, Ф. Я. Петрова,
И. А. Тимофеева и Е. В. Шестакова
Компьютерная верстка И. Ю. Илюхиной

Лицензия ИД № 02980 от 6 октября 2000 г. Сдано в набор 02.03.04.

Подписано к печати 25.06.04. Формат 60 × 90 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Академия. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 25.5. Уч.-изд. л. 29.3.

Тираж 500 экз. Тип. зак. № 309. С 164

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1
main@nauka.nw.ru

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12

ISBN 5-02-026982-4

9 785020 269828

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА
«НАУКА» РАН
ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ

**ПУШКИН:
ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ
Т. XVIII—XIX**

В очередном томе публикуются статьи, подготовленные для академической «Пушкинской энциклопедии» по разделу «Пушкин и мировая литература». В совокупности они содержат самый полный на сегодняшний день свод фактов и сведений об обращении Пушкина к творчеству иностранных авторов и обзор наиболее авторитетных, устоявшихся интерпретаций, точек зрения. Освещены принципиальные важнейшие разногласия и дискуссионные положения, не нашедшие окончательного или общепризнанного решения. Каждая статья сопровождается библиографией, в которой с максимальной полнотой учтены относящиеся к теме работы, опубликованные за полтора столетия существования пушкиноведения как научной дисциплины.

Для филологов, преподавателей, аспирантов.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА
«НАУКА» РАН

ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ

**БИБЛИОТЕКА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО:
ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ.
НАУЧНОЕ ОПИСАНИЕ**

Книга, продолжающая традицию фундаментальных трудов Пушкинского Дома, содержит полное аннотированное описание личной библиотеки Ф. М. Достоевского на основе всех известных в настоящее время печатных и рукописных списков книг (в том числе неопубликованных), составленных женой писателя А. Г. Достоевской. В разделе «Приложения» помещены дополнения к основному своду книг — издания, не вошедшие в списки А. Г. Достоевской, а также впервые публикуемое в полном виде описание книг, лично принадлежавших жене писателя.

Для специалистов-филологов, преподавателей и студентов вузов, для всех, интересующихся русской литературой.

**АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
ТОРГОВОЙ ФИРМЫ «АКАДЕМКНИГА»**

Магазины «Книга — почтой»

121009 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52
197345 Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7Б; (код 812) 235-05-67

**Магазины «Академкнига» с указанием отделов
«Книга — почтой»**

690088 Владивосток-88, Океанский пр-т, 140 («Книга — почтой»);
(код 4232) 5-27-91
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
(код 3432) 55-10-03
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 («Книга — почтой»);
(код 3952) 46-56-20
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90
220012 Минск, проспект Ф. Скорины, 73; (код 10375-17) 232-00-52,
232-46-52
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00
117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12; 932-74-79
103054 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96
103624 Москва, Б. Черкасский пер., 4; 298-33-73
630091 Новосибирск, Красный пр-т, 51; (код 3832) 21-15-60
630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 («Книга — почтой»);
(код 3832) 30-09-22
142292 Пушкино Московской обл., МКР «В», 1 («Книга — почтой»);
(13) 3-38-60
443022 Самара, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»);
(код 8462) 37-10-60
191104 Санкт-Петербург, Литейный пр-т, 57; (код 812) 272-36-65
199034 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2; (код 812) 328-32-11
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий пр-т, 4; (код 812) 247-70-39
199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9 линия, 16; (код 812)
323-34-62
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 22-60-36
450059 Уфа-59, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»); (код 3472) 24-47-74
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85